

**Русская история в жизнеописаниях ее  
главнейших деятелей. Книга 3 (Вып. 6–7)  
Николай Иванович Костомаров**

## **Выпуск 6: XVIII столетие**

## Глава 15. Петр Великий

## **I. Детство и юность Петра, до начала шведской войны**

Петр Великий родился в Москве 30-го мая 1672 года, ночью, и был крещен 29-го июня того же года в Чудовом монастыре. Его появление на свет было приветствуемо родителем с особенною радостью. Три дня сряду служили благодарственные молебны, стреляли из пушек. Благодушный царь, по своему обычаю, жаловал своих ближних людей, прощал казенные долги, отменял и смягчал наказание преступникам, а после крестин угощал дважды в своем дворце сановников и выборных людей из Москвы и других городов, приезжавших с дарами. Даже в народных великорусских песнях осталось воспоминание о всеобщей радости и торжестве при рождении царевича, которому впоследствии суждено было стать первым русским императором. Быть может, царь Алексей Михайлович придавал такое значение рождению младшего сына потому, что из оставшихся у него двух сыновей от первой жены один был больной, другой малоумный, и сам царь, будучи еще не стар, мог дожидаться, что новорожденный сын от второй жены, возрастая, покажет большие способности, чем другие его сыновья.

Первое воспитание царевича началось по обычному придворному чину, но как только дитя вступило в тот возраст, когда его стали занимать игры, в нем начала проявляться редкая восприимчивость, живость и склонность к забавам, носившим военный характер. Любимые игрушки, на которые он бросался, были: знамена, топоры, пистолеты, карабины, сабли, барабаны. Царевича, по обычаю, окружили так называемыми «робятками» из ровесников, набранных из детей знатных родов; они составляли около него полк. Петр, будучи трех лет от роду, играл с ними в «воинское дело», а обучением и дисциплиной этого детского полка, по царскому поручению, назначен был иноземец Павел Гаврилович Менезиус. Родом он был шотландец, искатель приключений; в молодости шатался он по Европе, убил в Польше на дуэли мужа одной пани, с которой

был в связи, был взят в плен русскими, обласкан царем Алексеем Михайловичем и женился на вдове известного Марселиса, основателя железных заводов в России. Царь Алексей Михайлович любил Менезиуса, человека ловкого, бывалого, говорившего на многих языках, и посылал его по важным дипломатическим сношениям послом к папе. Менезиус получил свое место при царевиче по возвращении из Рима. Мы не знаем подробностей обращения Менезиуса с царевичем, но ему принадлежит зародыш той горячей любви к иноземщине, которая начала проявляться у восприимчивого Петра еще с детских лет.

По смерти Алексея Михайловича, со ссылкой Матвеева, Менезиус был отдален от Петра и послан в Смоленск, но потехи, имевшие военный характер, продолжались; товарищи детских игр вырастали вместе с царевичем, и с годами их потехи принимали прямо характер воинского обучения: деревянные ружья и пушки заменялись настоящими; царевич строил с ними городки, брал их штурмом, возводил окопы, упражнялся в военных приемах. Между тем его начали учить грамоте. Учителем был ему назначен, 12 марта 1677 года, дьяк Никита Моисеевич Зотов. Петр учился быстро читать и писать, выказывая необычайную понятливость. Зотов знакомил его с русской историей, рассказывая о деяниях Владимира Св., Александра Невского, царя Ивана Грозного и Алексея Михайловича, объяснял ему, сколько сам умел, какие есть на свете разные науки, полезные для государей. Расширению знаний царевича содействовали, бывшие в то время в ходу, потешные книги и картинки, составляемые с целью забавы, но заключающие в себе много разнообразных предметов, с которыми дитя могло знакомиться, например, знаменитые здания, города, корабли, исторические события, а также астрономические явления. С жадностью бросался царевич на все новое, все желал узнать и тогда уже порывался видеть в действительности то, о чем ему сообщали книги и картинки; сам хотел созидать города, прекрасные здания, брать крепости, водить полки и плавать по морю. Обыкновенное

местопребывание Петра, вместе с матерью, было село Преображенское.

Десяти лет от роду царевич был вырван судьбою из своего уединения: его посадили на престол; а вслед за тем восприимчивый отрок был свидетелем кровавых сцен, убийства дяди и Матвеева, унижения матери и всех ее родных, наконец, должен был по воле подученной стрелецкой толпы разделить с полоумным братом венец, возложенный на него выбором всей русской земли: правление перешло в руки сестры, не терпевшей его матери. В эти ужасные минуты молодой Петр показал необыкновенную для его лет твердость и бесстрашие. Но эти минуты оказали печальное влияние на его характер: они, без сомнения, положили в эту гениальную, гигантскую натуру зародыш жестокости, свирепости.

Во время правления Софии Петр продолжал проживать с матерью в Преображенском селе. Его воспитание было совершенно заброшено. Учителя, Никиту Моисеевича Зотова, от него удалили: другого ему не дали; он проводил время в потехах, окруженный ровесниками без всяких дельных занятий: такая жизнь, конечно, испортила бы и изуродовала всякую другую натуру, менее даровитую. На Петра она положила только тот отпечаток, что он, как сам после признавался, не получил в отроческих letech тех сведений, которые необходимы для прочного образования. Через это небрежение Петру приходилось учиться многому уже в зрелом возрасте. Сверх того, проведенное таким образом отрочество лишило его той выдержки характера в обращении с людьми, которая составляет признак образованного человека. Петр с отроческих лет усвоил грубые привычки окружавшего его общества, крайнюю несдержанность, безобразный разгул.

Однако необыкновенно даровитая натура не могла измельчать в том отсутствии всяких умственных интересов, на которое она была осуждена; собственною силою пробила она себе выход. Петра ничему не учили, но не могли убить в нем врожденной любознательности. Впоследствии Петр сам сообщал о тех случаях, которые направили его на избранную дорогу. Будучи четырнадцати лет от роду, он услышал от князя

Якова Долгорукого, что у последнего был такой инструмент, «которым можно брать дистанции или расстояния, не доходя до того места». Молодой царь пожелал видеть инструмент, но Долгорукий ответил, что он украден. Царь поручил купить себе такой инструмент во Франции, куда Долгорукий ехал послом. В 1688 году Долгорукий привез из Франции астролябию и готовальню с математическими инструментами. Вокруг царя не было ни одного человека, кто бы имел понятие, что это такое. Царь обратился к немцу доктору, но и тот не умел владеть инструментами, а отыскал голландца Франца Тиммермана, который объяснил царю значение привезенных вещей. Царь приблизил к себе Тиммермана и начал учиться у него арифметике, геометрии и фортификации. Учитель был небольшой знаток своего дела, но ему достаточно было сделать Петру указания: талантливый ученик сам до всего добирался. До какой степени предшествовавшее воспитание Петра было запущено, показывает то, что, учась на шестнадцатом году четырем правилам арифметики, он не умел правильно написать ни одной строки и даже не знал, как разделить одно слово от другого, а писал три-четыре слова вместе, с беспрестанными описками и недописками.

Спустя несколько времени, Петр в селе Измайлове, на Лыняном дворе, гуляя по амбарам, рассматривал старые вещи, принадлежавшие двоюродному брату царя Михаила Федоровича, Никите Ивановичу Романову, отличавшемуся в свое время замечательною любознательностью. Здесь он увидел иностранное судно и спросил о нем Франца Тиммермана. Тот мог сказать ему только то, что это английский бот, который употребляется при кораблях и имеет то преимущество перед русскими судами, что ходит на парусах не только за ветром, но и против ветра. Петр спросил: есть ли такой человек, который бы починил и показал ему ход судна? Тиммерман сказал, что есть такой человек, и нашел Петру голландца Христиана Бранта (Карштен Бранта, как называет его Петр). Царь Алексей Михайлович задумал построить корабль и спустить в Астрахани; для этого призваны были из Голландии мастера. Построенный и спущенный в Астрахани корабль был

уничтожен Стенькою Разиным. Мастеровые рассеялись, а один из них – корабельный плотник, этот самый Карштен Брант, проживал в Москве и кормился столярною работою.

Брант, по приказанию царя, починил бот, приделал мачту и паруса и в присутствии Петра лавировал на реке Яузе. Петр дивился такому искусству, и сам несколько раз вместе с Брантом повторял этот опыт, но не всегда удачно: бот с трудом поворачивался и упирался в берега, потому что русло было слишком узко. Петр приказал перевезти бот на Просяной пруд в селе Измайлове, но и там плавание оказалось не совсем удобным. Тогда Петр узнал, что озеро под Переяславлем будет для его цели подходящим. Оно имело в окружности тридцать верст, а глубина его достигала шести саженьей. Петр выпросился у матери на богомолье к Троице, съездил в Переяславль, осмотрел озеро, и оно очень ему понравилось. По возвращении в Москву он упросил мать отпустить его снова в Переяславль, чтобы там заводить суда. Царица не могла отказать горячо любимому сыну, хотя сильно была против таких затей из боязни за его жизнь. Петр, вместе с Брантом, заложил верфь при устье реки Трубежа, впадающего в Переяславльское озеро, и тем положил начало своему кораблестроению.

В то же время потехи Петра с ровесниками начинали принимать нешуточный характер. Петр набирал в число потешных охотников всякого звания, и в 1687 году из них составилось два правильных полка, названных по имени двух царских подмосковных сел: Преображенским и Семеновским. Нравилось Петру плавание на судах по воде; любил он и военные упражнения, и с помощью потешных соорудил он на Яузе земляную крепость с орудиями и дал ей иностранное название Пресбурга.

София и ее сторонники старались представить эти потехи молодого царя сумасбродными дурачествами; сама мать Наталья Кирилловна не видела в них ничего, кроме забавы пылкого юноши, и думала остепенить его женитьбою: она нашла ему невесту, молодую и красивую девицу Евдокию Лопухину. Отец ее, окольный Ларион, был переименован в Федора. Свадьба совершилась 27 января 1689 года. Петр не имел



никакого сердечного влечения к своей супруге и женился из угождения матери, женился так, как женилась большая часть людей того времени. Мать надеялась, что молодой человек, женившись, начнет вести ту жизнь, которая считалась приличною для царя и важных особ. Но Петр вскоре после женитьбы, как только начали вскрываться реки, поскакал в Переяславль и там занялся постройкою судов. Мать хотела отвлечь его и требовала его возвращения в Москву под предлогом панихиды по царе Федоре: «Изволила мне приказывать быть к Москве, – писал Петр матери, – и я быть готов, только, ей-ей, дело есть». Мать настойчиво требовала, чтоб он ехал в столицу. Петр повиновался, приехал в Москву, но через месяц опять ускакал на Переяславльское озеро. Любя свою мать, он в письмах своих делился с нею удовольствием, какое испытывал от успеха своего дела. «У нас, – писал он, – все молитвами твоими здорово, и суды удались все зело хороши». Но царица Наталия не понимала порывов своего сына и притом боялась враждебных замыслов Софьи. Она звала его снова в Москву. Молодая супруга также скучала о нем, писала к нему, называла его «своей радостью», «светом», «лапушкой», просила приезжать или позволить ей приехать к нему. Петр, вызванный настоятельными требованиями матери, летом с неохотою вернулся в Москву. Вслед за тем осенью был открыт заговор стрельцов. Петру уже было не до кораблей; спасаясь от явной смерти, он бежал к Троице и оттуда, при помощи русских служилых людей, уничтожил правление Софьи и стал на самом деле самодержавным государем. С этих пор началась его непрерывная самобытная деятельность.

В числе разных иностранцев, приехавших с Гордоном к Петру во время его пребывания у Троицы, был и Франц Яковлевич Лефорт. Он был родом женевец, сын зажиточного гражданина, занимавшегося торговлей. В молодости он отправился в Голландию, оттуда в Данию, учился военному искусству и с датским посланником прибыл в Архангельск искать счастья в Московском государстве. То было еще при Алексее Михайловиче, в 1675 году. Лефорт скоро выучился по-русски, женился в России на иноземке, дочери богатой вдовы

Core; подобно другим иноземцам, служил в войске, получая за службу чины, пользовался расположением временщика князя Василия Васильевича Голицына, перед которым ходатайствовал за Лефорта женевский сенат, но, впрочем, не выдался ничем особенным. Любопытный Петр вообще естественно привязывался к иностранцам, так как от них только мог получать ответы на свои расспросы и так как они более русских могли сочувствовать его страсти к нововведениям, которая в нем уже проявлялась. Но никто из иноземцев до такой степени не понравился Петру, как Лефорт. По свидетельству знавших его лично, это был человек малосведущий, но зато умевший обо всем хорошо говорить, человек веселого нрава и необыкновенно приятный собеседник. В этом качестве, столько сродном племени, к которому принадлежал Лефорт, и заключается причина, почему Петр привязался к этому человеку. Лефорт обладал редким житейским тактом. Пользуясь благосклонностью и привязанностью царя, он никому не вредил, не имел тою высокомерия, которым вообще вооружали против себя русских живущие среди них иностранцы: Лефорт, знакомя Петра своими рассказами с культурным ходом европейской жизни, отнюдь не старался своим влиянием выводить вперед иностранцев перед русскими; напротив, советовал Петру приближать к себе русских, возвышать их, и сам постоянно казался преданным пользе страны, в которой нашел себе новое отечество. Если Лефорт мало имел основательных сведений в военном устройстве и в кораблестроении, зато с жаром и с восторгом говорил об этом перед Петром и располагал Петра к усвоению наружных признаков иноземного строя. Таким образом, под его влиянием Петр пристрастился к иноземному платью. Рассказывают, что Лефорт сам лично являлся перед Петром то в той, то в другой военной форме, с позволения Петра переодел русских солдат в иноземные мундиры, обучал их в глазах царя военным эволюциям и приводил его в восторг. Царь сам нарядился в иноземное военное платье и вздумал пройти всю военную службу, начиная с малых чинов, сам учился всяким приемам военного искусства, и, при необыкновенной своей

восприимчивости, скоро приобретал навык владеть огнестрельным оружием, устраивать понтонные мины, копать шанцы и пр. Вскоре по своему сближению с Лефортом, Петр произвел его в генерал-майоры, устраивал с ним примерные битвы, которые были разом и потехами, и средством обучения. Эти потехи не обходились, однако, даром; на одном из подобных примерных сражений лопнувшая ручная граната опалила лицо царю и ранила многих офицеров. На другом таком сражении, происходившем 4 сентября 1690 года, было много раненых, и сам генерал Гордон, с поврежденной ногой и обожженным лицом после того, пролежал с неделю в постели. На следующий год, осенью, потехи этого рода приняли еще большие размеры. Царь приказал построить близ села Преображенского земляное укрепление, названное им Пресбургом, разделил войска на две половины: одна должна была защищать укрепление, другая взять его. На этой примерной битве было еще более раненых, чем прежде, а один из ближних людей царя, Иван Долгорукий, лишился жизни. За такими потехами следовали шумные пиры. Лефорт по этой части был дорогой человек для царя: никто не умел лучше его устраивать пиры. Он ввел Петра в иноземное общество в немецкой слободе, где царь нашел полную непринужденность обращения, противоположную русской старинной чопорности. Там господствовал самый широкий разгул: пили вино до безобразия, плясали до упаду. Иногда по два, по три дня пировали без усталости, не ложась спать. Женщины участвовали в этих кутежах, придавая им своим присутствием живость и разнообразие. Петр пил без меры, но при своей необычайно крепкой натуре скоро протрезвлялся и принимался с большим жаром за работу, в то время когда другие после подобного пира долго не могли оправиться. Вместе с иноземцами пировали с царем и русские. Пиротворения эти происходили главным образом в доме Лефорта, иногда же у Гордона и у близких любимцев царя: Льва Нарышкина, Бориса Голицына, Петра Васильевича Шереметева. Царь со всеми обращался запросто, как равный всем другим собеседник, но иногда какое-нибудь невпопад сказанное слово приводило его в такой гнев, особенно когда его

природная горячность усиливалась выпитым вином, что все умолкали и дрожали от страха. Один только Лефорт умел в эти минуты успокоить и развлечь царя. Гнев царя проходил скоро, и он снова делался веселым; кругом снова все веселилось и шумело; на дворе зажигались разноцветные потешные огни, пускались ракеты. В продолжение святок и масленицы, Петр со своей компанией ездил в дома вельмож и богатых купцов славить Христа, везде пил, веселился и получал дары по старому русскому обыкновению. В эти молодые годы своей жизни он положил начало юмористическому учреждению, которое поддерживал всю свою жизнь. Это был так называемый «всешутнейший, всепьянейший и сумасброднейший собор», состоявший из ближних к царю лиц: то была пародия на церковную иерархию. Бывший учитель Петра, Никита Моисеевич Зотов, был назван «всешутейшим патриархом или князь-папою». Князь Федор Ромодановский был назван кесарем, другие придворные получили в насмешку титулы владык равных городов, а сам Петр носил титул протодиакона. Цель этого собора состояла в усердном служении Бахусу и в частом обхождении с крепкими напитками; предаваться пьянству и обжорству на заседаниях этого собора сделалось обычным; способ выражения отличался самым грубым цинизмом.

Разгульная жизнь Петра отразилась и на его семейных отношениях. Лефорт сблизил Петра с семейством Монсов, где было две дочери; Петру сильно приглянулась одна из них – Анна. Умная, кокетливая немка умела привязать его к себе тем наружным лоском обращения, которого недоставало русским женщинам. Петр с этих пор невлюбил жены своей, чуждался домашнего очага, но принужден был сдерживать себя, пока жива была его мать.

Дело мешалось с бездельем. С лета 1689 года Петр оставил свои переяславльские кораблестроительные работы, хотя в Переяславле мастер Карштен Брант, по царскому приказанию, продолжал строить суда и построил два малых фрегата и три яхты. Царь в это время, между прочим, упражнялся в постройке небольших гребных судов на Москве-реке. В конце лета 1691 года он снова отправился в

Переяславль и заложил первый русский военный корабль, поручив постройку его Федору Юрьевичу Ромодановскому, назвавши его адмиралом еще не существовавшего флота. На другой год корабль был готов и спущен на воду в присутствии двух цариц и двора. Усиленные труды и неумеренные кутежи подорвали было здоровье Петра. Он заболел так опасно, что чуть было не умер, и близкие к нему люди собирались на случай его смерти тотчас бежать из России, зная, что София, взявши снова в свои руки правление, не пощадит их. Но сильная натура Петра взяла верх, он выздоровел и с прежним увлечением принялся за свое дело.

Переяславльское озеро было слишком тесно. Петр летом в 1693 году отправился в Архангельск, чтобы видеть море и устройство купеческих кораблей, приходивших в этот единственный русский порт. Царь с большим любопытством осматривал суда, всякие иноземные товары, привозимые из Европы, обо всем расспрашивал и тут же делал соображения о заведении русского флота и расширении торговли. При посредстве сопровождавшего его Лефорта, Петр заказал большой корабль, поручив его снаряжение амстердамскому бургомистру Витцену. Кроме того, начата была постройка двух кораблей в самом Архангельске. Совершивши небольшое плавание по Белому морю – первое морское плавание Петра, – он воротился в Москву осенью.

В январе 1694 года скончалась царица Наталья Кирилловна. Петр жалел и плакал о ней, потому что любил ее; но смерть матери совершенно развязала ему руки. Он с жаром принялся за дело кораблестроения, приказал заранее отправить в Архангельск оружие, порох, снасти, изготовить досчаники для плавания по Двине. 29-го апреля Лефорт дал у себя прощальный пир с музыкою и барабанным боем, но без танцев, по причине недавней семейной потери царя. Вслед за тем царь отправился с четырьмястами ближних людей в Архангельск. Уже плывя по Двине, Петр тешился, называя досчаники флотом, и выдумал для этого флота особый русский флаг: красный, синий и белый, оставшийся до сих пор русским флагом. К величайшему удовольствию Петра, один из строившихся в

Архангельске кораблей уже был готов и спущен на Двину 20-го мая. Царь на этом корабле пировал и угощал иностранных мастеров, строивших корабль. 30-го мая царь отправился в Соловки на яхте, названной Св. Петром. На пути сделалась такая страшная буря, что все готовились к смерти и причащались Св. Тайн из рук архиерея, сопровождавшего царя; к счастью, нашелся отважный лоцман, Сумской веси крестьянин Антип Панов. Он вызвался провести судно среди подводных камней в Унскую губу и с успехом исполнил свое дело. Яхта счастливо пристала к Пертоминскому монастырю.

Опасность, испытанная Петром, не только не охладила его, но еще более пристрастила к воде. Благополучное возвращение в Архангельск послужило поводом к веселью на несколько дней. 28-го июня спущен был второй корабль, построенный в Архангельске. Петр опять пировал на радости. 21-го июля прибыл корабль, заказанный в Голландии. Это дало повод еще к большому торжеству, и Петр по этому случаю писал в Москву к Виниусу, что у них «Бахус почитается и своими листьями заслоняет хотящим писати пространно». В августе Петр со своими кораблями опять пустился в море. При плохом умении управлять кораблями, царь снова подвергся опасности кораблекрушения, но счастливо избежал его и воротился в Архангельск. С этих пор Петр считал флот свой существующим и назначил адмиралом его своего любимца Лефорта. Вернувшись в Москву, Петр устроил сухопутную военную потеху, примерное сражение при деревне Кожухове. Это была самая громкая и вместе последняя потеха царя. Войско было разделено на две половины: одна – под начальством Федора Ромодановского, другая, неприятельская, под начальством Бутурлина, разыгрывавшего роль польского короля. Здесь, как на театре, изображались все приемы войны: военные советы, переговоры, копание мин, постройка мостов, засыпание рвов. Много было побитых и раненых. Петр участвовал в битве в чине бомбардира, под именем Петра Алексеева. Наконец, мнимый польский король был взят в плен, а потом все кончилось веселым пиром, устроенным у генералиссимуса

Ромодановского за счет знатнейших купцов. Эта потешная война с походом продолжалась около месяца.

Все эти потехи были, так сказать, детским удовлетворением сильной жажды деятельности и великих подвигов, охватившей душу молодого царя. Не долго он довольствовался игрою в завоевания и кораблестроения: в 1695 году он обратился к действительно важному предприятию. Предшествовавшая история оставила царствованию Петра вопрос с Крымом нерешенным. С XVI века московская Русь вела упорную борьбу с крымскими татарами за обладание громадным южным пространством нынешней России. Русские шаг за шагом подвигались все далее и далее на юг, создавались укрепленные города, около них возникали села и деревни. Народонаселение размножалось; богатая черноземная почва южных земель открывала для России источник таких богатств, о которых нельзя было и помышлять прежним поколениям, поневоле замкнутым в северных тундрах и лесах. Но благосостоянию южных областей продолжали мешать крымские и ногайские татары, хотя уже не так страшные, как в былые времена. Для всякого политического ума было ясно, что движение России на юг необходимо должно было упереться в естественные пределы Черного и Азовского морей и присвоить русскому государству все черноморские берега, населенные тогда татарами, состоявшими под владычеством Турции. Таким образом, впереди для России было неизбежно столкновение с Турцией: оно уже последовало при Алексее Михайловиче, повторилось в правление Софьи и пресеклось только до поры до времени, по неумению найти удобные средства к ведению войны и по недостатку решимости. Петр сразу понял, что в решении вопроса об обладании морем состоит важнейшая политическая задача России того времени, и со свойственной его юношескому возрасту отвагой, не долго размышляя, решился возобновить приостановленное предприятие. В начале 1695 года он приказал объявить поход на Крым. Государство имело в распоряжении сто двадцать тысяч войска, кроме малороссийских полков. Из этого числа тридцать одна тысяча назначена была для взятия Азова, ближайшего приморского

города. Половина этого войска была отправлена под начальством Головина и Лефорта водою (из Москвы 30-го апреля) по Москве-реке, Оке и Волге до Царицына, куда войско прибыло 8-го июня; оттуда оно должно было пройти к казачьему городку Паншину, куда велено было собрать продовольствие; для перехода не было заготовлено надлежащего количества лошадей, так что солдаты принуждены были на себе тащить в продолжение трех суток орудия и прочие тяжести. От Паншина войску следовало идти по Дону до Азова. С этим войском шел сам государь в звании бомбардира. Но русские, следуя старинной привычке, плохо исполняли повеления власти: подрядчики, обязавшиеся поставить запасы для войска, взявши за то деньги, не только не поставили запасов в срок, но и самих подрядчиков пришлось отыскивать по разным городам; между прочим, соли они вовсе не поставили. Преодолевая все эти трудности, русское войско, проплыв по Дону, достигло наконец Азова 29-го июня. Другой отряд его, под начальством генерала Гордона, шел до Черкаска сухопутьем: здесь военному начальству приходилось бороться с ленью, непослушанием и невежеством; так, когда нужно было построить мост через Северный Донец, стрельцы, работавшие над мостом, приводили в досаду генерала Гордона, и, вместо трех недель предполагаемого пути из Тамбова до Черкаска, ему пришлось тянуться целых два месяца.

Город Азов взять было нелегко, хотя в нем тогда, кроме жителей, было не более 8000 неприятельского гарнизона, но Азов был обведен очень крепким валом и рвом шириною в семь сажень. За валом внутри была каменная стена, вышиною в две с половиной сажени, а за нею другая стена, за которою находился дом турецкого коменданта, мечеть и помещение для гарнизона. Впереди крепости, на обоих берегах Дона построены были небольшие укрепления, называемые каланчами. Военные действия начаты были генералом Гордоном нападением на одну из каланчей. Турки, находясь там в малом числе, защищались храбро, но под конец не выдержали и покинули каланчу. Затем другая каланча, стоявшая на противоположной стороне Дона, сдалась. Русские овладели в двух каланчах



порядочным количеством боевых и съестных запасов. После того приступили к осаде самого Азова и начали пальбу по крепости. Петр, в звании бомбардира, сам заряжал пушки и стрелял из них бомбами. Но один из иностранных инженеров, голландец Яков Янсен, обласканный царем и поэтому знавший его планы, перебежал к неприятелю и рассказал, что туркам удобно можно сделать вылазку на ставку генерала Лефорта. Турки послали янычар, которые перебили многих сонных стрельцов и нанесли бы русским жестокое поражение, если бы генерал Гордон не успел впору отбить их. Бомбардирование после того продолжалось, но без особенного успеха. Главною причиною было то, что военачальники, не завися друг от друга, действовали самостоятельно, и поэтому в их распоряжениях недоставало необходимого единства. 5-го августа предприняли генеральный штурм крепости, но турки отбили его. В сентябре русские приготовились к новому штурму, а между тем начали вести подкопы, но делали их так неискусно, что когда последовал взрыв, то побито было много своих. Возобновлены были опять попытки к штурму и окончились также неудачно; наконец, 27-го сентября, решено было оставить осаду. Отступление войска сопровождалось печальным обстоятельством: немало людей потонуло в Дону от разлива реки, а когда пришлось войску идти через безлюдную степь до Валук, первого русского города на южной оконечности русского государства, то множество людей погибло от голода и ранней зимы, захватившей плохо одетое войско.

Первая неудача не повергла Петра в уныние, напротив, только побудила его во что бы то ни стало овладеть Азовом и проложить себе путь к Черному морю. Он увидел необходимость построить на Дону гребной флот, во-первых, для удобного перевоза войска, во-вторых, для действия против турок с моря. Мысль – перенести на Дон свои судостроительные попытки с севера – естественно должна была быть внушена ему прежними событиями: для сношения с донскими казаками и доставки им хлебных запасов давно уже было в обычае строить на Дону и на берегах реки Воронежа плоскодонные суда, называемые стругами, имевшие от пятнадцати до семнадцати

сажень в длину и до трех – в ширину. Постройке этих судов способствовали дремучие леса, которые, однако, и в то время чрезвычайно быстро истреблялись от крайне неправильной порубки. Петр выбрал город Воронеж для устройства верфи, отправился туда сам зимою и в течение нескольких месяцев занимался постройкою судов. В других соседних местах в то же время шла также постройка судов, которые спускались к Воронежу. Работало над этим делом двадцать шесть тысяч человек, высланных из украинских городов по наряду. Таким образом, было построено 23 галеры, 2 корабля, 4 брандера и 1300 судов старой конструкции. Постройка судов шла с большими затруднениями: работники бегали от работы, жестокая зимняя стужа мешала скорости работы, вдобавок на месте, где производились работы, происходили пожары. Царь, похоронивши своего брата Ивана, умершего скоропостижно 29-го января 1696 года, немедленно отправился в Воронеж, несмотря на то, что у него болела нога; Петр деятельно распоряжался постройкою, нередко сам принимаясь за топор. Для умножения сухопутного войска велено было еще в декабре 1695 года кликнуть клич, чтобы все охочие люди, не исключая и крепостных, записывались в солдаты и стрельцы.

С первых чисел апреля начали спускать суда на воду, а тем временем подходили собиравшиеся в Воронеж войска. 3-го мая караван судов двинулся с войском по Дону. Всего войска было до 40000. Главнокомандующим назначен был генералиссимус Шеин, адмиралом флота Лефорт, а вице-адмиралом Лима. Сам царь, в звании капитана Петра Алексеева, находился на построенной им галере, названной Принципиум. Кроме войск, отправленных по Дону, назначено было действовать запорожцам и донцам. По совету Гордона сделан был около города большой земляной вал, над которым работали денно и ночью до 12000 человек, стараясь возвести его выше городских стен. Татары, покусившиеся помешать работам, были рассеяны. Город был осажден со всех сторон, а между тем русская флотилия не допускала турецкий флот подать помощь осажденным. 17-го июля малороссийские и донские казаки пошли на штурм и не могли взять города, но турки, опасаясь

возобновления штурма в большем размере, на другой же день сдались – с условием выйти из города с ручным оружием и со своими семействами. Петр выговорил себе выдачу изменника Янсена, который просил турок лучше отсечь ему голову, нежели выдавать Москве. Турки выдали его вместе с некоторыми русскими раскольниками, перебежавшими к ним.

Таким образом, Петр сделал первый шаг к овладению Черным морем – событие было чрезвычайно важным в свое время.

Петр на возвратном пути осмотрел тульские железные заводы и, прибывши в Москву, устроил там никогда еще не виданный праздник – въезд победителей через триумфальные ворота, украшенные разными символическими изображениями и надписями. В шествии вели пленных и везли изменника Янсена, на поругание одетого по-турецки, в цепях, под виселицей с петлей на шее и с надписью, гласившей об его измене и отступничестве. Янсен был бит кнутом, а потом всенародно колесован среди празднеств по поводу победы.

Для того чтобы Азов остался за Россией, недостаточно было его взять, нужно было сделать русским городом. С этой целью государь вместе с боярами указал послать туда для поселения 3000 семей из низовых городов и 400 человек конницы, кроме того, положено содержать там 3000 войска до окончательного заселения Азова. Но одно владение Азовом не имело само по себе большой важности: оно могло только открывать путь к дальнейшему движению России на юг, к обладанию черноморским берегом и Черным морем. Упорное противодействие со стороны турок и татар было неизбежно; к нему должна была готовиться Россия и готовиться поспешно, а для этой цели необходим был флот, и Петр выдумал такое средство, чтобы создать его в самое короткое время.

4 ноября 1696 года в Преображенском селе государь собрал думу, в которую приглашены были и иностранцы. Эта дума, по воле государя, постановила такой приговор: всем жителям Московского государства участвовать в постройке кораблей. Вотчинники, как духовные, так и светские, помещики, гости и торговые люди обязаны были в определенном числе строить

сами корабли, а мелкопоместные помогать взносом денег. С этой целью положено было, чтобы владельцы духовные с 8000 крестьянских дворов, а светские с 10000 дворов построили по одному кораблю, а гости и торговые люди, вместо десятой деньги, которая с них собиралась, построили бы 12 кораблей; мелкопоместные же, у которых было менее ста дворов, должны были вносить по полтине со двора. Участники в постройке должны были для этого слагаться в «кумпанства»: кумпанством называлась купа владельцев, которые, сложившись вместе, представляли число крестьянских дворов, назначенное для построения корабля. Так образовались духовные, светские и гостиные кумпанства. Они носили названия по имени сановников, занимавших наиболее видное место, например: кумпанство митрополита такого-то, или: кумпанство князя такого-то. Постройка судов должна была производиться в Воронеже и в соседних пристанях<sup>1</sup>. Лес для кораблей положено было рубить в нарочно отведенных для того угодьях, а для рубки выслать жителей украинских городов. Всех судов положено построить 52, которые разделялись на четыре класса: баркалоны, которых постройка была возложена на кумпанство светских домовладельцев и с ними на двух духовных: на казанского и вологодского владык (это были большие суда в 115 футов длиною и 27 шириною, при семи футах углубления, со значительным числом больших чугунных орудий, от 26 до 44-х); барбарские суда, отличавшиеся большею шириною относительно длины, выпали на долю гостиных кумпанств; третий род судов назывался бомбардирским, разной длины (от 80 до 90 футов при 20 и 28 футах ширины); четвертый – галеры (шириною в 24 фута, а длиною от 125 до 174). Постройка последних падала на долю духовных землевладельцев. Каждое кумпанство обязано было не только выстроить корабль, но и снарядить его за свой счет. Для производства постройки судов выписаны были в 1696 году иноземные мастера. Венецианский сенат по просьбе царя прислал тринадцать судостроителей, а в начале 1697 года, по приказанию царя, Франц Тиммерман через своих агентов выписал пятьдесят мастеров из голландцев, шведов и датчан. Этих мастеров отправляли в Воронеж и

распределяли по кумпанствам на срок. Если из них кто умирал или после срока удалялся, то кумпанства сами должны были приискывать мастеров. Большая часть кумпанств, не в силах будучи сама вести этого дела, отдавала постройку возложенных на них судов в подряд иноземным мастерам. Второстепенные рабочие, как-то: плотники, кузнецы, столяры – были из русских. Общий надзор над постройкой судов поручен был окольниковому Протасьеву, со званием «адмиралтейца». На Азовском море в то же время строили гавань, избравши местом для этого Таганрог. Наконец, Петр, в связи с делом судостроения, предпринял прорыть канал между Доном и Волгою посредством рек: Иловли и Камышенки.

Дело судостроения шло довольно успешно. В 1698 году были построены требуемые суда, но Петру приходилось сильно бороться с разными препятствиями: рабочие беспрестанно бегали, иноземные мастера ссорились между собою, а иные брали деньги, а от дела уклонялись.

Любимая до страсти Петром мысль о кораблестроении последовательно увлекала его к теснейшему сближению с западной Европой. Постройка судов таким образом, как она совершалась в Воронеже, не могла быть прочным делом на будущее время. Кумпанства, поневоле обязанные давать средства на постройку судов, не могли сделать шага без иностранных мастеров. Петр не мог быть доволен последними: многие из них были искатели счастья, думавшие, что они пришли в такую страну, где и плохая работа может показаться отличною. Сверх того, подобный способ судостроения поставлял Россию в постоянную необходимость пробавляться искусством иностранцев и тем самым зависеть от них. Надобно было приготовить знающих русских мастеров. С тою целью Петр отправил за границу пятьдесят молодых людей стольников и при каждом по солдату. Целью посылки было специальное обучение корабельному искусству и архитектуре, а поэтому они отправлены в такие страны, где в то время процветало мореплавание: в Голландию, Англию и Италию, преимущественно в Венецию. Мера эта возбудила сильный ропот: в России, жившей столько веков в отчуждении от Запада,

постоянно господствовала боязнь, чтобы русские, усваивая знания от иноверных народов, не потеряли чистоты своей веры; духовенство толковало, что русским православным людям, новому Израилю, не следует общаться с иноплеменниками, подобно тому, как это было запрещено Богом в Ветхом Завете израильскому народу. В начале 1697 года некто монах Авраамий смело подал самому Петру обличение поступков царя. Авраамия пытали; он показал на многих лиц, которые осуждали поступки царя и его правление; между прочим, жаловались, что царь ничьих советов слышать не хочет и сам в Преображенском приказе пытается людей и жестоко казнит. Оказавшихся виновными в таких толках наказали кнутом и сослали, но неудовольствие не прекращалось. Даже намерение прорыть канал между Волгою и Доном считали негодным Богу: «Нельзя, – говорили русские люди, – обращать потоки в одну сторону, когда уже Бог обратил их в другую». Отцы, отправляя за границу юношей, скорбели о разлуке с ними и проклинали судостроение, которым так увлекался их государь. Сами молодые люди с неохотою оставляли отечество – тем более, что некоторые имели жен и должны были покинуть их. Петр не смотрел ни на что; преданный до страсти своему делу, он решился ободрить и увлечь подданных собственным примером. Он сознавался перед боярами, что, не получив надлежащего образования, не способен еще совершать дела, которые считал полезными для своего государства, и не видит иного средства, как, сложивши на время для видимости корону, отправиться в просвещенные европейские страны учиться. Подобного примера еще не было в истории русских царей. Приверженцы неподвижной старины с негодованием встретили это намерение. Петр не смотрел на них, учредил правительство из бояр под председательством князя Ромодановского, которому прежде дал титул князя-кесаря, и снарядил великими полномочными послами в Вену, Голландию и Англию Лефорта, в звании адмирала и новгородского наместника, сибирского наместника Федора Алексеевича Головина и белевского наместника думного дьяка Прокопия Возницына. При послах было более двадцати дворян, тридцать пять волонтеров, которые собственно назначались для

изучения корабельного искусства, и, сверх того, большое число служителей и мастеровых, между прочим много иностранцев, обжившихся в России. Петр был в свите посольства, под именем капитана Петра Михайлова. Посольство отправилось в марте 1697 года к шведскому рубежу в Лифляндию, и первым иноземным городом, где ему пришлось остановиться, была Рига. Петр хотел оставаться совершенно незамеченным: все почести предоставлены были послам; строго запрещено было русским говорить, что между ними находится их царь. Шведский губернатор Риги Дальберг принял русское посольство с официальной честью, но, однако, без особенной предупредительности, и не позволял себе ни малейшего отступления от своей обязанности. Дальберг хотя и знал, что в свите находится царь, но показывал вид, что даже не подозревает этого, исполняя тем самым буквально желание Петра находиться инкогнито. Когда Петр захотел осмотреть в зрительную трубу укрепления Риги, Дальберг тотчас обратился к Лефорту и потребовал, чтобы люди его свиты не смели позволять себе таких вольностей. Этот поступок сильно раздражил Петра: он не забыл его и тогда, когда впоследствии завоевал Ригу; и тогда, вспоминая о суровости Дальберга, он называл Ригу проклятым местом. В сущности Дальберг исполнял только честно свою обязанность.

В Митаве курляндский герцог принял русское посольство радушнее. Петр, которого больше всего занимало море, оставил послов следовать до Кенигсберга сухим путем, а сам в Либаве сел на купеческий корабль с волонтерами и отправился морем. 2-го мая пристал он в прусский порт Пиллау, а оттуда приехал в Кенигсберг. Прусский герцог курфюрст бранденбургский принял его отлично и приготовил приличное помещение в двух домах. Посольство прибыло после и было принято с пышностью. Здесь Петр пробыл до 10-го июня. Посольство ожидало окончания выбора короля в Польше. Пребывая в Пруссии, Петр усердно занимался артиллерийским делом у инженерного подполковника Штернфельда и привел его в изумление необыкновенною своею понятливостью.

Выехавши из Кенигсберга на пути в Голландию, Петр на дороге получил приятное для него известие из Польши, что курфюрст саксонский, Фридрих Август, получил перевес над соперником своим принцем де Конти и признан польским королем под именем Августа II. Избрание этого короля имело важное значение в истории отношений России к Польше. Август получил корону главным образом потому, что Россия его поддерживала, и русский резидент Никитин напугал поляков, что если они выберут французского принца, то Россия, вместе с римским императором, из опасения дружбы французского короля с Турцией, поставит себя в неприязненные отношения к Польше. Россия решила выбор польского короля и с тех пор, вмешиваясь во внешние и внутренние дела Польши, стала распоряжаться судьбою Речи Посполитой все больше и больше, до самого ее падения.

Путешествие русского царя инкогнито не помешало повсюду распространяться о нем вести в Германии. Две принцессы курфюрстины: ганноверская София и дочь ее, бранденбургская София-Шарлотта, – щеголявшие в Германии в то время ученостью, покровительством наукам и знакомством с Лейбницем, знаменитостью своего века -полюбопытствовали видеть государя дикой Московии, ехавшего в Европу; они встретили Петра во владениях герцога цельского с тремя принцами ганноверского семейства и толпою придворных, в местечке Конненбурге. Петр сначала дичился и не хотел идти к ним, но, преодолевши свою застенчивость, явился к принцессам с тем условием, что там не было придворных. Ловкие курфюрстины своей любезностью ободрили его и довели до такой развязности, что он позволил войти всем придворным, заставлял их пить вино большими стаканами по московскому обычаю и для потехи принцессам со своими приближенными пустился плясать по-русски. Замечательно, что когда принцессы для всеобщего увеселения призвали итальянских певцов, Петр откровенно сознался, что не имеет склонности к музыке. Принцессы спросили его: любит ли он охоту? Петр дал такой замечательный ответ: «Отец мой очень любил ее, но я больше люблю плавать по морю и пускать фейерверки». Русский царь



показал принцессам свои руки, огрубелые от работы. Принцессы после этого свидания оценили его необыкновенный ум и любознательность, но на них неприятно подействовали грубость его приемов, неумение есть опрятно, беспрестанное трясение головой и нервные гримасы на лице. Принцессы выразились о нем, что «это человек очень хороший и очень дурной!»

Петру нетерпеливо хотелось в Голландию, страну кораблей и всякого мастерства: для него это была настоящая обетованная земля. Оставивши позади себя посольство, он поплыл по Рейну и каналам с несколькими волонтерами и немногочисленной прислугой. Петр много слышал о Голландии от голландцев, которых было очень много в России, и узнал от них о том, что недалеко от Амстердама, в прибрежном местечке Саардаме, есть большая корабельная верфь. Не останавливаясь в Амстердаме, Петр оставил там большую часть своих спутников, взял с собою только шесть волонтеров, и в том числе Александра Меншикова, и приехал в Саардам 7-го августа, в одежде голландского плотника, – в красной фризовой куртке, в белых парусинных штанах и лакированной шляпе. Там нашел он знакомого кузнеца, работавшего некогда в Москве, Геррита Киста, приютился в его доме, упросивши хозяина никому не говорить, кто он таков, и выдавал себя за простого русского плотника. Здесь царь принялся работать топором вместе с другими работниками, ходил с ними в трактир пить пиво, посещал разные заводы и мельницы, которых было много в окрестностях Саардама. Вскоре, однако, саардамцы смекнули по приемам чужеземного плотника, что это должен быть важный человек, а жена кузнеца Киста проговорила, и все узнали, что плотник царь; тогда за ним начала ходить толпа любопытных. Однажды он раздражил уличных мальчишек: он дал нарочно одним из них слив, а другим не дал, и они на него за то кидали грязью. Царь принужден был жаловаться бургомистру. Бургомистр для охранения царя устроил на мосту стражу, чтоб не давать толпе собираться перед домом, где жил царь. Но это не помогало. Сам Петр не привык сдерживать себя и однажды, когда его окружила непрошенная толпа, бесцеремонно ударил по щеке

одного из зевак, которого голландцы в шутку прозвали после этого «рыцарем». Эти обстоятельства заставили Петра удалиться из Саардама, где он прожил всего восемь дней. 15-го августа приехал он в Амстердам, куда вслед за тем прибыло и русское посольство. В Амстердаме прожил он четыре месяца. Здесь, при посредстве бургомистра Витсена, который был некогда в России, Петр определился простым рабочим на ост-индскую верфь и с чрезвычайным увлечением, для собственного изучения кораблестроительного искусства, трудился над постройкою фрегата, заставляя и своих русских волонтеров работать вместе с собою. Но голландский способ кораблестроения не вполне удовлетворял его: голландцы были только практики, теоретическая часть у них была в небрежении; Петр проведал, что в этом отношении англичане стоят выше голландцев, и задумал ехать в Англию с целью дальнейшего своего усовершенствования в кораблестроении. Петр занимался не одним кораблестроением; его также занимало все другое: и фабрики, и анатомия, и естествознание; он ездил в Лейден наблюдать над вскрытием трупов, изучать разные аппараты и микроскопы, занимался также гравированием и в то же время не терял из виду внутренних и внешних дел своего отечества, следил за делами в Польше, Турции, за своими кумпанствами, продолжавшими строить корабли в России, договаривал и нанимал мастеров для отправления в Россию и не оставлял без внимания хода политических событий в Европе. С замечательною проницательностью предсказал он тогда разрыв с Францией после Ризвикского мира, которому радовались голландцы, названные царем за такую недалёковидность дураками. В Утрехте царь познакомился с английским королем Вильгельмом III, был принят им отлично, и это утвердило его в намерении ехать в Англию. Он взял в Голландии от корабельного мастера, у которого работал, аттестат на имя Петра Михайлова и в январе 1698 года прибыл в Англию.

Принятый в Лондоне радушно королем, осмотрев наскоро достопримечательности Лондона, Петр поспешил к своему любимому делу, поселился в трех верстах от Лондона, в городке Дептфорде, на королевской верфи, принялся за работу

под руководством мистера Эвелина, начал прилежно изучать теорию кораблестроения и заниматься математикой, ездил оттуда в Вульвич осматривать литейный завод и арсенал, обозревал госпитали, монетный двор, где наблюдал производство работ с целью применить к России виденные им способы, посещал парламент, побывал в Оксфордском университете, толковал с англиканскими епископами о различии вер, заходил даже в квакерскую общину, посещал разные мастерские, и не было, говорили англичане, такого искусства или ремесла, с которым не ознакомился бы русский царь, но потом он все-таки возвратился опять к своему любимому кораблестроению. Все его интересовало, но корабельное дело было ему всего милее. «Английский адмирал, – говорил он тогда в порыве восторга, – счастливее московского царя». Салисбурыйский епископ Бёрнет, которому было поручено показывать царю достопримечательности и объяснять их, сделал несколько оригинальных замечаний насчет личности Петра. «Это был человек, по мнению Бёрнета, с необыкновенными способностями и с такими познаниями, которых нельзя было ожидать при его небрежном воспитании, проявлявшемся на каждом шагу; он очень горяч, порывист, страстен и крайне груб; постоянное излишнее употребление вина развило в нем еще сильнее эти качества». Страстная любовь Петра к кораблестроению побудила Бёрнета сделать заключение, что он считает его более рожденным быть корабельным мастером, чем царем. Все его своеобразные приемы до такой степени поражали Бёрнета, что он считал его почти помешанным. К этому, вероятно, побуждало английского епископа и то, что голова царя постоянно тряслась и все тело было подвержено конвульсивным движениям.

Англия произвела на Петра самое благоприятное впечатление; он признал преимущество английского кораблестроения перед голландским, решил, что у него вперед будет принят английский способ постройки и он будет приглашать преимущественно английских мастеров. Здесь, по рекомендации лорда маркиза Кармартена, Петр пригласил несколько мастеров и инженеров, в том числе Джона Перри –

специально для прорытия канала между Волгой и Доном, и математика Фергэрсона – для преподавания математических наук в России. Лорд Кармартен был сам страстный любитель мореплавания, и потому Петр с ним особенно сошелся. Через посредство Кармартена Петр заключил с английскими купцами договор о свободном ввозе табака. Хозяин этой компании заметил Петру, что русские, особенно духовные, питают отвращение к этому зелью и считают его употребление грехом. Петр ответил: «Я их переделаю на свой лад, когда вернусь домой». Самая забота о ввозе табака в Россию имела тот смысл, чтоб заставить русских отречься от одного из многих предрассудков, которым решился объявить царь ожесточенную войну после побывки своей в Европе.

Король Вильгельм английский подарил своему гостю прекрасную яхту. Петр со своей стороны оставил английскому королю превосходный портрет, писанный учеником Рембрандта, Кнелером. Сознывая пользу, полученную им от пребывания в Англии, Петр на прощание сказал: «Если б я не поучился у англичан, то навсегда остался бы не более как плохим работником». 18 апреля Петр простился с королем и отплыл на подаренной им яхте в Голландию. 17-го мая отправился он из Голландии в Вену и в ожидании разрешения вопросов о разных обрядностях, касавшихся приема русского посольства, испросил у императора согласия на свидание с ним и с его семейством частным образом, без церемоний. Это дало ему возможность, не стесняя себя придворным этикетом, осмотреть все достопримечательное в Вене. Здесь Петру предстояло решить важное политическое дело – отклонить императора от мира с Турцией, потому что Петр в то время даже свои кораблестроительные планы связывал с мыслью об утверждении русской власти на черноморских берегах. Петр не достиг своей цели: казна императора была недостаточна для новых военных предприятий. Император утешал русского царя только тем, что обещал на переговорах с Турцией поддерживать желание России удержать за собою новоприобретенные места на Дону и Днепре и домогательство овладеть еще одним пунктом в Крыму, именно Керчью. Среди толков о политических

вопросах, отправлялись разные празднества в честь приезжих гостей. Русское посольство, в день именин государя, давало вечер для высшего венского общества, а император веселил своего гостя великолепным маскарадом, где знатные особы представляли своими костюмами разные народы и разные общественные звания; русский царь, как приехавший из Голландии, явился в виде фрисландского крестьянина. Надобно заметить, что эти увеселения были также своего рода школою для молодого царя, с жадностью перенимавшего не только европейские знания, но и европейские увеселения.

Петр из Вены хотел ехать в Венецию; она своим значением морской державы сильно привлекала Петра, но тут пришло к нему известие о бунте стрельцов. Петр, 19-го июля, поспешил в Россию. Он был сильно встревожен. На дороге его успокоила весть, что бунт усмирен. Петр поехал тише, осматривал величковские соляные копи, три дня пировал с польским королем Августом II в местечке Раве, очень полюбил короля и тайно заключил с ним условие начать войну со Швецией. Едучи далее, царь принимал угощение от польских панов, через маентности которых проезжал, и 25-го августа 1698 года прибыл в Москву.

В жизнеописании царевны Софии мы уже изложили расправу Петра со стрельцами.

Путешествие Петра было великим событием, с которого началась преобразовательная деятельность государя, и русское общество пошло безвозвратно по новому пути сближения с Европой. С этих пор открывается кипучая, неутомимая деятельность Петра и во внешних, и во внутренних делах. Началом преобразований было изменение внешних признаков, рознивших русскую жизнь от европейской. Петр, на другой же день после прибытия своего в Москву, 26-го августа, в Преображенском дворце, собственноручно начал отрезать бороды; дана была пощада при дворе только двум старикам: Стрешневу и Черкасскому. Всем близким к царю людям велено одеться в европейские кафтаны. Все войско велено нарядить в форменную одежду по европейскому образцу. Бородобритие и перемена одежды с первого раза возбуждали ужас и

показывали, что Петр не будет оказывать снисхождения обычаям древней русской жизни, принявшим религиозное значение. Исстари в русской литературе существовали, приписываемые святым мужам, поучения о сохранении бороды; борода у мужчин считалась признаком не только достоинства, но и нравственности; бритье бороды называлось еллинским, блудным, гнусным делом. Бритый человек, если он не был иноземец, возбуждал к себе презрение; и вдруг сам царь приказывает русским людям учинять над собою «развратное, скаредное дело». Что касается до иноземцев, то русские признавали за ними знание разных хитростей и готовы были пользоваться их службою России, но считали их еретиками, а свой народ избранным Божиим народом. В глазах русских согласные с уставами православной церкви обычаи почитались святыми, богоугодными, наравне с самою церковью.

При таком взгляде естественно, что преобразовательные приемы Петра, начавшиеся с внешних признаков, должны были возбудить соблазн, вражду, отвращение и противодействие. Русский народ видел в своем царе противника благочестия и доброй нравственности; русский царь досадовал на свой народ, но настойчиво хотел заставить его силою идти по указанной им дороге. Одно давало ему надежду на успех: старинная покорность царской власти, рабский страх и терпение, изумлявшее всех иноземцев, то терпение, с которым русский народ в прошедшие века выносил и татарское иго, и произвол всяких деспотов. Петр понимал это и говорил: «С другими европейскими народами можно достигать цели человеколюбивыми способами, а с русскими не так: если б я не употреблял строгости, то бы уже давно не владел русским государством и никогда не сделал бы его таковым, каково оно теперь. Я имею дело не с людьми, а с животными, которых хочу переделать в людей». Он пренебрегал не только религиозными предрассудками, но и более существенными нравственными понятиями: церковное благочестие признавало неразрывность брачной связи, а Петр, невлюбивший своей жены, не только отвергнул ее от себя, но и употребил над нею насилие. Жена его, царица Евдокия, воспиталась в обычаях старины и строго

их хранила; Петр же с увлечением бросился перенимать все иноземное. Этого одного уже было достаточно произвести между супругами разлад. Была, кроме того, другая причина: Петр, как мы выше сказали, пристрастился к Анне Монс. Не любя жены, Петр возненавидел ее родню и перед отъездом за границу удалил из Москвы ее отца, дядей и братьев. Желая соблюсти приличия законности, Петр из-за границы поручал Льву Нарышкину и духовнику Евдокии уговорить ее добровольно постричься. Но Евдокия ни за что не хотела. По возвращении из-за границы Петр уговаривал ее лично постричься. Царица не хотела. Тогда царь, не терпевший никаких противоречий своей власти, к соблазну всех православных христиан, приказал 23 сентября 1698 года отвезти Евдокию в Суздальский Покровский монастырь и там постричь ее. Пострижение, однако, совершилось не ранее как в июне следующего года: архимандрит и священники этого монастыря не хотели творить незаконного дела и за то взяты были в Преображенский приказ на расправу.

После страшной казни мятежных стрельцов Петр отправился в Воронеж, осматривал там построенные кумпанствами суда, – вообще был доволен; но некоторые суда – по замечанию адмирала Крейса – велел переделать. У Петра все еще было намерение вести войну с Турцией, и он все еще надеялся, что римский император будет поддерживать его стремления к утверждению русского владычества на Черном море. Вышло, однако, не так. Открылись переговоры о мире между Турцией и Австрией в Карловице; там на съезде участвовали послы: венецианский, польский и русский – думный дьяк Возницын. Посредничество о заключении мира взяли на себя Англия и Голландия и послали на съезд своих представителей. Возницын хлопотал, чтобы Турция, кроме недавно завоеванных Россией мест, уступила еще один пункт в Крыму, именно Керчь, но австрийские уполномоченные не стали поддерживать требования русского посла и заключили с турками особый мир. Польский посол также объявил, что Речь Посполитая не в силах продолжать войну с турками. Возницыну ничего не оставалось со своей стороны, как также предложить

мир, но турки не хотели мириться иначе, как на условии уступки им завоеванных городов. Возницын заключил с турками перемирие на два года.

Тогда Петр решился отправить посольство в Константинополь для заключения по возможности выгодного мира, а сам между тем готовил войско и намеревался двинуть на следующий год свой воронежский флот в Азовское море для устрашения турок.

Воротившись из Воронежа, Петр приступил к внутренним преобразованиям в управлении, которыми началась ломка всего старого и введение новых порядков на европейский лад. 30 января 1699 года последовал указ об учреждении бурмистерской палаты. До сих пор торговые и промышленные люди находились в ведении приказов и воевод; по новому указу, они были изъяты от прежних ведомств и, вместо того, должны были в Москве выбирать погодно бурмистров, составлявших бурмистерскую палату, иначе называемую ратушею. Это учреждение ведало суд и расправу между купцами и управляло сбором всех окладных доходов и разных собираемых пошлин. Один из выбранных бурмистров в течение месяца по очереди был председателем. Затем во всех городах, посадах и слободах торговые и промышленные люди также не подлежали суду воевод, а должны были выбрать из своей среды, для суда, расправы и сбора неокладных доходов, выборных земских бурмистров; таможенные и кабацкие доходы поступили в заведование других выборных же бурмистров, называемых таможенными и кабацкими бурмистрами, которые вместе с земскими составляли земскую избу. Земские избы находились в зависимости от одной московской бурмистерской палаты, или ратуши. Новое учреждение ратуши с бурмистрами устраняло по закону воевод от заведования торговыми людьми, но они все еще, по старине, притесняли приезжих торговцев. Так делалось в разных городах, и за это воевод велено было судить в ратуше. Из ведения воевод изъяли всякие преследования за корчемство, составлявшие только повод к притеснениям людей. Образец такого самоуправления в торговом и промышленном сословии Петр нашел в старом



европейском муниципальном городском строе, который уже прежде его перешел в Малороссию в виде магдебургского права, с тою разницей, что Петр сосредоточил и связал крепче этот строй посредством подчинения всех земских изб в государстве центральному, такому же по существу своему, месту, находившемуся в столице. Это учреждение предпринято было с тем, чтобы избавить торговое и промышленное сословие от тех утеснений, какие оно терпело от приказов и воевод, но главным образом в надежде на умножение дохода, потому что при прежнем управлении были постоянные недоборы. Затеявая великие дела, Петр, естественно, нуждался в средствах, и потому умножение государственных доходов сделалось у него главнейшей целью, которую он преследовал во все свое царствование со свойственной ему страстностью.

Тогда поднялся и стал в приближении у царя некто Алексей Курбатов, бывший дворецкий у боярина Бориса Петровича Шереметева. Он путешествовал с ним за границу и узнал, что в западных государствах употребляется в делопроизводстве особая бумага с клеймом, продаваемая от казны. Курбатов подал царю безыменный проект о введении подобной бумаги в России. Петру понравился этот проект. Составитель проекта объявил о себе, получил в награду от царя недвижимое имение и звание обер-инспектора ратушного правления. В России введена была гербовая или в то время называемая орленая бумага. Курбатов открыл собою ряд так называемых прибыльщиков, которые отыскивали и доставляли казне разные средства обогащения.

С весною 1699 года Петр готовился выступить со своим флотом в Азовское море для провожания уполномоченного посла своего в Турцию. 2-го марта скончался носивший звание адмирала русского флота Франц Яковлевич Лефорт. Петр, сердечно любивший его, как лучшего своего веселого собеседника, громко рыдал над его телом. 10 марта Петр учредил орден Андрея Первозванного и тотчас возложил его на Головина, а через два дня уехал в Воронеж. В мае он выступил со флотом по Дону к Азову и до половины августа усердно занимался корабельным делом, сам показывая другим пример,

конопатил и мазал суда и в то же время занимался государственными делами по всем частям. Оставленный союзниками, Петр снарядил в Константинополь послом думного дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцева, давши ему наказ помогать с Турцией мира на таких условиях, чтоб за Россией непременно остался Азов и другие завоеванные города и чтобы Россия отнюдь не платила годовой дани крымскому хану. Посол должен был плыть в Константинополь на русском сорокапушечном корабле: то был первый русский военный корабль, предназначенный плавать по иностранным морям. Петр опасался, что турки не пропустят русский корабль через Керченский пролив, и потому решился провожать его сам с сильной эскадрой. Действительно, турецкий адмирал, стоявший в Керчи, и керченский паша не хотели пропускать русский корабль, а предлагали посольству выйти на берег и следовать сухим путем, но потом, когда посол наотрез отказался, дозволили русскому кораблю дойти до Константинополя морем, но только под конвоем турецких кораблей. Русский корабль пришел в Константинополь 28 августа 1699 года и стал на якорь прямо против султанского сераля. Не только турки, но и посольства западных держав приходили смотреть на него как на диво. Переговоры тянулись несколько месяцев. Турки помогали возвращению новозавоеванных городов и срытия тех, которые построил Петр на Азовском море (Таганрога, Павловска и Миуса), помогали, чтобы царь посылал хану поминки. Иностранные послы не только не поддерживали России, но старались утверждать турок в их домогательствах, считая опасным для своих видов, если Россия усилится и сделается морской державой. Наконец, после долгих споров пришли к такому соглашению, чтобы городки на Днепре все срыть и пространство от Запорожской Сечи вдоль Днепра до устья оставить пустым, а за то царю уступался Азов и городки, вновь построенные на Азовском море. Россия не приняла на себя обязательства давать определенные поминки хану. Украинцев, по наказу своего государя, ходатайствовал о преимуществах православных греков, относительно святых мест. Это был первый шаг к тому заступничеству за турецких

христиан, которое потом так часто повторялось в русской истории и служило поводом к столкновениям с Турцией. На этот раз турки отклонили вмешательство России, объяснив, что вопрос этот относится к внутренним делам, до которых нет чужим дела, но дозволили русским богомольцам посещать священные места. В этом смысле заключено перемирие на тридцать лет.

## **II. Внутренние и политические события от начала Северной войны до Альтранштадтского мира**

До сих пор стремления Петра приобрести себе море и сделать Россию морской державой клонились на юг; он надеялся действовать против турок в союзе с Польшей, Австрией и Венецией и приобрести от падения Турции выгоды на долю России, но последние события показали ему, как мало может он полагаться на союзников. Сама Россия не в силах была одна бороться с оттоманской империей, тем более что на сторону последней готовы были пристать европейские державы. Турки понимали опасность, которая грозила их государству, если они позволят России завести флот на Черном море. Посол Петра, Украинцев, пытался выхлопотать, по крайней мере, дозволение торговым русским кораблям плавать по Черному морю; турецкие государственные люди на это отвечали: мы бережем Черное море, как чистую непорочную девицу, и разве тогда дозволим плавать по нем чужим кораблям, когда вся оттоманская держава повернется вверх ногами. Но у Петра уже подготавливалась мысль о перенесении своей морской деятельности на Балтийское море, возникшая еще при свидании с Августом в Раве. Мысль эта принесена была в Польшу из ливонских провинций. Ливония поступила в XVI веке в состав польско-литовской Речи Посполитой, а в 1660 году, по Оливскому миру, досталась Швеции и с этих пор находилась в ее владении вместе с Эстляндиею и уступленною по Столбовскому и Кардисскому договорам Водскою пятиною, носившую у шведов название Ингерманландии. Ливонское дворянство, после поступления под власть Швеции, имело важные причины быть недовольным шведским владычеством. Король Карл XI учредил пересмотр земель, находившихся в дворянском владении, и приказал отобрать те из них, которые, во время существования ливонского ордена, не составляли частных владений, а принадлежали или вообще орденскому капитулу или же считались за духовными и светскими должностями. Все такие имения, обращенные без всякого

права, только силой захвата, в потомственные владения, король шведский приказал отобрать из частного ведомства в государственное. Само собою разумеется, что дворянство было этим недовольно, и один из среды его, Рейнгольд Паткуль, человек горячий и предприимчивый, до того задорно начал протестовать против действий правительства и возбуждать других к противодействию, что шведское правительство обвинило его в измене. Паткуль бежал, скитался по разным землям, наконец приютился в Польше и начал внушать Августу II мысль овладеть Лифляндией, а для этой цели заключить договор с московским царем; однако он советовал обращаться с царем так осторожно, чтоб не дать ему возможности присвоить себе из принадлежавших Швеции земель, более того, чем прежде владела Россия, т. е. Ингерманландии и Корелии. После продолжительных соображений, Август вошел в союз против Швеции с Данией и отправил посольство в Москву для той же цели. Датский король Христиан V был во вражде с Фридрихом VI, герцогом Голштейн-Готторпским, женатым на сестре молодого шведского короля Карла XII. На московского государя можно было рассчитывать, указавши ему возможность приобрести Балтийское море и завести там флот. В Москву прибыл послом от Августа Карловиц, а вместе с ним приехал под чужим именем и Паткуль. Это было в сентябре 1699 года. В ноябре того же года заключен был тайный договор против Швеции. Август обязывался сделать нападение на Ливонию с саксонскими войсками, а между тем склонить и Польшу к этой войне; но царь обещал двинуть свои войска в Ингерманландию и Корелию не иначе, как после заключения мира с Турцией, и если этот мир почему-нибудь не состоится, то обязывался помирить Августа со шведским королем, потому что сам Август не в состоянии был вести войну один.

Союзники рассчитывали, что при таком короле, какой был тогда в Швеции, легко будет отобрать земли на южном берегу Балтийского моря. В самом деле, молодой шестнадцатилетний Карл XII своим поведением мало подавал надежды самим шведам. Он не занимался делами, проводил время, то

безобразничая самым школьническим образом, то устраивая балы, маскарады и разные увеселения.

Первые неприязненные действия против Швеции начались со стороны Дании. Датские войска выгнали голштинского герцога; он убежал в Стокгольм. Христиан V овладел Голштинией. Вслед за тем Август двинулся с саксонскими войсками в Ливонию. С ним был Паткуль. Но здесь дела пошли не так успешно, как в Голштинии. Ливонское дворянство не поддавалось лстивым убеждениям Пат-куля. Август осадил Ригу и не мог взять ее при малочисленности своих орудий, а граждане Риги, как и дворяне ливонские, боялись изменять Швеции, не надеясь на выигрыш. Август отправил посла к Петру требовать, чтоб он, по условию, начал войну со шведами. Но Петр, положивши до тех пор не начинать войны, пока не заключит мира с Турцией, старался показывать миролюбивые отношения к Швеции, послал в Стокгольм резидентом князя Хилкова, а жившего в Москве шведского резидента Книперкроона уверял, что не начнет несправедливой войны против Швеции, не нарушит мира, который сам подтвердил недавно, и даже обещал отнять у Августа Ригу, если тот завоюет ее у шведов. В ожидании мира с Турцией, который должен был развязать ему руки для новой войны, Петр продолжал свои преобразования. В декабре 1699 года объявлено, что вперед летоисчисление будет введено не от сотворения мира, а от Рождества Христова, и Новый год будет праздноваться не 1-го сентября, а 1-го января, по образцу всей Европы. Новый 1700-ый год праздновался в Москве по царскому приказанию целых семь дней; домовладельцы должны были ставить перед домами и воротами, для украшения, хвойные деревья, и каждый вечер зажигались смоляные бочки, пускались ракеты, палили из двухсот пушек перед Кремлем и в частных дворах из маленьких орудий. Все это делалось на заграничный образец. Вслед за тем издан был указ, чтобы все, исключая духовенства, брили бороду и одевались в иностранную одежду: зимою – в меховую венгерского покроя, а летом – в немецкую. И женщинам велено одеваться в одежду иностранного покроя. Царь приказал, чтоб на свадьбах и всяких общественных увеселениях женщины

находились вместе с мужчинами, а не особо, как делалось прежде, и чтобы также на подобных сблищах была музыка и танцы. Для примера подданным царь в эту зиму беспрестанно ездил сам на свадьбы, устраивал разные забавы, заохочивал особ обоого пола к свободному обращению между собой. Те, которые добровольно не хотели веселиться на иноземный образец, должны были исполнять волю царя; упрямые наказывались пенею. Петр отменил древний обычай – совершать браки по воле родителей, без всякого участия их детей, вступающих в брачный союз. Петр постановил, чтобы родители не имели права принуждать к браку, и венчание не могло происходить без заявления желания со стороны жениха и невесты. Женскому полу нравилось это, и вообще женщины скорее мужчин поддавались признакам преобразования, без ропота надевали на себя иностранные одежды, находя их красивее старых русских, и охотнее бросались на увеселения нового рода. Понятно, что женщины видели в этом свое освобождение от тяжелого рабства, в котором их держал чин старой московской домашней жизни. Как продолжение тех же мер преобразования в семейной жизни, явилось уничтожение силы заручных записей, которые давались со стороны жениха или его родни родителям невесты. Царь должен был бороться со многими чертами дикости нравов своего времени: так, в феврале было запрещено продавать остроконечные ножи, которые обыкновенно русские носили при себе и нередко дрались ими до смерти; постигло наказание невежд, которые, не зная медицинских наук, брались лечить больных и делали вред; для примера отправлен был в ссылку в Азов на каторгу дворовый человек боярина Петра Салтыкова, который принес своему боярину, страдавшему бессонницей, такого лекарства, от которого боярин заснул навеки; на будущее время было объявлено, что всякий лекарь, который уморит больного, будет казнен смертью. В Московском государстве тогда шаталось очень много праздного народа: то были вольноотпущенные, которые обыкновенно, получив отпускную, опять поступали в холопы. Приказано было таких людей, если окажутся годными, брать в солдаты. Распоряжение это распространилось и на

бродяжных крестьян. Монетное дело получило преобразование. В это время, за неимением мелких денег, произвольно рассекали серебряные деньги на несколько частей, и от этого происходила путаница. В иных городах, вместо мелкой монеты, стали употреблять кусочки кожи. И то, и другое было запрещено. Приказано пустить в оборот медные деньги – полушки и полуполушки, а после делать серебряные полтинники, полуполтинники, гривенники и золотые червонцы. Новые серебряные и золотые монеты появились уже в следующем году. Для прекращения плутовства в металлических изделиях установлена проба золоту и серебру в четыре разряда, по разному достоинству, а для наблюдения за порядком велено выбрать из мастеров трех старост, которые должны были налагать клейма на изделия. Но царский указ о пробе, по обычаю, плохо исполнялся, так что через несколько времени велено было ломать неправильно сделанные вещи и брать пошлины в первый раз втрое, во второй раз вшестеро. Повсеместно приказано было искать металлической руды; учрежден был особый приказ рудосыскных дел. Для прекращения проволочек в делах, запрещено в челобитных примешивать лишние предметы, не относящиеся прямо к делу, и приказано делать немедленно допрос по возникающим искам. Запрещено принимать пустые жалобы о нанесенном бесчестии вроде того, как некто жаловался на другого, что тот смотрит на него зверообразно. 15-го июля 1700 года неоплатных и злостных должников велено бить кнутом и ссылать на каторгу в Азов.

Царь в этот год сделал несколько важных начатков для просвещения. 10 февраля он дал привилегию амстердамскому жителю Иоганну Тессингу завести в Амстердаме русскую типографию и печатать в ней на славянском и голландском языках, а также на славянском с латинским вместе, географические карты, чертежи, портреты и книги по части математики и архитектуры, художеств, военного искусства, но отнюдь не печатать церковных книг, как славянских, так и греческих. Тессинг имел исключительное право в течение пятнадцати лет продавать свои книги в России. Петр ставил



условием, чтобы в напечатанных таким образом книгах и чертежах не было понижения превысокой чести царского величества и государства, а чтобы все клонилось к славе и похвале. Составлением и редакцией этих книг занимался малоросс Копиевский. Предприятие это показало более доброго желания, чем принесло пользы. Тессинг был человек мало ученый и вскоре поссорился с Копиевским. Копиевский в тот же год выхлопотал привилегию для себя, составил и напечатал несколько книг, имевших целью знакомить русских с иностранными языками и научными сведениями. Таковы его Грамматики славянская и латинская; Разговоры на трех языках: латинском, русском и немецком; «Книга, учащая морского плавания» – перевод с одного голландского учебника; «Руководение во арифметику», «Введение во всякую историю», в котором автор знакомит читателя с разными историческими событиями и с географическими сведениями, но вместе с тем сообщает, что славяно-российский народ славнее всех народов своим благоразумием; наконец, Копиевский издал по-латыни и по-русски басни Эзопа. Деятельность его за границей продолжалась до 1707 года, когда он возвратился в Россию. Петр в Москве положил основание математической и навигаторской школам. Первая разделялась на три класса и имела целью приготовить молодых людей, годных в военную и морскую службу и вообще сведущих в реальных, практических науках; в ней через несколько лет ежегодно получали воспитание до 700 юношей. В навигаторской школе преподавались науки, относящиеся исключительно к мореплаванию. В конце 1702 года положено было печатать куранты «о всяких делах Московского государства и окрестных государств». Таким образом началась русская периодическая пресса.

Занимаясь внутренними преобразованиями, Петр готовился к шведской войне и с этой целью увеличивал войско и учредил чин провиантмейстера; окольный Языков был первым в этом чине. С этих пор введено было правильное снабжение войска жизненными припасами. В ожидании мира с Турцией, не разрывая мирных отношений со Швецией, Петр пустил в ход

придирки, которые должны были в свое время послужить благовидным поводом к началу войны. Петр жаловался на рижского губернатора Дальберга, а Карл XII, приказавши исследовать эту жалобу, защищал перед царем поступки Дальберга. Обе стороны, однако, уверяли друг друга во взаимном добром расположении. Но как только 18 августа 1700 г. получено было известие о заключении 30-летнего перемирия с Турцией, на другой же день объявлена война Швеции под предлогом отмщения за обиду, оказанную царю в Риге, с замечанием, что и вообще русским подданным делались от шведов обиды. Первым следствием этого разрыва было то, что русский резидент князь Хилков в Швеции, а шведский резидент в России Книперкроон подверглись утеснительному заключению.

Петр пока предоставлял своим союзникам вести войну со шведами без своего участия, и Карл XII успел разделаться с одним из этих союзников. Достоин замечания, что этот молодой король, подававший своими шалостями врагам большие надежды на успех, получивши известие о посягательстве врагов на его владения, вдруг как бы преобразился и сделался на всю жизнь необыкновенно деятельным и неутомимым: с тех пор его образ жизни составлял совершенную противоположность с образом жизни его врагов, датского и польского королей. Последние страстно предавались неге, забавам, пирам, фавориткам и придворной суетности; Карл во всю жизнь свою не пил вина; не будучи женат, не держал любовниц, не терпел никакой роскошной обстановки, вел самый простой образ жизни и притом был чужд всякого коварства, действовал прямо, решительно. Если он уступал своему сопернику Петру в широте ума и разнообразии деятельности, то превосходил его, как и всех государей своего времени, честностью и безукоризненной нравственностью. Быстро собрал он 15000 войска, высадился с ними под самым Копенгагеном. Датский король Фридрих IV не имел сил защищаться и в загородном замке Травендале, 8 августа 1700 года, подписал мир, которым обязался признать зятя шведского короля, герцога голштинского, самостоятельным герцогом

Голштинии, и, сверх того, заплатил последнему значительную контрибуцию. Расправившись с Даниею, Карл собирался расправиться с другим своим врагом, Августом, которого не только ненавидел, но глубоко презирал, как вдруг последовало объявление войны от России. Карл обратился против русских.

По объявлении войны, Петр двинул свое войско на осаду Нарвы, которым Петру хотелось прежде всего завладеть, чтоб иметь пункт на Балтийском море. Всего войска было у него до 35000; сам Петр под именем капитана бомбардирской роты Петра Михайлова шел с Преображенским полком. Начальство над войском Петр поручил герцогу фон Круи, приехавшему к нему на службу по рекомендации короля Августа. Петр надеялся на опытность и знания этого иноземца более, чем на способности своих русских. Прибывши под Нарву в конце сентября, царь при пособии саксонского инженера Галларта занялся укреплением русского лагеря и устройством осады. 20-го октября началось бомбардирование, но русские действовали неискусно, а назначение иноземца главнокомандующим возбуждало у них неудовольствие. Верность иноземцев казалась сомнительною, особливо когда один из них, Гуммерт, обласканный Петром, убежал к неприятелю в Нарву, а находясь там, вероятно, недовольный приемом шведского коменданта Нарвы Горна, завел снова тайные сношения с русским царем. 17-го ноября боярин Борис Петрович Шереметев, посланный к Везенбергу, неожиданно вернулся с известием, что шведский король идет отбивать Нарву. Петр в ту же ночь оставил свое войско, надеясь, вероятно, что дела пойдут лучше, когда герцог ФОн Круи останется полновластным распорядителем и не будет стесняться присутствием царя. Кроме того, царь досадовал, что войска собираются медленно, и думал, как он сам объяснял, побудить остальные полки скорее идти к Нарве, наконец, ему хотелось видаться с Августом и поторопить его к совместному действию против Карла. У Карла было около 8500 войска: силы очевидно неравномерные с русскими. Но укрепленный русский лагерь был растянут с лишком на семь верст, и солдаты, во время нападения, с трудом могли подкреплять друг друга; притом же значительная часть русских сил состояла из

новобранцев. Вдобавок, когда Карл сделал нападение, сильный снег бил прямо в лицо русским. Шведы овладели русскими укреплениями, и русские пустились в бегство. Шереметев был из первых. Множество русских потонуло в воде при переправе. Главнокомандующий герцог фон Круи и другие иноземцы побежали в шведское войско и сдались. Только Преображенский и Семеновский полки, да генерал Адам Вейде, немец русской службы, защищались несколько времени. Тогда русские генералы: князь Яков Долгорукий, князь Иван Юрьевич Трубецкой, имеретийский царевич Александр, Автоном Михайлович Головин, оставшись почти без войска, сдались на условиях свободного выхода; но, под предлогом утайки и отправления вперед казны, они были объявлены военнопленными вместе с офицерами, которых число простиралось до 79 человек. Вся артиллерия досталась победителю. Русские гибли тогда не только от неприятельского оружия, но еще и от голода, и холода. Из числа бежавших до 6000 погибло на пути к Новгороду. Карл не понял Петра: он презирал русских, судил о них по нарвским беглецам и не пошел далее войной против России, как некоторые ему советовали, а составил план разделаться со своим главным врагом – Августом.

Петр, получив известие о поражении, не упал духом, а напротив, сознавал, что иначе быть не могло, приписывал несчастье недостатку обучения и порядка в войске и с большей кипучей деятельностью принялся за меры улучшений. В ожидании нападения неприятеля, в близких к границе городах: в Новгороде, Пскове, Псково-Печерском монастыре Петр приказал наскоро делать укрепления, высылал на работу не только солдат и жителей мужского пола, но даже женщин, священников и причетников, так что несколько времени в церквях, кроме соборов, не было богослужения. Приказано к весне набирать новые полки, а думному дьяку Виниусу, который прежде заведовал почтовым делом, приготовить новые орудия и при этом отбирать у церквей и монастырей колокола для переливки на пушки. Обычная русская лень много мешала скорому производству работы, зато Петр жестоко наказывал

всякое неповиновение и уклонение от его воли: приказывал бить кнутом за неявку к работам, вешать взяточников и грозил смертью бурмистрам за медленное исполнение требований Виниуса – надзирателя артиллерии. При таких мерах, в течение года после нарвской битвы, царь имел уже более трехсот новых приготовленных орудий.

С этих пор, сознавая важность войны и преследуя свою любимую мысль – заведение флота, которая могла осуществиться только при успехе в войне со шведами, царь во внутренних делах обращал главнейшее внимание на достижение как можно более денежных средств для ведения войны. В этих видах Петр предпринимал коренные изменения в церковном и, главное – в монастырском быте. Патриарх Адриан скончался 16-го октября 1700 года. По заведенному порядку следовало избирать нового, но Петр рассчитал, что для его самодержавной власти неудобно допускать в церковном управлении существование такого высокого сановника, тем более что пример Никона показывал, как может высоко поднять голову энергичный человек, облеченный саном патриарха. Петр решился не иметь более патриархов. 16-го декабря 1700 года он уничтожил Патриарший приказ, все производившиеся в нем мирские дела приказал распределить по другим ведомствам, а духовные дела поручил временно назначенному от государя блюстителю. Таким блюстителем Петр назначил митрополита рязанского, Стефана Яворского, давши ему титул - "экзарха патриаршего престола». Стефан был родом малоросс, из Волыни, киевский воспитанник, в этом же году приехавший в Москву и недавно посвященный в митрополиты. Это был человек замечательно ученый и вовсе не честолюбивый: он отбивался всеми силами не только от такого высокого положения, но даже и от архиерейства; любимым желанием его было вернуться в Малороссию и жить там в уединении, но Петр дорожил им. В январе 1701 г. дом патриарха, все архиерейские и монастырские дела переданы были боярину Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину и восстановлен был под его председательством Монастырский приказ, некогда учрежденный по уложению, но уничтоженный Федором Алексеевичем. Этот

приказ должен был заведовать монастырскими вотчинами и творить в них суд. С марта занялись перепискою всех архиерейских и монастырских вотчин. Царь велел выгнать из монастырей всех непостриженных, и в женских монастырях келейницам быть только людям старого возраста; всех девиц, проживавших в монастырях, под именем родственниц, велено выдавать замуж, а вперед постригать в монахини не ранее сорока лет. Запрещено в монастырские имения посылать для дел монахов, а так как оказалось, что монахи возбуждали недовольство против царя, то монахам запретили в кельях писать и давать им чернила и бумагу, позволяя им только писать в трапезах, с разрешения начальства. В конце 1701 года состоялось решительное запрещение монахам и монахиням совершенно вмешиваться в управление монастырских вотчин; все доходы с этих вотчин должны были идти в Монастырский приказ, и на содержание монахов и монахинь – выдавать в год по 10 рублей, по десяти четвертей хлеба и доставлять им дрова. В беднейшие монастыри велено уделять доходы богатых монастырей, все лишнее из монастырских доходов отдавать на богадельни для призрения нищих. Еще ранее того, в июне, велено было устраивать богадельни с тем, чтобы на десять человек больных был один здоровый и смотрел за ними. Если мы примем во внимание, что во владении монастырей было 130000 дворов и один троицкий монастырь владел 58 000 душ, то ясным покажется, как важна была для финансовых целей Петра эта мера, передававшая в его руки столько доходов.

В феврале следующего 1702 года отняты были в вотчинах церковного ведомства и пустоши и розданы в потомственное владение разным лицам, с платежом вдвое и втрое против прежнего. Против своих преобразований Петр видел важнейшее противодействие в духовенстве и с этой целью положил замещать архиерейские места малороссами, которые, как люди несравненно более образованные, не имели тех предрассудков и той закоснелости, какой отличались великорусские духовные, и эта мера, как показали события, явилась одной из самых плодотворных для целей Петра. Таким образом, в 1701 году посвящен был ростовским митрополитом знаменитый

Димитрий, а сибирским – Филофей Лещинский. Из великорусских архиереев один только Митрофан воронежский действовал в духе преобразователя, находил планы Петра о заведении флота спасительными для русского государства и все деньги, какие у него накоплялись, жертвовал на дело кораблестроения. Зато и Петр любил его чрезвычайно, жаловал воронежскому архиерейскому дому крестьян не в пример другим и извинял Митрофану то, чего не извинил бы другому; так, когда Митрофан соблазнился поставленными у входа царского дома в Воронеже статуями и не хотел идти по этому поводу к государю, объявивши, что скорее примет смерть, царь приказал снять статуи. Когда же Митрофан умер, сам Петр со своими приближенными нес его гроб и опустил его в землю.

Митрофан, однако, составлял исключение. Большинство великорусских духовных и вообще благочестивых людей ненавидело Петра с его нововведениями и любовью к иностранному. Еще в 1700 году открыто было, что некто книгописец Григорий Талицкий составил сочинение, в котором доказывал, что наступают последние времена, пришел в мир антихрист, и этот антихрист есть не кто иной, как царь Петр. Следствие по этому делу велось до ноября 1701 года; к нему притянуто было много людей: подвергаемые пыткам, они доносили друг на друга; замешан был тамбовский архиерей Игнатий и князь Хованский, который умер в тюрьме, вероятно, от пыток. Наконец, Талицкий, с пятью соумышленниками, был осужден на смертную казнь; жены казненных сосланы в Сибирь; Игнатия, лишивши сана, заточили навеки в тюрьму, а семь человек наказали кнутом и сослали в Сибирь за то, что слышали возмутительные речи и не доносили. Это был только проблеск того всеобщего негодования, которое, все более и более расширяясь, готово было вспыхнуть всеобщим бунтом. Но Петр не отступал ни на шаг, не делал уступки народной неприязни к брадобритию и немецкому платью и в декабре 1701 года с большей строгостью подтвердил прежний указ, чтобы все, кроме духовенства и пашенных крестьян, носили немецкое платье и ездили на немецких седлах. Из женского пола даже жены священнослужителей и причетников не увольнялись от

ношения чужеземной одежды. Затем запрещалось делать и продавать в рядах русское платье – всякого рода тулупы, азямы, штаны, сапоги, башмаки и шапки русского покроя. У ворот города Москвы поставлены были целовальники; они останавливали всякого едущего и идущего в русском платье и брали пени: с пешего по 13 алтын, 4 деньги, а с конного по два рубля за непослушание в этом роде. Приказывая своим подданным одеваться, как ему было угодно, Петр стал требовать, чтобы русские оставили старинный способ постройки домов своих и строились на европейский образец. После случившегося в Москве пожара, царь запрещал строить деревянные дома и приказывал непременно строить каменные как дома, так и надворные постройки. (Это распоряжение после того лишь раз было изменено и опять возобновлено.) Если же кто не мог строить кирпичных домов – глиняные мазанки, по образцу, который царь дал в селе Покровском. За несоблюдение назначалась пени. Вместе с тем во всех монастырях, где будет производиться постройка, приказано непременно строить из камня и из кирпича, а не из дерева.

Заметим, что все распоряжения тогдашнего времени, касавшиеся внешней стороны жизни, столько же раздражали современников Петра, сколько принесли вреда России в последующее время. Они-то приучили русских бросаться на внешние признаки образованности, часто с ущербом и невниманием к внутреннему содержанию. Русский, одевшись по-европейски, перенявши кое-какие приемы европейской жизни, считал себя уже образованным человеком, смотрел с пренебрежением на свою народность: между усвоившими европейскую наружность и остальным народом образовалась пропасть, а между тем в русском человеке, покрытом европейским лоском, долго удерживались все внутренние признаки невежества, грубости и лени; русские стремились более казаться европейски образованными, чем на самом деле быть ими. Это печальное свойство укоренилось в русском обществе и продолжает господствовать до сих пор; его внедрил в русские нравы Петр Великий своим желанием поскорее видеть в России подобие того, что он видел за границей; с другой



стороны, его деспотические меры, внушая омерзение в массе народа ко всему иностранному, только способствовали упорству, с которым защитники старины противились всякому просвещению. Некоторые находят, что Петр действовал в этом случае мудро, стремясь сразу переломить русскую закоснелость в предрассудках против всего иноземного, с которым неизбежно было введение просвещения. Мы не можем согласиться с этим и думаем, что русский народ вовсе не так был неприязнен к знакомству со знаниями, как к чужеземным приемам жизни, которые ему навязывали насильно. Можно было, вовсе не заботясь о внешности, вести дело внутреннего преобразования и народного просвещения, а внешность изменилась бы сама собою.

После нарвского поражения Карл XII распределил свои войска в Ливонии и готовился нападать с весной не на Россию, а на Польшу, с целью низложить Августа. Между тем Август в феврале 1701 года увиделся с Петром в Биржах (Динабургского уезда), и оба государя провели несколько дней в пиршествах, стараясь перепить друг друга; но при забавах и кутежах заключили договор, по которому Петр обещал поддерживать Августа, давать ему от 15000 до 20000 войска и платить в течение трех лет по сто тысяч рублей, с тем, что король будет воевать в Ливонии. Тогда условились, что Россия завоюет себе Ингерманландию и Корелию, а Ливония уступлена будет Речи Посполитой. Здесь Август договаривался только от своего лица. Речь Посполитая не принимала прямого участия в войне, хотя Петр старался склонить к этому бывших с Августом панов. Достоин замечания, что один из них, Щука, делал попытки выговорить у Петра возвращение Киева и заднепровских городков, уступленных России по последнему миру; но Петр сразу осек его, объявивши, что с Польши достаточно будет и Ливонии: и ту, на самом деле, не думал он отдавать, лишь бы только она досталась в его руки.

Карл XII вслед за тем повел дело так, что Петру не нужно было прямой помощи Августа для приобретения приморья – главной цели, с которою он предпринял войну. Карл XII более чем кто-нибудь помог Петру в этом предприятии тем, что в

следующем 1701 году лично, с лучшими силами своими пошел войною на Августа, а в Ливонии и Ингерманландии оставил плохих генералов и незначительные военные силы, с которыми русские могли сладить. Дело шло таким образом.

Простоявши зиму и весну в Ливонии, Карл XII 8 июля разбил наголову саксонские войска, бывшие под начальством Штейнау, потом вступил в Курляндию, расположил там свои войска и прозимовал в этой стране за счет ее жителей, обложивши их тяжелою кон-трибуциею, а весною готовился идти во владения Речи Посполитой в надежде без труда низвергнуть Августа. В Польше в это время происходили междоусобия. Партии двух знатных панов Сапеги и Огинского вели междоусобную войну в Литве. Сверх того, у короля Августа было много недоброжелателей в польском крае. Саксонцы, которых он привел с собою в Польшу, высокомерным обращением оскорбляли национальное самолюбие поляков, и тем возбуждали в них неудовольствие к королю, а кардинал-примас, верховное лицо в польском духовенстве, был личный враг Августа, и во вред королю начал сноситься с Карлом XII. Шведский король требовал низложения Августа и избрания другого короля на его место. Август видел мало помощи от России, для которой собственно было тогда выгодно, что шведский король ушел воевать в чужую землю. Август пытался склонить на свою сторону прусского короля, но неудачно. Он решился просить у Карла XII мира и нарочно послал вместе со своим камергером Фицтумом в Либаву, где находился тогда Карл, свою любовницу Аврору Кенигсек, думая, что она прельстит своим кокетством и красотою молодого шведского короля; но Карл, всегда строго нравственный, не захотел даже и видеть красавицы, задержал Фицтума, не давши через него ответа, и двинулся в Польшу. Шведский король вошел в Польшу в мае и занял Варшаву; половина Польши стала против Августа; другая была за него; составилось две конфедерации: сандомирская – из шляхты южных воеводств в пользу Августа, и шродская – из северных за Карла. Шведы вербовали в Польше и в Силезии людей в свое войско. 9 июля 1702 года Карл разбил наголову соединенные войска саксонцев и

поляков, сторонников Августа, взял Краков и расположился с войском в Польше, наложив на жителей ее большую контрибуцию. Шведы, загостившись в Польше, скоро стали озлоблять против себя жителей главным образом тем, что, будучи протестантами, не оказывали уважения римско-католической святыне. Несчастливая Польша попала, так сказать, между двух огней: ее разоряли и шведы, и саксонцы, и самые сыны ее. Август бегал от Карла; Карл гонялся за Августом, разбил снова саксонское войско при Пултуске, осадил Торун и стоял перед ним целых полгода, пока наконец взял его в конце сентября 1703 года. При посредстве Паткуля, который был принят в русскую службу и находился теперь при Августе уже в качестве царского уполномоченного, Август заключил договор с русским царем, по которому русский царь обязался дать польскому королю 12000 войска и 300000 рублей. Достоин замечания, что сам Паткуль, понимавший планы Петра и старавшийся подделаться к нему, выражался тогда, что этот договор был заключаем только для вида и что в интересах царя, да и самого короля, было не допускать поляков прийти в силу. 14 января 1704 года кардинал-примас, по приказанию Карла XII, созвал сейм в Варшаве. Шведские войска окружали сеймовую избу. Послы, по требованию примаса, объявили 5 февраля Августа лишенным престола и провозгласили междоусобицу, а выбор нового короля назначен был на 19 июня. Карл XII хотел доставить корону Якову Собескому, сыну покойного короля Яна; но Август, проведав про такое желание, приказал схватить этого претендента. 21 февраля 1704 года, на чужой земле, в Силезии, Яков Собеский вместе с братом Константином были схвачены на дороге и посажены в крепость Кёнигштейн. Карл проходил по Польше и приказывал разорять имения панов, приставших к сандомирской конфедерации. Примас располагал умы в пользу князя Любомирского, краковского воеводы, но Карл стал поддерживать другого претендента, познанского воеводу Станислава Лещинского, и послал на сейм своего генерала Горна. 12 июля, под страхом шведских войск, сейм избрал

Станислава королем. Раздосадованный примас Радзиевский перешел на сторону Августа.

По избрании нового короля, Карл продолжал ходить по Польше с места на место и принуждал признать навязанного им Польше короля. 6 сентября он взял Львов; 15-го, наоборот, Паткуль с русско-польским войском отнял у шведов Варшаву; но вскоре поляки и союзные с ними русские, находившиеся под командою Герца, были разбиты шведами.

На следующий 1705 год шведы одерживали победы за победами над Августом. Варшава была снова в их руках; Станислав Лещинский 23 сентября был коронован и от имени Речи Посполитой заключил с Карлом договор против Августа и Петра. Но партия Августа собралась в Тыкочине, 1 ноября, и положила защищать Августа, а король Август, в память этого события, учредил первый орден в Польше – орден Белого орла.

Пользуясь тем, что шведский король был отвлечен делами в Польше, Петр одерживал успех за успехом над шведами и овладел балтийским поморьем. Рассказывают, что граф Дальберг, напрасно старавшийся удержать Карла в Ливонии, говорил при этом: «Кажется, наш король нарочно оставил нас здесь с малыми силами, чтобы научить русских бить нас». Шереметев еще в 1701 году вступил войною в Ливонию и потом, в продолжение четырех лет, воевал ее очень успешно. 29 декабря 1701 года Шереметев разбил у мызы Эресфера генерала Шлиппенбаха. Эта первая победа над шведами была поводом к большой радости и торжеству в Москве и разгоняла то уныние, которое возбудила в умах русских Нарвская битва. В следующем году, 18 июля, Шереметев разбил в другой раз того же Шлиппенбаха при Гуммельсгофе. Русские после этой победы опустошали Ливонию с таким зверством, которое напоминало поступки их предков в этой же стране при Иване Грозном. Города и деревни сжигали дотла, опустошали поля, истребляли домашний скот, жителей уводили в плен, а иногда целыми толпами сжигали в ригах и сараях<sup>2</sup>. По одной рижской дороге русские сожгли более 600 деревень и, кроме того, ходили в стороны отрядами и везде, куда только ни приходили, вели себя чрезвычайно жестоко. Шереметев стер с лица земли города

Каркус, Гельмет, Смильтен, Вольмар, Везенберг, покушался было взять Дерпт, но не мог, по причине сильных укреплений, и приступил к Мариенбургу. Начальствовавший в Мариенбурге подполковник Тильо фон Тилау сдался на капитуляцию, выговоривши свободный выход гарнизону; но, как только русские на следующий день стали входить в город, артиллерийский капитан Вульф взорвал пороховой магазин, с целью погибнуть самому с товарищами и погубить вошедших врагов. За это Шереметев не выпустил никого из оставшихся в живых и всех жителей взял в плен, около 400 человек. Между ними был некто пастор – пробст Глюк с женою, сыном, четырьмя дочерьми, их учителем, двумя служителями и двумя служанками. Этот Глюк был человек, выходивший из ряда: уроженец саксонский, он приобрел большую ученость на родине, знал восточные языки и, будучи еще 22 лет от роду, прибыл в Ливонию с целью посвятить себя распространению слова Божия, для чего основательно выучился русскому и латышскому языкам. Призвавши к себе какого-то русского священника, он предпринял труд перевести славянское Св. Писание на простой русский язык. Такой человек был клад для начинавшегося русского просвещения; но более всего судьба этого человека важна для нашей истории потому, что связана была с судьбою одной из служанок Глюка. Это была дочь ливонского обывателя из местечка Вышкиозеро, Самуила Скавронского.

Есть известие, будто бы она накануне взятия Мариенбурга вышла замуж за одного ливонца, с которым ей не суждено было жить. После плена ее взял полковник Бальк, и она, наравне с другими рабочими женщинами, занималась стиркою белья для солдат; в этом положении увидал ее Меншиков, взял ее к себе, а у него увидел ее царь. Впоследствии мы скажем, на какую высоту вознесла ее странная судьба.

Ливонию продолжали разорять русские и в следующем 1703 году, а в 1704 г. Шереметев доносил царю в таких выражениях: «Больше того чинить разорения нельзя и всего описать невозможно; от Нарвы до границы считают восемьдесят миль, а русскою мерою будет с лишком 400 верст, и Бог знает,

чем неприятель нынешнюю зиму остальные свои войска прокормит, можете ваше величество рассудить; только остались целыми Колывань, Рига и Пернов, да местечко за болотами, меж Риги и Пернова, Реймеза (Лемзаль)». Петр похвалял за это Шереметева и приказывал разорять край до последней степени.

Когда таким образом Шереметев опустошал шведскую провинцию Ливонию, сам царь делал завоевания в другой шведской провинции – Ингрии, бывшей некогда новгородскою землею; и здесь завоевание сопровождалось таким же варварским опустошением, как и в Ливонии; там – Шереметев, здесь свирепствовал Апраксин. Последний прошел вдоль Невы до Тосны: «все разорил и развоевал», от рубежа до р. Лавы верст на сто. Но Петр не был доволен разорением ингрийского края, подобно ливонскому, так как у Петра была уже мысль утвердиться при устье Невы. В октябре 1702 года Петр приступил к крепости Нотебургу и после семидневного бомбардирования, а потом, после сильного штурма, нотебургский комендант Густав Шлиппенбах, 11-го октября, сдал крепость на капитуляцию со всеми орудиями и запасами. Эта крепость была древний русский город Орешек, уступленный Швеции по столбовскому миру, но Петр, пристрастный к иноземщине, не возвратил ему древнего русского названия, а назвал Шлиссельбургом (т.е. Ключом-городом). Меншиков был назван губернатором новозавоеванного города. Петр, любивший вообще праздновать свои победы несколько на классический образец, торжествовал покорение Орешка триумфальным шествием в Москву через трое ворот, построенных нарочно по этому случаю. Неутомимый царь после этого празднества отправился из Москвы в Воронеж, осмотрел на дороге работы канала между верховьем Дона и р. Шатью, впадающею в Упу, заложил в имении Меншикова у верховья р. Воронежа город Ораниенбург, осмотрел воронежские корабли, сделал распоряжения о присылке туда рабочих людей и железа и в то же время был, по его собственным словам, «зело доволен бахусовым даром», а весною уже был снова на Неве в Шлиссельбурге и так рассердился на Вениуса за неаккуратность в доставке артиллерийских снарядов и лекарств в Шлиссельбург,

что отставил его от службы и наложил на него большое взыскание.

25 апреля 1703 г. Петр вместе с Шереметевым, с 25000 войска подступил к крепости Ниеншанцу, построенной при устье р. Охты, впадающей в р. Неву<sup>3</sup>. После сильной пушечной пальбы комендант полковник Опалев, человек старый и болезненный, сдал город, выговоривши себе свободный выход. Между тем шведы, не зная о взятии Ниеншанца, плыли с моря по Неве для спасения крепости. Петр выслал Меншикова с гвардиею на тридцати лодках к деревне Калинкиной, а сам с остальными лодками тихо поплыл вдоль Васильевского острова, под прикрытием леса, и отрезал от моря вошедшие в Неву суда от прочей эскадры, стоявшей еще в море. Русские напали на два шведские судна с двух сторон. Шведы были застигнуты врасплох так, что из семидесяти семи человек осталось в живых только девятнадцать. Русские убивали неприятеля, даже просившего пощады, и взяли два большие судна. Событие это, по-видимому незначительное, чрезвычайно ценилось в свое время: то была первая морская победа русских, и Петр, носивший звание бомбардирского капитана, вместе с Меншиковым, пожалован был от адмирала Головина орденом Андрея Первозванного. 16 мая того же года на острове, который назывался Янни-Саари и переименован был Петром Люст-Эйландом (т. е. Веселым островом), в день Св. Троицы Петр заложил город, дав ему название С.-Петербурга. Первою постройкою его была деревянная крепость с шестью бастионами; вместе с тем царь приказал построить для себя домик, сохраняемый до сих пор, также на берегу Большой Невки дом для Меншикова, нареченного Санкт-Петербургским губернатором, и дома для других близких к царю сановников. В ноябре 1703 года прибыл в только что заложенный Петром город первый голландский купеческий корабль. Петр лично провел его в гавань и щедро одарил весь экипаж корабля. В том же году осенью Петр поплыл на остров Котлин, вымерял сам фарватер между островом и находившеюся против него мелью и заложил крепость, назвавши ее Кроншлотом. Все это были события, оказавшиеся громадной важности по своим

последствиям в русской истории. Близ возвращенного России древнего новгородского Нового-Острога, переименованного шведами в иностранное название Ниеншанца, суждено было явиться новому, также с иностранным именем, городу и сделаться столицей новой русской империи.

Настала зима. Петр отправился в Воронеж и сделал распоряжение о постройке шести больших военных кораблей не в самом Воронеже, а в построенном им тогда нарочно городе Таврове; из Воронежа государь отправился в Олонец: и там у него также устроена была корабельная верфь. Он основал в Олонце железные заводы и в своем присутствии приказывал лить пушки, а весной, в марте, Петр опять уже был в Петербурге и деятельно занимался его постройкою. Ему до чрезвычайности понравилось это место, и он стал называть его своим раем (парадизом).

1704-й год был замечательно счастлив в войне со шведами. Шереметев опустошил Эстонию таким же жестоким способом, как в прежнее время Ливонию, а потом осадил Дерпт. 3-го июля сам царь прибыл к городу; 13-го русские сделали приступ, разбили ворота, и комендант Скитте сдал город со 132 орудиями, выговоривши себе свободный выход. Царь тотчас же утвердил все привилегии города, призывал жителей оставаться на своих местах и обнадеживал своею милостью. Тогда 1388 чел. шведов, положивших оружие, вступили в русскую службу. 9-го августа взята была Нарва, но здесь не так милостиво русские разделились с побежденными, как в Дерпте: комендант Горн не хотел сдаваться, и русские солдаты ворвались силою в город, истребляли и старого и малого. Петр, усиливаясь остановить напрасное кровопролитие, собственноручно заколол несколько солдат, но храброму коменданту за его упорство дал пощечину. Вслед за тем сдался Иван-город, расположенный на другом берегу реки Наровы. Осенью Петр опять занимался постройкою кораблей на Олонецкой верфи, потом заложил в Петербурге адмиралтейство, осмотрел новозавоеванные города, Нарву и Дерпт, а в декабре праздновал в Москве свои победы и возвращение России ее древних земель. Было устроено семь триумфальных ворот, через которые проезжал



государь; за ним вели пленных шведских офицеров и везли взятые у неприятеля пушки и знамена.

В 1705 году Петр хотел выгнать шведов из Курляндии, сам с войском приехал в Полоцк и отправил фельдмаршала Шереметева к Митаве; другою частью войска начальствовал другой фельдмаршал, иностранец Огильви, возведенный Петром в этот сан к досаде его русских полководцев. Находясь в Полоцке, русский царь имел столкновения с униатскими монахами: посетивши униатский монастырь, он с неудовольствием увидел богато украшенный образ Иосафата Кунцевича, жестокого врага православной веры, некогда убитого народом и признаваемого униатами священномучеником. Раздосадованный ответом монаха, отозвавшегося с почтением об Иосафате, Петр приказал схватить нескольких монахов. Монахи и послушники стали сопротивляться: русские четырех убили, а одного из них, который славился своими фанатическими проповедями против православных, Петр приказал повесить. Этот поступок наделал в свое время много шума в католическом мире. Петр не слишком смотрел на это; расправившись таким образом с униатскими монахами, он выехал в Вильно и здесь получил известие о поражении Шереметева.

15-го июля этот полководец, до сих пор так удачно воевавший, столкнулся со шведским генералом Левенгауптом при Гемауертгофе, был разбит наголову и сам был ранен. Петр не только не ставил ему этого в вину, но письменно утешал его в несчастьи и замечал, что постоянная удача часто портит людей. Поражение Шереметева не произвело, однако, большой беды. Левенгаупт не воспользовался своею победою, ушел в Ригу, а Петр выступил из Вильно в Курляндию, 2-го сентября взял столицу Курляндии, и вся страна покорила ему.

Отсюда Петр положил идти в Литву на выручку Августа, но выслал Шереметева в Астрахань для усмирения возникшего там бунта, а главнокомандующим у себя назначил иностранца Огильви, не ладившего, однако, с любимцем царя Меншиковым. Под его начальством русское войско вступило в Литву. Главная квартира его устроена была в Гродно. В октябре

прибыл туда царь и свиделся там с Августом; потом, предоставивши ведение войны фельдмаршалу Огильви, он уехал в декабре в Москву.

Кроме вспомогательного русского войска под начальством Огильви, у Августа, по заключенному прежде договору, был русский отряд, состоявший из солдат и украинских казаков; он находился под командою Паткуля, который, как мы сказали, в это время носил звание доверенного царя при польском короле. Паткуль не ладил с саксонскими министрами Августа, и сам Август не любил его. С одной стороны, Август раздражен был против него за сношение с берлинским кабинетом; прусский король был дурно расположен к Августу и склонялся даже к тому, чтобы признать соперником его Станислава Лещинского, а Паткуль не только имел друзей в Берлине, но в своих письмах, отправляемых туда, отзывался дурно о саксонских министрах и порицал поступки Августа. С другой стороны, Паткуль беспрестанно жаловался царю, что порученное ему русское войско очень дурно содержится в Саксонии, что саксонские министры нарочно отвели квартиры этому войску в разоренном крае, где оно терпит большие лишения. Паткуль указывал, что в крайней нужде, в какую поставлено русское войско, служившее Августу, он истратил собственные деньги на прокормление русских. Наконец, Паткуль представлял, что для спасения русских от голодной смерти в Саксонии, лучше всего отдать русский отряд внаймы императору. Петр дал Паткюлю полномочие на передачу русского войска императору, но только в крайнем случае. Пользуясь этим дозволением, Паткуль заключил договор с имперским генералом Штратманом о передаче русского отряда в имперскую службу на один год. Саксонский государственный совет, правивший страню в отсутствии короля, был до чрезвычайности раздражен этим поступком и после напрасных увещаний, обращенных к Паткюлю, не делая того, что он затевает, совет, по предложению фельдмаршала Штейнау, приказал арестовать Паткуля и отправить в крепость Зонненштейн. Петр протестовал против такого поступка, требовал отпуска Паткуля, необходимого для него уже и потому, что Паткуль обязан был

отдать отчет русскому царю в своих действиях. Но протестации Петра остались бесплодными.

Между тем Карл XII, простоявши несколько месяцев в Блоне, в январе 1706 года, несмотря на суровую зиму, бросился на Гродно, думая захватить там Августа; Август хотя и не достался в руки Карла, успевши ранее выйти из Гродно с четырьмя русскими полками и соединиться со своим генералом Шилленбергом, но 2-го февраля, вместе с этим своим генералом, был разбит наголову шведским генералом Реншильдом. Карл простоял под Гродно до конца марта, пытаясь взять этот город, защищаемый Огильви; наконец, по приказанию Петра, Огильви вырвался из осады и ушел, потерявши значительное число русского войска от болезней и недостатка в припасах. Карл из-под Гродно не преследовал его, а ушел на Волынь и расположил там свое войско, пользуясь изобилием, господствовавшим в стране, и облагал тяжелыми контрибуциями имения панов, придерживавшихся стороны Августа. Пребывание Карла на Волыни заставляло Петра опасаться, чтобы шведский король не ворвался в Украину, и, в предупреждение этого, Петр сначала отправил в Киев Меншикова, а 4-го июля сам прибыл туда в первый раз в жизни и, пробывши там полтора месяца, заложил нынешнюю Печерскую крепость. Он оставил Украину только тогда, когда получил известие, что Карл вышел из Волыни в противоположную сторону. Петр поскакал в Петербург, а в Польшу отправил войско под начальством Меншикова; фельдмаршал Огильви был уволен.

Карл XII на этот раз решился нанести вред своему врагу в его наследственных владениях; оставивши генерала Мардефельда в Польше, он вступил в Саксонию и начал, по своему обычаю, налагать на жителей тяжелую контрибуцию. Тут Август, испугавшись за свои наследственные земли, отправил к шведскому королю своего министра Пфингтена просить мира, и этот уполномоченный от имени своего короля заключил со Швецией, в замке Альтранштадте, близ Лейпцига, договор, по которому Август отрекался от польской короны в пользу Станислава Лещинского, разрывал союз с русским царем,

обязывался отпустить всех пленных и выдать изменников, в ряду которых Паткуль занимал первое место. Пфингтен привез своему королю этот договор для утверждения 4-го октября в Пиотроков, где был и Меншиков со своими войсками. Король тайно утвердил договор, но Меншикову об этом не сказал, так что Меншиков, вместе с русскими и саксонскими войсками, продолжал воевать со шведами в качестве союзника Августа. Не подавая Меншикову вида о состоявшемся примирении, Август, однако, дал сам об этом тихонько знать шведскому генералу Мардефельду, но Мардефельд, не получая еще о том же известия от своего короля, не поверил Августу и вступил в битву с Меншиковым у Калиша. С Мардефельдом, кроме шведов, были и поляки (по русским известиям до 20000). 18-го октября произошла битва, кончившаяся полной победой русских. Победа эта произвела большое торжество в России; Август продолжал таиться перед Меншиковым, вместе с ним совершал благодарственные молебствия о победе, отпустил Меншикова с войском на Волынь и продолжал скрывать от русского посла Василия Долгорукова заключенный со шведами мир, пока нельзя было долее скрывать тайны. Карл обнародовал Альтранштадтский мир; тогда Август уверял Долгорукова, что он заключил мир только видимый, чтобы спасти Саксонию от разорения, а как только Карл выйдет из его владений, так он тотчас нарушит этот мир и заключит опять союз с царем. Следствием Альтранштадтского мира была выдача Паткуля<sup>4</sup>. Военные обстоятельства были поводом, что главнейшая деятельность Петра во внутреннем устройстве государства клонилась к возможно большему обогащению казны и к доставке средств для ведения войны. Этой цели соответствовали почти все нововведения того времени, получившие впоследствии самобытный характер в сфере преобразований. Таким образом для правильного и полного взимания поборов необходимо было привести в известность количество жителей в государстве, и для того учреждены, в 1702 году, метрические книги для записки крещенных, умерших и сочетавшихся браком.

В 1705 году велено было переписать всех торговых людей с показанием их промыслов. Промыслы на Северном море (китовые, тресковые и моржевые), производившиеся до сих пор вольными людьми, отданы исключительно компании, во главе которой был Меншиков. С тою же целью – умножения казны – сделаны были важные перемены в делопроизводстве. Еще в 1701 году устроены были в городах крепостные избы и установлены надсмотрщики, которые должны были записывать всякую передачу имуществ, всякие договоры и условия. В 1703 году не только в городах, но и в селах велено было заключать всякие условия с рабочими, извозчиками, промышленниками не иначе, как с записью и платежом пошлин. Потребность в солдатах повела к самым крайним средствам привлечения народа в военную службу. В январе 1703 года всех кабальных, оставшихся после смерти помещиков и вотчинников, велено сгонять и записывать в солдаты и матросы, а в октябре того же года у всех служилых и торговых людей велено взять в солдаты из их дворовых людей пятого, а из деловых (т. е. рабочих) седьмого, не моложе двадцати и не старше тридцати лет. Такое же распоряжение коснулось бельцов, клирошан и монашеских детей. Ямщики обязаны были давать с двух дворов по человеку в солдаты. Со всей России велено взять в военную службу воров, содержащихся под судом. В 1704 году, под угрозой жестокого наказания, велено собраться в Москве детям и свойственникам служилых людей и выбирать из них годных в драгуны и солдаты. Последовал ряд посягательств на всякую собственность. В ноябре 1703 года во всех городах и уездах приказано описать леса на пространстве пятидесяти верст от больших рек и двадцати от малых, а затем вовсе запрещалось во всем государстве рубить большие деревья под опасением десятирублевой пени, а за порубку луба – под страхом смертной казни. Через несколько времени (января 1705 года) сделано было исключение для рубки леса на сани, телеги и мельничные потребности, но отнюдь не на строения, а зато за рубку в заповедных лесах каких бы то ни было деревьев назначена смертная казнь. Страсть царя к кораблестроению вынудила эту строгую меру. Январь 1704 года особенно ознаменовался

стеснением собственности. Все рыбные ловли, пожалованные на оброк или в вотчину и поместье, приказано отобрать на государя и отдавать с торгов на оброк: для этого была учреждена особая Ижорская канцелярия рыбных дел, под управлением Меншикова. Потребовались повсюду сказки о способе ловли рыбы, об ее качестве, о ценах и пр. Все эти рыбные ловли сдавались в откуп, а затем всякая тайная ловля рыбы вела за собою жестокие пытки и наказания. Описаны были и взяты в казну постоянные дворы, торговые пристани, мельницы, мосты, перевозки, торговые площади и отданы с торгу на оброк. На всяких мастеровых: каменщиков, плотников, портных, хлебников, калачников, разносчиков, — мелких торговцев и пр., наложены были годовые подати по две гривны с человека, а на чернорабочих по четыре алтына. Хлеб можно было молотить не иначе, как на мельницах, отданных на оброк или откуп, с платежом помола. Оставлены мельницы только помещикам с платежом в казну четвертой доли дохода. Все бани в государстве сдавались на откуп с торгов; запрещалось частным домохозяевам держать у себя бани под страхом пени и ломки строения. Во всем государстве положено было описать все пчельники и обложить оброком. Для всех этих сборов были устроены новые приказы и канцелярии, находившиеся под управлением Меншикова. Через несколько времени банная пошлина была изменена: позволено иметь домовые бани, но платить за них от пяти алтын до трех рублей; а в июне с бань крестьянских и рабочих людей назначена однообразная пошлина по три алтына и две деньги по всему государству. Также в январе 1705 года дозволено частным лицам иметь постоянные дворы, с обязательством платить четвертую часть дохода в казну. Для определения правильного сбора требовались беспрестанно сведения или сказки, что служило поводом к беспрестанным придирам и наказаниям. Соль во всей России продавалась от казны вдвое против подрядной цены. Табак, с апреля 1705 года, стал продаваться не иначе, как от казны, кабацкими бурмистрами и целовальниками; за продажу табака контрабандою отбирали все имущество и ссылали в Азов: доносчики получали четвертую часть, а тем,

которые знали, да не донесли, угрожала потеря половины имущества. В январе того же года учрежден был своеобразный налог: во всем государстве приказано переписать дубовые гробы, отобрать их у гробовщиков, свезти в монастыри и к поповским старостам и продавать вчетверо против покупной цены. Каждый, привозивший покойника, должен был являться с ярлыком, а кто привозил мертвеца без ярлыка, против того священники должны были начинать иск. В этом же месяце введен был налог на бороды: со служилых и приказных людей, а также с торговых и посадских по 60 рублей в год с человека. С гостей и богатых торговцев гостиной сотни по 100 рублей, а с людей низшего звания: боярских людей, ямщиков-извозчиков, по 30 рублей; заплатившие должны были брать из приказа особые знаки, которые постоянно имели при себе, а с крестьян брали за бороды по две деньги всякий раз, как они проходили в ворота из города или в город: для этого были устроены особые караульные, и бурмистры должны были смотреть за этим под страхом конечного разорения. Также подверглось пени русское платье. У городских ворот приставленные целовальники брали за него с пешего 13 алтын 2 деньги, с конного по 2 рубля.

Несмотря на строгие меры и угрозы, повсеместно происходила противозаконная беспощадная торговля, и царь, чтобы пресечь ее, поощрял доносчиков и подвергал телесному наказанию и лишению половины имущества тех, которые знали и не доносили, хотя бы они были близкие сродники. За всякое корчемство отвечали целые волости и платили огромные пени, для чего и были учреждены особенные выемные головы, которые должны были ездить от города до города по селам и ловить корчемников. Беспреданно открывалось, что в разных местах продолжали, вопреки царским указам, производить свободно разные промыслы, а в особенности рыбные ловли. И те лица, которые должны были смотреть за казенным интересом, сами делались ослушниками. Кроме всякого рода платежей, несносною тягостью для жителей были разные доставки и казенные поручения, и в этом отношении остались поразительные примеры грубости нравов. Царские чиновники, под предлогом сбора казенного дохода, притесняли и мучили

жителей, пользовались случаем брать с них лишнее: удобным средством для этого служил правож. Со своей стороны, ожесточенные жители открыто сопротивлялись царским указам, собираясь толпами, били дубьем чиновников и солдат. Старая привычка обходить и не исполнять закон, постоянно проявляясь, ставила преграды предприятиям Петра. Так, например, несмотря на введение гербовой бумаги, каждый год следовали одно за другим подтверждения о том, чтобы во всех актах и условиях не употреблялась простая бумага. И вообще за всеми распоряжениями правительства следовали уклонения от их исполнения. Торговля, издавна стесняемая в Московском государстве в пользу казны, в это время подверглась множеству новых монополий. Так, торговля дегтем, коломазью, рыбным жиром, мелом, ворванью, салом и смолой отдавалась на откуп, а с 1707 года начала производиться непосредственно от казны через выборных целовальников, с воспрещением кому бы то ни было торговать этими товарами. К разным стеснениям экономического быта присоединялось еще в Москве запрещение строить в одной части Москвы (Китай-городе) деревянные строения, а в других частях – каменные, и приказание делать мостовые из дикого камня. Гости и посадские люди должны были за свой счет возить камень, а крестьяне, приходя в Москву, должны были принести с собою не менее трех камней и отдать у городских ворот городским целовальникам.

Между тем наборы людей в войско шли возрастающим образом: в январе 1705 года с разных городов, посадов и волостей взято было с двадцати дворов по человеку в артиллерию, возрастом от 20 до 30 лет. В феврале положено взять у дьяков подробные сведения об их родственниках и выбрать из них драгун.

В том же феврале со всего государства определено с двадцати дворов взять по рекруту, от 15 до 20 лет возраста холостых, а там, где меньше двадцати дворов -складываться. Этим новобранцам должны были сдатчики доставить обувь, шубы, кушаки, чулки и шапки; если кто из этих рекрут убегал или умирал, то на его место брали другого. Затем встречаем мы



последовательно наборы рекрут в войско. В декабре 1705 года назначен набор по человеку с 20 дв., то же повторилось в марте 1706, потом в 1707 и 1708 годах. Кроме того, из боярских людей в 1706 г. взято в боярских вотчинах с 300 дворов, а в других вотчинах со 100 по человеку, а в декабре 1706 г. взято в полки 6000 извозчиков. При поставке рекрут помещики обязаны были давать на них по полтора рубля на каждого; торговые люди обложены были на военные издержки восьмью деньгами с рубля, а те, которые должны были сами служить, но оказывались неспособными к службе, платили пятнадцать рублей. Дьяки и приказные люди в 1707 году были поверстаны в военную службу и должны были из себя составить на собственное иждивение особый полк. Со всех священников и дьяконов наложен сбор драгунских лошадей, с 200 двор. по лошади, а в Москве со 150 дворов. Кроме набора рекрут, царь велел брать рабочих, преимущественно в северных областях, и отсылать их на Олонецкую верфь в Шлиссельбург, а более всего в Петербург. Народ постоянно всеми способами убегал от службы, и царь издавал один за другим строгие указы для преследования беглых; за побег угрожали смертною казнию не только самим беглым, но и тем, которые будут их передерживать, не станут доносить о них и не будут способствовать их поимке. Но беглых солдат было так много, что не было возможности всех казнить, и было принято за правило из трех пойманных одного повесить, а двух бить кнутом и сослать на каторгу. С неменьшею суровостью преследовали беглых крестьян и людей. Передерживавшие беглых такого рода подвергались смертной казни. Беглецы составляли разбойничьи шайки и занимались воровством и грабежом. Принято было за правило казнить из пойманных беглых крестьян и холопов только тех, которые уличены будут в убийстве и разбое, а других наказывать кнутами, налагать клейма, вырезывать ноздри. Последний способ казни был особенно любим Петром. В его бумагах остались собственноручные заметки о том, чтобы инструмент для вырезывания ноздрей устроить так, чтобы он вырывал мясо до костей. Неудовольствие было повсеместное, везде слышался

ропот; но везде бродили шпионы, наушники, подглядывали, подслушивали и доносили; за одно неосторожное слово людей хватили, тащили в Преображенский приказ, подвергали неслыханным мукам. «С тех пор, как Бог этого царя на царство послал, -говорил народ русский, – так и светлых дней мы не видим: все рубли, да полтины, да подводы, нет отдыха крестьянину. Это мироед, а не царь – весь мир переел, переводит добрые головы, а на его кутилку и перевода нет!» Множество взятых в солдаты было убито на войне; они оставили жен и детей, и те, скитаясь по России, жаловались на судьбу свою и проклинали царя, с его нововведениями и воинственными затеями. Ревнителю старины вопияли против брадобрития и немецкого платья, но их ропот сам по себе не имел бы большой силы без других важных поводов, возбуждавших всеобщее негодование: бритье бород, немецкое платье в эпоху Петра тесно связывались с разорительными поборами и тяжелою войною, истощавшею все силы народа. Ненависть к иностранцам происходила оттого, что иностранцы пользовались и преимуществами, и милостями царя, более природных русских, и позволяли себе презрительно обращаться с русскими.

Народ, естественно, был склонен к бунту; но в середине государства, где было войско и где высший класс был за царя, взрыву явиться было неудобно. Бунты начали вспыхивать на окраинах, как то и прежде не раз делалось в истории Московского государства. Летом 1705 года началось волнение в Астрахани; заводчиками бунта были съехавшиеся туда торговцы из разных городов, астраханские земские бурмистры и стрелецкие пятидесятники. Начали толковать, что Петр вовсе не сын царя Алексея и царицы Натальи: царица родила девочку, а ее подменили чужим мальчиком, и этот мальчик – теперешний царь. Ходили и другого рода слухи: что государь взят в плен и сидит в Стокгольме, а начальные люди изменили христианской вере. Астраханский воевода Ржевский успел сильно раздражить народ ревностным исполнением воли Петра: людей не пускали в церковь в русском платье, обрезывали им полы перед церковными дверьми, насильно брили и на поругание вырывали

усы и бороды с мясом, народ отягощали поборами и пошлинами. «С нас, – вопили люди в Астрахани, – берут банные деньги по рублю, с погребов, со всякой сажени по гривне, завели причальные и отвальные пошлыны. Привези хворосту хоть на шесть денег в лодке, а привального заплати гривну. В Казани и других городах поставлены немцы, по два, по три человека на дворы, и творят всякие поругательства над женами и детьми». Распространилась молва, что из Казани пришлют в Астрахань немцев и будут за них насильно выдавать девиц. Эта весть до того перепугала астраханцев, что отцы спешили отдавать дочерей замуж, чтоб, оставаясь незамужними, они не достались против воли, как собственной, так и воли их родителей, «некрещеным» немцам: в июле 1705 года было сыграно в один день до ста свадеб, а свадьбы, как следовало, сопровождались попойками, и народ под постоянным влиянием винных паров стал смелее. Ночью толпа ворвалась в Кремль, убила воеводу Ржевского и с ним нескольких человек, в том числе иностранцев: полковника Девиня и капитана Мейера. Мятежники устроили казацкое правление и выбрали главным старшиною ярославского гостя Якова Носова. За астраханцами взбунтовались жители Красного и Черного Яра и, по примеру астраханцев, устроили у себя выборное казацкое правление; но усилия мятежников взволновать донских казаков не имели успеха. Хотя на Дону было слишком много недовольных, но донское правительство, бывшее в руках значных, или так называемых старых казаков, в пору не допустило распоряжаться по-своему голытьбе, состоявшей из беглецов, сбравшихся на Дон со всей Руси. Государь, узнавши в Митаве о бунте на восточных окраинах, давал ему больше значения, нежели он имел. Петр опасался, чтобы мятеж не охватил всей России, не проник бы и в Москву. Для укрощения его Петр отправил самого фельдмаршала Шереметева и в то же время написал боярину Стрешневу, что нужно бы вывезти из московских приказов казенные деньги, а также и оружие. Шереметеву дан был наказ: отнюдь не делать жестокостей, но объявлять мятежникам прощение, если они покорятся. Шереметев, явившись на Волгу, без всякого

затруднения усмирил Черный Яр и, приехавши к Астрахани, послал сызранского посадского Бородулина уговаривать мятежников. Выбранный астраханскими мятежниками старшина Носов не поддавался увещаниям, называл царя обменным царем, говорил, что царь нарушил христианскую веру, что с ними, астраханцами, заодно многие люди в Московском государстве и что они пойдут весною выводить бояр и воевод, доберутся «до царской родни, до немецкой слободы и выведут весь его корень». Они злились особенно на Меншикова, которого звали еретиком. Несмотря, однако, на такие смелые заявления, как только Шереметев, подступивши к Астрахани, ударил из пушек, тотчас мятежники стали сдаваться, и сам Яков Носов вышел с повинною к боярину. Вместо обещанного прощения, мятежников начали отправлять в Москву и там, после продолжительных и мучительных пыток, предали колесованию. Так погибло 365 человек. Но из армии самого Шереметева множество солдат бежало в то время, как он возвращался из Астрахани.

Невыносимые поборы и жестокие истязания, которые повсюду совершались над народом при взимании налогов и повинностей, приводили народ в ожесточение. Народ бежал на Дон и в украинные земли; по рекам: Бузулуку, Медведице, Битюгу, Хопру, Донцу завелись так называемые верховые казачьи городки, населенные сплошь беглецами. Эти верховые городки не хотели знать никаких податей, ни работ, ненавидели Петра и его правление, готовы были сопротивляться вооруженною рукою царской ратной силе. В 1707 году царь отправил на Дон полковника, князя Юрия Долгорукова, требовать, чтобы донские казаки выдали всех беглых, скрывавшихся на Дону; старшины показали вид покорности, но между простыми казаками поднялся сильный ропот, тем более, когда в то же время объявлено было казакам приказание царя брить бороды. Донские казаки считали своею давнею привилегиею давать убежище всем беглым. Когда полковник князь Долгорукий со своим отрядом и с пятью казаками, данными старшиною, отправился для отыскания беглых, атаман Кондратий Булавин, из Трехизбянской станицы на Донце, напал

на него 9-го октября 1707 года на реке Айдаре, в Ульгинском городке, убил его, перебил всех людей и начал возмущать донецкие городки, населенные беглыми. В этих городках встречали его с хлебом и медом. Булавин составил план взбунтовать все украинные городки, произвести мятеж в донском казачестве, потом взять Азов и Таганрог, освободить всех каторжных и ссыльных и, усиливши ими свое казацкое войско, идти на Воронеж, а потом и на самую Москву. Но прежде чем Булавин успел возмутить городки придонского края, донской атаман Лукьян Максимов быстро пошел на Булавина, разбил и прогнал, а взятых в плен его сотоварищей перевешал за ноги. Булавин бежал в Запорожье, провел там зиму, весною явился опять в верхних казачьих городках с толпою удалых и начал рассылать грамоты; в них он рассказывал, будто Долгорукий, им убитый, производил со своими людьми в казачьих городках разные неистовства: вешал по деревьям младенцев, кнутом бил взрослых, резал им носы и уши, выжег часовни со святынею. Булавин, в своих воззваниях, убеждал и начальных лиц, и простых посадских, и черных людей стать единодушно за святую веру и друг за друга против князей, бояр, прибыльщиков и немцев. Он давал повеление выпускать всех заключенных из тюрем и грозил смертною казнью всякому, кто будет обижать или бить своего брата. Донской атаман Максимов пошел на него снова, но значительная часть его казаков перешла к Булаvinу. В руки воровского атамана досталось 8000 р. денег, присланных из Москвы казакам. Сам Максимов едва бежал в Черкассы. Эта победа подняла значение Булавина. За нею поднялись двенадцать городков на северном Донце, двадцать шесть – на Хопре, шестнадцать – на Бузулуке, четырнадцать – на Медведице. Восстание отозвалось даже в окрестностях Тамбова: и там в селах крестьяне волновались и самовольно учреждали у себя казацкое устройство.

В Пристанном городке на Хопре Булавин собрал сходку из обитателей разных городков и разослал по сторонам «прелестные» письма. Он требовал, чтобы отовсюду половина жителей шла в сход за веру и за царя (!) для того, что злые

бояре и немцы злоумышляют, жгут и казнят народ, вводят русских людей а еллинскую веру. «Ведаете сами, молодцы, – писал Булавин, – как деды ваши и отцы положили и в чем вы породились; прежде сего старое поле крепко было и держалось, а ныне те злые люди старое поле перевели, ни во что почли, и чтоб вам старое поле не истерять, а мне, Булавину, запорожские казаки слово дали, и белгородская орда и иные орды, чтоб быть с вами заодно. А буде кто или которая станица тому войсковому письму будут противны, пополам верстаться не станут, или кто в десятки не поверстается, и тому казаку будет смертная казнь».

Задачею мятежа, как и при Стеньке Разине, было расширить область казачества. Средоточием его признавался Дон и донское казачье войско, которое на поэтическом русском народном языке носило название, как наименование своего отечества, Тихий Дон. Те города и поселения, которые пристанут к мятежу и введут у себя казачье устройство, тем самым присоединялись к Дону или казачьему войску. В украинских городах жители, состоявшие из беглых, самовольно назывались казаками; из таких-то Булавин составил отряды под начальством предводителей, нареченных, по казацкому обычаю, атаманами: то были Хохлач, Дранный, Голый, Строка. Булавин отправил их по украинным городкам, а сам бросился на Черкасск. 1 мая в Черкасске казаки взбунтовались и выдали Булавину верного царю атамана Лукьяна Максимова и с ним старшину. 6 числа того же месяца круг, собранный в Скородумовской станице, их всех в числе шести человек осудил на смерть. Им отрубили головы; Булавин провозглашен был атаманом всех рек. Булавин не приказал в церквах молиться за царя и разослал во все стороны прелестные письма, уверял, что поднялся за всех маломочных людей, за благочестие, за предания седми соборов, за старую истинную веру; извещал, что казаки намерены отложиться от царя за то, что царь перевел христианскую веру в своем царстве, бреет бороды и тайные уды у мужчин и у женщин, и потому казаки, вместо русского царя, хотят признать над собою власть царя турецкого. И Булавин, вслед за тем, через кубанских мурз послал письмо к

турецкому султану. «Нашему государю, – писал он, – отнюдь не верь, потому что он многие земли разорил за мирным состоянием, и теперь разоряет, и готовит суда и войско на турецкую державу».

Булавин прежде всего надеялся на украинные городки, но дело восстания пошло там плохо. Для усмирения мятежа Петр послал майора гвардии князя Василия Владимировича Долгорукого и дал ему приказание истреблять городки, основанные в глухих местах и населенные беглыми. Петр полагал, что эти-то городки составляют зерно мятежа. Царь приказывал Василию Долгорукому руководствоваться записанными в книгах поступками князя Юрия Долгорукого, прекращавшего мятеж в восточных областях России, возбужденный Стенькою Разиным. Князь Василий Долгорукий должен был все жечь, людей рубить без разбора, а наиболее виноватых – колесовать, четвертовать, сажать на колья. Кроме Долгорукого, действовать против мятежников должны были: стольник Бахметев и слободские малороссийские полки. Воровской атаман Голый успел было напасть на речке Уразовой (Валуйского уезда) на Сумской слободской полк, разбил его в пух и убил сумского полковника; но Бахметев разбил на речке Курлаке Хохлача, пробиравшегося к Воронежу с намерением освободить там тюремных сидельцев, перебить начальных людей и иноземцев. Атаман Дранный был разбит и убит в битве на реке Горе бригадиром Шидловским; тысяча пятьсот запорожцев, помогавших Драному, сдались, и все были истреблены. Наконец, посланный Булавиным к Азову отряд в числе пяти тысяч был отбит с большим уроном. Эти неудачи сразу лишили Булавина доверия. Донские казаки, как показывает вся их история, не отличались постоянством: они склонны были начинать мятежи, но упорно вести их не были способны; всегда между ними находилось много таких, которые искушались случаем выдавать свою возмущившуюся братию, показать перед верховною властью свое раскаяние и через то остаться в выигрыше. Против Булавина составилась заговор, как только счастье изменяло Булавину в его предприятии. Руководителем заговора был товарищ Булавина, Илья

Зерщиков. 7 июля напали заговорщики на своего главного атамана. Булавин отстреливался, убил двоих казаков, но потом, увидавши, что врагов много и ему не сладить с ними, убежал в курень и застрелился из пистолета. Зерщиков, избранный атаманом, от имени всего войска принес царю повинную. Долгорукий занял Черкасск и обошелся милостиво, чтоб не раздражить казаков. Украинные городки, носившие название верховых, осуждены были на истребление, а потому бунт, прекратившись в земле донских казаков, не прекратился в великорусской Украине. Беглые, населявшие опальные городки, не ожидали себе никакого милосердия и поневоле в отчаянии должны были резаться до последней степени. Атаман Некрасов, с шайкою самозванных казаков, бросился было на восток и хотел взять Саратов, от которого был отбит калмыками, а тем временем Долгорукий взял его постоянное местопребывание – Асаулов городок на Дону; главных заводчиков, там найденных, приказал четвертовать, а множество других повесить: тогда несколько сот виселиц, с повешенными на них мятежниками, было поставлено на плотях и пущено по Дону. Некрасов, услышавши о разорении своего городка, убежал на Кубань с двухтысячною шайкою и отдался под власть крымского хана. По его следам пошли другие из донских станиц, преданных расколу, и так положено было начало казаков некрасовцев, которые поселились на берегу Черного моря между Темрюком и Таманью, а в 1778 году ушли в Турцию.

Из всех атаманов упорнее показал себя Никита Голый. Он хотел продолжать дело Булавина и рассылал прелестные письма. «Идите, – писал он, – идите, голытьба, идите со всех городов, нагие, босые: будут у вас и кони, и оружие, и денежное жалованье». Мятеж длился несколько времени в южной части воронежской губернии и в харьковской, но удачи мятежникам не было. Острогжского слободского полка полковник Тевяшов и подполковник Рикман 26 июля разбили при урочище Сальцова Яруга воровское полчище и взяли в плен атамана Семена Карпова, потом побрали и поразоряли городки: Ревеньки, Закатный, Билянский, Айдарский. Голый не унывал, собирал



последние силы и укрепился в Донецком городке с другим атаманом, Колычевым. 26 октября Долгорукий с Тевяшовым взяли и этот городок, сожгли его, многих захваченных истребили, но Голый с Колычевым убежал. Долгорукий догнал его на Дону у Решетовой станицы. У Голого было восемь тысяч. Он вступил в битву. Вся его шайка погибла; множество мятежников потонуло; попавшиеся в плен были казнены. Но Голый еще раз спасся бегством. По царскому приказанию были сожжены все городки по берегам рек Хопра, Медведицы до Устьмедведицкой станицы, Донца до Лугани, и по всему протяжению рек: Айдара, Бузулука, Деркула, Черной Калитвы. Все обитатели этих городков, те, на которых падало обвинение в участии в мятеже, истреблены, прочих перевели в другие местности, где с них удобнее было требовать платежа налогов и отправления повинностей.

### III. От Альтранштадтского мира до Прутского мира России с Турцией

Народное восстание беспокоило Петра на востоке государства, а с запада готовилось вторжение шведов. После примирения Августа с Карлом и отказа польского короля от короны, Польша оставалась в неопределенном положении. Приходилось полякам: или признать королем Станислава, навязанного им чужеземною силою, или выбирать нового. Если бы у них доставало политического смысла и гражданского мужества, то, конечно, они бы стремились устроить у себя правительство, не угождая ни Петру, ни Карлу. Но тут открылось, что польские паны, заправлявшие тогда своим государством, повели уже Речь Посполитую на дорогу к разложению. Влиятельные паны, бывшие сторонники Августа и противники Станислава, составлявшие генеральную конфедерацию, без зазрения совести просили от русского царя подачек за то, что будут держать Речь Посполитую в союзе с Россией и в войне с Карлом. Таким образом, куявский бискуп примас Шенбек, люблинский и мазовецкий воеводы, коронный подканцлер, маршалок конфедерации тайно взяли из рук русского посла Украинцева по несколько тысяч. Кроме того, Петр дал конфедерации 20000 рублей на войско. Петр успел настолько, что генеральная конфедерация, собравшись во Львове, заключила договор с Россией действовать против Карла. Со своей стороны Август, посредством своих благоприятелей, уверял поляков, что он не хочет отказываться от короны. Петр в эту пору ему не доверял и пытался было предложить корону сыну покойного короля Собеского, Якову. Тот отказался. Петр предлагал польскую корону трансильванскому князю Ракочи. Последний не прочь был сделаться польским королем, но не успел составить в Польше себе партии. Наконец Петр предлагал польскую корону знаменитому имперскому полководцу Евгению Савойскому, но тот, так же как и Собеский, не прельстился на опасную корону. Между тем, соображая, что теперь приходилось вести войну с Карлом без союзников, Петр

делал попытки примириться с Карлом и для этого искал посредничества в Англии, Австрии, у голландских штатов и даже у Людовика XIV. Но дело не могло пойти на лад, потому что Карл XII не хотел мириться иначе, как на условии, чтобы Россия возвратила все сделанные ею завоевания, а Петр ни за что не хотел мириться иначе, как оставив за собою Петербург. Притом же в Европе вообще господствовало такое мнение, что не следует давать России усиливаться и допускать ее в систему европейских государств. Французский кабинет прямо указывал Турции опасность от усиления России, которая начнет волновать единоплеменные и единоверные народы, находившиеся под властью Оттоманской Порты. В Австрии боялись вредного для нее влияния России на подвластных славян, и особенно православных. Шведские министры настраивали и Англию, и Голландию в таком же враждебном духе, поддерживая мнение, что если Россия усилится, то сделает варварское скифское нашествие на Европу. Одним словом, все стремления Петра сделать Россию европейским государством не только не находили сочувствия в Европе, но возбуждали зависть и боязнь. Вместе с тем на русских продолжали смотреть с высокомерным презрением. В таких-то обстоятельствах Петру оставалось бороться с Карлом один на один. К счастью русского государя, упрямый и своенравный король шведский, не слушаясь советов ни государственных людей, ни опытных полководцев, повел свои действия как можно лучше для России.

Задумавши поход в русские владения, Карл пропустил все лето и осень, простоявши лето в Саксонии, а осень в Польше, и двинулся в поход в Литву зимою, подвергая свое войско и стуже, и недостатку продовольствия; вдобавок он раздражал поляков, не скрывая явного к ним презрения, и без всякой пощады их обирал. Гродно было в руках русских; Карл неожиданно явился под этим городом, думая захватить в нем Петра: русский царь едва двумя часами успел уехать оттуда. Защищавший Гродно бригадир русской армии Мюлендорф, после недолгого сопротивления, впустил в город шведов, а потом, страшась наказания, передался неприятелю. Петр,

узнавши, что враг его собирается чрез Белоруссию идти в московские пределы, приказал опустошать Белоруссию, чтоб шведы на пути не находили продовольствия, а сам убежал в Петербург, с горячечною деятельностью занялся укреплением его, приказывал в то же время укреплять Москву, велел даже, при первом опасном случае, вывозить все казенные и церковные сокровища на Белоозеро, делал распоряжения об укреплении других городов: Серпухова, Можайска, Твери, дал повеление жителям, под смертною казнью, не выходить из своих мест жительства и быть готовыми к осаде, приказывал гнать народ на работы для укрепления городов. Петр думал, что с весною придется отчаянным образом защищаться от неприятельского вторжения в пределы государства. Но Карл, вступивши в Литву, стал в местечке Радошковичах и простоял там четыре месяца. Не ранее июня выступил он по пути в Россию на Березину. Там русские, под командой Шереметева и Меншикова, берегли переправу, и 3-го июля в местечке Головчине произошла битва. Русские дрались упорно, но отступили. Шведы могли хвалиться победою, но им она стоила дорого. Положение русских, однако, становилось затруднительным потому, что они не знали, по какому направлению пойдет Карл: на север или на юг, в Смоленск или в Украину? Карл прибыл в Могилев, простоял там около месяца, дожидаясь генерала Левенгаупта с его корпусом в 16000 чел. из Лифляндии. В августе, не дождавшись Левенгаупта, шведский король выступил, перешел Днепр и двинулся к р. Соже. Русские думали, что он идет на Смоленск. Действительно, Карл шел на север ко Мстиславлю и 29-го августа встретился с русским войском у местечка Доброго. Сам царь участвовал в битве; русские и здесь остались в потере. Карл пошел за ними вслед, имел еще одну стычку с русскими и остановился. Ему оставалось подождать Левенгаупта, который был уже у Шклова, и потом действовать против русских, усиливши свое войско; но Карл 14-го сентября внезапно повернул назад и направился к Украине. Русские не преследовали его и обратили все силы на Левенгаупта. При местечке Лесном, 28-го сентября, русское войско под

предводительством Меншикова, в присутствии царя, вступило в кровопролитную битву ночью. Левенгаупт был разбит наголову (до 8000 тысяч шведов было убито; 2673 чел. взято в плен с пушками и знаменами); Левенгаупт успел привести к королю только 6700 человек, и то без всяких запасов.

Карл шел в Украину с большими надеждами. Малороссийский гетман Иван Мазепа вступил с ним в тайный договор, и его тайная присылка к королю с просьбою идти скорее была, как говорили, причиною внезапного поворота королевского. Ни Петр, ни его государственные люди никак не ожидали измены тогдашнего малороссийского гетмана, бывшего одним из самых любимых и доверенных людей у русского государя. Петр ценил его ум, образованность, преданность видам своего государя, наделял его богатствами и отличиями. Мазепа был второй из получивших учрежденный Петром орден Андрея. Но тогдашнее положение Малороссии делало естественным такое явление. С самого Богдана Хмельницкого эта страна находилась в постоянном колебании.

Уступая тяжелым обстоятельствам, малорусс поневоле клонил голову то перед ляхом, то перед «москалем», то перед турком, а в душе не любил никого из них: его заветным желанием было прогнать их всех от себя и жить дома на своей воле. Это между тем было невозможно не только по обстоятельствам, извне влиявшим на Малороссию, но по причине внутренней безладницы, мешавшей всем помыслам и стремлениям направиться к одной цели. Казацкие старшины и вообще люди, у которых горизонт политических воззрений был шире, чем у простолюдинов, пропитаны были совсем иными понятиями, чем какие господствовали у великоруссов. Они чуяли, что русская самодержавная власть посягнет на то, что в Малороссии называлось казацкою вольностью. Уже со стороны великорусских важных лиц делались зловещие намеки на необходимость поставить Малороссию на великорусский образец. По поводу постройки Печерской крепости в Киеве, стали отрывать казаков от хозяйственных занятий и гонять на земляные работы, а великорусские служилые люди, наводнявшие Украину, обращались с туземцами нагло и

свирепо. Мазепа был человек своего времени; для него, поставленного на челе власти в своем крае, независимость Малороссии не могла не быть идеалом. При невозможности достигнуть этого идеала он, наравне со своими соотечественниками, мог только втайне вздыхать, а перед великоруссами казался верным слугою царя. Но вдруг явилось искушение и надежда достичь желанной цели. Уже не раз польские сторонники шведского короля делали Мазепе соблазнительные предложения; он их отвергал, потому что не надеялся на успех. Но когда противник Карла и союзник Петра лишился короны, и Петру приходилось теперь одному без союзников бороться с победоносным соперником, когда Петр готовился уже не расширять пределы своего государства, а защищать его средину от неприятельского вторжения, – Мазепа увлекся предположением, что в предстоявшем повороте военных обстоятельств победа останется за шведским королем, и если Малороссия будет упорно стоять за Россию, то Карл отнимет ее у России и отдаст Польше, а потому казалось делом благоразумия заранее стать на сторону Карла, с тем чтобы, после расправы с Петром, Малороссия признана была самостоятельным независимым государством. В этом смысле Мазепа стал вести тайные переговоры, но все еще колебался и не открывал своего замысла никому, кроме самых близких; когда же Карл приблизился к Украине, а Меншиков потребовал гетмана к себе на соединение с великорусскими военными силами для совместного действия против Карла, – Мазепа очутился в роковой необходимости выбирать либо то, либо другое: 24 октября 1708 года он присоединился к шведскому войску с несколькими лицами из казацкой старшины, с четырьмя полковниками и отрядом казаков; но те, которые пошли за ним, стали потом уходить от него, когда узнали, куда он их ведет.

Петр, никак не ожидавший такого события, узнал о нем 27 октября в Погребках на Десне, где наблюдал за движениями неприятеля. Он приказал Меншикову истребить дотла Батурин, столицу гетмана. Русские взяли Батурин, 1 ноября, и перебили в нем все живое с такою жестокостию, какою отличались в Ливонии и в собственной земле во время укрощения

булавинского бунта. Вслед за тем Петр приказал съехаться в город Глухов, к 4 ноября, малороссийскому духовенству и старшине. Там избран был новым гетманом стародубский полковник Иван Скоропадский, а потом, угождая царю, малороссийское духовенство совершило обряд предания анафеме Мазепы с его соучастниками. После того между Карлом и Мазепой, с одной стороны, и Петром со Скоропадским – с другой, началась полемика манифестами и универсалами, обращаемыми к малороссийскому народу. Карл и Мазепа старались вооружить народ против Москвы, пугая его тем, что царь хочет уничтожить казацкие вольности, а Петр и Скоропадский уверяли малоруссов, что Мазепа имеет намерение отдать Малороссию в прежнее порабощение Польше и ввести унию. Петр приказал сложить с народа поборы, установленные гетманом Мазепой, и в своем манифесте выразился так: «Ни один народ под солнцем такими свободами и привилегиями и легкостью похвалиться не может, как народ малороссийский, ибо ни единого пенязя в казну нашу во всем малороссийском крае с них брать мы не повелеваем».

Малороссия не пошла за своим старым гетманом: интересы простонародной массы были противоположны интересам старшин и вообще богатых и значных людей казацкого сословия. Последние понимали вольность в таком смысле, чтобы привилегированный класс, вроде польской шляхты, управлял всею страню и пользовался ее экономическими силами за счет остального народа – так называемой черни, а простонародная громада хотела полного равенства, всеобщего казачества. Едва только пошла по Малороссии весть, что чужестранцы приблизились к пределам малороссийского края и гетман со старшиною переходят на их сторону, народ заволновался, стали составляться шайки – нападать на чиновных людей, на помещиков, грабить богатых торговцев, убивать иудеев, и Мазепа, задумавший со старшиною доставить Малороссии независимость и свободу, должен был сознаться, что народ не хочет такой независимости и свободы, а желает иной свободы, к которой стремление начинает грабежом и расправою над знатными и богатыми людьми. Те, которые

носили казацкое звание и были отличены по правам личным и имущественным от посполитых людей или черни, быть может, пошли бы за своим предводителем, если бы у Карла были большие силы, а у Петра было их мало. Вышло наоборот: казаки увидали, что Карл пришел с малочисленным войском и трудно было ему дополнять его из далекого своего отечества, а Петр явился с ратью, вдвое превосходившею силы его соперника; войско Петра беспрестанно увеличивалось и готово было безжалостно разорять малороссийский край, если казаки станут заявлять расположение к шведам.

Царь стал в Лебедине. Карл занял Ромны, взял Гадяч, потом потерял Ромны. Наступили такие суровые морозы, каких не помнили в Малороссии деды и прадеды. Птицы замерзали, летая по воздуху. Воины отмораживали себе руки и ноги. Шведы терпели более русских, потому что одеты были легче; это уменьшило силы Карла, а силы Петра увеличивались прибывавшими рекрутами.

В начале января 1709 г. шведы взяли местечко Веприк, и тем ограничились их успехи. Петр услышал, что Карл возбуждает турок идти на Россию и сам намеревается двинуться на Воронеж. Это побудило Петра оставить войско и ехать в Воронеж, чтоб распорядиться там относительно своих кораблей. Он поехал в начале февраля и осматривал в Воронеже и Таврове корабельные работы; вместе с мастеровыми собственноручно сам работал, в то же время занимался внутренними делами и даже поправлял печатаемые в то время ведомости, календари и учебные книги. Со вскрытием рек царь спустил в Таврове на воду новопостроенные корабли и, несмотря на нездоровье, отправился вниз по Дону в Новочеркасск, где приказал казнить Илью Зерщикова, напрасно думавшего избавиться выдачею Булавина, посетил Азов, осмотрел Троицкую крепость, несколько раз плавал по Азовскому морю, производя морские эволюции, а в мае возвратился к войску степью, через Харьков.

Между тем в отсутствие Петра продолжались военные действия со шведами; две стычки под Красным Кутом и Рашевкою, хотя довольно кровопролитные, не имели важных



последствий, но очень важным делом была расправа с запорожцами. Кошевой Костя Гордиенко, приставши к Мазепе, увлек все товарищество; запорожцы обесчестили присланных к ним царских стольников, которые привезли милостивую царскую грамоту, денег на войско и в подарок старшинам. Замечательно, что запорожцы, всегда державшиеся интересов черни в борьбе с казацкою старшиною, и на этот раз заявили такое требование, которое было противно как Петру, так и Мазепе: чтобы в Малороссии не было старшины и чтобы весь народ был вольными казаками как в Сечи. Гордиенко отправился затем с запорожцами в Малороссию; к нему начала приставать чернь из Переяславльского полка; Гордиенко провозглашал всеобщую казачину и приказывал народу на обеих сторонах Днепра собираться и бить старшин. Тогда, по приказанию Петра, полковник Яковлев из Киева двинулся на судах вниз по Днепру, разбил полчища, собравшиеся у Переволочны, доплыл до Сечи и после упорного сопротивления взял ее приступом. Большая часть из находившихся в Сече запорожцев пала в битве; до трехсот человек взято в плен и казнено по приказанию государя. Но в Сече оставалась тогда небольшая часть всего запорожского коша; остальные с Гордиенком и со всею старшиною успели пробраться через Малороссию, разбили русский отряд полковника Кампеля и соединились с Карлом.

Когда, 31 мая, Петр возвратился к войску, Карл, устроивши свою главную квартиру в Опошне, уже около двух месяцев занимался осадю Полтавы: он надеялся в ней найти большие запасы. Полтавский комендант Келин не только отвергал всякие предложения к сдаче, но делал смелые вылазки и наносил урон неприятелю. Царь, явившись из путешествия в свое войско, расположенное под Полтавой на другой стороне Ворсклы, известил о своем прибытии коменданта письмом, брошенным в пустой бомбе: Петр принял намерение переправить войско на другую сторону и дать генеральную битву, чтобы освободить Полтаву от осады. Переход через реку совершался несколько дней; 20 июня русские были уже на другой стороне реки и расположились лагерем, который стали укреплять шанцами. Шведы попытались в последний раз взять Полтаву приступом,

но были отбиты, и Полтава освободилась от осады. Готовясь к битве, Петр откладывал ее со дня на день до прибытия 20000 калмыков, но Карл, узнавши об этом, приказал двинуть войско в битву, 27 июня, на рассвете. Шведскую армию предводительствовал Реншильд. Сам Карл XII получил перед тем рану в ногу и, сидя в качалке, велел возить себя по полю битвы. Всею русскою армиею командовал фельдмаршал Шереметев, артиллерию – Брюс, правым крылом – генерал Ренне, а левым – Меншиков. Сам Петр участвовал в битве, не избегая опасности: одна пуля прострелила ему шляпу, другая попала в седло, а третья повредила золотой крест, висевший у него на груди. В это-то время, ободряя своих воинов, он сказал знаменитые слова: «Вы сражаетесь не за Петра, а за государство, Петру врученное... а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия, слава, честь и благосостояние ее!» Через два часа участь битвы была решена. Шведы были разбиты наголову и бежали, оставивши более 9000 на поле битвы. Бежавшим шведским войском командовал Левенгаупт. Сам фельдмаршал Реншильд с тремя генералами и тысячей воинов взят в плен. Карла едва спасли от плена: его качалка досталась русским. Главный министр шведского короля, граф Пиппер, со всею королевскою канцеляриею явился в Полтаву и сдался русским. На поле битвы в тот же день Петр устроил пир, пригласил к нему шведских военнопленных генералов, возвратил им шпаги, обласкал, хвалил за верность своему государю и, наливши кубок вина, сказал: «Пью за здоровье вас, моих учителей в военном искусстве». – «Хорошо же отблагодарили ученики своих учителей!» – ответил Реншильд<sup>5</sup>.

На другой день после Полтавской битвы Петр послал Меншикова в погоню за бежавшим неприятелем, а сам приказал в присутствии своем похоронить убитых русских и собственноручно засыпал их землею<sup>6</sup>. Меншиков догнал шведское войско на устье Ворсклы у Переволочны. Население все разбежалось; войску не на чем было переправляться через Днепр; запорожцы едва успели переправить на лодках Карла и Мазепу. Левенгаупт и товарищ его Крейц были застигнуты

Меншиковым, не сопротивлялись, не имея ни пороху, ни артиллерии, и сдались военнопленными с 16000 войска. Петр отправил за Днепр два драгунских полка под начальством генерала Волконского за Карлом и Мазепою, давши приказание, «если поймут Карла, то обходиться с ним честно и почтительно, а если поймут Мазепу, то вести его за крепким караулом и смотреть, чтобы он каким-нибудь способом не умертвил себя». Запорожцы успели провезти Карла с несколькими генералами и Мазепу с его приверженцами на татарских телегах через степь до Очакова. Отряд Волконского, догнавши их при переправе через Буг, захватил в плен нескольких шведов и казаков.

Петр приказал разослать пленных шведов по городам, назначив им жалованье по их чинам, но приказавши простых шведов употреблять на казенные работы, наградил русских генералов, участвовавших в битве, орденами, высшими чинами и вотчинами, офицеров – своими золотыми портретами и медалями, солдат – серебряными медалями и деньгами, а сам получил чин генерал-лейтенанта. В Москве на радостях восемь дней сряду звонили без устали и палили из пушек; по улицам кормили и поили народ, угощая вместе с тем и шведских пленников, по вечерам зажигали потешные огни. Сам царь отправился с Меншиковым в Польшу.

Август, услышавши о несчастьи Карла, увидел возможность нарушить Альтранштадтский мир и, собравши 14000 саксонского войска, двинулся в Польшу, обнародовал манифест, в котором доказывал справедливость разрыва вынужденного мира со шведским королем, взваливал вину своих министров и представлял свои права на польский престол, ссылаясь на то, что папа не утвердил Станислава королем. Петр приехал в Варшаву. Паны, противники Лещинского, величали Петра спасителем своей вольности, тем более что русский отряд, посланный перед тем в Польшу под начальством Гольца, вместе с гетманом Синявским, одержал победу над войсками Станислава. 26 сентября Петр приехал в Торунь и там свиделся с Августом; все прежнее казалось забытым; Петр простил ему изменнический мир со шведами и выдачу Паткуля. Август все

сваливал на своих министров. Друзья снова заключили оборонительный договор против Швеции; Август уступал Эстляндию России; царь обещал польскому королю, в вознаграждение издержек, Ливонию, но тут же проговорился, сказавши саксонскому министру Флемингу, что приобретенное Россиею на войне без участия союзников будет принадлежать России. Из Торуня Петр отправился по Висле в Мариенвердер и там виделся с прусским королем; с ним также заключил он договор против Швеции. Царь оттуда прибыл в Курляндию, а Шереметев с 40000-ным войском, в начале октября, подошел к Риге. Сам Петр прибыл к войску, сделал осмотр окрестностей Риги и 14 ноября собственноручно пустил в Ригу три бомбы; затем он оставил 7000 войска держать в блокаде город до весны, а остальное войско приказал расположить по квартирам в Ливонии и Курляндии. Из-под Риги Петр через Петербург отправился в Москву и в декабре устроил себе и своим генералам торжественное вшествие в Москву через семь триумфальных ворот, украшенных всевозможными символическими знаками. Церемонии, речи, потешные огни и пиры продолжались в течение нескольких дней.

Полтавская битва получила в русской истории такое значение, какого не имела перед тем никакая другая. Шведская сила была надломлена; Швеция со времен Густава-Адольфа, занимавшая первоклассное место в ряду европейских держав, потеряла его навсегда, уступивши России. Унизительный Столбовский мир, лишавший Россию выхода в море, теперь невозвратно уничтожился. Берега Балтийского моря, завоеванные Петром, невозможно было уже отнять от России. В глазах всей Европы Россия, до сих пор презираемая, показала, что она уже в состоянии, по своим средствам и военному образованию, бороться с европейскими державами и, следовательно, имела право, чтобы другие державы обращались с нею, как с равною. Наконец, с этого времени деятельность Петра, до сих пор поглощаемая войною и сбором средств для войны, гораздо больше обратилась на внутреннее устройство страны.

Еще в конце 1708 года состоялось важное распоряжение о разделении всей России на губернии. Учреждено было восемь губерний: Ингерманландская, Архангельская, Московская, Смоленская, Киевская, Азовская, Казанская и Сибирская<sup>7</sup>.

Всех городов в восьми губерниях было в то время 339, а из них 25 приписанных к корабельным воронежским делам в Азовской губернии.

В 1709 году все внимание Петра было поглощено войною. Внутренние распоряжения клонились исключительно к доставлению средств, которые, однако, при всех усиленных мерах, оказывались недействительными. На деле совершалось не то, что на бумаге. Откупщики, бравшие на откуп казенные доходы, объявляли себя несостоятельными. Пчелиные промыслы, обложенные с 1704 года налогом, не приносили доходов, потому что владельцы пасек не представляли о них отписей и не платили в казну ничего: поэтому велено было сделать новый пересмотр пасек и бортных урожаев и обложить их по 1-му рублю 3 алтына и 2 деньги за пуд меду, тогда как прежде в казну брали только по два фунта с улья и по 8 денег. Несмотря на все меры, недоимки по всем статьям оставались за несколько лет невнесенными, не было возможности их собрать, и, наконец, правительство должно было в ноябре 1709 года скинуть все прежние недоимки и взыскивать только за два последние года. Впрочем, последующие указы противоречили предыдущим; после скидки старых недоимок, осенью 1711 года, велено было взыскивать недоплаченные деньги с 1705 года.

После победы над шведами, Петр, считая свой любимый Петербург уже крепким за Россией, принялся за устройство его более энергическим образом, а это послужило поводом к такому отягощению народа, с каким едва могли сравниться все другие меры. В 1708 году выслано было в Петербург сорок тысяч рабочих. В декабре 1709 года со всех посадов и уездов, с дворцовых, церковных, монастырских и частных имений велено было собрать, кроме каменщиков и кирпичников, такое же число – 40000 человек и пригнать на работу в Петербург. На хлеб и на жалованье рабочим, по полтине в месяц, назначено собрать с тех дворов, с которых не было взято рабочих, что составило

сумму 100000 рублей. В 1710 году из Московской губернии велено было взять в Петербург 3000 рабочих, распределив их по десяткам, так что в каждом десятке был плотник с инструментами, и жалованье назначено ему по рублю в месяц; в том же году велено выслать к следующему 1711 году на две перемены по 6075 человек, приставивши к ним приказчиков из тех селений, из которых будут выбраны работники. Независимо от этого отправляли таким же образом рабочих в Азов 13-го июня 1710 года; на сто верст кругом Москвы велено было набрать молодых людей от пятнадцати до двадцати лет и отправить в матросы в Петербург. В 1711 году опять потребовали в Петербург новых 40000 рабочих и приказали собрать на них 100000 рублей. Но полное число требуемых работников не высылалось, потому что много дворов, значившихся по книгам, оставались на деле пустыми. Хлебный провиант, для продовольствия этих рабочих людей, собирался со всего государства по числу дворов, и каждый год оставались недоимки, которых сумма все более и более возрастала против прежних лет. Так, например, из 60589 четвертей, следуемых к сбору в казну на провиант из дворцовых и помещичьих имений, в 1708 году не доплачено 22729; в 1709 – 32692; в 1710 – 36331; то же с имений церковного ведомства: из 34127 четвертей в недоимке было: в 1707 году – 7000 четвертей; в 1708 – 8586; в 1709 – 14251; в 1710 – 19308 четвертей.

Судостроительные работы не ограничивались одним Петербургом: строились шнявы в Олонце, где начальствовал над работами голландец Дефогельдедам. В Архангельске строились суда под наблюдением голландца Вреверса, построившего там большой фрегат. В Московской губернии, на Дубенской и Нерльской пристанях, строились суда, называемые «тялками», для спуска с казенными запасами. В Казани устроена была верфь и строились суда, называемые «семяками» и «тялками»; там на верфи работала толпа голландцев и русских рабочих, под наблюдением мастера Тромпа; государь послал к нему учиться молодых дворянских детей. Близ Воронежа продолжалось кораблестроительное дело

в Таврове и Усерде, и для того в сентябре 1711 года велено выслать туда 1400 плотников.

Рекрутские наборы шли своим чередом; возникшая тогда война с Турцией потребовала усиления рекрутчины. В 1711 году собрано со всех губерний, кроме Петербургской, 20000 рекрут и, кроме того, деньги на обмундирование их и на провиант для продовольствия, а также 7000 лошадей с фуражом или деньгами за овес и сено в течение восьми месяцев: приходилось с 26 дворов по одному рекруту, а с 74 дворов по одной лошади. С имений церковного ведомства собирался провиант на войско в размере хлеба по 5 четвериков со двора и по четверику круп с 5 дворов. По отношению к дворовому числу, все восемь губерний разделены были на доли, всех долей было 146, одних дворов было 798 256. Сбор провианта сопровождался жалобами жителей, что люди, присылаемые войсковыми командирами, причиняют крестьянам убытки и разорения; но на такие жалобы мало обращалось внимания. Настоятельные потребности содержать войско вынуждали правительство, в ответ на жалобы, строго предписывать поскорее собирать провиант и доставлять его по назначению. Губернаторам угрожали наказанием, как изменникам, за несвоевременное исполнение указов, а рекруты беспрестанно бегали со службы; чтоб предупредить побег, их обязывали круговую порукою, грозили ссылкой за побег рекрута его родителям, налагали штраф по пятнадцати рублей за передержку беглого. Но побег от этого не прекращались, а иные помещики умышленно укрывали количество своих крестьян и уклонялись от рекрутской повинности. Села пустели от многих поборов; беглецы собирались в разбойничьи шайки, состоявшие большею частью из беглых солдат. Они нападали на владельческие усадьбы и на деревни, грабили и сжигали их, истребляли лошадей, скот, рассыпали хлеб из житниц, увозили с собою женщин и девиц для поругания. По просьбе помещиков, живших в уездах около Москвы, отправляемы были нарочные сыщики, которые собирали отставных дворян, разных служилых людей и крестьян на ловлю разбойников. Около Твери и Ярославля разбойничьи шайки разгуливали совершенно

безнаказанно, потому что, за отправкою дворян молодых и здоровых на службу и за взятием множества людей в Петербург на работу, некому было ловить их. Разбойники бушевали в Клинском, Волоцком, Можайском, Белозерском, Пошехонском и Старорусском уездах, останавливали партии рекрут, забирали их в свои шайки и производили пожары. Государь в октябре 1711 года отправил для розыска разбойников полковника Козина с отрядом; отставные дворяне и дети боярские обязаны были, по требованию последнего, приставать к нему и вместе с ним ловить разбойников, которых немедленно следовало судить и казнить смертию. В 1714 году повелено казнить смертию только за разбой с убийством, а за разбои, совершенные без убийства, ссылатъ в каторгу, с вырезкою ноздрей.

Рядом с разбойниками проявлялись фальшивые монетки – воровские денежные мастера. Строгие меры против них были тягостны не только для самых преступников, но и для неосторожных покупателей, потому что всякого, у кого случайно находили воровские деньги, тащили на расправу. Кроме фальшивой монеты домашнего изобретения, в Архангельск привозили такую же иностранцы. Чтобы прекратить в народе обращение ее, в мае 1711 года были уничтожены старинные мелкие деньги; а вместо них начали чеканить рубли, полтинники, полуполтинники, гривенники, пятикопеечники и алтынники. Северная половина России страдала от поджогов и от случайных пожаров, которые вынуждали предупредительные меры: в мае 1711 года, по сенатскому указу, велено в городах заводить инструменты для погашения огня – крючья, щиты, трубы, ломы и т. п. и раздать по гарнизонным полкам, которые обязаны были охранять города от огня. Но эти спасительные меры были более на бумаге, чем на деле, потому что долго потом не приобретались инструменты, да и самая сумма на эти предметы, простиравшаяся до 110000 рублей, не слишком была достаточна. Города Псков, Торжок, Кашин, Ярославль и другие дошли до такого разорения, что современники находили едва возможным поправиться им в течение пятидесяти лет. Много народа вымирало, много разбегалось. В 1711 году



насчитывалось в этом крае 89086 пустых дворов. К увеличению народных бед, в 1710 году появились заразные болезни, перешедшие из Лифляндии и Польши, где они особенно свирепствовали, и для этого велено было устроить заставы, распечатывать все письма и окуривать можжевельником.

Недостаток средств, при всех усиленных мерах, высказался уже в январе 1710 г., когда государь приказал своей ближней канцелярии счесть доходы с расходами, и оказалось, что приходу 3015796 р., а расходу 3834418 рублей. Надобно было усиливать строгость сбора доходов. В Москве у всех ворот и проездов больших дорог делали шлагбаумы, где стояли солдаты и брали с каждого воза, ехавшего с какою бы то ни было кладью, мелкую пошлину. Во всем государстве запрещено было, не взирая ни на какое звание, готовить вино, а непременно брать из царских кабаков. То была новая тягость для народа; только малороссыяне были избавлены от нее; не только в самой гетманщине, но и в великорусских краях, где они поселились, дозволялось им свободное винокурение. Петр ласкал малороссийский народ и освобождал его от поборов, таким гнетом падавших на великороссян. Марта 11-го 1710 года манифестом царь строго запретил великорусским людям делать оскорбления малоруссам, попрекать их изменою Мазепы, угрожая, в противном случае, жестоким наказанием и даже смертною казнью за важные обиды; но это были только ласки до времени: и за Малороссию Петр готовился приняться.

Самою важною мерою, с целью привести в порядок государственное управление и получать правильно доходы, было учреждение высшего центрального места, под именем сената. Указ об учреждении его последовал в первый раз 22 февраля 1711 года. Сенат был род думы, состоявшей из лиц, назначенных царем, вначале в числе восьми. Сенат, по словам указа, учреждался по причине беспрестанных отлучек самого царя. Он имел право издавать указы, которых все обязаны были слушаться под страхом наказания и даже смертной казни. Сенат ведал суды, наказывал неправильных судей, должен был заботиться о торговле, смотреть за всеми расходами, но главная цель его была собирать деньги, «понеже деньги суть

артерия войны», говорит указ. Все сенаторы имели равные голоса. Сенату подведомы были губернаторы, и для каждой губернии в самом сенате учреждались так называемые повытья с подьячими. Канцелярия сената, кроме повытей, имела три стола: секретный, приказный и разрядный; последний заменял упраздненный древний разряд. В канцелярии правительствующего сената должны были находиться неотлучно комиссары из губерний для принятия царских указов, следуемых в губернии и для сообщения сенату сведений по вопросу о нуждах губернии; они вели сношения со своими губерниями через нарочных или через почту.

Вместе с учреждением сената последовало учреждение фискалов. Главный фискал на все государство назывался обер-фискалом. Он должен был надсматривать тайно и проводить: нет ли упущений и злоупотреблений в сборе казны, не делается ли где неправый суд, и за кем заметит неправду, хотя бы и за знатным лицом, должен объявить перед сенатом; если донос окажется справедливым, то одна половина штрафа, взыскиваемого с виновного, шла в казну, а другая поступала в пользу обер-фискала за открытие злоупотребления. Если даже обер-фискал не докажет справедливость своего доноса, то он за то не отвечал, и никто, под страхом жестокого наказания, не смел выказывать против него досаду. Под ведомством обер-фискала были провинциал-фискалы, с такими же обязанностями и правами в провинциях как и обер-фискал в целом государстве, с тою разницею, что без обер-фискала они не могли призывать в суд важных лиц. Под властью последних состояли городовые фискалы. Собственно по духу своему это не было нововведение, потому что доносничество и прежде служило одним из главных средств поддержания государственной власти, но в первый раз оно получило здесь правильную организацию и самое широкое применение. Фискалы должны были над всеми надсматривать; все должны были всячески им содействовать – все, ради собственной пользы, приглашались к доносничеству. Объявлено было в народе, что если кто, например, донесет на укрывавшегося от службы служилого человека, тот получит в полную

собственность деревни того, кто укрывался; или кто донесет на корчемников, торговавших в ущерб казне вином или табаком, тот получит четвертую долю из пожитков виновного. Доносчики освобождались от наказания, хотя бы и не доказали справедливости своего доноса. Опыт скоро показал, что такая мера не прекращала злоупотреблений; напротив, фискалы, пользуясь своим положением, сами позволяли себе злоупотребления и попадались. Система доносов только способствовала дальнейшей деморализации народа; подобными мерами можно скрепить взаимную государственную связь, но всегда в ущерб связи общественной.

С учреждением сената ратуша хотя не была уничтожена, но потеряла свое прежнее значение, и власть губернаторов стала простираться на торговое сословие. Губернаторам было отдано ямское дело, а ямской приказ был упразднен. На них же возложено было отыскание металлических руд, и особый существовавший до сих пор приказ рудных дел был уничтожен. С целью преобразования монетной системы учреждено особое место, так называемая купецкая палата. Все, у кого были старые деньги, должны были сносить их в купецкую палату и обменивать их на новые.

В купецкой палате сидело двое поставленных на монетном дворе, а к ним присоединялись выборные из гостинной сотни по одному человеку, обязанные клеймить все серебряные и золотые изделия и преследовать тех, которые станут продавать эти изделия без пробы. За первый раз была назначена легкая пеня в 5 рублей, за второй – пеня в 25 рублей и телесное наказание, а за третий – кнут, ссылка и отобрание всего имущества в казну, «чтобы всеконечно истребить воровской вымысел в серебряных и золотых делах». Новая серебряная проба разделялась на 3 разряда: первое – чистое серебро, без всякой лигатуры, второе – 82 пробы и третье – 64. Купецкая палата имела поручение продавать желающим серебро и золото и для приобретения того и другого получала от казны готовые суммы; так, в мае 1711 года с этой целью отпущено было туда 50000 рублей. Купецкая палата для покупки серебра и золота посылала по ярмаркам доверенных купцов, и тогда

кроме таких доверенных лиц никто не смел покупать. Покупка и продажа золота и серебра также очень скоро послужила поводом к злоупотреблениям и наказаниям за эти злоупотребления со стороны правительства: в 1711 году нескольких купцов велено бить батогами за незаконную торговлю золотом и серебром.

Купецкие люди имели право надзора над разными фабриками и заводами, учреждаемыми правительством; таким образом, заведены были в Москве полотняные, скатертные и салфетные фабрики: их отдали купецким людям с тем, чтобы они умножили этот промысел, но с угрозой, что если они не умножат его, то с них возьмется штраф по тысяче рублей с человека. Петр даровал всем без исключения дозволение торговать, под своим, а не под чужим именем, с платежом обыкновенных пошлин, но не переставал ставить промыслы и торговлю в такое положение, чтоб они обогащали казну. Пошлины не уменьшались, напротив – увеличивались, и многие статьи отдавались на откупе с наддачею, т.е. тем, которые преимущественно перед прежними откупщиками давали казне большую откупную сумму; так, хомутная пошлина, взимаемая с извозчиков, а также пошлина с судов -переходили из рук в руки с наддачею. В Архангельске многие статьи вывоза продолжали быть исключительным достоянием казны, таковы были: икра, клей, сало, нефть, смола, лен, поташ, моржовая кость, ворвань, рыба, особенно треска и палтусина, корабельный и пильной лес, доски и юфть. Никто не смел в ущерб казне отпускать за границу этих товаров, а продавать их по мелочи производители могли только доверенным от царя купчинам. Из привозных вещей алмаз, жемчуг и разные драгоценные камни, по указу 1711 г., освобождались от пошлин для того, чтоб заохотить иноземцев привозить их в Россию.

Военные дела, после поражения шведов под Полтавою, несколько времени представляли ряд блестящих успехов, имевших последствием расширение пределов государства. Адмирал Апраксин осадил Выборг; сам царь, в звании контр-адмирала, участвовал в этой осаде, доставляя на кораблях запасы осаждающим. Шведский комендант, приведенный в

стесненное положение непрерывным бом-бардированием, 12 июля 1710 г. сдался на капитуляцию, выговорив себе свободный проезд в Швецию. Но Петр, давши слово, нарушил его под тем предлогом, что шведы задерживают в Стокгольме русского резидента Хилкова, и приказал увести в Россию военнопленным гарнизон, а многих жителей перевести в Петербург. Рига, осажденная еще осенью 1709 г. Шереметевым, держалась упорно более полугода. Рижский генерал-губернатор Штреноберг был человек храбрый и искусный; с чрезвычайным спокойствием он заставлял осажденных выдерживать сильнейшую бомбардировку и недостаток жизненных средств. Но в Риге распространилась заразительная болезнь, и люди умирали в громадном количестве, так что оставалась в живых едва третья часть всех жителей, а всего гарнизону с небольшим тысяча человек. Штреноберг сдался на капитуляцию. Шереметев не дозволил уйти природным немцам, принуждая их присягнуть царю на подданство; шведам дали слово отпустить их на родину, но нарушили слово, так же как и под Выборгом, и Штреноберг был удержан военнопленным. За Ригу сдался Динамюнде, где также зараза страшно истребила население. 14 августа генерал Боур взял Пернов, таким же образом, как Шереметев Ригу, потом переправился на остров Эзель и овладел Аренсбургом, а 29 сентября сдался Меншикову на капитуляцию Ревель; шведский гарнизон был выпущен. За Ревелем покорилась вся Эстония; таким образом балтийское побережье, которого Петр так добивался, досталось России, и с этих пор навсегда. По выражению одного современника, зараза более самого оружия способствовала Петру овладеть ливонским краем. Около того же времени покорен был генералом Брюсом Кексгольм, древняя Корела. Петр, в память этих приобретений, основал близ Петербурга монастырь Александра Невского, чтобы в глазах народа освящать свои завоевания благословением причисленного к лику святых князя, одержавшего победы над теми же немцами и шведами, которых теперь поражал Петр. Царь понял, что с подчинением прибалтийского края не нужны более суровые приемы, что надлежит, напротив, приласкать новых подданных, уцелевших в

разоренном и сильно обезлюдившем краю. Не только дал он этой стране временные льготы, в которых она нуждалась, но и утвердил навсегда старые права дворянства и гражданства прибалтийского края, обещал неприкосновенность лютеранского исповедания, судов и немецкого языка. Одни туземцы могли быть избираемы в должности и владеть в крае имениями, которые не могли облагаться личными налогами, кроме постановленных местным земским сеймом. Университету в Пернове царь обещал свое покровительство и объявил, что будет посылать туда русских для обучения. Петр уничтожил все редукации, выдуманные шведским правительством, и утвердил за дворянами те земли, какими они в данное время владели, что сильно успокоило дворянство. Курляндия не была еще покорена и оставалась польским леном, но на деле в то же время подпала иным способом под русскую власть. Петр выдал племянницу свою Анну Ивановну за молодого герцога курляндского, но этот герцог вскоре после брака (10 января 1711 г.) умер, а вдовствующая супруга осталась правительницею Курляндии и жила в Митаве. Петр распоряжался в этой стране по своему произволу, не допустивши до престолонаследия брата покойного герцога Фердинанда. В самой Польше дела складывались так, что русский царь мог распоряжаться этой страной и пролагать России дорогу к ее подчинению. Под видом защиты короля Августа, своего союзника, Петр продолжал держать свои войска в Польше к большой досаде жителей края. На содержание чужеземного войска, по известию современника Отвиновского, приходилось тогда по 38 талеров в месяц с дома. Постой назначен был только в земских или шляхетских имениях: все коронные имения были освобождены от постоя, а из земских имений гетманы и благоприятели гетманов постарались освободить свои собственные имения, расставивши русских солдат по чужим имениям и подвергая последние большей тягости, чем какую несли их собственные. Военные люди, по обычаю того времени, дозволяли себе насилия и бесчинства над жителями. Польские паны жаловались русскому послу князю Григорию Долгорукову, а посол водил их обещаниями; между тем, по царскому приказанию, русские вербовали людей

в Польше, иных даже насильно хватили и препровождали в Россию; царь хотел этими на вербованными заселить кое-где опустевшие русские местности. Русские отняли у шведов польский город Эльбинг, но Петр не выпускал его из рук и не отдавал Польше. По всему видно, Петр, по отношению к Польше, вступил уже в такую роль союзника, какую обыкновенно в истории разыгрывали сильные и ловкие над слабыми и простоватыми, мало-помалу превращаясь из союзников и друзей в господ и владык. Отношения к западным державам если не представляли для Петра блестящих надежд, то все-таки становились для него благоприятнее, после того как военные успехи заставили Запад уважать Россию. Дания снова вошла с Россией в союз против Швеции, хотя собственно своими военными действиями не приносила России никакой пользы; так, попытка датчан сделать нападение на южные области Швеции окончилась жестоким поражением датского войска. Австрийский дом готовился вступить в свойство с русским домом: Петр сговаривался женить сына на сестре императора Карла, тогда получавшего престол. Голландские Соединенные Штаты и германские владетели провозгласили нейтралитет германских земель для всех вообще участников Северной войны, и если этот нейтралитет ограничивал действия Петра, то еще более был направлен против Карла, который с такою нестесняемостью распоряжался в Саксонии. С Англией у России произошло было неудовольствие: русский посол Матвеев был задержан за долги английскими купцами и подвергся оскорблениям, но вслед за тем прибывший в Россию посол английской королевы Анны извинился пред царем и даже, к удовольствию царя, английская королева, в своих сношениях с Петром, дала ему императорский титул; видимое согласие восстановилось, и в Лондон отправился русский посол князь Куракин. Хотя Англия не слишком дружелюбно смотрела на стремление Петра создать из своего государства морскую державу, но, по крайней мере, не предпринимала ничего враждебного. Со стороны Турции, вначале казалось, нечего было опасаться. Русский посланник в Константинополе Петр Толстой после полтавской победы заключил с Турцией договор,

по которому Турция обещала удалить Карла XII из турецких владений, а русский отряд должен был проводить его через Польшу. Но вслед за тем Карл XII, через своего сторонника киевского воеводу Понятовского, сильно старался об уничтожении этого договора и возбуждал турок к войне с Россией. Двое турецких главных визирей, один за другим, были низвержены, и место главного визиря получил паша Балтаджи-Мугамед. Быть может, и при этом визире дело обошлось бы, но Петр сам сделал неосторожность: надеясь на свои силы, он стал угрожать Турции войною, если, согласно заключенному договору, турецкое правительство не спровадит из своих владений шведского короля. Царя раздражало еще и то, что, по смерти Мазепы, бежавшего в Турцию, его сторонники, с позволения султана, избрали себе новым гетманом бывшего при Мазепе генеральным писарем Орлика. Угрозы Петра так раздражили султана и диван его, что 20 ноября 1710 года объявлена была война России, и, по обычаю турецкому, посол русский Толстой заключен был в Едикул (Семибашенный замок). Получивши объявление войны, Петр отправил войска свои к турецким границам и 6 марта 1711 г. выехал сам к войску из Москвы вместе с Екатериною Алексеевною, которая с этого времени стала в близком к царю кругу называться царскою женою и царицею.

Эта Екатерина Алексеевна была та самая бедная мариенбургская пленница Марта Скавронская, которую взял Шереметев вместе с пастором Глюком. Бывшая возлюбленная Петра Анна Монс, для которой он заключил свою жену, Евдокию, изменила ему. Еще в 1702 году, при взятии Шлиссельбурга, нечаянно утонул провожавший Петра в походе саксонский посланник Кенигсек. Из кармана утопленника вынуты были любовные письма к нему царской возлюбленной. Анна за это содержалась в заключении три года; потом, уже выпущенная на свободу, сошлась с прусским посланником Кайзерлингом. Петр жил со Скавронской, и она время от времени все более и более овладевала его чувством. Путь Петра лежал через Польшу, куда, к неудовольствию многих поляков, стянулось русское войско. В Ярославле (галицком)



Петр свиделся с Августом; они (30 мая) заключили новый договор на таком условии: Петр будет воевать с турками, Август с польскими войсками и вспомогательным отрядом русских от 8000 до 10000 в Померании со шведами. Поляки, соображая, что русский царь теперь в них нуждается, домогались: отдачи им Ливонии, права заселять Украину правого берега Днепра, остававшуюся впусе; домогались свободы католического вероисповедания в России, требовали вывода русских войск из Польши и вознаграждения за взятые насильно контрибуции. Петр на все давал двусмысленные обещания, отлагая их исполнение до окончания войны. Тут явились у Петра еще союзники: христиане, находившиеся в порабощении турок. Еще до разрыва с Турцией, единоверные и единоплеменные России сербы присылали к царю предлагать свои услуги в случае войны с басурманом, и это, без сомнения, в числе других причин, побуждало Петра не бояться раздражить турок угрозами и вызвать их на объявление войны. Зимой серб полковник Милорадович начал от царского имени возбуждать к восстанию черногорцев. По приезде царя в Польшу заявили к нему свое расположение и готовность помогать в борьбе с турками господа валахский и молдавский. Во время бегства Карла XII в турецкие владения молдавским господарем был Михаил Раковица, расположенный к России и обещавший Петру свое содействие. Но прежде чем он мог показать на деле свое расположение к России, Турция свергла его с господарства, назначив вместо него Маврокордато, а потом, по настоянию крымского хана, лишила господарства и Маврокордато, назначив на место его Димитрия Кантемира. Ему покровительствовал крымский хан, а Турция, оказывая Кантемиру доверие, обещала ему еще и валахское господарство, если он поймает и доставит в турецкие руки бывшего тогда господарем Валахии Бранкована, своего давнего врага. Бранкован первый обратился к Петру через своего посланца Давыда и обещал русскому войску свое содействие, когда оно вступит в турецкие владения. Вслед за тем обратился к Петру и новопоступивший на молдавское господарство Кантемир, недовольный турецкими поборами и

вымогательствами. Надеясь на силу России и желая доставить своему роду наследственную власть, он через грека Паликолу заключил с царем (13 апреля 1711 г. в Луцке) договор: отдать Молдавию России с тем, что он и его потомки будут там вассальными владетелями; затем, если предприятие не удастся, он выговаривал себе два дома в Москве и поместья в России. Государь, узнавши, что между Кантемиром и Бранкованом существует вражда и соперничество, старался помирить их. По настоянию Петра, и тот и другой обослались между собою посольствами, но искренности между ними не было. И тот и другой имели в виду свои частные выгоды. Кантемир, входя в союз с русским царем, в то же время притворялся пред турецким правительством и уверял, что сносится дружелюбно с неприятелем с целью удобнее выведать об его намерениях и силах.

Царь прежде всего выслал с половиною войска Шереметева, приказывая ему идти за Дунай, а сам следовал за ним к Днепру. Петр воображал, что как только русское войско явится в турецких пределах, – все христиане: и валахи, и сербы и болгары, поднимутся против мусульман. Но Шереметев, перешедши Днепр, нашел, что идти прямо на Дунай опасно: у него не доставало провианта, а путь до Дуная требовал многих дней, и страна была опустошена; он соображал, что если он и пройдет до Дуная, то союзника русских Кантемира может подвергнуть опасности, турки тем временем ударят на Молдавию; сверх того, он рассчитывал, что в Молдавии войско не будет нуждаться в пропитании. Шереметев направился в Молдавию и прибыл в Яссы; за ним следовал Петр по тем же соображениям о средствах содержания войска. Кантемир до сих пор вел сношения с Россиею тайно от совета своих бояр; но тогда, когда Шереметев с русским войском вступил в Молдавию, надобно было открыть тайну. Кантемир созвал всех бояр и объявил, что пристает к Петру. Некоторые с радостью объявили, что разделяют его чувствования; но не все так показали себя, потому что не все надеялись на успех. 5 июня Кантемир сам прибыл к Шереметеву в обоз его. После того прибыл к своему войску Петр и 24 июня посетил Яссы, вместе с

Екатериною. На другой день русскому государю Кантемир устроил в своем дворце торжественный обед с приличною попойкою, а жена Кантемира особо угощала Екатерину. Царь несколько дней осматривал Яссы и 27 числа праздновал день Полтавской битвы. Молдавский народ с любопытством бежал за ним и радовался, увидя в первый раз в стенах своей столицы сильного государя православной веры. Петр поражал всех своею простотою и подвижностью. Он оказывал Кантемиру публично знаки любви, обнимал и целовал его. Кантемир воспользовался этим, чтобы очернить перед государем своего давнего соперника Бранкована, к нему в этом присоединился двоюродный брат Бранкована Кантакузин, замышлявший свергнуть своего господаря, чтобы самому сесть на его место. От этого случилось следующее: Бранкован присылал предложение примириться с Турциею; сам султан, узнавши о вступлении русских сил, поручил ему сношение с Петром; но Петр, настроенный против Бранкована, отверг предложение. Тогда валахский господарь рассчитал, что на русскую помощь надежды мало: враги успеют вооружить против него Петра; гораздо безопаснее оставаться на турецкой стороне. Русским пока мало было пользы от вступления в Молдавию. Кантемир издал манифест о вооружении молдавского народа, и народ по религиозному побуждению откликался сочувственно на такое воззвание, но невоинственные и плохо вооруженные поселяне не великие силы могли внести в общее дело. Русское войско в Молдавии не нашло обильного продовольствия, какое думало было там найти, потому что край был опустошен саранчою, и царь послал отряд под начальством Ренне к Браилу добыть сложенные там, как ему доносили, турецкие запасы. В это время вдруг пришло неожиданное известие, что сильное турецкое войско идет на русских, а с ним и хан крымский со своею ордою. У русских было всего 38 276 человек, у визиря 119 665, а у хана до 70000, – силы чересчур неравные. Петр поспешно двинулся назад, но неприятели догнали русских и осадили. Петр помышлял уйти из стана вместе с Екатериною и пробраться в отечество через Венгрию; предложено было предводителю молдавского войска Никульче взять на себя

обязанность проводника царских особ. Никульче не взялся за это, находя невозможным избежать турецких сил, окружавших стан.

Турки сделали нападение; русские отразили его. Но это не могло подавать больших надежд Петру. У него не было провианта; турки могли переморить русских осадой.

В таком отчаянном положении министры Петра увидели единственное средство попытаться склонить визиря к миру подарками, так как турки были на них чрезвычайно падки. Шереметев написал визирю письмо и предлагал устроить взаимными силами примирение между воюющими государствами: Россией и Турцией. Визирь несколько времени не отвечал. Он видел слишком много надежд на выигрыш; и другие турецкие военачальники разделяли его взгляды. Но когда визирь двинул свои силы в бой, янычары заволновались. «У нас, – кричали они, – и так перебито много товарищей, и многие из оставшихся в живых покрыты ранами. Султан хочет мира, а визирь против его воли шлет нас на убой». Такой ропот подчиненных сделал визиря уступчивее. Он отправил в русский стан с ответом Шереметеву Черкес-Мехемед-пашу. Визирь писал, что он не прочь от мира, честного и выгодного для Турции. Когда, после получения такого ответа, Петр собрал на совет приближенных, Екатерина оказала тогда не бесполезное участие. Об этом свидетельствовал сам Петр, когда, короновавши ее императрицей спустя уже двенадцать лет, вспоминал о важных услугах, оказанных ею при Пруте. Иностранные историки объясняли эти услуги, говоря, что Екатерина предложила отдать визирю все свои вещи и деньги.

Как бы то ни было, послан был к визирю подканцлер Шафиров с обещаниями визирю 150 т. рублей, а другим турецким чинам обещаны меньшие суммы. Шафирову дано было полномочие заключить условия мира. Визирь и турецкие чиновники сообразили, что хотя бы они могли уничтожить русское войско, но все-таки не иначе как с большою потерей собственных воинов. Мир постановлен был при Пруте на таких условиях: Петр уступал Азов со всем побережьем, обязываясь скрыть основанные там русские городки, и обещал не мешаться

в польские дела, а шведскому королю предоставлял свободный проход в его отечество.

Карлу XII не по сердцу был этот мир, и он, оставаясь в турецких владениях, успел вооружить султана против визиря: последнего отрешили и сослали, а потом, как говорят, удавили. В пользу шведского короля действовал при цареградском дворе французский посол.

Послы английские и голландские стояли тогда за Россию, потому что их государства находились сами в ожесточенной войне с Францией. В конце 1712 г., главным образом по наущению Карла XII, султан потребовал от России, чтоб ему была уступлена вся казацкая Украина, и так как, очевидно, такое требование не могло быть удовлетворено, то русских уполномоченных, Шафирова, Толстого и Шереметева (сына), заключили в Семибашенный замок и вновь объявили войну России. Но при турецком дворе все делалось интригами и подкупам. У султана был в большом приближении любимец Али-Кумурджи, настраивавший его в пользу мира с Россией против шведского короля. По наущению этого любимца скоро султан освободил русских послов и опять дозволил вступить с ними в переговоры. Шафиров подкупил великого муфтия, чтобы в качестве верховного толкователя корана он признал в султанском диване войну с Россией незаконным делом. Не менее важно было то, что русские послы расположили в свою пользу мать султана богатыми подарками, превосходившими те, какие обещал ей Карл XII. Сверх того, Карл XII своим высокомерным поведением раздражил султана. Когда уже все при дворе турецкого императора склонялось в пользу возобновления мира с Россией, султан отправил крымского хана к шведскому королю уговаривать его ехать под прикрытием хана в отечество через Польшу. Карл воспротивился и даже обнажил шпагу против приехавшего к нему султанского конюшего. Услыхавши об этом, султан дал приказание взять шведского короля силою и привезти в Адрианополь, где сам находился в то время. Карл не привык кому бы то ни было повиноваться: приказание султана раздражило его. Карл велел сделать около своего двора, в

окрестностях Бендер, окопы и решился защищаться против турок и татар, хотя бы их пришло несколько тысяч; у него самого был тогда небольшой отряд и всего две пушки. Карл защищался так упорно, что турки принуждены были привезти несколько пушек из Бендер, разметали сделанные королем окопы, положили в битве многих защищавших короля шведов и поляков, и наконец его самого, вместе с не разлучным с ним киевским воеводой Потоцким, взяли в плен. После этого события султан велел приехать к себе в Адрианополь русскому посольству. Послы обещались именем царя, что в Польше уже не будет русских войск, но ни за что не соглашались дать обещание платить крымскому хану постоянную дань, как настаивал было султан. Подкупленный Шафировым, муфтий стал толковать в султанском диване, что, по корану, грешно будет теперь начинать войну, и таким образом в июне 1713 г. заключен был окончательно мир на 25 лет. Граница между Турцией и Россией проведена была промеж рек Самары и Орели. Карл XII обязан был немедленно удалиться из турецких владений. Однако он пробыл в Турции после того еще с год, напрасно стараясь поправить потерянное дело и снова произвести разрыв Турции с Россиею. Не ранее как летом 1714 года, потерявши уже всякую надежду, он уехал из Турции через Трансильванию, не в сопровождении хана, как предполагалось прежде, а переодетый, в виде частного путешественника, и 22-го сентября прибыл в свой город Штральзунд, находившийся в Померании.

#### IV. Внутренние дела после Прутского договора до Ништадтского мира со Швецией

Несколько лет, следовавших за учреждением сената и окончанием турецкой войны, составляют самую богатую событиями эпоху в истории внутренних преобразований, совершенных Петром Великим. Прибалтийский край был, так сказать, обетованным углом для Петра между всеми его обширными владениями, потому что здесь возникал и возрастал его флот, здесь стоял его любезный город, им созданный и лелеемый с сердечною нежностью. Спуск на воду всякого новопостроенного корабля был для Петра большим праздником, и однажды, по известию немца Вебера, на подобном празднике царь говорил своим вельможам замечательную речь, которой смысл был таков: «Никому из вас, братцы, и во сне не снилось, лет тридцать тому назад, что мы будем здесь плотничать, носить немецкую одежду, воздвигнем город в завоеванной нами стране, доживем до того, что увидим и русских храбрых солдат и матросов, и множество иноземных художников, и своих сынов, воротившихся из чужих краев смышленными, доживем до того, что меня и вас станут уважать чужие государи. История полагает колыбель всех наук в Греции, оттуда они перешли в Италию, а из Италии распространились по остальной Европе, но, по невежеству наших предков, не проникли до нас. Теперь очередь наступает и нам; мне кажется, что со временем науки оставят свое местопребывание в Англии, Франции и Германии, перейдут к нам и наконец воротятся в прежнее свое отечество, в Грецию. Будем надеяться, что, может быть, на нашем веку мы пристыдим другие образованные страны и вознесем русское имя на высшую степень славы».

Такой взгляд имел Петр на будущую судьбу России, и, по его предположению, Петербург был основанием новой России. Любимым эпитетом своему творению у Петра было слово «парадиз». Вся Россия должна была работать для строения и населения этого парадиза. В начале 1712 года потребовано туда сорок тысяч работников, положено было на содержание

каждого по рублю в месяц, и для этого велено собрать со всех губерний 120000 рублей; сверх того, понадобилось 22 000 рублей на выделку кирпича как материала для сооружения строений в Петербурге, а 30700 рублей на судовое строение и на разные починки. В 1714 году велено собрать с народа в Петербург 34 000 тысячи человек рабочих и денег им на человека по рублю в месяц. Города с уездами: Олонец с его железными заводами, Каргополь, Белоозеро, Устюжна, волости Новгородского уезда и в Архангельской провинции – Чаронда, всего 24000 дворов – по отправлению этой повинности были приписаны к адмиралтейству. Кроме громадного числа рабочих, в Петербург высылались и мастеровые люди. Так, в 1712 году выслано было их для водворения в Петербурге на прибавку к прежним 2500, преимущественно каменщиков и плотников. Каждый из них получал по шести рублей в год на семью.

В июне 1714 года указано было разного звания людям строиться в Петербурге дворами: царедворцам, находящимся в военной и гражданской службе, вдовам с детьми, владевшим не менее ста дворов (в числе 350 лиц), торговцам (в числе 300 ч.), мастеровым (в таком же числе), выбранным из разных городов. Они должны были построиться в течение лета и осени 1714 года. Но повеление о высылке людей торговых и ремесленных в Петербург на жительство в точности не исполнялось, да и присланными царь не оставался доволен; губернские начальства старались сбыть из своего края людей бедных, старых и одиноких, которым переселение не представляло большой тягости. 26 ноября 1717 года царь указал земским людям во всех городах выбирать из своей среды для высылки в новый город непременно первостатейных и среднего состояния людей, а отнюдь не бедных, не старых и не одиноких, как до того делалось. Петр хотел привлечь и водворить в Петербурге все, что было лучшего, а остальной России оставлял то, что было похуже. Так, например, осенью 1719 года кожевенных мастеров, обучавшихся у немцев, велено было подвергать испытанию, и тех, которые окажутся более знающими, удерживать в Петербурге, а остальных, которые были похуже, отправить назад по городам.



Правительство заботилось, чтобы сделать населенным вообще и край, прилегавший к Петербургу, называвшийся тогда Ингерманландией. В Петергофе много лет работали иностранные мастера над постройкою увеселительного царского дворца и разведением великолепного сада: в их распоряжении были тысячи русских чернорабочих. В июле 1712 года велено было расписать всю землю в Ингерман-ландии на части и отвести участки под дворы и огороды в местах, назначенных для заведения жилых местностей. Переводились насильно всяких чинов служилые люди отовсюду и получали в Ингерманландии землю с крестьянскими и бобыльскими дворами. Новые поселенцы, по количеству дворов, делились на шесть статей<sup>8</sup>. Некоторые служилые помещались и обзаводились дворами на острове Котлине. Расселяли по видам правительства жителей и в других местах государства. В начале 1718 года потребовано из Казанской и Нижегородской губерний из Симбирского уезда несколько сот плотников, кузнецов и пильщиков и приказано поселить их на удобнейших местах в Казанской губернии и обязать рубкою леса. Одних расселяли, других посылали временно на работы. Строились крепости в областях Киевской, Воронежской, Нижегородской, Азовской; рабочих для таких построек сгоняли только со своей области, тогда как на постройку Петербурга сгоняли их со всей России. Рабочие, определяемые к постройкам областных крепостей, брались на полгода и на этот срок давалось им продовольствие, но многие не возвращались домой; рабочая повинность была, по замечанию одного современника, бездна, в которой погибало бесчисленное множество русского народа: одна таганрогская поглотила более 30 000 рабочих, но это число было незначительно в сравнении с тем, сколько народа погибло на работах в Петербурге и Кроншлоте.

К концу 1717 года правительство нашло, что работы нарядом, т. е. присылкою людей из губерний, неудобны. Князь Алексей Черкасский сообщал сведения, что в числе взятых подворно работников (с четырнадцати дворов по работнику, что составляло всего тридцать две тысячи человек) – было множество беглых, больных и умерших, а иные, взявши от

казны подмогу и хлебное жалованье, не шли на казенную работу. Князь Черкасский представлял, что гораздо удобнее были бы работы наймом, с обложением жителей суммою на жалованье рабочим. Это казалось выгоднее и потому, что многие силы, отрывааемые на казенные работы, обратятся тогда к крестьянскому земледельческому труду. Царю понравился этот проект, и с этих пор начала господствовать система работы наймом, по подрядам, а на издержки по работам облагался народ налогами.

В 1714 году в Петербурге произведена была перепись домов, и оказалось, что всех было уже 34 500. По желанию Петра в Петербурге должны были господствовать каменные здания. В апреле 1714 года указано на Городском и Адмиралтейском островах и везде по Большой Неве и большим протокам не строить деревянных строений, а ставить каменные; печи делать непременно с большими трубами, а строения крыть дерном или черепицею; на Выборгской стороне, по берегу Невы следовало строить непременно каменные здания, а далее от Невы – мазанки в два жилья, но на каменном фундаменте. Повсюду в Петербурге запрещено было строить конюшни и сараи на улицу, как делалось прежде на всей Руси, а велено непременно устраивать их внутри дворов, так чтобы на улицы и переулки обращено было жилье. Деревянные постройки, в тех местах, где они дозволялись, должны быть брусяные, обитые тесом, окрашенные червленью или расписанные под кирпич. В декабре 1715 г. объявили обывателям Петербурга, чтоб они строили себе дома, имея в виду жить в них самим, а не отдавать другим, и те, которые не имели настолько состояния, чтобы строиться за собственный счет, должны были складываться для постройки дома с другими. Петр около этого времени, видимо, желал заселить прежде всего Васильевский остров. Тем, которым уже прежде были отведены места для поселения на Васильевском острове, в 1719 г. запрещено было селиться в других частях Петербурга, а те, у которых находились места на Васильевском острове, близко берега Невы, должны были строиться понаряднее и при своих домах делать гавани, выходящие на Неву. В 1720 году людям,

которым назначено строиться на Васильевском острове, определено для пространства под каменные дома число саженей, смотря по числу крестьянских дворов, числящихся за владельцами в их вотчинах и поместьях. Но тем, у которых было не более трехсот дворов, дозволялось строить мазанки и деревянные домики, без обозначения числа саженей. Каждый дворовладелец должен был вымостить за свой счет улицу перед своим двором и засадить ее липами. При всем старании Петра заселить и застроить каменными домами Васильевский остров, в самых постройках не соблюдалась верность утвержденному правительством образцу, по которому следовало строиться под один горизонт, и в 1721 г. Петр приказал ломать все здания, возведенные не по форме, а с виновных брать по сто рублей штрафа. По мере отдаления от Васильевского острова, в Петербурге не требовалось такой нарядности постройки, и по берегу реки Фонтанки строились деревянные дома.

Петр намеревался приучить новопоселенных жителей Петербурга к умению строить суда и к охоте плавать на них по воде, и в 1718 году приказал жителям Петербурга раздать безденежно парусные и гребные суда, с обязательством сделать новое судно, когда старое испортится. Для делания и починки судов устраивался двор на Малой Неве, под ведением комиссара Потемкина; всякий желающий мог обращаться туда по судовому делу. Составлены и опубликованы были подробные правила для управления судами, а за малейшее отступление от этих правил полагались штрафы. Для поощрения иностранцев, желающих водвориться в Петербурге, Петр давал различные привилегии; например, в апреле 1716 г. одному данцигскому жителю дано право гражданства в Петербурге, с увольнением от податей и с дозволением торговать на общих основаниях.

В течение трех лет, с 1718–1721 г., правительство обращало большое внимание на благоустройство и благочиние нового города. Предписывалось улицы и переулки сохранять в чистоте и сухости, на проезжих дорогах и у мостов не устраивать шалашей, торговцам съестными припасами не подымать самовольно цен и не продавать ничего вредного для здоровья

под опасением за первый раз – кнута, за второй – каторги, за третий – смертной казни. Для предупреждения пожаров следовало всякую четверть года у жителей осматривать печи и бани: в летнее время топить избы и бани дозволялось только раз в неделю. На каждом острове заведено было по одной пожарной заливной трубе; всех было четыре, каждая обходилась в четыреста рублей. Привозившим сено, дрова и прочие сельские произведения велено отводить на рынках места, а не позволять становиться где попало, как везде на Руси делалось. Шибкая езда по улицам запрещалась, а у кого была охота бегать взапуски или держать заклады, те могли упражняться в Ямской слободе или на льду зимою. Царь приказывал: не допускать на улицах и рынках драк, уничтожать подозрительные дома – притоны пьянства, карточной игры и разврата, забирать «гулящих и слоняющихся» людей, которые гнездились по кабакам, торговым баням, харчевням, а ночью производили буйства и драки. По старым обычаям и в Петербурге, как в других русских городах, жители не спешили на помощь, когда слышали крик «караул», и не торопились разнимать драку, а если вмешивались в нее, то для того, чтобы помогать той или другой стороне. Царь приказал устроить по улицам шлагбаумы с караулами, которые должны были с одиннадцати часов вечера до утренней зари никого не пускать через шлагбаум, кроме священника, доктора или повивальной бабки. Для знатных людей, которые не ходили иначе, как с фонарями, делалась льгота; но так называемых подлых людей пускали не иначе, как по одному, а чуть шел кружок, наводивший подозрение, - всех брали под караул. 20 июня 1718 г. указано брать под караул всех нищих, шатавшихся в Петербурге, и допрашивать – откуда они и зачем бродят; пойманных в первый раз – били батогами и отсылали в дворцовые волости, к старостам и сотским, или прямо к тем хозяевам, у которых жили они прежде, до своего бродяжничества, взявши с хозяев расписку в том, что будут смотреть за этими людьми и кормить их. Пойманных в другой раз били кнутом и посылали мужчин – в каторжную работу, женский пол – в шпингауз или прядильный дом, а малолетних,

по наказанию батогами, – на суконный двор в работу; с хозяев, у которых эти нищие прежде проживали, брали штраф по 5 рублей за каждого нищего. В феврале 1719 г. компания полотняного дела выпросила дозволение посылать к ним взятых за нищенство женщин на работу, а указом 26 июля 1721 года такое распоряжение было распространено вообще на все заводы, учрежденные компанейцами. Петр, не терпя нищенства во всей России, особенно хотел, чтоб его не было в любезном его Петербурге: запрещал давать милостыню и с ослушников этого правила велел брать на госпитали по 5 рублей за каждую подачку.

В 1719 году полиция Петербурга отличалась чрезвычайною строгостью. Генерал-полицеймейстер ежедневно сек кнутом человек по шести и более обою пола, а одну распутную женщину гоняли, подстегивая кнутом, за то, что она, отправляя ремесло свое, заразила много солдат лейб-гвардии Преображенского полка. В 1721 г. полиция стоила 27923 рубля и содержалась за счет всего государства, из нарочно собранного подворного налога. По этому поводу в указе замечалось: «что здешнее место (т. е. Петербург) дороговизною, провиантом, харчем и квартирою отягчено, а другие места такой тягости не имеют». Обращено было внимание на опрятность в новом городе. Мясники завели было бойни на Адмиралтейском острове и бросали внутренности животных в речку Мью (Мойку), так что от вони нельзя было проехать через нее, – указано бить скотину подальше от жилья, за пильными мельницами, а за метание в реку всякой нечистоты и сора служителям, жившим в домах, хотя бы и высоких персон, угрожали кнутом и ссылкой в каторжную работу. По малым речкам и каналам зимою позволялось только ходить пешком, но воспрещалось ездить на санях, верхом, чтоб не засорить рек и каналов навозом; не дозволялось выпускать на улицу скот, который портил дороги и деревья. Все такие правительственные распоряжения о соблюдении чистоты и порядка, как и всякие другие, исполнялись плохо. На улицах продолжали наваливать всякую гадость и мертвые тела животных, пока царь, в апреле 1721 года, не приказал для вывоза нечистот завести лошадей и при

них рабочих из рекрут и взятых гулящих людей. Город начали освещать с 1721 г.: на Васильевском острове велено устроить 595 фонарей. С увеличением населения в Петербурге ощутительно стали свирепствовать болезни. Зимой 1717–1718 г. много болело и умирало людей от горячки. Петр приказал, чтобы везде, где во дворе окажутся больные этою болезнью, доносили о них в канцелярию полицеймейстерских дел.

Одним из признаков общественной жизни в новом городе было учреждение ассамблей. 26 ноября 1718 года Петр дал об этом указ с.-петербургскому генерал-полицеймейстеру. «Ассамблея», по толкованию этого указа, «есть слово французское, которое на русском языке одним словом выразить невозможно, но обстоятельно сказать – вольное, где собрание или съезд делается не только для забавы, но и для дела, где можно друг друга видеть и переговорить или слышать, что делается». Правила, начертанные Петром для ассамблей, были таковы: хозяин дома, где делается ассамблея, должен письменно объявить, что всякому вольно приезжать как мужчинам, так и женщинам. Вход в ассамблеи открыт всем чиновным людям, дворянам, купцам, начальным мастеровым людям и знатым приказным, а также их женам и детям. Ассамблея начинается не ранее 4-х или 5-ти часов и продолжается не позже 10-ти часов. Лакеи и служители должны были находиться в сенях, по распоряжению хозяина. Хозяин не обязан ни встречать, ни угощать, ни провожать гостей, должен только поставить свои свечи, питье для жаждущих и приготовить употребительные игры на столах. Но хозяева, устраивавшие ассамблею, обыкновенно угощали гостей водкою, вином и закусками, тем более что знатные и богатые вельможи все, по обязанности, один за другим устраивая у себя ассамблеи, щеголяли роскошью угощения, так что многие на ассамблеях напивались допьяна. Для ассамблей отводилось обыкновенно четыре покоя: в одном – танцевали, в другом – играли в карты и шахматы, в третьем – курили и вели беседы, в четвертом дамы играли в фанты. Всякий мог приехать и уехать, когда хотел, не нарушая правил, установленных для ассамблей, под штрафом кубка Великого Орла. (Так назывался огромный сосуд, из

которого заставляли пить вино за нарушение установленных приличий.) Такие же меры должны были соблюдаться в австериях (ресторанах) и в местах, где будут балы и банкеты. Старые русские обычаи в обращении с людьми до чрезвычайности не сходились с европейскими и соблазняли иностранцев своею грубостью и угловатостью, даже и в кругу, близком ко двору царя. Иностранец, вздумавши приехать с визитом к русскому господину, рисковал мерзнуть на дворе и дожидаться, пока хозяин выйдет по своим делам на свой двор, а на приветствие гостя скажет: чего тебе нужно, я от тебя ничего не желаю, или, спросивши у гостя об его отечестве, скажет ему: такой земли я не знаю; ступай себе к тем, к кому послан. Только тогда, когда они замечали, что царь к тем или другим из иноземцев ласков, изменяли в отношении последних свой тон и начинали обращаться с ними унижительным образом.

Петр, занимаясь с любовью Петербургом, не оставлял без внимания и другие русские города. В марте 1714 г. всем губернаторам было объявлено, чтоб с будущего за тем года начали строиться каменные дома повсюду. В Москве исстари городские дома состояли большею частью из незатейливых деревянных изб, которые продавались на рынке в Китай-городе. Покупщик, приобретая за деньги такой дом, приказывал разобрать его и везти на место, где намеревался его поставить; там приказывал наскоро его сложить, законопатить мхом щели, образующиеся между бревнами, и покрыть тесом. Такие дома беспрестанно подвергались пожарам, но легко и возобновлялись. Чтобы избавить жителей от лишних расходов при беспрестанных покупках новых домов, царь, в январе 1718 года, предписал в Кремле и Китай-городе Москвы строить каменные дома, с фасадом на улицу, а перед домом на улице должна быть вымощена мостовая из дикого камня. В Белом и Земляном городе можно было строить деревянные строения, но непременно с глиняным потолком, чтоб печи были поставлены на земле, а не на мостках, и устроены так, чтоб огонь не доходил до стены; вместо заборов около дворов приказано ставить тыны, предохраняющие от воров. Велено было в мясных рядах не допускать продавать мяса больной скотины;

мясники не смели производить своего промысла тайно. Под страхом пени запрещалось сваливать нечистоты по улицам.

По всем губерниям в городах велено было устроить госпитали для увечных и престарелых и дома для приема незаконнорожденных детей. В Москве, для последней цели, приказано строить мазанки, а в прочих городах -деревянные строения. Для ухода за младенцами следовало приискать искусных женщин и давать им по три рубля и по полуосмине хлеба на месяц; на содержание же самих младенцев полагалось три деньги в день. Было предоставлено матерям приносить младенцев в приюты для незаконнорожденных тайно и класть через закрытое окно. На содержание больных и раненых, в июне 1714 года, положено обратить одну статью церковных доходов, – сбор с венечных памятней (собираемых с венчания), а в мае 1715 года указано с пожалованных в дьяки взыскивать на этот же предмет по сто рублей. В том же году госпитали велено содержать из неокладных доходов в губерниях, а 28 февраля 1721 г. обращены были на содержание богаделен и больниц выручаемые от продажи свечей в церквях деньги, и 12-го декабря того же года на тот же предмет установлено со всех служащих, кроме солдат, вычитать по копейке с рубля в год.

И в этот период своего царствования, как прежде, Петр старался оградить леса от напрасного истребления. Все леса Петербургской губернии состояли в полном ведении адмиралтейства; от сената назначались за ними надсмотрщики из дворян. По челобитьям крестьян раздавались около Петербурга места под мызы, но с тем, чтоб мызники не рубили у себя заповедных деревьев -дуба, клена, лип, ясени и вяза. Между Петергофом и Лиговой запрещено было рубить лес даже и владельцам в собственных дачах, а если кто хотел расчищать свой лес «для своего плезира», тот должен был соблюдать указанные царем правила и истреблять только сухие деревья. Леса, покрывавшие острова около Петербурга, были также заповедными: туда, между прочим, запрещалось пускать скот, под страхом отнятия его на госпиталь. За нарушение царского указа о лесах били кнутом, шпицрутенами, кошками и линьками.



Не для всей Ингерманландии были такие строгие правила: 11-го декабря 1718 года дозволено всем рубить лес во всех дачах, чьих бы то ни было, находившихся по обеим сторонам Невы, от Словянки до Шлиссельбурга. Землевладельцы на этом пространстве стали было не допускать чужих до рубки своих лесов или пускали их не иначе, как взявши большие деньги, и от этого стала дороговизна дров в Петербурге, но царь объявил владельцам лесов, что они будут лишены своих земель и сосланы, если станут препятствовать рубке леса в своих лесных дачах; а когда после того, в 1720 году, продавцы дров опять подняли цену, жалуясь, что рубка лесов сопряжена с большими неприятностями и оскорблениями со стороны землевладельцев, тогда царь указал, для рубки лесов, ездить в помещичьи дачи не иначе как компаниями, не менее двадцати человек.

И для других краев России издавались узаконения, клонившиеся к сохранению лесов. Когда в 1716 г. казанский вице-губернатор донес, что дубовые леса, годные на кораблестроение, рубят и подсушивают, царь послал майора на розыск и велел виновным учинить жестокое наказание и разорение – отнятием всех их имений. В июне 1719 г. издан был указ для всей России, чтобы считать заповедными лесами – годные к корабельной постройке леса из дуба, клена, вяза и сосны, если последняя заключает в отрубе двенадцать вершков, в том же расстоянии от больших и малых рек, какое определено было указом 1703 года. В заповедных лесах запрещалось не только рубить большие деревья, но и собирать валежник. В лесах же, отстоящих на более далекое пространство от рек, запрещалось рубить только дубовые деревья, и если кому понадобится хотя один дуб, – тот должен подавать просьбу о дозволении ему срубить это дерево. Приказано было в селах и деревнях выбрать добрых людей, не менее как с пятисот дворов, и дать им особые клейма (пятна) с гербами своих провинций: этими гербами они должны были пятнать заповедный лес. За незаконную порубку бралась большая пеня, за повторенную несколько раз и за сделанную в большом размере, хотя бы и в первый раз, царь приказывал

вырезать ноздри и ссылать на каторгу, а в некоторых местностях Новгородской губернии за порубку дубового леса ожидала виновного смертная казнь. В противоположность такой строгости, в губерниях Сибирской и Астраханской и в Уфимской провинции разрешалось рубить дубовые леса. При всем том, что Петр так дорожил лесами, трудно было ему получить подробные описи лесов в государстве. Он многократно приказывал это, но еще в 1721 году, как видно, это сделано не было.

Постоянные войны, которые вела Россия, требовали строгих мер к пополнению войска и его продовольствию. В конце 1712 г. велено было собрать с пятидесяти дворов по конному, а на военные издержки обратить таможенные и питейные сборы, находившиеся у откупщиков из купеческого звания. В мае 1713 года приказано было собрать со всех губерний немедленно запасных рекрут и обучать их; так как в войске ощущалась потребность в грамотных, то царь велел переписать всех подьячих и оставить из них для производства дел только необходимое число, а остальных обратить в военную службу, где они занимали бы должность писарей. В конце 1713 года указано было опять собрать с 50-ти дворов по человеку. Предполагавшаяся в то время война с Турцией не состоялась, и все меры правительства обратились на военные действия на севере, в Померании и Финляндии. В этом случае всех более терпела Петербургская губерния, так что на фураж и провиант должна была истратить до 129000 рублей, когда во всех других губерниях сумма на этот предмет простиралась до 45 000, кроме дворового сбора по три алтына и 1 1/2 деньги со двора. В 1715 году с побережья Северного моря указано доставить опытных матросов, ходивших в море за китоловством и рыбными промыслами, и, кроме того, брать владельческих крестьян в матросы. В октябре того же года, для той же цели, велено собрать в матросы до тысячи человек, от 15– до 20-летнего возраста. В 1719 году в августе велено собрать для комплектования войск десять тысяч человек, а в Сибири четыре тысячи человек, и пригнать их зимою в Петербург для обучения.

В мае 1721 года, для той же цели, велено собрать 15-ть тысяч рекрут.

Относительно продовольствия войска важным установлением было в 1713 году назначение комиссаров для раздачи провианта. В следующем году на содержание армейских полков, расположенных в Петербургской губернии, определено доставлять провиант вольным порядком, с подрядов, водою или сухопутьем, но непременно в бочках, а не в рогожных кулях, как делалось прежде; вместо доставки натурою, позволялось вносить деньгами, считая за четверть муки 1 рубль 16 алтын 4 деньги и два рубля за четверть крупы. Но важнейшим делом было учреждение в 1720 году запасных магазинов в Нижнем Новгороде, Орле, Гжатке, Смоленске, Брянске и, кроме того, в других городах, на пристанях, предпринятое в тех видах, что подрядчики на поставку казенного провианта, во время хлебного недорода, стали возвышать цены на хлеб. Предположено собрать в эти магазины, со всего государства, со двора по четвертику ржи; осенью того же года царь, узнавши, что везде были урожаи, приказал собрать еще по другому четвертику с двора. Для флота собирался особый провиант, состоявший, кроме хлебных запасов, из мяса, соленого сала, вина, гороха и крупы: этот провиант доставлялся из одних провинций в Петербург, а из других – в Ревель.

При наборе рекрут происходили злоупотребления. Рекрут приводили в города скованными и держали, как преступников, долгое время по тюрьмам и острогам. Изнуряли их и теснотою помещения, и плохую пищу. По донесению фискалов, при отправке как рекрут, так и рабочих, в губерниях удерживали следуемые на их продовольствие кормовые деньги и провиант, не давали им одежды и обуви; вместо подвод, на которые следовало сажать отправляемых на казенную службу, их гнали пешими, нисколько не обращая внимания ни на дальность пути, ни на плохие дороги и распутицу, или же отнимали у частных проезжих подводы и сажали на них рекрут. Рекрут могло быть до тысячи, а провожал их какой-нибудь офицер, да и тот старый и нездоровый; пропитание им давали самое скудное; от этого

между ними свирепствовали болезни, и многие безвременно умирали на дороге, без церковного покаяния; другие же, от всевозможных лишений потеряв терпение, разбегались, но, боясь появиться в своих домах, приставали к воровским станицам. Итак, крестьяне, отданные в рекруты с тем, чтобы, ставши солдатами, защищать отечество, становились не защитниками, а разорителями своего государства. Всякая казенная служба до крайности омерзела в глазах русского народа. Иные, чтоб избавиться от нее, уродовали себя, отсекая себе пальцы на руках и на ногах. Побегι получили небывалые размеры. После многих строгих узаконений, царь принужден был объявить беглым надежду на прощение, если они возвратятся до апреля 1714 г. Когда этот срок минул, им дана новая льгота по сентябрь того же года, а потом дана была им еще отсрочка до 1-го января 1715 года. В январе этого года указано пойманным беглым рекрутам класть знак порохом – крест на левой руке; а дававших им притон ссылать на галеры. Ландраты должны были смотреть, чтоб не было беглых, и в чьем ведомстве отыщется беглец, ландрату того ведомства угрожало наказание. Всех подрядчиков кирпичных дел обязали, под опасением смертной казни, не принимать беглых в работники. Несмотря на все меры, и слишком строгие и слишком снисходительные, в начале 1715 г. убежавших со станции из Москвы и с дороги было до двадцати тысяч. В Петербурге и Котлине беспрестанно умножались побегι из гарнизонов. Множество беглых толпилось в Малороссии; указано было в 1715 г. отыскивать их там и возвращать, а с передержателей брать по пяти рублей с семьи. Иные находили себе приют у раскольников, поселившихся в Стародубском уезде. Велено было осмотреть села и деревни в Белгородском и Севском уездах, и в слободских полках, разузнать, по каким документам проживают там крестьяне, и всех, которые окажутся беглыми, высылать прочь: чужих крестьян вести к их владельцам, а беглых с казенной службы на место отправления этой службы. Многие бежали на Дон, где, несмотря ни на какие строгие меры, по старинному извечному обычаю, принимали беглых, откуда бы они ни пришли, и не только русских, но

калмыков и перебежчиков из турецкой империи. В 1715 году дана была беглым отсрочка, для добровольной явки, по январь 1716 года; в 1716 году - по 1-е января 1717 г.; в декабре 1717 г. снова объявлена беглым отсрочка на год, с обещанием каторги и всеконечного разорения, если они не явятся в назначенный срок. Такую же отсрочку мы встречаем 29 октября 1719 г. по июль 1720 г.; в 1721 г. 29 ноября объявлялось прощение всем беглым из военной службы, если они явятся добровольно к марту следующего года, а за ослушание грозили жестоким наказанием; каждому, кто поймает беглеца, государь обещал по пяти р. награждения, а доносителю, указавшему на пристанодержательство, обещано было две трети имущества, принадлежавшего пристанодержателю. Давалось повеление никого не пропускать никуда без паспорта или пропускного вида, всякого беспаспортного считать прямым вором, не слишком доверяя, однако, письменным видам, которые часто были поддельные. Открылось, что многие беглые приставали к монастырям и особам духовного чина, под именем казаков, ханжей и трудников; царь угрожал духовным лишением сана, если будут давать притон беглым. В числе беглых были владельческие крестьяне, часто после побега от своего владельца проживавшие у другого. Царь назначил полуторагодичный срок для отдачи их прежним владельцам, по крепостям. Это не распространялось на таких беглых, которые, бежавши от своих господ, вступили в военную службу, а затем царь подтвердил прежний указ, позволявший из господской службы каждому вступать в военную, исключая таких, которых господа, живя в Петербурге, обучили матросскому плаванию для своего обихода.

И в этот период Петрова царствования, как и в прежний, повсюду появлялись разбойничьи шайки, человек в 200 и более, с исправным вооружением; они нападали на помещичьи усадьбы, сжигали их, убивали людей и крестьян. Близ города Мещовска разбойники напали на Георгиевский монастырь, ограбили его, а потом вступили, не встречая сопротивления, в город Мещовск, освободили преступников, содержащихся в тюрьмах, и присоединили их к своей шайке. В 1718 году

разбойников, находившихся в шайках, велено казнить колесованием и повешением, а беременных женщин оставлять в живых до разрешения от бремени и потом отсекал им голову. В начале 1719 года государь приказал разослать по всем губерниям печатный указ, прибить его в пристойных местах и прочитать в церквах, жители, через своих старост и приказчиков, должны были давать властям сказки о том, что им неизвестно о пребывании у них воров, беглых и становщиков (пристанодержателей), а если узнают, то обязываются немедленно объявить начальству. Тем приказчикам и старостам, которые в своих сказках солгут и утаят пребывание у них преступников, угрожала смертная казнь, а помещикам отнятие имений. В марте того же 1719 года царь в своем указе заметил, что, при стараниях искоренить воров и разбойников, повсюду совершались дневные и ночные кражи, по дорогам разбои и убийства. Много раз, по царскому милосердию, объявлялось разбойникам прощение, если они принесут повинную, и ничто не помогало, а многие заведомо давали у себя приют злодеям и через то содействовали сокрытию преступлений. По тюрьмам сидело множество преступников, а дела о них затягивались по несколько лет.

Долговременное истощение народных сил, после бывших продолжительных войн и тяжелых поборов, привело к тому, что обезлюдели многие края. Крестьяне, оказавшись несостоятельными в уплате податей, разбегались, но их владельцы не освобождались от казенных недоимок, числившихся за беглыми, и часто, не в состоянии будучи получать доходов со своих разоренных имений и вносить требуемые в казну платежи, сами покидали свои жилища и пускались в бег. Но ничто так не усиливало побегов, как злоупотребления со стороны всяких начальствующих лиц. В царствование Петра каждый, кому по служебной обязанности предоставлялось брать что-нибудь в казну с обывателей, полагал, по выражению современника, что он теперь и для себя может высасывать бедных людей до костей и на их разорении устраивать себе выгоды. Замечали современники, что из 100 рублей, собранных с обывательских дворов, не более 30 рублей

шло действительно в казну; остальное незаконно собиралось и доставлялось чиновникам. Какой-нибудь писец, существовавший на 5–6 рублей жалованья в год, получивши от своего ближайшего начальника поручение собирать казенные налоги, в четыре или пять лет разживался так, что строил себе каменные палаты. Эти черты нравов размножили до чрезвычайности побеги и разбои. В городских гарнизонах недоставало офицеров для преследования преступников. Сенат указал в тех губерниях, где стояли на квартирах армейские полки, командирам тех полков, по заявлению губернаторов и других властей, посылать драгун и солдат для поимки разбойников: командирам угрожало жестокое взыскание за неисполнение сенатского указа. Но, вместе с тем, сенат нашел нужным сделать и оговорку, чтобы посылаемые за этим делом офицеры, драгуны и солдаты не чинили оскорблений обывателям. Пойманных разбойников велено было допрашивать как можно скорее; тех из них, которые делали смертоубийства и истязания над людьми, – вешать за ребра или колесовать. Помещиков и помещичьих крестьян, которые давали притон разбойникам, велено вешать, а старост и приказчиков тех селений, откуда были разбойники, бить кнутом, за то, что не смотрели за своими крестьянами.

Ужасом для всех разбойников, как и для всяких нарушителей царской воли и закона, был князь Федор Юрьевич Ромодановский, начальник Преображенского приказа в Москве. Этот человек соединял в себе насмешливость с мрачною кровожадностью: участник Петровых оргий, неизменный член сумасброднейшего собора, представлявший, по воле государя, из себя шутовское звание царя-кесаря, он держал у себя выученного медведя, который подавал приходившему в гости большую чарку крепкой перцовки, и в случае отказа пить хватал гостя за платье, срывал с него парик или шапку. Шутник большой был Федор Юрьевич. Но если кто попадался серьезному суду Федора Юрьевича, тот заранее должен был почитать себя погибшим. Ромодановский подвергал обвиняемых самым безжалостным пыткам и приговаривал преступников к мучительным казням: кроме обыкновенного повешения, он

вешал их за ребра и сжигал. Его одно имя наводило трепет; сам Петр называл его зверем, зато любил Ромодановского, зная, что никакие сокровища не в силах подкупить его и возбудить малейшее сострадание к попавшейся жертве. Все процессы по поводу «государева слова и дела» велись им; какая-нибудь неосторожная болтовня влекла несчастного к неумолимому розыску, в душную или сырую тюрьму, к бесчеловечным истязаниям.

Ромодановский с любовью занимался своим адским делом, и его Преображенский приказ у русского народа носил прозвище «бедности».

Преследуя беглых и разбойников, как и своих политических недоброжелателей, Петр принимал строгие меры против бродяг и нищих. В феврале 1718 года царь узнал, что в Москве по рядам и по улицам шаталось множество монахов и нищих; они пользовались благочестивым обычаем русских людей наделять нищих милостыней. Эти нищие были нередко скрытные разбойники, которые по ночам в темных и узких улицах убивали кистенями прохожих людей и обирали их тела. Подобный разбой в продолжение святок и масленицы был делом совершенно обычным в древней столице: по несколько десятков убитых подбирали на улицах и свозили в убогий дом, где сваливали их в одну глубокую могилу без церковных обрядов, и уже в субботу Пятидесятницы священник отпевал их всех. Для искоренения нищенства, Петр приказал учредить из московского гарнизона особых поимщиков, хватать шатавшихся монахов и нищую братию и вести в Монастырский приказ. Изданное сначала для Петербурга запрещение раздавать милостыню распространилось на всю Россию; кто желал помогать нищим, тот мог отсылать милостыню в богадельни. За раздачу нищим милостыни назначался штраф: в первый раз пять, а во второй десять рублей.

Государя приводила в гнев неаккуратность губернаторов и других органов областного управления в присылке рабочих людей, рекрут и денег. Царь указал, за троекратное неисполнение сенатского предписания, брать с губернаторов большой штраф и их подвергать аресту. Всем губернаторам



ставилась в пример деятельность петербургского губернатора, как образцовая, потому что, сверх окладных сборов, он сумел собрать в 1713 году 72000 рублей. По его примеру предписывалось поступать и всем другим, но делать это так, чтобы сборы не влекли за собою отягощение народа. Это условие приводило губернаторов в затруднение. За отягощение народа грозили губернаторам военным судом и между тем требовали от них как можно более денег в казну, а фискалы, надзиравшие над ними беспрестанно, посылали на них доносы в Петербург. В феврале 1714 года указано не давать приказным людям жалованья прежде, чем не будут высланы все казенные недоборы. Но в следующие за тем годы недоимки накапливались по всем частям: в 1720 году недоимок рекрутских за прежние годы, считая по 20-ти рублей на рекрута, за уплатою 197870 руб., оставалось еще получить 809690 рублей. Губернаторы объясняли, что, за опустением городов и сел, нет возможности собрать недоимки и недостает людей для отсылки в казенную службу<sup>9</sup>. Между тем все повинности правились по прежним переписным книгам. Требовались деньги, провиант, рабочие для отправки в Петербург; требовались подводы, и все это требовалось по тому числу дворов, какое значилось в прежних переписных книгах, тогда как в наличности и половины прежнего числа жителей не находилось на месте.

Обыватели несли, в самом деле, гораздо более тягостей, чем сколько требовало с них правительство по своим соображениям, основанным на прежних устарелых списках. Неоплатных казенных должников с 1718 г. стали отправлять с женами и детьми в Петербург в адмиралтейство, оттуда годных мужчин рассылали на галерные работы, а женщин в прядильные дома, детей же и стариков на сообразную с их силами работу: все они должны были отрабатывать свой долг казне, считая по рублю в месяц на человека заработной платы. Их кормили наравне с каторжниками, а после отработки долга, -выпускали на волю; если же за кого-нибудь из них находились поручители – тех выпускали ранее, но давая им срок уплаты не далее полугода. Случалось, однако, что таких отрабатывающих свои долги удерживали и после срока, против чего издан был

указ в 1721 году, и в том же году разрешено платить недоимки по срокам: на три года в суммах от пяти до десяти тысяч и более; на два года – в суммах от одной до пяти тысяч, и на год – от ста рублей до тысячи, и те платить по годовым третям.

Помощниками губернаторов в отправлении их многочисленных обязанностей были ландраты и ландрихтеры (ландратов в больших губерниях было по 12-ти, в средних по 10-ти, в меньших по 8-ми). Ландраты начальствовали над провинциями, на которые делились губернии. По два человека ландратов, с помесечною переменою, должны были находиться при губернаторах в качестве их постоянных товарищей или советников; прочие оставались в своих провинциях; те из них, которые находились при губернаторах, должны были подписывать всякие дела, но не были своими мнениями подчинены ему. В наказе об их учреждении выражено было, что губернатор над ними «не яко властитель, но яко президент» и имел перед ними то преимущество, что пользовался двумя голосами, тогда как каждый из товарищей его ландратов владел одним только голосом. За должностью ландратов, вскоре после их введения, оказались большие злоупотребления. Так, под разными предлогами, разъезжали они по селам и деревням на даровых подводах и проживали в одном месте по неделям и более, требуя от жителей припасов и для себя, и для своих людей; более других сел обирали ландраты архиерейские и монастырские вотчины, особенно при сборе провианта, пользуясь тем, что насчет этого всегда получались ими строгие предписания. В июне 1716 года Петр, узнавши о наглости ландратов, велел устроить в разных селлах, дворцовых и монастырских, для приезжающих ландратов хоромы, с приказною избою и тюрьмою на деньги, собранные с крестьян, в сумме 200 рублей на строимый двор. Подводы ландратам запрещено брать даром вовсе, так как они получали царское жалованье. Что касается до ландрихтеров, то они посылались губернаторами для розыска преимущественно в поземельных делах, например, в межевых.

В украинских городах были установлены коменданты, между которыми различались обер-коменданты и вице-коменданты;

под ведением их были гарнизоны, составленные из ландмилиции.

Эти коменданты, как и вообще всякие слуги государства, и пребывающие в местных административных должностях и посылаемые от правительства с разными поручениями, позволяли себе всякого рода насилия и утеснения. Средства, какие употребляли взяточники, были до того разнообразны и затейливы, что, по выражению современника, исследовать их было так же трудно, как исчерпать море. Захочет, например, комендант или ландрат поживиться за счет обывателей какого-нибудь округа, и вот он посылает своего писца удостовериться, точно ли крестьяне заплатили свои подати. Писец ездит по селам и деревням и требует от крестьян квитанций в уплате. Иной крестьянин сразу не найдет квитанции, и писец кричит на него, торопит его, требует с него уплаты вновь или берет с него взятку за то, чтобы подождать, пока крестьянин отыщет свою затерянную квитанцию и представит куда следует, но если крестьянин и не затерял своей квитанции, если представит ее тотчас по требованию, то все-таки писец, кроме того, что у крестьянина съест и выпьет, возьмет еще с него деньги, как бы за свой труд, и поделится ими со своим начальником. Привлекаемые к законной ответственности плуты, желая увернуться от силы закона, старались поставить вопрос так, чтобы, ссылаясь на буквальный смысл редакции закона, можно было сделать отговорку, что в законе сказано не так, чтобы их можно было по этому закону обвинить. Это было замечено Петром; в указе 24-го декабря 1713 г. он запрещал лицам всех званий, и великим и малым, брать посулы и пользоваться с народа собираемыми деньгами, под предлогом торга, подряда и т.п. Виновному угрожали, что он «жестоко на теле наказан, шельмован, всего имения лишен и из числа добрых людей извержен и смертью казнен будет». Все под опасением того же должны были доносить о таких преступниках, «не выкручиваясь тем, что страха ради сильных лиц или что его служитель». Позже через печатные объявления, оповещенные народу чтением в церквах, приглашали всех без опасения обращаться к правительству с доносами на взяточников и казнокрадов. В

современных тогдашних делах можно отыскать много образчиков злоупотреблений со стороны областных властей. Вот, например, в 1712 году посланный в Псковскую волость от Меншикова вице-комендант Алимов, приехавши на кружечный двор, начал у посадских брать для себя вино, сахар, калачи, а одного помещика, призвавши во Псков, держал в неволе и крестьян его в рабочую пору забирал к себе, и только когда через его подьячего дали ему пять рублей, выпустил помещика из-под караула. Наехавши на Псково-Печерский монастырь, Алимов избил стряпчего, приказывая высылать крестьян возить глину на постройку светлиц в монастыре и принуждая кормить всех работников за монастырский счет. Он приказывал крестьянам возить в Сомерскую волость сено, высылая их нарочно в дурную погоду, самого игумена сажал под караул в толпе набранного народа мужского и женского пола, а монастырских служек приказывал бить батогами. В Каргополе поднялась жалоба на коменданта Борковского. Он брал в свою пользу деньги, которые собирались рекрутам на подмогу, заставлял посадских и уездных людей и рекрут делать хоромные и мельничные строения в своих вотчинах, да вдобавок бил их жестоко, а его шурья, племянники и подьячие ездили по волостям и вымучивали у людей то то, то другое от имени коменданта. Уездные старосты, по комендантскому распоряжению, правили с крестьян деньги, а отписей в получении денег им не давали, потому что комендант боялся быть уличенным в излишних сборах с народа. Борковский собирал на прокормление людей, отправленных на работы государевы, по 35 алтын на человека, а рабочим тех денег не давал, и рабочие за недостатком чуть не помирали с голода, – с крестьян брал неволею несколько сот подвод и, сверх того, на эти подводы в подмогу – деньгами по рублю; наконец, со всякого крестьянского двора правил в свою пользу по гривне, что составило до 600 р., а желая утаить свои злоупотребления, принуждал земских бурмистров и старост написать поддельные книги, в которых бы его взятки не значились. Но этот комендант отписался и оправдался. На пошехонского коменданта Веревкина была жалоба, что, собирая провиант и рекрут, он

завел неправильную меру и принимал от крестьян хлебное зерно с верхом, а выдавал рекрутам в трус и под гребло, отчего от каждого человека пришлось ему по полуторы четверти, и это лишнее он приказывал отвозить в свою усадьбу. В Устюге был комиссар Акишев, покровительствуемый архангельским губернатором Курбатовым. Надеясь на своего покровителя, пользовавшегося царскою милостию, этот комиссар, с подначальными ему подьячими, собирая с крестьян пошлины, сажал их в дыбы, бил на козле и на санях свинцовыми плетями, пек огнем, ломал им руки и ноги, девиц и женщин раздевал донага и водил всенародно. Так доносил на него фискал. Крестьяне жаловались, со своей стороны, что они разорены, стали наги и босы, измучились на правежах. Акишев был взят и отправлен к царю, а потом подвергнут пытке в застенке.

Самые крупные дела по злоупотреблениям в этот период были: дело сибирского губернатора князя Гагарина и архангельского вице-губернатора Курбатова. Гагарин был более десяти лет губернатором Сибири и приобрел там самую отличную репутацию: его не только любили, но, можно сказать, боготворили за щедрость и доброту. Он, между прочим, облегчал печальную судьбу шведских пленников, которых в Сибири было до 9000, оставленных без всякого пособия от правительства; в числе их было до 800 офицеров, питавшихся поденною работою у русских. Гагарин был так к ним внимателен, что за три первых года своего губернаторства истратил на их содержание более 15000 рублей собственных средств, заохочивал их к разным выгодным трудам и доставлял их изделия государю. При его помощи пленники завели себе шведскую церковь. Гагарин долго умел заслуживать благосклонность царя к себе и был первый из сибирских правителей, отыскавший в Сибири золотой песок: при содействии горного инженера иноземца Блюгера, он привез царю образчик этого песка, и Блюгер, в присутствии Петра, делал пробу, показавши, что из фунта такого песка выходит 28 лотов чистого золота. Но, живя вдали от государя и управляя огромнейшим пространством, Гагарин невольно стал в Сибири как бы независимым владельцем и позволял себе делать

многое, не справляясь, понравится ли это государю. Он жил очень роскошно, употреблял при столе серебряную посуду, имел осыпанную брильянтами икону, стоившую 130000 рублей. Обер-фискал Алексей Нестеров, человек чрезвычайно ловкий, донес царю, что Гагарин расхищает казну, берет взятки с купца Карамышева, торговавшего с Китаем, и дозволяет купцам Евреиновым вести незаконный торг табаком в Сибири. Купец Евреинов показал на допросе, что Гагарин, по своему выбору, посылал купцов в Китай и делился с ними барышами в ущерб казне. Посланный по этому делу гвардии майор Лихарев обнаружил, что Гагарин брал с купцов Гусятникова и Карамышева, торговавших с Китаем, подарки и товары, за которые платил не своими, а казенными деньгами, сверх того, брал взятки с содержавших на откупе винную продажу и утаивал в свою пользу вещи, купленные на казенные деньги для царицы. Гагарин во всем повинился и умолял царя оказать ему милосердие, – отпустить его в монастырь на вечное покаяние, – но Петр приказал его повесить в Петербурге. Курбатов, прежде бывший в ратуше в Москве, называясь царским прибыльщиком, в 1711 г. послан был в Архангельск вице-губернатором и в следующем же году поссорился с архангельским обер-комиссаром Соловьевым, с которым вместе должен был заведовать таможенными пошлинными делами. Весною 1713 года сенат, чтоб развести ссорившихся, устранил Курбатова от заведования продажей казенных товаров и предоставил это дело одному Соловьеву. Тогда Курбатов стал доносить на Соловьева, что он противозаконно отпускает за границу собственное хлебное зерно, вместо того чтоб продавать казенное. Ссора с Соловьевым поссорила Курбатова и с Меншиковым, так как Соловьев с двумя братьями пользовался покровительством Меншикова. Соловьев, со своей стороны, писал доносы на Курбатова. Разом с Соловьевым приносили жалобы на поступки Курбатова иностранные торговцы и голландский резидент, для охранения своих единоземцев постоянно пребывавший в России. Петр по этим доносам и жалобам посылал в Архангельскую губернию на следствие разных лиц, одного за другим. Происходили допросы и розыски.

Против Курбатова действовал Меншиков, и сам запутался в этом деле. Любивший Меншикова до слабости, Петр уже прежде несколько раз заявлял к нему неудовольствие. Меншиков раздражал царя тем, что представлял ему, по собственным словам царя: «честных людей плутами, а плутов честными людьми», и, управляя Петербургскою губерниею, хотя доставлял казне много доходов, но позволял себе распоряжаться казною в свою пользу, хотя и собственное состояние доставляло ему большие доходы. Тогда пострадали некоторые лица, державшиеся покровительством Меншикова и в надежде на него позволявшие себе злоупотребления. Помощник Меншикова по управлению губерниею, вице-губернатор Корсаков, в 1715 году был публично наказан кнутом, а двум сенаторам, князю Волхонскому и Опухтину, жгли языки раскаленным железом. Осужден был Синявин, надзиравший за петербургскими постройками, а управлявший адмиралтейством Александр Кикин, один из близких людей Петра, спасся только тем, что заплатил большой денежный штраф и был временно удален от дел. В 1718 году братья Соловьевы, покровительствуемые по делу Курбатова с Меншиковым, подверглись громадному начету в пользу казны, который не мог быть покрыт всеми их имениями; на Меншикове оказался начет в несколько сот тысяч. Меншиков просил у царя помилования, по крайней мере в уважение того, что во все годы своего прошедшего управления он доставил казне очень много пользы. Царь, безжалостно строгий ко всем другим, был до того милостив и снисходителен к своему давнему любимцу, что приказал зачесть большую часть долга Меншикова на разные повинности с его имений. Курбатов был присужден к относительно небольшой уплате в казну, но не дождался решения своего дела: он скончался в 1721 году.

Фискальное устройство в 1714 году получило большее расширение против прежнего. Кроме наблюдения за казенным интересом, фискалам дано право вмешиваться во всякие такие дела, по которым не было или быть не могло челобитчиков. Например, умрет ли кто-нибудь последним из своего рода, не оставивши после себя никакого духовного завещания, или

неизвестный проезжий человек будет убит на пути, – фискал в таких случаях мог разведывать и начинать судебный иск. Указами 17-го марта 1717 года и 19 июня 1718 года повелено во всех городах учредить из купечества по одному или по два фискала, но не из первостатейных купцов, чтоб не отвлечь их от важных торговых предприятий. Провинциал-фискал объезжал каждый год свою губернию и поверял городских фискалов, имея право их переменять и отставлять. В сенате обер-фискал имел значение государственного фискала, тогда как прочие были земские; но за неимением в сенате обер-фискала его должность в 1721 году исполняли два штаб-офицера гвардии и смотрели за порядком и благочинием в сенате, а тех, кто будет вести себя неприлично, могли арестовывать и отводить в крепость. По инструкции, данной фискалам 31-го декабря 1719 года, они должны были смотреть, чтобы служащие исправляли свои должности не ко вреду царя и не к отягчению подчиненных. «Однако, -замечалось, – по одному разглашению и без основания верного и доброго служителя Его Величества в чести, животе и имении по своему произволению не повреждать». Земский фискал разыскивал и доносил также о всяких видах безнравственности, прелюбодейства, содомского греха, чародейства, обмана, богохульства, заповедной продажи и т.п.; фискалы должны были также наблюдать: не дерзает ли кто из владельцев подданных своих отягощать, или не будут ли чинимы уездным людям обиды при проходе войска или при отправлении повинностей. Он должен был смотреть: не испортились ли дороги, целы ли верстовые столбы, не развалились ли мосты, не стоят ли пусты царские мельницы и всякие заведения, не шлятся ли гулящие люди, способные сделаться ворами и разбойниками. В пограничных провинциях фискалы, сверх того, должны были надсматривать и проводить: не прокрадывается ли в государство шпион, не привозятся ли заповедные товары, не намерен ли русский уйти за границу без проезжих писем. Обо всем этом он должен был проводить, узнавать и в пору доносить губернатору, и со всех штрафных денег, наложенных за преступление, за открытие преступления, получал одну треть. В июне 1720 года обер-



фискал Нестеров доносил царю, что подано множество жалоб на губернаторов, вице-губернаторов и прочих властей. Из жалоб видно было, что во всех губерниях губернские и провинциальные власти не производили дел по фискальским доносам, а в надворных судах судьи оскорбляли фискалов, выражаясь, что «фискальство ничего не стоит». Царь, по этому донесению, приказал, чтоб дела по доносам фискалов решались «безволокитно и с самими фискалами обращались приятно, без укоризны и поношения». Сознывая, что земского фискала сан тяжел и ненавидим, царь угрожал наказанием тем, которые станут наносить фискалам обиды и побои.

Фискалов не любили: народ от них отвращался, а власти не спешили приниматься за дела, ими вчиняемые; однако вкус к доносничеству очень распространился в эту эпоху. Еще в конце 1713 года последовало уничтожение «слова и дела государева»: было постановлено, чтоб никто не сказывал за собою «слова и дела» под страхом разорения и ссылки в каторгу. Но изменение было только в форме: указом царским было скоро после того объявлено, что кто ведает о замыслах против государя или о повреждении государственного интереса, тот может смело объявлять самому царскому величеству, и если донос окажется справедливым, то движимое и недвижимое имущество будет отдано доносителю. Зато щадившие таких преступников и недоносившие на них подвергались смертной казни. Старались подавать доносы лично царю не только о важных, но даже и о пустых делах, и это Петру до того надоело, что в январе 1718 года запрещено было подавать доносы царю; только извещения о злоумышлении на жизнь государя или об измене государству позволялось подавать, но не лично самому царю, а караульному офицеру, находившемуся у дома его величества. О прочих делах следовало подавать челобитные в надлежащие судебные места. Челобитчики и доносчики все-таки, и после такого указа, не давали государю нигде покоя, и 22-го декабря 1718 года последовал новый указ, где было сказано: «Хотя всякому своя обида горька и несносна, но притом всякому рассудить надлежит, что какое их множество, а кому бьют челом, одна персона есть, и та всякими войнами и

прочими несносными трудами объята, и хотя бы тех трудов не было, возможно ли одному человеку за таким множеством усмотреть? воистину не точю человеку, ниже ангелу». Далее Петр объясняет, что прежде он был занят приведением войска в порядок, теперь же трудится над земским управлением и потому подтверждал пол страхом наказания, чтоб его не беспокоили и не подавали просьб и доносов. Находились охотники волновать власть, которые подбрасывали анонимные письма с доносами. В одном из таких писем сочинитель его извещал, что он откроет себя, если получит на то дозволение, а в знак дозволения просил положить деньги в городском фонаре. Царь велел положить 500 рублей; деньги лежали более недели, и никто за ними не явился. Тогда царь издал указ, что всякий, кто подобное письмо найдет, не должен его распечатывать, а, объявивши посторонним свидетелям, обязан сжечь его на том месте, где нашел. Вслед за тем в августе 1718 года Петр приказал объявить, что, кроме церковных учителей, всем запрещается, запершись у себя, писать письма, и если кто, зная о таком писательстве, не донесет, и из того выйдет что-нибудь дурное, тот отвечает перед законом наравне с возмутителями.

Малороссия по-прежнему управлялась своим гетманским строем, но гетман Скоропадский, избранный по воле Петра после измены Мазепы, находился в большем подчинении у верховной власти, чем были прежние гетманы. Нередко, мимо гетмана и народного выбора, полковые старшины приобретали места по воле царя. Тогда ни во что ставили гетманскую власть и позволяли себе много произвола. Жители малороссийского края были отягощаемы квартированием драгунских полков, так как правительство уже не слишком доверяло верности малороссиян после измены Мазепы и хотело даже держать наготове военные силы для укрощения возмутительных попыток. Кроме гетманщины, слободские казачьи полки пользовались до некоторой степени отдельною самостоятельностью против остальной России. Они «по своей прежней обыкности» выбирали должностных лиц или полкового старшину: полковника, судью, есаула, городничего, полкового писаря и сотников; все эти чины владели маетностями,

доставлявшими им доходы. В каждом полку была казна, в которую сборами и из которой расходами заведовали сами казаки в своих сходках. Просьбы их показывают, что казаки более всего дорожили правом выбора старшин и просили правительство, чтоб у них не переменялись без их ведома выборные старшины.

Чтобы привязать к России Остзейский край, Петр в 1712 году дал жалованные грамоты шляхетству и земству Лифляндии и Эстляндии, утверждал их прежние порядки в крае: администрацию и судоустройство, но отказал дворянству в таких требованиях, которые были противны интересу граждан. Так, например, дворяне просили, чтоб только лицам их сословия предоставлено было право брать на аренды государственные маенности. Петр на это отвечал, что и других граждан нельзя обидеть. Не согласился Петр на просьбу остзейского дворянства отнять безденежно у залогодателей те дворянские имения, которые шведская корона прежде отдавала мимо воли владельцев в залог. Вообще в столкновениях, которые возникали между дворянским и городским сословиями, Петр напоминал, что горожане такие же его подданные, как и дворяне. Суровее относился в это время Петр к мусульманским владельцам имений Казанской и Азовской губерний. 3 ноября 1713 года царским указом предписывалось всем таким владельцам в течение полугода креститься, а в случае их несогласия принять крещение царь угрожал отобрать у них поместья и вотчины с крестьянами. Но 3 июля 1719 г. состоялся указ, которым запрещалось насильно крестить татар и других иноверцев в восточной России. Принявшим православие давалась льгота на 3 года от всех податей, но это не должно было простираться на их семьи, если они останутся в иноверии до 1720 года.

Коренное русское дворянство как служилое сословие предназначено было на всю жизнь для службы и пользовалось такими исключениями перед другими сословиями, которые представляли не столько привилегии, сколько обязанности. Тяжелым бременем ложилась государственная служба на дворян, но плохо исполнялись ими правительственные

распоряжения. Например, в октябре 1714 года велено было всем дворянам собраться в Петербург, на смотр, с детьми и сродниками; никто не явился. Отложили смотр до марта 1715 года, и в марте явились немногие. Срок отложили до сентября с угрозами. Но и после того много было непослушных царскому указу, так что велено у неявившихся на смотр отбирать имения и отдавать ближним их сродникам.

Между тем в марте 1714 года состоялась важная перемена в порядке приобретения дворянской собственности по наследству. Петр заметил, как и сказано в указе, что разделением недвижимых имуществ после умерших родителей между детьми «великий есть вред, как интересам государственным, так подданным и самым фамилиям падение. Если у кого отец имел тысячу дворов, а одному из его пяти сыновей достанется двести, и, помня своего отца, сын хочет жить, как отец, то уже с бедных подданных будет пять столов, а не один. Подданных двести, служа господину, будут нести то, что несли тысяча, и государственные подати не могут исправно платиться, и оттого государственной казне вред и людям подлым разорение, и знатные фамилии могут обеднеть до того, что сами одноворцами останутся. Наконец, каждый, имея свой даровой хлеб, хотя и малый, ни в какую пользу государству, без принуждения служить и простираться не будет, но ищет всякий уклоняться и жить праздношью, которая, по Священному Писанию, мать всех пороков». Для исправления такого замеченного недостатка, царь указал: с этих пор не продавать и не закладывать всех недвижимых имений и дворов родовых, выслуженных и купленных. Владелец может предоставить их в наследство одному из своих сыновей, а прочих наделить движимостью; то же касалось и дочерей. Бездетный может отдать свое недвижимое имение одному из своего рода, кому захочет, а движимое предоставить, по усмотрению, хотя бы и постороннему. Получающий по наследству после родителей недвижимое имение должен сохранить движимость своих братьев и сестер до их совершеннолетия – мужского пола до 17-ти лет, женского до 16-ти, – и учить всех грамоте, а мужского пола родных, сверх грамоты, – и цифири. По окончании их

обучения он должен каждому дать часть, не зачитая в свою пользу издержек, употребленных на их воспитание и содержание. Девица, достигшая 18-ти лет, может отойти от брата; вступая в брак, она передает мужу обязанность принять фамилию жены, если в ее роде не останется лиц мужского пола. При вторичных браках дети, рожденные от них, наследуют имущество только своих родителей. Постановлено: дворянам, по этому закону, не получившим от родителей недвижимого имущества, не ставить в бесчестие занятия каким-нибудь ремеслом, торговлею или вступление в духовное звание.

Нельзя не признать, что побуждения, руководившие царем при издании этого закона, клонились, главным образом, не к распространению барского дармоедства, а скорее к тому, чтобы заставить людей дворянского происхождения жить честным трудом и посвящать себя полезным занятиям. Дворяне издавна имели обычай, по примеру крестьян, прятать свои деньги и сокровища, а иные даже – зарывать в землю; только в последнее время, когда посылки дворян за границу начали знакомить их с европейскими обычаями, иные дворяне стали помещать свои деньги в иностранных банках. Капиталы, таким образом, оставались совсем непроизводительными или малопродуктивными. Петр хотел доставить возможность обращения этих капиталов и для того пересоздать дворянство: кроме старших сыновей, наследовавших отцовское имение, другие, получивши, вместо недвижимых имуществ, капиталы, должны были, ради средств к жизни, пуститься на какие-нибудь деятельные предприятия. Но опыт скоро показал, что нельзя легко изменять того, что укоренено в народных нравах и освящено многовековыми привычками. Майоратство, несмотря на старание Петра ввести его, не привилось к русской жизни.

Петру не по сердцу был укоренившийся в русском дворянстве обычай – продавать своих крепостных людей, как скотов, разрознивая семейства, разлучая детей с родителями, братьев и сестер друг от друга, «отчего не малый вопль бывает». Государь еще не домыслился до того, чтобы уничтожить совершенно куплю и продажу людей в своем

государстве, но, по крайней мере, постановил не разрознивать семейств продажею.

Некоторые, пользуясь своим дворянским происхождением, ограничивались службою в низшем солдатском чине только несколько месяцев или даже недель, а потом проходили службу в офицерских чинах; у дворян возник такой взгляд, что, по своему происхождению, они должны исправлять на службе только начальнические должности. В 1714 году Петр указал отнюдь не производить в офицерские чины тех лиц, которые, опираясь на свою дворянскую породу, вовсе не служили солдатами; то же подтверждено указом 1 января 1719 г. В конце 1720 года обер-офицерам, происходящим не из дворян, велено выдать патенты на дворянское достоинство и считать дворянами их детей и все их потомство. Таким образом, хотя дворянское происхождение не теряло признаваемого за ним достоинства, но достижение дворянского звания службою становилось открытым. В служебных отношениях Петр, предоставляя дворянам, как родившимся в этом звании, так и приобретшим его службою, начальнические должности, ограждал подначальных от их произвола. Штаб- и обер-офицерам запрещалось брать рядовых в услужение, исключая денщиков, но и тех следовало брать в ограниченном числе и не обращаться с ними жестоко. В видах ограждения мирных обывателей от своеволия военных людей, запрещалось военным чинам занимать самовольно квартиры, насильно оставаться у хозяев и переходить со двора на двор.

Петр заботился дать образование дворянам больше, чем другим сословиям. Так, в 1712 г. положено было, чтоб в инженерской школе, в которой предписывалось учить геометрии и фортификации настолько, насколько нужно было для инженеров, две трети учащихся было из дворянских детей. В 1714 году велено разослать во все губернии по несколько человек из математических школ учить дворянских детей цифири и геометрии. Архиереи не должны были давать венечные памяти дворянам, желающим вступить в брак, если они не выучатся. Любя до страсти мореплавание, Петр предложил завести морскую академию, также преимущественно

для дворянских детей, – и в октябре 1715 г. начертал для нее инструкцию. В этой академии положено было учить: арифметике, геометрии, фортификации, навигации, артиллерии, географии, рисованию, живописи, воинскому обучению, фехтованию и некоторым сведениям из астрономии. Для этого царь велел прибрать способных учителей для обучения таким наукам, которые окажутся нужными. Для надзора над учителями и школьниками выбиралось особое лицо, а для перевода книг, необходимых для морских наук, назначался переводчик. По известию одного иностранца, не было в России ни одной знатной фамилии, из которой не находилось бы юношей от 16–18 лет в этой академии. Вслед за тем, в декабре того же года, именным указом, велено мальчиков дворянского звания, от десяти лет и выше, посылать в Петербург для обучения морскому делу, а в чужие края более не посылать. Но в следующем 1716 году государю сделалось известно, что в Венеции и во Франции желают принять русских людей в морскую службу: Петр приказал собрать мальчиков дворянского звания и послать в Ревель, а оттуда отправить их партиями – в 20 человек, морем или сухопутьем, в Венецию, Францию и Англию, чтоб эти молодые люди ознакомились и освоились с морским делом.

9-го декабря 1720 года Петр командировал, для составления ландкарт, из своей морской академии по несколько человек в губернии, с жалованием по шести рублей в месяц.

Сознавая пользу знания немецкого языка для России, в январе 1716 года царь приказал отправить в Кенигсберг от 30 до 40 молодых подьячих, 15–20 лет возраста, для изучения немецкого языка, с надзирателями, которые должны были наблюдать, чтобы посланные действительно учились, а не гуляли. Государь сознавал потребность иметь людей, сведущих и в восточных языках, а потому, в том же году и месяце, приказал из московских школ выбрать пять способных юношей и отправить их в Астрахань, к губернатору Волынскому, для обучения их турецкому, персидскому и арабским языкам.

Давая дворянскому званию преимущество перед прочими сословиями в деле образования, Петр, однако, показывал

желание, чтоб и во всех слоях общества распространялось учение, и, сообразно своему характеру, прибегал для этого к принудительным мерам. Еще в 1714 и 1716 годах именными царскими указами велено было детей всякого чина людей, кроме дворян, от 10 до 15 лет, учить грамоте, цифири и несколько геометрии. Для этой цели из математических школ послано было по два человека в губернии. Им велено отвести помещение в архиерейских домах и монастырях. Учение полагалось бесплатным, но, по окончании учения, при выдаче свидетельств, учитель имел право брать по рублю за каждого ученика. Без такого учительского свидетельства нельзя было жениться. Но прошло около трех лет. Заведовавшие школами писали донесения, что, вопреки царскому указу, родители не присылают детей для обучения. Новые указы царь писал о высылке учеников. В 1720 году поступила к царю челобитная от посадских людей: каргопольцев, устюжан, вологжан и калужан. Они жаловались, что у них насильно берут детей, везут в города и держат в тюрьмах за караулом. Дети ничему не учатся и только теряют время. «А дети у нас, – говорили они, – дома смолоду приучаются сидеть за прилавком и посылаются со старшими по купеческим делам. Если у нас будут забирать детей, то промыслы упадут и в казенных поборах будет остановка; обучать же детей мы можем и дома». Царь, рассудивши, что, в самом деле, при такой мере станут его подданные находить благовидную отговорку в невозможности платить казенные налоги, запретил забирать у посадских людей детей для их обучения.

На затеи государя, касавшиеся народного воспитания и перестройки России на западноевропейский лад, имело влияние знакомство со знаменитыми в Германии учеными Лейбницем и Христианом Вольфом. С Лейбницем Петр познакомился в 1711 году в Торгау и с тех пор до самой смерти немецкого ученого вел с ним письменные сношения. Пожалованный Петром в звание тайного советника, с жалованием 1000 рейхсталеров в год, Лейбниц присылал Петру и разным его любимцам всякого рода преобразовательные проекты. Этот ученый первый подал Петру мысль ввести в России коллегиальное управление для



всех отраслей государственного управления, с тою разницей, что в числе коллегий Лейбниц предполагал завести ученую коллегия, которая не была учреждена. Лейбницу принадлежит также мысль о введении в России чиновной лестницы, осуществленной Петром впоследствии в табели о рангах. Лейбниц подал царю совет собирать и сохранять письменные и вещественные памятники древности, послать экспедицию для открытия пролива между Азией и Америкой, устроить постоянные сношения России с Китаем, снаряжать ученые путешествия для географических и физических открытий, учредить в России высшее учебное заведение или университет, под названием академии. Хотя это предположение не осуществилось, но без сомнения оказало свое влияние тем, что впоследствии Петр, уже перед концом своей жизни, учредил академию в смысле ученого сонмища. Галльский, а потом марбургский, профессор Христиан Вольф, известный в свое время математик, начал сношения с Петром через Петрова врача Блументроста в 1718 году, по поводу одного шарлатана, обратившегося к Петру с заявлением, что он выдумал вечно движущуюся машину (*perpetuum mobile*). Оставив вопрос о машине в сторону, Петр, при посредстве Блументроста, до своей смерти находился в сношениях с Вольфом по поводу проекта об основании академии и убеждал Вольфа поступить на русскую службу, но последнее не состоялось.

В 1720 году Петр положил начало и русской археологии. Во всех епархиях приказал он из монастырей и церквей собрать старинные грамоты, исторические рукописи и старопечатные книги. Губернаторам, вице-губернаторам и провинциальным властям велено все это осмотреть, разобрать и списать. Мера эта не оказалась удачною, и впоследствии Петр, как увидим, изменил ее.

Торговля и промыслы по-прежнему направлялись так, чтобы сделаться источником для казенной прибыли. В 1713 году людям всяких чинов дозволено было свободно вести торговлю; только крестьяне, торговавшие в Москве, платя десятую деньгу и неся налоги наравне с прочими московскими посадскими, занимавшимися торговлею, не были изъяты от платежа

налогов, платимых крестьянами волостей, где они были приписаны.

Царь хотел, во что бы то ни стало, направить главный торговый путь на Петербург, и в октябре 1713 года указал: всем торговым людям возить пеньку, юфть, икру, клей, смолу, щетину, ремень, следуемые за границу, не в Вологду и не в Архангельск, а в Петербург. Для всеобщего сведения, велено было это объявление прибить во всех церквях. Такое распоряжение отозвалось тягостью на торговых людях, и они, в поданной царю челобитной, умоляли отменить этот закон и позволить по-прежнему возить товары в Архангельск; у них, представляли они, с иноземцами были там прежние долговые обязательства, которых нельзя было иначе покончить, как выручкой с товара; в Вологде жили три иноземные купца, занимавшиеся очищением привозимой в Архангельск пеньки, и содержали для этой цели до 25000 русских рабочих, которые должны были остаться без работы, если торговый путь для пеньки изменится. Притом пенька, шедшая за границу, родилась преимущественно в областях, более близких к Архангельску, чем к Петербургу; вдобавок местность Петербурга была такого свойства, что пенька, пролежавши там несколько месяцев, легко подвергалась порче. По этим представлениям, в марте 1714 г. царь дозволил возить из Твери пеньку в Архангельск, а в 1715 году из всех товаров, показанных прежде для отвоза в Петербург, дозволил половину везти в Архангельск, а другую непременно в Петербург, и продавать иноземцам за их деньги, а русских денег от них не брать, потому что тогда стали распространять по России привезенную из-за границы фальшивую мелкую русскую монету.

Десятого декабря 1718 года уничтожена была казенная продажа товаров, исключая поташа и смольчуга, оставленных ради сбережения лесов; все же остальные товары, прежде исключительно казенные, могли продаваться свободно, с уплатою обыкновенных пошлин, а в октябре опубликован был тариф всем товарам. Ради развития торговли, государь 10 ноября 1720 года отменил прежнюю 5% пошлину с товаров и установил 3% для петербургского порта; в других же портах, с

русских торговцев, при отпуске товаров за границу, по-прежнему взималась половинная пошлина против той, которая была установлена с иноземцев – по 30-ти алтын за ефимок и непременно иностранными деньгами, как платили иноземцы. Если у торговых людей привозного товара было на такую же сумму денег, на какую в отпуске, то они освобождались от всякой пошлины. Русский торговец под опасением штрафа не должен был отпускать за границу иноземных товаров и вывозить их в одну из российских пристаней. Закон угрожал потерю всего имущества тому, кто бы дозволил под своим именем торговать другому лицу, а иностранцам, которые бы стали вести в России торговлю под именем какого-нибудь русского торговца, сверх того, – потерю его кораблей и немедленную высылкою за границу. Иноземные торговцы должны были жить в России непременно по паспортам, и получившие паспорта на выезд из России обязаны были уезжать в определенный законом срок. В 1721 году сделано было распоряжение о том, чтобы отпускать товары через Ригу и Архангельск только из близких по местоположению к этим портам краев, а из всех прочих непременно в один Петербург. Совершение контрактов между русскими и иностранными торговцами дозволялось только для петербургского порта, а для других портов запрещалось.

Торговля с Малороссиею, производившаяся сухопутьем или по рекам, оставалась в прежнем положении. Белгородский воевода получил царское приказание не стеснять торговых людей и покровительствовать им, но обязывать их не сноситься с Запорожьем. У греков и армян, ездивших с товарами и для покупки русских товаров через южную Россию, отбиралось все иностранное серебро и золото и выдавались им русские деньги, но ввозить русские деньги вместе с иностранными запрещалось. Малороссиянам запрещалось привозить в Великороссию вино и табак, если только то и другое не привозилось по казенным подрядам. Таможенные пошлины отдавались в Малороссии, как и в Великороссии, на откуп охочим людям, с предоставлением в пользу их всего утаенного на таможне и воспрещаемого законом ко ввозу в Россию.

Для развития торговли в России учреждались ярмарки. Так, в 1717 году учреждена была в Киевской губернии знаменитая Свинская ярмарка и, около того же времени, установлена должность гоф-маклера, обязанного на ярмарке надзирать за покупкой и продажей казенных товаров, для соблюдения казенного интереса. В марте 1720 г. была возобновлена в Риге ярмарка, прекратившаяся во время войны; она отправлялась с десятого июня по июль.

Торговля с Персией, важная в XVII веке, ослабевала по мере того, как царь стремился направить деятельность торговых людей на запад. Притом, при поездках в Персию, русские купцы подвергались беспрестанно неприятностям и разорениям. В России на пути их беспокоили воры и разбойники, в Персии они терпели от персидских начальников, которые брали у них насильно товары даром или назначая малую цену. Русские люди обращались к персидскому суду, а персидские местные судьи брали с них взятки. Было и то неудобство, что иные персияне покупали у русских товары в долг и, продержавши значительное время, возвращали их назад. Торговля русских с Персией была меновая, главным образом на шелк-сырец, и по своему свойству подавала частые поводы к недоразумениям. В июле 1717 года русский посол Волынский заключил с персидским министром договор, ограждавший купцов от подобных злоупотреблений. В случае крушения какого-нибудь русского судна на Каспийском море персияне, по этому договору, обязаны были возвратить найденный груз хозяину судна. В декабре 1720 года, для покровительства русской торговли с Персией, учреждены: в Испагани – главный русский консул, а в Шемахе -подведомственный ему вице-консул. Они должны были собирать разные сведения, относящиеся к торговле, выдавать паспорта русским, свидетельствовать их обязательства, завещания и всякие сделки между собою, в случае смерти русского торгового человека в Персии описывать и сохранять его достояние, для передачи наследникам, а главное – чинить русским торговым людям вспоможение советом и делом.

Хлеб в зерне и муке при Петре, как издавна в России, в ряду сырых продуктов, был одною из главных статей туземного производства и торговли. Вывоз его за границу то допускался во все порты, то воспрещался, смотря по относительному урожаю или неурожаю; так, напр., в 1713 году цена его в России упала ниже рубля за четверть ржи, и правительство не только позволяло, но побуждало отправлять его за границу, а весною 1717 г. запретило вывоз, когда цена его поднялась до двух рублей за четверть; но в июне того же года, когда блеснула надежда на урожай, оно снова дозволило вывоз. Петр думал и об улучшении земледельческого производства в своем государстве. В 1721 году, узнавши, что в Остзейском крае и в Пруссии поселяне, вместо серпов, снимают хлеб с полей косами, с прикрепленными к ним граблями, царь приказал разослать по губерниям образцы таких кос и предписал губернаторам находить смысленных поселян и рассылать их по местам, где лучше родится хлеб, чтобы приучать народ к иноземному способу уборки хлеба. «Сами знаете, – писал Петр в своем указе, – что добро и надобно, а новое дело-то наши люди без принуждения не сделают».

Пенька, отпускаемая за границу, составляла до декабря 1718 г. казенное достояние. Доверенные от правительства люди скупали ее по России, для отправки в чужие края; напр., в 1712 г. одно такое доверенное лицо скупало пеньку в украинских городах, платя по 2 р. за берковец, а продана была эта пенька иностранцам по 6 р. за берковец. На размножение льняных и пеньковых промыслов в России царь обратил внимание в конце 1715 г. Замечено было, что льном промышляли главным образом во Пскове и Вязниках, а пенькою в Брянске. Сделано распоряжение, чтобы те хозяева, которые сеяли четверть льна и пеньки, присевали еще четверть, а где не было обычая сеять эти растения, там приказано было обучать крестьян и объявить о том всенародно, объясняя, что это делается для всеобщей пользы и для благосостояния жителей. Пенька по изобилию вывоза составляла одну из главных статей вывозной торговли, но в 1716 году от англичан последовала жалоба на русских купцов, что последние, при продаже пеньки, мешают с хорошою

пенькою худую, и это побудило царя всенародно объявить, что вперед за такое воровство виновных постигнет смертная казнь. В 1718 году устроены так называемые браковщики (т.е. поверщики) по торговле льном, пенькою, салом, воском и юфтью и учреждены правила для проверки. Табак в торговле принадлежал к казенным товарам, исключая турецкого курительного и всякого нюхательного; и тот и другой продавались свободно. Туземный табак главным образом производился в Малороссии и подвергался строгому надзору, однако его все-таки развозили повсюду и курили; на одну копейку табака в Малороссии можно было продать его в Москве на 8 копеек.

Об огородничестве и хозяйственном садоводстве встречаются распоряжения только относительно Астрахани. В 1720 году царь указал завести в Астрахани аптекарские огороды и привозить из Персии разные деревья и травы, а из виноградных садов, существовавших в Астрахани, делать вино. Один французский выходец, посланный Петром в Астрахань, развел там 7 сортов французского винограда и предлагал проект завести в астраханском крае шелковичное производство. Но страшные засухи, которыми страдает постоянно астраханский край, препятствовали разведению в нем всякой садовой растительности. Только в те годы, когда Волга широко разливалась и затопляла побережье, доставлялись оттуда всякого рода садовые плоды и бахчевые овощи.

В видах доставки в войско лошадей, приказано было заводить конские заводы в губерниях Азовской, Казанской и Киевской и для этой цели выписывать жеребцов из Пруссии и Силезии. Всех доморощенных лошадей по России велено было переписать и брать с каждой лошади, кроме крестьянских, по гривне в казну. Желая иметь собственные шерстяные изделия, Петр в 1716 году выписал из-за границы 20 овцеводов и послал их в Казань, чтоб ознакомить русских со стрижкою овец и с обработкою шерсти. Рыбные промыслы производились на Каспийском и на Белом море; царь указал ловить в Астрахани осетров и стерлядей и отпускать за море; китовый, моржевой и тресковый промыслы на Белом море были отданы в компанию

(октября 30-го 1721 г.) гостиной сотни Матвею Еврейнову и его потомкам на 30 лет.

Соляная продажа была в ведомстве казны, и для этого из разных городов, где было достаточно купеческого сословия, велено было высылать по два человека для казенной торговли солью. Замечали, что прежде в русском государстве было более соляных промыслов, чем при Петре. В последнее время оставались соляные промыслы в трех местах: строгоновские, доставлявшие казне с пошлин, взимаемых по 1 коп. с пуда – 20000 рублей, сибирские – вообще для казенного дохода мало значительные, и бахмутские, доставлявшие казне до 30000 годового дохода с пошлин. Возка соли составляла повинность, часто отяготительную для народа. В 1721 году один ландрат с капитаном, прибывши в Харьков, сделал наряд привести 24092 пуда бахмутской соли. Принуждали жителей ездить за этой солью. Хлеб не убирался, сено оставалось нескошенным, а начальство, под предлогом отправки людей для провожания соли, привозимой с завода, употребляло их на свои работы. Привезенная соль продавалась в Харькове назначенными для этого головами и целовальниками по 8 грив. за пуд, тогда как в других слободских полках ее продавали за пуд по три алт. 2 деньги. Царский указ оградил жителей Харьковского полка, указавши им покупать соль на бахмутских и певаковских заводах, по указной цене. В 1718 году по соляной продаже происходило дело князя Мосальского; он был обвинен в утайке 80000 рублей. Его приговорили к смерти; но князь, не дождавшись дня казни, умер сам и был наскоро погребен. Петр, узнавши об этом, приказал отрыть его тело и повесить на виселице.

К исключительном достоянию царской торговли принадлежали товары, носившие название сибирских; это были: меха всякого рода, рыба, кость и произведения Китая, как естественные, так и фабричные, между прочим и китайское золото. Между Сибирью и областями европейской России устраивались караулы с тем, чтобы не допускать тайно привозивших из Сибири эти товары, но при огромном протяжении контрабанда была неизбежна. Путешественники

запрятывали товары, особенно золото, в колесные шины, в санные подрезы, во внутренности рыб, привозимых из Сибири, а другие получали от губернатора паспорта на право отъезда из Сибири без права осмотра, и этим, между прочим, отличался князь Гагарин в числе других, допущенных им, злоупотреблений.

Кожевенное и особенно юфтяное производство издавна были в ходу на Руси. Заграничный отпуск до конца 1718 г. принадлежал казне. Посылали доверенных лиц скупать юфть по России: в 1716 году, например, из сената отправили купчину по всем городам купить сто тысяч пудов юфти, заплатив по четыре рубля за пуд, и свезти ее в Архангельск, где продать иноземным купцам на векселя. Петр заметил, что русская юфть делается с дегтем и расползается от мокроты. Он приказал выслать из Ревеля в Москву иноземных мастеров, умевших делать юфть с ворваньим салом. Затем из разных городов приказано выслать в Москву русских кожевников, для обучения искусству выделывать юфть на иностранный образец. Назначен двухгодичный срок до 1718 года, и если кто после этого срока станет продавать юфть, выделанную по старинному русскому способу, того велено ссылать на каторгу и конфисковать его имущество; указ о том же повторен в 1718 году. В мае 1717 года из разных городов велено было прислать в Москву мастеровых людей для обучения их кожевному ремеслу, в видах распространения и улучшения его в России. С этою же целью царь предписал отправить по два человека иноземных мастеров в Киевскую и Азовскую губернии. Узнавши, что Астраханский край производит в изобилии рогатый скот, Петр приказал тамошних быков не продавать на сторону, но резать и, снимая с них кожи, отправлять в Казань для выделки.

Поташные заводы были отданы на откуп Савве Грузинскому и Карлу Гутфелю, для исключительной продажи в Архангельск иностранцам в пользу казны. Достоянием казны была также и селитра, которая выделялась главным образом в Малороссии, куда посылались купцы заводить селитренные заводы, с обязанностью никуда не поставлять селитры, кроме



казны. С таким же условием в июне 1714 года дан был указ о распространении селитренного промысла в Малороссии.

Винокурение объявлено было в 1716 году свободным для людей всяких чинов с платежом пошлин в казну. Каждый мог готовить вино для себя и в подряд, но объявляя губернаторам, вице-губернаторам и ландратам: сколько кубов и казанцев хочет выкурить. Кубы и казанцы приказано привозить в город, измеривать в 8-мивершковое ведро и налагать на них клейма; со всякого ведра взималась пошлина, по полуполтине в год. Годичный доход, доставляемый в казну, простирался до миллиона: тогда помещики и их приказчики, имея право курить вино, не должны были дозволять этого своим крепостным крестьянам и не давать последним господского вина ни за деньги, ни даром под опасением штрафа 50 рублей.

Петр дал в марте 1718 г. десятилетнюю привилегию московскому купцу Вестову на устройство сахарного завода, с правом учредить компанию и набирать в нее, кого хочет. Ему давалась на три года льгота беспошлинно привозить сахарный сырец из-за границы и беспошлинно торговать своим сахаром в головах. Кроме того, дано было обещание: если завод умножится, то вовсе запретить привоз сахара из-за границы. И действительно, 20-го апреля 1721 г. ввоз сахара из-за границы совсем был запрещен.

Рудопроизводство и обработка металлов ведались в приказе рудных дел, находившемся в Петербурге, куда марта 1716 года потребованы были из губерний все мастера и ученики, кроме определенных при делах в губерниях; губернаторам вменено в обязанность содействовать к отысканию руд в управляемых ими губерниях. В С.-Петербургской губернии искать руд, жемчуга и красок поручено было Вельяшеву с правом нанимать рабочих, и если они не шли, то брать их неволею, давая по три рубля в сутки. При Петре в первый раз обращено было внимание на золотой песок в Сибири, по донесению сибирского губернатора князя Гагарина (на реке Гае, близ калмыцкого городка Еркета). Царь велел употребить в дело шведских пленных инженеров для искания и промывания золотого песка.

Швеция славилась процветанием кузнечного ремесла. Знал это Петр и указал выбрать из пленных шведов и выслать по два человека в губернии для обучения кузнечному делу русских. Из русских людей, отличившихся в этой области труда и замеченных Петром, первое место занимает тулянин Никита Демидов. В апреле 1715 г. подрядился он ставить в Петербург железо из сибирских заводов – полосное по 15-ть алтын за пуд, а восьмигранное, тонкое в дюйм, по 16-ти алтын. Царь предписал выслать ему мастеров с Олонца. Во время провоза в Петербург железа Демидов освобождался от всяких провозных пошлин и, за поставкою в казну, имел право продавать свое железо во всех русских городах, только не татарам и не уездным инородцам.

Царь по всей России приказывал обучать молодых людей ружейному, замочному и седельному мастерствам. По усмотрению губернаторов, этих молодых людей отправляли на заводы, собирая с жителей деньги на провиант и одежду им, и по обучении рассылали их по полкам. Но через год с небольшим, по издании этого указа, оказалось, что большая часть рабочих разбегалась.

В 1716 году, в январе, сделано распоряжение об искании во всех губерниях красок, причем разосланы были реестры и цены существующим краскам, получавшимся из-за границы. Июля 23-го 1718 года дана привилегия Садовой слободы жителю Павлу Васильеву – делать и доставлять в адмиралтейство, в числе 20-ти пудов в год, краски бакана; привоз из-за границы того же материала был воспрещен. В том же году дана была привилегия Соловьеву и купцам Томиловым на заводе купоросного масла и острой водки.

Для выделки бумаги, в апреле 1714 года, Петр приказал доставлять в Петербург сухопутьем и водою негодный холст и лоскутья, за которые велел платить по восьми денег за пуд. В 1719 году бумага разных родов делалась на бумажной Дудоровской мельнице и доставлялась в адмиралтейство, откуда и продавалась на книжное печатание в типографии и на письменное производство во все коллегии, канцелярии и аптеки. В реестре, подписанном самим государем, высший сорт

рисовальной бумаги оценен в шесть рублей шестнадцать алтын четыре деньги за стопу. Затем хорошие сорта белой бумаги, измеряемой картузами и патронами, ценились за стопу от пяти до двух рублей восьми алтын четыре деньги в картузах. Писчая бумага продавалась в стопах, от рубля до рубля шести алтын за стопу. Большие толстые листы продавались дестями: от шести алтын четыре деньги до шестнадцати алтын четыре деньги за десть.

Полотняный промысел в России Петр застал в крайне первобытном состоянии, хотя изобилие пеньки и льна указывало, что если где, то в этой стране, при трудолюбии и умении жителей, этот промысел мог процветать. В июне 1714 года дозволено было завести полотняную фабрику иностранцу Тиммерману, с правом продажи своих полотен как в России, так и за морем, но с платежом пошлин. В 1718 году, 26-го января, заведена компания (Алексей Нестеров, Борис Карамышев, Иван Зубков, Аникиев, Цимбальников и Турчанинов) для выделки полотен, скатертей и салфеток. Царь велел отвести учредителям двор, позволял набирать в компанию желающих и отдал им завод на 30 лет. Учредители просили, чтобы царь запретил другим лицам торговать этими товарами, которые они будут производить. Царь обещал, но с условием, если они через год подадут ему записку, что у них есть чем содержать завод. Другая полотняная фабрика в 1720 году была отдана, с привилегией на 30 лет, в компанию, директором которой был голландец Томес. Каждый компанейщик при поступлении давал от себя вклад в общий капитал тысячу рублей и, состоя в компании, освобождался от выбора в службу. Компания имела право приглашать заграничных мастеров, заключать с ними контракты, выписывать из-за границы все нужные материалы, но с платежом пошлин. Компании давалось право беспошлинной продажи своих товаров, сроком на пять лет, но оптом, а не враздробь. Для распространения искусства делать полотна компания имела право брать из русских в ученики и работники, но с тем, что взятый ученик должен был пробыть на фабрике сначала в качестве ученика три года, а потом уже подмастерьем. 24 мая 1720 года в Москве поручена была

иностранцу Тиммерману парусная фабрика. Он получал из казны двадцать тысяч рублей, с обязанностью доставлять в адмиралтейство по три тысячи кусков парусины в год, а остальную парусину, выделяваемую у себя, мог продавать в народ и деньги, взятые с продажи, доставлять в фабричную казну, как царское достояние: себе же за труд получал он 10%. Июня 18-го того же года запрещено из-за границы привозить коломенки и другие полотняные ткани низших сортов, а высшие позволено в тех видах, что в России в то время выделялись только низшие сорта. 16-го ноября 1720 г. повелено отпускать за границу русский холст и полотна, но не узкие, а широкие. По свидетельству иностранца Вебера, посетившего Россию в царствование Петра, приготовляемое в России полотно из туземного льна не уступало в достоинстве голландскому полотну.

Суконные заводы поощрялись преимущественно с целью обмундирования войск, и потому запрещено было покупать заморское сукно на мундиры. Для успешного производства этого промысла еще в 1712 году велено собрать компанию из торговых лиц, а в случае несогласия вступить в компанию положено тащить в нее неволю. В 1719 году существовавший казенный суконный завод в Москве, у Каменного моста, приказано было отдать в компанию купцу Щеголину с товарищами, с обязательством расширить производство сукна до того, чтоб не только удовлетворялась потребность в обмундировании войска, но сукно шло бы и в продажу; компания эта получила в ссуду 30000 рублей, на три года, без процентов; позволено ей выплачивать свой долг в казну сукнами, с привилегией в течение пяти лет продавать сукно беспошлинно. Вступившие в компанию освобождались от обязательной государственной или общественной службы. Компания могла принимать в ученики лиц свободного звания, выписывать иноземных мастеров и инструменты. Вывоз за границу шерсти из России был запрещен, ради того, чтоб эта компания имела возможность удобно покупать себе материал, зато компания эта не могла возвышать цены на сукно.

В июне 1717 года поручено было подканцлеру Шафирову и тайному советнику Толстому учредить в России фабрику всяких шелковых материй и парчой, которые они должны были обрабатывать через нанятых во Франции мастеров. Им позволялось, в виде привилегии, набирать по желанию как русских, так и иностранцев в ученики, работать золотные, серебротканые, шелковые и шерстяные материи, парчи, штофы, бархаты, атласы, камки, тафты и всякого рода ленты, галуны, чулки и проч. На вспоможение себе они получили от казны безденежно готовые дворы в Москве, в Петербурге и других городах, а тем лицам, которые у них будут работать, обещаны места под жилища на вечные времена. Компания эта могла пятьдесят лет беспошлинно торговать по русским городам и селам, а заграничную торговлю вести на общих основаниях, с уплатою пошлин. Компания подчинена была сенату; местные власти не должны были вступаться в ее дела. Наконец, в обеспечение ее прибытка, запрещалось не принадлежащим к ней лицам производить такие товары, какие производила компания, кроме лент, чулок и галунов, а из-за границы запрещался ввоз иностранных шелковых изделий; но в 1719 году члены компании донесли царю, что их мануфактуры не в состоянии удовлетворить парчами все государство, и потому сами просили разрешить ввоз парчей из европейских государств. Царь дозволил, в продолжение двух лет, привозить ежегодно на 100000 рублей шелковых штофов и продавать их в петербургских лавках, по торговому уставу. В июле того же года этой компании дозволено было беспошлинно покупать в Китае тонкий шелк. Кроме фабрики барона Шафирова и К°, заведена была другая шелковая фабрика в Москве Алексеем Милютиным. В марте 1718 г. дана была ему привилегия работать шелковые ленты, нанимать свободно мастеров, брать учеников и не платить никаких податей, пока не утвердится начатый им промысел. 14-го марта 1721 года дозволено было всем людям заводить шелковые фабрики. Учредители пользовались привилегиями на 50 лет, а вступавшие к ним в компанию – от 10 до 15 лет, со времени своего вступления.

Указом февраля 1-го 1720 г. определено завести в Киеве фабрику зеркал и хрустальной посуды.

Для усиления всякой заводской, промышленной и мануфактурной деятельности, Петр (января 17-го 1721 г.) освободил всяких основателей заводов и их товарищей от службы на полтора года после учреждения завода, а на следующий день после того (января 18-го того же года) дозволил купцам и заводчикам покупать населенные имения.

Петр всячески старался привлекать наибольшую массу золота и серебра в Россию и запрещал вывоз того и другого в другие государства.

В 1719 году царь приказал у торговцев, ездивших за границу из Малороссии, отбирать червонцы и ефимки, а выдавать им русские деньги, оставляя им на платеж пошлин на границе только небольшое количество иностранной монеты. Все купцы, которые вели заграничную торговлю, должны были платить пошлину иностранною монетою, а прусский талер принимался в казну от купцов по 50 коп., тогда как в текущем обращении эта монета ходила по 90 коп. и выше. Казна имела тут свои выгоды. Была при этом еще другая выгода казне: получаемые от купцов в уплату, иностранные монеты переделывались на денежных дворах в русскую монету, а при переделке казна оставалась в прибыли, по крайней мере, 7%. Сохранились от описываемого периода царствования Петра памятники, на основании которых можно составить себе понятие о денежном достоянии русского государства того времени. В 1721 году на всех денежных дворах было денег на сумму 559 355 рублей. Сверх того, следовало получить по подряду ефимков и меди на 141835 рублей, и в недоимке с разных чиновных людей было 225546 рублей 32 алтына три деньги, а всего 882315 рублей 28 алтын. К уплате же в разные места следовало в итоге 1536884 руб. 6 алтын. Таким образом, даже и в таком случае, когда бы взысканы были все недоимки, оказывалась недостача в 388022 рубля. Все золото и серебро, получаемое с пошлин, взимаемых за привозные в Россию товары, а также конфискованное золото и серебро и получаемое в качестве штрафов указано было доставлять на

денежный двор. Правительство нашло, что доставка и возка их была стеснительна, а во время пожаров медных денег много погибало; по этой причине, вместо алтынников, велено было делать серебряные пятикопеечники 70-й пробы. Из медных денег оставались в ходу одни только полушки, и то в небольшом количестве.

Главное управление церковью в эти годы находилось в руках рязанского архиерея Стефана Яворского, блюстителя патриаршего престола. Стефан Яворский, несмотря на высокий свой пост, тяготился своим положением, жаловался царю на неудобство жизни в Петербурге и просил милостивого отпуска, но не получил его. Ни Петр не чувствовал к Стефану большого расположения, ни Стефан к Петру, но Петр считал Стефана честным и полезным человеком, а потому и удерживал его, вопреки давнему желанию рязанского архиерея удалиться от дел и уехать на родину в Малороссию. При своей недоверчивости к великорусскому духовенству, Петр медлил постановкой архиереев; и в 1718 году Стефан доносил ему, что из епархий киевской, тобольской, новгородской, смоленской, коломенской к нему присылаются старые залежалые дела, которые он решить затрудняется; ставленников много, а ставить их некому: без архиереев быть невозможно. Государь приказал выбрать кандидатов и подать себе список их, а вперед для таких избраний присылать добрых монахов в Невский монастырь, чтобы «таких не наставить, как тамбовский и ростовский». Затем велено архиереям поочередно приезжать в Петербург и проживать там, «начиная свое бытие с января».

Им отводились места, на которых они сами могли себе выстроить подворья. Петр ввел эту меру, чтобы самому ближе и даже лично знать всех архиереев в своем государстве. Архиереи с этого времени уже не могли более вмешиваться в какие бы то ни было светские дела, если не получали на то особого царского повеления. Уже давно лишили их права управлять самим имениями. Они могли пользоваться только с них доходами, получая их из Монастырского приказа. Только по особенной милости право распоряжения своими вотчинами получил в 1713 году вологодский архиерей. Монастырские же

вотчины, взятые прежде от монастырей в заведование Монастырского приказа, 16-го октября 1720 г. были возвращены вновь в управление архимандритам и игуменам.

Царь показал некоторую заботу об улучшении материального и духовного состояния белого духовенства. В феврале 1718 года указано готовить заранее кандидатов на священнические места для того, чтоб места не оставались праздными; а как по большей части духовное звание было наследственным, то велено поповских и причетнических детей заранее обучать, чтоб они были годны со временем получить сан священника. При церквях надлежало иметь старосту, который обязан был выстроить священнический дом, поступавший преемственно от одного священника к другому. Приходскому духовенству запрещалось иметь собственные дома в своем приходе, а если окажется у какого-нибудь священника собственный дом при церкви, то следовало выплатить ему из церковных денег стоимость дома, а после его смерти отдать этот дом его преемнику на священстве. Домовые церкви должны были быть все упразднены.

Забота о благочестии повлекла к целому ряду полицейских правил. В конце 1714 года указано, чтобы все люди обоего пола ежегодно исповедовались. Священники должны были доносить архиереям об уклоняющихся от исповеди, архиереи же отправляли список их к губернаторам и ландратам. Светские власти накладывали на виновных штрафы, сообразно их состоянию: такого рода штрафы составляли особую статью государственного дохода. По воскресным и праздничным дням запрещалось торговать. Посты до такой степени строго соблюдались, что сам царь, хотя и недолго любил их, но не решался есть мясо в посты иначе, как испросивши на то разрешение константинопольского патриарха. В 1718 году, по ходатайству царя, константинопольский патриарх разрешил не только лично ему, но и всему православному российскому войску употреблять мясо в посты за границей, во время походов, кроме семи дней, предшествующих причащению Св. Тайн.



По отношению к инородцам, обитавшим в восточных пределах России, прилагались заботы о распространении христианской веры. В декабре 1714 г. указано сибирскому митрополиту ездить по инородческим землям, сжигать языческие мольбища и приводить жителей в христианскую веру, обещая новокрещенным льготы в ясаке и давая им в подарок холст на рубахи. Иезуитская пропаганда закидывала было свои сети в Россию, но неудачно. В одной из московских слобод иезуиты основали свой монастырь и успели совратить несколько поступивших к ним в обучение учеников; но в апреле 1719 года царь приказал майору Румянцеву выпроводить иезуитов за границу, а тех из них, у которых в письмах окажется что-нибудь подозрительное, не выпускать и арестовать. Многие из шведов, находившихся в плену, и иностранцы, поступавшие на русскую службу, принимали православие, и на разрешение константинопольского патриарха Иеремии предложен был 4 августа 1717 года вопрос: следует ли переходящих в православие лютеран и кальвинистов перекрещивать? Иеремия сослался на решение своего предшественника Киприяна, отвечавшего на такой вопрос, что их перекрещивать не следует, а надлежит только помазать миром. В феврале 1719 года состоялось подтверждение не перекрещивать лютеран.

Раскольники облагались двойным окладом против всех других подданных, а женщины – вполовину против мужчин. Но этот закон породил большие злоупотребления со стороны священников: они с корыстной целью записывали раскольников православными, взявши с них взятки, а раскольников избавляли этим способом от платежа двойного оклада. От царя не укрылись эти уловки: указом 16-го марта 1718 года он поручил произвести следствие одному архимандриту. За открывшуюся в первый раз вину объявлялось заранее прощение с угрозой ссылки в каторгу, если вперед будет делаться то же. Но трудно было уличить священников, потому что раскольники сами притворно обращались в православие для вида; поэтому издан был указ (14 марта 1720 года), объяснявший, что все раскольники могут чистосердечно придерживаться раскола, только платя двойной оклад, и затем

не должны страшиться уже какого-либо другого наказания. Чтобы по возможности лишить раскольников старых книг, на которых держались их уклонения от господствующего строя церкви, царь приказал (17 мая 1721 г.) доставлять на печатный двор все харатейные и старопечатные книги, находившиеся в лавках для продажи и в частных домах для собственного употребления, и получать, вместо них, новопечатные в таком виде, в каком принимает их церковь. В 1721 году обнаружилось, что в Москве продавались разные изображения, иконы и молитвы, с чертами раскольниковскими. Велено было все это описать и забрать, а вперед ничего подобного не продавать. Петр обращал внимание не только на раскольниковские книги, но и на такие, в которых замечалось в ином смысле что-нибудь не сходное с признанным православною церковью учением. 31 октября 1720 года государь узнал, что такие книги выходили в Киеве и Чернигове. Так, в черниговской ильинской типографии издана книга «Богомыслие», где заметны были «лютерские противности». В месяцеслове, изданном в Киеве, Киево-Печерский монастырь назван ставропигией константинопольского вселенского патриарха, тогда как ему следовало называться ставропигией всероссийских патриархов, а не константинопольского. В этом виделось старое желание малороссиян не подчиняться московской церковной власти. Царь постановил правилом каждую духовную книгу, прежде напечатания, давать на просмотр высшего духовного начальства.

Не благоволя к раскольникам, Петр не оставлял в то же время гонения на русское платье и бороды и издал в конце декабря 1714 г. указ, угрожавший за торговлю русским платьем и за ношение русского платья и бороды ссылкой в каторгу и лишением всего движимого и недвижимого имущества. В сентябре 1715 года в Петербурге даже запрещено, под страхом лишения имущества и ссылки в каторгу, торговать скобами и гвоздями, которыми подбивались сапоги и башмаки старого образца.

По-прежнему Петр вел войну с суеверием, прикрывавшимся личиною религии, и в особенности не давал внедряться ему в

новопостроенном городе Петербурге. 7 мая 1715 года объявлялось по всей России, что в церкви Исакия Далматского, во время литургии, плотничья жена Варвара Лонгинова кричала, что она испорчена, а когда ее потащили к допросу, созналась, что она это затеяла по злобе на плотника, который поколотил ее деверя. По этому поводу царь велел приводить в приказы всех кликуш, к которым в старой Руси чувствовали суеверный страх. В 1718 году в Петербурге один священник распространил слух, что у иконы, стоявшей у него в церкви, творятся чудеса. Петр призвал его во дворец с иконою и приказал сотворить чудо, а как чуда не случилось, то Петр приказал отправить обманщика в крепость, наказать кнутом, а потом лишить сана. Архиереям по всей России приказано смотреть, чтоб в их епархиях не было потачки кликушам и беснующимся, чтоб невежды не почитали за святые мощи неведомых и не освидетельствованных церковью умерших, не боготворили бы икон, а ханжи не вымышляли ложных чудес. Так же точно Петр в 1718 году приказал по всей России губернаторам и комендантам собирать родившихся уродов, вроде, например, двухголового животного или двух сросшихся животных<sup>10</sup>. Мертвых уродов приказано класть в спирт или двойное вино, а народу внушать, что уроды рождаются не от дьявольского наваждения, как думали в старой Руси, но от повреждений в организме матери, например, от испуга и т. п.

Показывая вражду и презрение к старинным суевериям, Петр смотрел таким образом даже на многое, что вошло в существенные признаки русской православной церкви с давних времен. Нет сомнения, что такое недружелюбное отношение к отечественным верованиям развилось у Петра после его знакомства с Западною Европою, начавшегося в Москве в Немецкой слободе и усвоенного после путешествия в протестантских странах. Одною из самых резких черт, так сказать, размолвки Петра со старинным православием были его забавы со всешутейшим и всепьянейшим собором, о котором мы уже упоминали выше. Составив под этим названием из своих любимцев целый кружок пьяниц, Петр не слишком щадил чувствования своих приближенных; волею или неволею в

забавах его должны были участвовать и такие особы, которым совсем не под стать было шутовство: к ним можно причислить Никиту Моисеевича Зотова, носившего звание шутовского патриарха, и Петра Ивановича Бутурлина, в 1706 году нареченного петербургским шутовским митрополитом. Всешутейший собор собирался часто, смотря по тому, как приходила государю мысль созвать в виде развлечения от трудных занятий. В 1713 году Петру вздумалось женить своего шутовского патриарха, несмотря на то, что последнему было уже 70 лет. Зотов с рабскою покорностью не устыдился потешать царя, просил только, чтоб ему дозволили «в Москве супружество принять неразглашательное и от разбивки злых человек петербургским жителям сокровенное». Но не так отнесся старший сын Зотова, Конон Никитич. «Предвари, – писал он к царю, – искушению дьявольскому... таким ли венцом пристойит короновать конец своей жизни, яко ныне приведен отец мой через искушение? Смело называю искушением, понеже премудрость Соломонова таковыми гнушается, написавши, яко трех вещей возсмерде его совесть, из них же гнуснейшее быть перед ним старых прелюбодейство, суще умаленных смыслу. По сей пункт отдаю последний мой сыновский долг, душевным плачем моля Ваше Величество, дабы изволение ваше причинствовало его совести умному о себе расположению». Сын Зотова беспокоился тогда не по поводу одного соблазна видеть своего старика-отца делающим дурачества по царской прихоти; он боялся и будущей своей мачехи, которая, как он справедливо предполагал, для того пойдет в замужество: «чтоб здесь нас, детей его, лишить от Бога и от Вас государя достойного нам наследства... Изволит говорить нам отец наш: я бы и рад отречься моей женитьбы, но не смею Царское Величество прогневать, столько-де стариков собрано для меня и платья наделано. Все сие рассудя помилуй и его старость, и нас, сирот, которых ты так долгое время изволил иметь под своим кровом... помилуй и яко богоподражательный царь». Но эта слезная просьба осталась не услышанною: Зотова женили для смеха на вдове Стремоуховой и справили шутовскую свадьбу в Москве.

Новобрачных венчал Архангельского собора девяностолетний священник. Сам Петр занялся устройством свадебного торжества, продолжавшегося весь январь 1715 года. На свадьбе присутствовали разные государственные сановники, царица Екатерина, вдовствующие царицы с дочерьми, все знатные придворные дамы, в которых одна боярыня Ржевская носила шутовской титул князя-игумении. Все это было разодето по распределению Петра в разные шутовские наряды, все шло в сопровождении грома музыкальных инструментов, медных тарелок, свистков, трещоток, производивших дикий и нестройный шум, с колокольным звоном всех московских церквей, с пьяными криками московской черни, которую царь приказывал поить вином и пивом, с возгласами: «Да здравствует патриарх с патриаршей!» Опасения сына Зотова были не даром: у детей шутовского патриарха с мачехой действительно вышел разлад. Старик Зотов жил недолго: в 1717 году его уже не стало, а в декабре того же года произведен был шутовский выбор ему преемника, нового князь-папы. Замечательно, что это совершалось в то время, когда Петр с нетерпением дожидал привезения в Россию своего несчастного сына, готовясь дать волю своей подозрительности и производить ряд пыток и казней, о которых повествование наводит дрожь. Петр сам начертал устав или чин избрания, пародируя совершавшийся прежде церковный чин избрания патриарха. Вместо себя, Петр предоставил играть роль царя новому сценичному царю, князь-кесарю Ивану Федоровичу Ромодановскому, сыну прежде носившего это комическое звание князя Федора. В написанном Петром чине избрания шутовского патриарха так пародируется церковный чин избрания действительного патриарха: «Собравшимся на старом дворе папы и седшим архиереям начинают оные петь песнь Бахусову, потом восходит князь, великий оратор, на высокое место и чинит предиду, увещевая, дабы прилежно просили Бахуса и не по каким факциям, но ревностным по оным сердцем избирали и потом итить всем в каменный дом, по учрежденной конклавии». Здесь, в шутовском виде, были певчие, попы, дьяконы, архимандриты, суфраганы, архиереи, князь-папины

служители. Пародировалось несение образа, как делалось при избрании патриарха, – такую роль играл здесь «Бахус, несомый монахами великой обители». В каменном доме театральный государь, князь-кесарь, говорил членам всешутейшего собора речь, напоминающую речи, некогда произносимые царями при избрании патриархов. Потом происходил выбор из трех кандидатов. Перед избранием совершалось осязательное освидетельствование нового князя-папы, посаженного на прорезном стуле и закрытого покрывалом. Это была насмешка над обрядом, совершавшимся некогда, как говорили, при избрании римских пап, когда кардиналы удостоверялись, что новый первосвященник есть действительно мужчина. Обряд этот, если только он, в самом деле, совершался, возник оттого, что в IX веке по Р. Х. обманом была избрана в папы женщина под видом мужчины. По окончании баллотировки, совершаемой яйцами, новоизбранного поздравляли, величали многолетием, потом сажали в громадный ковш и несли в собственный его дом, где опускали в чан с вином. За избранием следовало поставление. Чин поставления, начертанный Петром, был пародией поставления архиереев. Поставляющий, возглашая: «Пьянство Бахусово да будет с тобой», намекал на священные слова: «Благодать Св. Духа да будет с тобою». Подобно тому, как архиереев заставляют произносить исповедание веры, шутовской князь-папа исповедовал поклонение уродливому пьянству. Описывая свое пьянство, новопоставляемый говорил: «Вином яко лучшим и любезнейшим Бахусовым чрево свое яко бочку добре наполняю, так что иногда и ядем, мимо рта моего носимым, от дрожания моей десницы и предстоящей очесех моих мгле, не вижу, и тако всегда творю и учить мне врученных обещаюсь, инако же мудрствующие отвергаю, и яко чуждых творю и... маствую всех пьяноборцев, но яко же вышерек творить обещаюсь до скончания моей жизни, с помощью отца нашего Бахуса, в нем же живем, а иногда и с места не двигаемся, и есть ли мы, или нет не ведаем (пародия на слова Священного Писания: «о нем же живем, движемся и есмы»), еже желаю тебе отцу моему, и всему нашему собору получить. Аминь». Следовало рукоположение: во имя разных

принадлежностей пьянства, пересчитываемых одна за другую: пьяниц, скляниц, шутов, сумасбродов, водок, вин, пив, бочек, ведер, кружек, стаканов, чарок, карт, табаков, кабаков и прочее. Потом следовало облачение новопоставленного с произнесением символических выражений, напоминающих облачение первосвященников. Например: «Облачается в ризу неведения своего»; флягу возлагая, произносилось: «Сердце исполнено вина да будет в тебе»; нарукавники возлагая: «Да будут дрожащи руке твои», отдавая жезл: «Дубина Дидана вручается тебе, да разгоняеши люди своя». Первый жрец помазывал крепким вином голову новопоставленного и делал образ круга около его глаз, произнося такое выражение: «Тако да будет кружиться ум твой». Наконец, на него надевали подобие первосвященнической шапки, с возгласом: «Венец мглы Бахусовой возлагаю на главу твою, да не познаеши десницы твоей, во пьянстве твоём». Все хором пели: «Аксиос». Новопоставленный садился на бочку, игравшую роль первосвященнического седалища. Он испивал Великого Орла – как назывался огромный кубок – и давал пить из него же всем другим. Пением многолетия оканчивался чин поставления. Новым князь-папою, или шутовским вселенским патриархом, был Петр Бутурлин, до того времени состоявший в звании петербургского шутовского владыки. Его избрание производилось 28 декабря 1717 года, а поставление 10 января следующего года. С тех пор мы находим известия о довольно частых празднествах, устраиваемых Петром со своею всепьянейшею коллегиею. Люди, близкие к царю, носили, по воле его, в звании членов этой коллегии, непристойные клички. Преследуя старорусские обычаи и насмехаясь даже над тем, что в старину входило в область благочестия, царь не уничтожал старинного славения в праздники; напротив, в рождественские Святки сам со своими приближенными и с духовенством разъезжал от двора ко двору при громе литавр и бубен. Гости ели и пили у каждого хозяина и получали денежные подарки. Кроме таких способов забавляться, любимым увеселением Петра было катание по воде. Это увеселение Петр отправлял часто в Петербурге на Неве. Его

вельможи должны были разделять с ним такую забаву и брали с собою музыкантов, которых держать у себя в доме было в обиходе домашней жизни знатных особ. Нередко царь плыл по Неве на острова или в Екатерингоф, в устроенный им для Екатерины сад. Там приготавлился завтрак или закуска, причем собеседники пили венгерское вино. Но самыми веселыми для царя празднествами были спуски на воду новоотстроенных кораблей. Прежде всего совершался церковный обряд освящения. Когда корабль снимался и пускался по воде, гремели литавры и трубы, палили из пушек в крепости и в адмиралтействе, потом следовали поздравления от всех приближенных, наконец, происходил завтрак в каюте новопущенного корабля, и всегда при этом была самая обильная попойка. В этих случаях этикет не наблюдался; царские корабельные мастера обедали рядом с царем, и он пил за их здоровье. Всегда в таких торжествах берег Невы усеивался множеством народа; иногда царь угощал народ на воздухе.

По временам царь устраивал примерные морские битвы; обыкновенно одною стороною командовал сам царь, противною – кто-нибудь из вельмож, чаще Меншиков или адмирал Апраксин. По окончании маневров шло пиршество с попойкою. Главное, что поглощало внимание Петра и составляло постоянный предмет его забот, это было развитие русской морской силы, образование русских мореходцев.

В 1712 году велено было построить три корабля в 60 пушек, 20 полугалер и 150 бригантинов, для чего потребно было 11000 человек рабочих и 24555 служителей. Смета издержек на постройку составляла 170777 руб. и на провиант для содержания рабочих 220580 руб. На петербургской верфи происходили неустанные кораблестроительные работы под наблюдением голландских мастеров, которых Петр ласкал и любил. Не жалея средств для создания русского флота, царь скоро поставил его на такую ногу, что в 1717 году было 28 военных линейных кораблей, с количеством пушек на самых больших кораблях 90, на самых меньших 52; на них было 13280 человек, но еще ощущался недостаток в 7671 человеке, для



составления полного экипажа для всех кораблей. В этом же году сделано было распоряжение учить матросов грамоте, цифири, навигации, артиллерии, плотничьему и кузнечному мастерствам.

Издержки на флот в 1712 году простирались до 434000, в 1714 сумма эта возросла до 651316 руб., в 1715 г. до 800000, а в 1721 расход на все морское дело, с включением содержания приписанных к нему заводов, достигал до 1 142977 руб.

Желая привить на Руси судостроение по западным образцам, Петр объявил войну древнему русскому судостроению. Указом 28 декабря 1714 года он запретил ходить в море на судах прежнего строя – на ладьях и кочах, а вместо них приказал делать галиоты и другие суда иностранного пошиба, с иностранными названиями; срок для существования судов старой формы он назначил два года, а по нужде три года; после чего все старые подлежали уничтожению. В ноябре 1715 г. состоялся подобный же указ: запрещалось делать суда со скобками по старому обычаю, а велено непременно конопатить доски с досками. Приказано разослать конопатчиков в те места, где делались суда, а все старые суда заклеить. Если, вопреки этому указу, будет продолжаться постройка судов со скобками, то виновные в том за первый раз подвергались штрафу, а за повторение своей вины – ссылке в каторжную работу. Весною 1716 года из судов, которые везли в Петербург провиант, велено допускать только суда, выстроенные по новому чертежу. Строгие указы против судов старого покроя повторились в 1717 и 1718 гг. Затем 18 ноября 1718 года в Ладогу и по рекам Волхову, Мете, до Вышнего Волочка, в места, где издавна строились суда, отправлен был подпоручик Румянцев объявлять повсюду, чтоб наперед работались суда по установленному царем способу. Посланный должен был внушать жителям, что это делается для их пользы, ставить им на вид: какой вред произошел за четыре последних года на Ладожском озере. Румянцев должен был все суда старого устройства перестроить и отправить в Петербург с кладями, с тем чтобы уже оттуда им не возвращаться, а все начатые, но недостроенные суда старого покроя при себе изломать. Но

осенью, в том же году, установлено с «новоманерных» судов брать обыкновенную пошлину, а с судов старого покроя в будущем 1719 году – вдвое, в 1720 же году -втрое, и так далее по годам прибавлять; затем задержанные в Петербурге старые суда велено было освободить. Правительство стало держаться точно такой же политики со старыми судами, какой держалось в отношении старообрядцев: прежде хотели их совершенно уничтожить, а потом стали позволять им существовать, но с платою огромного налога. В виде привилегии, в 1719 году царь дозволил крестьянам Соловецкого монастыря ходить на судах старого покроя до тех пор, пока эти суда не сделаются негодными к плаванию, но вместе с тем запретил им строить вновь староманерные суда, под опасением ссылки в каторгу. В июне того же года отправлен был корабельный мастер в Ярославль осмотреть тамошние лодки, называемые романовками, и все лодки старого манера переделать по утвержденному образцу, наблюдая, чтоб отнюдь не было судов со скобками, под опасением штрафа 300 рублей за каждое судно. Для постройки и починки судов по разным северным рекам: Волхову, Сквири и по Онежскому озеру приказано завести верфи.

После строгого гонения против староманерных судов, 28 марта 1720 года, на пути сообщений Вологды с Архангельском, дозволено строить суда по старинному образцу, а 9 апреля того же года на Двине и на Сухоне повелено строить непременно по-старому, а не по-новому. Но в Новгородской провинции осталось в силе прежнее распоряжение – строить суда не иначе, как новой конструкции. В этот же год июня 26-го составлен был устав о новоманерных судах, под названием «эверсы», о том, как ими управлять и как с ними обращаться. В следующем 1721 году опять дан указ уничтожить все суда, карбасы и барки староманерной постройки, но судам, приходящим с Волги, дозволялось быть построенными по какому угодно способу, лишь бы они были без скобок и хорошо проконопачены.

В 1717 году сделан был первый шаг к устройению каналов. Сильные бури, тревожившие суда, плавающие по Ладожскому озеру, побудили Петра прорыть для обхода этого озера канал из

Волхова в Неву. Царь смотрел на это предприятие как на главную нужду своего государства. Сначала на работу предположили обратить те войска, которые, возвратившись тогда из Польши и оставаясь без дела, получали жалованье даром; потом -думали посылать работников давним способом по наряду, назначая данное количество работников с определенного количества дворов. Но 26-го ноября 1718 года царь, как сказано в указе, «милосердую о народе, дабы в сборе работников и на них провианта и всяких припасов, уездные и купеческие люди каких бы излишних тягостей и убытков не понесли, указал оное канальное дело делать подрядом». Со всех уездных людей положено было собрать деньгами с дворового числа по 23 алтына две деньги на двор, с купечества – десятую деньгу с рубля, с однодворцев же Киевской и Азовской губерний – по рублю двенадцать алтын две деньги и прислать эти деньги в Шлиссельбург к марту 1719 г., не отговариваясь ничем, не исключая даже опустения дворов. В декабре 1718 г. разосланы лейб-гвардии офицеры по губерниям побуждать губернаторов к скорейшему сбору денег на постройку каналов. Петру хотелось, чтоб это дело шло как можно скорее. 1-го февраля 1720 г. извещал он в своем указе, что не было прислано до тех пор ничего из следуемых сборов, и снова повторял прежнее требование в срок на октябрь текущего года. Подрядчики Ладожского канала назначили подрядную цену по одному рублю двенадцать алтын и две деньги за кубическую сажень. Им дозволялось привозить в год по десяти тысяч ведер вина и пива и по три тысячи пудов табака, но с платежом пошлин и с обязанностью не продавать никому, кроме рабочих. Но если постройка Ладожского канала производилась уже не в смысле народной повинности, а свободным наймом, то другие предприятия, касавшиеся торговых путей, все-таки по-старому ложились тягостью на местное народонаселение. В 1719 году по Волхову и Мете до пристани, которая была ниже Боровицких порогов, велено устроить бечевник, чтобы взводить суда вверх по течению лошадьми. Устройство этого бечевника было разложено на 11499 дворов. В половине следующего года до сведения правительства дошло, что это дело подало повод к

разного рода злоупотреблениям и притеснениям народа. Народ был так запуган, что ничему не верил: когда предположили было копать канал из реки Гжати в гжатскую пристань, работая охочими наемными людьми, то люди боялись идти на работу, думая, что им будут делать насилия и не заплатят денег по договору.

На юге России, в степных местностях, производились постройки дорог по-прежнему казенными людьми, а не наймом. Так, например, для постройки пути от Панышина до Царицына употреблялись полки Казанской и Азовской губерний, слободских полков компанейщики и донские казаки. На них собирался годичный провиант. Малороссийские казаки, находившиеся под начальством гетмана, в 1720 году, по царскому указу, уволены были от работ в этой местности, зато обращены на работы Киево-Печерской крепости и других укреплений в малороссийских городах.

В декабре 1717 года положено учредить коллегии. Наши коллегии при Петре были ближайшим образом скопком с тогдашних шведских коллегий; только государь, в одном из своих указов об их составлении, велел заменить те пункты шведского устава, которые не подходили к основным порядкам русского государства. Коллегии имели смысл верховных правительственных мест, по разным частям государственного управления. Этих коллегий предположено было числом восемь: коллегия иностранных дел, где должны были ведаться все сношения с чужими государствами; камер-коллегия, заведовавшая финансами государства; юстиц-коллегия, ведавшая суды и судопроизводство; ревизион-коллегия, сводившая и проверявшая государственные денежные счета; штатс-канцелярия, ведавшая собственно расход; берг- и мануфактур-коллегия, наблюдавшая над горным делом, фабриками и заводами; коммерц-коллегия, ведавшая торговлю, внутреннюю и внешнюю; наконец, военная и адмиралтейств-коллегия: из них первая заведовала сухопутными военными силами, а вторая – флотом и мореплаванием. Каждая коллегия находилась под председательством президента и вице-президента. Вице-президенты были не во всех коллегиях, и там,

где они были, все принадлежали к иноземцам, исключая коллегии иностранных дел<sup>11</sup>. За президентом и вице-президентом в каждой коллегии следовали: четыре советника коллегий, четыре асессора коллегий и по одному секретарю, нотарию, актуарию, регистратору и переводчику, а ниже их всех подьячие, делившиеся на три статьи. Советников и асессоров положено выбирать баллотировкой, но с тем, чтобы они не были сродниками или свойственниками президента или вице-президента.

Петр сообразил, что шведы могли быть подходящими людьми по производству дел, сообразно новому строю, заимствованному из их края, и приказал приглашать пленных шведов на службу в учреждаемые коллегии. «Они, – писал Петр, – шведскому штату и языку искусны; один из них может быть потребнее, чем два человека немцев». Но охотников набралось немного; тем не менее предпочтение шведскому строю до того овладело Петром, что он в одном своем указе (26-го ноября 1718) выразил намерение ввести с 1720 года шведское управление, начиная с Петербурга как образца для остальной России<sup>12</sup>. Впрочем, это предпочтение не мешало ему иметь мысль пригласить в чиновники будущих коллегий и славян из австрийских земель, потому что, по соображениям Петра, им легче было, чем всяким другим иноземцам, усвоить русский язык и не затрудняться употреблением его в делопроизводстве. Петр об этом писал своему резиденту в Вене Веселовскому, но такое предположение не осуществилось.

Вновь устроенные коллегии должны были начать действовать с 1719 года. Между тем, по обычной русской медленности, всегда волновавшей Петра, начатое дело не приготавливалось в такой степени, чтобы коллегии могли начать производство в указанный государем срок. В приготовлениях к открытию коллегий прошел весь 1718 год. Государь приказывал назначенным в президенты будущих коллегий подавать себе рапорты, чтоб видеть, насколько подвигается дело устройства коллегий, и сделал замечание сенату за нерадение к исполнению его указов.

Еще до открытия коллегий, в 1716 году составлен и издан был воинский устав – кодекс военных законоположений, которыми должна была руководиться будущая военная коллегия и который надолго остался основой военного законодательства. Побуждением к составлению этого устава было желание, «дабы всякий чин знал свою должность и обязан был своим знанием, а неведением не отговаривался». Имя «солдат», по смыслу и выражениям воинского устава, «просто содержит в себе всех людей, которые в войске есть от генерала до последнего мушкетера, конного и пешего». Офицеры разделялись на унтер-офицеров, обер-офицеров, начиная от прапорщика до майора и штаб-офицеров, – от майора до полковника включительно; выше полковника следуют генеральские чины. Верховный из всех военных чинов был чин генералиссимуса, предоставляемый только коронованным особам, но действительное начальство армиею поручалось генерал-фельдмаршалу или аншефу, который, ведая все военные дела, не должен был ничего чинить иначе, как с совета генералов, закреплявших все распоряжения своими подписями, кроме случаев внезапного нападения со стороны неприятелей, требующего скорого и неотлагательнейшего действия. Генерал-аншеф имел верховный надзор над военными судами. Из числа генералов, составлявших совет около аншефа, главным был генерал-фельдмаршал-лейтенант, помощник главнокомандующего, всегда при нем находившийся. За ним – три генерала командовали войском: генерал-фельдцейхмейстер, или начальник артиллерии, и генералы – от кавалерии и от инфантерии. Генерал-кригскомиссар был хозяин войска. Воинский устав вменял ему в обязанность быть совершенным экономом и знать хорошо арифметику, «понеже он имеет расход деньгам на жалованье и на содержание войска». Под его начальством, при кавалерии и при инфантерии, было по одному оберштеркомиссару, во всякой дивизии по одному обер-комиссару и при каждом полку по комиссару с деньгами. Высшие комиссары-чиновники надзирали за низшими и смотрели, чтобы не удерживалось следующее войску жалованье или предметы на обмундирование; они

состояли под начальством главного комиссариата, которому подведомы были и провиантмейстеры, обязанные доставлять продовольствие войску с подлежащими им служителями. При генералах-от-инфантерии и кавалерии были генерал-лейтенанты, получавшие от полных генералов приказы и раздававшие их генерал-майорам, которые, в свою очередь, раздавали их бригадирам, заведовавшим каждый несколькими полками. Учреждать лагеря, походы, надзирать за фортификациею – было обязанностью генерал-квартирмейстера; «он должен быть человек разумный и искусный в географии и фортификации и уметь рисовать ландкарты». Он находился под непосредственным начальством главнокомандующего. Чиновники его ведомства были: генерал-квартирмейстер-лейтенант, обер-квартирмейстеры по дивизиям, генерал-штабс-фурьеры и вагенмейстер, надзиравший за состоянием дорог и провозом войскового багажа. Дивизии делились на бригады: бригады заключали в себе несколько полков; полки пехотные делились на роты. Пехотные полки были: фузильеров, пикинеров и гренадеров. Каждая рота заключала в себе 144 человека. Чиновными людьми в роте были: капитан или начальник роты, поручик, подпоручик, прапорщик или фендрих, два сержанта, каптенармус, подпрапорщик, 6 капралов, ротный писарь и 2 барабанщика, а в гренадерских ротах один флейтщик. Капитан – глава роты в походе. Для конницы существовали правила о фураже. Конные полки делились на эскадроны. Артиллерия, находясь под начальством генерал-фельдцейхмейстера, имела чины: полковник, подполковник, обер-комиссар, обер-гауптман (майор), штык-гауптман (капитан), шанц-гауптман, квартирмейстер, аудитор, фельдцейхвахтер, обер-фейерверкмейстер, обер- и унтер-вагенмейстеры, и под их ведением состояли чины, которых обязанности условливались свойством артиллерийской службы<sup>13</sup>. Затем следовали мастера и подмастерья: кузнечные, плотничьи, замочные, веревочные, мясники, хлебники, коновалы, шорники и просто служители. Инженеры, находившиеся при войске, имели стан свой при артиллерии и шли в поход вместе с нею. Порядок чинов в

инженерной службе был такой: полковник, подполковник, майор, капитан, поручик, прапорщик, квартирмейстер, фельдфебель, лекарь, капрал, ефрейтор и рядовые. К артиллерийскому штабу принадлежали: подкопщики и петардиеры. Орудия артиллерийские, употреблявшиеся в то время, были: пушки, гаубицы, мортиры; снаряды – железные ядра, свинцовые пули, гранаты, петарды и картечи. Медицинская часть устроена была так, что при каждой дивизии находился доктор и штаб-лекарь; при полку -полковой лекарь; в каждой роте ротный лекарь или цирюльник. При инфантерии устроены были две аптеки. При высшем генералитете был полевой доктор, который должен был иметь в медицине особенно хорошие познания и практику. Все лекари должны были лечить бесплатно, исключая таких больных, которые страдали сифилитической болезнью, называвшеюся в Уставе французскою. Для рядовых устраивались полевые лазареты под начальством инспектора. При 10 больных определялся в услужение один солдат и несколько женщин, мывших на больных белье. Людью- ми, заведовавшими пищею, были: повар, хлебник и полевые маркитанты. Военное духовенство состояло под ведением обер-полевого священника, находившегося при главнокомандующем; обер-полевой священник начальствовал над полковыми священниками и мирил их, если возникали у них ссоры.

Военное судоустройство расположено было так: в числе лиц войскового генералитета был верховный судья -генерал-аудитор, он же был правитель войсковой канцелярии, – человек, сведущий в правах, изъяснявший генералитету сомнительные юридические вопросы. Он же утверждал приговоры, заведовал разменом пленных и договорами, постановляемыми с неприятельскими войсками. Его помощник назывался генерал-аудитор-лейтенант, и под ведением его находились обер-аудиторы и полковые аудиторы. Было два военных суда: высший и низший; в высшем суде присутствовали генералы и бригадиры. Низший суд производился над обер-офицерами и рядовыми, отправлялся обыкновенно в крепости у губернатора или коменданта, а во время кампании – у полковника, который



был и председатель этого суда, присутствуя в нем с лицами, по два числом, состоявшими в чинах капитана, поручика, прапорщика, сержанта и капрала, но, кроме офицеров, на этом суде присутствовало двое или четверо рядовых. Аудитор находился там, как толкователь закона и ассессор. Подсудимого, допросивши, высылали из суда, потом обсуждали его дела и решали голосованием. Осужденный на смерть, какого бы ранга подсудимый ни был, немедленно сковывался, в предупреждение побега. Кроме постоянного обыкновенного суда, в походное время учреждался по мере надобности суд «скорорешительный»: кто таковым судом будет приговорен к смерти, тот немедленно предается вешанию или расстрелянию.

Наказания, определяемые военным судом, носили свойственный веку характер суровости; назначались мучительные казни, например, за чародейство – сожжение; за поругание икон – прожигание языка раскаленным железом, а потом отрубление головы. За убийство назначалась обыкновенная смертная казнь, но за убийство отца, матери, малого дитяти или офицера -колесовали, равно и за церковное воровство. За поругание матери назначалось отсечение сустава или смертная казнь, смотря по вине. Зажигательство влекло за собою сожжение преступника, если оно не произошло в неприятельской земле. За фальшивую монету определялось также сожжение. За хульное слово, произнесенное хотя бы и по легкомыслию, в первый раз – заключение в оковы, за второй раз – наказание шпицрутенами, а в третий – расстреляние. Битье шпицрутенами отправлялось целым полком; совершившего преступление в первый раз водили 6 раз через полк, во второй – 12, а в третий -вместо битья шпицрутенами, за то же преступление рубили уши и нос и ссылали в каторгу. За злоумышление против государя – четвертовали; за дерзость против генерала, смотря по степени вины, назначалась смерть или телесное наказание, а за дерзость против меньшего начальства – шпицрутены. Кто против караула обнажал оружие, тот подвергался расстрелянию. За леность и нерадение офицеров – разжалование в рядовые; тому же взысканию подвергались за всякое искажение начальнического приказа.

Виновные исключались из службы за свидетельством всех офицеров полка, данным под присягою. Приказания начальства нельзя было изменить хотя бы явно с доброю целью; всякому дозволялось заявить свое мнение командиру или самому генералу, а все-таки следовало исполнять данное приказание. Офицерам запрещалось употреблять солдат на свою работу. При всей суровости в военных законах к своим, совершившим преступление, замечательна относительная гуманность к неприятелям. С пленником ни в каком случае нельзя было обходиться как с врагом, как прежде делалось; запрещалось наносить побои сдавшимся неприятелям. При взятии городов штурмом, под опасением смертной казни, запрещалось грабить церкви, духовные школы и госпитали. За сдачу русской крепости коменданту ее грозило наказание как за измену, исключая случаев крайнего голода, недостатка амуниции или большой потери людей из гарнизона. За самовольное сношение с неприятелями четвертовали или даже рвали тело клещами, смотря по вине. Запрещалось переписываться сыну с отцом, если последний находился у неприятелей. Вообще не дозволялось, под опасением смертной казни, переписываться ни с кем о военных делах, о состоянии войска или крепостей.

Воинская корреспонденция находилась в заведовании полевого почтмейстера, в распоряжении которого состояли почтовые лошади; а в важных и спешных делах посылались курьеры; для посылок назначались ординарцы от каждого полка и батальона, долженствовавшие находиться в генеральских квартирах или на гауптвахте. Войсковая полиция во время похода находилась в верховном заведовании генерал-гевальдигера. Он имел право не только брать под арест, но даже повесить виновного, почему имел при себе полкового священника и палача. В каждом полку был фискал; над полковыми фискалами начальствовал обер-фискал дивизии, а над ними, для целого войска, был генерал-фискал. Фискалы обязаны были доносить о замеченных ими злоупотреблениях и упущениях, не отвечая за справедливость доноса, исключая только, когда донос был затеян со злою целью. Фискалы получали часть вознаграждения из штрафных денег. Над

арестантами надзирал генерал-профос: под его же ведением находились в той же должности полковые профосы. При повышении чинами во всей войске постановлено было вычитать жалованье за месяц. Кроме рядовых, в войске дозволено было находиться волонтерам, которым предоставлялось учиться и присматриваться к воинскому делу. Волонтеры из иностранцев могли получать офицерские чины, а природные русские лишены были этого права. Офицеров, служивших в войске и получавших за ранами или за старостью чистую отставку, положено было употреблять в гарнизоны или по каким-нибудь делам в губернии. Из них назначались также ландраты, выбираемые всеми дворянами. Проектированные еще в 1717 году коллегии вступили в отправление своей должности в 1719 году. Тогда во всем государстве начались новые административные и юридические порядки: судебная часть отнималась у губернаторов, и земские приказы уже были изъяты из ведомства администрации. В провинциях введены были, вместо ландратов, воеводы. Они надзирали за отправлением правосудия, но не участвовали в решении судебных дел, – ограждали жителей от обид со стороны всякого начальства, солдат и посторонних людей, наблюдали, чтоб не было воровства, подлогов, фальшивых денег, мер и весов, смотрели за дорогами, хватали гуляющих людей, нищих, надзирали, чтоб помещики не утесняли крестьян, а крестьяне бы оттого не разбегались. Они доносили в сенат о помещиках, злоупотреблявших своею властью, брали по сенатскому решению виновных на исправление и делали распоряжения о передаче имений их родственникам в управление. В апреле 1720 года учреждены по провинциям земские канцелярии, под управлением земских дьяков, состоявших под начальством воевод. Фискалы надзирали за производством дел в земских канцеляриях. Сбор доходов возлагался на земских комиссаров; они не могли их тратить, а отдавали в земскую казенную. Земские комиссары наблюдали за приемом казенного хлеба и казенных вещей, за всякими казенными продажами, за отпуском провианта на войско, за соблюдением договоров по откупам, находились при переписи дворов, не допускали солдат делать

насилия над жителями и должны были наблюдать, чтоб жители отдавали детей своих на обучение чтению и письму. Состоя под ведением губернаторов, воевод и земских контор, земские комиссары жили в своих уездах вместе с земскими писарями и несколькими подчиненными или комиссарами, исполнявшими их поручения. Губернаторам и воеводам запрещалось поносить их и бесчестить их бранью.

Финансовая часть находилась в руках земских камериров и земских рентмейстеров, или казначеев. Земские камериры, вместе с губернаторами и воеводами, наблюдали за сбором доходов в губерниях и провинциях, соображаясь с окладными книгами, получаемыми из камер-коллегии. Деньги, приходившие в руки камериру, он сам не смел тратить, а отсылал их в земскую рентерею. Земский камерир жил при губернаторе и, находясь под его надзором, заведовал земскою конторою, которая разделялась на два отделения: одно – рентерея, другое – казенная. Сам камерир обязан был посещать ежедневно, кроме праздников, земскую контору и оставаться там шесть часов, под опасением штрафа двух рублей в день. Фискал секретно наблюдал за исправлением его обязанностей. Казна находилась на сохранении у рентмейстера, подчиненного губернатору и земскому камериру. Но, в свою очередь, рентмейстер, хотя и подчинен был последнему, мог, однако, делать ему замечания. Рентмейстеры, или земские казначеи, вели счета по статьям и выдавали деньги за ассигновками от губернаторов, воевод и камериров. По окончании года они все книги отдавали земским камерирам для проверки и для отсылки в штатс-контору и камер-коллегию. В каждой губернии должно было учинить переписную книгу землям и копию с нее отослать в камер-коллегию. Вот в каком виде представлялись областные учреждения, поставленные в соответствии с коллегиальным строем государственного механизма. Для предупреждения взяточничества, казнокрадства и всяких других злоупотреблений, Петр держался такой политики, чтобы размещать в областях таких правительственных лиц, которые бы не только не были связаны между собою родством и дружбою, но находились друг с другом во враждебных

отношениях. Средство это не всегда могло оказаться удачно избранным, потому что враги силились один другому сделать неприятность и вредили через то механизму общего управления.

Камер-коллегия, получая из губерний переписные книги окладных и неокладных податей, рассматривала и утверждала все статьи приходов. Она испрашивала у сената дозволения наложить на то или другое новый налог. При раскладке податей, камер-коллегия должна была принимать во внимание цену полевых трудов, разные текущие обстоятельства и «соблюдать равенство между богатыми и бедными, чтоб никто не был ни отягчен, ни уволен более других. В противном случае, – замечалось в царском указе, – убогие станут разбегаться, и вопль бедных привлечет гнев Божий на государство». Камер-коллегия налагала все мелкие земские и городские пошлины, но ведению ее не подлежали раскладка и взимание пошлин с купеческих товаров, так как этим заведовали коммерц-коллегия, а также берг- и мануфактур-коллегия.

Штатс-канцелярия состояла из президента, двух штатс-комиссаров, двух секретарей, двух камеринов и одного рентмейстера, или казначея. Штатс-канцелярия не имела права вмешиваться в хранимые казначеем наличные деньги, а только давала ему ассигновки для выдачи кому следовало. Каждый год штатс-канцелярия составляла государю бюджет по статьям, и если находила какую-нибудь статью ненужной, то представляла о том правительствующему сенату или государю, а о выдаче суммы, выходящей из пределов утвержденной годовой росписи, предварительно докладывала только самому государю. Она должна была постоянно сноситься с камер-коллегией, чтобы доходы сообразовались с расходами. Рентмейстер при штатс-канцелярии выбирался самим государем, а в провинциях их назначала штатс-канцелярия, и все они от нее зависели. Рентмейстер, состоящий при штатс-канцелярии, заведовал государственною казною, которая помещалась в крепости, в каменном строении со сводами. Помогали рентмейстеру: бухгалтер и писарь.

Коммерц-коллегия, состоявшая из президента, вице-президента, советников, ассессоров, комиссаров и канцелярских служителей, ведала всю торговлю в России, торговое мореплавание, таможни, суд в купеческих тяжбах, городские привилегии и ярмарочные права, денежные дворы, переведенные в 1719 году из Москвы в Петербург, смотрела за ведением дел в магистратах и за полицией в городах, решала вексельные дела, давала облегчения от пошлин, надзидала над шлюзами, охраняла права торговых иноземцев, собирала сведения о ценах и пошлинах и о состоянии торговли за границу, для применения к России.

Юстиц-коллегия ведала окончательно всеми судными, розыскными, земскими и поместными делами и всем судоустройством в государстве.

Воинская коллегия сообразовалась с изданным ранее воинским уставом. Судные дела, по которым будет следовать смертная казнь, отсылались корпусными генералами в воинскую коллегия, а коллегия должна представлять их на решение государю. В то время война с Швецией уже подходила к концу; поэтому воинская коллегия занялась вопросами о содержании и размещении армии в государстве в мирное время и об отношениях граждан и военных людей друг к другу. Окончание продолжительной войны давало возможность отпустить с действительной службы часть воинов: престарелых и раненых велено отсылать в монастыри для содержания из монастырских доходов; унтер-офицерам и рядовым, происходящим из шляхетства, дозволено за ранами и старостью отправляться на родину и вступать по желанию в гарнизоны. В начале 1720 году отпущена была, за исключением Финляндского корпуса, до 1 марта 1721 г., треть всех офицеров и рядовых, но так, чтобы из каждого полка было в отпуску драгун не более 50, а солдат не более 40 человек. В начале 1721 года вводилась по России постоянная повинность, не исключая и Малороссии. Велено было расставить драгун и пехотные полки так, чтоб на определенное число жителей приходилось по солдату. Со стороны обывателей этим делом заведовали земские комиссары, выбираемые помещиками на

один год: со всякой души помещики должны были давать на содержание солдат известные пропорции денег в два, три или в четыре срока в течение года, смотря по тому, как им будет удобнее. Определено, вместо размещения солдат на квартирах у крестьян, устроить слободы, так чтобы приходилось по избе на два человека солдат и на одного урядника. Каждого полка рота от роты должна была помещаться: драгун в десяти верстном расстоянии, а солдат – в пятиверстном. В середине помещения роты предположено сделать офицерам двор с избами для жилья им и их людям. Каждый полк от полка должен был отстоять: пехотный на 50 верст, а драгунский на 100 верст. Для полкового штаба надлежало сделать двор с восемью избами и сараями для помещения телег и полковых ящиков. Но там, где дворяне не пожелали бы выстроить таких слобод, солдат следовало ставить у крестьян по дворам. В спорах между крестьянами и солдатами суд должен был производиться пополам: полковым комиссаром из офицеров и земским комиссаром из местных дворян. Земский комиссар обязан был собирать в своем уезде деньги на войско и отдавать полковому при всех офицерах. Приказано было сделать расписание: на сколько душ крестьян придется содержание рядового солдата, и затем более уже никаких податей и работ для войска не требовать, разве в случае неприятельского нападения или внутреннего междоусобия.

Адмиралтейская коллегия должна была установить единство и правильность в управлении военным флотом и всеми морскими делами. До тех пор высшим административным местом по этой части была «военная морских дел канцелярия», заменившая приказ адмиралтейских дел, находившийся прежде в Москве; но все распоряжения, главным образом, исходили от лица адмирала, которым был Федор Матвеевич Апраксин. Хозяйственную часть заведовал морской комиссариат под управлением обер-кригс-комиссара. В состав адмиралтейской коллегии входили: адмирал, вице-адмирал, обер-кригс-комиссар и несколько шаубенахтов. Под ее начальством были все прежние морские канцелярии и конторы, которых было тринадцать, сообразно разным видам морского

управления. Для руководства этой коллегии составлен был в 1720 г. морской устав с предисловием, излагавшим предыдущую историю морского дела в России. Текст устава заключал в себе устройство морской службы, корабельную полицию и морское судопроизводство. Уголовные морские законы отличались еще большею суровостью, чем воинский устав, служивший руководством для армии. Матросы за легкие проступки подвергались битью шпицрутенами и кошками, за более тяжкие преступления – кнуту, вырезанию ноздрей и ссылке в каторжную работу и смертной казни, которая могла постигать и состоящих в офицерских чинах. Кроме повешения и отрубления головы, употреблялись: колесование, четвертование, прожжение языка и сожжение.

Адмиралтейская коллегия вступила в полную свою деятельность не ранее 1722 года, когда составлен был адмиралтейский регламент, где изложены были правила об управлении флота, содержании портов и верфей, указаны подробно обязанности начальствующих лиц и матросов и способ морского делопроизводства.

Горное дело Петр соединил в одном ведомстве с мануфактурным, так как обе отрасли государственного хозяйства были им равно особенно любимы, и в обеих отраслях необходимо было распространение специальных знаний и искусства. Тем и другим заведовала берг-и мануфактур-коллегия. Всем дозволялось, как на собственных, так и на чужих землях, искать металлов, минералов, красок и камней. Кто пожелает устроить завод, должен явиться в С.-Петербурге в берг-коллегию, а в Москве и других городах к берг-офицерам, определенным от берг-коллегии. Когда, после такого заявления, офицеры, посланные от берг-коллегии, произведут разведку, тогда хозяин может просить о дозволении открыть завод и получить жалованную грамоту. На разработку руды полагалось место в 250 сажень длиною и 250 шириною. Помещик без дозволении не мог строить заводов на собственной земле. Если же он не просил о разрешении самому устраивать завод, то должен был не препятствовать, когда другие в его землях будут искать руду и минералы и испросят дозволении строить заводы;



в таком случае учредители обязаны платить владельцу земли одну треть прибыли, получаемой с каждого металла или минерала. Владелец завода обязан был продавать золото, серебро, медь и селитру в казну по ценам, установленным берг-коллегией, а железо, свинец, олово и другие металлы и минералы мог продавать свободно, кому хотел. Рабочие на заводах освобождались от солдатской и матросской службы и от всех денежных поборов, налагаемых повально на народонаселение. Кто, зная о существовании где-нибудь руды, утаивал ее перед казною, тот подвергался телесному наказанию и даже, смотря по важности вины, смертной казни.

Указ о порядке производства дел в иностранной коллегии мы застаем только в 1720 году, от 13-го февраля. В важных случаях президент и вице-президент должны были созывать на обсуждение дел всех или нескольких действительных тайных советников, из которых первенствующее значение имели советники тайной канцелярии (Остерман и Степанов). Они должны были сочинять грамоты к иностранным государям, важнейшие рескрипты, резолюции и декларации, требующие великого секрета, а прочие, не так важные, поручать составлять своим секретарям, которые значились по экспедициям: на российском, польском, турецком и других иностранных языках.

28 февраля 1720 года составлен был генеральный регламент о порядке занятий и движении дел во всех коллегиях. Заседания происходили в каждой коллегии по понедельникам, вторникам, средам и пятницам, а по четвергам президенты всех коллегий должны были съезжаться в сенатскую палату, где им положено было находиться пять часов. По особенно важным делам они обязаны были съезжаться, несмотря ни на дни, ни на часы. За неприбытие в должность член коллегии наказывался за каждый просроченный час вычетом из жалованья, следуемого ему за неделю. Царский указ должен исполняться немедленно, не далее как через неделю, исключая случаев, когда необходимыми окажутся справки с губерниями и провинциями, но и тут было рассчитано время и пространство: положено было считать по два дня на 100 верст, и во всяком случае более шести недель не протягивать справки.

Дела челобитчиков следовало вершить по реестру не более шести месяцев, под опасением штрафа 30-ти рублей за день. Дела казенные разбирались прежде частных. Все дела решались большинством голосов, а когда голоса разделялись поровну, то голос президента давал перевес. Отсутствие члена, хотя бы самого президента, не останавливало дела. Коллегиям давалось вакационное время: среди лета на четыре недели, зимние Святки, начиная с праздника Рождества Христова до праздника Богоявления, первая и последняя недели Великого Поста, неделя сырная и неделя пасхальная. Но все члены не могли отлучаться разом. В другое время, по мере надобности, президенты и вице-президенты получали отпуска более чем на восемь дней от государя, другие же служащие в коллегиях – от президента. Хозяином всего делопроизводства в коллегии был секретарь или начальник канцелярии, но при решении дел он голоса не имел. Нотариус вел протоколы, актуариус заведовал корреспонденцией, регистратор вел реестры входящих и исходящих дел, и при коллегии был еще особый переводчик. Канцелярские служители занимались письмоводством по указанию секретаря. У президента каждой коллегии была своя особая комната и свой особый секретарь, зависевший только от президента. Все коллегии находились под ведением сената, без его одобрения не могли печатать своих приговоров и указов, а если полагали, что сенат требовал исполнения чего-нибудь противного интересам царского величества, то должны были учинить письменное представление самому государю. В случае смерти или выбытия члена, место его замещалось баллотировкою в сенате. Служащие в коллегиях за преступления, содеянные ими, судились в тех же коллегиях. Каждая коллегия имела свою собственную печать, а в коллегии иностранных дел хранилась государственная печать, которою печатались грамоты к иностранным государям и малороссийским гетманам. При каждой коллегии устраивались две прихожих камеры для посетителей, но так, чтоб «люди знатного характера от подлых различены были». Прошение следовало подавать непременно в здании коллегии, а не на домах у президентов. Над каждой коллегией наблюдал особо

назначенный фискал, сообщавший свои доносы генеральному фискалу.

Коллегии и канцелярии, учрежденные Петром на иностранный образец и даже с иностранными названиями, оказались до того дикими и чуждыми русскому народу, что он долго не мог понять хитрого и сложного механизма их. Челобитчики, нуждавшиеся в подаче просьб, становились в тупик – в какую коллегия или в какое место следовало подавать. Это побудило Петра 13-го мая 1720 года определить «знатную особу», а с нею секретаря, для приема челобитных, которые после принятия надлежало рассылать по коллегиям и канцеляриям. Вообще коллегии были плодом того взгляда, что все чужое, европейское, лучше русского. Первый, навевший Петру мысль о коллегиях, был Лейбниц, который выражался, что хорошее управление государством, подобное божескому управлению вселенной, может существовать только при коллегиях, которых внутреннее строение напоминало бы устройство часов, где колеса взаимно приводят в движение одно другое. Петру глубоко запали в ум наставления немецкого мудреца, и, через многие годы после бесед с ним, Петр устроил коллегии, приблизительно в тех основных формах, в каких наметил Лейбниц. Но вскоре оказалось, что не все удастся сразу на практике, что кажется хорошим в предположениях.

Учредивши коллегии, государь скоро стал выражать недовольство на старинную медленность в делах. Иногда предписание высшего начальства оставалось и без исполнения, и без ответа. Царь повелел немедленно отвечать на другой день после получения бумаги, и только в важных делах давался недельный срок для ответа. За неисполнение указа царь угрожал разорением, ссылкой и даже лишением живота. Несмотря на такую угрозу, Петру беспрестанно приходилось слышать жалобы на неисполнение предписаний. Так, например, тотчас же по своем открытии, камер-коллегия и штатс-канцелярия жаловались, что, после неоднократных требований, из губерний не присылаются к ним ведомости окладных и неокладных податей о приходах и расходах. По этому поводу за понуждением посланы были нарочные. За неисполнение

требований коллегии губернаторы обязаны были виновных сковать по ногам, а на шею положить им цепи и до тех пор их не освобождать, пока они не исполнят своей обязанности. В 1720 году камер-коллегия и штатс-контора опять жаловались на неприсылку тех же ведомостей и сообщали, что в тех местах, откуда они были присланы, составляли их неверно. Опять посланы были нарочные с понуждением; их не слушали. Местные власти между собой не ладили; камериры жаловались на воевод, что они полагают им всякие препятствия, мешают отправлению их обязанностей и не отвечают на их требования. Юстиц-коллегия замечала, что в подведомственных ей местах в поместном приказе и расправной палате происходят медленность в ведении дел и упущения. На такие заявления трех коллегий Петр 23-го сентября пригрозил губернским и провинциальным властям жестоким наказанием за неисправность. Но такие угрозы были явлением чересчур обычным, чтобы иметь большое влияние. От губернаторов и воевод «не только слабое отправление идет, но и весьма многое ослушание чинится и якобы ни во что оное вменяя тщатся только восстановить надлежащий в коллегиях порядок, а фискалы о том не доносят... один суд другой суд ни во что вменяет и не только исполнять, но с яростью поносить хочет», такую картину современного порядка изображал государь в своем указе. Все делалось как будто в насмешку над изданным недавно генеральным регламентом, по которому все правительственные и судебные места должны были оказывать друг другу взаимное вспоможение. В самом составе коллегии происходили раздоры. Членам юстиц-коллегии Петр должен был замечать, чтоб они не считались местами и не ссорились из-за мест, и припомнил им, что старые разряды давно уже навеки оставлены и до конца искоренены. При злоупотреблениях тогдашних русских судебных и административных мест, при неразвитости народа, царская воля толковалась чрезвычайно произвольно. Чтобы положить пределы беззакониям, в начале 1720 года царь указал вперед посылать не письменные, как прежде бывало, а печатные указы и прочитывать их народу в церквах.

29 мая 1719 года был издан важный сенатский указ об устройстве губерний. Теперь все губернии разделялись на провинции, провинции имели уезды. В С.-Петербургской губернии было 12 провинций: С.-Петербургская, Выборгская, Нарвская, Ревельская (которую предположено обратить в губернию), Великолуцкая, Новгородская, Псковская, Тверская, Ярославская, Углицкая и Белоозерская. Московская губерния имела 9 провинций: Московскую, Переяславльско-Рязанскую, Костромскую, Суздальскую, Юрьевопольскую, Владимирскую, Переяславль-Залесскую, Тульскую и Калужскую. Киевская губерния разделялась на 4 провинции: Белгородскую, Севскую, Орловскую и Киевскую. Азовская – на 5, а именно: Воронежскую, Елецкую, Тамбовскую, Шацкую и Бахмутскую. Рижская – на 2 провинции: Рижскую и Смоленскую. В Архангелогородской было 4 провинции: Двинская, Вологодская, Тотемская, Устюжская и Галицкая. В Сибирской 3 провинции: Вятская, Соликамская и сибирские города; всего их было 19, начиная от Тобольска и кончая Якутском. Казанская – 4 провинции: Казанская, Свияжская, Пензенская и Уфимская. Нижегородская заключала в себе 3 провинции: Нижегородскую, Самарскую и Алатырскую. Астраханская не значится разделенной на провинции; к ней относились все города по нижней Волге, от Симбирска до Астрахани.

Для отправления из коллегий указов и для получения донесений из губерний и провинций с конца апреля 1719 года устроены были почты, от С.-Петербурга до всех значительных городов, где были губернаторы или провинциальные воеводы. Дозволено было на этих почтах ездить по собственной надобности и выдавать подорожные, но за двойные прогоны. За письма по весу положено было брать 1 1/2 деньги за золотник. Купеческие письма на эти почты не принимались, потому что для торговых дел существовала почта от иностранной коллегии. В феврале 1721 года правила о подорожных распространены были и на Малороссию. Почтовому порядку долго мешало то, что офицеры и курьеры, ездившие по казенным делам, причиняли ямщикам насилия, и от этого ямщики, поселенные

еще в 1714 году на пути от Петербурга до Волхова, в 1720 году все почти разбежались.

Давно уже у Петра была мысль преобразовать русские города и поставить их в новом виде, по европейскому образу. Эта мысль нашла себе осуществление 16 января 1721 г. в издании регламента главного магистрата. Еще в 1720 г. предприняты были предварительные работы под начальством князя Трубецкого. Все русские города приводились в зависимость от центрального места, называемого главным магистратом, где председательствовал обер-президент с членами. Главный магистрат обязан был учредить во всех русских городах магистраты, снабдить их добрыми уставами, доброй полицией и управлять ими. Города разделялись на 5 разрядов: 1-го разряда – главнейшие, в которых было от 2 до 3 тысяч дворов; к таким принадлежали, между прочим: Москва, Петербург, Новгород, Рига, Ревель, Архангельск, Ярославль, Вологда, Нижний Новгород, Казань и Астрахань; 2-го разряда – города как внутренние, так и приморские, имевшие от 1 до 1 1/2 тысяч дворов; 3-го разряда – внутренние и приморские, имевшие дворов от 500 до 1000; 4-го – от 250 до 500 дворов; 5-го – маленькие городки и слободы. Велено было губернаторам и подначальным им лицам доставлять подробные ведомости о состоянии городов с чертежами, по которым можно было понять местоположение их. Город, по понятию законодателя, собственно состоял из торговых людей и ремесленников; это были настоящие граждане, для которых существовал магистрат. Они разделялись на 2 гильдии. К 1-й гильдии принадлежали: банкиры и знатные купцы, доктора, аптекари, шкиперы купеческих кораблей, мастера золотых и серебряных дел, живописцы, иконники и другие, производящие свое искусство в большом размере. Ко 2-й гильдии принадлежали торговавшие мелкими и харчевыми припасами и менее значительные ремесленники. Каждое ремесло или художество должно было иметь свой цех, под начальством ольдерменов, которые вели книги, где записывались права и правила цехов. Люди, так называемые подлые, проживавшие наймами и черными работами, не причислялись к гильдиям; не принадлежали к

последним и не зависели от магистрата все жительствовавшие в городе люди шляхетного достоинства и духовного сана, не торговавшие и не занимавшиеся ремеслом. Указано было собрать в городах гостей, гостинной сотни людей, гостиных детей и вообще первостатейных, зажиточных и умных граждан, из них составить магистрат, а в магистрате выбрать президента, в других же менее важных городах – бургомистра. Выбор президентов, а в других городах бургомистров совершался так: главный магистрат посылал указ о выборах. Губернатор, получивши этот указ, собирал граждан для производства выбора. Выбор исполнялся по большинству голосов. Губернатор посылал выборы вместе с 3 или 4 искусными людьми в С.-Петербург, в главный магистрат, для уразумения инструкции. Когда главный магистрат находил выбранных достойными, то посылал о них указы и по тем указам созывались уже все граждане: им объявлялось, чтобы они были послушны выбранным властям. Затем произносилась присяга выборными членами. В городах первой статьи были: президент и с ним 4 бургомистра, в городах 2-го разряда – президент с 3 бургомистрами, в городах 3 и 4 разрядов – по 2 бургомистра, а в прочих, т.е. маленьких, – по одному бургомистру. Ко всякому бургомистру придавалось ратманов в больших городах по 2 человека, а в средних и меньших неопределенное число по рассмотрению. В случае преступления, обеднения или кончины одного из членов магистрата, на его место выбирался другой, тем же способом. Могли быть выбираемы в члены магистрата и иностранные купцы, но записавшись в гражданство того города, где их выбирали. Члены магистрата освобождались от всяких других гражданских служб. Главный магистрат был судебное место на всю Россию для купцов и ремесленных людей, по всяким уголовным делам. По его распоряжению в городах, где было по несколько бургомистров, один из них занимался розысками по уголовным делам и имел право подписывать решения по всем делам, кроме государственных; но когда следовала смертная казнь, то исполнение приговора задерживалось до подтверждения главным магистратом. На бургомистров в малых городах апелляции подавались в

магистраты с президентами, находившиеся в тех городах, где помещалось провинциальное начальство. Недовольные этим судом могли жаловаться в высший магистратский суд. В случае тяжбы гражданина с негражданином, дело производилось в надворном суде, но сообщая с президентом магистрата, а когда же происходило разногласие между надворным судом и президентом, то решал дело главный магистрат. Обязанностью главного магистрата было стараться, чтобы новоучрежденные магистраты везде были содержаны «и в такую знатность и почтение приведены, как в иных государствах обыкновенно есть». Главный магистрат, по образцу чужих государств, должен был, по своему усмотрению: заводить большие и малые ярмарки, в приморских знатных купеческих городах устраивать биржи, где бы купечество сходилось для своих торговых дел, постановлений и векселей, при бирже учреждать присяжных маклеров, которых бы записки имели силу судебных протоколов, выбирать в городах квартирмейстеров для размещения военного постоя. Велено было устроить цухтгаузы (смирительные дома) для исправления непослушных родителям детей, расточителей своих имений, лентяев, нищих, гуляк; для исправления же дурного поведения женщин – шпингаузы или прядильные дома; для призрения увечных, престарелых и сирых -госпитали; а для научения чтению, письму и арифметике – школы.

В каждом большом и среднем городе повелено строить ратушу, помещавшуюся в каменном доме на площади, в два жилья; верхнее назначалось для магистрата, а нижнее отдавалось под лавки. Кроме членов магистрата, в нем должен быть секретарь и некоторое число приказных. Каждый год все магистраты обязаны были посылать в главный магистрат генеральные рапорты, по установленной форме, о состоянии своего города. Магистраты не подчинены были губернаторам и воеводам в делах городского суда и экономии, и, в случае несогласия магистрата с гражданами, судил главный магистрат. В преобразовании городов видно то же стремление Петра переделать по наружному виду Россию на иностранный лад. Законодатель сознавал, что купеческие и ремесленные люди в



России «от всяких обид, нападков и отягощений несносны, едва они не разорены, отчего оных весьма умалилось, что есть не без важного государственного вреда». Он думал для процветания в России промыслов и торговли сделать русский город подобием немецкого, пересадив в него некоторые немецкие признаки устройства с чуждыми русскому уху названиями, которые неудобно складывались в русской речи. Впрочем, царь сознавал, что невозможно всего сделать сразу, и потому предоставил главному магистрату подавать в коллегии свои предложения о переменах уставов, касающихся торговли и мануфактуры. Обер-президент главного магистрата присутствовал в коллежских совещаниях по этим предметам и мог делать предложения камер-коллегии, заведовавшей поборами и налогами, если находил какие-нибудь меры обременительными для граждан.

Через несколько дней после издания магистратского регламента, 25 января того же года, явилось другое, еще более важное преобразовательное законоположение -регламент духовной коллегии. После основания коллегий, обнимавших различные отрасли общественного строя, оставалось только ввести коллегиальный порядок и в церкви. В предисловии к духовному регламенту выражена мысль о логическом переходе идеи коллегиальности от мирской области в церковную. «Хотя, – говорится в нем, – власть монархов самодержавна, но ради лучшего взыскания истины и чтоб не клеветали непокорные люди, что монарх имеет своих советников, тем более это необходимо в церковном правлении, где правительство не монаршеское есть и правителем заповедуется да не господствуют клиру». Коллегиальный порядок признавался самым удобным и пристойным для церкви, и потому-то учреждалась для всех церковных дел духовная коллегия. Под духовными делами разумелись два рода дел: одни касались вообще всех принадлежащих к церкви лиц, как духовного, так и мирского чина, от мала до велика; ко второму разряду причислялись собственно дела, касавшиеся лиц духовного звания. Сообразно духу Петра, духовный регламент начинается с преследования того, что по невежеству боготворила старина, не

допуская никакой здоровой критики. В благочестивой письменности русского народа уже чересчур много накопилось историй и житий святых, из которых многие явно были вымышленными; о них сделал замечание регламент, указавши для примера только на подложность одного жития, именно жития Евфросина Псковского с его сугубою аллилуйею, послужившею старообрядству одним из нагляднейших пунктов отпадения от церкви. Разом с житиями, регламент зацепил акафисты и разные молитвословия, распространявшиеся из Малороссии. Регламент причислял к ним и те, которые, не заключаая ничего противного церковной истине, все-таки могли быть не обязательны для всех и не должны были читаться в церкви, «дабы по времени не вошли в закон и совести человеческой не отягощали». Предполагалось искоренять разные суеверия, вошедшие в народ, например: не делать дела по пятницам, чтоб пятница не разгневалась; поститься 12 пятниц, надеясь оттого разных духовных и телесных приобретений; признавать богослужение некоторых дней в году святее прочих, напр., обедню Благовещения, утреню Пасхи и вечерню Пятидесятницы; верования, что будто погребенный в Киево-Печерской обители будет спасен, хотя бы умер без покаяния. Вера в чудотворные иконы вела к тому, что архиереи, желая оказать помощь убогим церквам, повелевали подыскивать явленные иконы в пустынях или при источниках, возводили их в чудотворные, и таким образом распространялись в народе суеверия, выгодные для духовенства. Регламент вооружился против этих злоупотреблений, как и против некоторых народных обрядов, которым потакали духовные особы вопреки правилам церкви. Например, дошел до составителей регламента слух, что в Малороссии водили с распущенными волосами женщину, называя ее пятницею, а духовенство позволяло такие церемонии в церковном ходе и раздачу этой пятнице даров от народа перед церковью. В другом же месте попы, потакая народным суевериям, молебствовали перед дубом и раздавали на благословенье присутствующим ветви от дуба. Замечалось в совершении церковного богослужения уклонение от благочиния:

например, отправлялись разом в одно время два и три молебна различными певцами и чтецами. Все это были замечания такого же рода, какие делались еще при царе Иване, перед написанием Стоглава, но затем следовали указания, свойственные времени большего образования: «Бесконечная нужда иметь некоторые краткие и простым человекам вразумительные и ясные книжицы, в которых заключится все, что к народному наставлению довольно есть и тыя книжицы прочитав по частям в недельные и праздничные дни в церкви пред народом». Законодатели сознавали, что таких благочестивых книг существует довольно, но они написаны или переведены с греческого на славянский не просторечно «и с трудностью разумеются от человек и обученных, а простым невежам отнюдь непостижаемо». Предположено было сочинить три небольших книжицы: первая о догматах веры и божьих заповедях, вторая о собственных каждого чина должностях; обе эти книжицы должны доводы свои почерпнуть из самого Священного Писания кратко и всем понятно, третья книжица должна была заключать в себе собранные от разных святых учителей нравоучительные проповеди. Все три книжицы, которые удобно будет переплести в одну, должны быть читаны в церквях в течение трех месяцев раз, так что народ будет иметь возможность услышать их четыре раза в год. Архиереи поставлялись по указанию царя из двух представленных на его утверждение выбранных лиц. На случай болезни или временного своего удаления из епархии, епископ должен был иметь в виду заранее, для заступления своего места, надежного архимандрита или игумена. Для наблюдения за своей епархией епископ должен был установить законщиков, иначе благочинных, т. е. духовных фискалов, которые бы доводили до его сведения обо всем, что будет требовать исправления. В своем доме или в другом, по своему усмотрению, епископ должен содержать школу для первоначального обучения священнических детей. Здесь он будет в состоянии видеть, кто по способностям может со временем быть произведен в священники и кто должен быть заранее отпущен из школы, с отнятием надежды на получение священства когда бы то ни

было. На содержание такой школы постановлено брать от знатнейших монастырей и церковных земель известную долю хлеба. Епископ не должен держать у себя лишней прислуги, строить для своей прихоти лишние здания, заказывать лишнее облачение и домашнее платье ради роскоши. У архиерея при трапезе должны читаться церковные законоположения. Хотя у него в руках дело великое, но в Священном Писании не определено ему никакой чести, и регламент не дозволял, ради почета, водить его под руки и кланяться ему в ноги. Не должен он злоупотреблять своим правом отлучения от церкви, но следует ему употреблять прежде легкие меры наставления, для приведения грешников в покаяние, а потом уже, когда такие средства не будут действовать, – отлучать их временно от святого причащения; предавать анафеме можно было только явно нераскаивающихся грешников, либо таких, которые станут открыто хулить имя Божие, Священное Писание или церковь, но и то приступать к анафеме не иначе как с разрешения духовной коллегии. Самая анафема могла налагаться только на одно согрешившее лицо, а не распространяться на его семейных без их сознательного участия в вине. Епископ должен был объезжать свою епархию всего удобнее в летнее время, но, приезжая в убогие места жительства, он, чтобы не затруднить священнослужителей и обывателей, мог устраивать себе временное пребывание на поле. По приезде в город или село, епископ должен служить литургию и соборное молебствие, а потом говорить слово, обращенное к духовенству и народу. Затем епископ должен был наводить справки об образе жизни и поведении духовенства и творить надлежащую по этому поводу управу; не покончивши всей управы в месте, куда приехал, он не должен был ни сам звать к себе гостей, не идти к кому-нибудь по приглашению в гости. Между прочим, епископу вменялось в обязанность особенно наводить справки: нет ли каких суеверий, не шатаются ли беспутно монахи, не являются ли кликуши, не расходится ли весть о ложных чудесах, мощах, иконах, колодцах и т. п. Епископские служители не должны домогаться от монахов и священников кушанья, питья и лишнего конского корма, «ибо слуги архиерейские, -гласит

регламент, – обычно бывают лакомые и где видят власть святого владыки, там с великою гордостью и бесстыдием, как татары, на похищение устремляются». На суд епископский предоставлялось подавать апелляцию в духовную коллегию.

По предмету учения и заведения школ, регламент распространяется сначала о вреде от невежества, потом о вреде от лжеучения, наконец вменяет в обязанность духовному начальству допускать в звание учителей не иначе как по экзамену и выбирать хорошие руководства к преподаванию по всяким предметам. При школах надлежало быть открытой во все дни и часы библиотеке, какую полагалось возможным в то время купить за две тысячи рублей. Предполагалось завести академии и при них семинариумы: последними назывались собственно помещения для жилья учеников. Преподавались: 1) грамматика, разом с географией и историей; 2) арифметика и геометрия; 3) логика; 4) риторика и стихотворное учение; 5) физика с краткой метафизикой; 6) политика Пуффендорфова; 7) богословие. Всех лет учения полагалось восемь, и два года из них отделялись на богословие. Языки греческий и еврейский следовало преподавать в таком только случае, если найдутся учителя и свободное для преподавания время. Начальствовать над академией должны были: ректор и префекты. В их заведовании находились низшие школы, которые они обязаны были посещать в неделю по два раза. Все протопопы и богатейшие священники должны были присылать детей в академию. Для заведения академий следовало выбирать места не в середине города, а в стороне. Семинариум предполагалось устроить наподобие монастыря, где бы жилье, одевание и содержание давалось известному числу воспитанников от 50 до 70 и более. Принимать в семинариум можно было детей от 10 до 15-летнего возраста и помещать по восьми и по девяти особ в одном покое, под присмотром префекта или надсмотрщика, имевшего право наказывать малых розгами, а средних и больших выговором. Ректор мог всякого наказывать по своему рассуждению, но удалять вовсе из заведения – только с ведома духовной коллегии. Семинаристы в течение дня должны были все делать по звонку, «как солдаты по барабанному бою». По

поступлении в семинариум первые три года позволялось ученикам ходить в гости к родителям или родным, не более как на 7 дней и под наблюдением инспектора, который должен быть при семинаристе везде. Родственников и гостей, посещающих семинариумы, можно было принимать с ведома ректора в трапезе или в саду, а в присутствии ректора дозволялось угощать гостей кушаньем и питьем. Каждый день давалось семинаристам два часа на прогулки и развлечение; однажды или дважды в месяц они отправлялись на острова, поля и вообще веселые места. В трапезе происходило чтение из военной и церковной истории, а в начале каждого месяца, в продолжение двух-трех дней, читались повествования о мужах, прославившихся наукою, о церковных великих учителях, о древних и новейших философах, астрономах, риторках, историках и проч. В большие праздники допускалась в трапезе при столе музыка, а по два раза в год или более можно было устраивать «некие акции, диспуты, комедии и риторские экзерциции». Убогим семинаристам предоставлялись пропитание и одежда от щедрот царского величества, а дети богатых отцов должны были платить за свое содержание по установленной один раз цене. Но предполагалось за пределами семинариума построить еще жилья и отдавать внаем студентам.

Проповедником мог быть только учившийся в академии и подвергнутый освидетельствованию духовной коллегии. Проповедник должен убеждать своих слушателей доводами из Священного Писания: твердить им о покаянии и исправлении житья, наипаче о почитании высочайшей власти. Говоря о грехах, он не должен был делать намеков на лица, и если бы о ком-нибудь пронесся недобрый слух, проповедник не должен был в присутствии такого лица говорить слова о таком грехе, в каком это лицо обвиняли. Регламент замечает, что проповедник не должен, как некоторые делают, подымать брови, двигать плечами, «отчего можно познать, что они сами себе удивляются», покачиваться на сторону, руками вскидывать, в бока упираться, подсакивать, смеяться и рыдать, не должен в проповедях своих порицать мир в таком смысле, что мирской человек спастись не может, как некоторые монахи

наговаривают: оставить жену, детей, родителей и ненавидеть их, понеже рече заповедь: не любите мира, ни яже суть в мире.

Всякий христианин обязан слушать от своих пастырей православное учение и хотя бы единожды в год причащаться Святых Тайн. Удаление от причащения обличает принадлежность к расколу: «нести лучшего знамения, почему познать раскольщика». И потому приходские священники ежегодно должны доносить епископам о тех, кто у них в приходе не причащался год, два или никогда. Епископы должны разыскивать о потворщиках расколу, сообщать о них в духовную коллегию, которая будет налагать анафему на виновных. Никого из раскольников не следует допускать к должностям, не только к духовным, но и гражданским. Если на кого-нибудь будет подозрение в склонности к расколу, тот обязан дать присягу с подпискою в непринадлежности к расколу. Духовной коллегии, названной Святейшим Синодом, вверен был надзор и суд над раскольниками, но в то же время государь счел нужным предохранять раскольников от таких притеснений, которые естественно могли возникнуть при расширении фанатизма духовных. Осенью 1721 г. Синод жаловался, что лицам, посылаемым от духовенства для поимки раскольничьих учителей, не оказывается беспрекословного послушания, требуют у них указов от светского начальства. Государь дал такое решение: духовные не должны затевать никакой напраслины, и потому духовный приставник, задержавши по обвинению в расколе какое-нибудь лицо, должен приводить его к светскому начальству; последнее может отдать его снова духовному приставнику, но в то же время написать о нем в Синод или сенат, и дело окончательно решится уже в Синоде, при двух членах сената.

По духовному регламенту воспрещалось кому бы то ни было, кроме царской фамилии, устраивать церкви и держать крестовых попов. «Все господа могли ходить в приходские церкви, и нечего им стыдиться считать своею братиею таких же христиан, как они сами, хотя бы то были и их подданные». Запрещалось понуждать священников идти в дома для крещения младенцев, исключая сильной болезни младенцев

или какой-нибудь крайней нужды их родителей. Венчание должно происходить в том приходе, где жительствоует либо жених, либо невеста, а не в чужом и в особенности не в чужой епархии. В случае какого-нибудь сомнения насчет правильности предполагаемого брака, священники должны испрашивать разрешение у епископа. Ставимый в приходские священники должен представлять одобрительное свидетельство от прихожан или от владельцев вотчины, а последние должны при этом обозначать, какая дается священнику руга или земля; священник же перед своим поставлением в сан, дает подписку, что будет доволен тою ругою или землею и не отойдет до своей смерти от церкви, куда посвящается. Отлученного священника никому не следует принимать в духовники и считать его в священном чине.

Духовная коллегия должна была состоять из правительствующих лиц, числом не менее двенадцати, из которых трое должны носить архиерейский сан, а прочие могут быть архимандриты, игумены и протопопы, но с тем, чтобы не были подручны никому из архиереев, находящихся в том же собрании. Духовная коллегия предварительно цензировала представляемые к печати богословские сочинения, производила дознание о явлении нетленных мощей, о разных слухах, видениях и чудесах, творила суд над изобретателями раскола или новых учений, разрешала недоумения, вопросы совести, рассматривала дела о неправильном завладении церковными имуществами, о насилиях, творимых сильными мирскими господами духовенству, и разом с юстиц-коллегией разрешала сомнительные пункты относительно завещаний.

Отвращение царя Петра к нищенству высказалось и в духовном регламенте. Духовная коллегия должна была сочинить наставление о том, как подавать милостыню. «Многие бездельники, – говорится в регламенте, – при совершенном здравии, за ленью, пускаются на прошение милостыни и по миру ходят бесстыдно, иные с притворным стенанием перед народом поют и простых невежд еще вяще обезумливают, приемля за то вознаграждение себе... по дорогам, где угодно видят, разбивают, зажигатели суть, на шпионство от



бунтовщиков и изменников подряжаются, клеветают на властей высоких и самую власть верховную обносят... и что еще меру превосходит бессовестие и бесчеловечье оных, младенцам своим очи ослепляют, руки скорчивают и иные члены развращают, чтоб были прямые нищие и милосердия достойны...» Вменялось духовной коллегии изыскать способы отвратить духовенство от алчности и бесстыдного нахальства, с каким оно обирало прихожан за разные требы и молитвословия. Надлежало устроить так, чтобы священники, имея довольные средства, не вымогали ничего за венчание, крещение, погребение и прочее, хотя не возбранялось священникам, как вообще всяким другим, принимать добровольное подаяние. Духовные судились в синоде, а если духовное лицо совершало уголовное преступление, то его сперва лишали сана и потом уже предавали мирскому суду; в делах же гражданских духовные ведались в коллегиях, наравне со всякими другими российскими подданными. Указом 14-го февраля 1721 года Монастырский приказ уничтожался, и все патриаршие и архиерейские имения повелено ведать Синоду.

Медицинская часть в России была издавна оставлена совершенно без внимания. При Петре полагался зачаток некоторого правильного устройства ее. К этому побуждали царя моровые поветрия, которые, как известно, с древних времен опустошали русские края и посещали их при Петре. В 1718 году показалась моровая язва в Старооскольской и Белгородской провинциях; Петр, указом 24-го октября этого года, велел отправить туда сведущих и надежных врачей, для задержания едущих с тех сторон, где была моровая язва. В 1720 году последовал указ о повсеместном введении таких охранительных мер. Губернатор, получив известие о моровом поветрии, тотчас должен был устроить в пристойных местах заставы, где бы поддерживались постоянно огни, всех едущих из зараженных мест расспрашивать и по надобности задерживать на шесть недель, не дозволяя ни с кем сообщаться. Письма, шедшие чрез такую заставу, переписывались в двух списках: оригинал оставался на заставе, а копия отправлялась по назначению. Если зараза прорывалась

куда-нибудь, зараженное место запиралось и укреплялось караулами, которые не выпускали никого из жилого места и не пускали внутрь его. Дома, где были больные заразительною болезнью, сжигались, а обитатели выводились с домашним скотом и рухлядью. Для большей острастки жителям, велено ставить виселицы, назначенные для тех, которые бы стали тайком прокрадываться мимо заставы.

14-го августа 1721 года было учреждено центральное место, управлявшее всею медицинскою частью: то была медицинская контора, отданная под управление доктора Блюментроста; ей подведомы были все врачи и аптекари, с их аптеками во всей России. Но дело медицинское не могло удачно идти при Петре, когда до него не было в России ни одного учебного заведения для приготовления врачей; все врачи в этой стране издавна были только иностранцы и не всегда искусные, так как их оценивать было некому в России. Царь, во всех своих преобразованиях показывавший желание, чтоб у него в государстве было то, что он видел за границу, побывавши несколько раз на минеральных водах в Германии, хотел, чтоб и в России были минеральные воды. Нашлись такие воды – олонекские. Петр оказал к ним большое доверие, но русская публика, от своих предков усвоившая недоверие к медицинским средствам, не относилась к этим водам так, как царь, и тогда Петр издал грозный указ, запрещающий порочить воды.

Перестраивалось государственное управление и суды; Петр видел необходимость составить новое уложение законов. В его царствование так много было введено нового, что действовавшее еще уложение Алексея Михайловича не обнимало всех сторон народной жизни и не давало ответов на возникавшие юридические вопросы. Петр, нигде почти не бывший самостоятельным творцом, но везде переносивший чужое на русскую почву, и в этом важном деле остался верен себе. Он принял за образец, для составления нового русского уложения, готовое шведское и указом 8-го августа 1720 года приказал учредить комиссию, в которой главным образом заправляли делами иноземцы, сидевшие в коллегиях: Нирод, фон Бревер и Вольф<sup>14</sup>. Кроме шведского уложения, они должны

были руководствоваться правами лифляндскими и эстляндскими. Это предначертание осталось неприведенным в исполнение, как и многое в числе планов и намерений государя.

## V. Политические события от Прутского до Ништадтского мира

По окончании военных действий против турок, театр Северной войны некоторое время сосредоточивался в Померании и Финляндии. Русский царь действовал со своими первоначальными союзниками, датским и польским королями, а король прусский колебался между двумя враждебными сторонами, впрочем, стараясь показывать наиболее дружеское расположение к царю. Шведское войско в Померании и вообще на южном побережье Балтийского моря состояло под главной командой генерала Штейнбока. Сам царь лично предводительствовал против него своим войском, 12 февраля 1713 года напал на шведов при Фредерикштадте, нанес им поражение и взял этот город. Штейнбок двинулся в Голштинию, которая находилась тогда во владении несовершеннолетнего Карла Фридриха, сына герцога, убитого в Клисовской битве в 1702 году. Этот молодой герцог состоял под опекой своего дяди, любекского епископа, который носил титул администратора Голштинского герцогства. Штейнбок заключил с этим администратором договор, которым администратор давал право шведскому войску укрыться в замке Тонингене, а Штейнбок от имени своего короля обязывался вознаградить герцога за всякие потери, которые причинил бы Голштинии датский король, когда бы последний открыл военные действия.

После отхода Штейнбока к Тонингену, Петр поручил вести войну датскому королю, дав ему в помощь русский отряд под командой Меншикова, а сам намеревался воевать против шведов в Финляндии. Возвращаясь в Россию, Петр заехал сначала к ганноверскому курфюрсту, а потом к молодому прусскому королю, только что вступившему на престол после смерти своего отца. Петру не удалось втянуть в Северную войну прусского короля; последний следовал политике своего родителя, уверял Петра в дружбе к нему, но не хотел явно становиться во вражду с Швецией и наблюдал, чтобы обстоятельства доставили ему случай извлечь пользу из этой

войны, без больших усилий с его стороны. Вернувшись в Петербург, царь летом 1713 года, с 12000 войска, поплыл к берегам Финляндии, пристал к Гельсингфорсу, прогнал оттуда шведского генерала Любекера и поручил, вместо себя, вице-адмиралу Апраксину продолжать войну в Финляндии. В конце августа русские овладели столицей Финляндии Або, покинутой и шведским войском и жителями, а в октябре того же года Апраксин и генерал Голицын разбили шведского генерала Армфельда близ Тамерфорса, и вся почти Финляндия до самой Каянии очутилась в руках русских.

Между тем князь Меншиков, оставленный Петром на южном побережье Балтийского моря с русским войском в помощь датскому королю, сошелся с голштинским министром Герцом, которому суждено было играть важную роль в дипломатии по вопросу об окончании Северной войны. Герц представил Меншикову проект о тесном союзе голштейн-готторпского дома с Россией. Этот союз, по его предположению, должен был утвердиться браком молодого герцога с царевною Анною, дочерью царя Петра. Вместе с тем Герц подал план склонить шведских комендантов, начальствовавших над городами Померании, отдать их в секвестр прусскому королю и голштинскому администратору. Последний план понравился Петру, потому что давал ему надежду втянуть прусского короля в войну против Швеции, чего давно уже хотелось русскому царю. Штейнбок сдался союзникам военнопленным в Тонингене, а Меншиков взял контрибуции с Гамбурга и Любека за то, что эти города не прерывали во время войны сношений со шведами; потом принялся осаждать Штетин, где шведским комендантом был генерал Мейерфельд. Прусский король охотно готов был овладеть Штетинском под видом отдачи ему этого города в секвестр, по мысли, брошенной Герцом, но помогать явно Меншикову своей артиллерией он не решался. 19-го сентября 1713 года Мейерфельд сдал Штетин, а Меншиков передал этот город, вместе с другими доставшимися городами, в секвестр прусскому королю и голштинскому администратору, как условлено было с Герцом. Датский король был очень недоволен этим, главное за то, что взятые у шведов

города отдавались под секвестр не одному прусскому королю, а еще и голштинскому администратору; датский же король считал голштинский двор, по его родственной близости с шведским королем, на шведской стороне. Но если русский царь рассчитывал на отдачу в секвестр померанских городов Пруссии, в видах затянуть Пруссию в войну против шведов, то явные и тайные враги России рассчитывали на то же обстоятельство, чтоб искусить прусского короля возможностью, помимо России, приобрести Померанию себе в вечное владение и надеялись вооружить его против Петра. Франция прямо подущала прусского короля против русского царя; Англия собственно имела в виду то же, но действовала по наружности миролюбивее, предлагая посредничество для прекращения Северной войны. Герц между тем, через посредство другого голштинского министра Бассевича, старался расположить царя Петра к своим видам и предлагал, кроме брака молодого герцога с царской дочерью, еще доставить этому герцогу шведскую корону, по смерти Карла XII, а чтобы расположить царя к этой мысли, соглашался на важные уступки России от Швеции. Ближайшая цель Герца была поскорее рассорить Петра с датским королем, с которым, как он замечал, уже не ладилось у русского царя; но это намерение никак не удавалось на первых порах голштинскому дипломату. Царь действительно был очень недоволен датским королем за медленные действия в войне, но не хотел с ним решительно ссориться, а грозил издалека Дании для того только, чтоб заставить ее помогать ему живее против шведов, и потому предлагал датскому королю деньги и провиант на войско, если он поторопится двинуть свой флот против шведов. Датский король не двигался весь 1714 год, а прусский думал только забирать под свою власть шведские города без войны. Такое желание заявлял и курфюрст ганноверский, ставши по смерти королевы Анны английским королем: он возымел притязание присвоить себе Бремен и Верден. Таким образом, много было охотников ловить в мутной воде рыбу и делать приобретения за счет Швеции, но вести войну со Швецией приходилось одному Петру. И Петр вел ее всю весну и лето 1714 года. Генерал князь Голицын снова

разбил Армфельда, затем Выборгский губернатор, полковник Шувалов, в июне покорил крепость Нишлот. Но самым блестящим делом русских была морская победа при Гангуте: одержанная под начальством самого Петра, там шведы потеряли 936 человек убитыми, 577 пленными; шведские корабли со 116 пушек были взяты и привезены в Ревель. Вслед за этой победой царь, с 16 т. войска, пристал к Аландским островам и овладел тамошними укреплениями и портом; оттуда недалеко уже было до Стокгольма; в шведской столице распространился всеобщий страх: адмирал Ватранг готовился защищать вход в стокгольмский порт. Наступившая осень не позволила Петру отважиться сделать на шведскую столицу нападение. Русский царь возвратился в Петербург, устроил себе торжественный въезд, принимал от своих сенаторов и иностранных министров поздравления с победами, получил чин вице-адмирала и пировал во дворце Меншикова. Петр оказывал большие знаки почтения пленному шведскому адмиралу Эрншильду: «Вот, – говорил царь своим русским, – верный и храбрый слуга своего государя, достойный величайшей награды от его рук и теперь приобревший мое благоволение до тех пор, пока он будет со мною; хотя он перебил у меня много храбрых русских, что я им (шведам) всем прощаю, пока они теперь все в моей воле». Эрншильд отвечал: «Хотя я поступал честно, служа моему государю, но я исполнил не более как свой долг; я искал смерти, но смерть не встретила меня, а теперь, в моем несчастье, мне остается немалое утешение быть пленником вашего величества и пользоваться таким вниманием великого мореходца, достойного вице-адмирала».

Между тем, в ноябре того же 1714 г., Карл XII, убежавший из турецких владений, явился в Штральзунде, в Померании. Явление Карла подогрело упавший в его отсутствие дух шведского войска, но вместе с тем не содействовало ходу дел к примирению. Карл не хотел утверждать договора об отдаче Штетина прусскому королю в секвестр, не хотел воздерживаться от враждебных действий против датчан и саксонцев внутри немецкой империи, не хотел признавать уступки Бремена ганноверскому курфюрсту; Карл, наконец, возбуждал смятение

в Германии, впутывая в союз с собой ландграфа гессен-кассельского, которого сын был женат на сестре Карла XII, Ульрике Елеоноре. Прусский король, уклонявшийся до сих пор от войны, увидел, что не получит желаемых приобретений одним дипломатическим путем без войны: он вступил тогда в открытый союз против шведов и отправился с войском осаждать Штральзунд, куда также прибыл датский король. Прусский король показывал вид, что защищает нейтральность Немецкой империи и всех принадлежащих к ней владений; дело секвестрации представлял так, как будто он соглашался на нее единственно из желания сохранить мир в немецкой империи, а шведского короля выставлял врагом всеобщего мира, вносившего войну в недра империи. В заключение всего, прусский король по этому делу изъявлял согласие бескорыстно подчиниться приговору, какой положит император и соединенные чины империи. И Англия стала было в угрожающее положение к Швеции: она отправила свой флот в Балтийское море, хотя с поручением охранять английские купеческие корабли, а не действовать враждебно против шведского флота. Датский и прусский короли, приступив к Штральзунду, добивались присылки русского войска: однако осада Штральзунда шла целое лето и осень 1715 года, а русское войско не подходило к союзникам и стояло тогда в Польше под начальством фельдмаршала Шереметева, готовое вступить в дело для защиты польского короля Августа II против его подданных.

Уже несколько лет в Польше происходила недомолвка между королем и магнатами. Поляки, прежде недовольные присутствием русских войск в своей стране, стали потом оказывать еще более неудовольствия своему королю за то, что он расставил в Польше войска саксонские. В видах России было поддерживать нелад между королем и поляками; на искренность Августа полагаться было нельзя: самым безопасным и выгодным делом было держать его так, чтоб его особа нуждалась в помощи России. Это было не трудно при легкомысленной продажности польских панов. Они брали от русского посла подачки, обещаясь вести дело так, как было бы



выгоднее для России. Польский сейм никак не мог установить какого-нибудь закона при существовании *liberum veto*, когда каждый посол имел право прервать все течение дел на сейме, заявивши свое несогласие на предлагаемый закон. Русские посланники пользовались этим и, когда замечали, что готовится какое-нибудь распоряжение, не полезное видам России, – тотчас подкупали нескольких сеймовых послов, и сейм «срывался». На эту пору русским послом в Польше был князь Григорий Федорович Долгорукий, человек ловкий и умевший пользоваться обстоятельствами. Поляки, домогаясь изгнания из Польши саксонского войска, обратились к посредству русского посланника; тогда Долгорукий нарочно задерживал русское войско, предполагая, что вооруженная русская сила пригодится в Польше; и от того-то под Штральзундом не было русских, хотя царь этим не был доволен.

12 декабря Штральзунд сдался. Тогда Карл XII едва спасся в маленькой лодке с 10 человеками и убежал в Карлскрону, где всю зиму занимался набором свежих сил для продолжения войны.

6 февраля 1716 года Петр отправился за границу вместе с Екатериною и, достигши Данцига, остановился там до конца апреля. Здесь он получил приятную весть о сдаче Казнобурга в Финляндии, последнего города, находившегося еще в этой стране в руках шведов. В Данциге 19 апреля русский царь совершил бракосочетание своей племянницы Екатерины Иоанновны с мекленбургским герцогом. К этой свадьбе прибыл и польский король, некогда бывший задушевым другом Петра, но со времени Альтранштадтского мира находившийся с ним в натянутых отношениях. С Августом в Данциг прибыли: его неразлучный друг и слуга саксонец генерал Флеминг и несколько польских магнатов. С Петром были: граф Головкин, вице-канцлер Шафиров и Толстой; сюда же приехал и русский посол при Августе, князь Григорий Долгорукий. Устроилась конференция с целью уладить несогласия. Русская сторона выставляла Августу на вид: его тайные попытки примириться с Швецией при посредстве французского посла в Константинополе, сношения Флеминга со шведским генералом

Штейнбоком, сношения самого Августа с зятем Карла XII гессен-кассельским ландграфом, интриги, клонившиеся к тому, чтобы поссорить прусского короля с датским. Явились тогда к Петру послы от враждебной польскому королю конфедерации; они жаловались, что король наводняет польские области саксонскими войсками и просили царя взять на себя посредничество между ними и их королем. Петр доверил вместо себя это последнее дело послу своему Долгорукому, с тем чтобы для этого был собран нарочно съезд в одном из польских городов. Петр наружно помирился с Августом; по случаю свадебных торжеств, оба государя давали друг другу пиршества; но уже прежней дружбы между ними не было, потому что не стало взаимной доверчивости.

В начале мая царь выехал из Данцига, повидался сначала с прусским королем в Штетине, съехался с датским в Альтоне: тут между русским и датским государями было условлено сделать высадку в шведскую провинцию Шонию и тем принудить выступить Карла XII из принадлежавшей датской короне Норвегии, куда он тогда проник, приближаясь к столице этой страны, Христиании. Место соединения сухопутных и морских сил обоих государей назначили в Копенгагене. После свидания в Альтоне, Петр уехал в Пирмонт лечиться тамошними водами, а к июлю явился в Мекленбурге в Ростоке, куда прибыло сорок пять русских галер. Фельдмаршал Шереметев пришел из Польши с восемью тысячами войска, еще вступило в Мекленбургские владения другое русское войско под начальством генералов Репнина и Боура. Взявши под личную команду свой галерный флот, 17-го июля царь прибыл к Копенгагену, встречен был на рейде датским королем и вместе с ним вступил в его столицу. Через несколько дней туда же прибыла царица Екатерина. В ожидании приготовлений к высадке, Петр пробыл в Копенгагене три месяца, почти каждый день катался по морю, осматривал берега Дании и Швеции, измерял глубину моря и чертил морские карты. Это не препятствовало ему уделять время на посещения академии, учебных заведений и на беседу с учеными людьми. Прибыла между тем английская эскадра для взаимного действия с

Данией. Все лето прошло понапрасну к большей досаде Петра. Мекленбургский герцог, зять Петра, находился тогда во вражде с дворянами своего государства; последние съехались в Копенгаген и восстанавливали датского короля против Петра; они объясняли поступки русского царя хитростью, бросали подозрение, что Петр сносится со Швецией. Уже датчане готовились нападать на русские галеры; но до междоусобной войны у союзников не дошло. Ничего не сделавши, в половине октября царь уехал из Копенгагена в Мекленбург. Между тем мекленбургские дворяне, стараясь вредить Петру, где только можно было, настроили против него ганноверского курфюрста. Была у них попытка подействовать и на прусского короля, но тот не поддался никаким подозрениям: свидевшись с царем в Гавельсберге, он снова заключил с ним союз и обязался, в случае нападения на Россию с целью отнять завоеванные ею области, помогать России или присылкой войска, или нападением на землю воюющего с Россией государства.

В Польше тем временем, после данцигского свидания Петра с Августом, Григорий Долгорукий, по царскому приказанию, принял на себя важное дело умиротворения спора между королем и конфедератами. Съезд по этому поводу собрался в Люблине, в июне месяце. Как нелегко было Долгорукому играть роль миротворца – показывает его отзыв к Петру о характере съезда. «Съехалось много депутатов, – писал он, – между ними мало таких, которые смыслили бы дело, только своевольно кричат, а те, которые потолковее, не смеют говорить при них. У наших донских казаков в кругу дела идут лучше, чем здесь. Часто с 7 часов до 4 часов пополудни мы кричим и ничего сделать не можем». Конфедераты, хлопоча об изгнании саксонского войска, добивались вывода и русского из Польши. Но Долгорукий, по царскому приказанию, писал, напротив, к русскому генералу Ренну, чтоб он вступил в Польшу с угрозами действовать неприятельски против той стороны, которая будет упрямыться. Между тем конфедераты продолжали драться с саксонцами, несмотря на установленное перемирие на время съезда. Прошло все лето, дело умиротворения не двигалось, пока наконец генерал Ренн с

русским войском не вступил в Польшу, а Долгорукий не припугнул конфедератов, что прикажет усмирить их русским оружием. Наконец 24 октября 1716 года стараниями Долгорукого состоялось примирение. Саксонские войска должны были оставить Польшу в течение месяца, а король имел право удержать из них тысячу двести человек гвардии и содержать их на своем иждивении. Но примирение было пока только на бумаге, на деле все еще лада не было до 21 января 1717 года, когда собранный чрезвычайный сейм подтвердил постановление съезда и дал приказ саксонским войскам выйти из Польши в течение двух недель. Генерал Ренн, вошедший в Польшу, в это время умер. Преемник его генерал Вейсбах, по приказанию Долгорукого, выступил из Польши, но вместо него тотчас же вступило туда новое русское войско, под начальством Шереметева, и расположилось на неопределенное время. Видно, что Петр не слишком давал вес жалобам и домогательствам поляков о выводе русских войск из Польши. Так окончилась и развязалась тарногородская конфедерация, имевшая то важное значение в польской истории, что послужила новой ступенью к ограничению монархической власти и вместе к усилению русского влияния на внутренние дела Польши.

Зимой Петр отправился в Голландию, прожил несколько времени в Амстердаме, занялся там осмотром всего, что относилось к мореходству и торговле, обозревал с любопытством корабельную мастерскую, адмиралтейство, запасные магазины Ост-Индской компании и заведения знатнейших негоциантов. Царь съездил в Саардам и с особенным удовольствием посетил домик, где он жил во время первого своего путешествия по Европе. Из Амстердама в марте царь с царицею прибыл в Гаагу, остановился в помещении русского посла князя Куракина: там ему оказан был почет от представителей Соединенных Нидерландских Штатов, но тут же, в начале апреля 1717 года, ему пришло неприятное известие. В Англии открыли заговор, тайно руководимый голштинским министром бароном Герцом и графом Гилленборгом, находившимся в Лондоне в качестве

чрезвычайного посла шведского короля. Датский двор прислал в Англию письма Гилленборга, отысканные на взятом в Норвегии шведском корабле. Гилленборг был арестован в Лондоне, захвачены были все его бумаги, и, по требованию английского короля, голландские штаты арестовали находившегося в Голландии барона Герца и молодого сына Гилленборгова. Бумаги их были не только захвачены, но немедленно опубликованы; оказывалось, что у них было тайное намерение произвести в Англии возмущение, с целью низвергнуть ганноверскую династию с английского престола и возвести претендента из дома Стюартов: Карл XII готовился сделать высадку в Англию с 10000 пехоты, 4000 конницы и со значительным запасом артиллерии. Из тех же бумаг видно было, что заговорщики рассчитывали на русского царя и старались подействовать на него через его домашнего медика, шотландца Эрскина. Последний, как доискались англичане, писал к английскому лорду Мару, что царь готов помириться с шведским королем и желает помогать ему в предприятии возвести претендента на престол. Петр, узнавши о том, что говорят о нем в Англии, приказал своему посланнику Веселовскому подать английскому королю и напечатать от имени царя мемориал: в нем русский государь оправдывался от взводимого на него обвинения, указывал на очевидную нелепость такого вымысла, приводил, что России не может быть никакой выгоды вступить в союз со шведским королем против английского, сообщал, что доктор Эрскин, находясь 13 лет в службе, не употреблялся ни к каким государственным советам, а знал только свою специальность. Сам Эрскин послал от себя английскому правительству письменное оправдание. Веселовскому отвечали на его мемориал, что доверяют объяснению русского государя, однако требовали, чтобы царь вывел свои войска из Мекленбургского герцогства. Тем на время и пресеклось это недоразумение с Англией, оставившее, однако, глубокое влияние в последующие годы.

В начале апреля 1717 года Петр выехал из Гааги и, оставив Екатерину в Амстердаме, отправился через Брюссель и Гент во Францию. Вечером 26 апреля прибыл он в Париж, где его давно

уже ждали: несколько месяцев тому назад велись сношения о желании русского царя посетить французский двор. Царя поместили сначала в Лувре, но помещение показалось ему слишком великолепным; Петр любил показать свою любовь к простоте и к отсутствию всякой пышности и роскоши. По своему желанию, царь на другой же день перешел в Hxtel de Lesdiguières и тотчас получил визит от регента Франции герцога Орлеанского, управлявшего Францией при малолетстве короля Людовика XV. 29 апреля (10 мая нового стиля) приехал к русскому царю с визитом маленький французский король, провожаемый дядькой своим герцогом Вильроа. Царь, просидевши с ним некоторое время, взял его на руки и с нежностью поцеловал. «Здесьний король, – писал Петр царице, – пальца на два выше нашего карлика Луки, но дитя изрядное образом и станом и по возрасту своему довольно разумное». На следующий день царь приехал с визитом к королю в присланной за ним королевской карете. Маленький король вышел к царю навстречу. Петр, выскочивши из кареты, взял короля на руки и понес по лестнице во дворец, посреди расставленной и вооруженной гвардии из швейцарцев и французов. В тот же день купеческий голова и старосты (eschevins) в сопровождении маркиза де Дреля, великого церемониймейстера, поднесли царю подарки от имени города. В следующие за тем дни царь осматривал: городские площади, арсенал, гобеленову фабрику ковров, королевскую гвардию, обсерваторию, а 14 (нового стиля) царь посетил Пале-рояль, заплативши визит регенту, герцогу Орлеанскому. Регент стал было показывать гостю картинную галерею; но русский государь, как заметили французы, мало пленялся предметами искусства, как и роскоши. В тот же день герцог Орлеанский пригласил его в оперу, и Петр не в состоянии был высидеть до конца спектакля; зато с жадностью бросался он на обзор вещей, относившихся к мореплаванию, торговле и разным ремеслам. С большим вниманием осматривал он механические кабинеты и зоологический сад и много нашел для себя примечательного в Инвалидном доме, который посетил 5 мая (16 нового стиля); все осматривал он здесь до мельчайших подробностей, в

столовой попросил себе рюмку вина, выпил ее за здоровье инвалидов, которых назвал своими товарищами. Несколько дней спустя после того Петр ездил в Фонтенебло, где ночевал, а на другой день был приглашен к нарочно устроенной охоте с королевскими собаками и во время охоты обедал в павильоне. 1 июня (нового стиля) он ворочался на гондоле в Париж и завернул по дороге к принцессе Конти, которая показывала ему свои великолепные сады и покои. Прибывши в Париж, Петр проплыл под всеми парижскими мостами, потом, севши в свою карету, обогнул укрепления города, заехал в один склад оружия и купил большой запас ружей и ракет: последние он истратил на фейерверки в своем саду при том отеле, где помещался. 2 июня (нового стиля) Петр посетил королевское аббатство Св. Дионисия, осматривал церковь, ризницу и новые постройки, в которых бенедиктинцы приготовили ему отличный ужин, выбравши келью, откуда открывался пленительный вид. 3 июня царь со всею свитою отправился в Версаль. Из Версаля Петр ездил в Трианон, осматривал большой водопровод, оттуда проехал в Марли, где королевский дворецкий Девертон приготовил для царя блистательный фейерверк, сопровождаемый музыкальным концертом, а ночью дан был бал. Царю оказали в этот вечер большую любезность, и он пробыл на бале более того времени, в какое обыкновенно уходил спать. 1 июня (нового стиля) царь посетил сенсирскую женскую школу, устроенную г-жою де Ментенон и остался очень доволен как удобным и великолепным помещением, так и способом воспитания девиц. Царь после того пожелал видеть самую престарелую г-жу де Ментенон, которая приняла его в постели, чувствуя себя в то время больной. Наконец, 12-го июня (нового стиля), Петр вернулся в Версаль и осмотрел его со всеми достопримечательностями. Отсюда он съездил в Шальо и сделал визит английской королеве, вдове Иакова II. Затем, воротившись в Париж 14 (нового стиля), Петр посетил королевский типографский дом, коллегию четырех народов, основанную кардиналом Мазарини, и там долго беседовал со знаменитым тогдашним математиком Варильоном. Потом Петр посетил дом Пижона, устроившего движущуюся планетную

сферу, по системе Коперника; его изобретение так понравилось Петру, что он сторговал его за две тысячи крон. Посетивши Сорбонну, Петр был принят с большими почестями докторами этого учреждения и любовался красивым надгробным памятником кардинала Ришелье. В следующие дни царь опять посетил фабрику ковров Гобелена, где очень похвалил вышитую историю дон Кихота, которую и получил в подарок от имени короля. Потом он осматривал в сопровождении регента помещение жандармов, шевалежёров, мушкетеров и королевских телохранителей, которые нарочно были выстроены в линию на Елисейских полях. 17 июня (нового стиля) царь провел два часа в обсерватории, а на другой день (18) послал пригласить к себе знаменитого географа того времени Делиля, долго разговаривал с ним через переводчика о положении и пространстве своего государства, рассказывал ему о расположении новой крепости, которую устраивал в татарских пределах. С любопытством царь смотрел на разные химические опыты, произведенные для него ученым Жоффруа, и пожелал видеть одну из операций, делаемых знаменитым английским окулистом Уолессом: больного, шестидесятилетнего инвалида, нарочно привезли в отель, где жил Петр, чтоб показать русскому царю образец европейского врачебного искусства. Сначала, когда окулист запустил иглу в глаз больного, царь невольно отвернул голову, но любопытство взяло над ним верх, и он смотрел до конца на операцию, а потом поднес к глазам инвалида свою руку и с удовольствием заметил, что тот увидел ее, тогда как до операции не мог ничего видеть. Похваливши окулиста, царь обещал прислать к нему ученика, чтобы тот мог приобрести подобное искусство под руководством такого великого оператора. 19-го июня (нового стиля) царь посетил заседание парламента, бывшего тогда верховным судебным местом. Все члены были одеты в парадные платья красного цвета, а президент – в меховом одеянии, что составляло, по местным обычаям, особую почесть, оказываемую высокому гостю по поводу его посещения. В тот же день посетил царь академию наук; члены разговаривали с ним о новых машинах и о разных ученых опытах. Петру здесь понравилось все, что он



видел и о чем говорил, и впоследствии, по возвращении в Петербург, он поручил своему доктору Эрскину изъяснить президенту академии аббату Биньону желание быть записанным в число членов этого ученого общества. Академия изъяснила согласие и прислала царю диплом на звание члена и благодарность за предложенную честь. С тех пор, до самой своей смерти, Петр как член французской академии получал издания ее трудов. 21-го июня (нового стиля), отслушавши в греческой церкви литургию, по случаю наступившего в этот день по старому календарю праздника Пятидесятницы, Петр уехал в Спа, где намеревался пользоваться водами. Перед отъездом из Парижа, Петр щедро одарил сопровождавших его придворных и служившую ему королевскую прислугу<sup>15</sup>. Король при прощании поднес своему высокому гостю в дар меч, усыпанный бриллиантами, но Петр не хотел брать в подарок ни золота, ни драгоценных камней, а попросил четыре ковра превосходной работы из королевского гардероба. Во все продолжение своего пребывания в Париже русский царь удивлял французов своей простотой в одежде и своими привычками, не сходявшимися с тогдашним французским этикетом. Так, например, он обедал в 11 часов утра, ужинал в 8 часов вечера и не любил стеснять себя ни в чем: во время беседы уходил прочь, не дослушивая речей, когда они мало представляли для него любопытного; с чрезвычайной подвижностью приказывал вести себя то туда, то сюда, так что правительство распорядилось расставлять в разных местах экипажи, чтоб гость имел возможность ехать повсюду, куда ему вздумается. Зато при всем соблазне, который делал русский царь несоблюдением обычаев местного этикета, он поражал французов своим умом, знаниями и находчивостью; они изумлялись, видя, что уроженец страны, считаемой ими самой дикой и невежественной в мире, по ясности взгляда на предметы, касавшиеся знаний и наук, превосходил государей, имевших счастье быть рожденными в образованных странах. Будучи в Париже, царь заключил дружественный договор с Францией, включивши в этот договор и прусского короля, и в угоду Франции дал обещание вызвать свои войска из Мекленбурга.

Петр ехал из Парижа, через Суассон, Реймс, Шарлевиль, Живе и Бовин, до Намюра, куда прибыл 25 июня (нового стиля) и был там отлично принят администратором провинции; царь осматривал укрепления города; его угощали; Петр пил здоровье всех присутствовавших и с увлечением рассказывал о всех сражениях и осадах, в которых сам лично участвовал. Оттуда Петр проехал через Льеж (Люттих), где его угощали от имени кельнского курфюрста, потом прибыл в Спа. Там он месяц пользовался водами, а 2 августа (нового стиля) приехал в Амстердам, где царица Екатерина с нетерпением ожидала его возврата.

Барон Герц освободился из-под ареста и в Амстердаме начал переговоры с царем при посредстве Понятовского. Герц обещал, что шведский король пошлет своих уполномоченных в Финляндию, а по заключении договора сам пожелает видеться с царем. И царь желал уже прекращения войны с Карлом: война эта ставила ему препятствия к занятиям внутренними делами государства; Петр объявил Герцу через Куракина, что съезд уполномоченных должен начаться через два или три месяца на Аландских островах; Герц с этим ответом уехал в Швецию. По его убеждениям и Карл склонился к мысли о мире и союзе с Россиею. Шведский король ненавидел и презирал остальных своих врагов; но Петра как личность он не мог презирать и потому с ним одним способен был вступать в переговоры, как равный с равным. Петр имел причину быть так же мало довольным своими союзниками, датским и польским королями, и готов был предпочесть отдельный мир с давним врагом вялому союзу с союзниками, всегда способными изменить ему.

19-го сентября (нового стиля) царь прибыл в Берлин, за ним через три дня явилась туда Екатерина; пробывши в Берлине три дня, царственная чета через Данциг вернулась в Петербург, куда прибыла 9-го октября 1717 г., после шестнадцатимесячного путешествия за границей. Царь через своих министров сообщил прусскому королю, что он намерен сноситься с Швецией о мире, но будет сохранять интерес своего союзника, прусского короля, и не заключит мира до тех пор, пока Пруссия не получит Штетина с округом.

В ноябре Герц, возвратившийся из Швеции, дал знать в Петербург, что Карл XII вышлет своих уполномоченных, как скоро получит известие, что царские уполномоченные уже находятся в Финляндии. Петр назначил от себя уполномоченными: генерал-фельдцейхмейстера Брюса и тайного советника Остермана. Государь велел Брюсу объявить министрам союзников – прусскому, польскому, ганноверскому и датскому, что, по предложению шведского короля, царь со своей стороны посылает уполномоченных, но не вступит в окончательный договор без согласия с союзниками.

В мае начались конференции на одном из Аландских островов, по имени Ло. Россия требовала уступки Ингрии, Ливонии, Эстляндии, также города Выборга в Финляндии, остальное же Великое княжество Финляндское до реки Кюмени уступала шведскому королю, предлагая между Швецией и Россией свободу торговли и мореплавания. Для своих союзников царь ставил такие условия: оставить короля Августа в полном обладании польским престолом, а прусскому королю уступить Штетин с его округом; Дании и Англии Петр предоставлял только право приступить к трактату, замечая, что датский король должен возвратить все завоевания, доставшиеся ему в последнее время от Швеции, и приобрести в ином месте земли. Шведские уполномоченные требовали возвращения всего завоеванного. Потом начали говорить об эквиваленте, т. е. о вознаграждении иными способами уступленного Швецией России. Остерман, по приказанию Петра, заявил, что Россия не может давать никакого эквивалента из принадлежащих ей земель, но не откажет в помощи Швеции, если последняя начнет искать себе эквивалента в чужих землях. Петр соглашался даже помочь и английскому претенденту, если шведский король будет стараться возвести его на английский престол. Герц, оставивши конференцию, летом 1718 года ездил в Стокгольм для сношения со своим королем и, возвратившись на Аландские острова, стал податливее к уступкам, но объявил о непременном желании своего короля утвердить Станислава Лещинского на польском престоле, а для вознаграждения

Швеции за уступаемые России земли Герц предполагал присоединить к Швеции мекленбургские земли, давши мекленбургскому герцогу какое-нибудь иное владение; он предлагал послать шведские и русские силы в Мекленбург в помощь намерениям этого герцога. Петр готов был пожертвовать Августом, который в своих прежних отношениях к своему союзнику показал достаточно вероломства. В сентябре русские уполномоченные узнали, что в Стокгольме существует сильная партия, удерживающая короля от уступок, партия, чернившая Герца обвинениями в прода-жничестве во вред королевским интересам. Герц, чтобы рассеять сомнения против себя и доказать свою преданность Швеции, просил Петра освободить пленного шведского генерала Реншильда. Петр согласился с тем, чтобы шведы освободили двух пленных русских генералов – Головина и князя Трубецкого. Остерман, человек хитрый, понимал слабые стороны врагов, с которыми вел переговоры, понимал и всех соседей, которых дела соприкасались с Северной войной. «Король шведский, - писал он Петру, – человек, по-видимому, в несовершенном разуме; ему – лишь бы с кем-нибудь драться. Швеция вся разорена, и народ хочет мира. Королю придется с войском куда-нибудь выступить, чтоб за чужой счет его кормить; он собирается в Норвегию. Ничто так не принудит Швецию к миру, как разорение, которое причинило бы русское войско около Стокгольма. Король шведский, судя по его отваге, должен быть скоро убит; детей у него нет, престол сделается спорным между партиями двух германских принцев: гессен-кассельского и голштинского; чья бы сторона ни одержала верх, она будет искать мира с вашим величеством, потому что ни та, ни другая не захочет ради Лифляндии или Эстляндии потерять своих немецких владений».

Зимой Герц опять уехал в Стокгольм; к концу декабря ждали его возвращения на Аланд, но вместо него прискакал курьер с известием, что Карл XII 30-го ноября убит при осаде Фридрихсгаля в Норвегии. Предсказание Остермана сбылось: в Швеции тотчас же возникло две партии – одна желала дать престол младшей сестре Карла XII Ульрике Элеоноре, бывшей в замужестве за гессен-кассельским принцем; другая держалась

молодого герцога голштинского. Первая взяла верх: Герц и его земляки голштинцы, в последнее время получившие сильное влияние на Карла XII, были арестованы. Но возникла еще и третья партия, дворянско-либеральная; она хотела воспользоваться неясностью прав на престол и находила удобное время для ограничения королевского самодержавия в Швеции. Эта партия готова была отдать престол тому, кто больше сделает уступок. Нерешительный и неопытный голштинский герцог не воспользовался временем; тотчас после смерти Карла XII он мог бы привлечь на свою сторону войско и заставить провозгласить себя королем, но не сделал этого. Тетка предупредила его: она дала сенату обещание ограничить королевскую власть и получила корону в марте 1719 года. Голштинский герцог уехал из Швеции. Либералы, ненавидевшие Герца как чужеземца, постарались погубить голштинского дипломата. Он был казнен отрублением головы в Стокгольме.

Ульрика Элеонора, однако, не отказалась продолжать переговоры с царем и отправила новых уполномоченных: Лилиенстедта и прежнего товарища Герца-Гилленборга. Шведские уполномоченные изменили тон и начали поугублять русских уполномоченных возможностью приступить к более выгодным для Швеции соглашениям с другими соперничающими державами. Но проницательный Остерман не поддался на эти запугивания: он понимал хорошо состояние дел в Швеции. «Швеция, – писал он царю, – дошла до такого состояния, что ей более всего необходим мир и особенно с царским величеством, как сильнейшим неприятелем; с кем бы другим шведы ни заключали мира – это не спасет их от войны с Россией, а другие державы, войдя со шведами в союз, при всем недоброжелательстве к России, не станут проливать крови своих подданных и губить свою торговлю ради того, чтобы Швеции возвращена была Лифляндия. Если бы теперь царь нанес пущее разорение обнищавшей Швеции, то этим бы принудил шведское правительство к миру». Остерман в переговорах со шведскими уполномоченными стоял твердо на уступке России Эстляндии, Лифляндии, Ингерманландии, Выборга и части Корелии со включением крепости Кексгольма,

соглашаясь со стороны России заплатить в продолжение двух лет миллион рублей. Швеция между тем примирилась с курфюрстом ганноверским, уступивши ему Бремен и Верден, пыталась склонить к особому миру и прусского короля.

Так дотянулось до июля 1719 года. Тогда, по настоянию Остермана, царь снарядил флот, под начальством адмирала Апраксина, из 30 военных кораблей, 130 галер и значительного числа малых судов; он послал на нем войско под начальством генерал-майора Ласси, для высадки в Швецию. Между тем в Балтийское море вошла английская эскадра, командуемая адмиралом Норрисом, под видимым предлогом охранять английскую торговлю, но на самом деле, как справедливо подозревал Петр, в помощь Швеции в случае нужды против России. Петр прямо написал об этом Норрису, стоявшему со своею эскадрою на копенгагенском рейде. Английский адмирал в своем ответе русскому царю изъявлял удивление, что царь имеет такие подозрения. Петр остался при своем подозрении, но не показал страха перед английским королем, твердый в намерении принудить Швецию к миру своими военными действиями. Петр издал манифест, в котором главною причиною войны России со Швецией выставлялось событие в Риге, когда шведский губернатор, граф Дальберг, оскорбил русского царя, не допустив его осматривать городские укрепления. Петр указывал на свое миролюбие, с которым он в последнее время согласился начать переговоры с Карлом XII, но жаловался, что, по смерти Карла XII, шведская корона не показывает прежней склонности к миру, напротив, желает войны, нарочно предъявляет такие требования, на которые Россия не может согласиться, и в то же время ищет враждебных для России союзов с другими государствами; это обстоятельство побуждает царя с Божьей помощью внести войну в сердце шведского королевства.

Война началась и велась очень опустошительным образом. Русские плавали по шкерам вдоль шведского берега, нападали в разных местах на города и селения, не щадили ни государственного, ни частного достояния, а более всего старались разорять шведские рудники и заводы, составлявшие

важнейшее богатство Швеции. Так, на северном берегу разорили они Фурстенар и Ортулу, а 7-го августа 5000 русских напали на важнейший шведский завод в Лоште, захватили там 13 000 тонн железа на свои суда, а все заведения и постройки уничтожили. На всех шведских заводах русские находили такое множество железа, что не в силах были наполнить им свои суда и бросали в море. Они истребляли повсюду хлебное зерно, убивали и угоняли скот и лошадей, уводили пленников, перебили множество безоружного народа, не успевшего спастись бегством. Апраксин истребил шесть больших городов, более сотни дворянских усадеб, 826 деревень, три мельницы и десять магазинов, разорил два медных и пять железных заводов. Генерал-майор Ласси, со своей стороны, сжег два города, двадцать одну владельческую усадьбу, 535 сел и деревень, сорок мельниц, шестнадцать магазинов и девять железных заводов, в числе которых были такие богатые, что шведы предлагали 300 тысяч рейхсталеров за спасение их от разорения. Знаменитый мануфактурный город Норчопинг предан был пламени самими жителями, лишь бы не доставался неприятелю. Самому Стокгольму угрожала опасность: 27-го июля казаки достигали до Вестергалинга, в 4-х милях от столицы. Муж королевы выступал против русских, но не сделал им никакого зла; они разоряли шведские берега налетом, появляясь и исчезая то в том, то в другом месте.

В сентябре прекратились нападения; у шведов вся надежда была на английскую помощь адмирала Норриса, но он, не имея повеления своего короля, не решался начинать неприязненных действий против русских. После ухода русских, английский уполномоченный при шведском дворе лорд Картерет прислал царю депешу, извещая, что, по распоряжению английского короля, адмирал Норрис не только покровительствует торговле английских подданных, но и поддерживает посредничество английского короля к окончанию войны, так долго нарушающей спокойствие северных стран. Со своей стороны, Норрис доводил до сведения царя, что английский король принимает на себя посредничество, убеждал царя прекратить все враждебные действия и показать свое искреннее расположение к миру. Петр

из этого понял, что он, в особе английского короля, помирившегося со Швецией в звании ганноверского курфюрста, наживал себе нового врага; он написал королю Георгу письмо, поручив своему посланнику Веселовскому подать его. Петр указывал на древнюю дружбу, существовавшую издавна между Россией и Англией, на пользу, какую извлекала Англия от этой дружбы, напоминал, что предшественники короля Георга всегда дорожили союзом с Россиею, и жаловался на последние заявления Картерета и Норриса, доказывающие, что Англия по отношению к России становится во враждебное положение. На это письмо 11-го февраля 1720 года государственный секретарь Стенгоп подал Веселовскому от имени английского короля ответ. Английский король указывал русскому государю на то, что до сих пор предложения союза и дружбы давались со стороны России как бы с неперменным условием, чтобы Англия действовала враждебно против шведов, тогда как в то же время царь заводил тайные интриги во вред английскому королю и в пользу претендента из дома Стюартов. Королю Георгу, говорилось в ответе, неизвестны были по этому поводу сношения английских противников царствующей династии, между прочим Фернегана, Гуго, Петерсона, герцога Ормонда, проживавшего инкогнито в Митаве, наконец, известна была королю корреспонденция, которую царь через посредство Фернегана завел с Испанией по вопросу о предполагаемом вторжении в Шотландию претендента, не говоря уже об интригах барона Герца, которого намерения явно открылись из захваченных у него бумаг. В другом ответе короля Георга, данном собственно по его званию ганноверского курфюрста, Петру выставлялось на вид, что царь не допускал чужих послов к участию в аландских переговорах и делал это затем, что у царя был втайне план соединить свои силы с силами шведского короля, внести войну в германские владения и устроить нашествие на Шотландию. В заключение всего король Георг заявлял желание установить мир, но если бы все его старания, по причине царского отказа, остались бесплодны, то предоставлял себе право, по силе договора со Швецией, принять меры не совсем приятные для царя.



После военной прогулки русского флота по шведским берегам, царь послал в Стокгольм под белым флагом Остермана, надеясь, что, испытавши разорения, Швеция станет податливее. Шведская королева, ее супруг и шведские аристократы показали тогда вид раздражения, говорили, что теперь, после нанесенных русскими опустошений, мир заключить труднее, чем прежде. Остерман этим не обманулся и сказал одному шведскому аристократу: «Если у нас с вами будет война, то настоящая ваша форма правления не долго простоит, и дело окончится народным восстанием». Его уверяли, что весь народ не хочет мира. «Сегодня не хочет, завтра горячо захочет, – сказал Остерман, – народ непостоянен». Королева, подвигаемая дворянством, рассерженным на Россию, приказала Лилиенстедту уехать с Аландских островов. Итак, конгресс был порван в сентябре 1719 года.

Во время аландского конгресса с польским королем у Петра не ладилось. Август поддавался внушениям императора и французскому влиянию, так как его ласкали надеждой сделать польский престол наследственным в его доме. В самой Польше между панам образовалась партия, хотевшая полного освобождения польских земель от русского войска; с этой партией сблизился король. Петр приказывал своему послу Долгорукому внушать полякам, что русские войска посылаются в Польшу для охранения от коварных намерений короля Августа, который, при пособии венского двора, думает установить наследственное правление в Польше и ограничить шляхетскую свободу в пользу самодержавной королевской власти. Чтоб не дать полякам сойтись с королем и постановить что-нибудь противное русским видам, из России присылались соболи и камки, для раздачи сеймовым послам Речи Посполитой за то, чтобы они, служа видам России, не доводили сеймов до конца: так, на гродненском сейме, начавшемся в октябре 1718 года, король Август начинал было приобретать влияние, но подкупленный Россией посол сорвал этот сейм. В Польше происходили между тем религиозные недоразумения, подававшие повод России вмешиваться в ее внутренние дела.

Варшавский сейм, окончивший смуту по поводу спора между королем и Тарногородскою конфедерациею, постановил под видом утверждения древних прав уничтожать все некатолические церкви, в последнее время построенные, и дал запрещение всем иноверцам заводить сходбища, где бы в них говорились проповеди или пелись духовные песни; за несоблюдение этого запрещения угрожали судом, пенями, тюремным заключением и, наконец, изгнанием из отечества. В январе 1718 года все мужские и женские православные монастыри принесли царю жалобу на притеснения со стороны католиков. Петр, в марте 1718 года, обратился с ходатайством о православных к Августу, и Долгорукий, от имени своего государя, объявлял, что Россия не может долее сносить, чтобы вопреки мирному договору была гонима и искореняема православная вера в Польше. Русские представления и протесты не расположили поляков к веротерпимости. В сентябре того же года с такой же просьбой обратились к Петру польские протестанты, носившие в Польше название диссидентов, а вопрос о свободе православной веры поднят был между Россиею и Польшею в 1720 году. Польский король заключил прелиминарный договор со Швециею, и полномочный посол Августа, мазовецкий воевода Хоментовский, приехал в Россию требовать от царя возвращения Лифляндии и уплаты обещанных по договору субсидий. Насчет субсидий Петр отвечал, что такие субсидии обещаны были только на войска, действующие против общего неприятеля – шведов, но король Август со своими войсками против него не действовал. Что же касается до Ливонии, то царь не отрекался от того, что прежде обещал возвратить этот край королю и Речи Посполитой, но не может теперь исполнить своего обещания потому, что Ливония будет Августом возвращена Швеции, так как прелиминарный договор, заключенный между Польшею и Швециею, постановлен на основании Оливского мирного трактата, а по этому трактату Ливония уступлена была Швеции. Тут подали Хоментовскому многозначительный мемориал, где излагался целый ряд оскорблений, нанесенных в Польше православной церкви и ее последователям. Царь требовал, чтобы вперед дозволено было

православным строить новые церкви и монастыри, и все те епископии, монастыри и приходские церкви, которых духовенство приняло и вперед примет унию или католичество, должны оставаться в православном ведомстве. Православные епископы должны заседать в сенате, и мирские люди православной веры должны пользоваться наравне с католиками одинаковым правом вступать в государственную службу. Наконец, Петр требовал установления закона о наказании тем, которые начнут делать препятствия к отправлению православного богослужения. Сейм, собравшийся в Варшаве и долженствовавший по видам царя утвердить его требования, сразу стал подпадать под влияние врагов России, английского и шведского посланников, хотевших вооружить поляков против Петра. Сам Долгорукий увидел тогда необходимость постараться, чтоб этот сейм разошелся, не окончив своего дела.

После прервания аландских трактатов, несколько времени Англия, своими дипломатическими интригами, препятствовала примирению Швеции с Россиею. Она успела примирить со Швецией прусского короля, гарантировать для него обладание Штетинном. В июне 1720 года, также по ходатайству Англии, подписан был мирный договор Швеции с Данией. Опасение насчет согласия Петра с планами Герца – низвергнуть короля Георга и возвести на его место претендента из дома Стюартов – заставило английского короля смотреть на Петра, как на своего тайного врага, и в 1720 году на балтийских водах опять появился английский флот. Петр не испугался этой эскадры и в виду ее снова готовился разорять шведские берега.

В это время в Швеции Ульрика Элеонора уступила престол своему супругу, герцогу гессен-кассельскому. Новый король прислал в Петербург своего адъютанта Виртенберга известить о своем вступлении на престол и изъявить надежду на будущий мир и союз. Петр показывал этому посланцу свое адмиралтейство и познакомил его со всеми приготовлениями к предполагаемому новому походу русских на Швецию. В августе царь выслал эскадру под начальством князя Голицына, который счастливо привел в Петербург четыре шведских фрегата, взятых в плен со значительным числом людей. Постоянный любитель

всяких торжеств, Петр и по этому поводу устроил в Петербурге праздник, одарил щедро участвовавших в войне русских моряков и самому Голицыну дал саблю, осыпанную бриллиантами; потом царь отправил в Стокгольм своего генерал-адъютанта Румянцева с предложением: разменять пленных и заключить перемирие на зимнее время. Шведские министры не сошлись в этом с Румянцевым, хотя и приняли его почтительно и радушно. В начале 1721 года явился в Петербург французский посланник Кампредон, бывший до того времени посланником в Стокгольме. Он привез в Россию предложение посредничества Франции между Россией и Швецией. Царь согласился. Французский посредник сначала попытался было предлагать годичное перемирие. Петр сразу отверг его предложение и сказал, что ни за что не отступит от прежних требований, заявленных при переговорах на Аландских островах, а потому, если Швеция искренно хочет мира, то может, вместо кратковременного перемирия, постановить с Россией полный вечный мир. Петр понял, что перемирие может быть полезно для Швеции и вредно для России: шведы будут иметь время поправиться, сойтись с союзниками и приготовиться к новой войне против России. Упорство Петра повело к тому, что французский посредник отказался от мысли о перемирии; положено было прямо начать переговоры о мире, но военных действий во время этих переговоров не прекращать. Петр, чтобы понудить шведов к податливости, отправил генерала Ласси опустошать шведские берега Ботнического залива. У русских было до 5000 регулярного войска и 360 казаков. Они взяли и сожгли шесть шведских галер, 27 купеческих судов, где нашли значительный запас оружия, овладели оружейным магазином, разорили несколько кузниц и мельниц, разграбили и сожгли четыре города, несколько сот селений и дворов.

Между тем, ввиду возобновленных переговоров со Швецией, голштинский герцог, через своего посланника Штамкена, хлопотал о том, чтоб Россия, при мирном договоре, стояла за его наследственные права на шведский престол. Петр благосклонно отнесся к домогательству голштинского герцога,

пригласил его в Петербург и принял очень радушно. Два обстоятельства: разорение, причиненное русскими на шведских берегах, и покровительство, оказываемое голштинскому герцогу как претенденту на шведский престол, сделали шведов уступчивее. 30 августа 1721 года заключен был царскими послами окончательный Ништадтский мирный договор, прекративший долголетнюю Северную войну. Швеция уступила России в вечное владение Лифляндию, Эстляндию, острова Эзель, Даго и Мен, Ингерманландию, часть Корелии и Выборг в Финляндии, а остальная Финляндия, завоеванная Россией, возвращена была Швеции. Со своей стороны, Россия выплачивала два миллиона ефимков по срокам, обязывалась не вмешиваться в домашние дела шведского королевства и не помогать никому в достижении наследственных прав, вопреки воле чинов государства; все военнопленные освобождались без выкупа, кроме добровольно принявших в России православную веру. Трактат подписан был с русской стороны Брюсом и Остерманом, а с шведской – графом Лилиенстедтом и бароном Стрельфельдом. Молодой герцог голштинский должен был отказаться от надежды получить шведскую корону при пособии России. Находясь в то время в Петербурге, он должен был удовольствоваться доводами, сообщенными ему от имени царя Шафировым, о невозможности Петру вести далее его дело. Герцог должен был участвовать во всеобщем торжестве России, показывая удовольствие об окончании пролития крови как русской, так и шведской.

22 октября в Петербурге в соборной церкви Св. Троицы отправлялось торжество мира, окончившего долголетнюю и тяжелую Северную войну. Сначала прочитан был мирный трактат, потом архиепископ псковский изрек поучение, вслед за тем канцлер Головкин проговорил государю речь, после которой все бывшие тут сенаторы воскликнули: «Виват, виват, Петр Великий, отец отечества, император Всероссийский!» Обильная пальба из петербургской крепости, адмиралтейства, судов, стрельба из ружей, производимая 23 полками, все возвещало всеобщую радость. Петр говорил: «Зело желаю, чтоб наш весь народ прямо узнал, что Господь прошедшею войною и

заключением мира нам сделал. Надлежит Бога всей крепостью благодарить; однако, надеясь на мир, не ослабевать в воинском деле, дабы с нами не так случилось, как с монархией греческой. Надлежит трудиться о пользе и прибыли общем, который нам Бог кладет перед очами как внутрь, так и во вне, отчего облегчен будет народ». Торжественный праздничный обед устроен был в здании сената; к обеду приглашенных было до тысячи персон. По окончании стола был бал, продолжавшийся до ночи, а ночью фейерверк, изображавший храм Януса, из которого появился бог Янус с лавровым венком и масличной ветвью; из крепости дана была тысяча выстрелов, и вся Нева иллюминирована была потешными огнями. Царский пир окончился в три часа ночи «обношением всех гостей преизрядным токайским». Для простого народа устроены были два фонтана, из которых лилось белое и красное вино. Меншиков и два архиерея, от имени сената и синода, за все попечения и старания о благополучии государства, за то, что государь «изволил привести Всероссийское государство и народ в такую славу через единое свое руководство», просили царя принять титул «Отца Отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого». Государь отрекался от этой чести и принял ее как бы по усиленному прошению сенаторов. Вслед за тем от сената установлена была форма титула: «Божьей милостью, мы Петр Первый, император и самодержец Всероссийский», а в челобитных: «Всепресветлейший, державнейший император, самодержец Всероссийский, отец отечества, государь всемилостивейший». Несколько дней после того продолжались веселые празднества. Царь устроил шумный маскарад, на который приглашено было более пятисот особ обоего пола. Сам царь со своей семьей участвовал в этом маскараде и был одет голландским матросом-барабанщиком, а Екатерина была одета голландской крестьянкой с корзиной в руке. Ее придворные дамы изображали нимф, пастушек, арапок, монахинь и шутов. Шутовской князь-кесарь был одет в горностаевой мантии и окружен слугами в старорусской боярской одежде, а его жена явилась в красном, вышитом золотом, летнике, с толпой женщин в одежде старых боярынь. Князь-папа был на этом

маскараде со всем своим всепьянейшим собором. Веселое многодневное празднество в Петербурге было прервано 4 ноября большим наводнением Невы. Вода снесла мосты, опустошила с корнем деревья в садах, выбросила на сушу суда и шлюпки, затопила погреба и нанесла большие убытки купцам. Наводнения повторялись потом несколько раз, но уже не были так сильны, как в первый раз. Неизвестно, скольким человекам стоили жизни эти наводнения, но после них при дворе опять возобновились празднества, пиры, балы, концерты и великолепные разъезды по городу. Так было до самого отъезда царя в Москву.

По силе договора, всех шведских военнопленных приказано препроводить как можно скорее в военную коллегию, кроме поступивших на царскую службу или принявших православие. Шведов, женившихся на русских, но не принявших православия, приказано было отпустить в отечество без жен, давши им, однако, срок на год или на два одуматься и возвратиться в Россию<sup>16</sup>. По всей России приказано было праздновать торжество заключения мира молебствиями. В ознаменование своей радости 4 ноября император высочайшим указом объявил генеральное прощение всем осужденным, а также сидящим в тюрьмах за государственные долги, амнистия не простиралась только на осужденных за неоднократные разбои. Все каторжники, у которых не были вырваны ноздри, могли определяться на службу и жить где угодно в России; прочие оставались в Сибири, но на свободе; тех, которые тайною канцеляриею были сосланы в дальние города, приказано перевести в ближайшие. Попов и дьяконов, осужденных по суздальскому делу, соприкосновенному к процессу царевича Алексея, велено поставить у церквей в новопостроенных городах. Раскольников положено было оставить на прежнем основании, пока не обратятся в православие. В начале декабря царь со всем двором отправился в Москву, для чего велено было заготавливать подводы по дороге, а в самой Москве к царскому приезду построить трое триумфальных ворот: на Тверской, в Китай-городе у Казанского собора и на Мясницкой. Восемь дней шло празднество; устроено было катанье на санях,

на которых поставлены были изображения разных морских судов. Весь поезд начинался колесницею, на которой сидел Бахус; за этою колесницею ехали одни за другими сани в шутовской обстановке: те запряжены были медведями, другие – свиньями, третьи – собаками. Шутовской патриарх сидел на подобии трона и раздавал направо и налево благословения, а перед ним сидел отец Силен на бочке. Около колесницы патриарха ехали в кардинальских одеждах члены сумасброднейшего собора, сидя верхом на оседланных быках, а за ними следовал князь-кесарь в комическом виде, представлявший московского царя прежних времен. Сам царь Петр, одетый моряком, сидел на изображении двухпалубного фрегата, уставленного на санях, запряженных шестью лошадьми. За ним – 24 саней, связанных одни с другими, нагруженные людьми, представляли огромную змею. Далее ехала государыня в одежде фрисландской крестьянки, в сопровождении придворных, разодетых африканцами. Затем следовали сани за санями, на которых поставлены были изображения судов, и на них сидели вельможи и иностранные посланники, приглашенные гостями на праздничное торжество. Все были одеты в маскарадное платье китайцами, персиянами, черкесами, индейцами, сибирскими инородцами, турками и разными европейскими народами, всякого звания и сословия. Весь этот поезд отправился к Меншикову – во дворец Лефорта, и гости прогуляли так целую ночь. После этого праздника недели две сряду отправлялись подобные гулянья. Кроме царя, угощали гостей пирами, балами, маскарадами и фейерверками Меншиков и голштинский герцог, ухаживавший в то время за дочерью царя. Все дела остановились во время всеобщего гулянья.

23 декабря сенат с Синодом порешили именовать царицу Екатерину – императрицей, а царских дочерей цесаревнами.



## VI. Внутренние события после Ништадтского мира

После Ништадтского мира Петр последние годы своего царствования занимался с прежней энергией делами внутреннего устройства. 5-го февраля 1722 года был издан новый закон о престолонаследии, который, можно сказать, уничтожал в этом вопросе всякое значение родового права. Всякий царствующий государь, сообразно этому закону, мог, по своему произволу, назначить себе преемника. «Кому оный хочет, тому и определит наследство, и определенному, видя какое непотребство, паки отменить».

Почти одновременно (24-го января) издан был знаменитый указ, заключавший табель о рангах, послуживший основанием новому порядку государственной службы. И здесь видно было желание поставить верховную царскую волю выше всяких прав и предрассудков породы. Местничество давно уже уничтожилось; повышение личностей в служебной лестнице оставалось на произволе власти. Новый указ был дальнейшим развитием этого принципа, Петр не уничтожал преимуществ рождения вовсе, но выше их ставил достоинство государственной службы. Заслуги, оказанные в государственной службе, сообщали недворянину потомственное дворянское звание. Всем, считавшимся до того времени дворянами, вменялось в обязанность в полуторагодовой срок доказать, когда и от кого пожалована им дворянская честь; те, которые докажут, что их род пользовался дворянством не менее ста лет, получали дворянские гербы. Герольдмейстер должен был вести списки дворян, по именам и чинам, и вносить в эти списки их детей. Таким образом положено начало родословным книгам и герольдии. Царь предоставлял себе право жаловать недворян за службу дворянством и лишать его за преступление. По закону 24-го января 1722 года, вся государственная служба разделялась на воинскую, статскую и придворную, и в каждом таком разряде устанавливалась лестница из 14-ти ступеней. Воинская служба разделялась на 4 отдела: сухопутная – армейская, гвардейская, артиллерийская и морская. Верховный

чин или первый класс для всей армии, гвардии и артиллерии был генерал-фельдмаршал, для морских – генерал-адмирал. Ко второму классу принадлежали, как в армейской, так и в гвардейской службе, полные генералы от инфантерии и от кавалерии; в артиллерийской службе – генерал-фельдцейхмейстер, в морской – адмиралы прочих флагов. В третьем классе, в армии, гвардии и артиллерии, числились генерал-лейтенанты, генерал-кригскомиссар и кавалеры Св. Андрея, а в морской – вице-адмиралы. В четвертом, как в армии, так и в артиллерии – генерал-майоры; а в гвардии с этого класса начинается преимущество над армией: армейскому генерал-майору равнялся гвардейский полковник, в морской службе шаутбенахты и обер-цейгмейстер. В пятом – армейские бригадиры, оберштер-кригс-комиссар, генерал-привиантмейстер, в артиллерии полковник, в гвардии подполковник, а в морской – капитаны, командир над портом кроншлотским и некоторые хозяйственные должности. В шестом: в армии – полковники, в гвардии – майоры, в артиллерии – подполковники, в морской – капитаны 1-го ранга. В седьмом: в армии – подполковники, генерал-аудиторы и некоторые другие должности, в гвардии – капитаны, в артиллерии – майоры, в морской – капитаны 2-го ранга. В восьмом: в армии – майоры, генеральские адъютанты; в гвардии – капитан-лейтенанты, в артиллерии – инженер-майоры, в морской – капитаны 3-го ранга. В девятом: в армии – капитаны, в гвардии – лейтенанты, в артиллерии и в морской – капитан-лейтенанты. В десятом: в армии – капитан-лейтенанты, в гвардии – унтер-лейтенанты, в артиллерии и в морской – лейтенанты. Одиннадцатого класса не было, исключая для морской службы – секретари корабельные. Двенадцатого: в армии – лейтенанты, в гвардии – фендрики, в артиллерии – унтер-лейтенанты, в морской – унтер-лейтенанты и шкиперы 1-го ранга. Тринадцатого: в армии – унтер-лейтенанты, в артиллерии – штык-юнкеры, в гвардии и в морской не было этого класса. Наконец, четырнадцатого: в армии – фендрики, в артиллерии – инженер-фендрики, в морской – шкиперы 2-го ранга и констапели. В статской службе: 1-го класса был один

только канцлер, 2-го – действительные тайные советники, 3-го – генерал-прокурор, 4-го – президенты коллегий и тайные советники. Затем остальные классы, за исключением 11-го, которого вовсе не было, выражали разные должности гражданской служебной деятельности, и в этом отношении табель Петра имела несколько другой смысл, чем та, которая удержалась до нашего времени и представляет сходство с современной только по принадлежности должностей, размещенных в их достоинстве по лестнице классов. Придворные должности, начиная со 2-го класса, к которому принадлежал обер-маршал, шли также на 14 степеней, но, за исключением 10-го и 13-го, выражали собой придворные обязанности, в иных случаях постоянные, как, например, тайный кабинет-секретарь, лейб-медик, в других – относившиеся только к придворным церемониям, например, обер-шенк, камергеры. «Ранг» при Петре означал право на известную почесть, и всякий, кто самовольно займет место, дающее ему право на почесть выше его ранга, подвергался вычету двухмесячного жалованья или же уплате той суммы, которая равнялась жалованью, получаемому другими, равными ему по рангу, лицами. «Сие осмотрение каждого ранга не в таких случаях требуется, когда некоторые яко добрые друзья и соседи съедутся или при публичных ассамблеях, но токмо в церквях при службе Божьей, при дворовых церемониях, при аудиенциях послов, в торжественных столах, в чиновных съездах, при браках, погребениях и тому подобное». Так пояснял значение рангов государев указ. И женский пол пользовался подобным отличием по рангам. Замужние женщины считались в рангах сообразно своим мужьям, а девицы сообразно своим отцам, но между замужними и девицами устанавливалось отношение, дававшее преимущество первых перед последними. Например, девицы, дочери отцов 1-го ранга, до своего замужества, считались выше тех замужних, чьи мужья состояли в 5-м ранге, дочери отцов 2-го ранга считались выше жен чиновников 6-го ранга. У фискалов теперь явилась новая обязанность – наблюдать, чтобы все пользовались почетом сообразно своему рангу и не присваивали себе высшего почета. В статской службе

потомственное дворянство давали первые 8 классов, а в военной – все (как штаб и обер) офицерские чины.

Каждый должен был иметь свой убор, ливрею для служителей и экипаж сообразно своему рангу. «Понеже знатность и достоинство какой особы часто умаляется, когда убор и прочий поступок чем не сходствует».

Этот новый закон устанавливал порядок должностей, но предоставлением разных почетов по чинам вводил в общественную жизнь пустое чванство и самопредпочтение, тем более достойное порицания, когда, по общечеловеческой слабости, чины не всегда могли достигаться по достоинству и заслугам, а часто могли добиваться в силу связей, пролазничества и низкопоклонства младших перед старшими.

Так как Петр желал поставить государственную службу выше предрассудков породы, то и другие, следовавшие затем, узаконения Петра носили тот же характер. 27-го апреля 1722 г. состоялся указ о цехах, приводивший в порядок ремесленных людей. Закон этот заимствован, как и все учреждения и нововведения Петра, из чужеземных образцов. Ремесло или занятие собирало всех, занимающихся им, в одну корпорацию, называемую цехом (польское слово, с немецкого *Zunft*). Все могли свободно вступать в цех: не запрещалось это и крепостным. Цехи находились под управлением выборных ольдерменов или старшин из настоящих мастеров. Всяк, занимавшийся каким-нибудь мастерством, должен был являться к ольдермену, подвергнуться от него испытанию и получать свидетельство на звание мастера. Только мастерам, получившим такие свидетельства, дозволялось выпускать в продажу свои произведения с наложением своего клейма. За продажу без наложения клейма брались большие штрафы, а старшина за неправильную выдачу свидетельства или за неправильное клеймение, после двухкратного штрафа подвергался ссылке на галеры. Старшина имел право приказывать вновь переделывать представляемое ему для одобрения произведение мастера или же уничтожать его вовсе, когда находил негодным. В цехи принимались и иностранцы, но

те из них, которые приняли православную веру, лишались права отъезда за границу.

Царь ограничивал до некоторой степени произвол старейших над меньшими, родителей над детьми и владельцев над рабами. Узнавши, что родители принуждают к браку своих детей, а господа рабов, он (5-го января 1724 года) постановил, чтобы перед венчанием родители и господа вступающих в брак давали присягу, что они не неволят к браку, первые – детей, а последние рабов. Царю стало известно, что сыновья помещиков делались их наследниками по правам рождения, хотя бы по своим умственным качествам представляли полную неспособность пользоваться родительским достоянием. Несмотря на глупость таких богатых людей, многие, ради их богатства, отдавали за них дочерей: глупцы расточали свое богатство и управляли жестоко своими подданными. Царь приказал всем, у кого есть такие «дураки» в семье, подавать о них сведения в сенат. Сенат обязан был их свидетельствовать, и если находил негодными ни к учению, ни к службе, то запрещал жениться, а девицам выходить замуж, самых же «дураков и дур» отдавал ближним родственникам для прокормления.

Для устройства быта сельского сословия в этот период Петровой деятельности не видим ничего важного. На крестьян смотрели как на рабочую силу, годную государству для снабжения войска рекрутами и для содержания размещенных по империи войск; с последней целью и была учреждена ревизия и подушная подать. Установилась паспортная система (указом 26 июня 1724 года). Крестьяне могли брать отпуска для своего прокормления за рукой помещика или приказчика только в своем уезде и не далее 30 верст; если же отлучались в другой уезд, то должны были от земского комиссара брать вид вместе за подписью начальника полка, постоянно квартировавшего в том уезде, или от офицера, которому начальство этого полка поручало такие дела.

С учреждением Синода явился ряд замечательных узаконений по устройству церкви.

Указом от 22 февраля 1722 года священнические убылые места велено замещать по выбору прихожан, а кандидатов представлять архиереям. Последние должны были давать ставленникам книжицы о вере и христианском законе, а перед посвящением заставляли их проклинать все раскольничьи секты и согласия, и давать присягу, что они не будут укрывать таких раскольников, которые обнаружат свое отщепенство от веры удалением от исповеди и св. причащения. Обыкновенно ставились на священнические места дети духовных, но 4 апреля 1722 г. Синодом указано всех детей церковно- и священнослужителей, если они не будут ходить в школы, записывать в оклад наравне с прочими крепостными крестьянами того села, где они жили. В старину было принято, что вдовые попы и дьяконы не могли сдаваться на приходах, но шли непременно в монахи; царь (указ 30 апреля 1724 года) побуждал тех из них, которые сами учились в школах, вступать во вторичный брак и быть учителями духовных училищ. Священники обязаны были надзирать, чтоб их прихожане посещали церкви в воскресные дни, в дванадесятые праздники, в дни рождения и именин государя и государыни, в день полтавской победы и в Новый год 1 января. С этого времени священник делался слугою государственной власти и должен был ставить интересы ее выше церковных правил. Указом 17 мая 1722 года вменено в обязанность всем духовным отцам доносить о тех лицах, которые на исповеди сознаются, что они имели злой умысел против государя. Те, на кого последовал такой донос, отсылались в тайную канцелярию, но и доносителей требовали туда же, только под «честным арестом». Кто отступал от православия или детей своих крестил в иную веру, тот от Синода подвергался увещанию, если же увещания не действовали, то отдавался суду сената, а сенат предавал его воле государя. Еще прежде велено было упразднить все домашние церкви, но в 1722 г. дозволено было престарелым персонам иметь в домах церкви, однако не иначе как с особого синодального позволения и с тем, что после смерти этих особ антиминсы будут взяты в Синод и самые церкви уничтожатся. Петру не нравилось, что в России много церквей, особенно их

изобилием славилась Москва; и он приказал там переписать их, обозначить время их основания, показать число дворов, состоявших в каждом приходе, и расстояние одной церкви от другой, а затем все лишние церкви упразднить. Постановлено было, чтобы вообще в приходе было от двухсот до трехсот дворов, и где было только двести дворов, там полагался один священник, а где было дворов более – там два священника. Указ 30 апреля 1722 года запрещал строить церкви во имя икон Богородицы, например Владимирской, Казанской и т. п.; можно было основывать храмы Богородицы только в честь какого-нибудь богородичного праздника, например, Благовещения, Рождества и т. д. Изданы были разные правила о благочинии в храмах. Издавна по обычаю благочестивые люди приносили в церковь собственные иконы и там молились перед ними. 31 января 1723 года Синод запретил такой принос в церковь домашних икон и велел все находившиеся уже в церквях возвратить хозяевам. Запрещено также привешивать разные вещи к образам в церквях, как-то: монеты и т.п., а где такие вещи найдутся, то следовало продать их, и вырученные за них деньги употребить на покупку чистой пшеничной муки для просфор и на церковное вино; но если в числе привесок найдутся старые монеты и разные старинные вещи, то доставлять их в Синод. Богатые люди держались обычая приглашать духовенство служить в своих домах вечерни и заутрени. И этот обычай Петр велел Синоду запретить, находя, что он происходил от суеверия и тщеславия богатых, которые «хотят разниться от прочей христианской братии». 29 июля 1723 года Синод указал во время богослужения в церквях сбор подаяний собирать в два кошелька: в один – на церковные нужды, а в другой – на содержание больных и неимущих в госпиталях<sup>17</sup>. Духовные часто вели себя неприлично: неблагочинно отправляли богослужение, напивались пьяными до того, что валялись по улицам, сошедшись где-нибудь на обеде или поминках, ссорились между собою по-мужичьи, таскались по кабакам в безобразном виде и показывали свою храбрость в кулачных боях. Все это строго воспрещалось. Царь заметил (18 апреля 1724 года) Синоду, что русские всю надежду

кладут на церковное пение, пост, поклоны и на приношение в церковь свеч, ладана и проч. Он приказал написать книгу, где бы изъяснялось различие между неперменным законом Божиим и тем, что составляет предания отеческие и что учреждено только для обряда. Написать эту книгу следовало двояким способом: для поселян и для горожан. Царь хотел ознакомить русских с другими вероисповеданиями и иными верами и приказал в начале 1723 г. перевести лютеранский и кальвинский катехизисы на русский язык. В то же время прилагалось старание о размножении православных. Иноверцев Казанской губернии, изъявивших желание креститься, не велено брать в солдаты. В 1724 году сибирский архиерей доносил, что в Сибири новокрещенных татар отдали в холопство; царь приказал немедленно их объявить свободными, а сибирскому губернатору, вместе с тобольским архиереем, – учинить розыск о том, кто этих татар обратил в неволю. Октября 10-го 1723 года состоялся важный указ, сохранивший свою силу и до настоящего времени: не погребать умерших при церквях, а погребать их только на кладбищах или в монастырях.

В течение 1722 и 1723 годов давались распоряжения о монастырях, служившие как бы предварительными узаконениями к полному преобразованию иноческого чина, предпринятому позже. Запрещено были заводить новые скиты и монастыри. Запрещалось постригать военных людей без увольнения их начальства, крепостных без отпускного письма их господ, лиц, состоящих в брачном союзе, когда другое лицо еще находилось в живых, детей – без воли родителей, или по обещанию, данному заранее родителями, посвятить детей своих в иноческий чин, наконец, вообще всех недостигших тридцатилетнего возраста. Женские монастыри становились совершенно ни для кого непроницаемыми заведениями. В некоторых женских монастырях были св. мощи и чудотворные иконы, привлекавшие туда народные толпы: теперь приказано было помещать их в церквях, построенных на монастырских воротах с крыльцами, выходящими за пределы монастырской ограды. Богомольцы лишены были, таким образом, всякого предлога вступать во внутренность женского монастыря.



Новые подробные правила о монастырях были начертаны 31 января 1724 г. За основу взято такое положение: в древности монастыри насыщались не чужими трудами, а собственными, но потом ленивые монахи и ханжи стали ложно толковать слова Христовы. Иные из них подделались к греческим императорам, а более всего к их женам, и стали заводить монастыри не в пустынях, а в многолюдных городах, и много имений перешло в их руки. На Руси делалось то же. Но у нас климат не позволяет оставаться без труда, и монастырей нельзя содержать так, как в теплых краях. В настоящее время большая часть монахов тунеядцы и только по наружности как будто хотят угождать только Богу, отрекаясь от мира; на самом же деле они уходят в монастыри ради доброго и привольного житья. Большая часть монахов – из поселян, которые, постригаясь в монашество, избегали тройных повинностей: государству, помещику и своему дому, и находили в монастыре все готовое. Они бежали от труда, чтоб даром хлеб есть. Но монашество нельзя уничтожить; во 1-х, для удовлетворения совести желающих монашеского житья; во 2-х, ради посвящения архиереев, потому что давно уже вошло в обычай, чтоб архиереи были из монахов, хотя 300 лет после Христа и не так было. С таким основным взглядом на иночество положено расписать по монастырям отставных солдат и всяких убогих, не могущих работать; монахи должны им служить, а тем из монахов, которые окажутся лишними за числом служащих, отвести монастырские земли для обработки. В женских монастырях велено воспитывать подкидышей или сирот, остающихся без призрения – мужского пола до 7 лет, после чего отдавать в школы, а девочек оставлять в монастырях и там обучать грамоте и разного рода рукодельям, сделав, однако, для мальчиков и девочек особые помещения с особыми ходами.

С целью подготовки из монашеского звания архиереев, предположено устроить в Петербурге и в Москве семинарии, где могли они сначала обучаться, а потом заниматься обучением других до 30 лет своего возраста. Затем желающие могли вступать в Невский монастырь на испытание, а через три года быть пострижены. Постриженные должны были находиться там

в виде упражнения, проповедовать в Невском монастыре и в соборных церквях и переводить книги. Каждый день они должны были находиться четыре часа в библиотеке, для изучения учителей церкви. Они жили под начальством архимандрита и директора, с лучшим содержанием против обыкновенных монахов, а за дурное поведение отсылались в простые монастыри, в больничные служители. Из этих-то привилегированных иноков выбирали архиереев и архимандритов, но не иначе как с утверждением государя по синодскому докладу. Для заведования монастырями и их имениями в 1724 году 18 сентября учреждена была камер-контора, которая обязана была делать раскладку, сколько в каждом монастыре можно было содержать нищих, сирот и монахов. Монастырские доходы положено было разделить на 5 частей: одна часть предназначалась монастырским чиновным людям; две – на церковные потребности и на починки; третья разделялась на 3 части – две трети шло на больницу, одна треть прислуживавшим монахам; затем четвертая часть доходов – на содержание постелей, белья и больных, а пятая – на престарелых, сирот и младенцев.

Петр, с обычною своею жестокостью, и теперь продолжал вести борьбу со множеством суеверий, укоренившихся издавна под покровом святости. В 1722 году, за распространение всякого нового суеверия или вымышленного чуда, государь велел ссылать в вечную каторжную работу, с вырыванием ноздрей. 17-го мая того же года было вменено в обязанность священникам доносить о том, кто у них сознался на исповеди, что вымыслил чудо, принятое народом за истину. В указе 11-го июля того же года Синод обличал глубоко укоренившееся в русском благочестии мнение, что страдания приятны Богу. Это учение, как известно, поддерживало в народе ревность к расколу, и по этому-то поводу, главным образом, Синод счел нужным опубликовать свое увещание, в котором объяснял, что, по слову Христа, страдания могут быть приятны Богу только тогда, когда совершаются правды ради, т. е. за догматы и закон Божий, но «такового правды ради гонения в российском государстве опасаться не подобает». Синодальный указ

замечал, что являются люди, считающие богоугодным делом злословить власти и славиться своим мнимым мужеством. Указывался на свежий тогда пример монаха Варлаама Левина с его товарищами. Левин был полоумный изувер, страдавший меланхолией и падучею болезнью. Он служил прежде в военной службе, потом шатался странником; признанным раскольником он не был, но отличался некоторыми старообрядческими чертами благочестия. Он постригся на своей родине в Пензе, а потом, из желания пострадать за правду, вышел на площадь в Пензе и всенародно кричал, что Петр антихрист и скоро начнет налагать на всех клейма между указательным и большим пальцем руки, а после того последует преставление света. Несчастного сумасброда, по доносу одного из посадских, потащили в тайную канцелярию, привлекли к его делу нескольких попов, бывших его духовными отцами, и в том числе духовника князя Александра Даниловича Меншикова, Никифора Лебедку. Обвиняемых предали жестоким пыткам и в июле 1722 года приговорили к смертной казни.

Мысль о богоугодности страдания не искоренялась в русском народе от синодских увещаний, напротив, чудовищно проявлялась множеством случаев добровольного сожжения раскольников, застигнутых преследованием правительственных властей. Таких примеров в те времена было очень много, а особенно в Сибири, и они тем более располагали Петра к суровым мерам против раскола, в котором он видел выражение народного противодействия своим намерениям. Правительство не хотело знать раскольнического крещения, и обращающиеся из раскола в православие, хотя бы они были крещены, но от простого мужика, а не от духовного лица, вновь подвергались обряду крещения. Крестить детей у раскольников приказано не иначе как православным обычаем. При совершении браков раскольников с православными, с первых прежде брали обещание под присягою об отречении от раскола, а если женатые заявляли себя уже состоящими в раскольничьем браке, то их допрашивали, кто их венчал, и в случае заpirationства брали в розыск. Кроме двойного оклада в казну, раскольники обязаны были еще платить приходскому

священнику по гривне с души, да, сверх того, по гривне от рождения, по гривне от брака и по гривне от погребения, хотя бы по нежеланию раскольников не были над ними исполняемы эти обряды; раскольниками государь приказал считать не только тех, которые откровенно объявляли себя состоящими в расколе, но записывать в число раскольников и тех, которые, посещая церкви и не уклоняясь от исповеди и причащения, клали на себе двухперстное крестное знамение. Обвиненные по суду раскольники наказывались ссылкой в каторжные работы в Рогервик. Зато самый заклятый раскольник, принимая православие, освобождался от двойного оклада и от всяких поборов, взимаемых с раскольников, хотя бы за ним числились этого рода недоимки за многие годы. Синод преследовал раскольничью литературу и октября 15-го 1724 года указал раскольничьи книги и тетради доставлять духовным властям, которые, в свою очередь, должны отсылать их в Синод.

В 1722 году опять повторилось преследование бород. Все бородачи должны были носить особый зипун, со стоячим клееным козырем, или однорядку с лежащим ожерельем. Раскольники, для отличия от обыкновенных бородачей, должны были носить козырь красный. За бороду следовало платить 50 рублей. Если кто придет в судебное место с бородою, не в указном платье, от того не принимали челобитных и тотчас с него взимался штраф 50 рублей, хотя бы он уже заплатил прежнюю годовую плату. Всякий, увидавши бородача не в указном платье, мог задержать его и вести к коменданту или воеводе для взятия с него штрафа, из которого половина давалась приводившему бородача. Только пашенные крестьяне не преследовались за бороды, когда не занимались постоянно промыслами. Если бородачу нечем было заплатить штраф, виновного ссылали на работу в Рогервик (Балтийский порт), а сибиряков на сибирские заводы, но сосланный отпускался на свободу, как скоро давал подписку, что обреет бороду и вперед не будет носить ее. Некоторые, с намерением избегнуть пени, назначенной за ношение бороды, подрезывали себе бороды, но не обривали совершенно (указ 12-го июня 1722 года). Однако этою уловкою не провели государя. Таких велено считать за

бородачей и одеваться им в указное платье, а караульным урядникам и солдатам приказывалось ловить их и представлять начальству в губернии и провинции; фискалам велено наблюдать за ними. В июне 1723 года оказалось множество бородачей из купеческого и мещанского звания, сидевших под караулом, потому что по бедности они не могли заплатить требуемого штрафа. Царь велел им всем выбрить бороды и освободить на поруки. В 1724 году, для отличия бородачей, придумали обязать их носить медные знаки, а женам опашни и шапки со старинными рогами.

Не ослабевали в последние годы царствования Петра его заботы о народном образовании. В 1724 году в инструкции, данной магистратам, этим городским учреждениям вменено в обязанность учить читать, писать и считать детей не только зажиточных, но и бедных родителей и с этою целью устроить при городских церквях школы. Но это оставалось только в предположении. Школ не заводили. В Голландию были посланы, для изучения архитектуры, несколько молодых людей. Осенью 1724 года по их донесению, что им нечего было делать, велено было собрать их вместе и учить разведению, содержанию и украшению огородов, а по мере надобности и железному делу. После поездки Петра в Париж и знакомства с французскими учеными, у него родилась мысль составлять ученые описания, касающиеся своего отечества, и он разослал учеников Петербургской морской академии по губерниям, для составления географических карт, а губернаторам и воеводам предписал надзирать за ними и оконченные работы присылать в сенат и камер-коллегию. Плоды этого дела вышли в свет уже после кончины императора, когда был издан первый русский атлас. Двух навигаторов Евреинова и Лужина царь отправил в отдаленные места Сибири, между прочим, для решения вопроса: соединяется ли Америка с Азией. При содействии одного из поселившихся в Сибири шведского пленного, голландца Буша, эти царские посланные посетили Камчатку, Охотск и плавали между Курильскими островами, но вопроса о соединении Америки с Азией они не решили, и Петр, незадолго до своей кончины, отправил с этою же целью другую

экспедицию – знаменитого Беринга, совершившего свое путешествие через пролив, оставшийся в географии под его именем, и вернувшегося из своего путешествия уже при преемниках Петра. Петр в это же время отправил в Сибирь доктора Мессершмидта «для изыскания всяких «раритетов», вещей, зверей, трав, руд и прочее». Этот ученый немец не знал ни слова по-русски, объяснялся только через переводчика и потому встречал большие затруднения. «Кого ни спрошу, – доносил он, – всяк отговаривается неведением». Тем не менее этот путешественник нашел «удивительного зверя»: мамонтову голову, два рога, часть его зуба и кость ноги и привез в Петербург, со многими естественными достопримечательностями, монгольские, тунгузские и китайские рукописи.

Петр давно уже сознавал необходимость переводов с иностранных языков книг, касавшихся разных наук и искусств, нередко поверял эти переводы духовным лицам, получившим воспитание в киевской коллегии. Но оказалось, что иные из них брались за перевод, не зная или языка, с которого переводили, или самого художества, о котором шла речь; царь приказывал таких переводчиков отдавать учить либо языку, либо художеству, смотря по тому, в чем переводчик оказывался слаб. Из замечательных переводов, появившихся в конце царствования Петра, следует упомянуть: «Введение во всеобщую историю Самуила Пуффендорфа», переведенное с латинского Гавриилом Бужинским. Тем же Бужинским переведено сочинение «Theatrum historicum», под названием «Феатрон, или Позор исторический». Сочинение это в подлиннике написано было в протестантском духе и потому переведено на русский язык с некоторыми замечаниями. Еще прежде в 1719 году в молодой русской литературе явился перевод церковных летописей Барония, с католическим направлением. По царскому повелению переведена была в 1723 году и напечатана «История о разорении Иерусалима Титом и о взятии Константинополя турками». Кантемиром составлена была книга: «Система или состояние магометанской религии», а для руководства в математико-навигационных школах

переведены были с голландского языка «Горизонтальные северные и южные широты». Более важное значение имел для современников перевод с написанной по-итальянски рагузинским архимандритом Мавро Урбином «Историографии початие имене, славе и расширения народа славянского». Перевод этот, как думают, сделан был Саввою Владиславичем Рагузинским. С польского языка переведено было собрание образцов древнего красноречия, под названием «Апофегмата». Одною из характеристических особенностей тогдашней литературы были календари или месяцесловы, в которых, кроме астрономических сведений, были известные астрологические бредни, которым в те времена верили. Заботясь о введении между русскими приемов европейского обращения, Петр приказал в 1719, а потом в 1723 году, напечатать книгу: «Юности честное зерцало, или показание житейского хождения». Это был переводный сборник разных правил о благопристойности в обращении с людьми.

16 февраля 1722 года государь повторил прежнее предписание о собрании и доставке в столицу старых русских летописей и хронографов. Только на этот раз царь обращался уже не к светским властям как прежде, а к духовным, и приказывал посылать уже не списки, а самые оригиналы, не в сенат, но в синод, и там переписать их. По окончании шведской войны, государю пришла мысль составить ее историческое описание, не без того, что Петром руководило самолюбивое желание увековечить в потомстве славу своих деяний. Сам государь каждую субботу посвящал утро этому делу, вписывая в хронологическом порядке известия о сражениях, победах и потерях русских войск и о разных внутренних учреждениях, начатых в его царствование. В 1723 году государь поручил ведение этого дела барону Гюйссену, изъявляя желание, чтоб «история эта при жизни государя в совершение пришла». Тем же занимались Шафиров и Феофан Прокопович, обращая внимание, по воле Петра, преимущественно на войну со Швецией. Театра Петр не любил, хотя и не преследовал его, зная, что его допускают и покровительствуют в европейских государствах. Театр при Петре существовал в Москве в самом

жалком виде. Из переводных драматических произведений того времени указать можно на перевод дон Жуана с польской переделки и на перевод Мольеровой комедии «Prйcieuses ridicules», названной по-русски «Драгия смеяныя». Оба плохи. Но Петр, равнодушный к театру, любил всякие торжества, празднества и восхваления собственных подвигов. От этого в его царствование печатались разные слова, поздравительные речи и песнословия, прославлявшие подвиги великого государя.

Указом января 27-го 1724 года повелено устроить академию наук, «где бы учились языкам, наукам и знатным художествам». Академия предполагалась таким заведением, где бы ученые люди публично обучали молодых людей наукам, а некоторых из них воспитывали бы особо при себе с тем, чтоб те, в свою очередь, могли обучать молодых людей первым основам знаний, стараясь, чтоб от этого имели пользу вольные художества и мануфактуры. Академия разделялась на три класса. В первом преподавали бы 4 персоны: одна математику, другая – астрономию, географию и навигацию, третья и четвертая – механику. Второй класс, физический – с 4 персонами – преподавателями анатомии, химии, физики теоретической и экспериментальной и ботаники. Третий класс – с 3 персонами, которые преподавали: элоквенцию, древности, древнюю и новую историю, натуральное и публичное право, политику и этику; полезным считалось преподавание экономии. Академики должны были изучать авторов по своей науке, рассматривать новые изобретения и открытия. Каждый академик должен был написать курс своей науки по-латыни с переводом на русский. При академии следовало завести библиотеку и натуральных вещей камеру, иметь своего живописца и гравировального мастера. Три раза в год в академии должны происходить публичные ассамблеи, на которых один из членов должен читать речь по своей науке. На содержание академии определены доходы с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга, всего 24912 рублей. Но академикам, в видах улучшения их обстановки, предоставлялось читать еще и партикулярные лекции. Петр заметил, что ученые люди, занятые своей наукой, мало



заботятся о жизненных средствах, поэтому предполагал необходимость таких лиц, которые пеклись бы о материальных нуждах ученых: с этою целью он положил учредить директора, двух товарищей и одного комиссара, заведывавшего денежной казной. Самостоятельный университет, в смысле высшего учебного заведения, признавался невозможным в России, пока в ней не существовало еще среднеучебных заведений: гимназий и семинарий. Петр, однако, тогда же объявил о намерении учредить со временем университет с тремя факультетами: юридическим, медицинским и философским, а при университете – гимназию.

Ревизская перепись, начатая в 1718 году, была совершенно окончена к 1722 году. Оказалось, что во всех 10 губерниях и 48 провинциях было дворов 888244. Самая населенная губерния была Московская – 259281 двор. В дополнение велено было, указом 10 мая 1722 года, сделать перепись малороссиянам слободских полков, поселенным на помещичьих землях, но объявивши им, что они переписываются только для сведений, а не для поборов. Инородцев – астраханских и уфимских татар, как равно и сибирских ясачных и лопарей, ревизская перепись не касалась вовсе.

По окончании ревизии введена была подушная подать (11 января 1722 года) по 80 копеек с души на 500000 крестьян и деловых людей. Все, которые были не за помещиками, но входили по ревизии в подушный оклад, обязаны были платить еще прибавочных 4 гривны с души; дворовые люди не принимались в раскладку по сборам. 26 июня 1724 года были установлены правила, которыми надлежало руководствоваться при взимании подушной подати. Подушные деньги собирались выборными от местного дворянства в три срока в течение года; в первые два срока по 25 коп., а в третий срок по 24 коп. Комиссары, собиравшие подати, брали по одной деньге с души на себя за свой труд. С крестьян, вышедших в подушный оклад, положено не править недоимок (ук. янв. 25-го 1725 г.).

Лица, посланные по государеву повелению в губернии, должны были созвать дворян и расписать поставленных по селам и деревням солдат, разместивши их сообразно

количеству крестьянских душ, так, чтоб на каждого пешего приходилось крестьянских 35 1/2 душ, а на конного – 50 1/4 душ. Дворянам объявлено, что они будут платить со всякой души мужского пола на содержание войска 8 гривен.

Затем повторены прежние распоряжения о постройке слобод на известном расстоянии одна от другой для избежания постоев солдат в крестьянских дворах. Составлены были более подробные правила об отношениях к помещикам и крестьянам войсковых команд, стоявших на квартирах. Военные не должны были вмешиваться в помещичьи работы, могли пасти лошадей и рубить дрова только там, где помещик укажет. Офицерам и рядовым позволялось держать свой скот, но они не должны были требовать от помещиков фуража. Полковник и офицеры должны наблюдать, чтобы крестьяне, приписанные к их полкам, не бегали, а если проведуют о намерении бежать, то должны посылать в погоню и пойманных передавать помещикам для наказания; военные должны были также в тех округах, где квартировали, ловить разбойников и воров. Поставленных на вечные квартиры военных полагалось брать на канальные работы по мере близости их постоя, впрочем, выбирая для этого преимущественно из гарнизонов, а для пополнения гарнизонов определяя в то же время из армейских полков на место взятых. Кроме двухсот тысяч регулярного войска, таким способом размещаемого, царь в 1722 году велел из однодворцев южных провинций составить отряд конных гусар с карабинами и пиками, а в 1724 году из тех же однодворцев образовать 5187 человек ландмилиции (одного из 16-ти), ландмилиция эта распускалась по мере ненадобности в ней и собиралась вновь по востребованию. Это была мера охранения русских пределов от вторжения крымцев, и в тех же видах устраивалась на юге линия пирамид, вышиною в три сажени, на таком расстоянии одна от другой, чтоб можно было видеть с одной пирамиды все, что делается близ другой. На этих пирамидах ставились смоляные бочки и зажигались в случае тревоги, и таким образом на расстоянии нескольких сот верст мог сделаться известным татарский набег.

Рекрутская повинность, ложившаяся таким тяжким бременем на тогдашнее народонаселение, в конце царствования Петра расширилась: в 1722 году татары, мордва, черемисы, прежде освобождавшиеся от рекрутчины, сравнены были в этом отношении с другими жителями государства. Татар велено брать малолетних в гарнизоны и употреблять в денщики. В 1722 году был отменен закон, позволявший крепостным людям определяться в солдаты помимо воли помещиков, но в том же году опять возобновлен, однако с тем различием, что поступивших таким образом в службу велено засчитывать за рекрут их господам. Солдатские дети брались в рекруты, если оказывались годными (ук. янв. 19-го 1723 г.). Купечество не несло рекрутской повинности натурой, но платило 100 рублей за рекрута. Система подушного оклада, тесно связанная с установлением ревизии и новоучрежденным порядком воинского постоя, вместо облегчения народа, как обещалось, послужила источником большего отягощения для крестьянского сословия. Русские крестьяне попали под зависимость множества командиров и начальников, часто не зная, кому из них повиноваться. Каждый военный, начиная от солдата до генерала, помыкал бедным крестьянином; тормозили его фискалы, комиссары, вельдмейстеры, а воеводы правили народом так, что, по выражению одного указа, изданного уже по смерти Петра, «не пастырями, но волками, в стадо ворвавшимися, называться могут». Наконец, тяготела над крестьянством власть их помещиков, ничем почти не сдерживаемая и особенно тяжело отзывавшаяся там, где помещики не находились в своих имениях, а вместо них управляли крестьянами приказчики; «Можно всякому легко рассудить, – говорится в том же вышеприведенном нами указе, делающем обзор учреждений Петровского времени, – какая народу оттого тягость происходит, что вместо того, что прежде к одному управителю адресоваться имели во всех делах, а ныне к десяти и может быть больше. Все те разные управители имеют свои особливые канцелярии и канцелярских служителей, и особливый свой суд, и каждый по своим делам бедный народ волочит, и все те управители, так и их канцелярии и

канцелярские служители, жить и пропитания своего хотят, умалчивая о других беспорядках, которые от бессовестных людей, к вящей народной тягости, ежедневно происходят».

Продолжительные войны и всякие преобразования в государстве требовали денег более, чем сколько могло платить тогдашнее бедное народонаселение России. При всем усиленном старании увеличить государственные доходы, Россия получала пред концом царствования Петра от девяти до десяти миллионов ежегодного дохода. Недоимки прогрессивно возрастали, и в 1723 году они представляли следующие цифры: недоимка таможенных сборов доходила до суммы 402523 рубля, канцелярских и оброчных по смете назначалось собрать 714756, недобрано 309322 руб.; пчелиного налога, вместо следовавших 35414 руб., собрано только 15330 рублей; с мельниц, вместо 71704 рублей собрано 33696; с рыбных ловель, вместо 89083 рублей – 43942 руб.; с пашенных земель и сенных покосов, вместо следуемых по окладу 18812, собрано 7637 руб.; с мостов и перевозов, вместо 40469 руб. – 23598 рублей<sup>18</sup>.

Самые разнообразные окладные и неокладные налоги, существовавшие при Петре, не были поставлены в соответствие с действительною платежною способностью; оттого во все царствование Петра не переводились неоплатные должники казне. Еще прежде приказано было отправлять их на казенные работы, но закон этот не исполнялся: подьячие за взятки выпускали их на волю, а властям показывали, будто колодники ушли из тюрьмы; взыскание падало потом на тюремных сторожей. Государь (4 апреля 1722 года) указал предавать виновных подьячих смертной казни, если окажется, что они делали потачку колодникам. Подтверждалось, под опасением денежного штрафа, должников не держать в тюрьмах, а немедленно отправлять на галеры.

В последние годы царствования Петра в разных городах учреждены были (6 апреля 1722 года) вальдмейстеры для сбережения лесов. Главное внимание обращено было, как и прежде, на окрестности больших рек и озер, в особенности на линии от устья Оки вниз по Волге и по рекам, впадающим в Волгу; во всех дачах, чьи бы они ни были, запрещалось

владельцам рубить лес даже для собственных нужд. После тяжелых пеней за две последовательные порубки лесов, за третью следовало наказание кнутом и ссылка на галеры на 20 лет.

В 1722 году к предшествовавшим коллегиям прибавлено еще две: малороссийская и вотчинная. Первая была в Глухове и выражала собою орган центральной власти в крае, которому предоставлялись еще права отдельного самоуправления. Во вторую – стекались все дела о поземельных владениях, которые ведались до того времени в упразднявшемся тогда Поместном приказе.

С учреждением юстиц-коллегии по городам были определены зависевшие от этого учреждения судьи, и тем был положен как бы зачаток разделения власти административной от судебной. Но 12-го марта 1722 года такие судьи были отменены и правосудие в провинциях по-прежнему вверено было воеводам, творившим суд, вместе с двумя ассессорами из отставных офицеров или дворян. Там, где города отстояли верст на 200 и более один от другого, воеводы могли иметь еще лишних ассессоров и посылать их вместо себя, с правом судить до 20 рублей, а потом сумма была возвышена до 50. Надворные суды, где такие находились, не подчинялись ни губернаторам, ни воеводам. При всех беспрестанных нравоучениях Петра и угрозах за несоблюдение правосудия, продолжали совершаться дела, возбуждавшие гнев государя. И в 1722 году он приказал напечатать и выставить в сенате и во всех присутственных местах наставление о том, как следует обращаться с законами. «Всё законы писать, – говорится в том указе, – когда их не хранить или ими играть как в карты, прибирая масть к масти». Но предусматривая, что могут быть замедления и упущения и от малого понимания смысла законов и нововведенных учреждений, Петр в том же своем наставлении (17-го апреля 1722 г.) прибавил: «Буде же в тех регламентах что покажется темно или такое дело, что на оное ясного решения не положено: такие дела не вершить, ниже определять, но приносить в сенат выписки о том». Сенат обязан был «собрать все коллегии и об оном мыслить и толковать под

присягою, однако ж не определять, но, положа например свое мнение, объявлять государю». Вместо двух штаб-офицеров, находившихся прежде в сенате, наблюдателем над ходом дел в сенате назначался генерал-прокурор. Он должен был смотреть, чтоб все исполняли свое дело, протестовал, делал замечания и наставления, получал от фискалов донесения, предлагал их сенату и должен был смотреть за самими фискалами. Генерал-прокурор имел под ведением своим обер-прокуроров и прокуроров в областях. Это учреждение не подлежало никакому суду, кроме самого государя. Генерал-прокурор имел право арестовать сенаторов, поверять производимые ими дела иным лицам, но не имел права ни пытаться их, ни наказывать. «Сей чин, – говорится в указе 27-го апреля 1722 г., – яко око наше и стряпчий в делах государственных и на нем первом взыскано будет, если в чем поманит». Впрочем, генерал-прокурор не отвечал за ошибки, «понеже лучше дополнением ошибиться, нежели молчанием». Институт прокуроров сплетался с институтом фискалов. В коллегиях и надворных судах фискалы доносили прокурорам, а в случае медленности прокурора по этим доношениям фискал через своего обер-фискала доносил генерал-прокурору. Последнему каждый фискал мог подавать донос и на своего обер-фискала.

По-прежнему важнейшими делами считались те, которые прямо относились к оскорблениям чести государя. Кроме фискалов и прокуроров, всякому дозволялось подавать доносы о таких делах, надеясь за то царской милости, а за сокрытие чего-нибудь вредного государевой чести обещалась смертная казнь и отобрание в казну всего имущества. Поощряя доносничество, Петр, однако, в указе января 22-го 1724 г. заметил, что иные делали доносы, находясь сами под розыском, и положил таким доносчикам, в уважение к сделанному ими доносу, не облегчать наказания, следуемого за собственные их преступления, а приниматься за их донос, уже покончивши с ними самими. После указа о сжигании подметных писем, охотники к ним приискали другие способы их распространять; они разносили эти письма сами или передавали через прислугу. 9-го ноября 1724 года Петр отменил

прежний свой указ об истреблении подметных писем без их прочтения, а велено разносителей их представлять в полицейскую канцелярию.

В начале 1724 года состоялось новое положение, до этого времени не существовавшее: никто из служащих не мог отговариваться неведением закона. Военные люди должны были знать воинский артикул, а статские - генеральный регламент (25-го сентября 1724 г.). Никто не имел права отговариваться неведением, в какой суд обратиться по своему делу (13-го ноября 1724 г.).

Дела о злоупотреблениях должностных лиц по-прежнему влекли за собою мрачные и кровавые зрелища казней. В 1722 году производилось дело воронежского вице-губернатора Колычева: за ним открылись большие злоупотребления и лихоимства, начет на него доходил до 700000 рублей. Его наказали кнутом. Громче было дело о подканцлере Шафирове, человеке, давно уже пользовавшемся доверием государя. Возникло дело о том, что Меншиков, владея в Малороссии местечком Почепом, населил у себя много лишних людей и захватил в свое владение лишние земли. Шафиров в сенате был против Меншикова, вместе с Голицыным и Долгоруким. Обер-прокурор сената Скорняков-Писарев был за Меншикова против Шафинова. Вскоре этот человек, злобясь на Шафинова, придрался к нему по другому делу, в котором Шафиров покушался учинить незаконное постановление ради своих интересов: Шафиров хотел, чтобы брату его Михайлу, при переходе с одной службы на другую, выдали лишнее жалованье, и подводил его под закон об иноземцах. Скорняков-Писарев колко заметил ему, что Шафиновы не иноземцы, а жидовской породы, и дед их был в Орше «шафором» (домоправителем), отчего и произошло их фамильное прозвище. Колкое замечание раздражило Шафинова, а враг его, озлобившись пуще, через несколько дней опять зацепил его. В сенате слушалось дело о почте, – почтою управлял Шафиров. Обер-прокурор потребовал, чтобы Шафиров вышел из сенатского присутствия, потому что царский указ предписывал судьям выходить прочь из присутствия, когда слушаются дела,

касающиеся до них самих или до их родственников. Шафиров не послушался, обругал Скорнякова-Писарева вором, а потом наговорил колкостей канцлеру Головкину и Меншикову. Тогда оскорбленные сенаторы вышли из заседания сами и затем подали мнение, что Шафиров, за свои противозаконные поступки, должен быть отрешен от сената. Царя в то время не было; он находился в персидском походе, а возвратившись в январе 1723 года, назначил в селе Преображенском высший суд из сенаторов и нескольких высших военных начальников. Суд этот приговорил Шафирова к смертной казни. 15-го февраля 1723 года приговор должен был совершиться в Москве в Кремле. Когда в назначенный день осужденный положил голову на плаху, тайный кабинет-секретарь Макаров провозгласил, что государь, в уважение прежних заслуг Шафирова, дарует ему жизнь и заменяет смертную казнь ссылкой в Сибирь. Позор эшафота расстроил Шафирова до такой степени, что хирург должен был пустить ему кровь. «Лучше было бы, – сказал тогда Шафиров, – если бы пустил мне кровь палач и с кровью истекла моя жизнь». Потом самую ссылку в Сибирь царь заменил Шафирову отправкою на жительство в Новгород, вместе с его семейством. Шафиров, лишенный своего достоинства, жил там в крайней бедности и под строгим надзором; русские вельможи и даже иностранные министры посылали ему милостыню. Императрица Екатерина просила государя помиловать его. Петр был неумолим.

Но и Скорнякова-Писарева Петр тогда же отрешил от должности обер-прокурора, отобрал у него пожалованные деревни, однако в следующем году назначил его смотрителем работ на Ладожском канале. Двух сенаторов, державших сторону Шафирова, князя Долгорукого и Дмитрия Голицына, Петр наказал денежным штрафом и шестимесячным тюремным заключением, но через четыре дня простил их, по просьбе императрицы. Соблазнительная ссора Скорнякова-Писарева с Шафировым повлекла к новому закону о наложении штрафов за неприличное поведение в присутственном месте.

Обер-фискал Нестеров, который много лет отличался ревностным преследованием всяких злоупотреблений, наконец



и сам попался. Его оговорил ярославский провинциал-фискал Попцов, обвиненный в нарушении инструкции, данной фискалам, и за это после казненный смертью. Но после казни Попцова государь велел нарядить суд над Нестеровым; этот суд, состоявший под председательством генерал-прокурора Ягужинского, подверг Нестерова пытке и нашел, что Нестеров брал с Попцова взятки деньгами и вещами, брал взятки с других лиц по поводу определения их на воеводские места, наконец, брал и по кабачным откупам. На Нестерова нашли 300000 рублей. Нестеров был приговорен к смерти и казнен в январе 1724 года на площади против коллегий. Петр, любивший зрелища подобного рода, стоял у окна камер-коллегии. Старик Нестеров, взойдя на эшафот, увидел государя, поклонился и закричал: «Виноват». Но помилования ему не было оказано; палачи тотчас начали его колесовать – ломали сперва одну руку, потом ногу, потом другую руку и другую ногу; истерзанный еще был жив в страшных страданиях. Майор Мамонов, от имени государя, подошедши к нему, сказал, что ему отрубят голову и прекратят его мучения, если он все покажет. Нестеров отвечал, что он уже все показал. Его потащили к плахе и положили лицом в кровь, вытекшую из голов двух казненных перед ним товарищей, а потом отрубили голову. Головы казненных были воткнуты на железные колья; обезглавленные тела их навязали на колеса. Тогда с Нестеровым было казнено девять человек, еще несколько наказаны кнутом и сосланы на галерные работы, а четверем из них вырвали ноздри. Петр приказал согнать на эту казнь всех подьячих, дабы они видели, что бывает за злоупотребления по должности. Вслед за тем Меншиков, бывший до того сильным, что сенаторы, вздумавшие сопротивляться его воле, подвергались опасности потерять жизнь, принужден был, по делу о незаконном присвоении земель и людей к своему владению в Малороссии, повиниться перед Петром и просить «милостивого прощения и отеческого рассуждения». «Он в беззакониях зачат, во грехах родился и в плутовстве скончает живот свой», – сказал о Меншикове Петр, однако простил его и опять ездил к нему обедать и пировать.

В 1723 году возникло знаменательное дело о малороссийском наказном гетмане Полуботке и малороссийской старшине. Учрежденная в 1722 г. малороссийская коллегия, состоявшая из шести штаб-офицеров, под председательством бригадира Вельяминова, очень не понравилась малороссам, и гетман Скоропадский, находившийся временно в Петербурге, представлял царю, что таким поступком нарушается смысл договора с Хмельницким, по которому Малороссия соединилась с Россией. Петр не внял этой жалобе, а Скоропадский уехал на родину и скончался в июле 1722 года. До избрания нового гетмана, по старым малорусским обычаям, следовало назначить наказного гетмана из полковников, и таким наказным гетманом сделан был черниговский полковник Павел Полуботок. Петр недолюбливал его и не хотел, чтоб он был гетманом, а намеревался устроить в Малороссии другое правительственное учреждение, вместо гетманства. Не решивши вопроса о малороссийском правительстве, государь уехал в персидский поход. В его отсутствие старшина жаловалась в сенат на малороссийскую коллегия за то, что она, помимо старшины, рассылала по малороссийским полкам универсалы, в которых предоставляла черни, т. е. простым казакам и посполитому народу, приносить в коллегия жалобы на несправедливость и утеснения, причиняемые первым от казацких чиновников, а второму от их помещиков. Эти универсалы, как и надобно было ожидать, стали тотчас сигналом к беспорядкам. Крестьяне не повиновались помещикам, буйствовали, и одному из казацких старшин и помещиков Забеле нанесли побои. Полуботок со старшиною, в видах сохранения спокойствия, выдал со своей стороны универсалы, внушавшие крестьянам долг повиновения к владельцам тех земель, на которых крестьяне проживали. Этот поступок наказного гетмана и старшины был формально противен царскому указу, запрещавшему посылать универсалы без согласия с малороссийскою коллегиею, и тем более казался недозволительным, когда универсалы, разосланные Полуботком, по своему содержанию, прямо были направлены против универсалов коллегии.

По возвращении Петра в Москву из похода, прислана была из Малороссии царю просьба об избрании настоящего гетмана. Петр не исполнил желания малороссов, но издал указ о назначении в малороссийские казачьи полки, вместо выборных полковников, как было прежде, новых полковников из великороссов, а сенат по царскому приказанию секретно поручил Вельяминову побудить малороссиян просить у царя, как милости, чтобы суд в Малороссии производился по великорусскому Уложению и по царским указам. Затем Полуботка с генеральным писарем Савичем и генеральным судьей Чарнышем потребовали в Петербург к ответу. Здесь в тайной канцелярии сделан был им придиричивый допрос. Малороссияне оправдывали свою рассылку универсалов о повиновении подданных владельцам тем, что поспольство, возбуждаемое дозволением жаловаться на властей, начало уже волноваться: необходимо было остановить своеволие простонародия и не допустить до всеобщего мятежа. Кроме того, в тайной канцелярии Полуботку и старшинам показали разные жалобы, следовавшие на них от разных малороссов. Жалобы эти, лишенные улик, были совершенно бездоказательны; однако 10 ноября 1723 года государь приказал препроводить в крепость Полуботка, Савича и Чарныша с толпой казаков и служителей, приехавших с ними в Петербург. Петру, по политическим соображениям, как видно, хотелось обвинить малороссийских старшин в государственном преступлении: он был ими недоволен за то, что они добивались выбора гетмана и сохранения прав малороссийского края. Явилось письмо от черниговского епископа Иродиана к епископу псковскому Феофану. Иродиан писал, что слышал от какого-то Борковского о сношениях Полуботка с изменником Орликом, приходившим с ордою в Украину. Но розыск, сделанный об этом киевским губернатором князем Трубецким, по указу из тайной канцелярии, не привел дела в ясность: «понеже за страхом от Полуботка не объявляют правды». Петр отправил в Малороссию майора Румянцева, приказал ему собирать казаков и всяких людей и сказать им, чтоб они без всякой опасности для себя ехали обличать Полуботка; вместе с тем Румянцев должен

был заручиться от малороссийских казаков заявлением, что ни они, ни малороссийское посполство вовсе не желают избрания гетмана, что челобитная об этом государю составлена без их ведома старшиною, что они желают, чтоб у них полковниками были велико-россияне. Румянцев, оказавший уже Петру вместе с Толстым важную услугу доставкою из Неаполя беглого царевича, и теперь в Малороссии исполнил царское поручение так, как только мог угодить Петру. Он извещал, что в разных малороссийских городах он собирал сходки и везде слышал отзывы, что простые казаки не знают о челобитной, гетманства не хотят вовсе и очень довольны тем, что им назначают в полковники великоруссов, вместо природных малороссиян. Заключение в крепость малороссияне, Полуботок с товарищами, не были уже освобождены Петром. Полуботок умер в тюрьме, а товарищи его получили свободу уже при Екатерине<sup>19</sup>. Наши историки представляют это дело в таком виде, как будто Петр заступался здесь за многих обижаемых и утесняемых в Малороссии Полуботком и старшиною; но из дела не видно ни малейших доказательств виновности в чем бы то ни было этих лиц, и они представляются скорее жертвами государственных соображений правительства, желавшего всеми средствами уничтожить отдельную самостоятельность Малороссии и теснее соединить ее с другими частями империи.

Побеги в этот период времени не уменьшались, и распоряжения о беглых следовали прежним порядком. В 1722 году давался беглым срок добровольной явки на год, с объявлением помилования, если они воспользуются сроком. Однако охотников воспользоваться милосердием государя было немного. Народ толпами уходил за границу, и по указу 26-го июня 1723 года устроены были по границе заставы; польскому правительству написано было, чтоб оно, со своей стороны, назначило комиссаров для поимки и отсылки в Россию бежавшего в Польшу русского народа. Расставленные на границах драгунские полки не могли совладать с беглыми, которые уходили за рубеж с ружьями, рогатинами, и, встречая на рубеже драгунов, готовы были биться с ними, как с неприятелями; другие же толпами успевали проходить мимо

застав. Государь велел стрелять в упрямых беглецов. Беглые селились в Польше, а потом переходили за рубеж вооруженными шайками, били, мучили и грабили людей по дорогам; особенно во Псковской провинции они навели большой страх, тем более, что там была нехватка военных команд. Строгий для беглых во всех краях Руси, Петр делал в этом отношении послабление для Ингерманландии, которую хотел заселить русскими. Беглые крестьяне, поселившиеся в этом крае из других русских областей, не отдавались своим прежним помещикам. Если у владельцев были собственные земли в Ингерманландии, то беглые приписывались на эти земли, а если не было, то владельцам их позволялось продавать бывших в бегах тем помещикам, за которыми числились земли в Ингерманландии, или получать от казны за мужчину по 10 рублей, а за женщину по 5 рублей. Беглые всякого рода толпились во множестве в Пензенской, Тамбовской провинциях и на юге России – в Киевской губернии и на Дону. Многие из них показывали себя непомнящими родства; царь приказал таких отправлять в Петербург для поселения на ингерманландских землях, принадлежавших государю. Стараясь о развитии горного промысла, Петр дозволил на заводах принимать беглых крестьян, без отдачи прежним владельцам, с тем, чтоб эта льгота не простиралась на уклоняющихся от военной службы.

Побеги умножались тогда по причине голода, свирепствовавшего в России. Летом 1722 года был большой хлебный недород; люди стали умирать от голода, и царь, указом 16-го февраля 1723 года, приказал рассчитать, сколько нужно на год или на полтора каждому помещику для себя и для крестьян на обсеменение полей, а затем весь хлеб – отобрать и раздать неимущим на пропитание, однако с условием, чтобы последние после возвращали без всякой отговорки. Велено было отбирать хлеб у купцов и промышленников, которые скупали его для продажи по высокой цене; царь приказал этот хлеб продавать народу в Петербурге и в Москве так, чтобы, сверх покупной цены и пошлин, приходилось купцам, у которых отобрали этот хлеб, прибыли не более одной гривны на рубль. Придумали и другую меру для облегчения народного бедствия:

со всех служащих, исключая военных иностранцев, из получаемого ими жалования, вычиталась одна четверть. У губернаторов, вице-губернаторов и комендантов, владевших деревнями, велено было на время неурожая отобрать все их хлебное жалованье; упразднено было, сверх того, всякое двойное и прибавочное жалованье, хотя бы получаемое в виде наград сверх действительных окладов по чину. Но в августе того же года оказалось, что служащие в канцеляриях и коллегиях, не получая полного своего жалованья, пришли в крайнюю нужду, и потому сенат приказал выдавать им, за недостатком денег, сибирскими и прочими товарами, а вместо муки - рожью. По случаю голода, дозволено было привозить хлеб из-за границы, сначала за половинную пошлину, а затем совсем беспошлинно (указы июня 1723 г., 13-го января и 28-го августа 1724 года), и в силу такого дозволения в апреле 1724 года привезено было заграничного хлеба на 200000 рублей; русские купцы могли продавать повсюду, но брать прибыль для себя не более гривны с рубля за зерно и не более двух – за муку. Дороговизна хлеба продолжалась до конца царствования Петра и побудила устроить при камер-коллегии особую контору для принятия мер на будущее в случаях неурожая. Уже за две недели до своей кончины, Петр установил правила против повышения цен съестных припасов, охранявшие покупателей от стычек между алчными торговцами.

Между тем голод и побегі приводили к размножению разбоев. Летом 1722 года дошло до царя, что на Оке и на Волге разбойники убивают хозяев, грабят товары, а наемные работники на купеческих судах не только не обороняют своих хозяев, но еще сами подговаривают разбойников. Около самого Петербурга не было проезда за разбойничьими шайками, а одна из этих шаяк, доходившая, как говорят, до 9000, под командою отставного полковника, помышляла напасть на столицу, сжечь адмиралтейство и все военные склады и перебить всех иностранцев. Тридцать шесть разбойников были схвачены, посажены на кол и повешены за ребра.

Государь продолжал заботиться о заселении любимого Петербурга. В марте 1722 года приказано взять на житье в

Петербург из разных северных городов и уездов 350 плотников с их семьями; потом, для той же цели в 1724 году, приказано в Архангельске набрать 1000 семей плотников. 5-го января 1724 года царь указывал поселяться на Васильевском острове помещикам: они обязаны были строить себе дома, занимая разные пространства, сообразно количеству числящихся за ними по ревизии душ. Те, у кого было 5000 душ, должны были строить каменные дома на 10 саженьях, у кого было от 2500 душ - на 8 саженьях, у кого 1500 – на 5 саженьях, а те, у кого было от 500 душ, должны были строить мазанки или деревянные дома. Все они обязаны были приехать к будущей зиме и, под страхом лишения всего движимого и недвижимого, начать постройку. Каждый дом должен быть готов к 1726 году, под страхом конфискации половины имения. Вменялось в обязанность строящимся делать кирпич за собственный счет; каждый обязывался выработать не менее миллиона кирпичей, под опасением штрафа, равного цене полумиллиона кирпичей. Те, у которых были уже дома на Московской стороне и на Петербургском острове, должны были их продать или сделать загородными дачами, а сами перебраться на Васильевский остров. Жители Петербурга были стеснены в своем образе жизни, – не смели пускать к себе приезжих постояльцев, обязанных останавливаться в новопостроенных нарочно постоянных дворах, а владельцы пригородных дач должны были для прорубки и просек испрашивать дозволения.

Петр возымел желание дать своему Петербургу местного патрона и избрал для этой цели святого князя Александра Невского. 4 июня 1723 года государь приказал перевезти его мощи из Владимира в Александро-Невский монастырь. За счет монастырских доходов положено построить раку в ковчеге с балдахином, везти ее на переменных лошадях, от города до города, посадским, ямщикам и всяким крестьянам, и прибыть в Петербург к 25 августа. Воеводы в городах и сельские начальства должны были встречать с подобающею честью эти мощи во время провоза их в Петербург. Мощи были встречены за несколько верст от Петербурга самим царем и доставлены на судне в Александро-Невский монастырь, где положены были в

позолоченной раке, наглухо запертой. По этому поводу новгородский епископ делал пиршество для всего двора в монастыре, потом князь Меншиков делал вечер, ужин, а адмирал Апраксин – маскарад, на котором присутствовал государь.

Обращалось внимание и на другие города. В старой столице началась усиленная деятельность по благоустройству города. 19 января 1722 года учреждена была должность московского обер-полицеймейстера. В 1722 году велено московским обывателям в продолжение четырех лет выстроить каменные дома и покрыть их гонтом; для того приказано собрать в Москву из Малороссии мастеров, умеющих делать гонтовые крыши; они должны были бесплатно обучать крестьян, которых помещики пожелают отдать в учение. Черных изб без труб или с деревянными трубами отнюдь не дозволялось более строить, а существующие велено сломать; приказано мостить Москву камнем, вместо прежней деревянной мостовой, непрочной, неудобной для езды и опасной во время пожаров. Запрещалось бросать на улицу падаль и помет, заваливать реки нечистотою, на рынках торговцам продавать вонючее мясо и рыбу; продавцам съестного приказано покрывать свои шалаши рогожами и полки холстом, а хлебников обязали для опрятности носить балахоны.

Для предупреждения опасности от пожаров, постоянно опустошавших русские города, издавались правила, касавшиеся постройки во всей России. В 1722 году в Новгороде, после бывшего там пожара, приказано строить хорошие строения регулярно, как в Петербурге, и улицы разбить по плану, стараясь сделать их широкими и прямыми. В том же году по России погорело множество сел; государь приказал отстроить погоревшие села не иначе как по прежде изданным правилам о сельских постройках, оставляя между дворами пустое место в 5 сажен. Но указ царский не исполнялся; крестьяне строились по-прежнему, как попало, и 3 апреля 1724 года издан подтвердительный указ, чтобы помещики непременно принуждали крестьян строиться по плану.



В 1722 году учреждена была почт-дирекция, которой отдавался весь Ямской приказ, иностранные купеческие почтамты и все почтовые станы. Дорожная повинность пала на всех обывателей по целой России. Государь указал, для починки и проложения дорог, обложить особым налогом купечество и все обывательские дворы. Для первого примера приказано проложить перспективную дорогу от Волхова до Москвы и сгонять к этой работе помещичьих и дворцовых крестьян, живущих в стороне на 50 верст. Готовясь в поход в Персию, государь приказал устроить дорогу от Москвы до волжского Царицына и поставить верстовые столбы, а во время зимы вымерить по льду реки весь речной путь от Москвы до Астрахани, и от одного города с пристанью до другого такого же поставить столбы, по которым можно было знать между ними расстояние. Намерение устроить пути сообщения занимало Петра в конце жизни; он думал и в этом отношении принимать за образец Швецию. Но государь с жалостью замечал, что все делалось не так, как он хотел и предписывал.

Постройка Ладожского канала не была совершенно окончена до конца царствования Петра. В феврале 1723 года на работы по Ладожскому каналу начали высылать малороссиян, и сразу их было послано пять тысяч человек. Со всей России на тот же предмет велено было назначить по две гривны с двора, а с купечества по десяти денег с рубля. Предположено прорыть канал от Нази до Волхова. Это дело поручено Миниху, с жалованьем по 100 рублей в месяц; ему велено дать для работ 16000 солдат и драгун, а 28 августа 1724 года из армейских полков прибавлено еще 4000 человек. В зимнее время они отпускались на зимние квартиры, часть их оставалась при канале, и для тех строились избы.

В 1722 году Петр обратил внимание на то, что в России количество фальшивых денег не уменьшалось, а все увеличивалось. Чтобы прекратить их обращение в народе, приказано делать монету по новому рисунку, а старые деньги приносить для переделки на монетный двор до апреля 1724 года. Но никто не спешил исполнять это предписание, напротив, прятали старую монету, надеясь со временем получить за нее

барыши, и в самом деле, уже в конце февраля 1724 года за один старый рубль давали пять новых; дозволялось приносить на денежные дворы золото и серебро и получать за него определенную плату<sup>20</sup>. Гербовая бумага, по важности, считалась наравне с монетою, и за подделку ее казнили смертью.

Торговля с Европою шла сухопутьем через Малороссию и Польшу, а морем через балтийские и архангельские порты. В Малороссии по-прежнему производилась торговля товарами, которые опять причислены были к заповедным: пенькою, юфтью, поташем, смольчугом, салом, воском, льняным семенем, щетиною, икрою, золотом и серебром. 10 марта 1723 года дан указ, чтобы на Васильковской заставе, близ Киева, осматривать и арестовывать купцов с этими товарами; кроме того, к товарам, недозволенным к отпуску за границу, причислены овечья шерсть, пеньковые веревки, узкие холсты, овчины и хлеб, а из-за границы запрещалось ввозить игральные карты, коломенки, полуколоменки, полотна ниже рубля за аршин и стамед. В самой Малороссии начал тогда производиться табак, составлявший предмет вывоза в великорусские области и доставлявший казне доход, так как с него бралось 1/10 часть натурой. 31 января 1724 года издан был морской торговый устав, где были начертаны правила: о приходе иностранных торговых судов, о способе их выгрузки, о нагрузке на них русских товаров и о платеже казенных пошлин.

По тогдашним понятиям, наибольшее благосостояние страны измерялось наибольшим приливом денег, поэтому Петр, 8-го ноября 1723 года, дал указ камер-коллегии, чтоб товары, шедшие за границу, продавались более на чистые деньги, чем менялись на товары.

В том же году, 20 декабря, указано с купцов, приезжающих из Китая, не брать пошлины за привозимое золото и серебро; привозить то и другое можно было сколько угодно, но под страхом смертной казни запрещалось продавать где бы то ни было, кроме денежного двора.

Русского государя занимала тогда особенно торговля с Францией. Главный продукт этой страны, желаемый Петром для

ввоза в Россию, было вино, так как, по его взгляду, французское вино было лучше вин других стран. Дозволено было иноземцам продавать французское вино оптом, с платежом обыкновенных пошлин и с уплатой 2 рублей акциза за анкер. Но 16 июля 1723 года этот двухрублевый акциз отменен и позволено продавать враздробь. В ноябре того же года назначен русский консул в Бордо, главным образом для надзора за виноторговлею. 20 августа 1723 года назначен был русский консул в Кадикс. Русские товары, туда привозимые, приказано продавать на золото и серебро или менять на шерсть, кошениль, сандал и деревянное масло. Занимала Петра также и торговля с Испанией и Португалией. Для развития духа торговой предприимчивости, Петр 8 ноября того же года предписал коммерц-коллегии: посылать в чужие края детей купеческих, группами не менее 15 человек, и по 20 человек в Ревель и Ригу. Объявлялось: если кто выдумает новый источник прибыли без народного отягощения, тому давать 1/3 или 1/4 прибыли ежегодно.

Когда в 1723 году Россия получила в свое владение от Персии новые области, Петр тотчас приказал собирать сведения, где можно добывать сахар, мед, разводить плодовые деревья, завести шелководство, и для этого хотел выписывать итальянских мастеров, предполагал из персидских провинций сбывать в Польшу шафран и фрукты, рассчитывая, что поляки будут их употреблять в кушанья. Правительство обратилось к армянской компании и побуждало ее привозить в Россию шелк, открыв для нее свободную торговлю между Астраханью и Гилянью.

Для суконных фабрик, которыми так дорожил Петр во все свое царствование, до сих пор выписывалась шерсть из-за границы. Петр, с целью развести домашнее овцеводство, указал в мае 1722 года: многовотчинным помещикам раздать овец, обязав их принимать, хотя бы не хотели, и содержать овчаров, а шерсть продавать на суконные заводы компанейщикам. Русского сукна было мало до самой смерти Петра: в 1724 г. выписано было из Англии 300000 арш., а прусский посланник предложил привозить прусское сукно, которое оказалось уже, но

добротнее английского. Высший сорт продавался по 66 к., а низший по 48 за аршин. Шерсть, получаемая с русских заводов тонкорунных овец, продавалась по 2 р. 20 коп. за пуд и должна была идти на русские фабрики. В Малороссии, где лучше всего могло идти овцеводство, распоряжение Петра исполнялось дурно.

В декабре 1723 года составлен был регламент мануфактур-коллегии. Всем дозволялось заводить фабрики с ведома мануфактур-коллегии. Этому учреждению вменялось в руководство не выключать других в пользу одних и иметь в виду, что от соперничества между заводчиками зависели не только размножение мануфактур, но также достоинство и дешевизна произведений. Заводчикам давалось право беспошлинной торговли на несколько лет, предоставлялось приобретать населенные имения к заводам, с тем, чтоб они не продавали людей от завода, а самые заводы могли продавать только с разрешения мануфактур-коллегии. В начале каждого года мануфактуристы должны были представлять образчики своих изделий. Вместе с тем Петр находил полезною мерою повышение пошлин с привозимых из-за границы предметов, которые уже производились в России, хотя бы и в небольшом размере. Петр пришел тогда к убеждению в невыгодности казенных фабрик, поэтому рекомендовал коллегии отдавать их частным лицам, хотя постоянно жаловался, что фабрик заводится мало и указы его, относящиеся к фабричному делу, исполняются дурно. «Наш народ, – говорит государь в своем указе, – яко дети неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но, когда выучатся, потом благодарят, что явно из всех нынешних дел». По-прежнему Петр старался привлекать в свое государство чужеземных мастеров, но приказывал их немедленно свидетельствовать: знают ли они свое дело; если окажется, что не знают, то отпускать их без всякого оскорбления, а если окажутся годными, то содержать их в довольстве, предоставляя им право беспошлинной торговли своими изделиями, свободу от поборов, служб и разных повинностей и всегда, когда пожелают, отпускать их за границу,

чтоб не было на Россию жалоб. Мануфактур-коллегия должна была, однако, иметь в виду, что полезнее посылать русских людей для обучения за границу, давая им содержание и обеспечивая их семейства во время отлучки их в чужие края.

Продажа соли продолжала производиться от казны выборными целовальниками, с прежними злоупотреблениями. Если кто покупал соль пудами, с тех брали взятки, а бедных, покупавших на малые суммы, целовальники, желая от них отделаться, отсылали к своим товарищам, и случалось, что бедняки нигде не могли достать соли на какие-нибудь 10 коп. Узнавши об этом, 11 мая 1722 года государь велел продавать соль на всякую сумму, на какую кто может купить, а воров-целовальников, обличенных в бездельничестве, казнить смертью.

При постоянной заботе Петра о горных промыслах, к концу царствования его учреждено правительством еще несколько горных заводов. В апреле 1722 года царь поручил генерал-майору Генингу осмотреть, исправить и привести в хорошее состояние медные и железные заводы в уездах Кунгурском, Верхотурском и Тобольском. Он должен был определить количество деревень и сел, нужных для приписки к заводу, и требовать на обзаведение людей от губернаторов и воевод. Освобожденных от каторжной работы и поселенных в дальних местах Сибири, велено было отправить в Даурию на тамошние серебряные заводы. Туда же пересылали, по назначению от сибирского губернатора, и пашенных крестьян. В 1723 году положено завести заводы в Усольском уезде и на работы высылать туда людей, собранных из Соликамской провинции и явившихся из бегов рекрут, а к заводу приписать деревню Строгоновых, вместо которой дать последним другую из дворцовых волостей. Осенью 1723 года окончена Генингом постройка екатеринбургского медного завода. Кроме екатеринбургского, основаны были тогда медные заводы в Кунгуре, на реке Ягужихе, близ Верхотурья на реке Ламе и при Пыскорском монастыре. Железо выделялось на ултуйских, алопаевских и каменных заводах: там лились пушки, но фузей и другого ручного оружия не делали. В январе 1724 года открыт

был сестрорецкий литейный завод, и туда приказано было присылать из Сибири годное железо. Игольный промысел производился в большом изобилии в Рязанском уезде, на сумму 330000 рублей: выделялось столько игол, что не только доставало их на Россию, но отправлялось еще за границу; владельцы завода получили право на беспошлинную торговлю в течение 18 лет.

При относительном развитии заводской и фабричной деятельности, государь, желавший сохранить леса в России, стал заботиться о добывании другого топлива, кроме дров. По донесению подьячего Капустина, Петр велел отправить людей на Дон в казачьи городки, в Синие-Горы и Белогорье, для раскопки каменного угля на трехсаженной глубине и более. Указом сентября 11-го 1723 года приказано делать разведки каменного угля по Днепру и его притокам. В том же году дана десятилетняя привилегия Фонармусу на добывание торфа, с воспрещением другим лицам добывать его и продавать.

До конца своего царствования Петр не покидал преследования судов древней русской постройки. В сентябре 1722 года посланы на озеро Ильмень и на берега соединяющихся с ним рек «эверсного дела ученики», для постройки торговых судов новым способом, и на каждое новопостроенное судно велено налагать клейма. Но в то же время государь издавал и распоряжения, дозволявшие временное существование староманерных судов, при некоторых условиях. В 1724 году на староманерных судах позволено было привозить в Ладожский канал бревна и доски.

## **VII. Политические события после Ништадтского мира до кончины Петра Великого**

Ништадтский мир прекратил военные отношения России к Западу. Главная цель была достигнута: в руках России были берега Балтийского моря, и земля, на которой поставлен был любезный Петрову сердцу Петербург, признана вечною принадлежностью России. Теперь деятельность Петра могла уже совершенно свободно обратиться в иную сторону. Внутренние учреждения, которыми так, можно сказать, лихорадочно занялся Петр в последние перед тем годы, не могли наполнить его предприимчивой натуры: у него была потребность во внешней деятельности, потребность войны и приобретений. Счастливое окончание шведской войны, после многолетних усилий и беспрестанных утрат и потрясений, возбуждало его к воинственным предприятиям в другую сторону. Уже прежде обращал он внимание на Восток: он чувствовал и понимал, что, по отношению к Востоку, созданная им военная русская сила и русская политика имеют нравственное и материальное предпочтение. Дела с Востоком не угрожали опасностью России, особенно после того, как Россия успела выйти победоносно из борьбы с европейской державой, даже при множестве затруднений, которые делала ей остальная Европа. Течение обстоятельств влекло Петра к намерению поживиться для России за счет Персии.

Петр мог явиться не завоевателем, нападающим на соседа с хищническими целями, а добрым соседом, оказывающим помощь законной власти, и потом потребовать себе уступки земель, как бы в вознаграждение за оказанную помощь. На персидском престоле сидел шах Гуссейн IV, занявший престол еще в 1694 году. Он был одним из таких государей, которые как будто судьбою посылаются для того, чтобы привести в расстройство и разрушение свое государство. Сам он проводил дни в гареме, управление государством предоставлял визирям и питал полнейшее отвращение ко всяким заботам, а тем более к войне. Все восточные государства, с незапамятных времен

древности, подчинялись одному неизменному закону: сильный и деятельный государь легко завоевывал своих соседей, присоединял край за краем к своим владениям и так образовывал обширное государство. Но части его соединялись между собою только механическою связью династий: обитатели держались в повиновении только рабским страхом; никакой нравственной связи не могло возникнуть между ними. У наследников счастливого завоевателя естественно ослабевала военная предприимчивость их предка, когда более воевать было не с кем или становилось неудобным. Они начинали пользоваться плодами, собранными их прародителями-завоевателями, отдавались мирному житию, которое выражалось не в каких-нибудь заботах о внутреннем устройении и о благосостоянии подвластных, а в преданности чувственным утехам, и последствиями этого всегда бывали лень и нерассудительность. Плохо сплоченные части государства начинают расползаться: подвластные, почуявши, что над ними нет тяжелого бича, поднимают бунт за бунтом; ловкие и смелые правители провинций провозглашают себя независимыми, государство распадается, и если в пору не явятся сильные руки, умеющие остановить на время его окончательное разложение, оно легко становится добычею какого-нибудь предприимчивого соседа, который на его развалинах создает иное государство. Такой процесс беспрестанно повторялся на Востоке и в отдаленный период язычества, и по распространении магометанства, которое, в этом отношении, мало изменило судьбу Востока, потому что не заключало в себе никаких стихий для нравственной переработки народов, принявших эту религию. То же грозило Персии в эпоху царствования Петра Великого в России.

Распадение Персии начиналось уже с ее восточных пределов. Поднялись против власти персидского шаха авганы, данники Персии, управляемые наместниками шаха. Некто Миривес, бывший в этой земле собирателем даней, следуемых персидскому государю с покоренного народа, в 1710 году покусился сделаться независимым. Он умертвил грузинского князя Георгихана, посланного от шаха наместником в



Авганистан и утвердился в авганской столице Кандагаре. Персия не в состоянии была принудить его к повиновению. Он умер в 1717 году независимым властителем. Его сын Мир-Махмуд наследовал отцу, умертвивши своего дядю. Он захватил провинцию Кирман и привлек на свою сторону всех последователей секты суннитов в Персии, враждебной шиитскому толку магометанства, которого держался двор и исстари исповедовали все персидские шахи, включительно до Гуссейна IV. Началось в государстве всеобщее междоусобие под знаменем двух магометанских вероисповеданий. Гуссейн поручил свое войско Луфти-Али-хану, брату своего визиря Атемат-Булета. Этот полководец действовал удачно против мятежников, но враги нашли способ очернить перед малоумным шахом и визиря и его брата полководца. Шах Гуссейн приказал своему визирю выколоть глаза, а Луфти-Али-хана посадить в тюрьму. Тогда Мир-Махмуд, не имея против себя опытного и даровитого врага, повел свои дела так удачно, что собрал более 60000 войска, двинулся на столицу Персии Испагань и принудил шаха Гуссейна признать себя великим визирем, начальником всего персидского войска и настоящим правителем государства. Униженный таким образом, Гуссейн отрекся от престола, назначивши своим преемником одного из сыновей своих Тохмас-мирзу.

Из Кандагара подан был сигнал: за Мир-Махмудом начали возмущаться правители других провинций. Взбунтовались лезгины, народ, живший в Кавказских горах и плативший ежегодную дань Персии. Лезгинский владелец Даудбек напал на Шемаху; лезгины и их союзники казы-кумыки разорили и разграбили город, перебили и обобрали торговавших там русских купцов, награбили у них товаров ценою на полмиллиона. Богатейший русский купец Евреинов разорился тогда вконец. В то же время грузинский князь Вахтанг, незадолго перед тем принявший магометанство в угоду шаху, затевал также освободиться от персидской власти и искал содействия России. Он обращался к астраханскому губернатору Волынскому, уверял, что отрекся от Христа поневоле, притворно, и теперь снова желает обратиться к христианству,

поступивши под власть русского царя. Вахтанг уговаривал русское правительство воспользоваться крайним положением Персии и, со своей стороны, обещал русским 40000 войска, для содействия против Персии. Кроме обиды, нанесенной русским купцам в Шемахе, Петр был недоволен тем, что караван русских купцов, возвращавшийся из Китая, был разграблен на дороге хивинскими татарами, которые находились в союзе с Мир-Махмудом.

Петр увидел, таким образом, превосходный случай вмешаться в персидское дело, под предлогом защищать законную верховную власть, потрясенную Мир-Махмудом, и спасти Персию от совершенного распада, так как, после отречения Гуссейна, молодой и неопытный Тохмас-шах был государем только по имени. Авганы и их союзники курды опустошали государство. Вдобавок Турция имела виды овладеть Персией. Самой даже государственной религии в Персии грозила беда: лезгины и авганы были сунниты, курды – огнепоклонники.

После сильных понуждений со стороны астраханского губернатора Волынского, решившись идти в поход, русский государь хотел предупредить Турцию, чтобы она не воспользовалась разложением персидского государства и не овладела персидскими областями: это было бы страшным для России событием; оно усилило бы издавна враждебную России державу, всегда готовую ей вредить. В начале 1722 года Петр прибыл в Москву и оттуда приказал снаряжать на Волге суда, для перевозки войска к Каспийскому морю. В мае государь, вместе с Екатериною, отправился в путь водою по Москве-реке и Оке. В Нижнем праздновал он день своего рождения (30 мая), был великолепно угощаем богатейшим из русских промышленников Строгоновым, а потом из Нижнего отправился вплоть до Астрахани, останавливаясь на короткое время в поволжских городках для их осмотра. Между тем турецкий двор, узнав о намерении русского государя, предусмотрел со стороны его умысел завоевать и присоединить к своим владениям области шаха и прислал к Петру в Астрахань грамоту, с увещанием оставить предприятие. Петр отвечал, что идет в

Персию не завоевателем, а союзником шаха, чтобы избавить его от мятежников и принудить Мир-Махмуда покориться законному своему государю. 18 июля Петр, с пехотой в числе 22000 и с 6000 матросов, пустился на судах по Каспийскому морю, по направлению к Дербенту, а конница шла туда же сухопутьем (регулярной русской конницы было 9000, кроме того, 40000 казаков и калмыков и 30000 татар).

Петр разослал по сторонам манифест ко всем, считающимся подданными шаха, называл себя союзником их повелителя и требовал от них мирного подчинения, объявляя в то же время, что он строго запретил русскому войску всякие неприязненные поступки над персидскими подданными, покорными своему государю. 12 августа Петр прибыл в Тарки. Тамошний владелец, или шевкал, как он титуловался, по имени Адель-Гирей, считавшийся данником шаха, принимал Петра и Екатерину униженным образом, хотя внутренне был очень недоволен прибытием непрошенных союзников. Хуже поступил другой данник шаха, утимишский султан Мугаммед. Петр отправил к нему трех донских казаков – требовать покорности; султан приказал побить их и со своими силами ударил на русское войско, но русские отбили его, разорили его столицу Утимиш, пожгли и пограбили его владения; сам Петр, в возмездие за убитых трех своих казаков, приказал побить 21 пленника, затем целую толпу других пленников отправил к утимишскому султану с обрезанными носами и ушами.

23 августа царь подошел к Дербенту; комендант его, называемый по-персидски наиб, вышел навстречу к царю с серебряными городскими ключами и сдал город. Петр простоял здесь до сентября; приближалась осень; подвоз припасов по Каспийскому морю становился затруднительным; сообразивши это, Петр оставил в Дербенте гарнизон под начальством полковника Юнкера, а сам повернул назад к Астрахани, и на возвратном пути, на реке Сулаке, заложил крепость, наименовав ее крепостью Св. Креста. Из Астрахани Петр выслал для дальнейших военных действий в Персии генерал-майора Матюшкина в Баку, а полковника Шипова к Рящу, сам же, пробывши некоторое время в Астрахани, уехал в Москву. 13

декабря он имел торжественный въезд в старую русскую столицу. Его склонность к торжественным праздникам и к риторическим восхвалениям своих подвигов находила себе желанную пищу в том представлении, что он завоевал город, построение которого приписывали Александру Македонскому. В Москве царь пробыл до весны, и накануне своего отъезда в Петербург, собственноручно сжег свой деревянный дворец в Преображенском. Он сказал бывшему при этом гол-штинскому герцогу: «Здесь задумал я впервые войну против Швеции; пусть вместе с этим домом исчезнет всякая мысль о вражде с нею; пусть она будет вернейшею союзницею моей империи!»

Отряды, которым Петр поручил окончание военных действий в Персии, исполнили свое поручение хорошо. Шипов утвердился в Ряще. Персидские власти не рады были чужеземцам и именем шаха требовали, чтобы русские выходили из города; Шипов не уходил под разными предлогами и достоял до весны 1723 года. За это время туземцы до того невзлюбили пришельцев, что в марте, когда Шипов, отправивши часть своего отряда на судах, остался с малочисленными силами, напали на него с оружием в караван-сараях. Русские отбили персиян, несмотря на то, что последних было, может быть, в десять раз более. И другой посланный с отрядом в персидские владения, Матюшкин, прибывши в Баку летом 1723 года, встретил совершенное нежелание принимать русских. Персияне хотели воспрепятствовать высадке русского войска на берег, но Матюшкин отбил их и принудил город к сдаче. Впрочем, действия Матюшкина и Шипова не имели важных последствий, потому что и без этих дел, 12-го сентября 1723 г., присланный от Тохмас-шаха посол Измаил-бек в Петербурге заключил от имени своего государя с русским императором союзный договор: русский государь обещал со стороны России оказывать шаху помощь против бунтовщиков, а шах, для возможности содержать войско, которое император пошлет ему против мятежников, уступил России города Дербент и Баку, с побережьем Каспийского моря, заключающим провинции Гилян, Мазандеран и Астрабад. Договор этот был ратифицирован русскими послами, отправленными в Персию в апреле 1724 г.

Таким образом, почти без войны, воспользовавшись обстоятельствами, Петр приобрел для России полосу южного края, богатого различными произведениями; и тогда же русский государь начал делать соображения о приглашении христианских поселенцев в новоприобретенный край. Этими поселенцами, по предположениям Петра, должны были быть армяне, которые давно уже побуждали русского государя к овладению Прикавказским краем. В начале 1724 года началось переселение армян из турецких владений, но оно шло довольно медленно, потому что турки неохотно выпускали их из своих областей. Приобретение Прикаспийского края не осталось без неудовольствия со стороны Турции. Сначала великий визирь, в сношениях с русским резидентом Неплюевым, долго твердил, что Порта одна имеет полное право овладеть Персиею, тем более, что Мир-Махмуд и лезгинский владетель Дауд-бек признали над собою верховное первенство турецкого падишаха. Турки между тем успели овладеть Тифлисом. Английский посланник старался вооружить Турцию против России, а французский, Дебонак, держал сторону России и пытался не допустить до войны. В январе 1724 года дело повернулось так, что можно было со дня на день ожидать объявления России войны, и Неплюеву приходилось уезжать из Константинополя. Но французский посол настроил визиря так, что тот сам предложил французскому послу быть посредником в переговорах с русским резидентом. Дело, однако, потянулось еще на полгода. Пошли споры, толки. По известию Неплюева, французский посол начал было склоняться на сторону Турции; но 12-го июня 1724 года все уладилось в пользу России: порешили оставить Шемаху под владением турецкого данника, лезгинского князя Дауд-бека, а пространство от Шемахи до Каспийского моря разделить между Россиею и Дауд-беком, так что последнему отдавалась меньшая часть этого пространства, чем России. Петр домогался, чтобы Турция не воспрещала своим христианским подданным, армянам и грузинам, переходить в новоприобретенные от Персии провинции, обещая зато не воспрещать и магометанам перехода в Турцию. Несчастный грузинский царь Вахтанг, бывший поневоле и по

слабохарактерности мусульманином, возвратился к христианству, но его начали теснить в одно время и турки и персияне: явился претендентом ему другой грузинский князь, владелец Кахетии. Вахтанг принужден был покинуть свое царство и уехать в Россию на вечное житье.

Экспедиция Петра в Персию имела важное значение в русской истории. Она была начальным шагом к тому движению России на юго-восток, которое, то останавливаясь, то снова возобновляясь, привело Россию впоследствии к приобретению закавказских грузинских земель и всего кавказского хребта. Петр, думая сделать из России морскую державу и открыть ей путь к занятию подобающего ей места в ряду европейских держав, в то же время понимал, что как география, так и история наметили ей и другую дорогу, – дорогу на Восток, где Россия, получая от Запада плоды европейской цивилизации, могла в собственной переработке сообщать их восточным народам, стоявшим в сравнении с нею на меньшей степени культурного развития.

В отношениях к западным державам важнейшее дело этого времени было заключение в феврале 1724 г. оборонительного союза со Швецией. После продолжительной войны, оба государства вступили в самую искреннюю дружбу между собою. Это важное дело совершено старанием русского посла в Стокгольме, Бестужева, и отчасти министра голштинского, Бассевича, поставившего своего герцога снова в добрые отношения к Швеции. Перед этим временем Петр, с целью сделать шведского короля уступчивее, вознамерился поугадать его и пустить свой флот в Балтийское море, но герцог написал к Бассевичу, своему послу, бывшему тогда в Стокгольме, письмо, в котором выражался, что лучше откажется от всяких прав на шведскую корону, чем купит ее ценою шведской крови. Бассевич показал это письмо шведскому министру Горну, главному недоброжелателю герцога, и тронул Горна до того, что тот изменил свои чувствования к племяннику Карла XII. Состоялся такой договор Швеции с Россией: обе державы обязывались поддерживать друг друга военною силою, сухопутною и морскою, и не заключать ни с кем договоров,

противных этому союзу. Голштинский герцог отказывался от всяких притязаний на шведский престол при жизни тогдашнего короля и его прямых потомков, а Швеция, вместе с Россией, обещалась помогать утверждению за ним его герцогских наследственных владений. Обе державы постановляли, кроме того, не допускать внутренних беспорядков в Польше, а поддерживать ее старинную вольность и избирательное правление. Это последнее условие определило на долгое время взгляд на политику, какую должны были соблюдать соседи в отношении к Польской республике: соседям выгодно было поддерживать старинную польскую шляхетскую вольность, потому что такой государственный строй вел Польшу, рано или поздно, к гибели и давал надежды на возможность сделать приобретение в эпоху неизбежного падения Польской республики. С французским двором Петр, последние годы своего царствования, находился в дружелюбных отношениях: у Петра было даже намерение отдать одну из дочерей своих за малолетнего французского короля, но этот план не удался, потому что регент Франции постарался дать королю другую невесту, малолетнюю испанскую инфантину, которой, однако, не суждено было стать французской королевой. С Францией соединяло Россию еще обоюдное участие к судьбе проживавшего во Франции претендента на английский престол Иакова Стюарта, к которому Петр благоволил, тем более что с тогдашним английским королем Георгом у него уже несколько лет сряду были натянутые отношения. Но дело претендента не довело Россию ни до каких предприятий в его пользу, главным образом оттого, что его постоянная союзница и покровительница, Франция, сочла за лучшее примириться с королем Георгом, ограничивши свои отношения к претенденту только одними любезностями. При посредстве Франции, Петр был уже готов помириться и подружиться с английским королем, однако не успел этого сделать при своей жизни. Летом 1723 года Петр, в сопровождении своих вельмож, ездил морским путем в Рогервик и положил там основание длинного мола, с закрытою дорогою наверху и с батареей. У государя тогда рождалось

желание перенести туда и свой военный порт, так как в Кроншлоте замечалась большая примесь пресной воды, способствовавшая скорой порче кораблей. В Рогервике море образует большую бухту, окруженную отвесными скалами, и до того широкую, что в ней могло вместиться до 1000 больших судов. Она была очень глубока и не принимала в себя отнюдь пресных вод. По возвращении из Рогервика в августе 1723 г., Петр обозревал в Крондштадте флот и любовался своим делом, совершенным им с любовью в течение всей своей жизни. Весь флот в 1723 году состоял из 24 кораблей и 5 фрегатов, на нем было 1730 орудий и до 12500 человек экипажа. В это время вспомнил Петр о том небольшом ботике, на котором в молодости начал он учиться плаванию по Яузе и по северным русским озерам. Петр приказал привести его в Петербург, поставил его в Кронштадте между кораблями, нарек Дедушкой русского флота и потом с торжеством перевез в Петербургскую крепость, где назначил для хранения как национальную святыню. Это событие послужило поводом к торжественному многодневному празднеству, сопровождавшемуся и пальбою из пушек, и фейерверками, и обильными попойками.

Государь чувствовал, что силы его крепкой натуры подламывались, он постепенно опускался; сыновей у него не было, да если бы и были, – объявленный им манифест о будущем порядке престолонаследия разрушал всякие права рождения и давал царствующему государю право назначать себе кого угодно преемником. Внука своего, сына несчастного царевича Алексея, Петр явно недолюбливал: вероятно, ему входило в мысль и то, что если со временем этот внук станет царем, то, по родительской связи, его окружают сторонники старых русских порядков, и партия, враждебная преобразованиям, поднимет голову. Кажется, тогда уже у Петра блеснула мысль передать после себя престол жене своей Екатерине. Правда, этого нигде не высказал Петр прямо, но такое предположение можно удобно вывести из его тогдашних поступков. Весною 1724 года Петр задумал короновать ее; она носила уже титул императрицы, но только по мужу, как законная



супруга императора. Петр захотел дать этот титул ее особе, независимо от брака. В манифесте, изданном по этому поводу, Петр извещал целый свет, что Екатерина была его постоянной помощницей в государственных делах и признавал за ней какие-то особенно важные услуги, оказанные во время прутского похода. Коронование Екатерины должно было происходить не в Петербурге, но в Москве, не перестававшей в глазах русского народа быть законною столицею и центром национального единства.

7 мая 1724 года совершилось в московском Успенском соборе это коронование государыни с большим торжеством. Обряд совершал новгородский митрополит, а псковский епископ Феофан Прокопович, самый близкий к Петру из духовных сановников, произнес тогда речь, понравившуюся государю. Петр собственноручно возложил на Екатерину корону. Несколько дней после того поили и угощали народ, а потом продолжительное время отправлялись при дворе праздники, маскарады и попойки. Событие было новое для России: до сих пор ни одна из русских цариц не удостоилась такой публичной чести, кроме Марины Мнишек, о которой в памяти народной осталось не отрадное воспоминание. Как бы в свидетельство того, что Петр готовил Екатерине власть, равную своей собственной, он поручил ей, вместо себя, пожаловать графское достоинство Петру Андреевичу Толстому.

Коронование Екатерины порождало разные предположения о престолонаследии. Одни думали, что, короновавши свою супругу, Петр намеревается объявить ее после себя преемницею, другие делали предположения, что Петр предоставит престол одной из дочерей, за неимением от Екатерины детей мужского пола. Большинство русских расположено было в пользу внука Петра, малолетнего сына царевича Алексея. Сам Петр, как видно, колебался; он то оказывал расположение к внуку, то как будто не хотел знать его. Замечали тогда, что характер Петра менялся. Он постоянно имел задумчивый вид, часто искал уединения, с ним боялись заговаривать о делах, когда он оказывался угрюмым. Иногда он требовал к себе священника, иногда доктора, а иногда вдруг, по-

старому, предавался разгулу и окружал себя шутами и членами всепьянейшего собора. Среди праздников и веселья, господствовавшего при дворе после коронавания Екатерины, Россия представляла совсем непраздничный вид. Повсюду раздавались жалобы на бедность; недавние неурожаи произвели большую скудость необходимых средств к жизни; хлебные магазины, которые давно уже приказал устроить царь по всей России, существовали только на бумаге: на самом деле никто не спешил исполнять в этом повеление своего государя. По улицам городов и по большим дорогам сновали толпы нищих, хотя государь много раз уже приказывал, чтобы в его царстве не было нищих, и, под угрозами пеней и суровых наказаний, запрещал своим подданным раздавать милостыню. Голодные пускались на грабежи и убийства; около самого Петербурга бродили разбойничьи шайки. Казенные недоимки все более и более возрастали; в военной коллегии и в адмиралтейств-коллегии совсем не доставало денег на содержание войска и флота. Между тем тягости народу не облегчались; продолжали переселять русских людей в ненавистный для них Петербург, а множество неоплатных должников казне отправляемо было на тяжелую работу в Рогервик и Кронштадт. В то время, когда при дворе отправляли маскарады и веселились, в народе слышны были проклятия, за которые неосторожных тащили в тайную канцелярию и предавали варварским мукам.

Петр с Екатериною возвратился из Москвы в Петербург; готовились устраивать новое торжество, долженствовавшее совершиться через полгода, – обручение молодого голштинского герцога, родного племянника Карла XII с дочерью Петра и Екатерины, цесаревною Анною Петровною. Петр между тем неусыпно занимался своими обычными разнообразными делами, переходя от усиленных работ к обычным своим забавам. Так, в конце августа он присутствовал при торжестве освящения церкви в Царском Селе. Пиршество, после того, продолжалось несколько дней, выпито было до трех тысяч бутылок вина. После этого пира государь заболел, пролежал в постели шесть дней, и едва только оправился, – как уехал в

Шлиссельбург и там снова устроил пиршество, празднуя годовщину взятия этой крепости. Из Шлиссельбурга Петр поехал на олонечские железные заводы, выковал там собственноручно полосу железа в три пуда весом, оттуда поехал в Новгород, а из Новгорода в Старую Русу, осматривал в этом городе соляное производство. Из Старой Русы государь повернул к Ладожскому каналу; Петр был очень доволен работами, происходившими тогда под начальством Миниха. В предыдущих пяти годах едва вырыто было только на 12 верст канала и число рабочих простиралось до 20000 человек, при Минихе же вырыто было в течение одного года уже 5 верст; Миних надеялся до следующей зимы вырыть еще 7 верст, у него было, кроме 2900 человек солдат, вольнонаемных рабочих только до 5000. Рытье кубической сажени земли при Минихе стоило 60 коп., тогда как прежде оно обходилось в один рубль 50 коп.; вообще, по расчету Миниха, верста канала с деревянными постройками, которыми укреплялись стены канала, должна была обходиться в 7500 рублей, тогда как прежде одни земляные насыпи по смете, представленной государю, обходились в 10000. В конце октября Петр возвращался в Петербург водою, но потом, раздумавши, намеревался плыть в Систербек, чтоб осмотреть учрежденный там сестрорецкий литейный завод. Приближаясь в своем плавании к селению Лахте, недалеко от устья Невы, увидел государь судно с солдатами и матросами, плывшее из Кронштадта и носимое во все стороны ветром и непогодой. В глазах государя это судно стало на мель. Петр не утерпел, велел плыть к судну, бросился по пояс в воду и помогал вытаскивать судно с мели, чтобы спасти находившихся на нем людей. В глазах Петра несколько человек, вместе с ним работавших, были унесены водою. Царь проработал целую ночь в воде и успел спасти жизнь двадцати человекам. Но утром он почувствовал лихорадку, отложил свое намерение посещать систербекские заводы, а поплыл в Петербург.

Тогда совершилось событие, которое способствовало нравственному потрясению Петра. Был у Екатерины любимец и правитель канцелярии, заведовавший ее вотчинами, – Виллиам Монс, брат той самой Анны Монс, которая некогда была

любовницей Петра. Он находился в большой доверенности, а его сестра Матрена Балк была любимой фрейлиной у Екатерины. Пользуясь такою близостью к государыне, брат и сестра зазнались и вообразили, что они через то стали могущественными особами. Виллиам Монс надменно принимал всяких просителей, хвастал, что он своим ходатайством у государыни может всякому сделать многое. Петр стал обвинять и брата, и сестру в том, что, управляя доходами Екатерины, они ее обкрадывают; но то был только предлог: на самом деле, Петр приревновал Монса к императрице. Скоро после своего возвращения в Петербург, Петр проводил вечер с Монсом, и в 9 часов вечера отпустил его и других бывших с ним придворных, сказавши, что идет в свою спальню. Ничего не подозревая для себя худого, Монс прибыл домой, разделся и стал курить трубку: вдруг к нему входит страшный генерал-майор Андрей Иванович Ушаков, начальник тайной канцелярии, требует от него шпагу и ключи, потом опечатывает его бумаги и приказывает ехать с собою. Ушаков привез его в свой дом. Монс увидел там Петра. «И ты здесь», – сказал Петр, бросив на него презрительный взгляд. Монса арестовали и на другой день подвергли допросу в канцелярии собственного императорского кабинета. Монс увидел здесь опять государя и пришел в такое ослабление сил, что лишился чувств; ему принуждены были пустить кровь. На следующий день повели его снова к допросу и стали угрожать пыткой. Монс, чтобы не допустить себя до мучений, сознался, что обращал в свою пользу оброки с некоторых вотчин императрицы и взял с крестьянина взятку, обещая сделать его стремянным конюхом императрицы. Монса препроводили в крепость (26 октября), а потом высший суд 14 ноября приговорил его к смертной казни. Рассказывают, что царь сам приехал к нему проститься. «Жаль тебя мне, очень жаль, да делать нечего, надобно тебя казнить», – говорил ему Петр. Императрица осмелилась было ходатайствовать перед Петром о пощаде виновных, но Петр пришел тогда в такую ярость, что на глазах государыни разбил дорогое зеркало. «Видишь ли, сказал он многозначительно, – вот прекраснейшее украшение моего дворца. Хочу – и уничтожу

его!» Екатерина поняла, что эти слова заключали намек на ее собственную личность, но с принужденною сдержанностью сказала государю: «Разве от этого твой дворец стал лучше?» Петр все-таки не исполнил просьбы жены. 16 ноября в 10 часов утра Монса вывезли с сестрою в санях, в сопровождении приготавливавшего его к смерти пастора. Монс бодро кланялся на обе стороны, замечая своих знакомых в огромной толпе народа, отовсюду согнанного смотреть казнь. Монс смело взошел на эшафот, снял шубу и выслушал прочитанный секретарем суда приговор, которым обвиняли его во взятках, поклонился народу и положил голову на плаху под удар топора. Его сестру Матрену Балк наказали одиннадцатью ударами кнута и сослали в Тобольск. Домашний секретарь Столетов, после четырнадцати ударов кнутом, был отправлен на десятилетнюю каторжную работу в Рогервик; пострадал тогда и дворцовый служитель Иван Балакирев, потешавший Петра и весь двор остроумными шутками. Ему дали шестьдесят ударов батогами и сослали в Рогервик на три года, поставивши ему в вину, что он, «отбивши инженерного учения», при посредстве Монса втерся во дворец и занимался там, вместо дела, шутовством. На другой день после казни Монса, Петр катался с Екатериною в коляске. Он приказал проехать мимо столба, на котором воткнута была голова казненного. Екатерина не показала никакого вида смущения и, как говорят, посмотревши прямо в глаза царю, произнесла: «Как грустно, что у придворных может быть столько испорченности!»

Вслед за Монсом раздражили Петра Меншиков, а потом кабинет-секретарь Макаров: на последнего донесли, что он не доводил до сведения государя о многих важных делах, возникших по фискальским доношениям, и представлял несправедливые доклады по челобитным о деревнях, взявши с просителей взятки. Царь отрешил Меншикова от должности президента военной коллегии. Эти неприятности усиливали болезненное состояние здоровья Петра, которое уже пострадало после приключения на Лахте. Между тем 24 ноября, в день именин государыни, совершено было обручение голштинского герцога с цесаревною Анною. Цесаревна при

обручении отказалась за себя и за свое потомство от всяких притязаний на русский престол. У Петра, видно, были насчет преемства какие-то свои предположения, которых он не открывал. Но отказ Анны законно сходилась с прежним указом Петра, которым государь предоставлял право всякому царствующему государю назначать по себе преемника. Судьба устроила наперекор отказу, подписанному тогда цесаревною: именно ее потомству, а не потомству кого-либо другого, суждено было утвердиться на русском престоле, который Петр так странно предавал произволу всякой царствующей особы.

Здоровье государя после того не поправлялось, но становилось со дня на день все хуже: у него открылись признаки каменной болезни. Петр преодолевал себя, бодрился, занимался государственными делами, уделял время и на свои обычные забавы. В конце декабря он творил выбор нового князя-папы, главы шутовского собора. Бутурлина не было уже в живых; несколько месяцев тому назад он окончил свою жизнь вполне достойно своему званию: он умер вследствие своего обжорства и пьянства. День для избрания назначен был 20 декабря. Избрание происходило в доме умершего князя-папы. В избирательной зале был поставлен трон, обитый пестрою материей о шести ступенях, на котором стояла бочка с двумя кранами и на бочке сидел Бахус. По бокам поставлены были места для членов всепьяней-шего собора. В другой комнате, где собирався избирательный конклав, было устроено четырнадцать лож, посредине комнаты стоял стол с изображениями медведя и обезьяны, на полу стояла бочка с вином и посуда с кушаньем. После торжественного церемониального шествия в этот дом государь запер кардиналов в комнате конклава и приложил к дверям ее свою печать. Кардиналы не смели выходить оттуда, прежде чем не выберут нового папу, и должны были, через каждую четверть часа, хлебать по большой деревянной ложке водки. Петр на другой день утром в 6 часов явился выпустить их. Оказалось, что кардиналы долго спорили между собою о выборе и не могли согласиться, наконец решились покончить дело баллотировкою. Жребий пал на одного провиантского комиссара (Строгоста?), который был посажен на троне, и все

должны были целовать ему туфлю. После этого производились над ним церемонии по установленному прежде чину. На пиршестве, которое в этот день последовало, подавали кушанья из волчьего, лисьего, кошачьего, медвежьего и мышинного мяса.

Настал 1725 год; царь захворал, но пересиливал себя и занимался делами до 16 числа января; в этот день его болезнь усилилась; он слег в постель. Государя лечил доктор Блюментрост. 22 января Петр исповедовался и причащался Св. Тайн, 26-го подписал манифест, освобождавший всех сосланных в каторжные работы, объявил всем осужденным прощение, исключая тех, которые судились по первым двум пунктам или уличались в смертоубийстве. Екатерина выпросила прощение Меншикову.

27-го января Петр изъявил желание написать распоряжение о преемстве престола. Ему подали бумаги; государь стал писать и успел написать только два слова: «отдайте все» – и более писать был не в силах, а велел позвать дочь свою Анну Петровну, с тем, чтобы она писала с его слов, но когда явилась молодая цесаревна, Петр уже не мог произнести ни одного слова. На следующие сутки, в четвертом часу пополуночи, Петр скончался. 2-го февраля его тело было выставлено на бархатной, расшитой золотом, постели в дворцовой зале, обитой теми самыми коврами, которые он получил в подарок от Людовика XV во время своего пребывания в Париже.

Петр, как историческая личность, представляет своеобразное явление не только в истории России, но в истории всего человечества всех веков и народов. Великий Шекспир своим художественным гением создал в Гамлете неподражаемый тип человека, у которого размышление берет верх над волею и не допускает осуществляться на деле желаниям и намерениям. В Петре не гений художника, понимающий смысл человеческой натуры, а сама натура создала обратный тип – человека с неудержимой и неутомимой волею, у которого всякая мысль тотчас обращалась в дело. «Я так хочу, потому что так считаю хорошим, а чего я хочу, то непременно должно быть», – таков был девиз всей

деятельности этого человека. Он отличался непостижимой для обыкновенных смертных переимчивостью. Не получив ни в чем правильного образования, он желал все знать и принужден был многому учиться не вовремя; однако русский царь был одарен такими богатыми способностями, что, при своей недолговременной подготовке, приводил в изумление знатоков, проводивших всю свою жизнь за тем, что Петр изучал только мимоходом. Все, что он ни узнавал, стремился применить к России, с тем, чтобы преобразовать ее в сильное европейское государство. Эту мысль лелеял он искренно и всецело в продолжение всей своей жизни. Петр жил в такое время, когда России невозможно было оставаться на прежней избитой дороге и надобно было вступить на путь обновления. Как человек, одаренный умственным ясновидением, Петр сознал эту потребность своего отечества и принялся за нее со всею своею гигантскою волею. Петр был самодержавен, а в такой момент истории, в какой тогда вступила Россия, только самодержавие и могло быть пригодным. Свободный республиканский строй никуда не годится в то время, когда нужно бывает изменять судьбу страны и дух ее народа, вырывать с корнем вон старое и насаждать новое. Понятно, что, привыкши к старому порядку вещей, участники правления не расстанутся с тем, что считают добрым и выгодным. Подобный пример наглядно высказался в Польше: страна эта никак не могла выбиться из-под нравственной плесени, потому что ее полноправные граждане, люди, решавшие судьбу своего края, дорожили стариною и не могли спеться между собою, когда приходилось для общей пользы жертвовать выгодами, в которых многие лично были заинтересованы. И современная Англия оттого так консервативна и туго податлива к переменам, что ее судьба зависит не от воли одного лица, а от согласия многих: страна эта только по форме монархия, а по духу более – республика. Только там, где самодержавие безгранично, смелый владыка может отважиться на ломку и перестройку всего государственного и общественного здания.

Петру помогло более всего его самодержавие, унаследованное им от предков. Он создает войско и флот, хотя



для этого требуется бесчисленное множество человеческих жертв и плодов многолетнего народного труда, – все приносится народом для этой цели, хотя собственно народ этого ясно не понимает и потому не желает; все приносится оттого, что так хочет царь. Налагаются неимоверные налоги, высылаются на войну и на тяжелые работы сотни тысяч молодого здорового поколения для того, чтоб уже не возвратиться домой. Народ разоряется, нищает, зато Россия приобретает море, расширяются пределы государства, организуется войско, способное меряться с соседями. Русские издавна привыкли к своим старинным приемам жизни, они ненавидели все иноземное; погруженные в свое внешнее благочестие, они оказывали отвращение к наукам. Самодержавный царь заставляет их одеваться по-иноземному, учиться иноземным знаниям, пренебрегать своими дедовскими обычаями, и так сказать, плевать на то, что прежде имело для всех ореол святости. И русские пересиливают себя, повинуются, потому что так хочет их самодержавный государь.

Но здесь и предел самодержавной власти Петра. Много новых учреждений и жизненных приемов внес преобразователь в Россию; новой души он не мог в нее вдохнуть; здесь его могущество оказалось столько же бессильно, каким было бы оно и тогда, когда бы у него явилось намерение превратить дно моря в пахотную землю или плавать на корабле по степи. Нового человека в России могло создать только духовное воспитание общества, и если этот новый духовный человек где-нибудь замечен в деяниях и стремлениях русского человека настоящего времени, то этим мы обязаны уж никак не Петру.

Во все продолжение своего царствования Петр боролся с предрассудками и злонравием своих подвластных, преследовал казнокрадов, взяточников, обманщиков, скорбел, что в России совершается не так, как бы ему хотелось. Сторонники его искали и теперь еще ищут всему этому причину в закоснелых пороках и недостатках старого русского человека. Но, приглядевшись к делу беспристрастнее, придется многое приписать и самому характеру действий Петра. Нельзя человека делать счастливым против собственной его воли и, так сказать,

насилловать его природу. История показывает нам, что в обществе, управляемом деспотически, чаще и сильнее проявляются пороки, мешающие исполнению самых похвальных и спасительных предначертаний власти. Какие же меры употреблял Петр для приведения в исполнение своих великих преобразований? пытки Преображенского приказа и тайной канцелярии, мучительные смертные казни, тюрьмы, каторги, кнуты, рвание ноздрей, шпионство, поощрение наградами за доношничество. Понятно, что Петр такими путями не мог привить в России ни гражданского мужества, ни чувства долга, ни той любви к своим ближним, которые выше всяких материальных и умственных сил и могущественнее самого знания; одним словом, натворивши множество учреждений, создавая новый политический строй для Руси, Петр все-таки не мог создать живой, новой Руси.

Задавшись отвлеченною идеею государства и принося ей в жертву временное благосостояние народа, Петр не относился к этому народу сердечно. Для него народ существовал только как сумма цифр, как материал, годный для построения государства. Он ценил русских людей настолько, насколько они были ему нужны для того, чтобы иметь солдат, каменщиков, землекопов, матросов или своею трудовую копейкою доставлять царю средства к содержанию государственного механизма. Сам Петр своею личностью мог быть образцом для управляемого и преобразуемого народа только по своему безмерному неутомимому трудолюбию, но никак не по нравственным качествам своего характера. Он не старался удерживать своих страстей, нередко приводивших его к бешеным и кровавым поступкам, хотя за подобные поступки он жестоко казнил тех, над которыми властвовал. Петр позволял себе пьянство и лукавство и, однако, преследовал эти же самые пороки в своих подвластных. Много совершено им возмутительных деяний, оправдываемых софизмами политической необходимости. До какой степени он был свиреп и кровожаден, показывает то, что он не побоялся унизить свое царское достоинство, взявши на себя обязанность палача во время дикой казни стрельцов; во все его царствование кровавый царь замученных и казненных в

Преображенском приказе заражал воздух Руси, но, как видно, не тревожил покойного сна ее государя; несчастный Алексей Петрович замучен родным отцом после того, как этот отец выманил его из безопасного убежища царским обещанием прощения; затем вспомним страдания царицы Евдокии и множества жертв, погибших большею частью невинно по делу ее сына; вспомним поступок с Полуботком и малороссийскими старшинами, бывшими жертвою политических целей; вспомним дело Монса, которого государь обвинил совсем не за то, за что на самом деле на него сердился! Сам Петр оправдывал свои жестокие казни потребностью правосудия, но факты показывают, что не для всех он был одинаково неумолим в правосудии и не в пример другим делал поблажки Меншикову, своему любимцу, которому сходили с рук такие беззакония, за которые другие расплачивались жизнью. Самые его дела внешней политики не отличаются безукоризненною честностью и прямою. Северная война никак не может быть оправдана с точки справедливости. Нельзя назвать честными уловки Петра перед английским королем Георгом, когда он, вопреки явным уликам, уверял его в своей преданности и непричастности к замыслам претендента. До какой степени Петр уважал права чужих соседних наций, когда только не имел повода их бояться, показывает его дикий поступок с униатскими монахами в Полоцке, поступок, за который, вероятно, он сам казнил бы смертью всякого из своих подданных, осмелившегося сделать такое самоуправство на чужой земле.

Все темные стороны характера Петра, конечно, легко извинять чертами века; справедливо могут указать нам, что подобных сторон еще в большей степени найдется в характере других современников Петровых. Несомненным останется, что Петр превосходил современных ему земных владык обширностью ума и неутомимым трудолюбием, но в нравственном отношении не лучше был многих из них; зато и общество, которое он хотел пересоздать, возникло не лучшим в сравнении с теми обществами, которыми управляли прочие Петровы современники. До Петра Россия погружена была в невежество и, хвастаясь своим ханжеским обрядовым

благочестием, величала себя «новым Израилем», а на самом деле никаким «новым Израилем» не была. Петр посредством своих деспотических мер создал из нее государство, грозное для чужеземцев войском и флотом, сообщил высшему классу ее народа наружные признаки европейского просвещения, но Россия после Петра все-таки в сущности не сделалась «новым Израилем», чего ей так хотелось до времен Петра. Все Петровы воспитанники, люди новой России, пережившие Петра, запутались в собственные козни, преследуя свои личные эгоистические виды, погибли на плахах или в ссылках, а русский общественный человек усваивал в своей совести правило, что можно делать все, что полезно, хотя бы оно было и безнравственно, оправдываясь тем, что и другие народы то же делают.

При всем этом Петр, как исторический государственный деятель, сохранил для нас в своей личности такую высоконравственную черту, которая невольно привлекает к нему сердце: эта черта – преданность той идее, которой он всецело посвятил свою душу в течение своей жизни. Он любил Россию, любил русский народ, любил его не в смысле массы современных и подвластных ему русских людей, а в смысле того идеала, до какого желал довести этот народ; и вот эта-то любовь составляет в нем то высокое качество, которое побуждает нас, мимо нашей собственной воли, любить его личность, оставляя в стороне и его кровавые расправы, и весь его деморализующий деспотизм, отразившийся зловредным влиянием и на потомстве. За любовь Петра к идеалу русского народа, русский человек будет любить Петра до тех пор, пока сам не утратит для себя народного идеала, и ради этой любви простит ему все, что тяжелым бременем легло на его памяти.

## Глава 16. Гетман Иван Степанович Мазепа

Мазепа родом был шляхтич православной веры, из западной Малороссии, и служил при польском короле Иоанне Казимире комнатным дворянином. Это было, вероятно, после того, как победы казаков заставили поляков несколько времени уважать малорусскую народность и православную веру и в знак такого уважения допустить в число дворян королевских (т.е. придворных) молодых особ шляхетского происхождения из православных русских. Не очень вкусно было этим особам в польском обществе, при тогдашнем господстве католического фанатизма. Мазепа испытал это. Сверстники и товарищи его, придворные католической веры, издеваясь над ним, додразнили его до того, что против одного из них Мазепа в горячности обнажил шпагу, а обнажение оружия в королевском дворце считалось преступлением, достойным смерти. Но король Иоанн Казимир рассудил, что Мазепа поступил неумышленно, и не стал казнить его, а только удалил от двора. Мазепа уехал в имение своей матери, на Волынь. Он был молод, красив, ловок и хорошо образован. Рядом с имением его матери жил в своем имении некто пан Фальбовский, человек пожилых лет; у него была молодая жена. Познакомившись в доме этого господина, Мазепа завел связь с его женою. Слуги шепнули об этом старому мужу. Один раз, выехавши из дома, пан Фальбовский увидел за собою едущего своего служителя, остановил его и узнал, что служитель везет от своей госпожи к Мазепе письмо, в котором Фальбовская извещала Мазепу, что мужа нет дома, и приглашала приехать к ней. Фальбовский велел служителю ехать с этим письмом к Мазепе, отдать письмо по назначению, получить ответ и с этим ответом явиться к нему на дороге. Сам Фальбовский расположился тут же ожидать возвращения слуги. Через несколько времени возвратившийся слуга отдал господину ответ, писанный Мазепою к Фальбовской, которую извещал, что едет к ней тотчас. Фальбовский дождался Мазепы. Когда Мазепа поравнялся с Фальбовским, последний бросился к Мазепе, остановил его верховую лошадь и показал ему ответ

к своей жене. «Я в первый раз еду», – сказал Мазепа. «Много ли раз, – спросил Фальбовский у своего слуги, – был этот пан без меня?» Слуга отвечал: «Сколько у меня волос на голове». Тогда Фальбовский приказал раздеть Мазепу донага и в таком виде привязал на его же лошади лицом к хвосту, потом велел дать лошади несколько ударов кнутом и несколько раз выстрелить у нее над ушами. Лошадь понеслась во всю прыть домой через кустарники, и ветви сильно хлестали Мазепу по обнаженной спине. Собственная прислуга насилу признала своего исцарапанного и окровавленного господина, когда лошадь донеслась во двор его матери. После этого приключения Мазепа ушел к казакам, служил сначала у гетмана Тетери, а потом у Дорошенка. Мазепа, кроме польского и русского языков, знал по-немецки и по-латыни, проходил прежде где-то в польском училище курс учения и, будучи по своему времени достаточно образован, теперь мог найти себе хорошую карьеру в казачестве. Здесь он женился. При Дорошенке Мазепа дослужился до важного звания генерального писаря и в 1674 году был отправлен на казацкую раду в Переяславль, где пред гетманом левой стороны Украины Самойловичем предлагал от имени Дорошенка мировую и заявлял желание Дорошенка находиться в подданстве у московского государя. Через несколько месяцев по окончании этого поручения, Дорошенко отправил Мазепу в Константинополь к султану просить помощи у Турции, но кошевой атаман Иван Сирко поймал Мазепу на дороге, отобрал у него грамоты Дорошенка и самого посланца отослал в Москву. Мазепу повели к допросу в Малороссийский приказ, которым тогда заведовал знаменитый боярин Артамон Сергеевич Матвеев. Мазепа, своим показанием на допросе, сумел понравиться боярину Матвееву: представился лично расположенным к России, старался оправдать и выгородить перед московским правительством самого Дорошенка, был допущен к государю Алексею Михайловичу и потом отпущен из Москвы с призывными грамотами к Дорошенку и к чигиринским казакам. Мазепа не поехал к Дорошенку, а остался у гетмана Самойловича, получивши позволение жить на восточной

стороне Днепра, вместе со своей семьей. Вскоре после того он лишился жены.

Самойлович поручил Мазепе воспитание детей своих, а через несколько лет пожаловал его чином генерального есаула, важнейшим чином после гетманского.

В этом звании, по поручению Самойловича, Мазепа ездил в Москву еще несколько раз, и, смекнув, что в правление царевны Софьи вся власть находилась в руках ее любимца Голицына, подделался к временщику и расположил его к себе. И перед ним, как прежде перед Матвеевым, вероятно, помогали Мазепе его воспитание, ловкость и любезность в обращении. Голицын и Матвеев оба принадлежали к передовым московским людям своего времени и сочувствовали польско-малорусским приемам образованности, которыми отличался и блистал Мазепа. Когда, после неудачного крымского похода, нужно было свалить вину на кого-нибудь, Голицын свалил ее на гетмана Самойловича: его лишили гетманства, сослали в Сибирь с толпой родных и сторонников, сыну его Григорию отрубили голову, а Мазепу избрали в гетманы, главным образом оттого, что так хотелось любившему его Голицыну. Обыкновенно обвиняют самого Мазепу в том, что он копал яму под Самойловичем и готовил гибель человеку, которого должен был считать своим благодетелем. Мы не знаем степени участия Мазепы в интриге, которая велась против гетмана Самойловича, должны довольствоваться только предположениями, и потому не вправе произносить приговора по этому вопросу.

Уже давно в Малороссии происходила социальная борьба между «значными» казаками и чернью; к первым принадлежали зажиточные люди, имевшие притязание на родовитость и отличие от прочей массы народа; чернь составляли простые казаки, но к последним, по общим симпатиям, примыкала вся масса посполства, т. е. простого народа, не входившего в сословие казаков, но стремившегося к равенству с казаками. Все старшины, владея доходами с имений, приписанных в Малороссии к должностям или чином, были сравнительно богаты и необходимо считались в классе значных; тем более причисляли себя к значным и держались их интересов лица,

которые получили польское воспитание и облечены были, по своему рождению или пожалованью, шляхетским достоинством. Гетман, прошедший молодость в Польше при дворе польского короля, был именно из таких. Он естественно должен был принести в казацкое общество, куда поступил, то польско-шляхетское направление, к которому так враждебно относилась малорусская народная масса. Скоро выказал Мазепа свои панские замашки и стал вразрез с народными стремлениями. Это тем более было для него неизбежно, что, действуя в польско-шляхетском духе, он одинаким образом должен был поступать для того, чтобы заслужить расположение московского правительства и удержаться на приобретенном гетманстве. Через несколько времени (в 1696 году), видевшие близко состояние Малороссии сообщали в Москву, что Мазепа окружил себя поляками, составил из них, в качестве своей гвардии, особые компанейские сердючие полки, что он мирволит старшинам, что он позволил старшинам обращать казаков к себе в подданство и отнимал у них земли. Мазепа первый ввел в Малороссии панщину (барщину) или обязательную работу, в прибавку к дани, платимой земледельцами землевладельцам, у которых на землях проживали. Мазепа строго запрещал посполитым людям поступать в число казаков, и этим столько же вооружал против себя малорусскую престонародную массу, сколько угождал видам московского правительства, которое не хотело, чтобы тяглые люди, принуждаемые правительством к платежу налогов и отправлению всяких повинностей, выбывали из своего звания и переходили в казацкое сословие, пользовавшееся, в качестве военного, льготами и привилегиями. Как только установился Мазепа на гетманстве, тотчас приблизил к себе свою родню. С ним было двое племянников, сыновей мазепиных сестер: Обидовский и Войнаровский. Мать Мазепы, инокиня Магдалина, сделалась настоятельницею киевского Фроловского монастыря. Московское правительство не только не поставило Мазепе в вину его поступков, но, для большего охранения его личности от народа, послало к нему полк стрельцов. «Гетман, – извещает один путешественник, посещавший тогда Малороссию, –



стрельцами крепок, без них хохлы давно бы его уходили, да стрельцов бояться, от того он их жалует, беспрестанно кормит и без них шагу не ступит».

Рассчитывая на могущество Голицына, Мазепа всеми способами старался угодить ему до тех пор, пока Петр в 1689 году не разделался с правлением Софьи и не отправил Голицына в ссылку. Мазепа, во время случившегося в Москве переворота, приехал случайно в столицу, разумеется, с намерением кланяться временщику, но, увидавши, что власть переменилась, постарался скорее разорвать связь с прежним правительством и примкнуть к новому. Это ему удалось. Мазепа стал просить у правительства того, чего именно русское правительство и домогалось в Малороссии, например, прибавки ратных людей, переписи казаков и стеснительных мер против народного буйства. И к Петру лично сумел подделаться Мазепа. Молодой царь полюбил его, и с тех пор считал его искренне преданным своим слугою.

Во все двадцатилетнее время гетманства Мазепы в Малороссии проявлялась ненависть к нему подчиненных, выражаясь то теми, то другими попытками лишить его гетманства. Чем долее держал Мазепа гетманскую булаву, тем более привыкал малорусский народ считать его человеком польского духа, врагом закоренелых казацких стремлений к равенству и ко всеобщей свободе; нелюбовь к Мазепе стала прежде всего выражаться, по малорусским привычкам, доносами и кознями. В конце 1689 года явился в Польшу к королю Яну Собескому русский монах Соломон с письмом от Мазепы, в котором малороссийский гетман изъявлял польскому королю желание присоединить Малороссию снова к Польше и побуждал к открытию вражды против России. Вслед за тем из Запорожья приехали к тому же королю посланцы с предложением принять Запорожье в подданство Польше. Благодаря одному православному придворному, жившему во дворце короля, о том и о другом узнал московский резидент, живший в Варшаве, Волков, а от Волкова узнали об этом и в Москве. Король послал Соломона в Украину, к гетману, без всякого письма, со словесным обнадеживанием своей милости,

а между тем дал тайное поручение львовскому православному епископу Иосифу Шумлянскому войти в сношение с Мазепою. Шумлянский отправил к Мазепе шляхтича Домарацкого с письмом и просил через посланного объявить, на каких условиях желает гетман Малороссии вступить в подданство польской державе. Мазепа, получивши письмо Шумлянского, отправил это письмо и привезшего его шляхтича в Москву; Соломон же узнал об этом заранее и не решился уже являться к гетману, а воротился в Варшаву, но чтобы, как говорится, не ударить перед поляками лицом в грязь, нанял на дороге в корчме какого-то студента и подговорил написать ему фальшивое письмо от имени Мазепы. Переписанное набело, это письмо Соломон подписал сам, подделываясь под почерк Мазепы, и поехал в Варшаву, а черновые отпуски письма позабыл взять у студента. Случилось, что прежде чем Соломон доехал до Варшавы, студент, раскутившись в корчме на полученные от Соломона два талера за свое искусство, открыл тайну случившейся там пьяной компании, а затем был арестован и приведен к королю. Студент во всем сознался и представил остававшиеся у него черновые отпуски сочиненного от имени Мазепы письма. Когда Соломон, явившись к королю, подал ему письмо от гетмана Мазепы, король, зная уже все, велел позвать студента и уличить Соломона в обмане. Черновые отпуски были налицо; заператься было невозможно. Соломон во всем сознался и был посажен в тюрьму, а потом, по требованию русского резидента, выдан московскому правительству. В 1691 году его привезли в Москву, расстригли и под прежним его мирским именем Семена Дротского отправили к гетману в Батурин. Там его казнили смертью. По всему видно, этот Соломон был орудием тайной партии, хотевшей навести подозрение на Мазепу в Москве и подготовить ему гибель.

Но еще когда московское правительство не имело в своих руках Соломона, а требовало его выдачи, в Киеве подкинута было анонимное письмо, которым остерегали русское правительство «от злого и прелестного Мазепы». Киевский воевода отправил письмо это в Москву, а из Москвы оно послано было прямо в руки Мазепы с тем, чтобы гетман

сообщил: не может ли, по своим соображениям, догадаться, кто бы мог составить это письмо? Мазепа указал, как на главных своих врагов, на бывшего гадячского полковника Самойловича, на зятя гетмана Самойловича, князя Юрия Четвертинского, на бывшего переяславльского полковника Дмитрашку Райча и на тогдашнего переяславльского полковника Леонтия Полуботка. По домогательству гетмана, оставленного гадячского полковника вывезли из его имения, находившегося в Лебединском уезде, привезли в Москву, а потом сослали в Сибирь; туда же сослан был и Райча; Юрия Четвертинского с женою и тещею переселили в Москву, а Леонтий Полуботок лишился должности полковника.

В Малороссии явился после того новый, более деятельный враг Мазепы и всей панской партии. Это был канцелярист Петрик, женатый на племяннице генерального писаря Василия Кочубея, человек предприимчивый, горячий и деятельный, по крайней мере, на первых порах. В 1691 году он убежал в Сечь с важными бумагами, украденными из войсковой канцелярии, и вооружал сечевых казаков разом и против гетмана, и против московской власти. В следующем 1692 году он ушел в Крым и писал оттуда в Запорожье, что намерен, по примеру Хмельницкого, привести крымцев в Украину, поднять весь малорусский народ и истреблять жидов-арендаторов, всех панов и богатых людей. Весть о таком замысле, проникая в Украину, тотчас нашла себе сочувствие; удалцы пустились к Петрику; кто полем, а кто водою. Мазепа отправил в Запорожье казака Горбаченка с подарками к тогдашнему кошевому Гусаку – убеждать его, чтоб он не допускал запорожцев приставать к Петрику; между тем волнение готово было открыться не в Запорожье, а между городovým казачеством в малороссийских полках. «Мы думали, – говорили тогда малороссияне, – что после Богдана Хмельницкого народ христианский не будет уже в подданстве; видим, что, напротив, теперь бедным людям хуже стало, чем при ляхах было. Прежде подданных держала у себя только старшина, а теперь и такие, у которых отцы не держали подданных, а ели свой трудовой хлеб, принуждают людей возить себе сено и дрова, топить печи да чистить конюшни;

москали же наших людей бьют, крадут малых детей и увозят в Москву». Более всего казались несносными для народа «оранды» – продажа вина, отданная в руки жидам, с платежом за то в войсковую казну. Горбаченко достал в Сечи и потом, по гетманскому приказанию, привез в Москву договор, заключенный Петриком с крымским ханом. Из этого договора видна была у Петрика мысль освободить от чужеземцев Украину обеих сторон Днепра (называемую им княжеством Киевским и Черниговским) и образовать из нее одно государство, под именем княжества малороссийского. Предоставлялось обывателям установить у себя такое правление, какое окажется им сродным. В своем универсале, обращенном главным образом к сечевым казакам, Петрик вспоминал варварства, причиненные некогда малороссийскому народу поляками: «Не сажали ли они братьев наших на колья, не топили ли в прорубях, не обливали ли водою на морозе, не принуждали ли казацких жен варить в кипятке своих детей?» Но упрекая в таких жестокостях одних соседей Малороссии, владевших краем прежде, не лучше относился Петрик к другим соседям: «Ненавистные монархи, среди которых мы живем, – писал он, – как львы лютые, пасти свои разинув, хотят нас поглотить, т. е. учинить своими невольниками». Он указывал, что малороссийский народ, отдавая неприятелю на сожжение свои города и села, защищает собою Московское государство как стеною, а Москва, в благодарность за то, хочет взять всех малоруссов в вечную неволю: «Позволили нынешнему гетману раздавать старшинам маентности, старшины позаписывали себе и детям своим в вечное владение нашу братию и только что в плуги их не запрягают, а уж как хотят, так и ворочают ими точно невольниками своими: Москва для того нашим старшинам это позволила, чтоб наши люди таким тяжким подданством оплошились и замыслам их не противились. Когда наши люди от таких тяжестей замужичают, тогда Москва берега Днепра и Самары осадит своими людьми». Очевидно, Петрик хотел повторить почти буквально историю Богдана Хмельницкого. Но события буквально не повторяются. Хмельницкому действительно удалось начать свое дело с Запорожья, а потом

перенести его в страну городских казаков. Петрику же это нimalo не удалось, хотя Петрик пошел было по тому же пути. Запорожцы к нему не пристали, кроме толпы отчаянных головорезов. В украинских селах заволновался было простой народ, посполитая чернь. «Пусть только придет Петрик с запорожцами, – говорили мужики, – мы все к нему пристанем, перебьем и старшин, и всех жидов-арендаторов, и всех своих панов, чтоб не было панов в Украине, а чтобы все были казаками». Так, быть может, и случилось бы, если бы с Петриком явилась, как с Хмельницким, порядочная запорожская военная сила. Но Петрик, не склонивши запорожцев, вступил в Украину с одними только татарами, да и те помогали ему не слишком охотно. Когда Петрик прибыл к пограничным украинским городам по реке Орели, бывшие с ним татары услышали, что гетман собирает полки и идет против них; они оставили Петрика и ушли: за ними последовал и Петрик в Крым; а Мазепа, так дешево отделавшись от угрожавшей бури, получил из Москвы благодарность и богатую соболью шубу, стоившую 800 рублей. Петрик продолжал еще несколько времени беспокоить Мазепу своими возмутительными универсалами к малорусскому народу, указывая, между прочим, на оранды как на важнейшую тягость для народа. Мазепа, соображая это, собрал в Батурине раду, пригласил на нее, кроме полковников, множество казаков и мещан и спрашивал: можно ли уничтожить оранды. После многих споров рада порешила, в виде опыта, на один год упразднить оранды и заменить доход от них сбором с тех людей, которые, на основании всем равно предоставленного права, станут курить вино и содержать шинки.

Весною 1694 года съехались вновь на раду полковые старшины и знатные казацкие товарищи; они приговорили собрать по городам и селам сходки и на них предложить всему народу вопрос: быть ли орандам или не быть? Такой всеобщий народный совет был повсеместно устроен, и народ приговорил: ради доходов, оставить оранды по-прежнему, потому что в последнее время, когда оранды были упразднены и деньги собирались с винокурень и шинков, происходили большие

споры, а в войсковой казне оказался против прежнего большой недобор.

Петрик был не страшен Мазепе; Петрик более похвалялся и более собирался делать, чем делал; был у гетмана еще один противник, самый деятельный и популярный, враг всех, связанных панским духом с Мазепиным гетманством. Это был предводитель казаков на правой стороне Днепра, Семен Палий, носивший звание хвастовского полковника.

Казачество на правой стороне Днепра разложилось и уничтожилось после перевода жителей на левый берег, совершенного по приказанию московского правительства вслед за падением Дорошенка. Правобережная Украина осталась пустою и такую должна была оставаться по мирному договору, заключенному между Польшею и Россиею. Но при короле Яне Собеском возникла у самих поляков мысль восстановить казачество, с тою же целью, с какою оно первоначально когда-то возникло: для защиты пределов Речи Посполитой от турок. Король, вступивши в войну с Турциею, начал рассылать офицеров с поручениями набирать всякого рода бродячую вольницу и организовать из них казаков. Ян Собеский в 1683 году назначил для возобновляемых казаков и гетмана, шляхтича Куницкого. У этого Куницкого оказалось казацкого войска уже до восьми тысяч. В начале 1684 года казацкая вольница казнила своего предводителя и выбрала другого – Могилу, но тогда значительная часть казаков с правого берега Днепра отошла на левый берег под власть Самойловича, и Могила принял под свою гетманскую власть не более двух тысяч человек. Тем не менее, в 1685 году король, приобревший большую популярность своею венскою победою над турками, убедил польский сейм признать законным образом восстановление казацкого сословия. Но едва только новый закон состоялся, как в Полесье и на Волыни он произвел суматоху и беспорядок. Одни шляхтичи и паны набирали людей в казаки, другие жаловались и кричали, что новые казаки производят буйства и разорения в панских имениях. В 1686 году Могилы уже не было, зато вместо него появилась целая толпа всяких начальников отрядов, с названиями полковников. Между

ними были люди и из шляхетства, и из простого народа: в числе последних был белоцерковский полковник Семен Иванович Палий, уроженец города Борзны с левой стороны Днепра. Сначала он убежал из своей родины в Запорожье, а потом, с толпою удальцов, пришел из Запорожья в правобережную Украину, уступленную Россиею полякам. Местопребыванием своим Палий сделал местечко Хвастов. Немногочисленное тогдашнее поселение правобережной Украины, состоявшее, главным образом, из приходивших с левого берега Днепра, сильно было проникнуто казацким духом, хотело всеобщей казацкой вольности, ненавидело поляков и жидов; Палий, более всякого другого, сочувствовал этому направлению и потому приобрел в себе любовь народа. Его задушевная мысль была освободить правобережную Украину от Польши и соединить ее с остальным малороссийским краем, находившимся под властью России. С этой целью Палий несколько раз через посредство Мазепы обращался к царю и просил принять его в подданство. Московское правительство не хотело заводить ссоры с Польшею и потому не стало потакать видам Палия. Оно предложило Палию сначала уйти на Запорожье, как в край, не принадлежавший ни России, ни Польше, и оттуда уже, по своему желанию, прийти в русские владения на жительство; но Палию не того хотелось: не сам он лично желал служить московскому царю, а хотел он отдать под власть царя весь тот край, который прежде был отдан России Хмельницким. Поляки каким-то образом успели схватить Палия и посадить под стражу в Немирове. Но Палий скоро освободился и прибыл в свой Хвастов; тут он увидел, что во время его заключения в Немирове киевский католический епископ, ссылаясь на давнюю принадлежность Хвастова сану католического епископа, овладел этим местечком и навел туда своих ксендзов. Палий перебил всех этих ксендзов и с тех пор стал в непримиримовраждебные отношения к полякам. Хвастов сделался гнездом беглецов, затевавших восстание по всей южной Руси против польских владельцев, пристанищем всех бездомных, бедных и вместе беспокойных; таких собирал около себя Палий с 1701 года и поджигал их против поляков. Между тем над

правобережными казаками продолжали существовать гетманы, утверждаемые властью короля. В первых годах XVIII в. был таким гетманом Самусь; он был друг Палия и со всеми своими казаками стал во враждебное отношение к полякам. Они объявили крестьянам вечную свободу от панов; все крестьяне призывались к оружию. Началась снова в Украине отчаянная борьба господ с их подданными. Шляхта составила ополчение и потерпела поражение. 16 октября 1702 года казаки овладели Бердичевым и произвели там кровопролитие над польскими солдатами, шляхтою и евреями; начальники ополчения бежали. После этого события народное восстание распространилось на Волыни и Подоле. На Волыни оно было скоро укрощено деятельностью волынского кастеляна Ледоховского, но на Подоле оно не могло так скоро и легко улечься, – там предводительствовал восставшим народом сам гетман Самусь. Он взял крепость Немиров. Казаки перебили мучительно там всех шляхтичей и евреев. Палий в это же время овладел Белою Церковью. Восстание по берегам Буга и Днестра росло на страх полякам. Сжигались усадьбы владельцев, истреблялось их достояние; где только могли встретить поляка или иудея – тотчас мучили до смерти; мещане и крестьяне составляли шайки, называя себя казаками, а своих атаманов – полковниками. Поляки и иудеи спасались бегством толпами; нашлись и такие шляхтичи, что приставали к казакам и вместе с ними делались врагами своей же братьи. Польша была тогда занята войной со Швецией; трудно ей было сосредоточить свои силы для прекращения беспорядков. Поляки стали просить царя Петра содействовать к усмирению малоруссов, и Петр приказал послать от себя увещательные грамоты Самусю и Палию. Грамоты эти не оказали влияния: Самусь и Палий указывали русскому правительству, что не казаки, а поляки подали первый повод к беспорядкам, потому что польские паны делают несносные притеснения своим русским подданным. Тогдашний великий коронный гетман Иероним Любомирский начал советовать панам прибегнуть к мирным средствам и составить комиссию, которая бы выслушала жалобы казаков, и то, что в этих жалобах найдется справедливым, получило бы



удовлетворение. Но многие другие паны хотели, напротив, крутых мер к подавлению народного мятежа: они советовали, за неимением готовых польских сил, прибегнуть к помощи крымского хана. На самого Любомирского брошено было подозрение в измене за его миролюбивые советы. Дело кончилось тем, что начальником ополчения, которое должно было усмирить народное волнение, назначен был, вместо Любомирского, постоянно интриговавший против него польный гетман Синявский. Этот предводитель собрал дворовые отряды разных панов и присоединил их к польскому войску, которое вообще было у него тогда невелико. Казаки, наделавши зла панам и иудеям в продолжение лета 1702 года, разошлись на зиму по домам и не могли скоро сплотиться: разрозненные их отряды были рассеяны без труда; Самусь был разбит в Немирове, потерял эту крепость и убежал. Товарищ Самуся, полковник Абазин, упорно отбивался от поляков в Ладыжине, но был взят и посажен на кол. Вся Подоль была скоро укрощена; всех, взятых в плен с оружием, сажали на кол; все городки и села, где только поляки встречали сопротивление, сжигались дотла; жителей перерезывали поголовно. Это навело такой страх на остальных русских подолян, что они стали уходить из своей родины: кто бежал в Молдавию, а кто к Палию, в Украину. Начался потом суд господ над непокорными подданными; участвовавших в восстании оказалось до двенадцати тысяч, но число таких, на которых могло падать подозрение в участии, было впятеро или вшестеро больше. По предложению Иосифа Потоцкого, киевского воеводы, всякому из таких подозрительных отрезывали ухо. Некоторые паны, пользуясь своим правом судить подданных, сами казнили их, но были и такие господа, которые сами защищали своих крестьян перед судом правительства, не допускали до расправы и говорили в извинение своих крестьян, что они были увлечены в мятеж посредством обмана другими крестьянами: народонаселение в южнорусском крае, подвластном Польше, было тогда невелико, и потому-то землевладельцы дорожили рабочею силою. Сам Синявский, совершивши несколько казней, оповестил амнистию всем, которые, по его приглашению, возвратятся в свои

жительства и по-прежнему начнут повиноваться законным панам своим. Окончивши усмирение народа на Подоле, Синявский со своим войском отошел в Польшу, но дух восстания не был сразу совершенно погашен: Самусь держался еще в Богуславе, хотя был уже для поляков мало опасен, потому что неудачными своими действиями и печальным исходом своей борьбы с поляками потерял популярность в народе; зато Палий, укрепившийся в Белой Церкви и владевший, сверх того, всем киевским Полесьем (северною частью нынешней Киевской губернии), стал теперь настоящим предводителем народа. И поляки, и русский государь через Мазепу обратились к нему и требовали от него сдачи Белой Церкви полякам; Палий отговаривался под разными предложениями, а между тем продолжал докучать России просьбами принять его в подданство. Сам Мазепа подавал царю совет принять Палия. Но Петр не хотел ссориться с Польшею, нуждаясь в содействии Августа против шведов, и продолжал требовать, чтобы Палий сдал Белую Церковь полякам. Палий упрямылся.

Тогда Мазепа, по царскому приказанию, выступил на правую сторону Днепра, как бы следуя против шведов, и начал звать к себе казацких начальников. Явился к нему Самусь и положил перед ним свои гетманские знаки. Явился и Палий, надеявшийся, что теперь, наконец-то, русский царь примет его в подданство и исполнится давнее его желание. Мазепа задержал Палия в своем лагере, по-видимому, дружелюбно, а между тем сносился с Головиным и спрашивал, что следует делать с Палием, который, как доносил Мазепа, пребывая в гетманском лагере, постоянно пьянствовал. Головин приказал предложить Палию ехать в Москву, а если он откажется, то узнать – не расположен ли он к врагам России, и, в случае улик в таком расположении, арестовать его. Обличители Палия тотчас нашлись: какой-то хвастовский иудей показал, что Палий сносился с гетманом Любомирским, принявшим тогда сторону Карла XII, и Любомирский обещал Палию прислать денег от шведского короля. Показания арендатора-еврея подтвердил священник Гриц Карасевич. Мазепа, простоявши несколько

дней лагерем в местечке Паволочи, в конце июля 1704 года перешел в Бердичев и там, пригласивши к себе Палия, напоил его допьяна, потом приказал заковать и отправил в Батурин, где караульные сдали Палия, вместе с его пасынком, русским властям. По царскому приказанию его отправили на вечную ссылку в Енисейск.

Так, в согласии с русским правительством расправлялся Мазепа с народными элементами в южной Руси, враждебными польско-шляхетскому направлению. Русский государь все более и более благоволил к Мазепе и считал его единственным из всех бывших малороссийских гетманов, на которого смело могло положиться русское правительство. Во время взятия Азова, Мазепа охранял у Коломака русские границы от татар, а пятнадцать тысяч его казаков, под начальством черниговского полковника Лизогуба, отличались под Азовом. За это более всех награжден был царем сам Мазепа. Еще в 1696 году, после взятия Азова, царь виделся с ним в полковом городе слободских полков Острогожске и получил от него в подарок турецкую саблю с драгоценною оправой и щит на золотой цепи, а гетмана отдал шелковыми материями и собольими мехами. В 1700 году государь сделал Мазепу кавалером учрежденного ордена Андрея Первозванного. В 1703 году Петр подарил ему Крупичкую волость в Сев-ском уезде. В шведской войне участвовали казаки без Мазепы, под предводительством других начальников, а царскую признательность за их подвиги получал малороссийский гетман. Стараясь более поддаться в милость к государю, Мазепа в своих донесениях то и дело жаловался на беспокойный дух подчиненных себе малоруссов, особенно бранил запорожцев. В одном только расходился гетман с царем: гетман постоянно считал возможным и полезным возвратить в подданство России, уступленную Польше, правобережную Малороссию; Петр не поддавался таким советам, не желал ссориться с Польшею, но не сердился и на Мазепу за его советы, будучи уверен, что гетман дает их от преданности русским интересам. В 1705 и 1706 годах Мазепа ходил с войском в польские пределы, не сделал там ничего важного, но имел еще случай расположить к себе царя, предложивши ему в

дар 1000 лошадей, именно в то время, когда Петр нуждался в них для войска. В 1707 году царь велел Мазепе возвратиться из Польши.

Трудно было кому-нибудь вооружать царя против любимого гетмана. По укоренившейся у малоруссов охоте к доносам, много было желавших подготовить Мазепе путь Многогрешного и Самойловича. Но из боязни за собственную голову, мало находилось охотников сунуться с доносом к царю, который так верил гетману. В 1699 г. вздумал было бунчуковый товарищ Данило Забела, опираясь на покровительство боярина Бориса Петровича Шереметева, явиться в Москву обвинять Мазепу в тайных сношениях с ханом; дело кончилось тем, что доносителя самого отправили в Батурин к Мазепе: там Забела предан был генеральному суду и под пыткой показал, что говорил о гетманской измене в пьяном виде без разума и памяти. Его приговорили к смертной казни, но Мазепа даровал ему жизнь, заменивши смертную казнь тяжелым пожизненным заключением. В 1705 году Мазепа имел случай показать Петру несомненный довод своей верности. Избранный Карлом XII в польские короли, Станислав Лещинский попытался было отправить к Мазепе какого-то Вольского с подущениями – склонить гетмана на свою сторону. Но Мазепа прислал письмо Станислава к царю и жаловался, что враги оскорбляют его, считая способным к измене своему государю. После этого события еще труднее было кому-нибудь отважиться на донос, пока в 1707 году нашелся новый доноситель на Мазепу: то был один из членов генеральной старшины, генеральный судья Василий Леонтьевич Кочубей.

Между гетманом и Кочубеем существовала семейная вражда. У Кочубея было две дочери: одна – Анна, вышедшая за Мазепина племянника Обидовского и скоро овдовевшая, другая – Матрена, Мазепина крестница. Мазепа, будучи вдовцом, вздумал сделать предложение Матрене. Родители воспротивились такому браку, который ни в каком случае не мог быть дозволительным по церковным правилам. Мать Матрены, женщина гордая и вздорная, начала после того обращаться сурово со своей дочерью и довела ее до того, что ей не стало

терпения жить в родительском доме, находившемся в Батурине, где ее отец должен был постоянно проживать по званию генерального судьи. Матрена убежала к гетману. Мазепа, не желая срамить девушку, отослал ее обратно к родителям, хотя писал ей потом: «Никого еще на свете я так не любил, как вас, и для меня было бы счастье и радость, если бы вы приехали и жили бы у меня, но я сообразил, какой конец из того может выйти, особенно при такой злобе и ехидстве ваших родных: пришло бы от церкви неблагословение, чтоб вместе не жить, и где бы я тогда вас дел. Мне вас было жаль, чтоб вы потом на меня не плакали». Но положение возвращенной в родительский дом Матрены стало еще хуже: мать мучила ее жестоким обращением; отец, находясь под сильным влиянием жены, поступал во всем так, как она хотела. Родители Матрены жаловались в кругу своих знакомых, что гетман обольстил их дочь и обесславил их семью. Матрена тайно переписывалась с Мазепой, жаловалась на мать, называя ее мучительницей. Мазепа утешал ее, уверял в своей любви, но советовал ей в крайнем случае идти в монастырь. Кочубей писал к Мазепе упреки, а Мазепа отвечал ему: «Ты упоминаешь о каком-то блуде; я не знаю и не понимаю ничего; сам ты, видно, блудишь, слушаясь своей гордой, болтливой жены, которую, как вижу, не умеешь сдерживать. Справедлива народная пословица: где всем правит хвост, там, наверно, голова блудит. Жена твоя, а не кто другой причиной твоей домашней печали. Святая Варвара убегала от своего отца, да и не в гетманский дом, а к пастухам в каменные расщелины».

По наущению жены своей, Кочубей искал возможности тем или другим способом сделать гетману зло и пришел к мысли: составить донос и обвинить гетмана в измене. Сначала посредником для представления доноса выбран был какой-то великорусский монах из Севска, шатавшийся за милостыней по Малороссии. Он был принят у Кочубея в Батурине, накормлен, одарен, и выслушал от Кочубея и от его жены жалобный рассказ о том, как гетман, зазвавши к себе в гости дочь Кочубея, свою крестницу, изнасиловал ее. Когда этот монах посетил Кочубеев в другой раз, супруги сперва заставили монаха целовать крест в

том, что будет хранить в тайне то, что услышит от них, потом Кочубей сказал: «Гетман хочет отложиться от Москвы и пристать к ляхам; ступай в Москву и донеси об этом боярину Мусину-Пушкину». Монах исполнил поручение. Монаха допросили в Преображенском приказе, но никакого дела об измене малороссийского гетмана не начинали. Прошло несколько месяцев. Кочубей, видя, что попытка не удалась, стали искать других путей; они согласились с бывшим полтавским полковником Искрой, свояком Кочубея. Не решаясь сам начинать дело, Искра услужил Кочубею только тем, что отправил полтавского попа Спасской церкви, Ивана Святайла, к своему приятелю, ахтырскому полковнику Федору Осипову, просить у него свидания по важному государеву делу. Ахтырский полковник съехался с Искрой в своей пасеке. «Я слышал от Кочубея, – сказал ему Искра, – что Мазепа, соединившись с Лещинским, намерен изменить царю и даже злоумышлял на жизнь государя, думая, что государь приедет к нему в Батурин».

Ахтырский полковник известил о слышанном киевского воеводу и в то же время отправил в Москву от себя письма о предполагаемой измене гетмана, между прочим письмо к царевичу Алексею. Царь узнал обо всем 10 марта 1708 года и в собственноручном письме к Мазепе обо всем известил гетмана, сам уверял, что ничему не верит, считает все слышанное произведением неприятельской интриги, и заподозревал миргородского полковника Апостола, который, как царю было ведомо, недружелюбно относился к гетману. Царь заранее предоставлял гетману схватить и сковать своих недоброжелателей. Между тем сам Кочубей, по совету попа Святайла, отправил в Москву к царевичу еще один донос с перекрестом Янценком. Привезенный этим посланцем донос, доставлен был в руки государя. Но и этому доносу Петр не поверил и снова известил гетмана. Тогда гетман просил царя через канцлера Головкина повелеть взять доносчиков и прислать в Киев, чтоб судить их в глазах малороссийского народа. Царь на это согласился. Кочубей находился в своем имении Диканьке, близ Полтавы. Гетман отправил туда казаков

взять его и Искру. Но Кочубей и Искра узнали об этом заранее, убежали в Ахтырский полк и спрятались в местечке Красный Кут под защиту ахтырского полковника. Гетман известил об этом канцлера Головкина, а Головкин отправил капитана Дубянского отыскать Кочубея, Искру и Осипова, благодарить их от имени государя за верность и пригласить их, для объяснения, ехать в Смоленск, надеясь на царскую милость и награждение. В то же время Петр, отпуская к Мазепе его генерального есаула Скоропадского, обнадеживал гетмана, что доносчикам, как клеветникам, не будет оказано никакого доверия и они примут достойную казнь.

Доносчики доверились Головкину и поехали. С Кочубеем и Искрой отправились ахтырский полковник Федор Осипов, поп Святайло, сотник Петр Кованько, племянник Искры, двое писарей и восемь слуг Кочубея и Искры. С Белгорода их сопровождал сильный конвой, но так, чтобы им не казалось, что они едут под караулом. 18 апреля 1708 года прибыли они в Витебск, где находилась главная квартира государя.

На другой день после прибытия доносчиков, начали допрашивать их царские министры. Прежде всех спрашивали ахтырского полковника Осипова. Он был только передатчик того, что сообщили ему, и не мог сказать ничего важного и нового по самому делу. Затем, приступили к Кочубею, и тот подал на письме 33 статьи<sup>21</sup> доноса о разных признаках, обличавших, как думал доноситель, гетмана Мазепу в измене:

1) В 1706 году в Минске говорил ему гетман наедине, что княгиня Дольская, мать Вишневецких, родственница Станислава Лещинского, уверяла его, что король Станислав желает сделать Мазепу князем черниговским и даровать запорожскому войску желанную волю.

2) В том же году Мазепа дурно отзывался о гетмане польном литовском Огинском, который держался стороны русского государя.

3) Услыхавши, что король Август, оставив Польшу, уехал в Саксонию к шведскому королю, Мазепа сказал: «Вот чего боялись, того не убоялись».

4) В 1707 году, услышавши, что у Пропойска побиты царские ратные люди, встретившись на дороге с Кочубеем, гетман спрашивал у него «тихим гласом»: справедлива ли эта весть?

5) В том же году у себя в Батурине, за обедом, сказавши, что получил весть о поражении царских людей, смеялся и говорил: «Судья плачет об этом, но у него слезы текут (!)», а потом пил за здоровье княгини Дольской.

6) Через неделю после того гетман объявлял Кочубею, что от достоверных людей слышал, будто король шведский хочет идти на Москву и учинить там иного царя, а на Киев пойдет король Станислав; Мазепа сказал при этом: «Я просил у государя войска оборонять Киев и Украину, а он отказал, и нам придется поневоле пристать к королю Станиславу».

7) 17 мая того же года я просил дозволения отдать свою дочь за сына Чуйкевича и в следующее воскресенье устроить сватовство, а Мазепа сказал: «Как будем с ляхами в соединении, тогда для твоей дочери найдется жених знатный шляхтич, потому что хотя бы мы добровольно ляхам не покорились, то они нас завоюют». И мы с Чуйкевичем на другой после того день порешили обвенчать наших детей поскорее.

8) 28 мая сербский епископ Рувим говорил, что гетман печалился и жаловался, что государь обременяет его требованием доставки лошадей.

9) 29 мая гетман пригласил недавно обвенчанную дочь мою в Гончаровку крестить с ним девочку жидовку и за обедом сказал ей: «Москва хочет взять в крепкую работу всю малороссийскую Украину».

10) Один канцелярист писал записку, что в Киеве иезуит ксендз Заленский говорил ему и другим: «Вы, господа казаки, не бойтесь шведов, которые не на вас готовятся, а на Москву. Никто не знает, где огонь кроется и тлеет, а все узнают тогда, когда вспыхнет пожар: только тот пожар не скоро угаснет». Мазепа в Киеве веселился, гулял с музыкой, вместе с полковниками, и всех заохочивал к веселости, а на другой день послан был казак с гетманскими письмами ко ксендзу



Заленскому. С какой бы стати ему сноситься письменно с этим ксендзом, если бы у него не было злого намерения?

11) Писарь полтавский говорил своему племяннику, что в Печерском монастыре он приходил к гетману, а у гетмана были заперты двери, и гетманский служитель сказал: «Гетман с полковниками читает гадяцкий договор гетмана с поляками».

12) В декабре 1707 года приезжал в Батурин Кикин, и Мазепа собрал около себя 300 человек вооруженных сердюков. Вероятно, это он сделал, услышавши, что за Кикиным хочет приехать в Батурин сам государь, и Мазепа намеревался обороняться и отстреливаться от государя.

13) На праздник Рождества приезжал к гетману в Батурин ксендз Заленский, и писарь гетманский Орлик проводил его тайно в гетманский хутор близ села Бахмача, а ксендз ночью приезжал на свидание с Мазепой в Гончаровку.

14) Мазепа говорил, что кто бы из старшин или полковников ни пристал к нему, того он засадит в тюрьму на смерть безо всякой пощады: видно из этого, что он имеет намерение отложиться от царя и соединиться со Станиславом.

15) Есть в Полтаве казак Кондаченко; гетман многократно посылал его к разным крымским султанам и к самому хану со словесными поручениями. Видно, это он делал для того, чтоб со временем иметь татар для своей услуги. И другого человека, по прозванию Быевского, посылал Мазепа в Крым и к белгородским татарам, но неизвестно зачем.

16) Один раз, бывши в моем доме и подгулявши, когда я стал пить за его здоровье, Мазепа вздохнул и сказал: «Что мне за утеха, когда я живу, не имея никакого ручательства в своей целости и жду как вол обуха?» Потом, обратившись к жене моей, он начал хвалить изменников Выговского и Брюховецкого: «Они, – говорил он, – хотели выбиться из неволи, да злые люди их до того не допустили, и мы хотели бы промыслять далее о своей цельности и вольности, да еще способов к тому не имеем, а главное, что у наших нет единомыслия; вот я и твоему мужу много раз заговаривал о том, как бы нам на будущие времена обеспечить и себя и тех, которые после нас будут жить,

а муж твой молчит, никаким словом мне не поможет: и ни от кого мне нет помощи, и никому я не могу довериться».

17) Один раз гетман говорил полковникам так: «Может быть, вы думаете, что я намереваюсь возложить гетманство на Войнаровского; я этого не желаю: вольно вам будет избрать себе в гетманы кого хотите, а Войнаровский и без того в своем отцовском углу может себе проживать; я же гетманский уряд и теперь вам готов уступить». Ему на это сказали: «Не дай Бог, чтобы мы этого желали». Тогда он повторил: «Если между вами есть кто-нибудь такой, кто бы мог отчизну свою спасать, я тому уступлю; если вы на мне хотите оставить эту тягость, то извольте меня слушать и смотреть на мое руководство: я уже пробовал ханской дружбы; был расположен ко мне бывший хан Казын-Гирей; но его отставили; а теперешний сначала было дружелюбно отвечал мне на мои письма, но потом посылал я в Крым своего посыльщика, да не получал уже никакой надежды оттуда: кажется, надобно дело наше начинать с другого бока и придется, уговорившись и постановивши свое намерение, браться за сабли».

18) Мазепа держит при себе слуг ляшской породы и употребляет их для посылок без указа государя, а это не годилось бы.

19) Государь запретил выводить людей с левой стороны на правую, а гетман указа не исполняет. Из всех городов и сел люди уходят на правую сторону, и мать гетмана, умершая игуменья, перевела много людей в основанные ею на другой стороне Днепра слободы; от этого люди на левой стороне Днепра принуждены, с большим против прежнего отягощением, кормить конные и пехотные полки и думают также уходить на Заднепровье.

20) На Коломакской раде поставлено, чтобы малороссияне с великороссиянами вступали в родство и свойство, а гетман до того не допускает и между малороссиянами и великороссиянами увеличивается удаление и незнакомство.

21) Все города малороссийские не укрепляются, и самый Батурин 20 лет стоит без починки. Люди говорят, что так

делается с той целью, чтобы города не в силах были защищаться.

22) Гетман предостерегает запорожцев, что государь хочет их уничтожить, а когда пришла весть, что запорожцы, согласившись с татарами, собираются идти на слободские полки, Мазепа сказал тогда: «Пусть бы эти негодяи делали то, что собираются делать, а то они только дразнят!»

23) Одна близкая Мазепе особа выразилась о татарах: «Эти люди скоро будут нам нужны».

24) Львовский мещанин Русинович говорил, что возил к Мазепе письма от разных польских панов. Тот же Русинович рассказывал, что польский коронный гетман Синявский поручил ему сказать Мазепе, что государь не удержится против шведов, и казаки, если с ним будут заодно, погибнут, а если будут за поляками, то останутся в целости при своих вольностях. «Я, – говорил Русинович, – передал это гетману, а гетман отвечал: «Лишь бы Бог дал мне силы и здоровье, которое ослабело; я расположен к господам полякам; я бы не был шляхтичем и сыном коронной земли, если бы не желал добра польской короне. Вижу, государь оскорбил Польшу, но и Украину он очень обременил; сам я не знаю, что делать с собой; если до чего придется, не в силах буду удержать казаков, когда они захотят куда-нибудь склониться"". Тот же Русинович говорил, что приезжал в Киев для размена денег мещанин львовский Гордон, шведский партизан, и Мазепа велел ему выдать из войсковой казны в размен 20000 р. Он же, Русинович, говорил, что все ляхи любят гетмана Мазепу, и когда в Люблине был выбор короля, то Синявский и другие паны подавали свои голоса, вероятно, с надеждой, что Мазепа пособит деньгами Речи Посполитой. Наконец, передававшийся на шведскую сторону пан Яблоновский часто говаривал: «Мы надеемся на Украину, потому что там есть шляхта, наша братья».

25) Гетман распоряжается самовольно войсковой казной, берет сколько хочет и дарит кому хочет. Было бы довольно с него десяти городов гадяцкого полка, с которых идут ему все доходы, кроме того, у него во власти есть волости и села значительные, а он берет себе доходы с порукавичных и

арендовых с большим умножением, и оттого арендаторы стали продавать дороже горилку. Прежде, бывало, полковников избирали вольными голосами, а теперь гетман за полковничьи места берет взятки. Умер киевский полковник Солонина, оставивши внуков и племянников. Гетман отобрал у них села и отдал своей матери, и после смерти генерального обозного Борковского Мазепа отнял у жены его и у малолетних детей имение и присвоил себе.

26) Наконец, Кочубей представил малороссийскую думу, сочиненную Мазепой и полученную Кочубеем от какого-то архимандрита, лет десять тому назад. Дума эта, по указанию Кочубея, была доводом непостоянства гетмана в верности царю.

Из этих пунктов ясно можно видеть, что Кочубей явился без всяких юридических улик, и донос его беспристрастным людям не мог показаться нимало основательным. Неудивительно, если после таких показаний Кочубей и его товарищ были взяты под стражу, а 21 апреля приведены к пытке.

Искре сделали допрос: не был ли донос по наущению неприятеля? Искра показал, что неприятельского наущения не было, и он за гетманом никакой измены не знает, а подушал его подавать донос Кочубей в течение двух лет, и когда Искра уговаривал Кочубея отстать от своего намерения, то Кочубей отвечал, что готов умереть, лишь бы обличить Мазепу. Искре дали 10 ударов кнутом. Потом приведен был к пытке Кочубей и, не дожидаясь мук, сказал: «Я на гетмана написал донос, затеяв ложь по злобе, надеясь, что мне поверят без дальнего розыска; и на всех особ, о которых писал в доношении, писал ложно». Ему дано было 5 ударов кнутом.

Искру еще раз подвергли пытке и дали 8 ударов. Он еще раз показал, что не знает за гетманом ничего, кроме верности царю.

Допрашивали сотника Кованька с пыткой два раза; на него Кочубей в своем доносе ссылался как на свидетеля относительно речей ксендза Заленского. Кованько показал, что Кочубей научил его, обнадеживая милостью государя, а сам он, Кованько, ничего не знает об измене гетмана.

27 апреля Кочубей написал письмо государю и изложил в своем письме истинную причину своей злобы к Мазепе. Тут Кочубей рассказал о том, что Мазепа, после неудачного сватовства на его дочери, похитил ее ночью тайно, а потом возвратил ее родителям с Григорием Анненковым, приказавши передать Кочубею такие слова: «Не только дочь твою силой может взять гетман, но и жену твою отнять может». После того прельщал Мазепа дочь Кочубея письмами и чародейским действием довел ее до исступления: «Еще дочери моей возбесится и бегати, на отца и мать плевати». Кочубей представил пук любовных писем Мазепы к Матрене.

Поп Святайло, писавший донос и теперь подвергнутый пытке, показал, что действовал по приказанию Кочубея, а сам ничего не знает за Мазепой.

30 апреля, по царскому указу, всех доносчиков препроводили за крепким караулом в Смоленск и велели держать их скованными, не позволяя сообщаться между собой, но 28 мая снова приказано привести их в Витебск.

Тогда Кочубея опять подвергли пытке и допрашивали: не было ли к нему какой-нибудь подсылки от шведов, поляков партии Лещинского, запорожцев или крымских татар? Ему дано было три удара кнутом; Кочубей показал, что ни о чем не знает, ни с кем у него не было совета и все против Мазепы он затеял по своей злобе. Искре на пытке дали 6 ударов, допрашивая о том же; Искра по-прежнему показал, что ни от кого, кроме Кочубея, не слышал дурного о Мазепе.

С такими же вопросами пытали снова Святайла и Кованька; первому дали 20, последнему 14 ударов. Осталось переходившее из уст в уста предание, что когда сотник и поп, испытавши пытку, лежали на полу под рогожами, сотник сказал попу: «Что, отче, сладок московский кнут, не купить ли его домой женам на гостинец?» Вероятно, он намекал на жену Кочубея, которая была главной заправщицей во всей этой затее. Святайло отвечал: «О, чтоб тебя, Петр... или мало тебе спину исписали?»

В заключение допросили Кочубея и Искру об их имуществе. Кочубей описал все имевшиеся у него деньги, долги,

числившиеся на разных лицах, лошадей и скот в своих имениях.

Государь приказал Кочубея и Искру препроводить к Мазепе и казнить обоих смертью перед всем запорожским войском, попа Святайло и присланного прежде от Кочубея с доносом монаха запереть в Соловецкий монастырь, а сотника Кованька, писарей и служителей Кочубея и Искры отправить в Архангельск и поверстать в солдаты.

Стольник Иван Вельяминов-Зернов в сопровождении солдат повез Кочубея и Искру в Киев. Путь их лежал водой от Смоленска по Днепру. Преступники были скованы. 29 июня Вельяминов-Зернов прибыл в Киев и поместил осужденных в Ново-Печерской крепости, а сам тотчас послал известить об этом гетмана. 7 июля гетман находился в обозе, расположенном за Белой Церковью, в местечке Борщаговке; он послал оттуда в Киев бунчукового товарища Максимовича с сотней казаков и с ним драгунского поручика Алымова с сотней драгун. Вельяминов-Зернов прибавил к этому присланному от Мазепы отряду еще солдат, взявши их у киевского воеводы, и повез осужденных в гетманский обоз. 12 июля, в присутствии всей генеральной старшины, он выдал преступников гетману и подал ему царскую грамоту. Кочубея снова подвергли допросу об его имуществе, и он к прежним показаниям прибавил еще известие о нескольких ценных вещах, бывших у него.

14 июля, рано утром, при многочисленном собрании казаков и малороссийского народа, Кочубею и Искре отрубили головы. Тела их лежали напоказ народу, пока не окончилась обедня, а потом были положены в гробы и отвезены в Киев. Там похоронили их июля 17, во дворе Печерского монастыря, близ трапезной церкви.

Жена Кочубея еще раньше, когда Кочубей был в Витебске, была взята посланцем Мазепы гадячским полковником Трощинским, вместе с детьми и невесткой, женой сына ее Василия, в Диканьке, и привезена в Батурин в старый двор своего мужа, а невестку, по приказанию Мазепы, отпустили к ее родителям, у которых в то время находился и муж ее.

Жену Кочубея несколько времени держали под строгим караулом; после казни мужа она была отпущена.

Петр был глубоко убежден в верности к себе Мазепы и думал, конечно, что совершил строгое, но вполне справедливое дело, предавши казни доносчиков, покушавшихся оклеветать перед царем его верного и испытанного слугу.

Прошло лето; приближалась осень. Государь услышал, что Карл XII поворотил к югу и приближается к Малороссии. По этому слуху, Петр дал распоряжение, чтобы гетман шел к великороссийскому войску на соединение, а казацкая конница преследовала неприятеля сзади и нападала на его обоз. Самого гетмана царь желал видеть начальником этой конницы во время ее военных действий. Мазепа хотел уклониться от такого поручения и, в письме своем к государю, жаловался «на подагричные и хирагричные припадки»; страшные боли мешают ему ехать верхом. Но Мазепа, сверх того, написал царю такое соображение: «Если я особой моей гетманской, оставя Украину, удалюсь, то вельми опасаясь, дабы по сие время внутреннее между здешним непостоянным и малодушным народом не произошло возмущение». Мазепа давал царю такой отзыв о всем малороссийском народе: «Я у здешних не только мало, но и никого так верного не имею, который бы сердцем и душой, вернее и радетьнее вашему царскому величеству по сей случай служил». Это было сказано в такт с тогдашними воззрениями Петра, который и сам опасался, чтобы прокламации Карла XII, расходясь по Малороссии, не возволновали там умов. В октябре Карл уже подходил к пределам Малороссии; Шереметев и Меншиков с русским войском находились близ Стародуба, готовые встречать идущего в Малороссию неприятеля. Сам Петр, после победы под Лесным, готовился лично идти к своей армии. Головкин, по царскому приказанию, торопил гетмана письмами, побуждая идти к Стародубу со своими казаками на соединение с царскими силами. Мазепа еще раз хотел отделаться «хирагричной и головной болезнью и многодельствием», а более всего указывал на опасность беспоконья в Малороссии. «Уже теперь, – писал он к Меншикову, – по городам великими толпами ходят пьяницы, мужики по корчмам с ружьями вино насильно берут, бочки рубят и людей побивают. Из Лубен пишут, что там гуляки,

напившись насильно взятым вином, убили до смерти арендатора и старшину чуть не убили. Мятеж разливается в Полтавском, Гадячском, Лубенском, Миргородском, Прилукском, Переяславльском полках... Стародубский полковник пишет, что в Стародубе сапожники и портные и весь черный народ напали на дом тамошнего войта с дубьем, отбили погреб, забрали закопанные в земле вина и в иных дворах побрали бочки с вином и, перепившись, побили до смерти пятьдесят жидов. В Мглине сотника до смерти приколотили и три дня в тюрьме держали: если бы товарищи, казаки его сотни, не освободили его, то он бы жив не остался; арендаторов хотели перебить, да они в лес ушли. В Черниговском полку сын генерального есаула насилу ушел от своевольников ночью со своим имуществом... В Гадяче гуляки и пьяницы учинили нападение на мой замок и хотели убить моего управителя и разграбить мои пожитки, но мещане не допустили. Отовсюду пишет ко мне городовая старшина и просит помощи против бунтовщиков. По берегу Днепра снуют шайки, одна в 800, другая человек в 1000, – все это русские люди, а главное, донцы. Над одной шайкой атаманом Перебий Нос, а над другой Молодец. Бродяги как вода плывут к ним отовсюду, и если я с войском удалюсь в Стародубский полк, то надобно опасаться, чтоб эти негодяи не сделали нечаянно нападения на города. Да и со стороны Сечи нельзя сказать, чтоб было безопасно. По этой-то причине полковники и старшина полковая с сотниками не желают похода к Стародубу и хоть явно мне в глаза не противятся монаршему указу, но заочно ропщут на меня, что я веду их в Стародубовщину, на крайнюю погибель их жен, детей и достояний. Если и теперь, когда я внутри Украины с войском, бродяги и чернь затевают бунты, то что ж тогда, когда я с войском удалюсь? Начнут честных и богатых людей и пожитки их грабить. Будет ли это полезно интересам его царского величества?»

Получивши такое письмо Мазепы, генералы и министры составили консилиум и порешили, чтобы гетман назначил вместо себя наказного гетмана для оберегания внутренности Украины, а сам бы все-таки шел к главной армии.



Мазепе надобно было на что-нибудь решаться: или, оставаясь верным царю, примкнуть к великороссийскому войску, или перейти на сторону шведского короля. В Малороссии относительно измены были несколько другие понятия от тех, какие образовались впоследствии, когда эта страна теснее примкнула к России. Край присоединился сравнительно еще недавно, малороссияне еще не привыкли считать Великороссию таким же отечеством, как и свою Малороссию. Простой народ – посполство, правда, примыкал к монархической власти, но это потому, что надеялся в ней найти опору против старшины и вообще значного казачества. При господстве в народе старого стремления всем поступать в казачество чувствовалось в монархической власти уравнивающее всех начало; оттого всегда, как только в Малороссии старшины начинали помышлять что-нибудь вразрез с монархической властью, можно было надеяться, что посполство станет на сторону последней. У всех значных укоренился такой взгляд, что малороссийский народ сам по себе, а московский тоже сам по себе, и при всяких обстоятельствах малорусс должен идти туда, где ему лучше, хотя бы оттого «москалю» было и хуже. Уже давно существовала боязнь, что рано или поздно Москва искоренит казачество, нарушит все так называемые малороссийские права и вольности и постарается уравнить Малороссию со своими великорусскими областями. Железная рука Петра уже начиналась чувствоваться в Малороссии, хотя преобразовательные намерения государя явно не налегали на этот край. Вопрос о том, что именно побудило Мазепу перейти на сторону Карла, много раз был предметом исследования историков, и в наше время образовалась мысль, что переход Мазепы произошел внезапно, в силу такого положения, в котором гетману приходилось выбирать то или другое. Если и прежде, в порывах негодования к Москве, бродила в его голове, как и в головах старшин, мысль о союзе с Карлом, то мысль эта едва ли бы осуществилась, когда бы сам Карл, своим движением в Малороссию, не дал ей хода. До сих пор Мазепа отделялся от требований русского правительства своими «хирагрическими и подагрическими» припадками, но дальше

отвертываться нельзя было, особенно после того, когда, вслед за сообщенным гетману решением консилиума, Меншиков написал ему, что нуждается с ним видаться для совещаний. Мазепа пригласил на совет обозного Ломиковского, генерального писаря Орлика и других старшин и полковников и спрашивал, что ему делать. «Не ездь, – сказал ему Ломиковский, – иначе ты и себя, и нас, и всю Украину погубишь! Мы уже сколько раз просили тебя: посылай к Карлу, а ты все медлил и словно спал; теперь – вот войска великороссийские вошли в Украину на всенародное разорение и кровопролитие, и шведы уже под носом. Неведомо, для чего медлишь». – «Вы мне не советуете, а только обо мне переговариваете. Черт вас побери! – сказал Мазепа, вспыхивши. – Вот я возьму Орлика и поеду с ним ко двору его царского величества, а вы себе тут хоть пропадайте!» Однако через минуту Мазепа смягчился и ласково спросил старшину: «Посылать к королю или нет?» – «Как не посылать, давно пора!» – отвечали ему. Тогда Мазепа поручил Орлику написать по-латыни инструкцию посольства к шведскому министру графу Пиперу. Мазепа в этой инструкции изъявлял радость о прибытии Карла XII к Украине, просил помощи и освобождения всего малороссийского народа от тяжкого московского ига и обещал для шведского войска приготовить паромы на Десне, у Макошинской пристани. Эту инструкцию повез, по приказанию Мазепы, управитель его Шептаковской волости Быстрицкий, свойственник Мазепы, отправившись в шведскую армию вместе с пленным шведом, посланным при нем в качестве переводчика. Между тем к Меншикову Мазепа послал своего племянника Войнаровского известить царского любимца, что находится в болезни при смерти и отъезжает из Батурина в Борзну, где намерен собороваться маслом от киевского архиерея. Меншиков, получивши такое известие, уведомил об этом царя. «Жаль такого доброго человека; если от болезни его Бог не облегчит, – писал он, – а о болезни своей пишет, что от хирагрической и подагрической болезни приключилась ему эпилепсия». Между тем Меншиков сам решил ехать к гетману в Борзну.

Мазепа был в Борзне. 21 октября Быстрицкий возвратился из шведского обоза и прибыл к гетману известить, что за ним вслед на другой день должно прибыть к Десне шведское войско. За Быстрицким явился в Борзне Войнаровский, убежавший ночью от Меншикова: он уведомил гетмана, что Меншиков едет в Борзну для свидания с умирающим гетманом. Мазепа, не дожидаясь Меншикова, поздно вечером поскакал в Батурин. На другой день Мазепа из Батурина пустился в Короб, а на третий, 24 октября, рано утром, переправился за Десну и поехал к королю с отрядом в 1500 человек; с ним были старшины, несколько полковников, сотников и значного товарищества. В селе Бахмаче Мазепа присягнул перед ними, что принял протекцию шведского короля не ради какой-нибудь приватной своей пользы, а для добра всей малороссийской отчизны и всего казачества. Со своей стороны, старшины и все бывшие там значные казаки присягнули, что принимают протекцию шведского короля и будут верны и послушны воле гетмана.

Меншиков не успел доехать до Борзны, как встретил на дороге великорусского полковника Анненкова, находившегося при гетмане, и узнал от него, что Мазепа уехал в Батурин. Меншиков повернул в Батурин и увидел, что по стенам Батуринского замка стояли вооруженные люди; мост был разведен. Меншиков посылает в Батурин Анненкова за объяснениями; но Анненкова не пускают. Меншиков едет в Короб, думает застать там гетмана, но на дороге узнает, что Мазепа уехал за Десну. Тут только Меншикову начала открываться тайна, и он понял, зачем ночью убежал от него Войнаровский; тайна эта стала делаться яснее, когда к Меншикову приехали из ближних мест сотники и просили защищать их от Мазепы, передававшегося неприятелю.

26-го октября из Макошина, где была переправа на Десне, Меншиков о поступке Мазепы известил государя, находившегося с армией в селе Погребках, также на Десне. Роковое известие об измене чрезвычайно поразило Петра своей неожиданностью. Государь тотчас послал к Меншикову приказание укреплять войском переправу на Десне, чтоб не

допускать казаков идти за Мазепой, и 28-го октября написал ко всему малороссийскому народу манифест, извещавший об измене гетмана, предпринятой, как сказано в манифесте, для того, «дабы малороссийскую землю поработить под владение польское и церкви Божьи и святые монастыри отдать в унию»; давалось повеление генеральной и полковой старшине съезжаться в город Глухов для избрания вольными голосами нового гетмана. В заключение манифест извещал, что Петр уничтожает все поборы, наложенные бывшим гетманом на малороссийский народ.

Но и Мазепа, со своей стороны, старался подействовать на малоруссов. 30 октября он отправил к стародубскому полковнику Скоропадскому грамоту с изложением причин, побудивших его к переходу на сторону Карла XII. «Московская потенция уже давно имеет всезлые намерения против нас, а в последнее время начала отбирать в свою область малороссийские города, выгонять из них ограбленных и доведенных до нищеты жителей и заселять своими войсками. Я имел от приятелей тайное предостережение, да и сам ясно вижу, что враг хочет нас, гетмана, всю старшину, полковников и все войсковое начальство прибрать к рукам в свою тиранскую неволю, искоренить имя запорожское и обратить всех в драгуны и солдаты, а весь малороссийский народ подвергнуть вечному рабству. По таким-то намерениям Меншиков и Голицын поспешали со своим войском и приглашали старшину в московские обозы. Я узнал об этом и понял, что бессильная и невоинственная московская потенция, спасаясь всегда бегством от непреодолимых шведских войск, вступила к нам не ради того, чтоб нас защищать от шведов, а чтобы огнем, грабежом и убийством истреблять нас. И вот, с согласия всей старшины, мы решились отдаться в протекцию шведского короля в надежде, что он оборонит нас от московского тиранского ига и не только возвратит нам права нашей вольности, но еще умножит и расширит; в этом его величество уверил нас своим неотменным королевским словом и данной на письме ассекурацией». В заключение, Мазепа приглашал Скоропадского действовать с собой заодно, искоренить московский гарнизон в Стародубе, а

если бы это невозможно было, то уходить в Батурин, чтобы не попасться в московские руки.

Немедленно после разослания царского манифеста об избрании нового гетмана, Меншиков отправился с корпусом войска к Батуруну, Мазепиной столице, где заперлись самые ярые сторонники Мазепы. Начальствовали над батуринским гарнизоном: полковник над сердюками Чечел, есаул Кенигсек, полтавский полковник Герцик и какой-то сотник Димитрий. Меншиков, подступивши к Батуруну, отправил в город сотника Марковича с увещанием сдаться. Чечел, к которому привели Марковича, сказал, что они сдаваться не будут без указа своего гетмана; Чечел при этом показал вид, как будто не знает ничего об измене Мазепы. Вслед за Марковичем, на лодке по реке Сейму выплыл киевский воевода, князь Дмитрий Голицын. Чечел выслал к нему посланцев, и, когда Голицын стал их уговаривать, задорные мазепинцы начали со стен ругаться и стрелять из ружей. Тогда Меншиков велел войску переправляться и наводить мосты. Ночью осажденные прислали к Меншикову опять посольство; оно уверяло русского предводителя, что осажденные остаются верными царскому величеству и готовы пустить его войска в замок, но просят три дня срока. Меншиков понял, что это хитрость. Изменники рассчитывали, что к ним придут шведы на помощь. Меншиков дал им срок только до утра. В 6 часов другого утра Меншиков сделал приступ и приказал истреблять в замке всех без различия, не исключая и младенцев, но оставлять в живых начальников, для предания их казни. Все имущество батуринцев отдавалось заранее солдатам, только орудия должны были сделаться казенным достоянием. В продолжение двух часов все было окончено: гетманский дворец, службы и дворы старшин - все было превращено в пепел. Все живое было истреблено. Кенигсек взят в плен жестоко раненым; Чечел бежал, но пойман был в ближнем селе казаками и доставлен Меншикову.

6 ноября съехалось в Глухов духовенство, в том числе киевский митрополит и два архиерея: черниговский Иоанн Максимович и переяславльский Захарий Корнилович; было

четыре полковника, оставшихся верными: стародубский -Иван Скоропадский, черниговский – Павел Полуботок, переяславльский – Томара и нежинский – Жураховский; они прибыли с сотниками и казаками своих полков. После предварительного молебствия, ближний боярин князь Григорий Федорович Долгорукий открыл выбор гетмана по старинным обычаям, наблюдавшимся со времени присоединения малорусского края к России. Бывшая здесь старшина предложила в гетманы Скоропадского, зная, что государю угодно его сделать гетманом. Скоропадский, соблюдая давний казацкий обычай, отказывался, признавал себя недостойным такой чести, отговаривался своей старостью и советовал выбрать в гетманы молодого и заслуженного человека. Многие казаки тогда же указали на Полуботка, но вслед за тем должны были оставить намерение избрать этого человека, потому что Петр не утвердил бы его, отозвавшись перед тем о личности Полуботка такими словами: «Он очень хитр и может уравниваться Мазепе». Итак, избран был Скоропадский. По избрании, он присягнул в церкви, а потом получал поздравления от царя и ближних вельмож. Через несколько дней после избрания, 12 ноября, в соборной Троицкой церкви после литургии и соборного молебна совершен был обряд проклятия Мазепы, сочиненный, вероятно, самим Петром. Духовенство пропело над портретом Мазепы, украшенным орденом Андрея Первозванного, трижды анафему его имени. По совершении проклятия, палач потащил портрет по улице веревкой и повесил на виселице. На другой день после того совершена была казнь над Чечелом и другими мазепинцами, взятыми в Батурине. Духовенство распорядилось, чтобы по всей Малороссии на церковных дверях прибито было объявление, извещавшее, что Мазепа со всеми своими единомышленниками, приставшими ко врагам, отвержен от церкви и проклят. Малороссийские архиереи грозили таким же отлучением от церкви и от причащения Святых Тайн всем тем, которые окажут сочувствие к измене или пристанут к неприятелю.

Из приставших к Мазепе полковников, миргородский полковник Данило Павлович Апостол и компанейский полковник

Игнатий Галаган отстали от шведов в конце ноября. Апостол был издавна в недружелюбных отношениях к Мазепе; перед изменой, он, как видно, помирился с гетманом, вместе с ним перешел к шведам, а теперь явился к царю Петру со словесным предложением от Мазепы послужить царю, пользуясь своим настоящим положением. Судя по сохранившемуся ответу Головкина, Апостол от Мазепы привез даже предложение о доставлении в русские руки «известной, главнейшей особы», вероятно, разумея под этой особой Карла XII. Неизвестно, точно ли посылал Мазепа такое предложение; быть может, Апостол и сам выдумал это. Вслед за Апостолом, и Галаган явился с таким же словесным предложением. Он был представлен лично Петру в Лебе-дине, куда перенесена была главная квартира. «Как, и ты с Мазепой изменил мне и убежал?» – спросил его Петр. «Я не бежал, – ответил Галаган, – но виноват тем, что допустил Мазепу обмануть себя. Я по приказанию шел со своим полком, думая, что веду его против неприятеля, и уже в виду неприятельского войска узнал, куда меня ведут. Меня принудили присягнуть на верную службу шведскому королю, но присяга невольная только на словах: как только неприятель перестал наблюдать над нами, так я и убежал служить своему государю! Твоя воля; прости и дозвожь умереть на твоей службе». – «Прощаю, – сказал Петр, – смотри только, не сделай со мной такой шутки, как с Карлом».

Малорусский народ решительно не пристал к замыслу гетмана и нимало не сочувствовал ему. За Мазепой перешли к неприятелям только старшины, но и из тех многие бежали от него, лишь узнали, что надежда на шведского короля плоха и что Карл, если бы даже и хотел, не мог доставить Малороссии независимости. Таким образом, в 1709 году убежали от Мазепы: генеральный судья Чуйкевич, генеральный есаул Дмитрий Максимович, лубенский полковник Зеленский, Кожуховский, Андрияш, Покотило, Гамалия, Невинчанный, Лизогуб, Григорович, Сулима. Хотя они явились уже после срока, назначенного Петром для амнистии, и ясно было, что отвернулись от шведского короля только тогда, когда увидали, что дело его проигрывается, но Петр не казнил их смертью,

заменяв ее ссылкой в Сибирь. Зато Петр вспомнил о Палии и велел его привезти из Сибири. Палий участвовал в Полтавской битве, хотя старость и тяжелая ссылка сделали его до такой степени дряхлым, что он без помощи других не мог садиться на лошадь. Последовала милость вдове и детям казненного Кочубея. 15 декабря 1708 года новый гетман Иван Скоропадский приказывал возвратить вдове Кочубеевой Любви, урожденной Жук, и детям ее все села, числившиеся в полках Полтавском, Нежинском и Стародубском, и один хутор на правой стороне Днепра, принадлежавшие в собственность покойному генеральному судье<sup>22</sup>. Мазепе было не совсем хорошо у шведского короля: малоруссы, вместо того чтобы встречать шведов как избавителей от московской неволи, на каждом шагу сопротивлялись им; не только казаки, составлявшие военное сословие, но и посполитые люди собирались шайками, нападали на шведские отряды, ловили и представляли царю посланцев, ездивших по краю с возмутительными воззваниями Карла XII и Мазепы. Шведы поставляли это на вид Мазепе, начинали подозревать, что и сам гетман при случае уйдет от них и попытается получить царское прощение. Мазепа содержался у них как бы под незаметным для него самого караулом, тогда как увлеченные им малоруссы один за другим то и дело уходили из шведского обоза. Только запорожцы составляли исключение; они явились к Карлу в числе 3000, под начальством своего кошевого, Кости Гордиенко, и с первого же раза поразили шведов своим буйством и дикостью: когда в первый раз они были приглашены в палатку Мазепы к обеду, то перепились до безобразия и начали тащить со стола посуду. Кто-то заметил им, что не годится так грабить. Запорожцы за это замечание тотчас же зарезали неловкого нравоучителя.

Мало выгод ощущали для себя шведы от перехода на их сторону Мазепы. Всю зиму и весну, пребывая в Малороссии, они претерпевали ряд неудач; только местечко Веприк и город Ромны удалось им взять, да и то с большими потерями. Совершилась знаменитая Полтавская битва. Карл бежал, с ним бежал Мазепа. Они очутились в турецких владениях. Петру



очень хотелось достать изменника в свои руки, и он досадовал, когда при переправе через Днепр у Переволочной не удалось русскому войску захватить Мазепу. Желание казнить своего врага было так велико у Петра, что, вопреки своей обычной бережливости, государь предлагал турецкому великому муфтию 300000 талеров, если он силой своего духовного значения убедит султана выдать изменника. Попытка Петра не удалась, и едва ли могла удалиться, так как и в своем изгнании Мазепа был еще богат. Во все время своего гетманства, щедро строивши и украшавши церкви, он успел собрать большие сокровища: из них многое хранилось в Киево-Печерском монастыре и в Белой Церкви и досталось царю; Петр побуждал всех малоруссов отыскивать еще и сообщать правительству о всяком достоянии гетмана, обещая доносителю половину указанного им имущества, принадлежавшего изменнику. И все-таки Мазепа успел захватить с собой огромные, по тому времени, денежные суммы. Он имел возможность уже в своем изгнании дать Карлу XII займы 240000 талеров, а после смерти Мазепы, как говорят, найдено было с ним 160000 червонцев, кроме серебряной утвари и разных украшений.

Мазепа скончался 18 марта 1710 года, от старческого истощения, в селе Варнице, близ Бендер. Его тело, отпетое в сельской церкви, в присутствии шведского короля, отвезено было и погребено в древнем монастыре Св. Георгия, расположенном на самом берегу Дуная, близ Галаца<sup>23</sup>.

Мазепа, как историческая личность, во многих отношениях представляет собой замечательный, выдающийся из ряда, тип своего времени и того общества, в котором он воспитался и действовал политически. Прекрасная характеристика его, сделанная современником архиепископом Феофаном Прокоповичем, и многие черты, выказавшиеся в различных случаях его жизни, дают нам возможность до известной степени понять, что такое был это за человек. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что это был человек чрезвычайно лживый. Под наружным видом правдивости он был способен представиться не тем, чем он был на самом деле, не только в глазах людей простодушных и легко поддающихся обману, но и пред самими

проницательными. При таком-то качестве он мог прельстить Петра Великого и в продолжение многих лет заставить признавать себя человеком самым преданным русскому престолу и русскому государству. Мазепа носил постоянно на себе отпечаток того простосердечия, который лежит в характере и приемах малоруссов, показывал всегда отвращение к хитрости и коварству, часто отличался добродушной веселостью, всех любил угощать и казалось, будто у него все сердце нараспашку; через то он располагал к откровенности своих гостей и приятелей и выводывал от них все, что ему нужно было. Он был очень щедр для всякого, с кем имел дело, но в то же время не стеснялся ни перед какими средствами и путями для приобретения себе богатств, которые так же легко растрачивал, как бесцеремонно собирал: одних обобрать, других наделить – то была черта его, общая более или менее польским панам. Он был чрезвычайно набожен, благодетельствовал церквям, покровительствовал духовенству, раздавал милостыню; большая часть первоклассных церквей в Киеве и в других местах Малороссии принуждена до сих пор поминать, в числе рачительных благодетелей, Мазепу, хотя и не смея произнести его заклеяменного анафемой имени. Едва ли можно согласиться с теми, которые впоследствии толковали, будто Мазепа делал это для того, чтоб укрыть свое расположение к католичеству; в его православности нет повода сомневаться: но его религиозность, ограничиваясь наружными подвигами благочестия, носила на себе характер той же внутренней лжи, которая заметна во всех поступках Мазепы: с такими чертами он является и в своей трагикомедии с Фальбовским, и в отношениях к Самойловичу, и в деле с Палием, и в деле с Кочубеем и его дочерью, и в угодливости Голицыну, и в отношениях к Петру, и в своих приемах, предшествовавших его измене. Мазепа часто казался болезненным, часто советовался с врачами, часто лежал в постели по несколько дней, весь обложенный пластырями, тяжело стонал и охал; даже говорил, что приказывает делать себе гроб, и другие, глядя на него, были в то время уверены, что не сегодня-завтра гетман скончается, когда на самом деле

гетман был здоров. Перед царем, выхваляя свою верность, он лгал на малорусский народ и особенно чернил запорожцев, советовал искоренить и разорить дотла Запорожскую Сечь, а между тем перед малоруссами охал и жаловался на суровые московские порядки, двусмысленно пугал их опасением чего-то рокового, а запорожцам сообщал тайными путями, что государь их ненавидит и уже искоренил бы их, если бы гетман не стоял за них и не укрощал царского гнева. Его переход на шведскую сторону, по всем соображениям, едва ли можно признать следствием давнего умысла или, как иные объясняли – личной привязанности к Польше и тайному намерению подвести народ малорусский под польскую власть. Мазепа, по воспитанию и нравственным понятиям, действительно был поляк до костей, но чтобы он был предан политическим видам Польши, до готовности жертвовать им своим отечеством, на это нет никаких данных, и напротив, все показывает, что Мазепа, как малорусс, питал и лелеял в себе желание политической независимости своей родины, и это всего нагляднее проявляется в той думе, которую Кочубей представил как свидетельство неблагонамеренных чувствований Мазепы. В этом желании Мазепа не расходился ни с прежними гетманами, ни со своими современниками, насколько их занимали политические обстоятельства. Мазепа увидел возможность осуществить давнее задушевное желание и ухватился за него. Многие могли давать ему надежду, что не Петр над Карлом, а Карл над Петром одержит верх в продолжительной борьбе, которую вели между собой два государя. Мазепе казалось, что в то время сама судьба посылала Малороссии такой случай, которого нелегко и нескоро можно было дождаться. Владения шведского короля были далеко от Малороссии, и Карл XII, имея повод, для собственной выгоды, стараться освободить Малороссию от России и образовать из нее независимое государство, не мог, если бы и хотел, простираť на нее честолюбивый замысел; присоединять же Малороссию к Польше для шведского короля было не только невыгодно, но и опасно, после того как предшественники Карла принуждены были вести войны с Польшей и стараться обессилить Речь Посполитую отнятием у

нее областей. Многое, таким образом, побуждало Мазепу, в критических обстоятельствах борьбы между двумя соседями Малороссии, пристать к Карлу XII. Но Мазепа плохо рассчитал как на способности Петра, которому он делался соперником, так еще более на расположение подчиненных ему малоруссов. Он не обратил достодолжного внимания на давнюю вражду, существовавшую в Малороссии между значными и посполством, между всякого рода старшиной, как генеральной, так и полковой, и простыми казаками, между помещиками и рабочим людом, между казачеством и всем тем, что оставалось за пределами казачества и искало равных и одинаких прав для всех туземных обитателей края, одним словом, – между всем, что выдвигалось из уровня массы, и всей остальной массой народа. Все, что исходило от первых, непременно находило себе противодействие в народной массе; от этого, тогда как люди, способные к политическим замыслам, готовы были хвататься за всякое средство, чтобы освободиться из-под власти русского правительства над Малороссией, – вся масса малоруссов готова была держаться русского правительства уже потому, что враждебная для нее партия хотела избавиться от власти этого правительства. Малорусские политики, воспитанные в духе польской культуры, не могли пленить народ никакой идеей политической независимости, так как у народа составились свои собственные социальные идеалы, никак не вязавшиеся с тем, что могли дать народу люди с польскими понятиями. Если эти политики и не думали возвращать Малороссию в рабство польских панов, а мечтали о независимом малорусском государстве, то все-таки такое государство, созданное ими под влиянием усвоенных ими понятий, было бы в сущности подобием польской Речи Посполитой. Не желая отдавать Малороссию Польше, они бы невольно создали из нее другую Польшу, а этого народ малорусский не хотел, хотя бы при какой угодно политической независимости.

## Глава 17. Царевич Алексей Петрович

Преобразовательные намерения Петра Великого возбуждали множество недовольных, готовых противодействовать царю всеми мерами внутри России; но из всех противников его духа первое место, по достоинству породы, занимал его родной сын, царевич Алексей. Он был рожден от первой супруги Петра, Евдокии Лопухиной, 18 февраля 1690 года. Петр никогда не любил вполне своей жены, а сошедшись в немецкой слободе с Анной Монс, почувствовал отвращение к своей супруге. Это неприязненное чувство развивалось по мере пристрастия государя к иноземщине, которая увлекала его к решительным мерам против старинных русских порядков и обычаев. Евдокия не только не сочувствовала в этом Петру, но, как бы назло ему, была ревностной поклонницей старины, заодно со своей близкой родней - Лопухиными. Петр пытался сначала убедить жену свою добровольно вступить в монастырь, но все старания его достигнуть этой цели оказались безуспешными. Тогда Петр приказал Евдокию, против ее воли, отправить в Суздальский Покровский девичий монастырь, и там она была насильно пострижена под именем Елены. Восемилетний сын ее, Алексей, был разлучен с матерью; воспитание его поручено было сначала Никифору Вяземскому, потом – немцу Нейгебауеру, а когда этого немца, за дерзость и высокомерие, царь удалил, учителем царевича стал другой немец, Гюйсен. Он выучил царевича по-французски и преподавал ему научные предметы на французском языке. В 1705 году Петр отозвал Гюйсена к дипломатическим поручениям. Царевич остался без учителя, с одним своим воспитателем Никифором Вяземским, а сверх того, наблюдение над ходом учения поручено было Меншикову, которому, однако, некогда было следить за царевичем, постоянно жившим в Москве, тогда как Меншиков пребывал в Петербурге и часто был отвлекаем разными военными морскими и административными предприятиями.

Москва, старая столица России, естественно стала тогда важнейшим средоточием врагов преобразований, начатых Петром. Царевич, по чувству сердечной памяти о матери, не питал нежных чувств к родителю, а суровое и грозное обращение отца с сыном еще более охладило Алексея к Петру. Редко он мог видеть родителя, постоянно занятого военными делами. Царевича окружили люди, недружелюбно относившиеся к затеям государя. Это были: четверо Нарышкиных, пять князей Вяземских, домоправитель царевича Еварлаков, сын кормилицы царевичевой Колычев, крутицкий архиерей Илларион и несколько протопопов, из которых один, – Яков Игнатьев, был духовником царевича и имел на него громадное нравственное влияние. Однажды в Преображенском селе, в своей спальне, пред лежащим на столце евангелием, царевич дал своему духовнику клятвенное обещание слушать его во всем, как ангела Божия и Христова апостола, считать его судьей всех своих дел и покоряться во всем его советам. Царевич проводил время сообразно старинным приемам русской жизни: то слушая богослужение и занимаясь душеспасительными беседами, то учреждая пиры, постоянным участником которых был и его духовник. Подобно тому, как родитель царевича устроил ради потехи всепьянейший собор и раздавал разные клички членам этого собора, царевич Алексей составил около себя такой же кружок друзей и всех их наделил насмешливыми прозвищами (отец Корова, Ад, Жибанда, Засыпка, Захлюста, Молох, Бритый, Грач и пр.). Они хвастались своим пьянством. «Мы вчера повеселились изрядно, – писал однажды царевич к своему духовнику, – отец духовный Чиж чуть жив отошел до дому, поддержим сыном»; а в письме царевича один из собеседников его, Алексей Нарышкин, приписал: «Мы здесь зело в молитвенных подвигах пребываем, я уже третий день не маливался, и главный наш не умножает».

Но забавы царевича не походили на забавы его родителя в том, что царевич всегда относился с сердечным уважением ко всему церковному и не позволял себе делать таких кощунских выходок, какие замечаются в чиноположении Петрова всепьянейшего собора. Зато не менее родителя царевич, при

случае, показывал жестокость и грубость в обращении со своими собеседниками; самого духовника своего, которого называл своим первейшим другом, царевич не раз пугал и за бороду драл. «И другие, – писал ему этот духовник, – от милостивого наказания твоего и побой изувечены и хрычат кровью». Своего наставника Вяземского царевич также драл за волосы и бил палкой. Несмотря на такие грубые вспышки, царевич Алексей, будучи по природе бесхарактерен, находился под влиянием своих друзей и особенно Якова Игнатьева, который служил ему тайным посредником по отношению к заточенной матери. При его посредстве, царевич однажды съездил к ней в Суздаль, но царевна Наталья, любимая сестра Петрова, проведала об этом и донесла брату. Царь сильно разгневался и потребовал сына к себе в Польшу, где сам в то время находился. Царевич обратился к Екатерине и только ее ходатайству обязан был тем, что получил от родителя прощение.

В 1709 году царевич, по воле родителя, был оторван от московского круга друзей, отправлен в Дрезден учиться геометрии и фортификации, а через два года женился на сестре супруги немецкого императора Карла VI, вольфенбюттельской принцессе Шарлотте. Брак совершен был в Торгау 14 октября 1711 года, в присутствии Петра. Алексей не чувствовал никакой любви к этой особе и женился на ней единственно из угождения воле родителя, не смея ему противиться по трусости и слабости характера. Супруга его была совсем не такая женщина, чтобы впоследствии расположить к себе сердце мужа и оказать на него доброе нравственное влияние. Это была немка до костей, до глубины души: она окружила себя исключительно единоземцами, не терпела русских и всей России. Молодая чета поселилась в Петербурге, в особом дворце, но жила не роскошно, и кронпринцесса, как титуловали в то время жену царевича, беспрестанно жаловалась, что ей дают мало средств. Петр пытался приучить своего сына любить то, что сам любил, и посылал его по разным поручениям, например, наблюдать за постройкой судов в Ладогe: но царевич повиновался нехотя, из-под палки, и не показывал ни малейшего расположения

следовать туда, куда направлял ее отец. Алексей боялся родителя: сам родитель впоследствии объявлял, что, желая приучить сына к делу, не только бранил его, но и бивал палкой. Однажды Петр хотел проэкзаменовывать сына из геометрии и фортификации. Царевич боялся, что царь заставит его при себе чертить планы, и чтобы избавиться от такого неприятного испытания, выстрелил себе из пистолета в ладонь; пуля не попала в руку, но рука была обожжена. Отец увидел обожженную руку сына и допрашивал его, что это значит. Алексей чем-то отолгался, но избавился от угрожавшего ему испытания. Все в нем составляло противоположность отцу; Петра занимало кораблестроение, военное искусство, всякого рода ремесла и промыслы; царевич с любовью углублялся в чтение благочестивых книг, в рассказы о чудесах и видениях, которым Петр не верил. Чем более Петр всматривался в поведение своего сына, тем более приходил к убеждению, что он не годится быть его преемником на престоле, к чему готовило Алексея право рождения. Петр перестал им заниматься и в продолжение многих месяцев не говорил с ним ни слова, но не решался отстранить его от престолонаследия, потому что некем было его заместить.

В 1714 году Екатерина стала беременной, но в то же время была уже во второй раз беременной и супруга Алексея, Шарлотта. Кронпринцесса разрешилась от бремени 12-го октября сыном Петром, а через десять дней скончалась. Тогда Петр, в самый день погребения невестки, вручил сыну письмо, в котором укорял его за то, что он не показывал никакой охоты к занятиям делами правления, а наиболее за то, что царевич «ниже слышать хочет о воинском деле, чем мы от тьмы к свету вышли». Царь убеждал его исправиться, а в случае неисправления грозил отрешить от наследства. Письмо это подписано было задним числом, за 16 дней до его отдачи, а на другой день после отдачи Екатерина родила Петру сына, Петра. Царевич советовался с близкими лицами, Вяземским и Александром Кикиным, обращался также к людям сильным: адмиралу Апраксину и князю Василию Владимировичу Долгорукому. Кикин и Вяземский прямо советовали ему



удалиться на покой, а князь Василий Долгорукий говорил ему двусмысленные слова: «давай писем хоть тысячу, еще когда-то будет; старая пословица: «улита едет, когда-то будет»; это не запись с неустойкой, как мы преж сего меж себя даывали». Хитрый боярин дал царевичу понять, что по его соображениям, как он ни вывертывайся, а ему не сдобровать. Царевич, через три дня после получения письма, послал царю ответ, в котором признавался, что «памяти весьма лишен и всеми силами умными и телесными от различных болезней ослабел и непотребен стал к толикого народа правлению». Он отрекся от наследства, предоставляя его своему новорожденному брату и призывал в свидетели Бога, что не станет более претендовать на корону.

Петр после того заболел так тяжело, что даже исповедовался и причащался в чаянии кончины. По выздоровлении, уже в 1716 году, царь написал царевичу письмо, служившее как бы ответом на то, которое царевич писал до болезни родителя. Петр написал сыну, что не верит клятве, и привел изречение Давида: «всяк человек ложь». «Да наконец, – выражался Петр, – если бы ты и истинно хотел хранить клятву, то возмогут тебя склонить и принудить большие бороды, которые, ради тунеядства своего, не в аванже обретаются, к которым ты и ныне склонен зело». Затем Петр дал ему на выбор: или изменить свой нрав и сделаться достойным наследником престола, или постричься в монахи. «Иначе, – кончал свое письмо Петр, – я с тобой, как со злодеем поступлю».

Испуганный царевич обратился опять за советом к Вяземскому и Кикину. Оба советовали ему идти в монастырь. Кикин прибавил при этом: «Ведь клобук не гвоздем к голове прибит, можно его и снять, а вперед что будет – кто знает!» Сообразно этому совету, царевич написал Петру: «Желаю монашеского чина и прошу о сем милостивого позволения».

Но Петр через неделю посетил сына и сказал ему: «Это молодому человеку нелегко, одумайся, не спеши, подожди полгода».

Вскоре Петр уехал за границу. Алексей остался в Петербурге в томительной нерешительности. Его приятель

Кикин уехал за границу высмотреть для царевича какое-нибудь убежище в случае крайней опасности.

В августе 1717 года Петр из-за границы прислал сыну письмо и требовал: или ехать к нему, не мешкая более недели, или постричься и уведомить отца, в каком монастыре и в какое время он пострижен. Это до того испугало царевича, что он решился бежать. «Я вижу, - говорил он, – что мне сам Бог путь правит. Мне снилось, что я церкви строю».

Занявши у Меншикова и у некоторых других лиц несколько тысяч червонцев, Алексей поехал как будто к отцу, по его приказанию, а на самом деле – с намерением укрыться от его гнева и найти защиту у кого-нибудь из иноземных государей. На дороге в Либаве Алексей свиделся с Кикиным, возвращавшимся в отечество. Кикин советовал ему ехать в Вену и отдаться под покровительство цезаря. Так царевич и поступил. Он поехал в Вену под вымышленным именем польского шляхтича Коханского.

21 ноября старого стиля, в 9 часов вечера, царевич, оставивши свой багаж и прислугу в гостинице, находившейся в Леопольдштадте, сам поехал во Внутренний город<sup>24</sup>, остановился на площади в трактире «Bei Klapperer» и отправил оттуда своего служителя к вице-канцлеру Шенборну с просьбой допустить его по важному делу. Шенборн был уже раздет и объявил посланному, что он оденется и пойдет к царевичу сам; но не успел Шенборн одеться, как царевич явился к нему, и первым его делом было попросить удалить всех и выслушать его наедине.

– Я пришел искать протекции у императора, моего свояка; пусть он спасет жизнь мою; меня хотят погубить и моих бедных детей – лишит короны.

– Успокойтесь, – сказал ему Шенборн, – вы здесь в совершенной безопасности. Расскажите спокойно, в чем ваше несчастье и чего вы желаете.

Царевич продолжал:

– Отец хочет меня погубить, а я ничем не виноват. Я не раздражал его, я слабый человек. Меня Меншиков так нарочно воспитал; меня споили, умышленно расстроили мое здоровье;

теперь отец говорит, что я не гоюсь ни к войне, ни к правлению, хочет меня постричь и засадить в монастырь, чтоб отнять наследство... Я не хочу в монастырь... Пусть император охраняет мою жизнь.

Царевич, говоря эти слова, не мог стоять на одном месте, бегал по комнате, перевернул кресло, потом остановился и попросил пива; но пива близко не было -ему подали мозельвейну. Царевич выпил и сказал:

– Ведите меня сейчас к императору.

Шенборн сказал ему:

– Теперь поздно, прежде надобно представить его величеству правдивое и основательное изложение вашего дела, тем более, что мы ничего не слыхали подобного относительно такого мудрого монарха, как ваш родитель.

– Отец был ко мне добр, – сказал царевич, – пока не родились у жены моей дети и она умерла... с тех пор пошло все хуже и хуже, особенно после того, как новая царица родила сына... Она с Меншиковым раздражила против меня отца: у них нет ни Бога, ни совести; я ничего отцу не сделал, люблю и почитаю его, как велят заповеди Божии; но не хочу постригаться и тем делать вред моим бедным малюткам. Я никогда не имел охоты к солдатчине, сидел дома тихо, вдруг прошлого года отец стал принуждать меня отказаться от наследства и постричься, а недавно прислал с курьером приказание, чтобы я или постригался, или ехал к отцу: я постригаться не хочу, а ехать к отцу – значит ехать на муки; так, я написал отцу, что приеду, а сам, по совету добрых друзей, приехал к императору: он государь великий и великодушный, притом же он мне свояк. Я знаю, говорили, будто я дурно обращался с моей женой, сестрой ее величества императрицы. Это неправда; не я, а отец мой и царица обращались с ней, как с девкой. Я предаю себя и своих детей в защиту императору и умоляю не выдавать меня отцу; он окружен злыми людьми и сам -человек жестокий и свирепый: много пролил невинной крови, даже собственноручно казнит осужденных, он гневен и мстителен, думает, что имеет над людьми такое же право, как сам Бог. Если император меня выдаст ему, то это все равно, что на смерть.

Шенборн сказал ему:

– Неудовольствие между отцом и сыном – вопрос щекотливый; я нахожу, что вы поступите благоразумнее, если, для избежания толков в свете, не будете требовать свидания с их величествами, а предоставите оказать вам явную или тайную помощь и найти средства примирить вас с отцом.

– Примирить меня с отцом нет никакой надежды, – сказал царевич, – если отец будет ко мне и добр, то мачеха и Меншиков уморят меня оскорблениями или опоят ядом. Пусть император позволит мне жить у него либо открыто, либо тайно.

Вице-канцлер уговорил его подождать ответа до завтрашнего дня и царевич ушел на свою квартиру.

На другой день, после секретного разговора с императором, вечером, вице-канцлер сообщил царевичу, что император будет стараться примирить его с родителем, а до того времени признает за лучшее содержать его втайне.

Царевич согласился и был отправлен в Тирол, под видом государственного преступника. Его поместили в крепости Эренберге, лежащей посреди гор, на высокой скале. Коменданту приказали содержать его прилично, на сумму от 250 до 300 гульденов в месяц, и чтобы сохранить тайно его пребывание, запретили солдатам и их женам выходить за ворота крепости, а караульным – вести с кем бы то ни было разговоры о том, кто привезен в крепость; на всякие вопросы приказано им отзываться незнанием.

Между тем Петр, находившийся в Амстердаме и не дождавшись сына, смекнул, что царевич убежал, и сразу догадался, куда он направил свой путь. Петр вызвал из Вены своего резидента Веселовского, дал указ разведывать о царевиче и написал императору Карлу VI письмо, в котором просил императора: «Если бы непослушный сын русского царя оказался явно или тайно в его владениях – выслать его под караулом для отеческого исправления».

Веселовский подал императору письмо Петра, но ни император, ни его министры не объявили тайны Веселовскому. Зато Веселовский сам напал на след царевича и известил Петра, что он находится в Тироле. Об этом узнал император и

послал к царевичу совет переехать подальше – в Неаполь. У царевича была любовница, уехавшая с ним из России, крепостная девушка Вяземского – по имени Евфросиния. Оставивши прислугу свою в Эренберге, царевич с ней отправился в Неаполь и 17 мая н.с. 1717 года был помещен в замке Сент-Альмо, господствующем на холме над городом.

Недолго пришлось проживать ему в этом убежище. Когда царевича везли туда, за ним следом ехал капитан Румянцев и потом сообщил все царю. Петр, вместе с этим Румянцевым, отправил в Вену своего приближенного Петра Толстого домогаться у императора выдачи царевича, обещая от имени отца ему прощение; если же император не согласится на выдачу, то, по крайней мере, добиться свидания с царевичем и убедить последнего воротиться в отечество. Император не согласился на выдачу, но дозволил Толстому и Румянцеву уговаривать Алексея вернуться на родину. Много способствовала этому теща императора, мать умершей жены царевича, которая не хотела доводить до крайности раздор между отцом и сыном, чтобы это не повредило ее внукам. Отпустивши доверенных Петра в Неаполь, император поручил управлявшему его южноитальянскими владениями в звании вице-короля Дауну содействовать, чтобы царевич добровольно согласился воротиться к отцу; но если царевич не поддастся никаким убеждениям, то уверить его, что он может оставаться в безопасности в императорских владениях.

Толстой с Румянцевым приехали в Неаполь 24 сентября 1717 года. Вице-король Даун тотчас пригласил царевича к себе, чтобы доставить возможность посланцам Петра видеть его. Толстой передал царевичу письмо отца. Петр писал: «Обнадеживаю тебя и обещаю Богом и судом Его, что никакого наказания тебе не будет, но лучшую любовь покажу тебе, если ты воли моей послушаешься и возвратишься».

Царевич не поддавался ни на что. Через два дня Даун опять устроил у себя свидание царевича с присланными русскими. Толстой начал пугать царевича. Трусливый Алексей обратился к Дауну и спрашивал его, будет ли защищать его

император, если отец станет требовать его вооруженной рукой. Даун отвечал:

– Император очень желает, чтобы вы примирились с родителем; но если вы считаете небезопасным для себя возвращение на родину, то извольте оставаться: император настолько силен, что может охранить тех, которые отдаются под его протекцию.

Ободренный царевич опять не поддался на увещания Толстого, но, по своей слабыхарактерности, прибегнул к уловкам: сказал, что повременит, подумает, и после того уже не поехал в третий раз на разговор с Толстым и Румянцевым в дом вице-короля.

Тогда Толстой подкупил за 60 червонцев секретаря Даунова, Вейнгардта, с тем, чтобы тот, лично от себя, попугал царевича и тем убедил его к возвращению. Вейнгардт поехал к Алексею в замок и стал ему говорить: «Императорская протекция не совсем для вас надежна: царь объявляет, что прощает сына, а сын не едет; если царь вздумает вести войну, то император, нехотя, выдаст сына отцу». Слова Вейнгардта так растревожили царевича, что он сам написал записку к Толстому и просил приехать к нему, только без Румянцева, которого он особенно боялся. Толстой приехал к нему и сказал:

– Вот я получил от государя письмо; он собирает войско, хочет его вести в Силезию и доставать оружием своего сына, а сам собирается ехать в Италию. Не думай, что он тебя видеть здесь не может: кто ему запретит?

Царевич колебался и сказал: «Я бы поехал к отцу, если бы у меня не отняли Евфросинью и дозволили жить с ней в деревне».

Затем он обещал еще подумать. Толстой приступил к Дауну и начал просить попугать царевича разлукой с Евфросиньей. Даун на самом деле не смел отнять Евфросиньи у царевича, но попугать его разлукой с ней считал дозволенным, потому что царевичу, от лица императора, было уже заявлено, что если отец сердится на него за то, что он возит с собой какую-то женщину, то царевич должен знать, что императору неприличным кажется заступаться за поступки, достойные

порицания. Вице-король велел сказать царевичу, что прикажет отлучить от него женщину, которая ездит с ним в мужской одежде. Испуганный царевич посоветовался с Евфросиньей, а Евфросинья сказала ему, что лучше всего покориться отцовской воле и просить у отца прощения. Это обстоятельство решило все. Царевич на другой день объявил Толстому, что согласен ехать в отечество, если ему позволят жениться на Евфросинье и жить с ней в деревне. Толстой, как царский уполномоченный, дал от имени царя согласие. Царевич прежде поехал в Бар на поклонение мощам Св. Николая; Толстой и Румянцев последовали за ним неотступно, а по возвращении с богомолья, 14 октября, царевич выехал из Неаполя, по дороге на Рим, со своими неразлучными дядьками. Толстой и Румянцев очень боялись, чтобы царевич, под какими-нибудь впечатлениями, не изменил своего решения, пока не выедет из императорских владений, а потому не стали останавливаться в Вене, проехали ее ночью и спешили поскорее убраться за пределы императорских владений; но в Брюнне они были задержаны генерал-губернатором Моравии, графом Колоредо, который получил от императора приказание не пропускать путешественников, прежде чем узнает от царевича причину, почему он не представился императору в Вене, и пока не удостоверится, что царевича везут не поневоле. 23 декабря Колоредо виделся с царевичем и получил от него ответ, что он не явился к императору единственно по причине дорожных обстоятельств, не имея приличной обстановки. В это время Толстой сообщил царевичу новое письмо отца, в котором Петр изъявлял согласие на брак Алексея с Евфросиньей и проживание с ней в деревне. Это обещание вполне успокоило царевича. Колоредо отпустил его. За ним медленно следовала беременная Евфросинья другой дорогой, вместо Вены, на Нюрнберг и Берлин. Царевич со своими дядьками направлялся прямо в Москву и во время проезда по России видел в народе знаки расположения к себе. «Благослови, Господи, будущего государя нашего», - кричал народ. 31 января царевича привезли в Москву. 3 февраля было первое свидание Алексея с родителем. Царь приказал собраться в ответной палате

Кремлевского дворца духовным сановникам, сенаторам, всяких чинов людям, «кроме подлого народа», и сам стоял в этом собрании. Вошел царевич, вместе с Толстым, и, как только увидел государя, повалился к нему в ноги и с плачем просил прощения в своей вине. «Встань, – сказал царь, – объявляю тебе свою родительскую милость». Петр начал припоминать, как он обучал его, готовя сделать своим наследником, но сын презрел это и не хотел обучаться тому, что было нужно для его будущего сана; потом выговаривал его последнее преступление – бегство из отечества и обращение к иноземному государю. Царевич не мог приносить никакого оправдания, просил только простить его и даровать жизнь, а от наследства отказывался.

«Я покажу тебе милость, – сказал Петр, – но только с тем, чтобы ты показал самую истину и объявил о своих согласниках, которые тебе присоветовали бежать к цезарю».

Алексей Петрович хотел было что-то говорить, но царь перебил его и приказал стоявшему близ него Думашеву во всеуслышание читать приготовленный печатный манифест. По окончании чтения царь сказал: «Прощаю, а наследия лишаю».

После этих слов царь вышел, и за ним последовали все присутствовавшие в Успенский собор. Здесь царевич Алексей произнес присягу перед евангелием в том, что никогда, ни в какое время не будет искать, желать и под каким бы то ни было предлогом принимать престола, а признает своим истинным наследником брата своего Петра Петровича. Царевич подписался на присяжном листе. За ним присягали и также подписались все присутствовавшие.

Из собора царь, вместе с царевичем, отправились в Преображенское село на обед. В 3 часа пополудни туда съехались министры и сенаторы, пили и веселились. В этот же день был опубликован манифест, обращенный ко всему русскому народу, уже прежде прочитанный во дворце Думашевым. В этом манифесте объявлялось о давней и постоянной неохоте царевича к воинским и гражданским делам, о его безнравственности, о том, что он еще при жизни своей жены «взял некую бездельную и работную девку» и с оною жил явно незаконно, что это способствовало смерти его жены;



потом излагалась история его побега, сообщалось, между прочим, что императорский наместник в Неаполе объявил царевичу, что цезарь не станет держать его в своих владениях<sup>25</sup>, наконец объявлялось, что царь «отеческим сердцем о нем соболезнуя», прощает его и от всякого наказания освобождает, но лишает наследства после себя, «хотя бы ни единой персоны царской фамилии не оставалось», а вместо отрешенного от наследства, назначает своим наследником другого своего сына, Петра, которого все подданные должны признать в качестве наследника престола посредством целования креста. Затем все, которые станут признавать Алексея наследником престола, объявлялись изменниками.

На другой день после объявления манифеста царевичу задали вопросные пункты, требовали от него показаний не только о действиях, но и о словах, какие он произносил сам и какие он слышал от других в разное время. Вопросные пункты оканчивались такими зловещими словами: «Ежели что укроешь, а потом явно будет, то на меня не пеняй, понеже вчерась пред всем народом объявлено, что за сие пардон не в пардон».

Мелкая, эгоистическая натура Алексея проявилась во всей силе. Царевич настроил показание, в котором прежде всего очернил Александра Кикина, как главного советника к побегу, показал, что говорил своему камердинеру Ивану Большому Афанасьеву о своем намерении бежать, но не получил одобрения; показал на Дубровского, которому передавал деньги для своей матери; показал на своего учителя Вяземского, на сибирского царевича, на Ивана Кикина, на Семена Нарышкина, на князя Василия Долгорукого и на свою тетку, царевну Марию Алексеевну; оговорил Кейля, секретаря имперского канцлера Шенборна, будто он принуждал его писать письма сенаторам и архиереям, хотя эти письма и не были им посланы. Показание царевича не заключало, однако, полной искренности: он раскрывался только вполовину, так что его показания могли притянуть других в беду, а о себе всего не сказал.

Александра Кикина, вместе с Большим Афанасьевым, схватили в Петербурге, привезли в Москву и подвергли страшным истязаниям в Преображенском приказе. Его пытали

четыре раза. Кикин упорно заперся, отрицал справедливость показаний царевича, наконец, после новых, невыносимых мучений, сказал: «Я побег царевичу делал и место сыскал в такую меру – когда бы царевич был на царстве, чтоб был ко мне милостив». Его приговорили к колесованию.

На другой день после казни, истерзанный Александр Кикин лежал на колесе еще живой; царь подъехал к нему, слушал, как он стонал, вопил и молил отпустить душу его на покаяние в монастырь. Петр приказал отрубить ему голову и воткнуть на кол.

Камердинер Иван Большой Афанасьев оговорил многих, но не спас себя: и его приговорили к смерти, но приговор отложили. То же сделали и с Дубровским, согласно показаниям царевича.

Сенатора князя Василия Долгорукого привезли из Петербурга скованным в Москву. Этого человека никак не могли обвинить в соучастии с царевичем, которого он хорошо понимал, но ему поставили в вину некоторые остроты, произнесенные им неосторожно. Так, например, когда начали говорить, что царевич возвращается в Россию, князь Василий сказал: «Вот, дурак, поверил, что отец посулил ему жениться на Афросинье! Желв ему, а не женитьба, черт его несет; его, дурака, обманывают нарочно». Василия Долгорукова отправили в Петропавловскую крепость, а потом сослали в Соликамск. Учитель Вяземский отписался, показавши, что ничего не знал об умыслах царевича, который давно уже не любит его и теперь наговорил на него по злобе. Вслед за тем в Петербурге арестовали человек двадцать и отправили в ножных кандалах в Москву. Всем жителям Петербурга объявлено было запрещение выезжать из города по московской дороге под опасением смертной казни.

В тот же день Петр послал Григория Скорнякова-Писарева за бывшею своею женою Евдокией. Скорняков-Писарев привез ее в Москву и донес, что нашел ее не в монашеском, а в мирском платье. Этот человек, впоследствии сам испытавший горькую участь от Петра, угождая царю, давал советы хватать того и другого, чтоб открывать «воровство». По его совету,

вслед за несчастною царицей, потащили в Преображенский приказ целую толпу мужчин и женщин духовного и мирского чина.

Тогда открылось, что отверженная царица, после долгого томления в монастыре, завела любовную связь с майором Степаном Глебовым – человеком женатым, уже немолодым и имевшим взрослого сына. Попались ее письма к этому человеку. Царица на допросе созналась в связи с ним. Сознался в том же и Глебов, но не хотел сознаться ни в писании, ни в произнесении хульных слов на Петра и Екатерину, чего от него домогались. Улик не было. Сознания от него не добились ни посредством кнута, ни жжения горячими углями и раскаленным железом, и все-таки посадили на кол на Красной площади. Испытывая невыразимые мучения, он был жив целый день, затем ночь, и умер перед рассветом, испросивши причащение Св. Тайн у одного иеромонаха. Говорят, что Петр подъезжал к нему и потешался его страданиями. Тогда же колесован был ростовский епископ Досифей за то, что поминал Евдокию царицею, утешал ее разными вымышленными откровениями, гласами от образов, чудесными видениями и тому подобными суевериями, пророчил ей, между прочим, что она станет снова царицею и Петр опять сойдется с нею. Казнили смертью духовника Евдокии, который был у ней посредником в сношениях с Глебовым; наказали кнутом нескольких монахинь, угождавших Евдокии. Саму Евдокию царь сослал в Староладожский женский монастырь, а сестру свою Марию Алексеевну приказал заточить в Шлиссельбург: спустя несколько времени она была переведена в Петербург и оставлена в особом доме под надзором.

Во время страшного розыска по этому делу, происходившего в Преображенском приказе, государь, 2 марта, в сборное воскресенье, был у обедни. Здесь подошел к нему неизвестный человек и подал бумагу, в которой было написано следующее:

«За неповинное отлучение и изгнание от всероссийского престола царского Богом хранимого государя царевича Алексея Петровича христианскою совестью и судом Божиим и пресвятым

евангелием не клянусь и на том Животворящего Креста Христова не целую и собственною рукою не подписуюсь; еще к тому и прилагаю малоизбранное от богословской книги Назианзина могущим внять в свидетельство изрядное, хотя за то и царский гнев на мя произметя, буди в том воля Господа Бога моего Иисуса Христа, по воле Его святой, за истину, аз раб Христов Илларион Докукин страдати готов. Аминь, аминь, аминь».

Бумага, на которой подписаны были эти слова, была присяжным листом на верность новообъявленному наследнику престола царевичу Петру Петровичу. Этот присяжный лист раздавали во множестве экземпляров, приводя русских к присяге. Человек, подавший Петру эту бумагу, был подьячий Докукин. Его три раза подвергли жесточайшей пытке. Он никого не выдал, хулил Петра и Екатерину и кричал, что пришел добровольно пострадать за правду и имя Христово. Его колесовали. Но Петр понял, что между сторонниками его сына есть люди, о которых можно было сказать, что они не чета жалкому, ничтожному царевичу и что они гораздо опаснее самого Алексея. «О, бородачи, бородачи! – восклицал тогда Петр в разговоре с Толстым. – Всему злу корень – старцы да попы! Отец мой имел дело с одним бородачом, а я – с тысячами!»

В изобилии лилась человеческая кровь за этого царевича, а он сам тешился уверенностью, что страданиями преданных ему людей купит себе спокойствие и безмятежную жизнь со своей дорогой Евфросинией. «Батюшка, – писал он к Евфросинии, – поступает со мною милостиво; слава Богу, что от наследства отлучили! Дай Бог благополучно пожить с тобою в деревне».

18 марта Петр уехал в Петербург. С ним отправился и царевич. 12 апреля была Пасха. Царевич, явившись к мачехе с поздравлением, валялся у нее в ногах и умолял ее ходатайствовать о дозволении ему жениться на Евфросинии. И это делалось после того, как его родная мать, публично опозоренная, была осуждена на увеличенное, тяжкое страдание!

Давножданная Евфросиния наконец приехала в Петербург 20 апреля; но царевич не встретил ее и не обнял при свидании. Ее, беременную, засадили в Петропавловскую крепость и там задали ей вопросные пункты: кто писал царевичу во время его пребывания за границу, кого хвалил царевич, кого бранил, что о ком говорил. Испуганная Евфросиния дала такое показание: «Царевич писал не раз цезарю жалобы на отца, писал письма к русским архиереям, с тем, чтобы эти письма подметывать в народе, постоянно жаловался на родителя, очень прилежно желал наследства, изъявлял радость, когда читал в курантах, что брат его, Петр Петрович, болен, и говорил такие слова: «Хотя батюшка и делает то, что хочет, только, чаю, сенаты не сделают того, чего хочет батюшка». Когда слышал о видениях и читал в курантах, что в Петербурге тихо и спокойно, то говорил: «Тишина не даром, может быть, отец мой умрет, либо бунт будет. Отец надеется, что по смерти его, вместо малолетнего Петра, будет управлять мачеха; тогда бабье царство будет, и произойдет смятение: иные станут за брата, а иные за меня. Я, когда стану царем, то всех старых переведу, а новых наберу себе по своей воле. Буду жить зиму в Москве, а летом в Ярославле. Петербург будет простым городом; я кораблей держать не стану и войны ни с кем вести не буду; буду довольствоваться старым владением». Когда услышал царевич, будто в Мекленбурге бунтует русское войско, то очень обрадовался».

Евфросиния показала также, что царевич из Неаполя хотел бежать в Рим к папе; но она его удержала.

Когда царевичу предъявлено было показание Евфросинии, он запирался. Но отец подверг его тайной пытке. Уже после смерти царевича осуждены были на казнь трое крестьян за то, что были свидетелями, как на мызе повели царевича под сарай и оттуда были слышны его стоны и крики. После таких мер царевич написал показание, в котором наговорил на себя столько, сколько даже не был вынужден говорить, например: «Когда я слышал о мекленбургском бунте русского войска, как писали в иностранных газетах, то радовался и говорил, что Бог не так делает, как отец мой хочет, и когда бы так было и

бунтовщики прислали бы за мною, то я бы к ним поехал». Он наговорил на многих государственных людей, притянул к делу киевского митрополита, заявивши, что он ему друг, что писал к этому архипастырю и просил всем сказывать, что царевич убежал от принуждения вступить в монастырь. Петр, по этому показанию, отправил Скорнякова-Писарева в Киев сделать у митрополита обыск и самого его препроводить в Петербург. Престарелый митрополит Иосиф Кроковский был отправлен в Петербург, но не доехал и умер на пути в Твери. Предание говорило, что его отравили.

Вынужденное пытками сознание царевича в том, что он готов был пристать к бунтовщикам, дало Петру повод не стесняться своим прежним обещанием помилования, данным виновному сыну. 13 июня Петр приказал нарядить суд из духовных и светских лиц и объявлял печатно, чтобы судьи вершили это дело «не флатируя и не похлебуя ему государю: не рассуждайте того, что тот суд ваш надлежит вам учинить на сына вашего государя, но, несмотря на лицо, сделайте правду и не погубите душ своих и моей души, чтоб совести наши остались чисты в день страшного испытания и отечество наше безбедно».

14 июня царевич был посажен в Петропавловскую крепость, а 17-го потребован в суд к допросу. Царевич оговорил своего дядю Авраама Лопухина и своего духовника Якова Игнатьева, будто последний, узнавши от царевича на исповеди, что царевич желает отцу смерти, сказал: «Бог тебя простит, и мы все желаем ему смерти». Пытали Лопухина, расстригли и пытали три раза протопопа Якова. 19 июня пытали самого царевича и дали ему 25 ударов кнутом.

22 июня Толстой взял с царевича показание, в котором излагались причины его непослушания отцу. Показание это явно было написано так, как от него требовали. Он приписывал все своему обращению с попами, чернецами и ханжами, а в конце оговорил императора, будто тот обещал ему вооруженную помощь: «И ежели бы цезарь начал то производить в дело, как мне обещал, то я бы, не жалея ничего, достигал наследства, дал бы цезарю великие суммы денег, а министрам и генералам

его великие подарки. Войска его, которые бы он мне дал в помощь, чтобы достигнуть короны российской, взял бы на свое иждивение и, одним словом сказать, ничего бы не пожалел, только чтобы исполнить в том свою волю».

24 июня царевича снова подвергли пытке и дали ему 15 ударов кнутом. В этот самый день решился суд над ним. Духовенство дало уклончивый, но замечательно мудрый приговор. Выписав разные места из Священного Писания об обязанностях детей повиноваться родителям, оно предоставило на волю государя действовать или по Ветхому, или по Новому Завету: хочет руководствоваться Ветхим Заветом – может казнить сына, а если хочет предпочесть учение Нового Завета – может простить его, по образцу, указанному в евангельской притче о блудном сыне, и в поступке самого Спасителя с женою пре-любодейницею. «Сердце царево в руке Божией есть; да изберет тую часть, амо же рука Божия того преклоняет!» Так сказано было в конце приговора духовных.

Церковь, в лице своих представителей, исполнила свое дело; она указала дух, в каком должна действовать мирская власть, признающая себя христианскою; более ничего не могла сделать церковь, не имевшая никакого оружия, кроме слова, никаких побудительных мер, кроме указаний на слова и пример Спасителя.

Светский суд не сохранил своего достоинства в равной степени, в какой сохранило его духовенство. Светские судьи могли бы напомнить государю, что он дал свое царское обещание сыну, через Толстого в Неаполе: что ему наказания не будет, если он возвратится. Сын поверил слову царя-родителя, и теперь его можно было судить только в таком случае, когда бы он сделал что-либо преступное уже после своего возвращения в отечество. Но светские судьи так не сделали, во-первых, потому, что во главе их находился Меншиков, личный враг царевича, во-вторых, потому, что они желали угодить Петру и ясно видели, какого решения ему хочется. Царевичу был подписан смертный приговор 120-ю членами суда.

26 июня в 6 часов пополудни царевич скончался. Царь опубликовал об его смерти, что он, выслушавши смертный

приговор, пришел в ужас, заболел недугом вроде апоплексии, исповедался, причастился, потребовал к себе отца, испросил у него прощения и по-христиански скончался. Этому описанию не все верили; пошли слухи, что царевич умер насильственной смертью, но какую – неизвестно. Из книг «Гарнизона», то есть Петропавловской крепости, видно, что в день смерти царевича, утром, Петр с девятью сановниками ездил в крепость и там «учинен был застенок», т. е. производилась пытка, но над кем – о том не говорится.

На другой день, 27 июня, была годовщина Полтавской битвы. Царь обедал на почтовом дворе, в саду, и вечером веселился. 29 июня государь праздновал свои именины, обедал в летнем дворце, присутствовал на спуске корабля, а вечером был фейерверк и веселый пир до глубокой ночи. Тело царевича, перенесенное из Петропавловской крепости, лежало в церкви Св. Троицы. 30 июня, вечером, в присутствии царя и царицы, оно было предано земле в Петропавловском соборе, рядом с гробом покойной кронпринцессы. Траура не было. Царевич гнил в земле, а дело его все еще продолжалось, и 8 декабря были казнены смертью обвиненные показаниями царевича: духовник его Яков Игнатьев, дядя его Авраам Лопухин, камердинер Иван Большой Афанасьев, Дубровский и Воронов. Других били кнутом и вырезали им ноздри.

Безусловные почитатели Петра видели в поступке с сыном великий подвиг принесения в жертву отечеству своего родного сына и оправдывали царя крайнею необходимостью. В самом деле, царевич Алексей был такою личностью, которая непременно, по своей бесхарактерности, сделалась бы орудием врагов Петра и всех его преобразований. Его отречение от наследства ни в каком случае не имело бы силы после смерти Петра, как бы государь ни распорядился престолом. Всегда бы нашлась могущественная партия, которая подвинула бы Алексея возвратить себе потерянные права, и тогда гибель грозила бы всем Петровым сподвижникам и всему тому, что Петр готовил для русского государства. Но нельзя не видеть, что Петром руководили не только государственные виды, но и семейные побуждения. Он не любил Алексея, как сына



ненавистой, отверженной им жены, и хотел доставить престол потомству Екатерины; от этого-то он стал налегать на Алексея настойчивее тогда, когда родился сын от Екатерины. Если бы у Петра не было такого побуждения, то, отрешивши Алексея от наследства, он мог бы назначить, по праву первородства, своим наследником внука, Алексеева сына, который был так же мал, как и рожденный через несколько дней после внука сын Петра, царевич Петр Петрович. Петр мог воспитать себе достойного преемника и в малолетнем внуке, как в малолетнем сыне. Чтобы оправдать свой поступок и придать ему законный вид, Петр установил закон, по которому царствующий государь может отдавать после себя престол кому угодно, мимо всякого права рождения. Несостоятельность и неудобоприменимость такого порядка вещей показалась в истории самого Петра: ему пришлось умереть, не воспользовавшись изданным им же законом, не указавши после себя преемника престола.

## Глава 18. Князь Александр Данилович Меншиков

Из всех современников Петра, окружавших его, не было никого ближе к государю, как Меншиков; не было другой личности, которая возбуждала бы до такой степени всеобщее внимание Европы странными поворотами своей судьбы. По общему мнению, составившемуся еще при жизни Меншикова, он происходил из простолюдинов, и в этом отношении составлял в ряду государственных русских лиц замечательное исключение, олицетворявшее стремление Петра создать новых деятелей, не связанных с общественными преданиями старой Руси. По одним сказаниям, отец его был православный пришелец из Литвы, поселившийся в Москве, по другим – он был уроженец берегов Волги, но и в том и в другом случае простолюдин. В 1686 году двенадцатилетний Александр Меншиков, отданный отцом к московскому пирожнику, продавал в столице пироги. Мальчишка отличался остроумными выходками и балагурством, что долго было в обычае у русских разносчиков; этим он заманивал к себе покупателей. Случилось ему проходить мимо дворца знаменитого и сильного в то время Лефорта; увидя забавного мальчика, Лефорт позвал его к себе в комнату и спросил: «Что возьмешь за всю свою коробку с пирогами?» – «Пироги извольте купить, а коробки без позволения хозяина я продать не смею», – отвечал Алексашка, так звали уличного мальчика. «Хочешь у меня служить?» – спросил его Лефорт. «Очень рад, – отвечал Алексашка, – только надобно отойти от хозяина». Лефорт купил у него все пирожки и сказал: «Когда отойдешь от пирожника, тотчас приходи ко мне».

С неохотою отпустил пирожник Алексашку и сделал это только потому, что важный господин брал его в свою прислугу. Меншиков поступил к Лефорту и надел его ливрею. Он показывал большую сметливость, замечательную верность интересам своего хозяина и умел угодить Лефорту. Веселый и шутливый нрав Алексашки очень пришелся по вкусу Лефорту, который, как француз, отличался всегдашнею добродушною веселостью, любезностью и уживчивостью. Лефорт часто шутил

с Алексашкой и восхищался его остроумными выходками, хотя, при всей своей природной способности, Алексашка был тогда круглый невежда и не умел порядочно подписать собственного имени.

Между тем значение Лефорта все более и более возрастало, и он сделался задушевным другом и постоянным собеседником молодого царя Петра. Часто проводя веселые вечера в доме Лефорта, царь увидел там Алексашку. Сразу ему понравился бывший пирожник, а Лефорт описал Петру в самом пленительном виде сметливость, живость и служебную верность Алексашки. Царь пожелал взять Алексашку к себе в прислугу.

Так рассказывали современники о ранней судьбе этой замечательнейшей личности русской истории. В последнее время опровергали это сказание главнейшим образом тем, что в то время, когда Меншиков уже был в большой милости у царя, Петр, ходатайствуя у императора немецкого грамоту Меншикову на сан князя римской империи, именовал его происходящим из шляхетской литовской фамилии. Но этот довод, для опровержения целого ряда современных сказаний, довольно слаб, тем более, что прямые потомки Меншикова не могли представить никаких объяснений о темном происхождении своего предка, отзываясь пропажей фамильных документов во время московского пожара 1812 года.

Поступивши в царскую прислугу, сначала Алексашка был простым лакеем, а потом царь записал его в число своих потешных, где юноши были почти все из дворянского сословия. Это был первый шаг к возвышению Меншикова, но важно было для него то, что, считаясь потешным, Меншиков несколько лет продолжал исполнять близ царской особы должность камердинера: Петр, ложась спать, клал его у своих ног на полу. Тогда-то чрезвычайная понятливость, любознательность и большая исполнительность Меншикова расположили к нему царя. Меншиков как будто заранее угадывал, чего царю нужно, и во всем спешил угодить его желанию. Случалось, запальчивый царь ругал его и даже бивал, – Меншиков все переносил безропотно и терпеливо. И Петр привязался к Меншикову до такой степени, что чувствовал потребность в

постоянной близости его. Скоро многие, заметивши, что Меншиков делается царским любимцем, стали обращаться к нему о ходатайстве и заступничестве перед царскою особою. Меншиков сопровождал царя в азовский поход и получил офицерский чин, хотя не ознаменовал себя ничем в военных действиях. Петр нашел в нем большого поклонника любимой царской мысли – преобразовать русское государство на иноземный лад: Меншиков во всем казался Петру ненавистником старых русских жизненных приемов и обычаев и с жадностью готов был походить на западного европейца, а это было в такую пору, когда Петр встречал ропот и суровые лица своих князей и бояр, боявшихся грозившего России господства иноземщины. Понятно, как этот простолюдин по породе казался Петру достойнее многих потомков воевод и наместников.

Когда, собираясь в путешествие за границу, царь пировал в доме Лефорта, и в это время тайные враги готовили ему внезапную гибель, человек, узнавший о заговоре, был Меншиков; он получил, как говорят, сведения о тайных замыслах через посредство одной девушки, дочери участника в заговоре.

Наступило первое путешествие Петра за границу под именем Петра Михайлова. Меншиков был неразлучен с Петром; с ним он работал на амстердамской верфи, с ним посещал университетские кабинеты и мастерские художников. Меншиков заранее еще в России подучился по-голландски и по-немецки, а находясь за границею, в глазах Петра быстро освоился с этими языками. Везде и во всем умел он нравиться властелину, разделял с ним и трудные работы по кораблестроению, и буйные попойки, и оргии. Когда из трудолюбивой мещанской Голландии Петр переехал в аристократическую Англию, Меншиков с удивительною понятливостью присмотрелся к приемам придворной и дипломатической жизни. На возвратном пути через Вену, Меншиков присутствовал с царем на блестящем придворном маскараде, устроенном для Петра императором в своем дворце, и осваивался с приемами большого европейского света. По возвращении в отечество началась страшная расправа с мятежными стрельцами;

Меншиков был постоянно с государем, и в угоду ему собственноручно рубил преступникам головы. В это время царь разошелся со своею женою Евдокиєю и заточил ее в монастырь; она чрезвычайно не терпела Меншикова, и все сторонники старых порядков Руси разделяли отвращение к любимцу, имевшему, по их понятиям, зловерное на царя влияние. Началось бритье бород и переодевание русских в иноземное платье; Меншиков был самым ревностным хвалителем царских затей, и этим глубже входил в душу царя; не было ничего, в чем бы Петр отказал своему другу Александру Даниловичу, или просто Данилычу, как он называл его. В это время Меншиков имел уже чин генерал-майора и начальствовал над целым драгунским полком, носившим его имя.

В 1700 году, при самом начале шведской войны, Меншиков женился на девице Дарье Арсеньевой.

Во всех переменах счастливых и несчастных, сопровождавших шведскую войну, Меншиков постоянно находился при царской особе и не мог самостоятельно проявить собственной личности без участия самого царя. Где был царь, там был и Меншиков. Когда немец Нейгебауер, бывший воспитатель молодого царевича Алексея, потерял свое место, главным руководителем образования своего сына Петр назначил Меншикова; но это руководство могло быть только номинальным, потому что Меншиков не переставал сопровождать царя в его подвижной жизни. 24 августа 1702 года фельдмаршал Шереметев взял город Мариенбург, и в числе пленных, сдавшихся жестокому полководцу на милость, был пастор Глюк, со своею воспитанницей или служанкой Мартою; последнюю Шереметев передал жене полковника Балька, а у нее взял ее к себе Меншиков и подарил своей жене, у которой в услужении было уже несколько ливонских и шведских пленниц. Марта, переименовавшая свое имя на Екатерину, сразу сумела понравиться Меншиковой.

После взятия Шлиссельбурга Меншиков был возведен в звание губернатора Ингерманландии, Корелии, Эстляндии и всего края, доставшегося России оружием от Швеции. В 1703

году в глазах Меншикова была взята и уничтожена крепость Ниеншанц. Когда шведы выслали против русских по Неве суда свои, а Петр счастливо отбил покушения и овладел двумя фрегатами, Меншиков был участником этого дела и награжден от царя орденом Андрея Первозванного. 27 мая 1703 г. в Троицын день совершена была закладка Петербурга, и Меншиков, как уже нареченный царем губернатором края, назначен был надзирать за делом постройки. Во все царствование Петра Меншиков был главнейшим исполнителем задушевных замыслов Петра, касавшихся основания, построения и заселения Петербурга. Новая столица обязана своим созданием столько же творческой мысли государя, сколько деятельности, сметливости и уменью Меншикова. Он наблюдал и над привозом строительных материалов, и над приводом рабочих, отправляемых беспрестанно со всех краев России, и над доставкой провианта для их содержания. Царь, оставивши Меншикова строить новый русский город, уезжал в Москву и устраивал празднества по поводу своих побед и завоеваний. Ему без Меншикова чего-то недоставало, и он вызывал его быть участником в торжествах. В один из таких вызовов, проводя время за веселыми пирушками в московском доме своего любимца, Петр увидел Екатерину. Она понравилась государю: в это время он уже разошелся со своей любовницей Анной Монс, изменившей Петру. Петр взял Екатерину к себе; она тогда уже порядочно освоилась с русским языком и изъявила охоту принять православную веру. Ее крестным отцом был молодой Алексей, сын Петра. Екатерина овладела сердцем Петра, и этим обязана была своему кроткому, веселому нраву и своей безропотной покорности не только перед волей, но и перед своенравными выходками Петра; сознавая свое положение, как бы рабы, она не показывала ни малейших признаков ревности, когда Петр позволял себе в виде развлечения сходиться с другими женщинами. Зато у Петра развлечения эти случались без участия сердца, а потом, с летами, совершенно прекратились; Екатерина осталась единственным предметом его сердечной привязанности, и можно сказать, что, за исключением одного Меншикова, никто

никогда не был так близок сердцу государя во всю его жизнь, как Екатерина. Передавши своему государю Екатерину, Меншиков опять обратился к наблюдениям за постройкой Петербурга; его вниманию предоставлено было также построение Кроншлота и Кронштадта, на острове Ретузари, назначенного Петром быть местопребыванием создаваемого военного флота.

Занимаясь неустанно делом построения Петербурга, Меншиков не забывал и себя, воздвигал себе в Петербурге красивый дворец, стараясь сделать его удобным для веселой жизни и приема гостей, а в 50 верстах от Петербурга заложил себе дачу, назвав ее «Ораниенбаум». В Москве у него оставался прежний, подаренный ему царем, дом, красиво убранный; при доме было множество прислуги и музыкальная капелла: в этом доме проживала жена Меншикова, не любившая Петербурга.

Наблюдение над постройкой Петербурга и Кронштадта, порученное ингерманландскому губернатору, прерывалось самим царем, который брал с собой Меншикова повсюду, куда сам направлялся в своей подвижной жизни. Меншиков принужден был участвовать и при осадах и штурмах ливонских городов, и в конференциях с польскими панями, и наблюдать над воспитанием царевича, ездившего в походах за царем со своим воспитателем Гюйсенем. В Полоцке, по мановению царя, Меншиков приказывал в его присутствии убивать униатских монахов.

В конце 1705 года он вместе с царем приехал в Москву; там они устроили себе победные празднества и торжественный въезд через триумфальные арки: царский любимец носил тогда титул графа римской империи, губернатора Эстляндии и Ингерманландии, кавалера ордена Св. Андрея Первозванного, кавалера польского ордена Белого Орла, капитана гвардейских бомбардиров, полкового командира двух ингерманландских полков и обер-гофмейстера при царевиче. Поляки удивлялись тесным дружеским отношениям, существовавшим между царем и его подданным. Когда в Гродно Меншиков праздновал свои именины, у него присутствовали царь и король Август; царь хотел еще более возвысить своего любимца и отправил в Вену

царевичева наставника, Гюйсена, хлопотать у цезаря для Меншикова титул светлейшего князя Римской империи. Гюйсен исполнил это поручение счастливо для высокомерного временщика, хотя, как говорят, отсутствие Гюйсена вредно отразилось на воспитании царевича, остававшегося тогда без наставника.

В 1706 году Меншиков был командиром целого корпуса войск от 12000 до 15000, посланных на помощь Августу в Польшу и Саксонию, одержал над шведами победу, но был близким свидетелем измены Августа общему с царем делу войны против шведов, когда Август постановил со шведским королем особый Альтранштадтский мир.

Потом Меншиков опять был постоянным спутником царя и был отправлен с важными военными поручениями. В 1708 году он командовал в несчастной битве при Головчине. После того царь узнал, что Карл двинулся с частью войска вперед, а позади себя оставил корпус Левенгаупта. Петр предпринял напасть на последнего. Меншикову поручено было вести передовой отряд. 28 сентября произошло сражение под Лесным. Левенгаупт потерпел совершенное поражение и потерял почти половину своего войска. Царь приписывал Меншикову важное содействие в одержанной победе.

Затем последовало вторжение Карла в Малороссию и измена Мазепы. Меншиков, по царскому приказанию, разорил Батурин, потом находился с царем в Лебедине, съездил с ним в Воронеж и присутствовал там при спуске построенных судов. В Полтавской битве Меншиков, по распоряжению государя, не допустил неприятеля овладеть Полтавой и в самое время сражения сопутствовал царю, а после бегства Карла XII с шведским войском преследовал его до Переволочны и, одержав там другую победу, взял в плен генерала Левенгаупта. Когда после того Меншиков возвратился к Полтаве, царь дал ему чин генерал-фельдмаршала, а сам принял чин генерал-майора. От Полтавы Меншиков сопровождал царя в Киев, а в следующую зиму присутствовал в Москве при торжестве, устроенном Петром в честь Полтавской победы.



В 1710 году Меншиков получил поручение окончить покорение Ливонии и исполнил его счастливо, благодаря печальному положению края, терявшего, по случаю свирепствовавшей заразы, значительнейшую часть своего народонаселения. В ноябре этого года Меншиков был в Петербурге, и там, в его дворце, совершилось бракосочетание царевны Анны Ивановны с герцогом курляндским, удивлявшее современников пышностью обстановки. По этому поводу Меншиков давал бал с разными вычурами: например, подан был большой пирог, из середины которого выскочила карлица и начала танцевать менуэт на столе. Через несколько дней после этого торжества для забавы устраивалась свадьба карликов, и для этой цели с разных сторон привезены были 72 карлика, отличавшихся крайним безобразием. Неожиданная кончина сына Меншикова нарушила веселость этого торжества, а через 12 дней постигла двор новая печаль: курляндский герцог, молодой супруг Анны Ивановны, скончался по дороге в Курляндию, в местечке Дудергоф, от горячки.

В 1711 году, когда Петр отправился в Молдавию, Меншиков оставался в Петербурге, занимаясь постройками города и делами по управлению своей губернии. В это время (в мае) сгорел великолепный его дворец в Москве. Когда Петр после этого ездил за границу, где совершил бракосочетание сына своего Алексея с принцессой Шарлоттой, Меншиков оставался в Петербурге, и в честь сочетавшегося браком за границей царевича устроил великолепное празднество, пригласив на него всех высокочинных лиц, живших в Петербурге. Но, вслед за тем, Дания и Саксония открыли военные действия в Померании; Меншиков получил команду над русскими войсками, назначенными в тот край для вспоможения союзникам. В апреле 1712 года Меншиков явился к войску и на дороге чуть было не потерял свою, сопровождавшую его, жену: она едва было не попала в плен шведам близ Штетина и была спасена ловкостью генерала Бауера. В июле Меншиков съехался с государем, который сам принял команду над войском. В начале 1713 года Петр оставил войну, поручивши Меншикову добывать шведского генерала Штейнбока в Шлезвиге, вместе с

датчанами. Осада Штейнбока продолжалась почти год, после чего Штейнбок сдался датчанам. Летом 1714 года Меншиков занят был осадой Штетина, вместе с саксонцами, и не ранее сентября принудил шведского коменданта к капитуляции. Меншиков воротился в Петербург, и с этих пор приостановилась его военная карьера.

Он занимался управлением своей огромной губернии. Но в это время на Меншикова начали наступать тучи, грозившие затмить его необыкновенное счастье, и только чрезвычайной привязанности к нему царя должен был он тем, что избежал судьбы, постигшей многих государственных деятелей в царствование Петра, навлекших на себя гнев и нерасположение царя. По делу вице-губернатора Курбатова открылись за Меншиковым злоупотребления в управлении губернией. В январе 1715 года царь назначил розыск. Меншиков, Апраксин и Брюс были обвиняемы в произвольном обращении с казенным интересом. Дело тянулось несколько лет; на Меншикове оказалось большое взыскание; но государь, неумолимо строгий ко всяким преступлениям подобного рода, был так милостив к свежему любимцу, что велел счесть с него большие казенные суммы. Меншиков, со своей стороны, нашел удобный случай понравиться царю и расположить его к снисходительности. Русское войско в Финляндии терпело большой недостаток, а провиант, следуемый к доставке из Казани и прилегавшего к ней восточного края, не поспел; у Меншикова в его имениях был большой запас муки, крупы: Меншиков поспешил все это в пору пожертвовать для нуждавшегося войска и заслужил от царя благодарность. Но главным образом розыск над Меншиковым приостановился через возникшее дело о царевиче Алексее. В какой степени и какую роль занимал Меншиков в трагической судьбе Алексея, можно видеть из жизнеописания царевича. После смерти царевича, Меншиков был у государя в милости, и в 1719 году, с чином контр-адмирала белого флага, был назначен президентом военной коллегии. Доверие государя к нему было так велико, что в том же году он поручил ему находиться в верховном суде для открытия и преследования всякого рода злоупотреблений по управлению. Председателем

суда был генерал Вейде, находившийся по коллегиальному управлению товарищем Меншикова. Виновными в злоупотреблениях снова оказались важнейшие государственные люди, и в их числе сам Меншиков. Меншиков испросил прощение у государя, и царь ограничился только наложением на него большого штрафа, 100000 червонцев, а потом пригласил его по-прежнему к дружеской попойке. Много помогало Меншикову заступничество перед царем Екатерины, сохранявшей уважение и привязанность к человеку, бывшему некогда, во времена ее ничтожества, ее господином. 5 сентября 1721 года Меншиков в своем петербургском дворце отпраздновал обручение молодого польского пана, Петра Сапеги, со своей девятилетней дочерью Марией, которой судьба, как увидим, предназначила другой жребий. Скоро после того праздновала вся Россия Ништадтский мир и окончание тяжелой Северной войны; несколько дней ликовал Петербург: Меншиков не пощадил издержек, чтобы принять в этом празднестве блестящее участие. Когда Петр, по окончании празднеств в Петербурге, отправился праздновать тот же мир в Москву, Меншиков сопровождал государя и, во время торжественного въезда в столицу, шествовал о бок государя по правую руку. В феврале 1722 года государь издал закон о новом способе престолонаследия, предоставляя воле всякого царствующего государя назначать себе преемника. Меншиков был первый, присягнувший этому закону, и тем показал пример всем гражданским и военным чиновникам. Издание этого закона сопровождалось большим праздником в Москве; оно состояло в катанье на санях с поставленными на них фигурами морских судов. В том же году Петр отправился с государыней в персидский поход, а Меншиков оставлен был в Петербурге во главе правительства, вместе с другими вельможами. По возвращении из похода, Петр застал соблазнительный спор Скорнякова-Писарева с Шафировым, спор, возникший из такого дела, которое близко касалось Меншикова: Шафиров был давний враг Меншикова и теперь очень нерассудительно пошел против царского любимца. До какой степени силен был этот любимец показывает то, что голова Шафирова уже лежала на

плахе и чуть было не слетела: он обязан был жизнью только влиянию Екатерины, испросившей ему помилование государя. Вскоре, однако, Меншиков опять навлек на себя немилость государя. В продолжение многих лет он до крайности бесцеремонно употреблял казенное достояние в свою пользу, покупал за казенный счет в свой Васильевско-Островский дворец мебель, всякую домашнюю рухлядь, содержал за казенный счет своих лошадей и прислугу и позволял своим клевретам разные злоупотребления, прикрываемые его покровительством. Открылись за ним какие-то противозаконные поступки по управлению Кроншлотом. Петр отнял у него выгодный табачный откуп, звание псковского наместника, подаренные ему в Малороссии имения Мазепы, и, кроме того, Меншиков заплатил 200000 рублей штрафа. Современники говорят, что Петр, вдобавок, отколотил его собственноручно палкой и несколько времени после того не допускал к себе на глаза; но влияние Екатерины опять пособило временщику, и в сентябре того же 1723 года Меншиков был снова в приближении у царя. Говорят, что Петр, приехавши к нему, увидал в доме на стенах, вместо прежних великолепных обоев плохие и дешевые. На вопрос царя о такой перемене Меншиков сказал: «Я должен был продать свои богатые обои, чтоб расплатиться с казной». Но Петр, зная, что у Меншикова еще осталось большое состояние, взглянул на него строго и сказал: «Мне здесь не нравится; если я приеду к тебе на первую ассамблею и не найду твой дом убраным прилично твоему сану, ты у меня заплатишь еще больший штраф». Когда Петр, по своему обещанию, приехал снова к Меншикову, нашел в его доме все по-прежнему, был очень весел и ласков и не вспоминал уже о прошлом. Так возобновились между ними добрые отношения. Меншиков участвовал на пире, данном государем персидскому послу, прибывшему для заключения мира. В марте 1724 г. Меншиков отправился с царем в Москву, где в мае государь совершил коронацию своей жены в сан императрицы. Во время церемонии Меншиков шел по правую руку царя и, по старому русскому обычаю, раскидывал народу золотые и серебряные монеты. По возвращении в Петербург, Меншиков опять

подвергся царской немилости: Петр лишил его губернаторской должности, передавши ее Апраксину. С точностью неизвестно, что было причиной такой перемены, но Петр, постоянно болевший и приближавшийся к смерти, сделался тогда чрезвычайно раздражителен и вспыльчив: он нередко собственноручно бивал палкой приближенных и всякого встречного, на кого имел причину рассердиться; в Петергофе, например, разводился у него сад, и Петр то и дело бил палкой офицеров, надзиравших над рабочими. Перед смертью, в начале 1725 года, Петр опять помирился с Меншиковым и допустил своего старого друга к своей смертной постели.

В истории мы видим частые примеры, что со смертью государей меркнет счастье их любимцев, но с Меншиковым случилось не так. Петр скончался, не выразивши ни на письме, ни на словах своей воли о престолонаследии. Его новый закон, предоставлявший царствующей особе право назначить себе преемника, не мог быть исполнен самим учредителем этого закона. Еще тело усопшего императора лежало не погребенным, а уже вельможи толковали о том, кто будет над ними царствовать. Меншиков, Толстой и Апраксин указали на Екатерину, как на личность, по самой воле покойного царя носившую уже императорскую корону. Толстой рассыпался перед вельможами во всевозможнейших похвалах добродетелям и доблестям императрицы. Спор мог быть продолжительным, так как люди, все еще дорожившие древними обычаями, заявляли о правах первородства, принадлежавших сыну покойного царевича Алексея, малолетнему Петру. Но приверженцы Екатерины заранее распорядились наводнить дворец гвардейскими офицерами, а около дворца поставить два гвардейские полка, пугавшие барабанным боем уши собранных во дворце сенаторов. Это обстоятельство было поводом к тому, что спор прекратился, и собранные во дворце сенаторы провозгласили Екатерину императрицей и самодержицей. Вслед за тем издан был манифест от имени правительствующего сената, Святейшего Синода и всего генералитета, гласивший, что, согласно с объявленным в 1722 г. законом, подтвержденным присягой всех

чинов государства российского, все люди духовного, воинского и гражданского чина – должны верно служить государыне императрице Екатерине Алексеевне, так как сам покойный государь короновал ее императорской короной. В Петербурге все присягнули безропотно. В Москве и в других городах явились ослушники, которых за то подвергали пытке кнутом и огнем. Но как ни много, казалось, должно было находиться в России недовольных мерами Петра и его перестройкою государства на иноземный образец, кончина государя, если верить официальным донесениям, везде возбуждала такую же скорбь, какая показывалась около его гроба в Петербурге. Председатель сенатской конторы в Москве граф Матвеев писал, будто при панихиде, которую служили по покойном государе, был такой в Москве «воплъ, вой, крик, какого я от рождения моего не слыхал». Самый протест по поводу присяги Екатерины проявлялся везде как явление исключительное. Русский народ, в продолжительное царствование покойного государя, был так запуган его жестокими мерами, что не смел отзываться со своими чувствованиями, если они шли вразрез с видами и приказаниями верховной власти.

Правление Екатерины было только по одному имени ее правлением. Всем заправлял Меншиков и с ним те вельможи, которые старались ему угодить; те, которые ненавидели его, таились, надеясь дожить до такого времени, когда можно будет учинить с ним расправу. Одним из важнейших врагов его был генерал-прокурор Ягужинский; сначала он пошел было открыто против Меншикова, но потом, при содействии голштинского герцога, испросил у него прощение за свою вспыльчивость и притворно помирился с ним. Герцог голштинский выпросил прощение Шафирову и детям казненного Гагарина. Недовольные Меншиковым вельможи задумали было возвести на престол великого князя Петра с ограничением монархической власти. Но Меншиков и Толстой, со своими приверженцами, противодействовали им проектом учреждения нового государственного места -верховного тайного совета, который должен был состоять под председательством самой государыни. Указ о таком учреждении состоялся в феврале

1726 года. Членами его были тайные действительные советники: генерал-фельдмаршал Меншиков, генерал-адмирал граф Апраксин, государственный канцлер граф Головкин, вице-канцлер барон Остерман, граф Толстой и князь Дмитрий Голицын. Немного времени спустя после утверждения верховного тайного совета, по воле государыни, в число членов его был допущен и герцог голштинский. Сенат и Синод потеряли значение верховных правительствующих мест; на них можно было подавать апелляцию в верховный тайный совет. Под непосредственным ведением последнего находились три коллегии: иностранная, воинская и морская.

Важнейшим делом верховного тайного совета было облегчение крестьян в способе платежа податей, почему были преданы суду и казни в разных местах чиновники, провинившиеся в притеснениях крестьян. Но вообще, хотя в верховном тайном совете и затрагивались всякие стороны государственного и экономического быта, однако он не произвел никаких радикальных преобразований, кроме некоторых бюрократических, как, например: изменен порядок воинского постоя, постановлено полковым дворам быть в городах, упразднена мануфактур-коллегия, а вместо нее учреждался совет фабрикантов, подчиненных коммерц-коллегии; установлена доимочная коллегия для сбора накопившихся недоимок и проч.

Меншиков, опираясь на силу, которую имел при Екатерине, затевал проект сделаться курляндским герцогом, с тем, чтобы Курляндия, находившаяся в отношениях ленной зависимости от польской короны, поступивши во власть Меншикова, перешла в ленную зависимость России. Еще прежде, при жизни Петра, он заявлял эту мысль и даже хотел подкупить польского короля и его придворных, чтоб они помогали его предприятию. Теперь курляндский герцогский престол оставался вакантным. Весною 1726 года польский король Август начал проводить на курляндское герцогство своего побочного сына принца Морица (знаменитого впоследствии полководца, известного под именем Морица Саксонского). Мориц хотел утвердиться в Курляндии, во-первых – через избрание курляндских чинов, во-вторых –

через вступление в брак со вдовой покойного герцога, вдовствующей герцогиней Анной Ивановной. Мориц имел большой успех: он понравился Анне Ивановне и скоро приобрел расположение курляндцев, и был уже избран герцогом. Меншиков всеми силами старался устранить эту опасную для него кандидатуру, против которой восставали разом из политических видов и прусский король и чины польской Речи Посполитой, не хотевшие допускать своего короля до усиления монархической власти. Русский посланник в Польше князь Василий Лукич Долгорукий старался за Меншикова в Польше, располагая подарками корыстолюбивых панов. Сам Меншиков 8 июля 1726 г., пригласивши в Ригу Анну Ивановну, пытался убедить ее отказаться от планов, проводимых Морицом, но не успел в этом. После того Меншиков приехал в Митаву и, прикрываясь государственными интересами России, начал обращаться высокомерно и с Морицом, и с курляндскими членами. От имени своей государыни он угрожал курляндцам военным принуждением, если они не произведут нового выбора. Но его высокомерный тон только повредил ему: курляндское дворянство ни за что не хотело изменять прежнего решения, а Меншиков, не отваживаясь приступить па деле к сильным мерам, которыми угрожал на словах, уехал из Митавы. Польский сейм не утвердил Морица в герцогском достоинстве; но и Меншиков принужден был расстаться с высокомерным желанием сделаться курляндским герцогом. Императрица Екатерина охладевала к нему и не стала поддерживать его видов. Анна Ивановна, ненавидевшая Меншикова, приехавши в Петербург, была принята Екатериной очень любезно и отпущена в Митаву; ее сопровождала почетная гвардия из 300 человек, долженствовавшая оставаться постоянно в Митаве.

После неудачи в Курляндии, Меншиков начал помышлять устроить себе величие в собственном отечестве. В России чувствовалось, что Екатерина не прочна на престоле. Был жив несовершеннолетний внук Петра, сын царевича Алексея Петровича, и общественное мнение в народе признавало за ним право престолонаследия. Меншиков, как известно было всем, не только не принадлежал к сторонникам несчастного царевича



Алексея, но признавался даже одним из виновников его несчастья: говорили, что Меншиков возбуждал против царевича отца его. Как только малолетний Петр вырастет, тотчас станет добывать своих прав, а если их добудет так или иначе, то Меншикову грозило падение и, может быть, эшафот. Так думали и надеялись враги и недоброжелатели Меншикова. Положение его в это время походило на положение Годунова, и Меншикову, ради спасения собственной жизни, надобно было или известить великого князя Петра, как изведен был, по желанию Годунова, царевич Дмитрий, или – расположить к себе молодого Петра и сделать его для себя своим человеком. Меншиков избрал последний, очень скользкий путь. В соумышлении с цезарским посланником Рабутином, он составил план отдать за великого князя Петра дочь свою Марию: она прежде была сговорена с Сапегой, но императрица расстроила это сватовство, устроивши дело так, что Сапега вознамерился вступить в брак с племянницей императрицы Скавронской. Меншиков обратился со своим проектом о браке Петра со своею дочерью к Екатерине и получил ее согласие. Напрасно две дочери Екатерины – голштинская герцогиня Анна и посватанная за другого голштинского герцога Карла великая княжна Елисавета – просили мать отказать Меншикову, так как обе царевны имели честолюбивые планы на наследство; к ним присоединился и Толстой, державшийся прежде стороны Меншикова, а потом изменивший ему. Меншиков взял перевес у Екатерины. Он помирился и сошелся с князем Дмитрием Михайловичем Голицыным, бывшим киевским губернатором, умным и энергическим человеком, на которого особенно надеялись все недоброжелатели Меншикова. За Меншикова был вице-канцлер Остерман. Меншиков был обставлен хорошо. Но его новый враг Толстой составил заговор против Меншикова с Бутурлиным, графом Девиером, Григорием Скорняковым-Писаревым, Александром Львовичем Нарышкиным, князем Иваном Алексеевичем Долгоруким и генералом Андреем Ушаковым. Герцог голштинский благоприствовал видам заговорщиков, добивался, чтоб ему отдали в управление военную коллегия и сделали главнокомандующим над войском. Цель заговора

была: во что бы то ни стало помешать браку великого князя с дочерью Меншикова. Заговорщики думали, под предлогом воспитания, спровадить великого князя за границу, а тем временем склонить императрицу Екатерину назначить наследницей престола цесаревну Елисавету. Быть может, этот заговор протянулся бы на долгое время, но вдруг в апреле 1727 года императрица заболела опасной горячкой. В виду ее кончины, которую все тогда считали возможной, члены верховного тайного совета, сената, Синода, президенты коллегий и штаб-офицеры гвардии собраны были во дворец для совещания о престолонаследии. Враги Меншикова заговорили было о возведении на престол одной из цесаревен, но большинство высказалось за великого князя Петра, который должен был до 16-летнего возраста находиться под опекой верховного тайного совета и обязаться присягой не мстить во все свое царствование никому из подписавших смертный приговор его родителю. Это происходило 16 апреля. Меншиков увидел тогда, кто его недоброжелатели, и тотчас именем больной императрицы приказал назначить следственную комиссию над генерал-лейтенантом Девиером, подавшим к этому повод неосторожным поведением во дворце. Девиера предали пытке, и он открыл всех своих соучастников. Их всех разослали: Девиера и Толстого с лишением дворянства и имений, первого, по наказанию кнутом, – в Сибирь, второго – в Соловки; Скорнякова-Писарева, лишив чинов, дворянства и имущества и наказав кнутом, отправили также в ссылку, Нарышкина и Бутурлина, лишив чинов, послали на безвыездное житье в деревни, Долгорукова и Ушакова понизили чинами и определили в полевые полки. Голштинский герцог, увидя, что его дело проигрывается, постарался заранее сойтись с Меншиковым через посредство своего министра Бассевича. Меншиков поставил условие, что голштинский герцог и обе цесаревны не станут препятствовать вступлению на престол великого князя Петра, а Меншиков соглашался выдать на каждую цесаревну по миллиону рублей, из которых герцог давал Меншикову взятку по 80 000 с каждого миллиона. Здоровье императрицы стало было несколько лучше, но потом у ней

сделалось воспаление легких, и 6 мая в 9 часу вечера Екатерина скончалась. В тот же день состоялся ее именем указ о наказании Девиера и его соумышленников. На другой день во дворце, при членах верховного тайного совета, Синода, сената и генералитета, прочтено было завещание, будто бы подписанное скончавшейся государыней. Престол, по этому завещанию, предоставлялся великому князю Петру, а цесаревнам отдавалось то, что обещано было Меншиковым голштинскому герцогу, и, сверх того, предоставлялось им по старшинству со своим потомством право на престолонаследие только в случае, если после великого князя Петра не останется потомства.

После смерти Екатерины Меншиков, нареченный тесть императора, стал всемогущим человеком на Руси. Петру II было всего 11 лет. Меншиков, под предлогом надзора за его воспитанием, перевез малолетнего императора в свой дом на Васильевском острове. 13-го числа мая Меншиков получил сан генералиссимуса и через то сделался полноправным главой всего русского войска. 25 мая совершено было обручение императора с княжной Марией Меншиковой, которой отец назначил 34000 на содержание особого двора и приказал поминать ее в церквах, вместе с императором, в качестве нареченной невесты, и с титулом великой княжны.

Меншиков поручил воспитание императора Петра вице-канцлеру Остерману, давши ему звание обер-гофмейстера. Меншиков не проник в глубину души этого человека и считал его самым преданным себе и послушным своим видам и желаниям. Меншиков продолжал показывать дружбу к Дмитрию Голицыну и ласкался к знатной и влиятельной фамилии Долгоруких, думая обезопасить свою особу на их счет. Алексей Григорьевич Долгорукий сделан гофмейстером императорской сестры, великой княжны Натальи Алексеевны. Сын его Иван Алексеевич, удаленный от двора по делу Девиера, приближен был снова ко двору; братья Владимировичи Долгорукие, Михаил и Василий, люди уже пожилые, были также обласканы. Василий унижался перед Меншиковым, Михаил сделан был сенатором. Герцога голштинского, вместе с женой, удалили из

Петербурга; они уехали в Голштинию. Меньшой брат герцога, Карл, жених Елисаветы, до отъезда брата с невесткой, скончался в Петербурге. Меншиков, чтобы не вызвать впоследствии неприязненных чувств в императоре, приказал освободить бабушку императора, бывшую царицу Евдокию, содержавшуюся по воле Петра Великого в Шлиссельбурге, и назначил ей местопребывание в Новодевичьем Московском монастыре. В Петербург допустить ее Меншиков опасался, чтоб она не оказала на царя влияния; с той же целью старался он удалить от государя и тетку, принцессу Елисавету. Курляндской герцогине Анне Ивановне Меншиков не позволял приезжать в Петербург.

26-го июля состоялся указ верховного тайного совета об отобрании и уничтожении манифестов по делу царевича Алексея и Петровскою указа о престолонаследии 1722 года.

Одним из видных дел, совершенных Меншиковым во время его кратковременного правления государством, было восстановление гетманства в Малороссии. Малороссийская коллегия, с самого своего основания, возбуждала ненависть в малорусском крае; жалобы на ее президента Вельяминова и на всех ее членов не прекращались. Меншикова малоруссы не любили при Петре Великом и считали главным наущником государя во вред Малороссии. Теперь он расчел, что ему будет выгодно приобрести себе благодарность и расположение малороссиян, и в этих-то видах, именем государя, приказал уничтожить малороссийскую коллегию. Дан был указ выбрать гетмана и всю генеральную и полковую старшину, дозволялось и наперед выбирать их вольными голосами из малорусских жителей, только никак не из жидов. Все доходы велено собирать в Малороссии не иначе как на основании договора, по которому малороссийский край присоединился при Богдане Хмельницком. Все дела, касавшиеся Малороссии, по уничтожении малороссийской коллегии, переданы были по-прежнему в ведомство иностранной коллегии.

Меншиков был вполне самодержавен: верховный тайный совет и сенат должны были исполнять его волю; никто не смел ему противоречить; все страшились его, у всех в памяти был

грозный пример Девиера и его соумышленников. Но так продолжалось только четыре месяца – не более.

Меншиков, воспитанный в школе Петра Великого, был умен, но недостаточно проницателен: он не умел в пору узнавать ловких и хитрых людей. Он доверился Остерману более чем кому-нибудь, и не подозревал, что от этого человека, более чем от кого-нибудь, угрожала ему гибель.

Случилось, что Меншиков заболел лихорадкой и кровохарканьем. Во время своей болезни не мог он следить за своим нареченным зятем и во всем положился на Остермана.

Молодой император был мальчик ленивый, любивший более гулять, играть и ездить на охоту, чем учиться и заниматься делом, и притом чрезвычайно своенравный. Ему исполнилось только 12 лет, а он уже почувствовал, что рожден самодержавным монархом, и при первом представившемся случае показал сознание своего царственного происхождения над самим Меншиковым. Петербургские каменщики поднесли малолетнему государю в подарок 9000 червонцев. Государь отправил эти деньги в подарок своей сестре, великой княжне Наталье, но Меншиков, встретивши идущего с деньгами слугу, взял у него деньги и сказал: «Государь слишком молод и не знает, как употреблять деньги». Утром на другой день, узнавши от сестры, что она денег не получала, Петр спросил о них придворного, который объявил, что деньги у него взял Меншиков. Государь приказал позвать князя Меншикова и гневно закричал: «Как вы смели помешать моему придворному исполнить мой приказ?» - «Наша казна истощена, – сказал Меншиков, – государство нуждается, и я намерен дать этим деньгам более полезное назначение; впрочем, если вашему величеству угодно, я не только возвращу эти деньги, но дам вам из своих денег целый миллион». – «Я император, – сказал Петр, топнув ногой, – надобно мне повиноваться». Когда после того Меншиков заболел, в это время Остерман сговорился с Долгорукими, отцом и сыном, и внушил им честолюбивое желание устранить Меншикова от государя, разорвать предполагаемый брак с дочерью Меншикова и свести Петра с княжной Долгорукой. Пользуясь тем, что Петр имел тогда летнее

пребывание свое в Петергофе и не видался с Меншиковым, Остерман сблизил Петра с Иваном Долгоруким, заметивши, что молодой государь уже оказывал большое сердечное расположение к этому человеку. Вскоре Остерман довел свое дело до того, что Петр II не иначе ложился спать в Петергофе, как вместе с князем Иваном Долгоруким, а дни проводил с ним и со своей теткой, великой княжной Елисаветой, молодой и веселой 17-ти-летней девицей. Вместо того чтобы, сообразно воле Меншикова, понуждать молодого государя учиться, Остерман потакал ему празднوليбию, склонности ко всяким развлечениям и особенно к охоте, на которую молодой государь часто ездил в окрестностях Петергофа. И Долгорукий, и тетка государя Елисавета постоянно вооружали Петра против Меншикова, представляя ему, что Меншиков зазнается и не оказывает своему государю должной почтительности. Около государя в числе сверстников был сын Меншикова, Петр, в досаде против его отца, мстил сыну и бил до того, что тот кричал и молил о пощаде. По выздоровлении, у Меншикова опять возникли несогласия с государем. Меншиков давал служителю Петра деньги на мелкие расходы государя и требовал от служителя отчета. Узнав, что служитель давал эти деньги в руки государя, Меншиков обругал служителя и прогнал, а государь поднял из-за этого шум и, наперекор Меншикову, принял к себе обратно в службу прогнанного служителя. Через несколько времени государь послал взять у Меншикова 500 червонцев для подарка сестре; тот дал деньги, а потом, разгорячившись, отнял их у великой княжны. Наконец, в день именин великой княжны, государь стал обращаться с Меншиковым презрительно, не отвечал на его вопросы, поворачивался к нему спиной и сказал своим любимцам: «Подождите, вот я его образумлю!» Меншиков выговорил царю, что он не ласков со своей невестой, а государь сказал: «Я в душе люблю ее, но ласки излишни; Меншиков знает, что я не имею намерений жениться ранее 25 лет». Меншиков все это перенес. Вскоре после того он приглашал государя к себе на освящение церкви в Ораниенбаум. Петр сначала обещал приехать, а потом сказал, что у него явились дела, не

позволяющие ему отлучиться из Петергофа, где двор имел тогда летнее пребывание. Меншиков, не заманивши к себе государя в Ораниенбаум, 7 сентября сам приехал в Петергоф, но Петр не хотел его видеть и уехал на охоту, а сестра его Наталья, чтоб избавиться от неприятности видаться с Меншиковым, выпрыгнула из окна. Тогда Меншиков обратился к тетке государя Елисавете и начал перед ней лукавить: он распространился о своих прежних заслугах, жаловался на неблагодарность государя и говорил, что теперь ему при дворе нечего делать, что он хочет уехать на Украину и начальствовать там над войском. Вечером в тот же день государь послал, собственноручно им подписанное, предписание верховному тайному совету перевезти из дома Меншикова все его вещи в Петергофский дворец и сделать распоряжение, чтобы казенные деньги никому не выдавались без указа, подписанного самим государем. «Я покажу, – кричал Петр, – кто из нас император – я или Меншиков!»

Остерман показывал вид, что старается успокоить Петра, хотя собственно сам же и довел его до такого состояния. Меншиков попробовал было послать к государю свою дочь, его невесту, с ее сестрой, но государь принял их дурно, и они должны были удалиться. На другой день, в пятницу 8 сентября, Петр послал генерал-лейтенанта Салтыкова к Меншикову, с приказанием оставаться дома как бы под арестом; с его жилища велено снять почетный караул, который давался ему сообразно чину генералиссимуса. Сам Петр, давши такой приказ, отправился в церковь. По возвращении из церкви в свой дворец, он встретил княгиню Меншикову с сыном и с сестрой ее Арсеньевой. Княгиня пала на колени и умоляла пощадить ее мужа. Отрок-государь, настроенный врагами Меншикова, не хотел слушать. Княгиня обратилась к Елисавете, потом к великой княжне Наталье; и те отворотились от нее. Княгиня бросилась к Остерману и целые три четверги часа валялась в ногах у коварного барона, так что ее с трудом могли поднять. Царь отправился обедать с членами верховного совета, Сапегой и князем Долгоруким. После обеда государь приказал публиковать указ не слушать ни в чем Меншикова, и в то же

время послал приказ гвардейским полкам повиноваться исключительно его повелениям, которые будут передаваемы через майоров гвардии Юсупова и Салтыкова. В заключение государь отправил курьера воротить высланного из Петербурга Ягу-жинского, врага Меншикова. Воспоминания о страданиях родителя, возбужденные в государе врагами Меншикова, вступили ему в душу, и он сказал: «Меншиков хочет обращаться со мной, как обращался с моим отцом, но этого ему не удастся; он не будет давать мне пощечин, как давал». Приказано во дворец не допускать ни семейства, ни прислуги Меншикова. Меншиков попробовал было написать к царю письмо и просил позволения уехать на Украину. В ответ на это письмо Меншикову сообщено, что он лишается дворянства и орденов, а у царской невесты отбираются экипажи и придворная прислуга. 11 сентября (22 нового стиля) Меншикову дано приказание ехать со всем семейством под конвоем в свое поместье Раненбург.

12 сентября отправился Меншиков в обозе, состоявшем из четырех карет и сорока двух повозок, с женой, свояченицей, сыном, двумя дочерьми и братом княгини, Арсеньевым. С ним была толпа прислуги; провожал его отряд в 120 человек гвардии под начальством капитана. Громадная толпа народа собралась глазеть на падшего князя, который за день перед тем был самодержавным властителем всей России.

Едва Меншиков отъехал несколько верст от Петербурга, как его догнал курьер с царским приказанием отобрать все иностранные ордена; русские отобраны были у него в Петербурге. Меншиков отдал их все, со шкатулкой, в которой они хранились. Когда Меншиков достиг Твери, его догнал новый курьер с приказанием высадить его и всю семью из экипажей и везти в простых телегах. «Я готов ко всему, – сказал Меншиков, – и чем больше вы у меня отнимете, тем менее оставляете мне беспокойств. Сожалею только о тех, которые будут пользоваться моим падением». И его, и всех его семейных повезли из Твери в Раненбург в простых телегах. Он старался казаться спокойным, и где приходилось ему, при перемене лошадей, говорить со своими семейными, он ободрял их и



убеждал с христианским терпением покориться воле Божьей. Но, пересиливая свое душевное горе, Меншиков с трудом мог охранять свое тело от припадков болезни – возобновившегося кровохаркания.

Враги Меншикова не давали ему покоя в изгнании. В Петербурге пошли ходить о нем разные обвинения, отчасти справедливые, отчасти измышленные злобой. Рассказывали, что он сносился с прусским двором и просил дать себе 10 миллионов взаймы, обещая отдать вдвое, когда достигнет престола. Уверяли, что, пользуясь своим могуществом, он, с честолюбивыми целями захвата верховной власти, хотел удалить гвардейских офицеров и заменить их своими любимцами. Толковали, что от имени покойной императрицы он составил фальшивое завещание, подписанное великой княжной Елисаветой, которая, по неграмотности матери, всегда за нее подписывалась. Ставили ему в вину, что он ограбил своего малолетнего государя и, заведая монетным делом, приказал выпускать плохого достоинства деньги, обращая в свою пользу не включенную в них долю чистого металла. Припоминали и прежние его грехи, как, пользуясь доверием Петра Великого, он обкрадывал казну и через то нажил несметное богатство. Говорили, что вещи, которые он взял с собой, стоили, по мнению одних, пять миллионов, по мнению других – двадцать. Обвиняли Меншикова в недавних тайных сношениях со Швецией в ущерб интересам России: еще при жизни императрицы Екатерины 1 он, будто бы, писал к шведскому сенатору Дикеру, что у него в руках военная сила и он не допустит ни до чего вредного для Швеции, причем просил, чтобы шведский король не забыл его за такое приятельское предупреждение, а шведскому посланнику Зюдеркрейцу Меншиков сообщал о том, что происходило в России, и за то взял с него взятку в количестве пяти тысяч английских червонцев. Арестованные секретари Меншикова, спрошенные по этому делу, не показали ничего во вред Меншикову. Падший временщик обвинялся еще в том, что, выдавая голштинскому герцогу пожалованные последнему 390000 р., взял с него для себя взятку – 60000 р. Это подтвердил и герцог. Верховный

тайный совет послал к Меншикову в Раненбург 120 вопросных пунктов, а в марте 1728 года в Москве, у Спасских ворот, найдено подметное письмо, составленное в оправдание Меншикова: это письмо окончательно ему повредило, потому что сочтено было делом самого Меншикова, прибегавшего таким образом к средствам непозволительным для своего спасения. Решено было конфисковать его достояние, тем более, что тогда из разных коллегий и канцелярий поступали требования о возвращении денег и материалов, незаконно захваченных Меншиковым. Верховный тайный совет указал отправить Меншикова с семейством в Березов, давая всем членам его семейства и их прислуге по шести рублей кормовых денег в день, а свояченицу Меншикова, Варвару Арсеньеву, приказано было постричь в женском Сорском монастыре в Белозерском уезде. У Меншикова было конфисковано: 90000 душ крестьян и города: Ораниенбаум, Ямбург, Копорье, Раненбург, два города в Малороссии: Почеп и Батурин, капиталу до 13000000 р., из которых 9000000 находились на хранении в иностранных банках, да, сверх того, на миллион всякой движимости и бриллиантов: и одной золотой и серебряной посуды – более 200 пудов.

Собираясь, по этому указу, отправлять в заточение павшего временщика, у него отняли все приличное платье, одели в сермягу и простой тулуп, а голову его прикрыли бараньей шапкой. Такое же переодевание постигло и членов его семьи, и в таком виде повезли их всех в далекий путь. Княгиня Меншикова, женщина слабого здоровья и с молодости изнеженная, с самых первых дней постигшего их несчастья беспрестанно плакала и теперь не вынесла последнего горя и унижения. Она ослепла и, не доехав до Казани, умерла. Меншиков сам похоронил ее, но ему не дозволили слишком долго плакать над ее могилой и торопили следовать в дальнейший путь. В Тобольске губернатор дал ему 500 рублей, – то было царское жалованье на скудное содержание изгнанника. На эти деньги Меншиков приказал закупить разных запасов – хлебного зерна, вяленого мяса, разных орудий, как, например, пил, лопат, рыболовных сетей, также всяких

необходимых вещей для своих детей, а лишнее, что затем оказалось из этой суммы, велел раздать бедным. Из Тобольска изгнанников повезли в открытых телегах, подвергая всяким неудобствам сибирского климата. С ним было восемь слуг, согласившихся разделять изгнание своего господина. Они служили ему при постройке дома, впрочем, сам старик господин помогал им: недаром Петр Великий приучил его владеть топором и молотком. Построенный в Березове дом Меншикова состоял из четырех покоев: в одном жил он сам с сыном, во втором – его дочери, в третьем – прислуга, четвертый – служил кладовою. Из его дочерей старшая, бывшая невеста императора, занималась стряпней в кухне, а вторая мытьем белья; им помогали в работе две прислужницы. Меншиков – кроме дома, построил еще деревянную церковь. Из вельможи, избалованного долгим счастьем и изобилием, Меншиков преобразился в крепкого духом чернорабочего русского человека и переносил с примерной твердостью лишения ссылки и свое унижение. Через шесть месяцев заточения его постигло новое горе: старшая дочь его, бывшая невеста императора, скончалась от оспы. Меншиков сохранял присутствие духа, сам читал над покойницей псалтырь и пел над ней погребальный канон. Ее похоронили в церкви, построенной отцом и недавно перед тем освященной. Тогда старик указал детям место, на котором и сам желал быть погребенным близ своей дочери.

После этого удара чуть было не пришлось Меншикову потерять двух других детей, заболевших также оспой. Заботы родителя спасли их: они выздоровели; но сам Меншиков заболел. Он скончался 22 ноября 1729 года приливом крови: в Березове не было никого, кто бы умел сделать кровопускание.

Оставшиеся в сиротстве его дети, по восшествии на престол Анны Ивановны, были возвращены из ссылки и вступили во все права русского дворянства.

## Глава 19. архиепископ Феофан Прокопович

В XVIII веке из лиц духовного звания не было никого, кто бы имел такое важное значение, не только в сфере церкви, но и во всем политическом строе государства, как Феофан Прокопович. С его именем тесно соединяются: важнейшее дело – основание Святейшего Синода и первая история этого учреждения.

Феофан Прокопович родился в Киеве, в 1681 году, от бедного местного купца, который умер, оставивши жену и малолетнего сына Елеазара в крайней нищете. Вдова его скоро за ним последовала в могилу. Елеазар, оставшись круглым сиротой, был принят на попечение дяди, ректора киевской коллегии, Феофана Прокоповича, а после кончины дяди его прютил у себя какой-то киевский мещанин. Елеазар учился в киевской коллегии и, отличаясь счастливою памятью и живою понятливостью, стал лучшим учеником. Когда ему исполнилось семнадцать лет, он отправился для окончания своего учения в польское училище; там он скоро был соvrащен с православия, принял унию и постригся в монахи, под именем Елисея. Униатский владимирский епископ Заленский увидел в нем необыкновенные способности, и, при его покровительстве, молодой монах Елисей Прокопович был отправлен в Рим, в коллегию Св. Афанасия, учрежденную со специальною целью распространять католичество между последователями восточного православия в Греции и в славянских землях. В Риме Елисей, находясь под влиянием наставника иезуита, познакомился со всею мудростью схоластического богословия, но изучал с большим прилежанием и древних классиков, как греческих, так и латинских. Здесь он присмотрелся к строю римской церкви, однако не усвоил папистической нетерпимости и, как после сам сознавался, уже тогда внутренне насмехался над проклятиями, которые папа Инокентий XII публично сыпал на всех, не принадлежащих к западной церкви и не признающих верховной папской власти. В 1702 году Елисей возвращался уже в отечество через Швейцарию. Прибыв в Почаевский монастырь, а по другим известиям в Киев, он постригся в

православное монашество, отрекся от папизма и переименовал имя, назвавшись из Елисея Феофаном в память покойного дяди. Сделавшись православным, Феофан как будто хотел загладить свое прежнее отступничество неприязненным отношением к католичеству, в особенности меткими обличениями лукавства и фальшивости иезуитов. В 1705 году он получил место преподавателя пиитики в киевской академии, а в следующем году перешел на кафедру риторики. Преподавая то и другое, Феофан составил курсы пиитики и риторики и написал трагикомедию «Владимир», которая, несмотря на тяжелый стих и нечистый польско-русский язык, не лишена положительных поэтических достоинств и в особенности замечательна по свободомыслию и присутствию таких идей, которые были выше своего века. Феофан писал и говорил проповеди, отличавшиеся тем, что в них не было ни тогдашней школьной рутины, ни утомительной длинноты. Одну из таких проповедей сказал он 5 июня 1706 года в Печерском монастыре в присутствии приехавшего в Киев Петра Великого. Государь тогда заметил проповедника, но так как был сильно занят военными и политическими делами, то и не сделал никакого распоряжения об изменении скромной судьбы киевского профессора. Феофан оставался еще три года в академии, преподавая философию, физику и математику, и сделался известным киевскому губернатору князю Дмитрию Голицыну. После полтавской победы Петр прибыл в Киев, и Феофан опять произносил в присутствии царя проповедь в Софийском соборе, рассыпая в этой проповеди восхваления Петру по поводу одержанной победы; однако и на этот раз Петр не показал к нему особой милости. Более выиграл Феофан перед царским любимцем Меншиковым, когда в декабре 1709 же года произнес при нем в церкви Братского монастыря речь, в которой просил светлейшего князя не отказать в покровительстве академии. Меншиков вспомнил Феофана, вероятно, по его настоянию, вспомнил о нем Петр и во время турецкого похода потребовал к себе в Молдавию; когда Петр находился в Яссах и праздновал там воспоминание полтавской победы, Феофан говорил проповедь, которая понравилась государю. По окончании

несчастной прутской войны, Феофан был отпущен в Киев, назначен, по желанию государя, ректором академии и профессором богословия. В этом звании пробыл он до 1715 года и оставил по себе память полезными преобразованиями, а в преподавание богословия ввел более живой метод. В это время сблизился он с богатой малорусской фамилией Марковичей и подружился с одним из них, Яковом Андреевичем, бывшим своим воспитанником в академии, вскоре женившимся на дочери черниговского полковника Павла Полуботка. Феофан много лет поддерживал с этим человеком дружбу и вел с ним постоянную переписку, сообщая ему о своих ученых работах. В 1715 году Петр вызвал Феофана в Петербург, но болезнь задержала его до осени 1716 года. Призыв государя заранее сочтен был знаком скорого посвящения Феофана в епископы. Собираясь в Петербург, Феофан писал своему другу Марковичу: «Говорят, что меня вызывают для епископства; эта почесть привлекает меня так, как бы меня приговорили бросить на съедение зверям. Завидую митрам, саккосам, посохам, свечам и другим украшениям! Прибавьте к этому больших и вкусных рыб! Если я интересуюсь этим, если ищу этого, то пусть Бог покарает меня чем-нибудь еще худшим... Употреблю все усилия, чтоб отклонить от себя эту честь и поскорее возвратиться к вам!» Приехавши в Петербург в конце 1716 года, Феофан не застал там государя, бывшего за границей, но был ласково принят Меншиковым, оставлен в Петербурге и занимался произнесением проповедей, которые печатались и отсылались государю. В этих проповедях Феофан разъяснял современные политические дела, стараясь угодить точке зрения Петра, и составил родословную таблицу русских государей, которая была послана царю, а потом напечатана на отдельном листе с лицевыми изображениями царствовавших в России лиц. По возвращении государя из-за границы, 10 октября 1717 года, Феофан составил от лица маленьких царских детей поздравительную речь на день именин Екатерины, сказал в честь ее похвальное слово, и это очень понравилось государю. В начале 1718 года Петр назначил Феофана псковским архиереем. Уже в это время Петр отметил этого человека как

незаменимого в деле церковных преобразований и народного просвещения. Петр нашел в нем давно желанного работника для исполнения своих планов: поставить государственную власть выше церковной и совершенно подчинить себе церковь наравне с другими ветвями государственного строя. Петр знал, что духовенство не расположено к нему, что центр церковного противодействия находился главным образом в Москве, притом Петр знал, что не только в ряду приверженцев старины, но и между более образованными духовными царь мог встретить недоброжелателей своим видам. Стефан Яворский, блюститель патриаршего престола, главный духовный сановник в государстве, при всей своей кротости и покорности, при всем уважении, которое к нему оказывал государь, не вполне расположен был слепо идти за Петром и не раз заявлял, где только можно было, такое нерасположение. Между прочим, Яворский еще в 1712 году в своих проповедях осмелился критиковать учреждение фискалов. При своем несомненном православии, Стефан был несколько наклонен к духу римского католичества, по крайней мере, по отношению к идее самостоятельности церкви и независимости ее от светского произвола; то же направление видно было и в других сановниках церкви, воспитанниках киевской академии, перешедших в Москву; таковы были, между прочими, Феофилакт Лопатинский, Стефан Прибылович, Гедеон Вишневский. Все они, наравне со Стефаном Яворским, были противники протестантских идей, которые вторгались тогда понемногу в Россию. В 1713 году возникло знаменитое дело об Иване Максимове и Дмитрие Тверитинове; первый был ученик славяно-латинской школы в Москве и распространял между своими товарищами протестантское учение о непочитании святых мощей и икон, не признавал пресуществления в таинстве евхаристии и проч. Преданный пытке в московском Патриаршем приказе, он оговорил лекаря Дмитрия Тверитинова, его двоюродного брата, цирюльника Фому Иванова, фискала Михаила Андреева и двух торговых людей, Никиту Мартынова и Михаила Минина. Всех взяли в Петербург: допрошенные в сенате, эти лица не были признаны еретиками и

в июне 1714 года отправлены в Москву, к Стефану, чтобы освидетельствовать их духовно и принудить принести публичное исповедание веры. Но Стефан, пользуясь тем, что ему дали право духовно освидетельствовать присланных, старался, при помощи разных доносителей, обвинять их, а главным образом Тверитинова, у которого найдены были составленные им сочинения в духе, противном православию. Обвиненные сидели в оковах, но пускались в церковь. В одно из таких посещений церкви, 5 октября 1714 года, Фома Иванов перерубил ножом по лицу образ святого Алексея митрополита, чтобы всенародно показать свой еретический дух. Дело кончилось не ранее февраля 1716 года. Фанатик Фома Иванов был казнен, а прочие, принесшие покаяние, были разосланы под надзор архиереев. Вслед за ересью Тверитинова, в 1717 году, судим был в Преображенском приказе другой кружок вольнодумцев мужского и женского пола, обвиненных в проповедовании противных православию толков о непоклонении иконам и всяким священным вещам и об отрицании церковных преданий. Главными лицами в этом кружке был Иван Зима, с женой своей Настасьей. Всех прикосновенных к этому делу подвергали пытке кнутом, заставили повиниться и покаяться. Царь признавал необходимым, для прочности и спокойствия государства, охранять единство официальной религии, но лично питал склонность к протестантству и много раз выражал ее непочтением к старорусским суевериям и предрассудкам, глубоко вошедшим во внутренность русской церкви; более всего, что нравилось государю в протестантстве, – было учение о верховности государственной власти над церковью. Московским духовным, получившим киевское образование, не по душе было расположение государя к протестантству, и тем сильнее примыкали они к началам римского католичества; их, кроме того, соблазняли разгульные выходки Петра и его кощунские насмешки над духовенством, выражаемые в вакхических празднествах всепьянейшего собора. Феофан с первого же раза поставил себя иначе и, готовясь к посвящению в епископы, сумел подделаться к Петру, произнеся проповедь о власти и чести царской. В этой проповеди он делал явные



намеки на московских духовных, укорявших Петра за разгульную жизнь и проповедовавших самостоятельность духовного класса. «Есть люди, – говорил Феофан, – которым кажется все грешным и скверным, что только чудно, весело, велико и славно: они самого счастья не любят; кого увидят здорового и хорошо живущего, тот у них не свят; хотели бы они, чтобы все люди были злообразны, горбаты, темны, неблагополучны... Многие думают, что не все люди обязаны одинаким долгом, что священники и монахи от этого исключаются, – вот поистине змеиное жало, папешский дух, не знаю каким путем достигший и коснувшийся нас!» Петру пришлось очень по душе такое направление, но духовные не простили его Феофану и подняли против него целую бурю; они старались обвинить Феофана в неправославии и не допустить до епископства; к ним пристали и знаменитые своей ученостью братья греки, Лихуды. Стефан Яворский, вместе с Лопатинским и Вишневым, подбивали других епископов протестовать против посвящения Феофана и просить государя отложить его рукоположение, пока Феофан не отречется от своих неправославных мнений. Но они ничего не могли сделать против воли Петра: царь удовольствовался письменным ответом Феофана, в котором последний опровергал воздвигнутые против него толкования; в доказательство своего расположения Петр обедал у Феофана со своим любимцем Меншиковым, а потом, вызванный в Петербург, Стефан Яворский принужден был отказаться от обвинения и просить у Феофана прощения. Оба соперника облобызались, и дело сложилось так, как будто между ними наступило братское примирение, но на самом деле осталось у них друг к другу взаимное нерасположение.

Феофан сделался епископом, и с тех пор, при всяком удобном случае, старался нравиться Петру; так, говоря проповедь в день Александра Невского, он очень ловко восхвалял царя: «Ты един показал еси дело превысокого сана царского быти собрание всех трудов и попечений... ты являеши нам в царе и простого воина, и многодельного мастера, и многоимянитого делателя, и где бы довлело повелевати

подданным должное, ты повеление твое собственными трудами твоими предворяешь и утверждаешь... Аще бы всех князей наших и царей целая к нам пришла история, была бы то малая книжица против повести о тебе едином». Благодаря своей большой начитанности и учености, Феофан, по воле государя, написал «Апостольскую географию», «Краткую книгу для учения отрокам» и знаменитый «Духовный регламент». Его книга для учения отроков вооружила против себя молдавского господаря Дмитрия Кантемира, написавшего без своего имени возражения, в которых указывалась неправославность некоторых выражений Феофана. Таким образом, Кантемир нашел, что Феофан, изъясняя вторую заповедь, причисляет почитание икон к идолослужению, выразившись, что тот есть идолослужитель, кто поклоняется какому-нибудь изображению, боится его и надеется на него, как на имеющего некоторую удивительную силу. Не понравился возражателю намек Феофана и на то, что нередко, под покровом святости, обманщики, ради прибытка, утверждают простых людей в почитании ложных мощей, млека Пресвятые Богородицы, крови Иисуса Христа и волос бороды Его. Но никакие возражения подобного рода не могли иметь силы, когда все, что ставили в вину Феофану, до чрезвычайности было согласно со взглядами и намерениями государя. Не менее в духе Петра было тогда же написано сочинение Феофана «О мученичестве», где автор обличал тех фанатиков, которые, будучи недовольны государем за введение иностранной одежды и за бритье бород, сами добровольно отваживались на поступки, которые влекли за собой царский гнев, а нередко и казнь. Из всех русских архиереев, Феофану мог быть один только соперник – Феодосий Яновский, архимандрит Невского монастыря, потом возведенный Петром в сан новгородского епископа. Он был близок к государю, совершал с ним и с Екатериной путешествие за границу почти в продолжение трех лет и, не менее Феофана, усвоил искусство подделываться к Петру; он при всяком удобном случае служил видам царя, и за это его недолюбливали духовные. Феофан, впоследствии погубивший этого человека, при Петре старался оказывать ему уважение как

старшему, и во всем отдавал ему наружное преимущество. В январе 1721 года учреждена была духовная коллегия, вскоре в том же году переименованная в Святейший правительствующий Синод. Это учреждение руководилось регламентом, сочиненным Феофаном. Председателем Синода по старшинству, с титулом президента, назначен был Стефан Яворский, но на деле более влиятельными были два вице-президента: первым был Феодосий, вторым – Феофан; последний был всех учнее и искуснее в умении угадывать волю государя, а потому он собственно и заправлял всеми важными делами. На первых же порах своего существования Синод посылал распоряжения за распоряжениями: они клонились к уничтожению всех тех обычаев, какие только можно было отменять без нарушения сущности православной веры. Стефан внутренне на многое смотрел иначе, но должен был соглашаться, не отваживаясь идти против воли государя. Только по поводу вопроса «о возношении имени восточных патриархов в церковном богослужении» Стефан заявил было протест. По проекту, написанному Феофаном, Синод определил не упоминать в богослужении имен восточных патриархов, так как после учреждения Святейшего Синода русская церковь в иерархическом отношении обособилась от греческой. Стефан, желая сохранить единство вселенской церкви и независимость ее от всяких национальных видов, сочинил против этого распоряжения вопросы-ответы; но государь не терпел нигде и никогда противоречий своим воззрениям: он приказал Синоду отвергнуть эти вопросы-ответы «яко зело вредные и возмутительные» и послать к Стефану указ, чтоб он никому их не сообщал и не объявлял, «опасаясь не без трудного перед его царского величества ответа». Стефан проглотил эту неприятную пилюлю и, зная, что всему виною Феофан, хотел во что бы то ни стало удалить его из Синода. Упразднилось место киевского митрополита; Стефан предлагал Святейшему Синоду назначить на это место Феофана, но Петр не поддался на эту уловку. Стефан видел, что ему ничто не удастся: еще со времени смелой проповеди против фискальства Петр невзлюбил его, и хотя не делал ему решительного зла, но всегда почти

обращался с ним холодно, отвергал всякие его заявления и делал все наперекор ему. В июле 1722 года Стефан письмом к царю просил прощения за все, в чем царь считал его виновным, и по-прежнему желал, чтоб его уволили на покой. Ему не отвечали. Осенью в том же году Стефан скончался. Синод остался без президента с двумя вице-президентами.

Значение Феофана все более и более усиливалось; ловкий архиерей всегда умел кстати представлять перо свое к услугам государя, сообразно текущим обстоятельствам. Когда Петр издал знаменитый указ 5 февраля 1722 года о престолонаследии, Феофан взялся, по царской воле, защищать, всею силою научных доводов, справедливость и полезность такого закона и напечатал книгу «Правда воли монаршей». Потакая давнему и постоянному стремлению Петра быть фактическим господином и правителем русской церкви, Феофан написал и напечатал «Розыск исторический», в котором доказывал, что христианский государь имеет право управлять делами церкви, хотя ему неприлично отправлять богослужение. Петра, по соответствию с событиями его собственной жизни, занимал вопрос о браках; Феофан написал два рассуждения: одно – «О браках правоверных с иноверными», другое – «О правильном разводе мужа с женою». В последнем – Феофан полагает, что в случае развода, совершившегося по вине одного из супругов, можно позволить вступать в новый брак не только невинному лицу, но и виновному, потому что супруг прелюбодейный в первом супружестве может быть верным во втором. Феофан, по воле государя, составлял небольшие увещания к раскольникам, которые публиковались в виде указов от Святейшего Синода; между прочим, им были написаны: увещание о том, чтобы раскольники безбоязненно являлись в Синод для рассуждений о своих сомнениях, сочинение: «О продержателях, нерассудно на мучение дерзающих», которое Святейший Синод предписал читать два раза в месяц, и сочинение: «О поливательном крещении», где доказывалось, что поливательное крещение имеет такую же силу, как и крещение с погружением. Последнее сочинение

навлекло на Феофана укоры не только от раскольников, но и от православного духовенства.

В своих проповедях Феофан постоянно касался современных событий и при всяком случае восхвалял деяния Петра, так что его «Слова и речи», изданные при Екатерине II, могут считаться скорее не церковными проповедями, а политическими руководящими статьями. В своих восхвалениях Петру Феофан мало пускался в праздную риторику, но всегда касался практической стороны и полезности для государства мероприятий государя. Все тогдашние уставы, касавшиеся церковного управления, писаны были Феофаном. Он составил устав семинарии или духовной академии, которую Петр предположил завести для приготовления пастырей церкви. Феофан составил духовный штат, не приведенный в исполнение при жизни Петра. Наконец, в январе 1724 года, Феофан, соображаясь с видами государя, по его приказанию, написал указ об устройении монашества, указ, которым предполагалось поставить монастыри по древнейшему образцу на такую степень, чтобы иноческое житье отнюдь не было бесполезным и монастыри не делались притоном ленивцев, но приносили бы свою пользу обществу, как и все другие общественные учреждения. Труды Феофана не ограничивались сферой церкви. Как человек, владевший хорошо пером, он, по поручению Петра, писал уставы и законоположения, относившиеся к другим сферам государственного порядка; так, им написано было предисловие к морскому регламенту. Вероятно, и в других случаях употреблял его Петр: между прочим известно, что в 1722 году Феофан получил поручение от государя пополнить историю Петра, написанную неизвестно кем, быть может, самим Петром; она в значительной степени была исправлена и выглажена Феофаном, а напечатана была уже при Екатерине II. Эта история обнимает первую половину царствования Петра до Полтавской битвы.

Несмотря на близость Феофана к государю, любимец Петра не получил материальных богатств, как бы следовало ожидать, и постоянно жаловался на скудость. Государь пожаловал ему два подмосковных села, но, по свидетельству Феофана, по

причине хлебных недородов, они приносили ему на первых порах убыток вместо пользы. Его псковская епархия была бедна и не доставляла ему надлежащих средств для прожития в Петербурге; царь поддерживал его своими частными подачками.

Петр Великий скончался; псковский архиерей вместе с тверским присутствовали при его смертном одре. Возник важный вопрос о наследстве. Феофан много способствовал возведению на престол Екатерины и, со свойственной ему убедительностью, доказывал, что хотя покойный государь не оставил завещания, но достаточно указал на свою волю, короновавши императрицу Екатерину. Он припомнил, как Петр, накануне ее коронования, говорил своим верным слугам, что коронует ее с тою целью, дабы она по смерти его стала во главе государства. По предложению Феофана, акт провозглашения Екатерины императрицею положили назвать не избранием, а только объявлением в том смысле, что еще при жизни своего супруга она была избрана править по его кончине государством, а теперь только объявляется об этом во всенародное сведение. Екатерина была признана и в значительной степени была обязана своим воцарением ловкости Феофана. При погребении Петра Феофан произнес речь, считающуюся лучшею из говоренных им в своей жизни речей.

При Петре Феофан действовал как один из вернейших исполнителей, пособников и, так сказать, угадывателей воли Петра; он действовал преимущественно в литературной сфере и старался всегда применяться к текущим событиям своего времени. После Петра Феофан вращается в государственной сфере; он – один из могучих людей своей страны и своего века, но его деятельность выразилась, главным образом, в постоянной борьбе с тайными и явными врагами и соперниками. Феофан всегда выходил победителем и безжалостно уничтожал все, что только отваживалось заявлять против него вражду. Первою жертвою его был человек, которому некогда он старался угождать – новгородский архиепископ Феодосий. Этот сановник, зазнавшись своим значением, позволил себе неосторожные выходки, которыми тотчас воспользовались те, которые могли на его погибели устроить свое собственное

возвышение. Не пропущенный во дворец через мост караульным солдатом, Феодосий, махая палкой, сказал: «Я лучше светлейшего князя!» Этим он раздражил Меншикова, которому не преминули донести о выходке архиерея. Через несколько дней после того, находясь в синодальной палате в кругу духовных, Феодосий в разговоре с ними жаловался, что в его время нет доброжелательства к духовному сословию, и по этому поводу угрожал гневом Божиим и междоусобною бранью. Многие духовные уже прежде не любили Феодосия за его высокомерие и заносчивость. Феофан и с ним трое архимандритов, заседавших в Синоде, подали императрице донос в том, что Феодосий произнес «слова противные и молчания не терпящие». Государыня 24 апреля дала повеление арестовать Феодосия и допросить. На другой день после этого ареста спрошены были другие синодальные члены. Тверской епископ Феофилакт Лопатинский показал, что преосвященный Феодосий бранил весь российский народ «безумными, нехристианами, горшими турков и всяких варваров, атеистами и идолопоклонниками, говорил, что над церковью совершаются тиранства, толковал, что болезнь государю Петру пришла смертельная от безмерного женонеистовства и от Божия отмщения за его посяжку на духовный и монашеский чин», что «излишняя его охота к следованию тайных дел показывает мучительское его сердце, жаждущее крови человеческой». Другие члены также не добром помянули Феодосия в своих ответах, когда им задавали вопросы. Новгородский архиепископ просил письменно милости и прощения у государыни, винился в том, что на мосту назвал часового, не пропустившего его во дворец, дураком, но отрицал приписываемые ему речи, будто бы произнесенные в синодальной палате, и уверял государыню, что он, по верности своей к ней, прежде других учинил и подписал ей присягу. Но потом, при вторичных допросах, Феодосий сознался в некоторых неблагоприятных замечаниях, произнесенных перед тверским архиереем о том, что сенаторов пригласили ко столу во дворец, а синодальных членов не пригласили, и что теперь ухаживают за сенаторами, а когда окажется несогласие в народе, тогда начнут ухаживать и за

духовенством. Феофан не остановился на первом ударе, нанесенном своему сопернику, но пользуясь тем, что последний начинает сам виниться, настоял, чтобы у Феодосия забрали всю его переписку и арестовали нескольких монахов из Невского монастыря. 11 мая составлен был Феофаном указ, подписанный государыней, о ссылке Феодосия в дальний корельский монастырь, на устье Двины. 13 мая этот приговор был публично прочитан; вслед за тем Феодосия отвезли в место заточения и поместили в келье, устроенной под церковью. Вместе с Феодосием был осужден и сослан в Соловецкий монастырь за разные неисправности синодальный обер-секретарь Варлаам Овсянников. Потом сделан был допрос другим лицам, арестованным по делу Феодосия; из них один, Григорий Семенов, думал очернить и самого Феофана, но ему не удалось, и, запутавшись в собственном доносе, доносчик был осужден на смерть за то, что, слышавши по собственному сознанию от Феодосия и Варлаама Овсянникова «злохулительные слова на царскую особу», вовремя не донес. Монахи Невского монастыря, арестованные по делу Феодосия, наговорили на своего опального владыку, что он принуждал их, как своих подчиненных, присягать на верность себе, словно царствующей особе. Тогда составлено было «объявление о Феодосии», в котором изложены были вины новгородского архиепископа. Оно было отдано на просмотр Феофану. Феофан, воспользовавшись этим, двинул дело до того, что Синод, по высочайшему повелению, приказал снять с Феодосия архиерейский и священнический сан и посадить его в тюрьму с малым оконцем, не допускать к нему близко людей и не давать ему для пропитания ничего, кроме хлеба и воды. Граф Платон Мусин-Пушкин, по царскому повелению, приехал в корельский Никольский монастырь и пригласил туда холмогорского архиерея. Последний в церкви снял с Феодосия сан, а потом Феодосий был посажен в ту же келью, где сидел прежде, но уже не в архиерейском сани, а в звании простого монаха, под именем чернеца Федоса. В его келье заложили большое окно и оставили для света маленькое отверстие в четверть аршина; его тюрьма была с тройною дверью за замками и печатями; у



двери поставлены были двое солдат. Как и чем существовал чернец Федос в своей тюрьме от половины октября до конца января 1726 года, – неизвестно, но в конце января архангельский губернатор Измайлов приехал в корельский монастырь и приказал перевести узника в другую тюрьму: Феодосий был так слаб, что не мог ходить, и его перенесли на руках, а 5 февраля караульный фендрих Григорьев рапортовал губернатору, что чернец Федос умер. Тело Федоса, по указу тайной канцелярии, вынули из земли, отвезли в Кирилловский монастырь и там похоронили 12 марта. 25 июня того же года императрица сообщила Святейшему Синоду, что она соизволила Феофана, псковского архиепископа, перевести на новгородскую архиепископию.

Тогда началось у Феофана небезопасное для него дело с бывшим архимандритом Маркеллом Родышевским, до того времени находившимся прежде в приближении у Феофана. Этот Маркелл сообщил Феофану, что какой-то солдат на улице сделал ему намек о колокольном набатном звоне, за которым должен последовать народный мятеж, с целью погубить духовных, подозреваемых в неправославии и поругании святых икон. Феофан донес об этом правительству, и так как донесенное ему Маркеллом касалось народного возмущения, то Феофан сдал Маркелла в страшный Преображенский приказ. Там Маркелл начал наговаривать на Феофана, показывая, между прочим, что он дурно отзывался об императрице. Немного спустя, Маркелл начал сыпать на Феофана в 47 пунктах обвинения в неправославии, которое, по его объяснению, высказалось во многих сочинениях Феофана; Маркелл указывал, будто из этих сочинений видно, что автор их думает, что христианин может оправдаться перед Богом верою, а не делами с верою, что он не признает, как следует, творений святых отцов, не почитает икон, называет суеверием водоосвящение, смеется над акафистами, порочит минеи, прологи и кормчую книгу, держит у себя в доме музыку, говорит, что хорошо было бы ввести ее в церквах и прочее. Тайная канцелярия взяла с Феофана подробное и письменное опровержение таких обвинений, но кто знает, как бы Феофан

тогда отделался, если бы, на его счастье, не пал скоро Меншиков, находившийся уже не в дружелюбном отношении к новгородскому архиепископу, и потому мирволивший Родышевскому. С падением Меншикова, Феофан уже смелее и резче прежнего опровергал своего противника Родышевского, освобожденного из Преображенского приказа по распоряжению верховного тайного совета и проживавшего в Невском монастыре. В январе 1728 года Маркелл бежал оттуда в Москву, был пойман по распоряжению Феофана и привезен в Синод, но тут объявил за собой «государево слово» и был снова взят в Преображенский приказ, где продолжал писать на Феофана доносы; потом его отпустили в Симонов монастырь и приказали содержать под караулом, но караул этот не был строг. К этому времени двор переехал в Москву, совершилась коронация Петра II, затем – его смерть, призвание на престол Анны Ивановны. Потрясения, происходившие тогда одно за другим, многих погубили, но Феофан только пользовался ими, чтобы крепче утвердиться. Ловкий и проницательный, он смекнул, что затеи членов верховного тайного совета ограничить самодержавие со вступлением Анны на престол не осуществляются, что самодержавие слишком приросло к общественной русской жизни, и, несмотря на все свои подписки и обещания, Анна возвратит русскому престолу известную форму, от которой ее принуждали отречься. Феофан стал на сторону противников верховного совета; не смея пока открыто действовать против него, Феофан молчал, когда нужно было еще молчать, втайне смеялся над верховниками и побудил, прежде совершения присяги в смысле нового образа правительства, прочесть публично форму этой присяги. Верховники, не смея, со своей стороны, резко заявить своих намерений, создали тогда такую форму присяги, которую присягавшие не вполне, так сказать, раскусили. Феофану этого и было нужно, чтобы потом была возможность толковать, что дело понималось совсем не так, как его хотели представить сторонники ограничения царской власти.

Когда Анна была встречаема в Москве, Феофан не посмел высказать ей публично того, что было бы ей приятно, но в своей

речи, которую произносил перед нею, вставил несколько двусмысленных выражений, на которые впоследствии можно было указать, как на свидетельство его верности самодержавию. Есть известие (неизвестно – верно ли), что Феофан подарил Анне столовые часы, в которых под доскою государыня могла найти начертанное Феофаном наставление, как поступать ей. Не долго пришлось Феофану таиться и вилять. По просьбе, представленной разом несколькимистами человек из шляхетства, Анна отреклась от условий, на которых принуждена была принять престол от верховного совета, разорвала их публично, и самодержавная власть государя была восстановлена в России на прежних, стародавних основах. Феофан спешил и в речах и в стихах прославить это событие, подсмеиваясь над неудавшимися затеями и угрожая тем, которые бы когда-нибудь вздумали повторить подобные затеи:

Всяк, кто ни мыслит вводить строй отманной, Бойся самодержавной, прелестницы, Анны: Как она бумажка вси твои подлоги. Растерзанные, падут под царские ноги.

В наступившее царствование, Феофану опять, до самой своей смерти, пришлось бороться с кознями своих врагов.

Родышевский, проживая в Симоновом монастыре, сошелся с духовником государыни, троицким архимандритом Варлаамом, с бывшим директором типографии Аврамовым, занимавшимся при Петре писанием истории, и с другими лицами. Было намерение повредить Феофану через посредство духовника государыни. Но все козни не удались. Родышевский написал житие Феофана, стараясь выставить в самом дурном свете своего противника, а главное – обвинить его в неправославии. Тот же неугомонный Родышевский составил огромную критику на духовный регламент и на объявление о монашестве; Родышевский силился разбить взгляд Петра на монашество, выраженный в указе, в котором излагался проект нового преобразования монастырей. Маркелл прямо называл эти документы сочинением Феофана. Феофан, со своей стороны, написал ответ, защищая новый взгляд на монашество, но Маркелл не расчел того, что, поражая Феофана за такие сочинения, которые были изданы не от его имени, а как

правительственные документы, он вызывал на борьбу с собой уже не Феофана, а правительство, и потому в январе 1732 года ему поставили это в вину и, по высочайшему повелению, сослали в заточение в Кирилло-Белозерский монастырь, разом с ним отправили Аврамова и еще двоих лиц в монастыри. Варлаам успел в пору увернуться.

Зато в 1732 году Феофан низложил своего злейшего врага Дашкова, который, будучи членом Синода и энергическим приверженцем старины, давно уже думал сделать вред Феофану, тем более, что у него были в душе честолюбивые мечты сделаться патриархом. Случилось, что Синод должен был судить воронежского архиерея Льва Юрлова за то, что, уже после вступления на престол Анны Ивановны, этот архиерей, вместо нее, поминал при богослужении мать Петра II, Евдокию Феодоровну, объясняя это впоследствии тем, что не получил указа от Синода о вступлении на престол новой государыни. Когда в Синоде собирались составить указ о том, чтобы воронежского архиерея арестовать и везти в Петербург, Георгий Дашков советовал помедлить, подождать нового доношения от воронежского губернатора по этому делу, а когда привезли Льва в Петербург, то последний показал, что он просил заступничества у Георгия Дашкова. Льва лишили сана и предали гражданскому суду, но и Георгия, как уличенного заступника его, удалили из синода в монастырь. Тогда Феофан поднял против Георгия дело о взятках в ростовской епархии; это дело решилось не в пользу Георгия, и Феофан испросил у государыни построже наказания виновному: его лишили сана и сослали в Каменный вологодский монастырь.

Пользуясь большим почетом у императрицы Анны, Феофан употреблял свое положение для того, чтобы вредить своим врагам и преследовать даже тогда, когда они находились в совершенном падении; Феофан был безжалостен не только к своим врагам, но не прощал и тем, которые оказывали сострадание к его бессильным врагам. Бывший некогда коломенским митрополитом, Игнатий Смола, сторонник Дашкова и давний недоброжелатель Феофана, был сослан в Свияжский монастырь за нерешительность в деле осуждения

Льва. Его принял радушно казанский митрополит Сильвестр Холмский. За это, по настоянию Феофана, Игнатия выслали подальше на берег Северного моря, в Никольский корельский монастырь, для содержания под крепким караулом, а Сильвестра, у которого при обыске в бумагах нашли доказательства, что и он не менее Игнатия и Георгия питал злобу к Феофану, сослали в Крипецкий монастырь близ Пскова. Сильвестр объявил за собою «слово и дело» и привезен был в Москву; там он запутался в показаниях: тогда его лишили сана и сослали в заточение в Выборг. Дашков, сосланный в вологодский Каменный монастырь, принял схиму под именем Гедеона, но Феофан узнал, что его держат в монастыре с послаблением, и отправил секретно синодского обер-секретаря Дудина узнать об этом подробно. Оказалось, что монастырское начальство действительно обращалось с заточенным ласково. По этому поводу взяли под арест каменского архимандрита и казначея, привезли обоих в Петербург к суду Синода. Архимандрит, страшась пытки, умер в тюрьме; по показанию казначея, притянули к делу вологодского архиерея Афанасия Кондоиди, за то, что он переменил у Георгия Дашкова караульных служителей. Афанасий как-то отделался от беды и, воротившись в свою епархию, начал содержать Дашкова уже с такою строгостью, что даже сам Синод приказал сделать послабление осужденному. Дашков от тоски заявил, что у него есть «государево слово и дело», но Синод, руководимый Феофаном, не обратил внимания на это заявление низложенного архиерея и приказал сослать его в Нерчинский монастырь в той надежде, что, находясь в такой дали, он уже не будет беспокоить правительство.

Еще Стефан Яворский написал книгу «Камень веры», направленную, главным образом, против лютеранства; она была издана уже после смерти автора, в 1728 году, под наблюдением тверского архиепископа Феофилакта Лопатинского. Вслед за тем в Лейпциге явилось на латинском языке опровержение этой книги, сочиненное Буддеем, человеком в свое время знаменитым по учености. Рецензент обвинял Яворского в угодничестве католичеству и

предостерегал русских от его книги. Тогда в России появилось сочинение в защиту Яворского, составленное доминиканцем Рибейра, находившемся при испанском посланнике герцоге Делирия, а потом сам Феофилакт написал «Возражение на письмо Буддея», но не добился у правительства дозволения издать свое сочинение. Тогда как Феофилакту не дозволили писать сочинение в защиту Яворского, книга Рибейры была переведена на русский язык двумя духовными лицами, архимандритами и членами Синода: Евфимием Коллети и Платоном Малиновским. Против «Камня веры» написан был «Молоток на Камень веры», сочинение в протестантском духе. Феофан, и прежде расположенный к протестантству, увидел, что открыто стать на протестантскую сторону теперь будет выгодно, потому что, с могуществом любимца императрицы Анны, Бирона, немцы-лютеране подняли голову и получили первенствующее значение в России. Феофан притянул в тайную канцелярию переводчиков книги Рибейры и написал кабинетным министрам записку, в которой старался льстить протестантам, наводнившим тогда служебные сферы в России. «Иностранных в России мужей, – выражался Феофан о Рибейре, – ругательно нарицает человечками или людишками и предаёт, что русское государство их питает, а церковный закон оным гнушается...презуса петербургской академии,злодейством опорочив, предаёт сию речь: и то не дивно понеже вси лютеране суть, что таковая их правда и вера в делах гражданских. Всех сплошь протестантов, из которых многое число честные особы и при дворе, и в воинском и в гражданском чинах рангами высокими почтены служат, неправдою и неверностью помарал, из чего великопочтенным особам не малое учинил огорчение».

Противники Феофана не позволяли ему торжествовать, и, при невозможности ратовать против него открыто, стали писать подметные письма. В одном из таких писем обвиняли Феофана даже в наклонности к папизму. Автор укрылся, но Феофану хотелось во что бы то ни стало сыскать его, и подозрение упало прежде всего на одного из давних его врагов, Аврамова, содержавшегося в Иверском монастыре. По настоянию

Феофана, произведено было над Аврамовым следствие, но оно ничего не открыло. Тогда Феофан принял за Евфимия Коллети и Платона Малиновского, принимавших участие в переводе книги Рибейры на русский язык; с ними были арестованы еще несколько лиц духовного звания. Феофан старался представлять императрице, что в этой полемике, поднятой против него в защиту Стефанова сочинения, видны иностранные, враждебные России, происки. И Евфимий, и Платон в 1734 году были исключены из числа членов Синода; у них отняты были монастыри, которыми они управляли, а в июне 1735 года Евфимий Коллети был лишен священства и монашества и переименован в прежнее мирское имя Елевферия. После расстрижения, его подвергли допросам и пыткам. К делу привлекли директора московской синодальной типографии Барсова и с ним типографских рабочих: было подозрение, что самая книга Рибейры в подлиннике печаталась тайно не за границу, а где-нибудь в России. Но розыск по этому вопросу не привел ни к чему, кроме догадок. Отыскивая составителя подметного письма, Феофан ухватился, между прочим, за секретаря придворной конторы Яковлева, сосланного по делу Алексея Петровича в Сибирь и возвращенного Екатериной I. Яковлев, под страшной пыткой, наговорил на другого Яковлева, учителя греческого языка; у последнего нашли проповеди, с приписками в виде примечаний, давнего Феофанова врага Маркелла Родышевского, жившего в заточении в Кирилловском монастыре. Феофан приказал привезти Маркелла в Петербург, – но на след сочинителя подметного письма не напали. Феофан возбудил подозрение на Иосифа Решилова, который, бывши прежде в расколе, по принятии православия употреблялся Синодом в разных поручениях по раскольничьим делам и находился в связи с Феофилактом Лопатинским. Взятый в тайную канцелярию, Решилов в своих показаниях притянул к делу калязинского архимандрита Иоасафа Маевского. За ним начали таскать в тайную канцелярию других духовных, и наконец тверского архиерея Феофилакta Лопатинского. Допрашивая Феофилакta, старались запутать его в дело о произнесении разных

сомнительных слов о престолонаследии и держали под стражей. Участь его была решена уже по смерти Феофана.

Но в то время, когда Феофан беспощадно старался отыскать автора подметного письма, сильно раздражившего его, появился другой пасквиль на Феофана и вместе на государыню, пасквиль, присланный, вместо доношения, из новгородской губернской канцелярии. Подьячие этой канцелярии были наказаны кнутом, виновника же не нашли. Много лиц притянуто было к делу о подметных письмах; много людей сидело в тюрьмах и подверглось страшным пыткам. Шли месяцы за месяцами, пошел новый 1736 год; наконец 8 сентября этого года, в половине пятого часа пополудни, Феофан скончался. О смерти его сохранилось известие, что, чувствуя приближение кончины, он приставил ко лбу указательный палец и сказал: «О главо, главо, разуму упившись, куда ся приклонишь». Тело его отправлено было водяным путем в Новгород и погребено в Софийском соборе. Из завещания его видно, что, кроме деревень, приписанных к его сану, которые после его смерти были взяты в казну государыни, у него было несколько деревянных и каменных домов в Петербурге и Москве, библиотека, стоившая 4500 рублей, и много ценных вещей, между прочим 149 картин, писанных масляными красками. Феофан был одним из самых ученых и развитых людей своего времени, но вместе с тем резко носил на себе все пороки своего века. Пока жив был Петр, Феофан был деятельным, энергичным и полезным его сотрудником: где только нужна была умственная жизнь, ученый труд и свежая мысль, обращенная к практическим потребностям времени, там Феофан являлся понятливым и трудолюбивым исполнителем предположений и видов Петра, преимущественно в сфере церкви и народного воспитания. Умевши приобрести доверие и расположение государя, он, в то же время, умел соблюдать со всеми окружающими доброе согласие и отличался характером благодушия, украшающего ученого человека. Но после кончины своего покровителя, Феофан неожиданно очутился в страшном омуте интриг, козней и лукавства. Ему приходилось: или подвергнуться опасности быть выкинутым из общества, в



котором жил, сохранивши за собою память честного человека, – или, предупреждая угрожавшие ему опасности, начать без зазрения совести выкидывать всех тех, которые становились ему на дороге и даже могли, по его соображению, сделать ему какое-нибудь зло. Феофан, сообразно своей природе, выбрал последний путь, и из мирного ученого времен Петра стал, после его кончины, ужасным тираном, не разбиравшим никаких средств, когда приходилось толкать других, мешавших ему на пути, – стал бессердечным эгоистом, безжалостным мучителем, который тешился страданиями своих жертв даже и тогда, когда они переставали быть для него опасными.

## Выпуск 7: XVIII столетие

## Глава 20. Фельдмаршал Миних и его значение в русской истории<sup>26</sup>

У людей с громадным умом и сильной волей, людей, способных к разносторонней деятельности, бывают, однако, предметы, которым они предаются более чем другим и, так сказать, *показывают* к ним пристрастие. У Петра Великого было такое пристрастие к воде. Плавать по воде, направлять воду так, чтоб она приносила человеку пользу и не причиняла вреда – то были излюбленные занятия Петра. Водоплавание до того занимало его существо, что он вздумал основывать посередине материка в Воронеже гавань и не глубоководный Дон хотел сделать прямым путем в Черное море. Многоводный Петербург, его создание, был его избранным «парадизом», куда он волей и неволей тянул обитателей со всего своего широкого государства, и никто не смел ему жаловаться на сырой и нездоровый воздух этого парадиза. Устройство доков, прорытие каналов, постройка и спуск на воду суден – все это было приятно сердцу Петра и доставляло ему поводы проявлять праздничные удовольствия. Понятно, что при такой любви к воде государь русский и на Руси, и за границей искал людей, которые бы, подобно ему, любили те же водяные упражнения и могли быть верными и способными исполнителями его начертаний. И никто в этом отношении не был великому государю до такой степени подходящим человеком как Миних, так же, как Петр, разносторонний, ко всему способный, подвижный, неутомимый и так же до страсти лелеявший водяное дело. Миних был уроженец края, лежащего при Немецком море. Край этот в приморье, между Везером и Бременской областью с востока, епископством Мюнстерским и графством Остфрисландским с запада и Брауншвейгского курфюршества владениями с юга, с XII века заключал в себе два отдельных графства – Ольденбургское и Дельменгорстское, которые в начале XIV века соединились в одно владение, но потом не раз снова разделялись и снова соединялись. В половине XV века сын графа ольденбургского

Дитриха, Христиан, был избран датским королем, и с тех пор судьба этого края тесно связывалась с судьбою Дании, хотя по временам там являлись отдельные владетели, а с половины XVII века оба графства прочно вошли в датские владения. Вообще край этот, по своему топографическому положению, был чрезвычайно обилен водой и подвергался частым наводнениям, а одна из волостей, на которые разделялся этот край, Вюстелянд (Die Vogtey Wÿsteland), где родился Миних, была совершенным болотом; проведение каналов и устройство плотин, шлюзов и мостов было делом первой необходимости для обитателей; без этого там и жить было невозможно.

Род Минихов принадлежал к крестьянскому сословию, и члены этого рода из поколения в поколение занимались делом построения плотин и вообще водяным делом: прадед и дед нашего Миниха были главными плотиностроителями в своей маленькой вюстеляндской волости, а отец его, Антон-Гюнтер Миних, служил в датской службе с чином подполковника, и потом получил от датского короля звание главного надзирателя над плотинами и всеми водяными работами в графствах Ольденбургском и Дельменгорстском. Он получил дворянское достоинство, которое утверждено было впоследствии императором Леопольдом в 1702 году. Будучи на датской службе в означенной выше должности, Антон-Гюнтер Миних проживал со своим семейством в своем имении в деревне Нейнгунтторфе, и там у него, от брака с Софией-Катериной, урожденной фон Эткен, родился 9-го мая 1683 г. второй сын, Бурхард-Христоф, герой настоящего жизнеописания.

Еще в нежном детстве и потом в отрочестве он показывал необыкновенные способности, всему скоро выучивался, все легко перенимал. Будучи девяти лет, он срисовывал чертежи и планы, сопровождал родителя в его поездках по служебной обязанности и переписал составленную отцом его книгу о водяных работах в Ольденбургском графстве. Мальчик для своих чертежей не имел других инструментов, кроме купленных им на сбережение, оставшееся от путевых издержек в Курляндию, куда он провожал сестру свою, вышедшую там замуж. В 1699 году Антон-Гюнтер оставил датскую службу и

получил должность в соседнем Остфрисландском княжестве. Молодой Бурхард-Христоф продолжал учиться, приобрел основательные математические познания, выучился по-французски. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, отец отпустил его во Францию, где молодой человек вступил в военную службу по инженерной части, но вскоре оставил ее, услышавши, что между Францией и Германией будет война: ему пришлось бы воевать против соотечественников и участвовать в пролитии немецкой крови. Покинув Францию, он определился в Германии в гессен-дармштадтский корпус, готовившийся воевать с французами. В то время у немецкой молодежи разгорался патриотический фанатизм. Со слов манифеста, обращенного ко всем вообще немцам, они кричали, что французы – наследственные враги немецкого племени, что они постоянно злословят и унижают немецкий народ; не забытые еще свирепства, допущенные французами при покорении Эльзаса, придавали этой вражде оправдание необходимости возмездия. Такой дух господствовал тогда между всеми немцами, исключая баварцев, которые одни были тогда союзниками Франции. Миних, получивши чин капитана, данный ему потому, что в нем заметили необыкновенные по летам сведения в военном деле, участвовал в осаде и покорении города Ландау, где гессен-дармштадтское войско трудилось вместе с баденцами. Но скоро после того гессен-дармштадтское войско отступило; отец Миниха пригласил сына к себе и убедил его занять должность главного инженера в Остфрисландском княжестве. Это случилось в 1702 году, именно в тот год, когда Антон-Гюнтер получил от императора утверждение в дворянском достоинстве, пожалованном ему датским королем. Молодой Миних не долго жил у остфрисландского князя Эбергарда, служа по инженерной части. Его манила в Darmstadt сердечная любовь. Там приглянулась ему двора гессен-дармштадтского фрейлина Христина-Лукреция Вицлебен, красивая особа двадцати лет от роду. Миниху было двадцать два года. Это произошло в 1705 году. Он вступил в брачный союз с этой особой, которая стала его подругой в истинном

значении этого слова, преданной ему до своей кончины и разделявшей с ним все его труды и опасности.

В то время гессен-кассельский корпус выступил на военное поприще против Франции, на англо-голландском жалованье. Миних определился в этот корпус и скоро получил майорский чин. Он был в походах, предпринятых под предводительством Евгения Савойского и герцога Марльборо, и имел возможность присмотреться к воинским приемам этих величайших своего века полководцев. Под начальством Евгения Миних участвовал при очищении от французов верхней Италии, и хотя гессенцы потерпели было поражение при Кастильоне, но скоро Евгений поправил дело, поразивши французов при Турине, и предпринял вторжение в Прованс, окончившееся единственно покорением Сузы. Но потом, когда французы совсем оставили Италию, Евгений перенес оружие в Нидерланды, где воевал уже Марльборо, и гессен-кассельский корпус направился туда же; в нем продолжал служить Миних. В 1708 году он находился в битве при Уденаре: то была первая генеральная битва, в которой пришлось быть нашему герою; он находился также при долговременной осаде и взятии Лилля, при взятии Брюгге и Гента. После того открылись мирные переговоры, и гессен-кассельский корпус отступил на зимовку в Германию. Следовавшая за тем зима была необыкновенно суровая и жестокая: это – та зима, которая у нас в Малороссии истребила значительную часть шведских сил, заведенных туда Карлом XII. Мирные попытки не имели успеха, и с весны 1709 года опять начались военные действия между немцами и французами. Миних с гессен-кассельцами участвовал во взятии Турнэ и в битве при Мальплакэ, кровопролитнейшей из всех битв в XVIII веке (31 августа, или 11 сентября н.с., 1709 г.). В следующих годах, 1710 и 1711, немецкие войска почти не принимали участия в войне, а в 1712, когда уже в Утрехте происходили переговоры между враждовавшими сторонами и все в Европе клонилось к миру, служивший под знаменами принца Евгения голландец генерал Абермерль получил приказание от своего главного командира охранять устроенные для войска магазины с запасами. Но Англия вела переговоры с Францией о мире, и

вследствие этого английские войска внезапно отступили от Евгения; отброшенный Евгений не мог подать помощь отряду, охранявшему магазины; Абермерль был взят в плен со множеством генералов и штаб-офицеров. В этот день и служивший в гессен-кассельском войске подполковник Миних был проколот в нижнюю часть живота, лишился чувств и был взят в плен французами. С ним обращались очень человеколюбиво и внимательно, перевязали ему рану, ухаживали за ним и, когда он стал подниматься с постели, отправили в качестве военнопленного куда-то во Францию (в Париж или в Камбре?). Там продолжали ему оказывать врачебное пособие, а между тем, он познакомился с знаменитым архиепископом Фенелоном. О беседах с этим человеком Миних любил вспоминать уже в старости как о приятнейших минутах в жизни, проведенных в сообществе с таким светлым умом<sup>27</sup>.

Миних оправился и получил свободу. Война за испанское наследство прекратилась. Миних прибыл в Кассель, получил чин полковника и, находясь еще два года в гессен-кассельской службе, занимался своим, любимым с детства, водяным делом – он наблюдал за устройством канала и шлюз в Карльсгавене. Но его чрезвычайно живой нрав и потребность сильных ощущений увлекали туда, где могла открыться ему военная деятельность. Запад Европы умиротворился; на востоке еще не кончилась великая Северная война. В 1716 году Миних поступил в службу курфюрста саксонского и короля польского Августа. Он устроил польскую коронную гвардию, произведен был в чин генерал-майора и получал четырнадцать тысяч рейхсталеров годового жалованья. Ему было там недурно. Но он не ладил с некоторыми особами и, главное, не ужился с гр. Флеммингом, любимцем короля Августа. Уже прежде многие генералы через этого человека оставляли польскую службу. И Миниху пришлось то же испытать. Миних с 1719 г. стал себе выискивать иного отечества. Он колебался, к кому ему пристать из двух соперников: к Карлу XII или к Петру I. Карл положил свою буйную голову под Фридрихсгамом, и Миних остановился на Петре. Он познакомился с его посланником в Варшаве,

князем Григорием Долгоруким, передал ему для сообщения царю свое сочинение о фортификации. Этим путем Петру стал известен Миних, и в следующем 1720 году кн. Григорий Долгорукий предложил Миниху ехать в Россию и там служить в должности генерал-инженера, обещая немедленное повышение в чин генерал-поручика. Миних, как видно, уважал Петра, и очень хотелось ему попасть в службу к такому государю, о преобразовательных подвигах которого трубили тогда в Европе. Миних согласился тотчас и не сделал даже с российским послом никаких письменных условий: впоследствии, поближе увидевши Россию, он счел уместным ограничить свою излишнюю доверчивость. Миних не открыл королю Августу своего намерения поступить в русскую службу, а сказал, будто едет к старому отцу на свою родину. Выехавши из Варшавы, он через Кенигсберг и Ригу проехал в Петербург, куда прибыл в феврале 1721 года.

С этого времени Миних стал всецело принадлежать России, и его имя вступило в ряд имен знаменитых деятелей в русской истории. Ему было 37 лет от роду. Он был высок ростом, чрезвычайно статно сложен, красив лицом; его высокий открытый лоб и быстрые пронизательные глаза с первого раза выказывали то величие духа, которое заставляет любить, уважать и во всем повиноваться. Но вместе с тем он показался очень моложавым по своим летам. Многие в русской службе, отличавшиеся в войне против шведов, были старше нового пришельца летами и временем службы и оставались в генерал-майорском чине. Особенное предпочтение новопоступившего было бы для них оскорбительно. Притом, Петру самому хотелось испытать новичка. Царь приказал ему сопровождать его в разных поездках, показал ему сам адмиралтейскую верфь в Петербурге, съездил с ним вместе в Кронштадт, потом в Ригу, обзревал разные укрепления и со вниманием слушал замечания Миниха, делал при его глазах смотр войскам, и также по этому поводу выслушивал его речи, а между тем, в чин его не производил, как надеялся Миних, получив обещание от кн. Долгорукого. Неожиданный случай порешил этот вопрос в пользу Миниха. Царь с кружком приближенных находился в



Риге. Миних с ними был также. Вдруг удар молнии зажег колокольню церкви Св. Петра. Государь хотел исправить разрушенное и возобновить в прежнем виде, и потребовал от рижского магистрата рисунок бывшего здания. В магистрате рисунка не сохранилось. На счастье Миниха, он в отведенном ему помещении прямо против церкви Св. Петра, сидя у окна, от нечего делать срисовал для себя колокольню. Об этом знал некто барон Вальдекер, командир ордена Иоаннитов, выдававший себя за посланника трирского курфюрста, а на самом деле бывший агентом претендента на английский престол, Стюарта, и приезжавший в Россию проведать: нельзя ли расположить к претенденту царя Петра. Когда в магистрате не оказалось рисунка колокольни, Вальдекер сказал Ягужинскому, что такой рисунок есть у Миниха. Ягужинский вытребовал его у Миниха и представил царю, а царь, вспомнив о том, что Миниху обещано повышение в чине, приказал выдать ему патент на чин генерал-лейтенанта. Но патент был подписан годом вперед – 22 мая 1722 года, и Миниху все-таки пришлось прослужить еще целый год в чине генерал-майора. Миних должен был принять с благодарностью эту царскую милость. Тут Миних сообразил, что если кн. Долгорукий обещал ему повышение чином немедленно, а оно не последовало так скоро, как можно было надеяться, то, значит, нельзя доверять русскому правительству безусловно. Теперь только он представил кондиции, на которых он обязывался служить России в течение пяти или шести лет – наблюдать над гидравлическими работами, но только на балтийском побережье, с тем, чтобы ему выдавалось по его востребованию все необходимое.

В то же время в Риге получил Миних печальное известие о кончине своих обоих родителей, одного за другим, и для устройства своих дел отпросился в Ольденбург. Он посетил свою родину, и то было последний раз в его жизни, хотя его постоянным желанием было под старость воротиться туда. Его старший брат (главный смотритель водяного дела, назначенный датским королем) оспаривал отцовское завещание, которым оставлялось все отцовское имение не ему, а второму сыну.

Христоф Миних уладил спор с братом, примирился с ним и воротился в Россию.

Заботясь о Петербурге, своем любимейшем произведении, Петр беспокоился о том, что водяное сообщение новопостроенного города с внутренними странами России затрудняется порогами на реке Тосне при ее впадении в Неву. Царь хотел устроить шлюз, провести обводный канал и проложить дорогу по берегу Невы от Шлиссель-бурга до Петербурга. Все это исполнил Миних. Петр поручил ему начертать план рогервикской гавани, которую царь намеревался строить. Миних представил его царю.

В 1723 году Миниха ожидала другая, более важная и сложная гидравлическая работа. Еще с 1710 года начат был Ладожский канал с целью дать возможность плавающим судам избежать Ладожского озера, чрезвычайно беспокойного и бурного в осеннее время, где каждый год пропадало множество судов. Работы шли под надзором генерал-майора Писарева и шли чрезвычайно медленно. Когда в 1723 году Петр возвращался из персидского похода и остановился в Москве, он обратил внимание на то, что Ладожского канала сделано было за такое продолжительное время едва только на двенадцать верст. Петр находил, что нужно поручить надзор за канальными работами другому лицу. Генерал-фельдцейгмейстер Брюс указал царю на Миниха. Царь виделся с Минихом, слушал его соображения и поручил посетить канал и удостовериться, точно ли вода в Ладожском озере то возвышается, то понижается, и нужно ли, сообразно с этими изменениями уровня воды в озере, проводить канал. Миних совершил эту поездку. Жители берегов Ладожского озера уверяли, будто вода в озере в течение семи лет возвышается на семь футов, а в течение следующих семи лет на столько же опускается; но Миних, опытный и сведущий в законах гидравлики, нашел, что в такой степени различие в повышении и понижении уровня воды невозможно, и хотя оно, собственно, и существует, но не достигает более трех футов. По возвращении Миниха из поездки, между инженерами возникло разногласие по вопросу о направлении, какое следует избрать для канала, и царь Петр назначил комиссию из сведущих

людей, которая должна была рассмотреть и решить этот вопрос. Генерал-майор Писарев, заведовавший до того времени канальной работой, был в числе членов этой комиссии. Он доказывал, что прорытые двенадцать верст следует оставить в их настоящем виде, а остальные 92 версты (протяжение всего канала должно было составлять 104 версты) – рыть канал, для сокращения издержек возвысивши двумя аршинами над обычною водою и только одним аршином глубже воды в озере, заключив эти 92 версты между двумя шлюзами, чтобы воду поднять выше уровня. Большинство членов комиссии одобрили мнение Писарева потому единственно, что Писареву покровительствовал всесильный Меншиков. Только инженер Лен предлагал некоторое изменение. Миних опровергал обоих и доказывал, что маленькие речки, о которых думали, что они будут наполнять канал своею водою, так мелководны, что канал в течение лета может оставаться безводным. Петр, слыша такое разноречие, передал дело на обсуждение сената, но сенаторы, кроме того, что мало смыслили в гидравлике, смотрели главным делом на то, как бы угодить Меншикову. Меншиков же не любил Миниха и говорил: быть может, Миних генерал хороший, но в канальном деле не много смыслит. Князь Григорий Долгорукий, тот самый, который пригласил Миниха в Россию из Варшавы, теперь сообщил Миниху, что Писарев оговаривает его перед царем, будто он, Миних, хочет царя обмануть и провести. Миних, человек самолюбивый и горячий, сказал: «Если канал поведется так, как хочет Писарев, то он никогда не будет окончен. Пусть государь посмотрит собственными глазами – и тогда скажет, что Миних прав». Об этом передали государю, и Петр пожелал разом с Минихом и другими обозреть канал. Осенью 1723 года Петр отправился в путь. Пришлось пробираться верхом по болотистому бездорожью. Лошади с трудом ступали по топкой почве. Миних, следуя за царем, показывал ему, что невозможно по болоту вести канал от семи до девяти футов выше обычного уровня воды. «Я вижу, что вы достойный человек!» – сказал ему Петр по-голландски. Вечером доехали до деревни Черной. По причине обилия тараканов в

избах, царь не решился ночевать в людском жилье и приказал раскинуть для себя шатер, где провел ночь при большом осеннем холоде. Тут Писарев употребил все усилия, как бы не допустить государя ехать далее, чтоб государь не увидал его дурной работы при деревне Дубне. Сторону Писарева держал царский лейб-медик Блюментрост: он представлял царю, что дальнейшая езда повредит его здоровью. Блюментрост обратился и к Миниху и говорил ему: «Вы отваживаетесь на опасное дело. Вы тащите государя в путь, когда он слаб, а путь этот совершать можно только верхом, и то с большим трудом. Ну, если он найдет не так, как вы ему докладывали, то для вас произойдет большое огорчение!» «Пойдемте вместе со мною к государю!» – сказал Миних. Царь тогда одевался. «Благодарение Богу, – сказал царю Миних, – что ваше величество приняли на себя труд лично обозреть этот канал! Ваше величество еще ничего не видали. Извольте проехать до Дубны, чтобы дать сообразное повеление о продолжении канала». «Для чего это?» – спросил Петр. Миних отвечал: «Вся начатая работа на двенадцать верст до Белозерска должна измениться! Это потребует много денежных издержек, и если ваше величество того не увидите сами, то партия Писарева будет уверять, что перемены сделаны напрасно, деньги потрачены, и тот, кто будет заведовать работами – пропадет». Петр был очень утомлен, однако велел подать себе лошадь и произнес: «Едем до Дубны». Еще не достигши Дубны, царь обозрел часть работ Писарева на пятнадцать верст. Они ему очень не понравились. Петр соскочил с лошади, лег животом на землю и показывал рукою Писареву, что берег канала идет не по одной линии, что дно его не везде равной глубины, что без всякой нужды сделаны кривизны, что не построено плотины и так далее. «Григорий, – сказал ему царь, – есть два рода ошибок: одни происходят от незнания, другие от того, что не следуют собственному зрению и прочим чувствам. Последние непростительны». Писарев вздумал было оправдывать себя и стал доказывать, что почва холмистая. Но Петр встал на ноги, оглядел кругом себя и спросил: «Где же холмы? Ты, я вижу, настоящий негодяй!» Все тогда думали, что Петр отколотит

Писарева дубинкою, и сам Писарев был бы доволен, если бы так случилось, потому что тогда мог бы он скорее получить себе прощение. Но царь сдержал себя.

Это была полная победа Миниха над своими противниками; царь поручил ему строение канала. За то Миних с тех пор нажил себе врага в Меншикове.

Через год, осенью 1724 года, Петр по данному заранее обещанию прибыл на канал осмотреть работы Миниха. Сошедшись с Минихом, он приказал спустить воду и собственноручно, взявши заступ, стал прокапывать плотину, ее удерживавшую. Вода ринулась в канал с быстротою. Вблизи стоял маленький ботик. Петр вошел в него и приказал Миниху садиться. Ботик понесло по течению канала, прорытого Минихом, по одному известию<sup>28</sup>, на четыре версты, а по другому<sup>29</sup> – на десять или двенадцать. Петр, всегда и везде до страсти любивший плавать, пришел в восторг, беспрестанно скидал с головы шляпу, махал ею и кричал: «Ура! ура!» Совершивши пробное плавание, Петр обнял и расцеловал Миниха. «Этот канал, – произнес царь, – будет иметь важное значение. Он будет доставлять средства пропитания Петербургу, Кронштадту, а равно и строительные материалы, и окажет содействие торговле России с остальною Европою». Возвращаясь в Петербург, царь приказал ехать туда же и Миниху. Прибывши в Петербург, Петр сказал Екатерине: «Труды моего Миниха радуют меня и подкрепляют мое здоровье. Недалеко то время, когда мы с ним сядем в шлюпку в Петербурге и выйдем на берег в Москве, в Головинском саду». На другой день Петр вместе с Минихом явился в сенат и пред всеми сенаторами произнес: «Я нашел человека, который мне окончит Ладожский канал. Еще в службе у меня не было такого иностранца, который бы так умел приводить в исполнение великие планы, как Миних! Вы должны все делать по его желанию!» После ухода царя Ягужинский сказал Миниху: «Генерал! мы будем ожидать ваших приказаний». Петр тогда поручил Миниху дирекцию над постройкою канала. Сначала работало над ним шестнадцать тысяч человек, теперь Петр назначил двадцать пять тысяч. Царь дал Миниху обещание, по

выходе в отставку старого Якова Васильевича Брюса, дать Миниху должность генерал-фельдцейгмейстера и директора над всеми казенными и частными постройками. Петр не дожид до окончания Минихом Ладожского канала.

Настало новое царствование. Миних понял, что он попал в такую страну, где нет ничего прочного, и постарался обеспечить себя новыми кондициями. Он представил для утверждения императрицею проект, которым обрекал себя на службу России еще на десять лет, после которых оставлял за собою право уехать. В течение этих десяти лет он мог воспитывать детей своих за границею. Миних просил себе обещанного Петром чина фельдцейгмейстера с теми выгодами, которыми пользовался его предшественник Брюс. Он просил себе в дар несколько предметов недвижимой собственности: островок на Неве близ Шлиссельбурга, деревню Ледневу, лежащую посреди устроенного им канала, старый дворец в Ладоге и дом в Петербурге. На случай войны с Данией и Англией Россия должна была гарантировать его имущества, находящиеся во владении этих держав, или вместо тех имуществ отвести ему соответствующие поместья в России. Ему отданы в диспозицию все таможенные и кабацкие сборы на Ладожском канале. Екатерина не успела утвердить договора с Минихом. Он утвержден был при ее преемнике Петре II, но и то не вполне, потому что Миних получил звание главного директора над фортификациями, а не чин генерал-фельдцейгмейстера, которого он желал, опираясь на обещание, данное Петром Великим. Падение Меншикова, не любившего Миниха, проложило последнему дальнейший путь к возвышению. С Долгорукими, заменившими во влиянии над царем Меншикова, Миних скорее сошелся, чем с Меншиковым. Когда в январе 1728 года Петра увезли в Москву, Миниха оставили в Петербурге и поручили ему управление Ингерманландиею, Карелиею и Финляндиею с главной командой над войсками, там расположенными, а 25 февраля того же года в день коронации государя пожаловали ему графское достоинство. Одно внимание к нему верховной власти следовало за другим. В этом же году окончен был совершенно Ладожский канал, и по

нему открылось судоходство: по этому поводу верховный тайный совет прислал ему благодарственный адрес за совершение такого важного предприятия. Значение Миниха в государстве увеличилось с дарованием ему должности генерал-губернатора в Петербурге. Это произошло оттого, что в качестве главного командира над войсками он имел право производства в чины и переводов лиц, служивших под его командою, а из таких лиц было много, находившихся в родственных и покровительственных связях с представителями знатных родов, и последние, ходатайствуя за своих клиентов, обращались к Миниху с просьбами. В числе высоких особ, нуждавшихся тогда в Минихе, была цесаревна Елисавета, ходатайствовавшая о каком-то подпоручике.

Одним из важных дел, совершенных Минихом в это время, был проект учреждения инженерного корпуса и минерной роты (саперов) и заведения специальной школы для приготовления сведущих офицеров по этой части<sup>30</sup>. В следующем, 1729 году, по кончине генерал-фельдцейгмейстера Гинтера, Миних сделан главным начальником и артиллерии<sup>31</sup>.

Осенью 1728 года Миних вторично вступил в брак. Первой жены его не стало в живых еще в 1727 году. Новая супруга Миниха называлась Варвара-Елеонора, она была вдова обер-гофмаршала Салтыкова, урожденная баронесса Мальцан, природная немка. На счастье Миниха, и вторая подруга жизни, как и первая, оказалась добродетельною женщиною, искренне была предана ему и вместе с ним разделяла все коловратности судьбы, его постигавшие.

Наступило новое царствование Анны Ивановны. Миних, благоразумный человек и притом сознававший, что он в России – иностранец, не вмешивался в политические затеи верховников, пытавшихся ограничить самодержавную власть, и не склонялся ни на ту, ни на другую сторону. Когда Анна объявила себя самодержицею, Миних сблизился с Остерманом, и тот представил его новой государыне и ее любимцу Бирону. Обоим он понравился и с новым царствованием стал приобретать более значения. Он получил давно желанный чин генерал-фельдцейгмейстера, а по смерти старого князя

Трубецкого – должность президента военной коллегии, в которой до того времени он был вице-президентом. Пребывая постоянно в Петербурге в должности местного генерал-губернатора и оставив по себе память в летописи Петербурга очищением реки Мьи (Мойка) и устройством нескольких мостов и каналов, Миних посещал императрицу в Москве, и все более и более сближался с Остерманом и Бироном. Остерман настроил Миниха предложить императрице учредить вместо уничтоженного верховного тайного совета кабинет, высшее правительственное место, которое служило бы посредствующим органом между высочайшею особою и правительствующим сенатом. Первоначально Миних предложил в этот кабинет трех сановников – Остермана, Головкина и кн. Черкасского; Анна Ивановна сама пожелала прибавить к ним самого Миниха. Миних отговаривался, находя, что он, как иностранец, недостаточно знаком с внутреннею политикою России, но императрица настояла, чтобы Миних непременно вступил в число членов кабинета по военным и внешним делам. В 1731 году Миних сделан был председателем комиссии, учрежденной с целью найти и установить меры для уничтожения беспорядков в войске и так устроить, чтобы войско содержалось в порядке без народного отягощения. В качестве начальника этой комиссии Миних совершил несколько преобразований в устройстве воинской части в России; он начертал новый порядок для гвардии, полевых и гарнизонных полков, образовал два новых гвардейских полка: Измайловский и Конной гвардии, завел тяжелую конницу, так называемых кирасиров, изменив в кирасиров три драгунских полка, дал самостоятельный вид инженерной части, прежде слитой с артиллерийскою, и учредил Сухопутный кадетский корпус, в котором шляхетских детей русских и лифляндских от 13 до 18 лет обучать следовало арифметике, геометрии, рисованию, фортификации, верховой езде, фехтованию, стрельбе и всякому воинскому строю. Кроме того, принято было во внимание, что в государстве нужно не только военное, но и политическое, и гражданское образование, и притом не все способны к военной службе, и в этих видах положено иметь учителей иностранных языков, преподавать



историю, географию, юриспруденцию, танцевание, музыку и прочие науки, какие сочтутся полезными, смотря по природной способности воспитанников. Сначала число учащихся определено в двести, потом в 300 человек; на помещение их отдали на Васильевском острове дом кн. Меншикова, конфискованный после его ссылки, а на содержание всего корпуса определена была сумма, которая увеличивалась при умножении числа учащихся. Обращено также внимание и на детей военных не дворянского звания. При гарнизонных пехотных полках учреждались школы, куда собирали для обучения мальчиков от 7 до 15 лет, рожденных во время нахождения отцов их на службе, но отнюдь не тех, которые родились уже тогда, как родители их были в отставке. Это постановлялось на том принципе, что сыновья служилых должны сами быть служилыми. Этою мерою думали сократить рекрутские наборы в видах облегчения народа. Миних, хотя был по происхождению немец и до смерти оставался с привязанностью к своей национальности, но нигде не показывал того высокомерного отношения к русским, каким отличались служившие в России немцы. Петр Великий для приманки иностранных офицеров в русское воинство установил иностранцам, служащим в русском войске, производить двойное жалованье против природных русских. Так и оставалось это правило. Миних первый осознал несправедливость такого различия и уравнил тех и других в одинаковой степени. За это он приобрел навсегда любовь русских. В числе полезных учреждений по военной части, указанных Минихом в это время, были заведение провиантских магазинов для продовольствия войск, госпиталей для увечных солдат; приняты разные меры к правильному обмундированию и вооружению войск; учреждены генеральные смотры. Устроено было двадцать полков украинской ландмилиции из однодворцев Бе-логородского и Севского разрядов, расселивши их и наделивши пахотною землею по линии укреплений, возводимых между Днепром и Северным Донцом и по Северному Донцу до казачьих донских городов. Подобное население последовало по царицынской линии. Вместо предполагаемых при Петре Первом шести тысяч

поселенцев на украинской линии теперь назначалось двадцать тысяч. Набор и устройство новоучреждаемой украинской линии возлагались на генерала Тараканова. На царицынской милиции по берегам Илавли и Медведицы последовало подобное же население из казаков под атаманством Персидского.

Миних своими советами содействовал к переезду двора из Москвы в Петербург. Как иностранец и по здравому рассудку сторонник петровской реформы, он не был расположен к пребыванию двора в Москве, где было ощутительно влияние партии, не расстававшейся с воспоминаниями старой Московской Руси и не терпевшей всякой иноземщины. После того как императрица обжила в Петербурге, Миних упросил ее обозреть довершенный им канал и, так сказать, освятить его своим личным вниманием. Императрица прибыла в Шлиссельбург и оттуда отправилась по всей длине канала в яхте, которую сопровождали восемьдесят судов. Так доплыли они до реки Волхова на протяжении ста четырех верст. Два огромных шлюза на обоих концах длины канала замыкали канал и держали в нем воду, которой средняя высота достигала до сажени. По шестнадцати меньших шлюзов устроено было на северной и на южной стороне канала, шедшего от запада к востоку. Эти шлюзы служили для того, чтобы накопившаяся лишняя вода выливалась в озеро, а маленькие речки: Назия, Шалдиха, Кабона и другие, принося в канал свои воды, в летнее время не заносили с собою масс песка и тины.

С Остерманом Миних, как было сказано, вначале очень сблизился, но когда государыня сделала его членом кабинета, Остерман изменился к нему в своих чувствованиях. Еще более внутренне стал ненавидеть Миниха Бирон. Государыня, видя в Минихе очень умного, разносторонне сведущего человека и притом преданного ее интересам, все более и более подчинялась его советам и привязывалась к нему. Бирон боялся, чтоб умный Миних не оттеснил его от высочайшей особы, так как сам Бирон не обладал ни большим умом, ни образованностью, и всечасно чувствовал свою собственную малость перед Минихом. Невзлюбили Миниха обер-шталмейстер Левенвольд и канцлер гр. Головкин. Оба они

чувствовали, что Миних их даровитее и умнее; оба возбуждали, вместе с Остерманом, против Миниха любимца императрицы. Бирон и Левенвольд устроили за поведением Миниха надзор, приставили фискалов, которые должны были выведывать его намерения или побудить на какой-нибудь шаг, который мог бы ему повредить в милости императрицы. Но Миних был не таков, чтобы его можно было такими мерами подвести. Миних жил во дворце, рядом с покоем императрицы. Бирон задумал вытеснить его оттуда, чтобы, по крайней мере, такая близость помещения не возбуждала в нем опасения, что он может легко заменить для Анны Ивановны его, Бирона. Воспользовавшись чрезвычайным доверием к себе императрицы, он представил ей, что надобно очистить помещение во дворце для племянницы императрицы, прибывшей в Петербург; а на нее императрица смотрела как на свою преемницу. Миниху объявили, что ради этой причины он должен перебраться за Неву. Миних повиновался, тем более, что тут была благовидная причина: за Невой, на Васильевском острове находился кадетский корпус, которого главным начальником был Миних. Бирон так бесцеремонно распоряжался, что не оставил фельдмаршалу даже времени перевезти свою мебель. Но соперники Миниха этим не довольствовались. Они искали повода удалить его вовсе из столицы. Случай к тому представился.

Король польский Август, долговременный союзник России, скончался 11 февраля 1733 года. В Польше возникли две партии: одна хотела избрать в преемники Августу сына его, курфюрста саксонского, другая – Станислава Лещинского, уже некогда избранного в сан короля по настоянию шведского короля Карла XII. Дворы российский и венский благоприятствовали курфюрсту саксонскому, потому что он обещал, сделавшись королем, утвердить прагматическую санкцию, акт, по которому император римский Карл VI передавал свои наследственные владения дочери своей Марии-Терезии, а российскому двору – не препятствовать проведению в достоинство герцога курляндского, любимца императрицы Анны Ивановны, Бирона. Франция, напротив,

поддерживала Станислава Лещинского. Фельдмаршал Ласси, отправленный с 20000 русского войска в Польшу, содействовал избранию курфюрста саксонского под именем Августа III и преследовал партию Станислава Лещинского, который засел в городе Гданьске. 22 февраля 1734 г. Ласси с 12000 войска осадил Гданьск. Но у осажденных было силы более, и война шла нерешительно, ограничиваясь стычками между осажденными, делавшими вылазки, и казаками. Тогда Бирон, с целью сбыть с глаз императрицы Миниха, убедил ее отправить в Польшу Миниха с войском против Лещинского. Миниху самому не было противно такое поручение, так как он с юности любил военное дело, а придворные интриги не могли удовлетворять его.

Миних прибыл к Гданьску 5 марта 1734 года и принял главную команду над остававшимся там российским войском, потребовав себе еще несколько свежих сил.

Сначала Миних послал к обитателям Гданьска грозный манифест, требовал покорности королю Августу Третьему и выдачи Станислава Лещинского, в случае отказа угрожал разорить город до основания и покарать грехи отцов на чадах их. На такое заявление не последовало покорности. Миних принужден был отказаться от покушений приводить в исполнение свои угрозы: у него не доставало осадной артиллерии. Но вот из Саксонии прибыли мортиры, провезенные через прусские владения в телегах под видом экипажей герцога вейсенфельского, а из Польши пришла прочая русская артиллерия: тогда началось метание бомб в город. Осада Гданьска продолжалась 135 дней. Поляки партии Лещинского пытались извне подавать помощь осажденным нападениями на русских, но были разбиваемы русскими отрядами. Осажденные надеялись на прибытие французской флотилии, которая, как ожидали, привезет им свежих сил. Французские корабли привезли и высадили к ним на берег всего только 2400 человек. Затем к Миниху пришла на помощь саксонская военная сила, а 12 июня русская флотилия в числе 29 судов вошла в Гданьский рейд и привезла Миниху еще орудий. Бомбардировка усилилась. 19 июня Миних потребовал

снова сдачи. Осажденные выпросили три дня на размышление. После многих переговоров французское войско вышло с тем, что их отвезут в один из нейтральных портов Балтийского моря и отправят оттуда во Францию. Они понадеялись, что их отвезут в Копенгаген, но их отвезли в Лифляндию, расставив там на квартиры, и уже через несколько месяцев отправили во Францию.

28 июня гданьский магистрат выслал к Миниху парламентаря. Миних требовал покорности королю Августу и выдачи Станислава Лещинского с главнейшими приверженцами. На другой день магистрат известил Миниха, что Станислава невозможно выдать, потому что он убежал, переодевшись в крестьянское платье. Миних сильно рассердился, велел было опять начать бомбардирование; наконец, 30 июня принял покорность города и дозволил находившимся в городе польским панам ехать куда пожелают, приказавши арестовать только трех лиц: примаса, пана Понятовского и француза маркиза де Монти; их отвезли в Торун. Так окончилась эта осада, во время которой русские потеряли восемь тысяч солдат и двести офицеров. На город Гданьск была наложена контрибуция в два миллиона; императрица скинула прочь половину этой суммы.

Миних вернулся в Петербург с торжеством. Его недоброжелатели пытались очернить его действия, распускали подозрения, что Миних брал с неприятеля взятки и заведомо дал возможность Станиславу Лещинскому уйти. Но все это не повредило Миниху.

Вслед за тем затевалась другая война, куда также пришлось отправляться Миниху, к удовольствию как его самого, так и его врагов, которые радовались тому, что его можно под каким бы то ни было предлогом удалить из столицы. То была война с Турцией.

Турция вела войну с Персией уже несколько лет. Чтобы поразить персиян на северной стороне в то время, когда персидские силы направлялись к югу, крымские татары, данники Турецкой державы, получили повеление вторгнуться в Персию, и как ближайший путь лежал через русские владения, то они не затруднились проходить через них, нарушая тем нейтралитет

России. Так, в 1732 году столкнулись они на берегу реки Терека с русским отрядом, находившимся под командою генерала принца гессен-гамбургского. Произошла битва: в ней легло до тысячи татар, до четырехсот русских. Россия дипломатическим путем жаловалась Турции на нарушение нейтралитета и не получила удовлетворения: напротив -Турция снова послала крымского хана с 70000 войска через русские владения в Персию. Турецкая сила на этот раз потерпела от персиян жестокое поражение. Тогда бывший в Константинополе российским послом Неплюев заявил своему правительству мнение, что теперь настало удобное время отплатить Турции за унижительный для чести русского имени Прутский мир. При дворе обер-шталмейстер Левенвольд поддерживал то же мнение. Остерман, всегда рассудительный и осторожный, не советовал поддаваться таким обольстительным надеждам и не отваживаться дразнить Турцию, потому что она еще сильна; по его взгляду, достаточно было ограничиться усмирением татар, так как это не поведет к разрыву с Турцией: падишах недоволен самовольством своего данника, крымского хана, но не может удержать его в повиновении. Фельдмаршал Миних, впоследствии горячий сторонник войны с Турцией, на этот раз примыкал к Остерману. Он желал войны, но такой, которая бы началась не от прямого вызова Россией. Пробывши после гданьского дела несколько месяцев в Петербурге, Миних должен был отправиться к войску, оставленному в Польше, так как в Польше оставалось еще много противников короля Августа III. Дела с Турцией, между тем, стали обостряться. Персидский шах Кулихан соглашался было уже примириться с Турцией, но русский посланник в Персии, князь Сергей Голицын, употреблял все усилия, чтобы не допустить до такого примирения – и успел: персидский шах стал по отношению к России обязан благодарностью, потому что Россия тогда уступила Персии приобретения Петра Первого – Баку, Дербент и даже крепость св. Креста. Под влиянием России персидский шах опять возобновил войну с Турцией. Тогда и петербургский двор, заручившись союзом с Персией, открыто решился на войну, но не прямо с Турцией, а с татарами, под тем предлогом, что

последние беспрестанно чинят набеги и в последнее время два раза нарушали нейтралитет России проходом своего войска через русские области. Начать неприязненные действия против татар должен был Вейсбах, киевский генерал-губернатор. Но он в то самое время умер. Преемник его, генерал-лейтенант Леонтьев, тот самый, который ездил в Митаву к Анне Ивановне депутатом от генералитета, выступил в поход. То было уже в октябре, в дурную погоду, и он воротился назад, потерявши девять тысяч воинов, погибших не от неприятельского оружия, а от болезней и лишений. В это время послано Миниху поручение перейти со своим войском из Польши в Украину и идти с ним в поход против татар.

Поручив вести за собою в Украину армию генералу принцу гессен-гамбургскому, Миних поехал в Павловск на Дону, сделал там распоряжение о нагрузке на суда артиллерии и припасов, необходимых для предположенной осады Азова, потом прибыл в Украину, осмотрел украинскую линию от Днепра до Донца, где нашел шестнадцать крепостей, каждая с земляным бруствером, с контр-эскарпом, со рвом, наполненным водою, а между укреплениями этими возведены были редуты разного размера. Миних объехал всю эту линию, охранявшуюся, как выше было сказано, ландмилицией из поселенных однодворцев, сделал нужные распоряжения о расстановке караулов и заметил, что в Бахмутской провинции линия остается открытою и на совершенное приведение ее в надлежащее положение необходимы работы. С этой целью Миних потребовал 53263 человека рабочих. Управлявший тогда малороссийским краем князь Шаховской, в ответ на такое затребование, доносил правительству, что такого рода работы будут крайне разорительны для народа. Миних со своей стороны доносил, что, обозревши тогдашнее состояние Украины, он ясно видит, что разорение народа действительно заметно, но оно происходит не от работ, а от дурного управления, во главе которого стоял Шаховской: полковниками и сотниками ставятся люди неспособные, везде стараются разбогатеть за счет подчиненных, люди богатые стараются отлынивать от службы, и только бедных посылают в походы. Казаки, недовольные

несправедливостями своего начальства, убегают и пристают к владельцам земель, обещающим поселенцам льготные годы, иные же бегут к татарам, и вместе с ними идут воевать против России. От этого вообще казачество в Гетманщине умалилось: прежде, бывало, можно было собрать казаков тысяч сто, а в последнее время, когда объявлен был поход Леонтьева в Крым, их едва набралось двенадцать тысяч семьсот тридцать. Тут Миних сошелся с запорожцами, которых он нашел в воинском отношении гораздо лучше, чем малороссийских городских казаков, и с запорожскими старшинами имел совещание в Царичинке. Запорожцы дали ему совет выступить в поход в степь с ранней весны, когда еще не совершенно высохнут воды от тающих снегов, а молодая трава еще не будет сожжена. Миних нашел этот совет подходящим и в марте съездил к Азову, с которого надлежало начинать военные действия. Он поручил вести осаду Азова генералу Левашову, а сам возвратился к своему войску в Украину, снова советовался с запорожскими старшинами и десятого апреля двинулся в поход в степь. С ним было 54000 войска российского и 12000 казаков (5000 донских, 4000 украинских и 3000 запорожцев). По известию жизнеописателя Минихова, обоз, отправлявшийся с этой военной силой, простирался до девяти тысяч возов, и на каждый полк приходилось их двести пятьдесят. Одних маркитантов было до семи тысяч. Весь обоз не пошел с войском; значительная часть его с тяжелой артиллерией поручена была князю Трубецкому, который должен был доставить боевые и съестные припасы в сопровождении оставленной для того части войска, прежде расставленной в более отдаленном крае на квартирах.

Армия двинулась в степь пятью колоннами, находившимися под командою генералов Шпигеля, принца гессен-гамбургского, Измайлова, Леонтьева и Тараканова. Сам главнокомандующий Миних шел в авангарде. Запорожцы говорили, что на пути своем русское войско найдет себе корм и фураж; Миних доверился им и не очень заботился о скорейшем подвозе запасов князем Трубецким, а этот князь так медлил, что дошел тогда уже, когда Миних окончил свой поход. Для обеспечения



сообщения войску с Украиной Миних на пути через степь приказывал устраивать редуты на расстоянии пяти и десяти верст один от другого и оставлять в каждом по десяти солдат и по тридцати казаков под наблюдением обер-офицера, а на трех больших ретраншементах от 400 до 500 человек со штаб-офицером.

После незначительных стычек с неприятелем колонны Шпигеля, армия 28 мая приближалась к Перекопу. Перекопский перешеек был прокопан рвом длиною на семь верст: ров шириною доходил до двенадцати, а глубиною до семи сажен. За этим рвом был вал высотой до 70 футов от вершины до дна рва. Шесть каменных башен прикрывали всю линию вала; за этим валом была крепость Перекопская. Хан, как сообщали пленники, стоял недалеко со сотысячным войском.

Миних начал с того, что написал хану, извещая его, что пришел с войском наказать татар, производивших набеги на русские владения, и просил хана добровольно впустить в Перекопскую крепость русский гарнизон и признать над собою первенство российской императрицы; иначе – он грозил опустошить весь Крым. Хан прислал мурзу с ответом в таком смысле: хан состоит данником турецкого государя и не хочет изменять ему; в Перекоп не может впускать русских, потому что там помещен турецкий гарнизон не от крымского хана, а от самой Турции; татары не подавали повода к войне, а если чинили набеги, то это делали ногаи, и русские войска могут с ними расправляться, как делалось и прежде: эти люди, хотя и состоят под властью хана, но не всегда послушны этой власти и позволяют себе своевольства. В довершение хан просил фельдмаршала приостановить военные действия и тогда уже вступить в объяснения.

Но Миних не затем пришел, чтобы проводить время в объяснениях. Отправивши мурзу ханского с отказом, фельдмаршал на другой день еще до рассвета послал две тысячи пятьсот человек вправо по направлению к перекопской линии, и в то же время русское войско двинулось всей массой влево. Татары, обманутые фальшивым движением двухтысячепятисотенного отряда, бросились на него, и вдруг

нежданно увидели русские силы совсем на другой стороне. Русские дошли до рва и на короткое время остановились. Ров был очень широк. Но ров этот был сух. Солдаты спустились на дно, а оттуда стали карабкаться на вал. Вместо лестниц им служили пики, штыки и рогатки. Задние подсаживали передних и потом, держась за них, сами взбирались, и так добрались на вершину вала под сильным неприятельским огнем. Такая неустрашимость поразила татар: они бежали. В башнях сидели турецкие янычары. По приказанию Миниха принц гессен-гамбургский послал Санкт-Петербургского гренадерского полка капитана Манштейна с шестьюдесятью человек его роты к одной из башен. Гренадеры прорубили двери: Манштейн вошел внутрь и потребовал сдачи. Янычары, безусловно, согласились и стали класть оружие, но тут между гренадерами и янычарами возник спор, а потом и драка: янычары убили шестерых и ранили шестнадцать гренадеров; гренадеры перекололи всех янычар, а их было в башне сто шестьдесят. Тогда янычары, сидевшие в прочих башнях, покинули их и бежали вслед за татарами. Миних потребовал от Перекопского коменданта сдачи: обещано было проводить всех до приморской пристани для отплытия в Турцию. Комендант на все согласился. Но когда турки положили оружие, их всех объявили военнопленными под тем предлогом, что, вопреки мирному договору, задержано было двести русских купцов, и когда им возвратят свободу, тогда и взятые в Перекопе турки будут отпущены в отечество.

Город Перекоп, заключавший в себе до 800 деревянных домов и окруженный стеной из песчаника, рассыпавшегося от пушечных выстрелов, был тотчас занят одним русским полком, а 4 июня Миних отправил генерал-лейтенанта Леонтьева с десятью тысячами к Кинбурну. С оставшимися генералами Миних держал военный совет – что делать далее. Многие были такого мнения, что не следует забиваться в глубь страны, так как продовольствия для войска оставалось не более как на двенадцать дней, а лучше укрепиться у Перекопа и подождать прибытия кн. Трубецкого с обозом. Миних противился этому и настаивал, что надобно идти вперед и нанести страх татарам; он надеялся, что обоз успеет и догонит их, а если бы и

запоздал, то войско может продовольствоваться за счет неприятельского края.

И пошло войско по безводной пустыне в глубину Крымского полуострова. Татары умышленно портили воду, и без того скудную в колодцах. Их летучие отряды беспокоили войско, двигавшееся четверугольником. Когда расположилось войско на дневку в Бальчике, к нему приблизились татары. Откомандированный против них генерал-майор Гейн хотя не потерпел поражения, но не исполнил в точности поручения, данного фельдмаршалом, и за это немедленно был предан военному суду и разжалован в солдаты. Миних чрезвычайно строго относился к делу дисциплины в войске. Пошли дни за днями. Жара была нестерпимая. Солдаты пропадали от жажды и зноя. Подвоз ожидаемых запасов не приходил по медленности князя Трубецкого. Генерал принц гессен-гамбургский, уже прежде враждовавший с Минихом, а за ним и другие генералы, в числе их и близкий родственник Бирона, носивший ту же фамилию, распускали о Минихе между подчиненными упреки, что он для удовлетворения своего честолюбия губит целое войско и поступает совсем против желания и предписаний петербургского двора. К счастью Миниха, войско, все еще не дождавшись князя Трубецкого с обозом, вдруг нашло себе продовольствие. На десятый день пути от Перекопа достигло оно города Хазлейва (Козлов-Евпатория) и вошло туда без всякого сопротивления: все мусульманские обитатели этого города заранее убежали оттуда, успевши взять с собою, что возможно было на скорую руку, и зажгли за собою дома христианских купцов. Но бежавшие всего с собою забрать не были в состоянии. Русские в опустелом и полуобгорелом городе отыскивали закопанные в земле драгоценности – золото, серебро, жемчуг; меди, железа и свинцу была громада, рису и пшеницы было такое изобилие, что Миних раздал их в качестве провианта солдатам на двадцать четыре дня.

Кроме этого, русские успели захватить десять тысяч баранов и несколько сот штук рогатого скота, и это было очень кстати, так как солдаты уже две недели не ели ничего мясного.

Простоявши пять дней в Хазлейве с целью дать время хлебопекам изготовить для солдат хлеб и сухари, Миних двинулся далее. Он выбрал путь вблизи моря: татары не ожидали, что русские пойдут туда, и не делали опустошения; поэтому русские могли на этом пути доставать фураж: Миних распустил между неприятелями слух, будто возвращается к Перекопу.

Между тем, 27 июня войско приблизилось к ханской столице Бахчисараю. Миних оставил большую часть войска с багажом, поручив начальство Шпигелю, сам с другою частью обошел горы, и русские на рассвете были под самым городом. Татары не ждали этого и чрезвычайно удивились, увидавши там русских в такую пору. Они напали на донских казаков и на Владимирский пехотный полк, успели принудить податься назад, и отняли одну пушку. Но когда подоспел генерал Лесли с пятью другими полками, татары тотчас бежали. Панический страх напал на всех жителей Бахчисарая. Они покинули свои дома, хватали с собой, что могли схватить, и бежали в горы.

В Бахчисарае в то время было две тысячи домов: треть их принадлежала христианам греческого происхождения. Русские все сожгли. Красивый ханский дворец, состоявший из многих зданий и окруженный садами, был обращен в пепел. Сгорел дом иезуитский с библиотекою. Сами иезуиты заранее ушли из города.

Расправившись с Бахчисараем, Миних 29 июня отвел свое войско на реку Альму. Туда прибыл и обоз, который шел с Минихом; на него нападали татары, но неудачно.

3 июля главнокомандующий отрядил генералов Измайлова и Магнуса Бирона с восемью тысячами солдат и двумя тысячами казаков на Акмечеть (ныне Симферополь), столицу Калги-салтана и его мурз. Русские не нашли ни души в городе: еще за два дня жители ушли оттуда. Русские ограбили все, что могли найти, и сожгли весь город, имевший тогда тысячу восьмьсот деревянных домов.

Миних намеревался идти на Кафу, самый богатый и многолюдный город на черноморском побережье. Этому воспротивились на военном совете все генералы.

Они представляли, что треть войска хворает, и многие до того ослабели, что не в состоянии далее двигаться, между тем на этом пути не представлялось впереди никаких надежд на доставку продовольствия людям и лошадям, так как татары, ожидая своих неприятелей, выжгли все окрестности Кафы на далекое пространство. Вдобавок усилилась жара. Миних должен был удержать свой воинственный задор и повернуть к Перекопу. Войско достигло Перекопа 17 июля и ко всеобщему удовольствию встретило генерала Аракчеева, который привез из Украины хлебные запасы, а с ним прибыли маркитанты и привезли большое количество вина и всякого съестного продовольствия. Итак, после многих трудов и лишений войско чувствовало изобилие. К умножению радости, пришло известие, что генерал-лейтенант Леонтьев взял Кинбурн, не потерявши ни одного человека: турки сдали его без боя и по капитуляции вышли из крепости в числе двух тысяч; двести пятьдесят христианских невольников, содержащихся в крепости, получили свободу. Русские в Кинбурне нашли много скота и овец. Миних приказал взорвать порохом перекопские укрепления и 28 июля двинулся в Украину. Татары не беспокоили возвращавшееся русское войско. Генерал Леонтьев присоединился к главному войску.

На берегу реки Самары Миних произвел смотр своему войску. Не было ни одного полка, где бы количество служащих достигало полного комплекта: в те времена полный комплект пехотного полка простирался до 1575 человек с включением офицеров, а комплект конного полка – 1231 человек. Налицо не оказалось теперь ни одного, где было бы более 600 человек. Между тем, достоверно было известно, что число убитых неприятелем не превышало двух тысяч. Войско умалилось от болезней и лишений. Много содействовала этому медленность кн. Трубецкого и неисправность комиссариата в доставке жизненных средств в пору. Но и сам фельдмаршал Миних обвинялся за то, что не жалел солдат своих, водил их во время летнего дневного зноя, не давал отдыха и слишком легко относился к недоставлению кн. Трубецким продовольствия, надеясь кормить войско за счет неприятельской страны. Поход в

Крым стоил России до тридцати тысяч человек. Противник Миниха, принц гессен-гамбургский, восстановил против него генералов, а от последних ропот на фельдмаршала переходил к штаб- и обер-офицерам и доходил даже до рядовых.

По прибытии в Украину Миних, в предупреждение татарских зимних набегов через лед днепровский в Гетманщину и Слободскую Украину, сделал распоряжение с первых заморозов рубить лед на реках и для этого употреблять солдат и сгонять народ. Это возбуждало ропот и между солдатами и жителями сел, да и не достигало цели, потому что в феврале 1737 года татары через Днепр у Келеберды ворвались в Украину; защищавший проход генерал Лесли был убит и много офицеров взято в плен.

Принц гессен-гамбургский не ограничился возбуждением против Миниха генералов его армии, а еще написал и послал на фельдмаршала донос герцогу Бирону, и хотя Бирон прислал этот донос самому Миниху, но при дворе он оставил неприятное впечатление. Этим не замедлили воспользоваться Миниховы недоброжелатели и завистники. Несмотря на то, что главный враг Миниха, обершталмейстер Левенвольд, умер, в самом кабинете желали унижить фельдмаршала: решили подвергнуть в военном совете обсуждению поступки Миниха и указать причины большой потери войска. Председательство в этом совете принадлежало фельдмаршалу Ласси, который во время Минихова похода в Крым через Перекоп, осаждая полтора месяца Азов, принудил его к сдаче и потом шел на соединение с Минихом, но, узнавши, что Миних уже возвращается, сам повернул в Слободскую Украину. Теперь ему поручалось разбирать действия своего товарища, в последнее время приобревшего такую славу и значение, что становился выше его. Ласси отклонил от себя такое поручение. Никем другим не был он заменен, и так следствие над поступками Миниха не производилось, а императрица Анна не только не показала Миниху своего неблаговоления, но еще наградила его поместьями в Украине, находившимися в распоряжении покойного Вейсбаха.

Весною 1737 года опять предпринят был поход против турок. Петербургское правительство заключило конвенцию с венским двором о взаимном действии войск против турок, произведен новый рекрутский набор – 40000 человек, сделаны распоряжения об устройстве магазинов, а в Брянске положено было на верфи строить плоскодонные суда для спуска их на Днепр.

В конце марта 1737 года генерал-фельдмаршал Миних дал ордер, чтобы все войско, которого число простиралось от 60 до 70 тысяч человек, было готово к походу через двадцать четыре часа по получении ордера. В начале апреля все вышли с квартир, где были на зиму поставлены. С конца апреля по 6 мая (н. с.) войско переправилось через Днепр в трех пунктах: у Переволочной, у Орлика и у Кременчуга. 3 июня (н. с.) все отделы соединились на реке Омельнике; с 25 (н. с.) июня по 2 июля (н. с.) армия переправилась через Буг. Желая скрыть свои настоящие намерения, Миних всем показывал вид, что направляется к Бендерам. Он таился даже от поляков, которые казались союзниками. Когда к генерал-фельдмаршалу приехал адъютант польского коронного гетмана Потоцкого, Миних, угощая его, предложил тост за счастливый успех русского оружия под Очаковым, и в то же время, в виде особого к нему доверия, сообщил предположенный маршрут к Бендерам.

Поляк, присланный затем, чтобы проведать, куда поведет свое войско Миних, находился в недоумении и не знал, что донести тем, которые дали ему поручение. Тем труднее было узнать о планах Миниха туркам. Они на всякий случай ждали его у Бендер, но послали значительное подкрепление к Очакову.

Миних ускорил свой поход и направлялся к Очакову, желая дойти туда ранее, чем неприятель успеет там собраться с силами. Но тяжелая артиллерия, боевые и съестные запасы следовали по воде, и этим заведовал все тот же князь Трубецкой, заявивший себя в прошлый поход нераспорядительностью. И теперь произошло то же. Когда Миних со всей армией уже приближался к Очакову, князя Трубецкого там не было, хотя он должен был прийти туда ранее

войска. Войско очутилось без фуража, без дров, без фашин, и леса кругом не было близко, чтобы достать необходимые принадлежности. Современники находили странной такую доверчивость Миниха к человеку, уже показавшему свою неспособность. Злые языки того времени приписывали причины снисходительности фельдмаршала к кн. Трубецкому вниманию к жене последнего, знаменитой красавице своего века. Князь Трубецкой впоследствии оправдывал себя тем, что в то лето на Днепре воды было мало и потому при перевозке через пороги потрачено было времени больше, чем бы в обычное время требовалось.

Подошедши к Очакову ночью с 10 на 11 (нов. ст.) июля и увидавши пожар предместий, зажженных, ввиду приближения русских, самим очаковским комендантом, утром 11 числа в лагере, расположившемся между устьем Днепра и Черным морем, Миних собрал военный совет и на нем заявил, что медлить нельзя, чтобы не дать неприятелю времени подвести к Очакову свежие силы, и надобно со всевозможной скоростью брать Очаков. Миних надеялся, что флотилия кн. Трубецкого придет скоро и войско не будет надолго поставлено в затруднительное положение.

Сперва думали рыть траншеи и насыпать редуты, но земля оказалась чрезмерно твердою. К счастью русских, около города были сады с земляными оградами. Русские обратили их себе в редуты. В одном таком саду поставили тяжелую артиллерию и начали метать бомбы, которые, лопаясь в крепости, производили там пожары. 13-го (н. с. или 2-го ст. ст.) июля за час до рассвета вспыхнуло пламя в том углу, где, как знали по плану, который заранее успел добыть себе Миних, находился пороховой магазин. Туда направили выстрелы.

Между тем, чтобы отвлечь осажденных и не дать им тушить пожар, Миних, в надежде выманить их в иную сторону, приказал начать общий приступ. На правом крыле командовали генералы Румянцев и Бирон, на левом – Кейт и Левендаль. Сам генерал-фельдмаршал подкреплял идущих на приступ, подвергая себя лично опасностям - под ним убита была лошадь. При нем неразлучно находился принц Антон-Ульрих брауншвейгский,



которого уже метили в женихи племяннице императрицы. Войско достигло рва шириною в 12 футов, отважнейшие спускались в него и оттуда напрасно пытались взобраться на противоположную сторону: поражаемые неприятельскими выстрелами сверху, они падали целыми грудями. Так прошло времени около двух часов. Не в силах будучи вскарабкаться, они стали отступать. Генерал Румянцев первый заметил, что огонь, произведенный русскими бомбами, близится к пороховому магазину, и опасаясь, чтобы взрыв не повредил осаждающим, дал знак к отступлению. Левое крыло увлеклось отступлением правого. Выскочило из крепости несколько сот турок и ударило на отступавших, многих перебили турки, а раненые не в силах были поспевать за другими: дело походило на бегство. Если бы сераскир и комендант очаковской крепости догадались и ударили всей силой на бегущих, выигрыш был бы на стороне турок, а русские принуждены были бы оставить осаду. Миних пришел в страшное волнение. Артиллерия поправила дело.

С ужасающим треском взлетел на воздух пороховой магазин, а вслед за тем показалось белое знамя, и к русскому главнокомандующему явился турецкий адъютант просить перемирия на несколько часов. Миних понял, в чем дело, отверг предложение и требовал, чтобы весь турецкий гарнизон сдался военнопленным в течение одного часа, иначе грозил никому не оказать пощады. Сераскир, между тем, пославши к Миниху этого адъютанта, затевал с частью гарнизона пробраться из крепости к морю и убежать, севши на турецкие галеры в то время, когда начнут составлять статьи капитуляции. Но его с бывшими при нем турками не допустили до моря русские гусары и казаки, вогнали в крепость, а за ними и сами туда ворвались и начали избивать турок. Тогда сераскир послал к генерал-фельдмаршалу другого адъютанта объявить, что сдается безусловно. Ворота крепости отворились; гарнизон положил оружие и был отведен военнопленным в русский лагерь. Около двухсот<sup>32</sup>, а по другому известию до двух тысяч<sup>33</sup> турок успели добраться до галер, но многие не могли туда попасть, потому что кормчие, увидя, что город взят русскими, поспешно снялись

с якоря и подняли паруса, а турки из Очакова, хотевшие уплыть с ними, бросились за судами вплавь и, ослабевши, потонули. Иные, прежде отвода гарнизона в плен, были заколоты ворвавшимися в крепость русскими. Семнадцать тысяч трупов турецких было погребено русскими 20 июля (н. с.). Большое число погибло их под развалинами разрушившихся стен и зданий. При взрыве порохового магазина погибло их более шести тысяч, а за этим взрывом загорелось еще два таких магазина, причем погибло немало и русских, бросившихся уже в покоренный город на грабеж. Из турецкого гарнизона, вначале состоявшего в числе двадцати тысяч, сдалось военнопленными только три тысячи пятьсот человек и в числе их – сераскир Яйа, очаковский комендант Мустафа-ага и триста офицеров. Несколько сот христианских невольников получили свободу, пятьдесят четыре грека вступили в русскую службу в гусары. У русских убито 68 офицеров и 987 рядовых с унтер-офицерами, а ранено около ста офицеров и 2703 рядовых.

Ожидая, что турки будут стараться отнять у русских Очаков, Миних приказал со всевозможнейшей скоростью исправить по возможности разрушенные стены, построить деревянные избы для жилья и снабдить город необходимыми средствами к жизни, намереваясь поместить в нем русский гарнизон. Он оставил в Очакове двенадцать пехотных батальонов, два драгунских полка и две тысячи казаков, назначив над всеми начальником генерала Бахметева, а всю остальную армию отвел за шестьдесят верст от Очакова, где 15 (26) июля присоединился к ней генерал Леонтьев, остававшийся в резерве с тяжелым обозом. Обоз, с которым следовал князь Трубецкой, продолжал плыть и разделился на две части: передняя достигла Очакова в августе, а задняя уже в сентябре. Поход очаковский совершился без него, как и прошлый год поход крымский.

Сообразно плану и инструкциям, Миних должен был теперь идти на Бендеры, но он узнал, что на всем пути до Бендер татары выжгли поле и невозможно будет иметь фуража; сверх того и войско российское умалилось: павших в битвах было сравнительно немного, – 11 060 человек солдат и 5000 казаков умерло во время похода от болезней, особенно от поноса и

скорбута. Немец приписывает эти болезни приверженности русских к постам, которая так велика, что даже разрешение св. синода употреблять в постные дни мясо на них не действовало. Гораздо вернее кажется нам, что нездоровью русских содействовало то, что в походах солдат ложился на сырой земле, и в войске недоставало врачей, хотя в каждой роте полагался хирург и подхирург, но из них очень мало сведущих; были, кроме того, фельдшера, но те умели только стричь и брить. Вообще во врачебные должности поступали по воле начальства, а не по учению. Набирали из простых рекрут людей, которые, по назначенному для них занятию, нуждались в предварительном обучении, а этого не было; начальство из рекрут определяло и в музыканты, хотя бы определяемый не имел ни подготовки, ни природных способностей к музыке. Подобный порядок был и в определении врачей. 1 (11) августа Миних перевел свое войско близ устья реки Чичаклея, впадающей в Буг, на другой берег Буга. 21 августа (1 сентября) он съездил в Очаков, осмотрел работы по укреплению Очакова и Кинбурна и, вместо Бахметева, отпросившегося по болезни в отставку, назначил комендантом генерала Штофельна, потом, воротившись к своей армии, повел ее в Малороссию, где расставил на зимних квартирах, а сам избрал своим местопребыванием Полтаву.

Во время похода Миниха к Очакову фельдмаршал Ласси с 40 000 войска совершил блистательный поход в Крым через Сиваш вброд, к удивлению и своих генералов, и неприятеля: и те, и другие почитали такое дело невозможным. Он прогнал хана, думавшего загородить ему путь, взял и разорил город Карасубазар, в котором было до 6000 домов, распустил отряды, истребившие до тысячи татарских деревень и набравшие много скота и овец, и вернулся на Молочные Воды, а оттуда в октябре перешел в Слободскую Украину, где расположил свое войско по берегам Донца и его притоков.

Взятие Очакова произвело в Константинополе волнение и страх. Сменили великого визиря, на его место назначили бывшего бендерского сераскира, а новому бендерскому сераскиру Генц-Оли-паше разом с татарским ханом велено

добывать Очаков. Миних, услышавши об этом, послал туда подкрепление, но Штофельн, не дождавшись от главнокомандующего вспоможения, заставил турок снять осаду. Очаков, находясь в руках покоривших его русских, продолжал пребывать в разорении; недоставало строительных материалов; судоходный подвоз всего необходимого происходил медленно. Между людьми, составлявшими гарнизон, появились смертоносные болезни от массы гниющих трупов, и людских, и скотских. Число солдат из восьми тысяч, оставленных там генерал-фельдмаршалом, осталось только пять тысяч, да и из тех до тысячи человек было больных и неспособных к бою. С войском в таком положении пришлось Штофельну встретить турок, появившихся 29 октября (н. с.). Они беспрестанно палили и метали бомбы в крепость; русские оборонялись упорно и деятельно, терпя всевозможные лишения: большая часть их должна была постоянно находиться под открытым небом в дождливую и сырую погоду за недостатком помещений. Но и положение турок было малым легче: их мучила осенняя дождливая погода, распространялись болезни и смертность, пропадала отвага. Десять тысяч их бежало, несмотря на то, что за побеги грозили им смертью и нескольким пойманным беглецам отрубили головы на страх прочим. Наконец, 10 ноября (н. с.) они все ушли от Очакова, покинув в добычу русских свой огнестрельный запас.

При Минихе во время очаковского похода был австрийский резидент или военный агент, посланный для наблюдения за ходом войны, подобно тому, как такое же лицо находилось со стороны России при войске имперском. Австрийский агент, по прозвищу Беренклау, писал к своим донесения с резкими суждениями о русском войске, замечая, что русские солдаты храбры и выносливы, но русские генералы таковы, что годятся быть разве капитанами. Миниху досталось в руки это донесение, и он сильно раздражился не только против Беренклау, но и вообще против Австрии, которую и раньше недолюбливал. С таким неприязненным чувством он отнесся неодобрительно к предложению Австрии послать русские военные силы в Венгрию для совместного действия с

австрийскими войсками против турок. Миних находил, что России лучше вести войну отдельно от Австрии и начать взятием Хотина и Бендер и покорением Молдавии.

Миниха мнение очень уважали, в особенности после двух его блестящих победоносных походов. По его плану начался новый поход в 1738 году. Армия в 50000, включая в то число и казаков, перешла Днепр у Переволочной и направилась к пределам турецких владений. Турки думали остановить ход русского войска на переправах через реки Кодыму и Саврань, но безуспешно. Начался вслед за тем утомительный поход по безводной степи, пагубный для лошадей, скота и самих людей. С большими затруднениями дошел Миних до Днестра и в начале августа стал лицом к лицу с турецким войском, расположенным на другом берегу. Переправа была неудобна. Миних двинулся вдоль берега. Турки думали, что он ищет места для переправы, но Миних на этот раз нашел уместным приостановить дальнейшее движение; в Молдавии свирепствовала зараза: вести туда армию было бы до крайности безрассудно. Миних отступил за Буг и расположил свое войско на зимних квартирах в Малороссии.

Австрийский посол в Петербурге Ботта старался представить последний поход Миниха в неблагоприятном свете, доказывал, что Миниху было возможно продолжать военные действия, и он довел петербургское правительство до того, что Миниху послан был указ идти далее и взять Бендеры и Хотин. Миних в согласии с военным советом представлял, что идти в Молдавию и Валахию было невозможно, иначе он погубил бы все войско напрасно, и ничего теперь до следующей весны предпринимать не следует.

Также бесплодна была военная деятельность фельдмаршала Ласси; в том же году Ласси должен был взять Кафу, но не мог до нее добраться, потому что окрестный край был так опустошен, что русские не могли найти ни себе пристанища, ни фуража для лошадей. Притом флотилия, которая выступала из Азова с целью доставлять провиант сухопутному войску, была разбита бурей. Ласси в октябре воротился в Слободскую Украину, ничего не сделавши.

Зимою татары, в отместку русским, сделали набег, направляясь на придонецкий край, но не успели прорвать украинской линии: только рассеянные татарские загоны сожгли несколько деревень.

В марте 1739 года Миних прибыл из Петербурга в Украину к своему войску. Он намеревался в этот год совершить поход через польские области и потому назначил сборный пункт в Киеве. Но как войско расставлено было на широком пространстве, то некоторые части его квартировали далеко и могли явиться на сборное место не ранее начала июня. Во всем войске было тогда шестьдесят пять тысяч человек, другие простирают число его (считая 13000 казаков) до 78 000. Они находились под командою генералов Румянцева, Карла и Густава Биронов, братьев любимца, Левендаля, заведовавшего артиллерией, принца Голштейна, кн. Репнина, Хрущева, Фермера, Бахметева и других. Перешедши Днепр, войско двинулось разными колоннами чрез Васильков. Польский коронный гетман учредил из местной шляхты милицию для наблюдения, чтоб не допускать русских совершать бесчинств и оскорблений жителям.

Миних, как и в предшествовавшие походы, старался поступать так, чтобы неприятели не могли узнать – каким путем он пойдет, и теперь пустил слух, что хочет идти на Бендеры. По этому слуху командир турецкой армии, сераскир Вели-паша простоял у Бендер напрасно пятнадцать дней, а потом, услышавши, что русское войско подходит к реке Збручу, отправился туда препятствовать переходу русских через Днестр. Но Миних, объявлявший всем, что намерен там переходить Днестр и идти на Хотин, не думал на самом деле совершать перехода в этом месте по причине крутых берегов, а оставил там лагерь с частью армии; сам же с двадцатью тысячами пошел искать другой переправы, приказавши каждому солдату взять с собой хлеба на шесть дней. Он нашел удобную переправу близ польской деревни Синковцы, отстоявшей от Хотина верст на сорок. Мосты для переправы армии поспели в одну ночь, и отряд, шедший с Минихом, весь перешел благополучно. Турки из-под Хотина не могли поспеть, чтобы

препятствовать переправе за утесистыми горами и ущельями, находившимися на их пути. Остальная русская армия шла к той же переправе, отделяясь от татарских нападений и замедляясь, кроме того, дождливой погодой. Она дошла до Синковец только 7 августа н.с. и нашла мосты, устроенные русскими, уже сорванными от напора воды, так что не без труда пришлось русским собирать бревна и доски, часть которых была унесена водою до самого Хотина. Только 15 августа (н.с.) переправились русские и за собою истребили мосты совершенно.

Тогда сераскир Вели-паша замыслил заманить русского военачальника с его войском внутрь турецкой страны и, окружив со всех сторон, погубить вконец. У сераскира было тридцать тысяч. Будучи уверен в превосходстве своих сил перед русскими, сераскир не задумался оставить незанятым и свободным для русского войска проход через Перекопские теснины, которые уподоблялись древним Фермопилам: говорили, что там десять человек могут остановить многотысячное войско. Но у русских были благоприятели между турецкими подданными: то были молдаване и валахи; они сообщили русским о незанятом проходе. Их так много являлось к Миниху с изъявлением готовности служить русской императрице, что генерал-фельдмаршал составил из них целый полк, назначив над ним командиром сына бывшего молдавского господаря, Кантемира. Эти-то союзники, связанные с русскими одною верою, показали им дорогу, и русские не только прошли удобно через тесный путь, но и провели туда всю тяжелую артиллерию и багаж. Войско очутилось на просторной равнине. Вели-паша не только не раскаялся в своей оплошности, напротив, был очень доволен, думая, что теперь-то может легко взять в полон всю русскую армию. 16 (27) августа русское войско стояло лицом к лицу с турецким. Впереди стоял Вели-паша на высоком месте у деревни Ставучан, в стане, укрепленном батареями. Влево от русских расположился хотинский паша Кальчак с серденгестами (т. е. беспощадными); он был прикрыт лесами и неприступными горами. Вправо стоял Енч-Али-паша с турецкой кавалерией или спагами: его войско

упиралось сбоку в горы, которые тянулись до реки Прута. Позади русских стоял хан Ислам-Гирей с белгородскою ордою. Неприятели замкнули русских со всех сторон. Русские устроились тремя четвероугольниками и отбивались от нападений успешно. Но им невозможно было добывать фураж и даже выпускать лошадей и скот пастись. Положение наступало ужасное, почти такое же, как при Петре на берегах Прута. Приходилось либо сдаваться, либо отчаянно пытаться вырваться. Миних, окинув глазами неприятельский стан, заметил, что протекавшая влево от неприятельского стана болотистая речка<sup>34</sup> не так непроходима, как полагали турки, оставившие эту сторону без укреплений, в уверенности, что сама природа защищает их там достаточно; Миних сообразил, что туда возможно пройти, поместивши по болоту фашины и построивши на речке мосты. И вот, Миних дает приказ отряду (состоявшему из шести пехотных полков, двух драгунских, четырехсот пикинеров и несколько легкой кавалерии), под начальством генералов Левендаля и двух Биронов, идти вправо; там начинают возводить батареи, везут туда тридцать пушек и четыре мортиры, начинается усиленная пальба и пушечная, и ружейная, и все это делается только с тем, чтоб завлечь туда турок и отвлечь их внимание от другого конца. Между тем, в то же время влево везут фашины, бревна, доски, гатят болото, наводят мосты; турки не понимают этого движения и сосредоточивают свои усилия на том конце, где русские палят и напирают; турки допускают до того, что русские навели на речке двадцать семь мостов, проложили себе дорогу через болото и очутились при подошве возвышения, на котором располагался главный турецкий стан сераскира. В два часа пополудни турецкая конница сделала на них нападение, но была отбита. Русские идут все выше и выше, все ближе и ближе к неприятельскому стану. В пять часов сделали на русских нападение янычары; они порывались свирепо, но их также прогнали ружейными и пушечными выстрелами. В семь часов русские были уже на высотах, но не застали там уже никого, только пылал турецкий лагерь. Все турки обратились в бегство, покинувши сорок восемь орудий, больше тысячи разбитых



шатров и большое количество запаса как боевого, так и продовольственного. На поле лежало более тысячи турецких трупов. Русские потеряли в этот день только семьдесят человек.

Победа была полная и неслыханная, так как она была первая битва русских с турками в открытом поле. На другой день утром победитель двинулся скорым маршем с тридцатью тысячами своего войска к Хотину. Туда уже успел принести роковое известие сам хотинский губернатор Кальчак-паша, растерявши свой десяти тысячный хотинский гарнизон на Славчанском поле. Всей вооруженной силы в Хотине оставалось только девятьсот человек; Кальчак-паша считал невозможным защищаться и послал к русскому главнокомандующему предложение сдаться на капитуляцию. Миних отвечал, что не хочет знать ни о какой капитуляции, и требовал, чтоб гарнизон сдался военнопленным; он позволял только отправить в Турцию женщин, находившихся в крепости. Кальчак-паша согласился на все. Только он один отправил свой гарем. Прочие оставили своих жен с собою и последовали с ними в плен. Генерал Хрущев сделан был комендантом Хотина, который тогда достался русским с превосходными укреплениями и со 179 орудиями.

Сентября 9 и 10 н. с. русские перешли Прут. Молдавский господарь Гика бежал перед сыном бывшего господаря Димитрия Кантемира, лишенного Турцией власти за приверженность к России. Гика убежал из Ясс так поспешно, что покинул и знамена, и орудия, и свой бунчук – знак власти, дарованный ему от султана. Миних послал вперед к Яссам Кантемира с трехтысячным отрядом волохов, драгунов и гусар, а сам следовал за ним. Депутаты от молдавских бояр явились к генерал-фельдмаршалу с покорностью и просили принять Молдавию в подданство России. Миних обнадежил их благосклонностью императрицы. После того 14 сент. н. с. он заключил с боярами договор: бояре обещали содержать двадцать тысяч российского войска. Предположили укрепить Яссы, и с этой целью Миних обозрел местность и составил план крепости: бояре обещали содержать несколько тысяч пионеров,

которые возьмутся за эту работу. Генерал-фельдмаршал оставил в Яссах русский гарнизон под начальством генерал-майора Шипова, а сам отправился к своей армии.

Миних намеревался идти на Бендеры и покорить буджацких татар, затем у него был план перейти Дунай и вступить в средину Турецкой империи. В его воображении рисовалась уже надежда покорить Константинополь и разрушить владычество оттоманское в Европе. Вместе с тем, он мечтал и о собственном возвеличении. Радужный прием в Яссах, оказанный ему молдавскими боярами, ободрял его: Миниху мерещилась уже возможность сделаться господаром или князем молдавским в подданстве русской императрице, точно так как Бирон, камергер государыни, сделался уже герцогом кур-ляндским.

Неожиданное для него событие прервало все его намерения и надежды.

Австрийские войска, воевавшие с турками, далеко не были так счастливы, как русские. Они терпели поражения за поражениями и, наконец, генерал Нейперг, имевший полномочие заключить с неприятелем мир, если найдет это необходимым, воспользовался своим правом и заключил с великим визирем договор, которым император возвращал Турции все сделанные его войсками приобретения и в числе их укрепленный Белград, где еще держался австрийский гарнизон. Известие об этом как снег на голову неожиданно смутило русского фельдмаршала, который только и помышлял, что о новых военных подвигах против турок совместно с австрийскими войсками. Миних написал сообщившему известие о мире австрийскому генералу Лобковицу письмо резкое и справедливое: он указывал в нем, что мир, заключенный с турками среди полных успехов русского оружия, до крайности невыгоден для интересов самой Римской империи и несовместим с тем уважением к российской императрице, на которое последняя, как союзница, имела право. Действительно, австрийцы слишком мало заботились об уважении к России. Когда находившийся при австрийском войске русской службы полковник Броун спросил генерала австрийского Нейперга: «Не поставлено ли в белградском договоре условий, касающихся

России?», то получил такой ответ: «Мы для России и так много сделали в настоящую войну». Это была вопиющая неправда, так как в течение всей войны русские войска одерживали блестящие победы, а имперские терпели поражения, – потому что в политике императора, как и в штабе войска, происходил беспорядок: бывший перед тем главнокомандующий Валлис должен был, по воле императора, передать свое полномочие на заключение мира генералу Нейпергу и, оскорбленный этим, старался всякими путями вредить своему сопернику, а генералы его партии – генералам партии Нейперга; Нейперг имел неблагоразумие поехать в неприятельский стан, не взявши заложников, а Валлис умышленно не допустил до него в пору императорского курьера, который вез императорское предписание не заключать мира с условием сдачи туркам Белграда. Поставивши себя заранее в невыгодное положение своей неуместной поездкой в турецкий стан и отдавшись на волю посредника, французского посла, мирволившего туркам, Нейперг, не получив нового императорского предписания, должен был уступить требованиям верховного визиря, который не хотел слышать о мире без возврата Белграда. Император Карл VI, уведомляя письмом русскую государыню о заключенном мире, выражался, что он со слезами на глазах извещает об этом мире с великим визирем, но этот мир он должен теперь сохранять ради сдержания данного слова. Нейперг получал секретные инструкции об этом мире не от императора, а от его зятя, герцога Лотарингского, будущего императора Франца I, и от главного министра Цинцендорфа; заключая с визирем договор, Нейперг говорил: «Многие подумают, что мне за такой договор, по возвращении в Вену, снимут голову, но я этого нимало не боюсь!» И действительно, сдавши туркам Белград, который мог еще долго сопротивляться, Нейперг, хотя и был арестован, но не подвергся дальнейшему преследованию благодаря протекции сильной стороны в государстве. Сам император Карл VI был им очень недоволен и выражался, что если б у него были такие полководцы, как Миних, то ему не пришлось бы заключать такого постыдного мира.

Французский посланник в Константинополе де Вильнёв также сильно и искусно хлопотал о прекращении войны между Россией и Турцией. Он казался благожелателем России, но на самом деле действовал в тайных видах своего правительства. Франция, да не только Франция, но и вся Европа смотрели с завистью на возвышение России. С таким храбрым и устойчивым войском, каким было русское войско, с таким отважным и предприимчивым полководцем, как Миних, Россия могла овладеть Константинополем, утвердить свое могущество на Балканском полуострове и захватить в свое распоряжение всю восточную торговлю. Этого не хотели допустить, а этого, однако, боялись ввиду подвигов и дарований Миниха: недаром взятый им в плен турецкий паша говорил, что если б у турок был такой генерал как Миних, то война бы для Турции кончилась иначе! По соображениям Миниха, Россия могла еще вести войну одна, без содействия Австрии; но не так решили наверху. Австрийское правительство давно уже советовало прекратить войну и положиться на посредство французского посланника в Константинополе, и эти советы имели успех еще в мае 1738 года. Остерману, по просьбе французского короля и по внушению австрийского двора, императрица повелела послать Вильнёву полномочие действовать со стороны России в случае заключения мира с Турцией. Для сношения с Вильнёвом избрали итальянца Каньони (или Канжони), бывшего в России советником в камер-коллегии: он повез от императрицы Вильнёву орден Св. Андрея, осыпанный бриллиантами, а супруге его какие-то драгоценные вещи. Миних в своих записках говорит, что Остерман не мог воспрепятствовать посылке от императрицы полномочия Вильнёву, давая тем как бы знать, что Остерман сам не был расположен к такой доверчивости; а Шлоссер в своей Истории XVIII века говорит, что этот итальянец, пользовавшийся доверенностью императрицы, отправившись к французскому посланнику, был подкуплен последним<sup>35</sup>. Историк, написавший специальное сочинение об этой войне, замечает, что тогда с обеих сторон давались деньги и таким образом уладились все препятствия и недоразумения<sup>36</sup>.

Мирный договор составил 7 октября 1738 года. Азов уничтожился. Пустое место, где прежде был построен этот город, служило теперь барьером между русскими и турецкими границами. Русские оставили за собою право построить себе крепость на донском острове, где Черкасск, а турки – крепость на кубанской стороне в расстоянии тридцати верст от Азова. Таганрог русские обязались не возобновлять. Очаков и Хотин возвращались Турции. Однако России давалось некоторое территориальное приобретение. На западной стороне от Днепра рубеж с Турцией оставлен был по-прежнему, но на восточной стороне пограничная линия изменялась: «начав от востока или начала реки Заливы Конские Воды имеет ведена быть прямая линия до западного истока или начала реки Большой Берды и все земли и воды, лежащие внутри между помянутыми реками: Днепром, Заливою Конских Вод, помянутой линией и рекой Большой Берды, Оттоманской империи остаться имеют, а все те земли и воды, лежащие по другой стороне, то есть вне помянутых рек или линий Всероссийской Империи да останутся, изъяв... что касается до земли, лежащей между помянутой рекой Большой Берды даже до реки Миуса, границы таким образом определены да пребудут как они поставлены были мирным трактатом 1700 г.»<sup>37</sup>.

Миних еще в 1738 году получил от императрицы на пергамене полномочие заключить мир с неприятелем, когда найдет нужным, но не хотел пользоваться, подобно Нейпергу, своим полномочием, хотя долго хвалился этим документом, как доказательством большого доверия к нему со стороны императрицы. Еще менее мог желать он им воспользоваться после счастливых для России военных действий 1739 г. Получивши известие о заключении в Белграде мира союзниками России, он думал, что Россия одна без союзников в силах будет продолжать войну, и хотел в том убедить верховную власть, а потому расставил свои войска в Молдавии. Но в октябре он получил предписание вывести войско в пределы российских владений. Он перевел его через Днестр и вернулся в Украину. В ноябре генерал Левендаль сдал Хотин турецкому паше,

присланному от своего правительства для обратного приема крепости в турецкое владение.

Миних прибыл в Петербург накануне 14 февраля, дня, назначенного для торжества в честь заключения мира. Русское правительство не могло быть втайне довольным этим миром после недавних успехов русского оружия, но должно было показывать радость, так как мир был заключен по желанию России, заявленному в прошлом 1738 году. Утром 14 февраля отправлялся во всех столичных церквях благодарственный молебен об окончании войны. Герольды разъезжали по улицам и бросали в народ золотые и серебряные жетоны; в дворцовой галерее были принимаемы императрицей и членами царской семьи все участники войны, начиная от фельдмаршалов Миниха и Ласси и кончая обер-офицерами и унтер-офицерами; посыпались награды; всех щедрее был награжден Бирон, который не только не участвовал в войне, но, вероятно, много содействовал заключению мира, так как он имел неограниченное влияние на государыню, руководил всеми ее действиями и вместе с тем находился сам под влиянием австрийской политики: ему подарили золотой, осыпанный бриллиантами кубок, в который вложен был императорский указ в рентерею о выдаче герцогу курляндскому пятисот тысяч рублей; Миних, Ласси и все их генералы получили по золотой шпаге, сверх того Миниху дали ежегодной пенсии 5000 р., а Ласси – 3000 р., кабинет-министр Волынский получил единовременно 20000 р., Левенвольд и кн. Черкасский – перстни от 5 до 6 тысяч рублей ценой, а генерал Ушаков, начальник тайной канцелярии, портрет государыни ценой от трех до четырех тысяч рублей. В этот же день всеобщего торжества объявлено всему народу освобождение от взноса подушных денег на следующее за тем полугодие. Многим знатным лицам, в ознаменование радости торжества, дозволено было брать из казны заимообразно деньги без процентов. На другой день императрица собственноручно раздавала знатным лицам медали, нарочно на тот случай отчеканенные, большие в 50, а меньшие в 30 червонцев; народу снова разбрасывали жетоны. Тогда все царские придворные

были щедро одарены: даже служитель, ходивший за любимой собачонкой государыни, получил три тысячи рублей. Императрица из окон своего дворца любовалась зрелищем, как народ по данному сигналу кидался на жареного быка, выставленного на площади, и черпал водку, струившуюся фонтаном в большие бассейны.

Среди всеобщего ликования одна душа не разделяла его, душа человека – виновника торжества, фельдмаршала Миниха. Он видел, что другие торжествуют то, что для него было утратой. Идея, волновавшая Европу уже третье столетие, готова была осуществиться: наступало, казалось, время разрешения задачи, брошенной Европе Азией еще в XV веке, и разрешителем ее судьба избирала его, Миниха! Сколько раз толковали европейские политики об изгнании турок из Европы, о восстановлении свободной христианской государственной жизни на Балканском полуострове! Но взаимные недоразумения христианских держав между собою препятствовали им соединиться для взаимно сознаваемой цели. Теперь, казалось, близко было разрешение задачи. В дальнейших успехах русского войска, предводимого Минихом, едва ли можно было сомневаться, как и в невозможности турецким силам бороться против русских. Кроме того, для удовлетворения личных выгод предстояли великие надежды честолюбию Миниха. Молдавия добровольно отдавалась в распоряжение русской государыни; победитель турок надеялся сделаться господаром молдавским под верховной властью России, точно так, как прежние господари признавали над собою верховную власть Оттоманской державы. Мечты Миниха внезапно разрушились. Потерял он свои честолюбивые надежды; потеряла с ним разом и Россия. Не только ускользнуло от нее чаемое господство на Востоке, но опасности угрожали ей еще с Запада. Коварные друзья и тайные недруги готовились вредить ей. Они могли тогда уразуметь, что у руководящих судьбой России нет политической проницательности, что при самых блестящих успехах русского войска русское государство всегда может остаться в проигрыше по бездарности и невежественности тех, от которых зависит ведение дипломатических сношений.

Во время своих походов Миних не оставлял военного управления, тем более, что по зимам он проводил значительную часть времени в Петербурге. Таким образом, в период его воинских действий против турок совершенно было немало важного по военному ведомству.

Одним из наиболее видных явлений этого рода было устройство постоянных помещений для гвардейских солдат в Петербурге. По возвращении фельдмаршала в столицу уже после окончания войны, Миних, в видах заботливости о подчиненных ему офицерах, испросил у государыни указ, дозволявший выходить в отставку прослужившим двадцать лет; но когда стали рассматривать поступившие прошения об отставке, то заметили, что многие, будучи еще молоды и здоровы, просили об увольнении от службы, как прослужившие уже определенное число лет, а это происходило оттого, что, по тогдашним обычаям, дворян записывали в военную службу еще в детстве, иных даже тогда, когда они еще лежали в колыбели. Тогда Миних сам принужден был просить об отмене этого указа, а другие кабинет-министры делали ему выговоры, что очень огорчало фельдмаршала, всегда чувствительного, когда оскорблялось его самолюбие.

Между тем, едва окончилась турецкая война, как стали возникать опасения объявления войны со стороны Швеции. В этой стране постоянно происходили раздоры между правительственными партиями. Одна из них, носившая кличку партии шляп, думала о возмездии России за недавнее поражение, нанесенное Петром Великим; другая, которую прозвали партией шапок или колпаков – хотела сохранить мир с Россией и вообще избегать войны.

На стороне мира был и сам тогдашний король. Но воинствующая партия, руководимая французскими внушениями, находившая себе опору вообще в туземной молодежи, думала, что Швеции следует вмешаться в войну, возникшую между Россией и Турцией во вред России, и отправила в Турцию тайным агентом с депешами шведского майора Синклера.

Об этом заблаговременно проведал русский посланник в Стокгольме Бестужев и сообщил своему правительству. Русские



снеслись с польским правительством и предположили задержать Синклера, когда он будет следовать через польские владения, и отнять у него депеши, с которыми он ездил в Турцию. Получившие такое поручение капитан Кутлер и поручик Левицкий напали на дороге на Синклера, ехавшего вместе с французским купцом, заманили его в лес, застрелили и отняли бумаги. В какой степени принимал участие в этом деле сам Миних – неизвестно, хотя по предписанию верховного правительства он отрядил офицеров арестовать Синклера и овладеть его бумагами, но приказывал ли убить его – на это нет доказательств. Русское правительство отреклось от всякого участия в этом деле, а офицеры, расправившиеся с Синклером, были сосланы в Сибирь. Была у некоторых мысль – взвалить всю ответственность в этом поступке на Миниха, так как он имел от императрицы полномочие во всем действовать по своему усмотрению и у него были открытые бланки с подписом. Как бы то ни было, только после этого события шведы энергичнее стали раздувать в своем обществе вражду к России и делать приготовления к войне с нею. Об этом сообщал в Петербург русский посланник из Стокгольма, и Россия, со своей стороны, должна была заботиться об обороне. Миних сам отправился обозревать укрепления Кронштадта, Шлиссельбурга, Кексгольма. Царским указом было повелено распределить по полкам и снарядить к работам солдат, а в помощь им выписать из Ярославля каменщиков по вольным наймам. В таких работах проходило лето 1740 года.

Между тем, в октябре произошло внезапное, хотя и не совсем неожиданное событие. 5 числа этого месяца императрица, незадолго возвратившаяся в столицу из летнего пребывания в Петергофе, по своему обыкновению, в полдень обедала вместе со своим неразлучным любимцем Бироном. Вдруг с нею сделался болезненный припадок – тошнота, головокружение, рвота и, наконец, лишение всех сил: она упала без сознания; ее унесли и уложили в постель. Уже несколько лет она страдала болезнью в мочевых органах, но таких припадков, как теперь, с ней не бывало. Призваны были врачи: архиатер Фишер и придворный врач Рибейра Санхец,

португалец по происхождению. Они различно отнеслись к болезни императрицы. Первый внушительно сказал, что, вероятно, Европе скоро придется надеть траур; второй, напротив, не признавал, чтобы случившийся с государыней припадок имел роковые последствия. Бирон послал своего сына известить о случившемся принцессу Анну. Принцесса не приняла его, а ее фрейлина и любимица Юлиана Менгден передала ему, что принцесса очень огорчена болезнью императрицы и постарается сама навестить свою тетку.

Тогда же Бирон позвал обер-гофмаршала, графа Левенвольда. «Императрице дурно, – сказал он, – поезжайте скорее от имени императрицы к Остерману, сообщите ему, что случилось, и спросите, что он посоветует нам делать?» – «Надобно позвать кабинет-министров», – сказал Левенвольд и уехал к Остерману.

Хитрый дипломат когда-то удачно и кстати притворялся больным, когда при воцарении Анны Ивановны шел вопрос об ограничении самодержавной власти; теперь он снова был почти в таком же щекотливом положении, но ему притворяться необходимости не предстояло: он уже пять лет действительно страдал подагрой, с трудом ступал на ноги и почти не выходил из дома.

Отправивши Левенвольда, сам Бирон пошел к государыне.

Больная пришла в себя, но была очень слаба.

– Мне дурно, герцог, – сказала она, – чуть ли не приходит мой последний час! Я покорна Божьей воле! Но что после меня станет с империей – подумать страшно! Мне поставят в вину стечение обстоятельств, в каких я оставляю Россию!

– Бог будет милостив, – сказал Бирон. – Не тревожьте себя, государыня, думами о судьбе России, потому что всякое волнение усиливает вашу болезнь. Все земное управляется волей Провидения!

– Правда, – сказала государыня, – позовите министров и слушайте, что они будут говорить!

– Они должны явиться сюда скоро в ожидании куртага, потому что сегодня воскресенье, – сказал герцог. – Как только соберутся, мы тотчас приступим к совещанию.

– Пошлите к Остерману! – сказала государыня. – Дали ли знать принцессе?

Бирон отвечал, что то и другое сделано. В это время вошла в опочивальню государыни принцесса Анна. Бирон вышел и встретил Левенвольда, воротившегося от Остермана.

Когда обер-гофмаршал сообщил Остерману о припадке с государыней, Остерман произнес: «Боже, сохрани ее величество!» Но когда вслед за тем Левенвольд спрашивал: что делать на случай смерти императрицы, Остерман отвечал: «Я думаю, ее величество не изменит своей прежней воли. Еще до брака принцессы Анны она объявляла, что желает учинить своим наследником сына, когда тот родится от принцессы Анны. Теперь этот сын рожден. Надобно составить манифест, провозглашающий Ивана Антоновича будущим императором».

– Но преемник императрицы еще в колыбели, – сказал Левенвольд... – Следует установить правительство до его совершеннолетия!

– Я не знаю, – отвечал Остерман, – какая в том будет воля ее величества. Но мне кажется, сама природа тут указывает: у малолетнего императора есть мать; она и будет правительницей, только при ней надобно будет учредить совет, а в числе членов этого верховного совета может быть герцог курляндский.

Этот ответ не понравился Бирону, когда его передал ему Левенвольд. Любимец думал, что Остерман будет подogaдливее и сразу скажет, что регентом следует назначить его, Бирона. Но дипломат хотел уклониться до поры до времени и выждать, что скажут другие: ему самому не хотелось являться первым в таком предприятии, которое может и не удался.

Бирон, недовольный двусмысленным ответом Остермана, произнес: «Какой совет может быть там, где много голов? У каждой головы своя собственная мысль!»

Его снова позвали к императрице; он сообщил ей ответ Остермана, императрица похвалила Остермана и говорила:

– Я хочу все устроить, что только будет зависеть от меня. Остальное – в воле Божьей! Знаю, что оставляю императора-младенца в грустном положении. Ни он сам, ни его родители не

способны совершить что-нибудь. Отец – человек без дарований и не может служить поддержкой малолетнему сыну. Мать-принцесса – не глупа, но у нее есть отец, герцог мекленбургский – тиран своих подданных. Он явится в Россию и здесь начнет поступать так, как поступал в своем мекленбургском владении. Память моя покроется позором! Нет, ни отец, ни мать не годятся, чтоб государством править!

Бирон успокаивал государыню, но что говорилось у него с императрицей по вопросу об управлении государством во время малолетства будущего императора – это остается неизвестным, потому что свидетелем их тогдашней беседы не был никто.

Вышедши из опочивальни императрицы, любимец увидался с Бестужевым, Черкасским и Минихом. Неизвестно наверно, посылал ли за ними Бирон или они сами явились к куртагу: тогда при дворе сходились вельможи к государыне на куртаги по воскресеньям и четвергам.

Любимец передал им, что императрица твердо стоит на прежней своей воле – объявить наследником своим сына принцессы Анны, но не считает обоих его родителей способными управлять государством. Бирон просил их съездить к Остерману и услышать от него мнение о том, как следует поступать в такие критические минуты.

Князь Черкасский и Бестужев поехали к Остерману, севши вместе в одной карете; Миних отправился туда же впереди их в особом экипаже. Дорогой Бестужев и Черкасский разговаривали между собой о событиях дня и оба сходились на той мысли, что надобно предложить регентство герцогу курляндскому. Приехавши к Остерману, они не скоро могли добиться от него желательного для себя ответа. О наследстве Ивана Антоновича он не пускался в рассуждения. «Государыня, – сказал он, – назначает своим преемником внука, сына своей племянницы, принцессы Анны, а воля самодержавной государыни есть закон. Итак, необходимо составить манифест об объявлении преемником императрицы Анны Ивановны принца Ивана Антоновича и об учинении ему присяги на верность».

Но заговорили о том, кому поручить правление до совершеннолетия будущего императора, и Остерман сказал:

– Дай Господи государыне моей много лет здравствовать! Мы сейчас напишем манифест о престолонаследии, а о регентстве – это дело другое. Дело важное – надобно подумать! Этот вопрос может быть решен только природными русскими! Я иноземец, и мне такое решение не под стать!

Бестужев, видя, что Остерман отвиливает, сказал: «Странно, граф, что вы себя называете иноземцем, когда вы так долго занимали первую должность в Российском государстве и правили всеми государственными делами!.. Вы более русский, чем двадцать тысяч других, называющих себя русскими по происхождению. Мы не затем к вам приехали, чтобы навязывать вам чужое мнение, а затем, чтоб слышать ваше собственное от вас самих. Без этого нам и пользы нет от участия в наших совещаниях».

Остерман начал объяснять, что его слов не поняли и, по своему обыкновению, вывертывался так, что, по неясности способа его выражения, слушавшие не могли уразуметь, что он сказать хочет. Когда его, как говорится, уже приперли к стенке, а он должен был так или иначе высказаться, что думает о предоставлении регентства Бирону, Остерман произнес, что, по его личному убеждению, регентство не должно быть в более достойных руках, как у герцога, и его избрание в этот сан было бы самой благоразумной мерой. Но тем и ограничился Остерман, всегда в важных делах выражавшийся темно и нерешительно. Кабинет-министры уехали от него, не добившись того, за чем приезжали. Немедленно после их отъезда Остерман пригласил кабинет-секретаря Яковлева и продиктовал ему проект манифеста о престолонаследии... Еще этот манифест не был готов, как из дворца уже присылали за ним, и Остерман принужден был отослать его написанным вчерне.

Воротившись от Остермана, кабинет-министры явились к Бирону. Они известили его, что Остерман сейчас принимается за манифест, а о регентстве говорит, что с ним торопиться нечего, и следует подумать. Пришел Левенвольд. Тогда Бирон произнес перед ними такую речь:

– Великое несчастье меня постигает, господа. Я теряю государыню благодетельницу, которая почтила меня неизмеримой милостью и доверенностью. После нее чего доброго мне ждать здесь в России, кроме неблагодарности и ненависти к себе! Но я беспокоюсь не так о себе, как о Российской империи, а я долго, по мере сил своих, способствовал ее благосостоянию. Наследник престола – восьминедельный младенец в колыбели, его назначение еще не оглашено, и кто знает, как отнесется к нему народ, который в прежние времена бывал недоволен в малолетство государя! А ныне вон какие обстоятельства! Шведы не перестают вооружаться и, конечно, воспользуются худым положением России, когда в ней откроются несогласия и беспорядки. России нужно такое правительство, чтоб оно умело держать народ в порядке и обуздывать его.

– Вы слышали, граф, – сказал он, обратившись к Миниху, – думают устроить у нас правительство на польский образец, состоящее из многих лиц? – Бирон намекал на ответ Остермана, привезенный Бирону чрез Левенвольда.

– Я не слыхал! – отвечал Миних.

– Это, – замечал Бестужев, – противно было бы существу российского правительства и духу нашей нации, издавна привыкшей к единовластию. Опыт нам это показал достаточно одиннадцать лет тому назад, когда избирали на престол государыню Анну Ивановну. Это до того очевидно, что и толковать об этом нечего. Надобно регентство поручить одному лицу. Герцогу курляндскому регентом быть!

Тут кто-то, кажется, для соблюдения приличия (может быть, и сам Бестужев), произнес:

– Не беспрепятственно ли будет со стороны чужих государств, когда родители его величества будут обойдены?

Князь Черкасский стал что-то говорить Левенвольду тихонько, а Левенвольд громко сказал:

– Не шепчитесь, говорите велегласно!

Бестужев, в свою очередь, продолжал начатое:

– Родителям будущего императора правление поручать нельзя, да и государыня императрица этого не желает! Если

дать власть принцу брауншвейгскому, он наделает больших хлопот России. Он племянник римского императора и шурина прусского короля. Он отдаст Россию в волю чужих государств, впутает ее в их взаимные несогласия и вооружит против нее многие имперские дворы; а нам надобно соблюдать со всеми равное согласие, отнюдь не вмешиваясь в их домашние дела, до нас не касающиеся.

– Он человек горячий, – сказал кн. Черкасский, – он будет стараться сделаться генералиссимусом, а получивши полную высшую власть над войском, всецело отдастся в диспозицию венского двора. Притом же, нрав принца брауншвейгского нам неизвестен, а нрав герцога курляндского мы давно знаем! Левенвольд повторял то же. Бестужев продолжал:

– Сама принцесса Анна – женщина своенравная, как и ее родитель; притом у нее нет достаточных познаний в делах внутренней и внешней политики, и она совершенно не подготовлена к тому, чтоб нести на себе тяжелое бремя управления государством. Нет никого, кто бы так способен был к принятию на себя должности регента, как герцог курляндский. Он благоразумен, он смел, неустрашим, он знает все интересы нашей страны! Надеюсь, почтенные господа согласятся со мною, что нам теперь остается просить императрицу поручить после себя до совершеннолетия будущего императора Ивана Антоновича регентство над империей герцогу курляндскому.

– И я тоже полагаю, – сказал кн. Черкасский. – Его личная польза в отношении собственного герцогства связана с пользой и благоденствием России. Уже ради одного опасения за свое собственное герцогское владение, находящееся в распоряжении России, он будет стараться о ее государственных делах настолько, чтоб всегда быть в состоянии дать в них безукоризненный отчет. Мы окажем великую услугу нашему отечеству, если начнем утруждать герцога нашей общей просьбой, дабы он благоволил на будущее время обратить свое внимание к попечению о нашем государстве.

Фельдмаршал Миних принял сторону товарищей: хотя внутренне он Бирона не терпел, но тут горячее прочих стал просить его принять на себя регентство. «Мы знаем, – говорил

фельдмаршал, – превосходные качества характера вашего, герцог. Мы убеждены, что никто, кроме вас, до такой степени не сведущ во внутренних и внешних делах Российского государства и никто не будет принят русской нацией с таким восторгом, – как все министры наши за все время царствования императрицы Анны Ивановны привыкли к вашему образу действий и никому не станут так охотно повиноваться, как вам. А вот что говорили о принце брауншвейгском, так я скажу: был он при мне две кампании, и я все-таки не узнал, что он такое: рыба ли он или мясо!»

«Отец мой, – замечает по этому поводу сын фельдмаршала в своих записках, – находился тогда в таком щекотливом положении, в каком только честный человек когда-либо очутиться может». Уже давно все привыкли обращаться к любимцу с гнусною лестью; императрице это нравилось, напротив, всякое невнимание к нему она принимала за оскорбление самой себе. Хотя врачи мало подавали надежды на выздоровление императрицы, но из них тогда еще никто не решился бы утвердительно сказать, что ее кончина близка. Если ж бы случилось, что она оправилась от своего недуга, то через неделю гибель постигла бы того, кто бы дерзнул в то время обращаться с герцогом так, как требовала справедливость. Пример Волынского был еще свеж и всем памятен. «Кто взвесит тогдашние обстоятельства, – продолжает Миних-сын в своих записках, – тот не поставит моему родителю в вину его поступка и не назовет его несоответствующим с здравым рассудком».

Герцог, выслушавши втайне желанное для него предложение, сказал:

– То, что я слышу от вас, меня крайне бы изумило, если б я не был уверен, господа, что единственным побуждением к этому была искренняя ко мне любовь и дружественное расположение. Но сами рассудите: много ли в русской публике людей, так дружелюбно расположенных ко мне, как вы! Все только и твердят, что я иноземец; благоволение императрицы ко мне возбудило против меня завистников, и я уже не раз замечал с прискорбием, как мои чистейшие намерения



обезобразивались гнуснейшей клеветой. Что же последует тогда, когда я получу верховную власть? До сих пор императрица защищала меня от врагов, а кто будет стоять за меня и оборонять меня, когда не станет моей благодетельницы? Я так богато награжден милостями моей государыни, что после нее мне уже ничего не остается желать, как только, отказавшись от всяких государственных дел, удалиться на родину и жить себе там частным человеком, оставаясь, если позволите, вашим неизменным другом.

– Вы, герцог, не имеете права отвергать предлагаемое вам могущественной нацией. Это не человеческое дело; оно совершается по воле Божьей! Вы дурно заплатите за те милости, которыми так обильно почтила вас императрица, – говорили другие.

– Я лучше других знаю свою неспособность! – сказал Бирон.

– А мы думаем, герцог, – сказал Миних, – что миллионы людей, осчастливленных вашим правлением, будут за вас молить Бога! Ваша светлость, примите весла правления в ваши крепкие руки, мы же все вам искренне преданы, и я, как прежде был, так и вперед пребуду вашим вернейшим слугой!

– Если, – сказал наконец Бирон, – меня что-нибудь может принудить к принятию на себя такого непосильного бремени, то разве только признательность к великим благодеяниям императрицы, привязанность к ее высокой фамилии и усердие к славе и благоденствию Российской империи; но я не могу на это решиться, как только услышавши согласное желание всех благонамеренных патриотов. Пусть, если угодно, завтра утром соберется совет из знатнейших особ, сенаторов, генералитета и придворных чинов; прежде пусть все признают молодого принца Ивана Антоновича преемником на престол государыни Анны Ивановны, а потом установят правительство до его совершеннолетия, пусть только рассудят, согласно с графом Остерманом, и чрез него представят императрице.

Герцога тут снова позвали к больной государыне, а Бестужев пригласил с собой Бреверна и князя Трубецкого в другой покой, и там все трое стали составлять духовную об

учреждении регентства и предположили подать ее к подписи императрице в следующее утро. Писал ее тот же Андрей Яковлев, который работал у Остермана. В этой духовной было постановлено: на случай кончины императрицы и впредь до совершеннолетия будущего государя будет управлять в течение семнадцати лет государством герцог курляндский и во все это время заведовать всей сухопутной и морской силой, распоряжаться государственной казной, стоять во главе над всеми государственными учреждениями, руководить всеми сношениями с иностранными державами и прилагать заботы о воспитании молодого императора. На содержание регенту определили ежегодную сумму в количестве 600000 рублей.

Когда эту духовную составляли, в другом покое, там, где оставлен был Миних, сошлись другие вельможи: кн. Куракин, адмирал Головин, гр. Головкин, генерал Ушаков. Миних всех этих господ принялся настраивать в пользу регентства Биронова. Легко было фельдмаршалу всех их расположить к этому, потому что каждый из них, не питая никакого дружелюбного сочувствия к герцогу курляндскому, руководствовался такими же соображениями, как и уговаривавший их фельдмаршал. Когда духовная была готова, сочинители вышли из того покоя, где ее составляли, и князь Трубецкой прочитал ее собравшимся господам перед дверьми царской опочивальни. Все слушали и одобряли; ближе всех к чтецу стоял кн. Черкасский.

Утром 6-го октября приехал во дворец Остерман. Старого дипломата внесли во дворец в креслах, потому что он с чрезвычайным трудом мог ступать на ноги. Его встретил Миних и сообщил, что уже все вельможи настойчиво упрашивали герцога принять на себя регентство, но герцог все колеблется. Дипломат, заслыша это, вдруг изменил свой вчерашний тон; вместо двусмысленных неясных выражений он, казалось, приходил в восторг от всеобщего желания избрать регентом герцога курляндского, произнес от себя совершенное согласие и прибавил, что если герцог будет еще более упрямым, то надлежит утруждать императрицу просьбами, чтобы она, со своей стороны, расположила его принять предлагаемое

регентство. Таким образом, Андрей Иванович Остерман поступил здесь как искуснейший дипломат: он не выставился вперед рьяным сторонником Бирона, чтобы не подвергнуться нареканиям, если бы возвышение герцога почему-нибудь не состоялось, а теперь безбоязненно объявил себя в его пользу, когда был уверен, что между вельможами никто не показывает к герцогу недоброжелательства.

Остермана в креслах внесли в опочивальню императрицы. С ним были там князь Черкасский и Бирон. Остерман представил к подписи государыне два акта: один был составлен им самим, другой Бестужевым с товарищами. Первый, манифест о престолонаследии принца Ивана Антоновича, с приложением присяжного листа, был сразу подписан государынею, а другой – она положила себе под изголовье. Подписывая первый, она спросила Остермана: «Кто писал это?» и получила ответ: «Я, ваш нижайший раб!» Просмотревши другой, императрица взглянула на Бирона и произнесла: «Разве тебе это нужно?» Вельможи вышли из опочивальни в совершенном недоумении о судьбе второго акта. Относительно первого акта, императрица хотя без возражения его подписала, но ее сердце предчувствовало, что высокая судьба, которую императрица предопределяла младенцу, не будет прочной, и после подписания манифеста императрица говорила, что с меньшей тревогой подписывала мирный договор с Турцией, чем этот манифест.

Бирон горячо желал сделаться регентом, но принужден был обстоятельствами играть в смирение, а его угодники-министры, в душе его не любившие, продолжали настаивать на своих просьбах о принятии им регентства. Дни за днями проходили; императрица не показывала ни малейших надежд к выздоровлению, напротив, все более и более слабела, духовной все не подписывала. Потерявши, наконец, терпение, угодники герцога курляндского прибегнули к такому извороту. Бестужев пригласил с собою Бреверна и, при незнании последним русского языка, еще кн. Трубецкого; вместе все трое измыслили составить позитивную декларацию от имени сената, генералитета и разных высоких чинов лиц, как бы вместе

изображавших собою цвет русской нации. В этом акте излагалась просьба к государыне о назначении после себя регентом герцога курляндского в таком же смысле, как было изложено в духовной. Миних и здесь подписался первым. «Истинно за тебя верно стоять и яко честный человек помощь оказывать буду», – сказал он Бирону. Устроили подписку в министерских покоях. Приглашали духовных и светских сановников первых двух рангов, вводя в комнаты по несколько лиц, как будто с целью избежать тесноты и замешательства. Предполагали распространить эту подписку и на более второстепенных чиновных лиц, надеясь, что каждый из таких, видя, что уже прежде подписались лица чинов поважнее, не задумается приложить свою руку, выражая согласие. Подписывавшиеся все руководились таким же страхом привязанности к любимцу высочайшей особы, каким руководился фельдмаршал. Бирон продолжал держать себя не участвующим во всем, что творилось, и с притворным любопытством спрашивал Бестужева: что это люди идут в кабинет? а узнавши, в чем дело, спросил: оставляется ли каждому поступать по своей воле? Бестужев ответил: да.

В то же время делались усилия побудить принцессу Анну и ее супруга присоединиться к общему желанию. Для воздействия на них избран был барон Менгден, отец Юлианы Менгден, любимой фрейлины принцессы Анны. Этот барон, немец до мозга костей, всем своим соплеменникам при дворе внушал, что непременно следует Бирона сделать регентом для поддержания власти немцев в России, иначе все немцы пропадут от злобы к ним русских. На принцессу, однако, он не оказал большого влияния. Анна Леопольдовна дала ему такой ответ: «Вы знаете, я и прежде удалялась от вмешательства в государственные дела, а теперь еще менее отважусь на какое-нибудь подобное вмешательство. Императрица, хотя и находится в опасном положении, но, при ее еще не старых годах возраста, она еще может выздороветь при Божьей помощи. Я ни за что на свете не стану беспокоить ее чем-нибудь таким, что напоминать ей может о близкой смерти. Когда ее величеству угодно было назначить преемником своим моего

сына, то, вероятно, она сама соизволит объявить свою высочайшую волю относительно управления государством во время его малолетства. Я предоставляю это благоусмотрению ее величества».

В самом деле, Анна Ивановна уже несколько месяцев сряду боялась призрака смерти и даже запретила возить мертвых мимо ее дворца. Принцесса Анна, передавая все это Менгдену, сочла нужным присовокупить, что ей, впрочем, неприятным не будет, если императрица назначит герцога регентом или вообще даст ему после себя какое-либо участие в верховном правительстве.

Бирон, всегда близкий к особе императрицы и беспрестанно посещавший больную, сколько раз ни пытался направить ее к тому, чтобы она сама изъявила ему желание окончить дело о регентстве, – не достигал своей цели.

Однажды по этому поводу императрица сказала ему: «Жаль мне тебя, Бирон, без меня тебе не будет счастья». Наконец, 16 октября, когда императрице стало очень худо и присутствовавшие ожидали скорой кончины, ему-таки удалось ввести к императрице Остермана: не знаем подлинно, сам ли Остерман явился или императрица его потребовала. Тут она вынула из-под изголовья духовную и подписала. Тогда Остерман и Бирон вышли из царской опочивальни с торжествующим видом, и Бирон воскликнул, обращаясь к своим угодникам: «Господа! Вы поступили как древние римляне!»

Что хотел сказать этим курляндский герцог – мы не знаем. Так рассказывает сын фельдмаршала Миниха.

По словам самого герцога курляндского, в его записке, посланной из места своей ссылки в Ярославле императрице Елисавете, дело было так: Бирон, вошедши в опочивальню императрицы, застал там Остермана. Государыня держала в руках духовную и готовилась ее подписывать. Бирон умолял ее не делать этого, представляя, что отказ государыни подписать этот документ будет награждением за всю многолетнюю службу его императрице. Государыня, послушав любимца, положила бумагу снова под изголовье. В течение нескольких дней после того он отклонял императрицу от исполнения этого замысла.

Наконец, тринадцать знатнейших сановников вошли в ее опочивальню и подали просьбу, подписанную уже 190 лицами: из этой просьбы государыня могла узнать о всеобщем желании видеть ее любимца регентом Российского государства, во время малолетства будущего императора Ивана Антоновича. Тогда императрица Анна Ивановна приказала позвать Остермана и подписала духовную, а подписавши, отдала постоянно находившейся при ее особе подполковнице Юшковой, которая спрятала этот важный документ в шкаф с драгоценностями.

В последующие затем часы здоровье императрицы являлось все более и более безнадежным. 17 октября, в пятницу около полудня почувствовала больная, что у нее отнялась нога. К ней вошли принцессы Анна Леопольдовна и Елисавета Петровна. Императрица, будучи еще в полном сознании, говорила, прощалась с ними. К вечеру сделались с нею такие мучительные припадки, что видевшие их не могли не пожелать, чтобы Бог скорейшей кончиной избавил страдальцу от таких мук. В девять часов явилось придворное духовенство с певчими. За ним вступила в опочивальню толпа близких к государыне вельмож. Совершался обряд соборования елеем. Императрица, проводя взорами по толпе господ, наполнивших комнату, заметила Миниха и сказала ему: «Прощай, фельдмаршал!» Потом, обводя угасавшие глаза по другим и уже не будучи в силах распознать кого-нибудь, она произнесла: «Все, прощайте!» С этими словами императрица испустила дыхание.

По кончине Анны Ивановны ее опочивальня представляла такое зрелище. На постели лежал еще не остывший труп. Кругом ходили близкие к покойной государыне особы. В углу в креслах сидела принцесса Анна и заливалась слезами. За спинкой кресла ее стоял ее супруг с нахмуренным видом. Бирон, как иступленный, метался перед постелью, наконец обратился к присутствующим в комнате и предложил всем узнать последнюю волю императрицы. Подполковница Юшкова объявила, что покойница вручила ей бумагу, лежавшую у нее под изголовьем, приказала ее хранить в шкафу, где сберегались драгоценные уборы, а после ее кончины предъявить для

всеобщего сведения. По словам императрицы, это была очень важная по своему содержанию бумага. Но Юшковой было запрещено сделать кому бы то ни было даже намек на существование этой бумаги, прежде чем императрица не скончается. Кроме Остермана и Бирона, никто не знал о подписании императрицею духовной, в которой Бирон назначался регентом. Вельможи, постоянно вращавшиеся при дворе, не ясно знали о последней воле императрицы. При входе в опочивальню кн. Куракин спросил Остермана: «Кто же после государыни будет ее преемником на престоле?» - "Принц Иван Антонович!" – отвечал Остерман, но о регентстве ни Остерман Куракину не говорил, ни кн. Куракин Остермана не спрашивал.

Открыт был указанный Юшковой шкаф с бриллиантами; достали духовную, освидетельствовали целостность печати, приложенной на конверте Остерманом; открыли конверт. Тогда Бирон учтиво и лукаво обратился к супругу принцессы Анны и сказал ему:

– Не угодно ли, принц, слушать последнюю волю усопшей императрицы?

Принц молча подошел к кружку, собравшемуся около князя Трубецкого; тот держал в руке свечу и готовился читать бумагу, которой составителем был сам вместе с двумя другими. Принц выслушал духовную, которая, по замечанию Миниха-сына, была его приговором, потом вместе с супругою удалился в свои покои, не сказавши никому ни слова.

На другой день, 18 октября в субботу, утром, съехались во дворец знатнейшие духовные и светские сановники, сенаторы, генералы; войска были расставлены под ружьем у Летнего дворца. Объявлено было завещание императрицы, назначавшее герцога курляндского правителем империи до совершеннолетия нового государя, императора Ивана Антоновича. Все присягали на верность новому императору. Бирон лично принимал поздравления со вступлением в сан верховного правителя Российской империи. Все было чрезвычайно спокойно. Англичанин, бывший тогда в Петербурге представителем своего правительства, не без удивления

заметил, что все остается спокойным, как будто ничего чрезвычайного не происходило; он приписывает это всеобщему доверию русских к достоинствам герцога курляндского. Англичанин ошибался, как иностранец, обольщаясь наружною тишиною, не в силах будучи уразуметь, что то была тишина пред бурей.

Принц и принцесса переехали в Зимний дворец, куда, разумеется, перевезли и малолетнего императора. Герцог оставался в Летнем дворце, намереваясь не покидать его до погребения тела усопшей государыни. Одним из первых дел его, как регента, было назначение пенсии в 200000 р. принцессе брауншвейгской и ее супругу, а цесаревне Елисавете Петровне 50000 р. в год. Со своей стороны, сенат поднес ему титул высочества и назначил ежегодную пенсию в 500000 р. Это казалось очень много, так как родители царя получали менее, а Бирон не был в нужде: он владел доходами в четыре миллиона со своих имений в Германии.

Тут открывается ряд доносов, а за ними, естественно, пошли аресты, допросы и пытки. Герцог курляндский сразу увидал, что против него может подняться сильная партия и его положение вовсе не так прочно, как представляли ему его угодники. Сперва попались двое гвардейских офицеров, капитан Ханьков и поручик Аргамаков: они возбуждали между товарищами по службе и подчиненными недовольство – зачем герцог курляндский, а не родители императора, облечен верховной властью. За ними попался подполковник Пустошкин. Он являлся к графу Головкину и сообщал, что у шляхетства, а преимущественно у офицеров, существует желание подать челобитную о назначении регентом вместо герцога курляндского принца брауншвейгского, родителя государева. Головкин был еще при жизни императрицы в дурных отношениях к Бирону, это все знали и оттого к нему обратились. Но Головкин в это время собирался уезжать за границу, не хотел вмешиваться ни в какие государственные дела, и хотя отнесся очень дружелюбно к Пустошкину, но советовал ему обратиться к князю Черкасскому. Князь Черкасский также любезно принял Пустошкина, но, еще не отпуская из своего дома, дал знать Бестужеву, который



немедленно явился сам к князю Черкасскому и захватил Пустошкина с товарищами. Как всегда бывает в подобных случаях, когда арестуют одного или двух и начнут их спрашивать, то их ответы потянут еще новых прикосновенных, и число обвиняемых и подозреваемых увеличивается, как снеговая глыба, когда ее катят по снежному пространству. Таким образом, по показаниям взятых под караул, взяты были еще секретарь принцессы Анны Семенов, а за ним кабинет-секретарь Андрей Яковлев. Последний в допросе объявил, что, переодевшись в дурном платье, он ходил ночью по Невской Перспективе и прислушивался к народным толкам. Он услышал в народе ропот против назначения иноземца Бирона регентом государства и желание, чтоб эта важная должность была передана родителям императора. Тогда же открылось, что принц брауншвейгский с удовольствием слушал офицеров, говоривших перед ним, что его следует сделать регентом, и со своей стороны изъявлял сомнение в подлинности завещания покойной императрицы. Обвиненных посадили в крепость в дурных помещениях и подвергали в тайной канцелярии допросам и пыткам. 22 октября регент отправился лично к принцу Антону-Ульриху. «Вы, принц, – говорил ему регент, – позволили в своем присутствии осуждать распоряжения покойной государыни и доказывать, что с меня следует снять носимый мною сан регента и передать его вам. Вы не остановили таких дерзких речей и не изъявили к ним вашего неодобрения. Знаете ли, что я вам скажу: вы хотя и родитель нашего императора, но вы все-таки его подданный и обязаны ему верностью и повиновением, наравне с прочими его подданными. Очень сожалею, что, в качестве регента, которому вверено спокойствие империи, я нахожусь в необходимости напомнить об этом вашему высочеству».

Внезапное появление регента и резкий тон, с которым он относился к принцу, поставили последнего в тупик. Он смутился и начал извиняться. «То была не более как болтовня молодежи, которая не могла иметь никакого важного значения, – сказал он, – впрочем, извините меня: на будущее время я не позволю им доводить меня до слушания от вас подобных упреков». От

принца регент отправился к принцессе Анне и ей передал то же. «Я ничего не знаю, – сказала принцесса, – ничего не слыхала, но во всяком случае не оправдываю таких речей!» Она тотчас отправилась с герцогом во дворец, где он жил, и пробыла с ним часа два, стараясь смягчить неприятное впечатление, произведенное на него.

На другой день 23 октября принц приглашен был в нарочно устроенное собрание знатнейших сановников, между которыми были кабинет-министры, сенаторы и генералы. Тут принц брауншвейгский испытал над собою в некотором роде верховный суд. Герцог произнес перед собранием речь, изложил все известные обстоятельства прежнего времени, своего близкого к императрице положения, своего назначения в сан регента, и обратился к принцу с такими же упреками, какие высказывал ему вчера наедине. На принца устремились глаза вельмож, и он смутился: на глазах его заблестали слезы, но потом он усиливался сохранить свое достоинство, бодрился и случайно схватился за эфес своей шпаги. Бирон, подметивши это движение, сказал: «Извольте, принц, я готов и этим путем объясниться с вами!» Принц сначала отпирался от всех возводимых против него обвинений, но потом, вошедши в пафос, высказал, что он был бы доволен, если бы произошло восстание, и он получил бы тогда власть.

Тогда генерал Ушаков, страшный для всех, и великих, и малых, начальник тайной канцелярии, выступил вперед и сказал:

«Принц брауншвейгский! Все справедливо уважают в вас родителя нашего императора, но ваши поступки могут принудить нас всех обращаться с вами как со всяким иным подданным его величества. Вы еще молоды, принц, вам только двадцать шестой год от роду; вы неопытны и можете легко впасть в ошибку, но если б вы были в более пожилых летах и способны бы оказались предпринять и привести в исполнение намерение, которое привело бы в смятение и подвергло опасности мир, спокойствие и благосостояние этой великой империи, то я объявляю вам, что, при всем моем глубоком сожалении, я обратил бы против вас, как виновного в измене

вашему сыну и государю, преследование со всей строгостью, как против всякого другого подданного его величества».

«Я, – продолжал герцог курляндский, – имею право быть регентом государства сообразно документу, данному покойной императрицей, в подлинности которого не может быть ни малейшего сомнения; – воля ее величества поставила меня регентом, и я обязан этим возвышением столько же милостям ее, сколько и доброму мнению, и доверенности ко мне достойнейших особ этой страны, здесь присутствующих. Но ее величество, покойная государыня, не лишила меня права сложить с себя этот высокий сан, и я объявляю теперь же, что если это почтенное собрание найдет, что ваше высочество более меня способны занять эту должность, я немедленно вам ее уступаю. Если же, напротив, пожелают, чтоб я сохранил за собой регентство, то мои обязанности по отношению к покойной государыне и к России заставляют меня хранить этот залог, и я надеюсь, что с помощью советов особ, здесь присутствующих, я исполню долг свой согласно с чувствами моей признательности для пользы великой Российской Империи. Надеюсь, что эти господа, которые пред смертью ее величества пожелали возложить на меня правление, помогут мне и ныне сохранить его для пользы и благосостояния края». Герцог обратился к Остерману и сказал: «Граф! извольте заверить принца, что документ, который подвергается вопросам и в подлинности которого возникают сомнения, есть тот самый, который был поднесен покойной императрице».

Остерман сделал то, что от него требовалось, и предложил, чтобы все присутствующие – в числе которых были все, носившие генеральские чины – утвердили этот документ своими подписями и приложением своих печатей, давая тем ручательство в его подлинности и обязываясь со своей стороны поддерживать его содержание.

Все беспрекословно исполнили предлагаемое, и принц брауншвейгский был в числе приложивших свою руку.

Этим не ограничились преследования регента против принца брауншвейгского. На другое утро после допроса, сделанного принцу в собрании сановников, регент послал к

нему брата фельдмаршала, действительного тайного советника Миниха, советовать ему подать в отставку от должности генерал-поручика и от чина подполковника гвардии, и это будет служить залогом, что принц не будет предпринимать ничего, что может произвести волнение. Антон-Ульрих безропотно согласился. Ему тут же подали заранее изготовленную просьбу об отставке. Он подписал ее. Между тем, герцог курляндский написал по-немецки вчерашнюю речь свою и беседу с принцем, а Бреверн перевел это по-русски, и в переводе это было читано пред тем же собранием сановников. В это время вошел принц и сказал:

– Господа! я намерен сложить с себя мои служебные должности и пришел объявить вам об этом.

Бирон отвечал:

– Не я возлагал на вас ваши должности, и не вижу, каких должностей могу лишить вас. В настоящее время не в должностях и званиях суть дела, а в спокойствии государства. Вам, принц, было бы полезно несколько дней оставаться в своем доме, никуда не показываясь: опасно, чтоб народ, раздраженный за множество из-за вас истязанных людей, не отважился бы сделать чего-нибудь непристойного вашей высокой особе.

Принц не противился, покорился приговору о своем домашнем аресте, порицал тех, кто ввел его в заблуждение, и давал обещание не делать ничего, что бы побуждало усматривать в его действиях покушения на захват верховной власти.

С тех пор ежедневно все только того и ожидали, что регент выгонит принца с принцессою за границу или – что еще хуже – зашлет их в какое-нибудь отдаленное место.

И прежде зазнавался в своем величии герцог курляндский, теперь он воображал себя на непоколебимой высоте славы и чести. И прежде высокомерный и заносчивый, теперь он уже не знал никого себе в уровень и стал обращаться неуважительно как с принцессою, так и с особами, содействовавшими его возвышению. Тогда как в завещании императрицы ему вменялось в неперемнную обязанность оказывать принцессе

Анне и ее супругу почтительность, он позволял себе такое грубое с ними обращение, что принцесса трепетала, как только видела, что к ней входит Бирон. Герцог, соображая, откуда может угрожать ему опасность, старался тогда подделаться к принцессе Елисавете, так как звание единственной дочери Петра Великого, для всей России незабвенного, сильно располагало умы и чувства русских в ее пользу. Герцог курляндский нередко ездил к ней в ее особый дворец, беседовал с нею, старался показывать к ней изысканные знаки внимания. Назначение этой дочери Петра Великого ежегодной пенсии в пятьдесят тысяч было всеми встречено очень одобрительно, и если являлись голоса, не хвалившие этого поступка, то разве в таком смысле, что назначено было немного. Когда баронесса Менгден сообщила герцогу, в виде предостережения, что цесаревна показывает всем портрет своего племянника, сына герцога голштинского, которого многие давно уже, как прямого внука Петра Великого, считали прямым наследником русского престола, герцог курляндский на это отвечал: «Каждый волен ценить портреты своих родных, нельзя лишать этого права одну цесаревну!», а когда фельдмаршал Миних сообщил герцогу, что, по сделанным наблюдениям, камер-юнкеры цесаревны что-то часто ходят в дом французского посланника, регент отвечал, что цесаревна не затеет ничего, сообразно всем известному своему характеру, а если б захотела, то не нужно ей содействия чужих посланников: за нее пошел бы весь народ, и знатные, и простые. – «Не знаю, – отвечал фельдмаршал, – насколько предан народ цесаревне, но войско, как никогда, предано престолу, особенно когда престолонаследие упрочено в мужской линии». По известиям современников, у Бирона роилось тогда честолюбивое помышление – изменить возведенному в особе младенца брауншвейгскому дому, женить собственного сына Петра на Елисавете, провозгласить последнюю императрицей и, таким образом, собственному потомству проложить дорогу к престолу. И прежде, при императрице Анне Ивановне, у него была мысль женить сына своего на принцессе Анне – это не удалось, потому что принцесса Анна не терпела Биронова сына; теперь он

простирались виды на Елисавету, но и с ней, во всяком случае, не удалось бы ему. Тем не менее известие это, судя по безмерному честолюбию этого человека, очень правдоподобно. А принцессу Анну не терпел он именно за крайнее невнимание к его сыну в то время, когда она была еще девицей, и теперь он обращался с ней до того бесцеремонно, что, рассердившись на ее супруга, он не затруднился сказать ей, что, если оба они станут причинять ему досады, то он призовет принца голштинского. Такие же угрозы произносил он и перед другими лицами.

Однажды, 7 ноября, Миних явился к принцессе Анне и нашел ее в чрезвычайно грустном настроении духа.

– Я не в силах более терпеть беспрестанных огорчений от герцога регента, – сказала она, – мне остается уйти с мужем и с сыном за границу. Пока герцог будет регентом, ясных дней не видеть нам в России. Миних отвечал:

– Ваше императорское высочество, и мне кажется, вам немного доброго ожидать можно от герцога, но вы не падайте духом, положитесь на меня. Я готов защищать вас.

– Вы, фельдмаршал, – сказала Анна, – можете употребить ваше влияние на регента, я прошу только, чтобы мне не препятствовали взять моих малюток с собой. Это избавит их от опасностей в руках человека, смертельного врага их родителей. Я знаю, какая судьба иногда постигает государей в России!

– Вы никому не говорили подобного ничего? – спросил фельдмаршал.

– Никому! – отвечала принцесса.

– Так положитесь во всем на меня, – сказал Миних, – Бирон не вас одних вооружил против себя. Вся Россия страшится, что за семнадцать лет своего регентства он успеет признать настоящего императора неспособным и отстранить его от престола, а в духовной покойной императрицы ему предоставлено, в случае кончины императора до его совершеннолетия, избрать иного сукцессора. Но если б и до того не дошло, то, распоряжаясь семнадцать лет сряду во время своего регентства государственной казной, он успеет разорить всю Россию, переводя ее деньги на свои курляндские

владения. Я лично находился в дружеских отношениях с герцогом и обязан ему за многое признательностью, но благо государства всего выше для меня. Я заглушу в себе все дружеские чувства к герцогу и разделаюсь с ним.

– Но если, фельдмаршал, это предприятие не удастся, вы подвергнете неприятностям ваше собственное семейство! – сказала принцесса.

– Может ли быть речь о семействе, когда идет дело о службе государю и о спокойствии отечества? – отвечал Миних.

Тогда Миних дал слово принцессе избавить ее от регента, но не открыл вполне своего плана, уверивши принцессу только, что это совершится в самом скором времени. По наставлению фельдмаршала принцесса в неясных выражениях передала его обещание супругу своему и, по ее настоянию, последний отправился к герцогу с визитом в Летний дворец. Принц вместе с герцогом съездили в Зимний дворец, посетили маленького императора; регент отдал обычный поклон принцессе Анне, потом оба, герцог и принц, поехали в манеж, находившийся от дворца неподалеку. Оттуда принц воротился к себе, а герцог заехал к своему брату Густаву, а от него поспешил в Летний дворец, так как в этот день он пригласил к себе обедать семейства Минихов и Менгденов. Воротившись домой с своей утренней поездки, регент заметил, что в тот день на улицах мало встречал он людей, и те, которые ходили по улицам, почему-то казались ему скучными, как будто они чем-то недовольны. Это высказал хозяин за обедом своим гостям. «Это, – сказал он, – видно, происходит оттого, что все недовольны поведением принца брауншвейгского!» «Нет, – возразили ему гости, – очень легко случилось, что вам показались грустными физиономии тех, которых вы встречали: это – всеобщая скорбь о недавней кончине ее императорского величества!»

Весь обед регент был как-то задумчив и молчалив; фельдмаршалу приходило невольно в голову подозрение: уж не догадывается ли он о чем-то?

Тотчас вставши из-за стола, Миних уехал, оставя у герцога свое семейство. Фельдмаршал, заехавши к себе на короткое

время, отправился к вечеру к принцессе Анне.

Тут Миних, утром только намекнувши принцессе, что он как-то избавит ее от ненавистного герцога курляндского, теперь откровенно сказал, что он намерен в следующую же ночь арестовать регента и доставить его за караулом в ее распоряжение. Принцесса благодарила фельдмаршала.

– Но только чтоб офицеры и солдаты, которым я поручу это дело, шли бодро, нужно, чтоб ваше высочество лично почтили их своим присутствием, – сказал фельдмаршал.

Принцесса на это предприятие идти сама не решалась.

– Ну хорошо, – сказал фельдмаршал, – вы сами не поедете, только ночью я приеду к вашему высочеству и возьму из вашего дворцового караула команду для арестования герцога.

– Я отдаюсь в вашу волю, – сказала, наконец, принцесса, – в ваших руках судьба и моего супруга, и моего ребенка... да руководит вами Провидение и да сохранит нас всех!

Между тем жена Минихова сына, не зная ничего о том, что затевалось, сидела у герцогини курляндской, и герцог просил ее передать своему свекру, что как только совершится погребение тела императрицы, герцог сделает распоряжение о выдаче фельдмаршалу нарочитой суммы для уплаты его долгов. С этой вестью невестка воротилась домой, и думая, что ее свекор уже лег почивать, оставила до утра передачу ему порученного от герцога. Так повествует сын Миниха. По его рассказу, фельдмаршал пробыл дома до двух часов ночи и в это время поехал в Зимний дворец со своим главным адъютантом, подполковником Манштейном.

Но, по другим известиям, фельдмаршал от принцессы, вместе с Левенвольдом, отправился к Бирону, так как он обещал последнему, прощаясь с ним после обеда, приехать к нему ужинать.

Во время ужина герцог, точно так же, как и за обедом, был задумчив и как будто чем-то озабочен. Разговор вертелся около событий текущего времени. Вдруг регент, как человек рассеянный, перескакивающий в беседах с одного предмета на другой, без всякой видимой связи между этими предметами, сделал Миниху такой вопрос: «Фельдмаршал! вам случалось во



время ваших походов предпринимать что-нибудь важное ночью?» Фельдмаршал смешался; вопрос был очень неожидан и так близко содержал в себе как будто намек на то, что собирался делать фельдмаршал. Однако Миних поборол свое невольное замешательство и сказал: «Сразу теперь не вспомнишь, чтобы мне приходилось предпринимать что-нибудь необыкновенное в ночное время, но у меня постоянно было правилом пользоваться всеми обстоятельствами, когда они кажутся благоприятными».

В 11 часов друзья расстались. Фельдмаршал уехал с твердым намерением часа через два или три разделаться с Бироном и лишить его регентства, а у Бирона, по уверению современников, уже вполне созрела мысль -пожертвовать брауншвейгской династией, доставить так или иначе престол потомству Петра Великого, и через эту услугу новой царственной ветви опять утвердить свое могущество в России, некогда поднятое милостью покойной Анны Ивановны и в последнее время опускавшееся от всеобщей нелюбви к немцу-временщику. Герцог рассчитывал произвести такую перемену при похоронах императрицы; но это проведали враги его и предупредили его замыслы. Фельдмаршал Миних, по замечанию его адъютанта, был уверен, что если он не низложит регента, то последний сошлет его в Сибирь. Таким образом, Миних в этом деле спасал, как говорится, собственную шкуру.

В два часа пополудни явился к фельдмаршалу, по его приказанию, его главный адъютант, подполковник Манштейн. Оба сели в карету и поехали в Зимний дворец. Они въехали в задние ворота, которые по приказанию принцессы оставлены были нарочно не запертыми. Оттуда был прямой путь в покои принцессы Анны. Фельдмаршал с адъютантом прошел через гардеробную и встретил любимую фрейлину принцессы, Юлиану Менгден. Принцесса легла спать, а Юлиана должна была дожидаться приезда Миниха и разбудить ее, когда тот явится. Обменявшись несколькими словами с фельдмаршalom, Юлиана пошла будить принцессу, которая спала со своим супругом. Как ни старалась Юлиана незаметно для принца поднять принцессу, но не могла этого сделать. Принц, ничего не

знавший, проснулся, но принцесса сказала ему, что ей что-то занемоглось и что она тотчас воротится. Она вышла к Миниху.

– Ну вот, – произнес фельдмаршал, – пришла настоящая пора совершить задуманное дело, но я решаюсь вторично просить ваше высочество ехать вместе со мной.

– Ни за что, ни под каким видом! – возопила принцесса Анна и осталась в своем упрямстве, как ни уговаривал ее фельдмаршал.

– По крайней мере, – сказал он после долгих и напрасных убеждений ехать с ним, – позвольте позвать к вам наверх караульных офицеров, извольте лично объявить им, что это предпринимается с вашего желания! Сделайте им от себя увещание, чтоб они верно во всем поступали!

Принцесса на это согласилась. Позвали офицеров, державших тогда караул во дворце.

– Господа офицеры! – сказала принцесса Анна, – я надеюсь на вас, как на честных и верных людей; не отрекитесь оказать услугу малолетнему императору и его родителям. Всем известны насильства, чинимые надо мной и над моим супругом от герцога курляндского; мне нельзя, мне стыдно терпеть от него оскорбления. Я поручила фельдмаршалу арестовать его. Храбрые офицеры, повинуйтесь вашему генералу!

Все офицеры в один голос закричали, что готовы слушаться приказаний своего командира. Принцесса обняла Миниха, допустила каждого из офицеров поцеловать ее руку.

– Желаю вам, господа, благополучного успеха! – произнесла принцесса Анна, провожая офицеров с фельдмаршалом.

Фельдмаршал с офицерами вошел в кордегардию, отобрал себе там, по одному известию – тридцать, по другому<sup>38</sup> – восемьдесят человек, оставивши при знамени сорок, и с отобранными отправился к Летнему дворцу. Герцог, оставаясь в Летнем дворце до погребения тела императрицы, окружил себя стражей из трехсот человек гвардейцев, которые по своему количеству в состоянии были оградить его от всяких могущих быть покушений на его ненавистную для многих особу, но Миних заранее узнал, что в тот день, который он избрал для покушения, этот караул состоял из солдат Преображенского

полка; Миних сам был этого полка подполковником и надеялся, что охранители герцога поступят по воле своего прямого командира. Фельдмаршал остановился со своим отрядом шагов за двести от Летнего дворца и послал Манштейна вперед к офицерам, стоявшим на карауле у Летнего дворца, объявить им предписание принцессы Анны и позвать к нему капитана с двумя офицерами. Капитан и офицеры, выслушавши речь Манштейна, явились тотчас к Миниху, как к подполковнику своего полка, и дали ему слово, что ни один караульный не пошевелится в защиту герцога, напротив, готовы сами помочь схватить его. «Вы меня знаете, - говорил им фельдмаршал, – я много раз нес жизнь свою в жертву за отечество, и вы славно следовали за мной. Теперь послужим нашему государю и уничтожим, в особе регента, вора, изменника, похитившего верховную власть!» Тогда фельдмаршал приказал Манштейну идти, по одним известиям, с двенадцатью, по другим с двадцатью гренадерами<sup>39</sup>, во дворец, взять Бирона и доставить к нему арестованным, позволяя, в случае крайнего сопротивления, и убить его.

Манштейн прошел через сад; часовые пропустили его без сопротивления, и он достиг до покоев; в передних комнатах некоторые из прислуги знали его лично и теперь узнали, но не стали останавливать, думая, что он идет зачем-нибудь по приказанию герцога. Не зная, в какой именно комнате спит герцог, Манштейн не решался спрашивать об этом ни солдат, расставленных на карауле, ни служителей, и, прошедши две или три комнаты, наткнулся на комнату, запертую на ключ; он хотел было ломать двери, догадываясь, что тут, вероятно, спальня герцога; но ломать двери не оказалось надобности. Служители забыли задвинуть верхнюю и нижнюю задвижку, – двери можно было распахнуть без особенных усилий. Манштейн очутился в большой комнате, посредине которой стояла двуспальная кровать: на ней лежали Бирон со своей супругой. Оба так крепко спали, что не услышали, как вошли к ним. Манштейн зашел с той стороны кровати, где лежала герцогиня, отдернул занавес и громко сказал, что у него есть крайне важное дело до герцога.

Пробудившиеся внезапно супруги сразу поняли, что совершается что-то недоброе, и стали кричать изо всей мочи. Герцог соскочил с постели и впопыхах, сам не зная куда уйти, хотел спрятаться под кровать, но Манштейн обежал кровать, схватил герцога, что было силы, и стал звать стоявших за дверью своих гренадеров. Явились гренадеры. Бирон, успевши стать на ноги, махал кулаками на все стороны вправо и влево, не даваясь в руки, а сам кричал во все горло, но гренадеры прикладами ружей повалили его на землю, вложили ему в рот платок, связали офицерским шарфом руки и ноги и понесли его вон из спальни полунагого, а вынеся, накрыли солдатской шинелью и в таком виде унесли в ожидавшую уже у ворот карету фельдмаршала. Рядом с ним сел офицер.

Герцогиня в одной рубашке побежала за связанным супругом и выскочила на улицу. Один солдат схватил ее на руки и спрашивал Манштейна, что прикажет с нею делать. «Отведи ее назад, в покои», – отвечал Манштейн. Но солдат не взял на себя труда таскаться с такой ношей и бросил ее на снег. Караульный капитан, заметивший ее в таком виде, приказал принести ей платье, дать надеть и отвести обратно в покои, которые она занимала.

Герцога повезли в Зимний дворец в карете фельдмаршала. Мы не знаем, с ним ли ехал тогда сам фельдмаршал и виделся ли он с ним в это время. Манштейн, между тем, по приказанию фельдмаршала отправился арестовать брата герцогова, генерала Бирона, Густава, но с ним труднее оказалось справляться. Он командовал Измайловским гвардейским полком и был любим солдатами. На карауле у него в жилище на Миллионной улице был сержант с двенадцатью солдатами Измайловского полка. Они пытались было защищать своего подполковника. Но гренадеры Манштейна заставили их смириться, угрожая всех перебить, если станут сопротивляться. Манштейн вошел в спальню Густава Бирона, разбудил его, сказавши, что прислан объявить ему что-то очень важное. Он отвел его к окну и сказал, что явился арестовать его.

Густав Бирон пытался было отворить окно и кликнуть караул, но Манштейн сказал ему: «Это будет напрасно; герцог

уже арестован, и сами вы погибнете, если задумаете противиться! – С этими словами он позвал солдат своих, остававшихся в передней комнате. – Ничего вам не остается, как только покориться!» Густав надел поданную ему шубу, сел в сани, и его повезли туда же, где уже был его брат.

Другой адъютант фельдмаршала, Кенигфельс, догнавший Миниха тогда, когда он уже возвращался с пленным Бироном, получил от него приказ арестовать Бестужева. Когда посланный явился к последнему, Бестужеву почему-то показалось, что это Бирон послал за что-то арестовать его, и спросил Кенигфельса: «Что за причина немилости ко мне герцога?» Так Бестужев, хотя долго казался другом Бирона, но доверял ему очень мало.

В то время, когда в Летнем дворце совершалось роковое событие над герцогом курляндским, в Зимнем дворце происходило следующее. Сын Миниха, бывший в звании камергера, дежурил в передней перед спальней маленького императора. Молодой Миних задремал и, проснувшись, увидел, что на кровати у него в ногах сидит принцесса Анна.

– Что с вами, принцесса? – сказал Миних, заметивши на лице принцессы беспокойство и волнение.

– Мой любезный Миних, – сказала принцесса трепещущим голосом, – знаешь ли, что предпринял твой отец? В эту ночь он отправился арестовать регента. Дай только Бог, чтоб это благополучно окончилось!

– И я того же желаю, – сказал Миних, – но вы, принцесса, не тревожьтесь: мой отец, конечно, принял надежные меры.

Тут вошла Юлиана Менгден, и принцесса Анна с ней пошла в спальню малолетнего императора, а Миних стал одеваться. Через несколько минут вошла снова принцесса со своим супругом; уже теперь, наконец, она ему открылась, а до того времени не считала нужным делать его соучастником задуманного замысла.

С невыразимым нетерпением ждали все они вести, чем кончится предприятие, постоянно колеблясь между страхом и надеждой, наконец послышался шум, стук экипажей, голоса солдат, и к принцессе с ее обществом вошел торжествующий фельдмаршал Миних.

Арестованных особ – герцога курляндского, его брата и Бестужева – посадили за караулом в трех особых комнатах, расположенных одна возле другой.

Послали в Москву курьера с приказанием арестовать другого герцогова брата, Карла Бирона, а другого курьера в Ригу вытребовать оттуда герцогова зятя, генерала Бисмарка, бывшего там генерал-губернатором Лифляндии. Последний поехал было в Петербург, но по дороге его арестовали в Нарве.

Тотчас после арестования герцога был составлен манифест о случившемся и на рассвете обнародован по всей столице.

Именем императора позвали во дворец Остермана. Но Остерман объявил, что он болен и не в силах ехать. Принцесса, зная, что Остерман всегда болеет, когда совершается какой-нибудь переворот в правительстве, шутила тогда, получивши известие, что Андрей Иванович по болезни не может исполнить волю принцессы. Тогда Миних позвал Стрешнева, брата жены Остермана, и послал его к Остерману. «Сообщите ему, – поручил Стрешневу Миних, – такие признаки, которые бы заставили графа Остермана сделать над своей болезнью усилие и прибыть к нам сюда». Стрешнев передал это Остерману и присовокупил, что собственными глазами видел арестованного Бирона в караульной Зимнего дворца. Это произвело чудесное действие. Остерман немедленно явился во дворец. Недавно еще льстивший Бирону, теперь он восхвалял подвиг, совершенный Минихом, и приносил поздравления принцессе Анне с освобождением от тирании герцога курляндского. Замечательно, что многие из современников не хотели верить, чтоб Остерман заранее не знал того, что совершилось с регентом. Французский посланник в Петербурге маркиз де ля Шетарди, описавши арест Бирона, говорил в своей депеше: «Болезнь графа Остермана сильно, если я не ошибаюсь, способствовала к лучшему сокрытию тайных мер, которые он принимал, показывая вид, что ни с кем не имеет сообщения. Так он поступал всегда, и верный и смелый прием, которым нанесен удар, может быть только плодом и следствием политики и опытности графа Остермана». Но не только иностранцы, и природные русские, особенно такие, что не

находились слишком близко к совершившимся событиям, приписывали гр. Остерману главным образом свержение Бирона. Румянцев, находившийся послом в Константинополе, получивши известие о свержении Бирона, писал Остерману: «Не только я здесь, но и все в свите моей сердечное порадование возымели, ведая, что то мудрыми вашего сиятельства поступками учинено». Съехались во дворец все знатнейшие чины. Принцесса Анна без противоречий провозглашена была правительницей государства на время малолетства императора до его совершеннолетия. Это казалось всем в порядке вещей; недаром назначение регентом герцога курляндского так всеми не одобрялось и большинство русских находило, что всего приличнее, за несовершеннолетием государя, управлять его родителям, а не постороннему человеку. Посыпались награды и повышения. Принц Антон-Ульрих сделался генералиссимусом. Это звание надлежало получить Миниху; но фельдмаршал, по совету сына, уступил эту честь родителю императора, и сам получил звание первого министра; хотя оно было уже второе в империи после генералиссимуса, но Миних мог с этого места управлять всей Россией. К сожалению, в этом случае приходилось ему столкнуться с Остерманом, который, столько времени заправляя дипломатическими делами, считал, что место первого министра подобает не кому иному, как только ему. Остерману в утешение дали сан главного адмирала. Но Остерман этим не утешился: этот человек не любил совместника в управлении делами России и не мирился с мыслью быть на втором или третьем, а не на первом месте. Он чувствовал себя как бы обещенным и, по замечанию французского посланника, мог выйти из такого положения только посредством падения Миниха. Князь Алексей Черкасский получил сан великого канцлера, Михаил Головкин – вице-канцлера, другие вельможи были награждены денежными пособиями и Андреевским орденом. Все награды расписывал Миних со своим сыном и представил принцессе Анне, которая утвердила все без противоречия; даже любимица Анны Леопольдовны, Юлиана Менгден, не оставлена была без

гостинцев по поводу счастливого события; ей подарены были кафтаны герцога курляндского и его сына Петра, расшитые золотом. Юлиана сорвала золотые позументы и отдала на выжигу, потом из этого сделано было несколько дорогой посуды. Но этим не ограничилась щедрость правительницы: Юлиане подарена была мыза подле Дерпта и несколько раз получала она в дар единовременно по несколько тысяч.

После объявления наград, в этот же день, 9 ноября, в закрытых придворных каретах, носивших название спальных (Schlafwagen), отправлены были в Шлиссельбург в заточение герцог курляндский, брат его Густав и Бестужев. Герцог ехал с полицейским служителем и с почтальоном в царской ливрее. На козлах сидели доктор и два офицера, каждый с парой заряженных пистолетов: впереди и позади кареты были размещены гвардейские солдаты с ружьями, в которых были примкнуты штыки. Герцог сидел одетый в халате, а сверх халата был плащ, подбитый горностаевым мехом. На голове у него была шапка, покрывавшая часть лица. Народ, провожая его, издевался над ним и кричал: раскройся, покажись, не прячься! – Из окон Зимнего дворца смотрела на этот поезд принцесса Анна и, видя своего врага униженным, прослезилась: «Я не то ему готовила, – произнесла она, – он понудил меня так с ним поступить! Если бы он прежде мне сам предложил правление, я бы с честью отпустила его в Курляндию». Жену герцога курляндского и сына его в то же время из Летнего дворца вывезли в Александро-Невский монастырь, а на другое утро отправили в Шлиссельбург же. Герцогиня тогда говорила, что прежде смерти себе надеялась, чем такого поступка от Миниха. Бирон пробыл в Шлиссельбурге до июня 12, находясь под судебным следствием, а 12 числа этого месяца с женою, двумя сыновьями, дочерью, пастором, лекарем и несколькими служителями отправлен на вечное житье в Пелым, где ему определено жить в доме, нарочно для него построенном по плану, начертанному Минихом.

Миних, низложивши регента, казалось, очутился на такой высоте власти, на какую только мог надеяться взойти. Но положение его вовсе не так было прочно, как можно было



заклучить по наружным временным признакам. Принц-генералиссимус не мог поладить с честолубивым и умным первым министром. Будучи выше его поставлен по сану, принц тяготился зависимостью по уму от первого министра, жаловался, что Миних хочет стать чем-то вроде великого визиря Турецкой империи, обвинял Миниха в безмерном честолубии и необузданности нрава. Но более всех вредил Миниху тогда Остерман, который никак не мог выносить, что Миних стал первым министром и тем самым взял в свои руки и внутреннюю, и внешнюю политику России. Остерман сблизился с принцем Антоном-Ульрихом и руководил его неприязнью к Миниху. Он нашептывал принцу, и потом самой принцессе-правительнице, что Миних взялся не за свое, что он не в состоянии вести дела внутренней и внешней политики, и правительница, не отнимая от Миниха сана первого министра, передала управление иностранными делами Остерману, а внутренними князю Черкасскому, так что Миниху должны были оставаться, в его непосредственном заведовании, только военные дела, которыми он управлял и прежде. Кроме того, Остерман возбуждал против Миниха и мелкое самолюбие принца брауншвейгского, указывая на несоблюдение Минихом формальностей, касавшихся почитания с его стороны принца, как высшего чином.

Между тем, случилось такое событие: в Петербург приехал от прусского короля некто Винтерфельд, женатый на падчерице Миниха. По его просьбе Миних обещал вместо 6000 человек солдат в помощь Пруссии, как было поставлено в прежнем договоре, давать 12000. Вслед за тем Миних заболел коликою и так мучительно, что явилось подозрение у врачей, не отравлен ли он. Во время его болезни, продолжавшейся весь декабрь 1740 года, приехали в Петербург венский посланник Ботта и саксонский гр. Линар. Император Карл VI уже скончался. Дочь его Мария-Терезия, королева венгерская, по силе прагматической санкции, вступила в наследственные права после своего родителя и нуждалась в союзе с Россией для ограждения прав своих против держав, не одобривших прагматической санкции, а главное, против прусского короля. С

посланником ее при петербургском дворе был заодно гр. Линар. Последний еще при императрице Анне Ивановне был в Петербурге и сблизился с принцессой Анной до того, что между ними возникала любовь, но императрица, проведав об этом и желая отдать племянницу за брауншвейгского принца, удалила Линара. Теперь он являлся снова и тем легче мог возыметь силу над правительницею, что она не любила своего мужа. Принцесса на этот раз вознамерилась своего прежнего возлюбленного женить на своей верной и преданной Юлиане Менгден. Брак, впрочем, не совершился ранее августа месяца того же 1741 года; злые языки говорили, что Юлиана была только ширмою, прикрывавшею любовь между правительницею и Линаром. Как бы там ни было, но Ботта и Линар легко успели устроить дело, противное Миниху: Остерман, так сказать, на пакость противнику, заключил договор России с Австрией, по которому Россия обязывалась помогать Австрии против прусского короля, замышлявшего овладеть Силезией. Князь Черкасский, вице-канцлер Головкин пристали к Остерману. Когда договор с Австрией состоялся, оправившийся от недуга Миних явился к правительнице. Она встретила его уже совсем не с прежним доверием и сказала: «Вы, фельдмаршал, всегда расположены к прусскому королю, но мы не должны допускать его нападать на союзную нам державу. Мы не будем с ним воевать, а только остановим его: как только двинем мы войска наши с намерением защищать венгерскую королеву, дочь императора, он немедленно выведет свои войска из Силезии».

«Ваше высочество! – сказал Миних, – я нахожу отвратительным договор, направленный к тому, чтобы лишить престола и владений государя, который, подобно его предшественникам, с начала этого столетия бывшим вернейшими союзниками России, особенно Петра Великого, остается таким же. Россия в продолжение сорока лет вела тягостные войны и нуждается в мире для приведения в порядок внутренних государственных дел. Когда вступит в правление сын ваш, я и все министерство вашего высочества должны будем ему отдать отчет, если начнем новую войну с Германией, тогда как нам еще грозит война со стороны Швеции. Венский

двор хочет, чтобы ему предоставили в распоряжение тридцать тысяч русского войска, и не упоминает ни одним словом, на что будут употреблены эти силы и как будут содержаться. Я уже упоминал Ботте, что в последнюю турецкую войну в Вене не спешили оказывать России помощь согласно договору. И мне удивительно – неужели Австрия чувствует себя в крайности, когда ее противник, король прусский, действует против нее с двадцатью тысячами войска? Видно, что трудно удерживать в своем владычестве страну, которой жители сами добровольно поддаются неприятелю». Представления фельдмаршала не были приняты. Правительница обходилась с ним не только сухо, но надменно, и за каждым представлением его пред ея особу давала ему понять, что она без него может обойтись. Миних подал в отставку. И перед тем несколько раз он порывался сделать этот шаг, но останавливался, а теперь решился бесповоротно порвать с тогдашним русским правительством и, может быть, с Россией, которой так блистательно послужил. Правительница из долга вежливости еще раз просила Миниха не оставлять службы России, говоря, что его советы будут для нее полезны, а Миних, пользуясь этим, стал убеждать ее не заключать с Австрией союза против Пруссии; тогда правительница неожиданно сказала ему, что если он находит для себя нужным, ему дастся отставка, и тут Миних увидал, что его считают лишним. Затем, по приказанию правительницы, сын фельдмаршала и Левенвольд объявили ему, что правительница не желает долее откладывать его увольнение. Но отважившись на такой решительный шаг, и правительница, и ее супруг сильно боялись, чтобы Миних не воспользовался хотя бы самым коротким временем и не произвел бы переворота с помощью гвардейских полков. Уже солдаты недавними успешными поступками научились свергать существующие власти и возводить новые. К большому страху правительницы и ее супруга, Бирон, над которым в Шлиссельбурге происходило следствие, показывал, что Миних особенно понудил его, Бирона, принять регентство, а сам же потом низвергнул его. Бирон из своего заточения давал правительнице понять, что Миних может низвергнуть и ее, стоит только ей раз исполнить не

так, как ему хочется – он будет мстить! Миних получил отставку; но брауншвейгские супруги не переставали его бояться, до того, что не смели ночевать в одном и том же покое несколько ночей сряду. Миних, однако, не думал предпринимать никаких переворотов; он уехал в свою дачу Гостилицы. Правительница, опасаясь мщения Миниха, в то же время думала расположить его, и милостивым вниманием она назначила ему 15000 р. годовичного пенсиона, подарила ему имение в Силезии Вартемберг, принадлежавшее Бирону и конфискованное у последнего, и Миних со всех своих имений получал дохода – включая сюда и данный ему годовичный пенсion – до 70000 руб. Таким образом, удаливши опасного фельдмаршала, правительница думала уболагодворениями оградить себя от него. Но опасность угрожала ей совсем с другой стороны.

Есть известие, что Миних не только не затевал ничего дурного против тогдашнего русского правительства, но собиpался уехать навсегда из России и поступить на службу прусского короля Фридриха II. Несомненно, что последний готов был с распростертыми объятиями принять знаменитого военачальника, прославившего Россию своими победоносными подвигами. Говорят, что Миних откладывал свою поездку, месяц за месяцем, пока, наконец, переворот, постигший Россию в ноябре 1741 года, повернул иначе судьбу фельдмаршала. Но тут происходит сомнение: искренне ли Миних думал покинуть Россию или только пугал правительницу, надеясь, что она сама станет просить его и убеждать не оставлять ее, и, наконец, помирится с ним. Нам кажется вероятнее последнее предположение. Миних уже слишком сжился с Россией, с нею была связана его слава, а он сам составлял славу России. Солдаты прозвали его соколом ясным, ему давали кличку столпа империи. Едва ли возможно, чтобы этот человек, без последней крайности, стал искать другого отечества! Мы увидим и далее, когда после двадцатилетнего заточения он получил свободу, то беспрестанно твердил, что уедет за границу кончать жизнь на своей родине и, однако, не поехал, хотя уже никто не препятствовал ему ехать. Точно так же и в 1741 году он только говорил, что уедет и будет служить прусскому королю, но

не уехал, и не уехал бы, если бы ему даже не пришлось ехать в Сибирь.

Миних, уговаривавший правительницу предпочесть союз с Пруссией и с Францией союзу с римским императором и его союзниками, оказался прав, потому что был проницательнее других. Для русского правительства было в то время выгоднее и безопаснее находиться в дружбе с Пруссией и с Францией, чем подавать им повод вредить ему. Французский посланник де ля Шетарди, действуя по интересам своей державы и союзных с ней держав, сыпал золотом и устраивал заговор – возвести на престол цесаревну Елисавету и низвергнуть брауншвейгскую династию. Конечно, если бы правительница послушалась Миниха и союзом с прусским королем оградила себя от тайных покушений французского посла и вместе с ним заодно действовавшего шведского, то этих козней бы не было, и она могла бы удержать за собою власть. Но правительница и ее супруг доверились в политике посольству императорскому в лице графа Ботты д'Адорно и польско-саксонскому в особе Линара, и не хотели замечать ямы, которая рылась под ними, и притом не очень незаметно. Эта яма вырыта была удачно, и в ночь с 24 на 25 ноября совершился известный переворот, поставивший на престол Елисавету Петровну.

В эту ночь хирург Елисаветы, Лесток, отправил отряды, каждый в 25 человек, для арестования помеченных лиц. В записках Шетарди сообщается, что солдаты, прибывшие арестовать Миниха, обращались грубо с бывшим фельдмаршалом, которого в войске будто не любили. Это известие противоречит другим, сообщающим единогласно, что, напротив, его подчиненные всегда уважали и любили; во время своей власти он внушал благоговейный страх, а в эпоху своего падения – участие и сострадание, неразлучное с уважением.

Всех арестованных на другой день в 6 часов утра препроводили в крепость, и тут началось судебное следствие над ними, представляющее вопиющий образчик бесправия, рельефно выступающий своим безобразием в истории, как ни богата вообще история всех времен и стран примерами несправедливых осуждений. Из всех тогда обвиненных Миних был

невиннее всех, так как уже несколько месяцев перед тем был в отставке и не занимался государственными делами. Вся вина его состояла в том, что он верно служил императрице Анне Ивановне, а по смерти ее, назначенному от нее преемнику, и не показывал расположения возвести на престол Елисавету Петровну. Кроме политических государственных преступлений, его обвиняли в преступлениях по занимаемой им должности фельдмаршала: он умышленно выводил в чины своих соотчичей немцев, не давая хода природным русским; это обвинение само собою уничтожалось, стоило только вспомнить, что не кто иной, как Миних, упразднил установленное Петром Первым правило давать служащим в войске иностранцам двойное жалованье против русских, носивших одинаковые с первыми чины. Его обвиняли также в жестокости произносимых им приговоров, когда не обращалось внимания на высокую породу обвиняемого, и люди родовитые подвергались одинаковой каре с людьми простого происхождения. Его обвиняли в казнокрадстве, а председательствующим комиссии, учрежденной для суда над государственными преступниками, был князь Никита Трубецкой, который два раза своею неисправностью в своевременном подвозе провианта и боевых запасов причинял войску большие затруднения и только благодаря дружескому расположению Миниха избежал военного суда. Миних в свое оправдание ссылался на ряд донесений, сохранявшихся в воинской коллегии, и закончил свою речь такими словами: «Пред судом Всевышнего мое оправдание будет лучше принято, чем пред вашим судом! Я в одном только внутренне себя укоряю – зачем не повесил тебя, когда ты занимал должность генерал-кригс-комиссара во время турецкой войны и был обличен в похищении казенного достояния. Вот этого я себе не прощу до самой смерти».

Императрица Елисавета сидела за ширмами, поставленными в той же комнате, где происходил допрос и, невидимо для всех, присутствовала при суде над своими павшими противниками. Услыхавши то, что произнес Миних, она приказала прекратить судебное заседание и отвести Миниха в крепость.

18-го января 1742 года на Васильевском острове, против здания двенадцати коллегий (где ныне университет) был воздвигнут эшафот о шести ступенях. Кругом стояли вооруженные гвардейцы и солдаты Астраханского полка, образуя каре и удерживая теснившуюся толпу. Множество народа обоего пола и разных возрастов спешило отовсюду глазеть на зрелище казни особ, так недавно бывших знатными и сильными. Был ясный морозный день. Осужденных доставили в 10 часов. На простых крестьянских дровнях везли Остермана, одетого в халат, – по болезни ног он не мог идти. Прочие осужденные шли пешком. Все показывали унылый вид, были неряшливо одеты и, сидя в тюрьме долгое время, обросли бородами. Один Миних имел бодрый вид, был выбрит, одет в серое платье, поверх которого накинута была красная плащ. Идучи из крепости, он разговаривал с офицерами, провожавшими его, вспоминал, как часто во время войны находился близко к смерти, и говорил, что, по давней привычке, и теперь без всякой боязни встретит ее.

Прежде сняли с дровен Остермана, посадили на носилки и внесли на эшафот. Там уже ожидали его страшные орудия мучительной казни. Прочитан был длинный приговор на пяти листах; осужденный прослушал его с открытой головой и с усилием держась на ногах. Его приговаривали к колесованию, но тот же секретарь, произнесший в чтении эту жестокую участь преступнику, вслед за тем произнес, что государыня, по своей милости и состраданию, смягчает казнь эту, заменяя ее отрублением головы. Уже Остермана подвели к плахе, уже палач отстегнул ворот его шлафрока и рубахи, уже взял в руки топор, вдруг секретарь, читавший приговор, возвещает слова императрицы, что, по природному матернему милосердию и по дарованному ей от Бога великодушию, вместо смертной казни – всех осужденных сослать в заточение. Палач, по прочтении о пощаде его жертвы, с пренебрежением толкнул Остермана ногою; хворый старик повалился и был посажен на носилки солдатами. «Пожалуйте мне мой парик и колпак!» – сказал он, застегивая ворота своей рубашки и своего халата. Это были единственные слова, слышанные из его уст на эшафоте.

За ним черед приходил Миниху, и он взошел на возвышение, с которого читался приговор. Его бодрый и живой взгляд, его сияющее старческою красотою лицо, его благородная осанка всем напомнили того фельдмаршала, который являлся на челе храброго войска, воодушевляя его дух одним своим видом. Но ему нечего было там оставаться. Он сошел, других не возводили на возвышение и отправили всех в крепость. На другой день последовала отправка осужденных в места их заточения: Остермана – в Березов, Миниха – в Пелым, Головкина – в Ярманг, иначе Среднеколымск, Менгдена – в Нижнеколымск, Левенвольда – в Соликамск, Темирязева и Яковлева – в Тобольск, потом первого перевели в Мангазею. Наблюдать за этим поручено было Якову Петровичу кн. Шаховскому, оставившему любопытные записки о своем времени, представляющие некоторые черты и об этом событии. Женам осужденных дозволено было, по воле императрицы, или следовать за мужьями, или со всеми правами состояния оставаться на прежних местах жительства. Они последовали за своими супругами. Остерман, по известию Шаховского, лежал и вопил от боли в ногах, пораженных подагрой. Он с обычным своим красноречием выразил сожаление о том, что имел несчастье прогневить всемилостивейшую государыню и просил кн. Шаховского довести до императрицы его просьбу о милостивом и великодушном покровительстве его детям. Бывший министр хорошо знал, что его слова тут же запишутся и представятся высочайшей особе, что и случилось. Кн. Шаховской приказал офицеру, командируемому с ним для отвозу, чтобы солдаты его команды подняли несчастного старца с постелью и бережно положили в сани. «О жене же его, при сем случае находившейся, кроме слез и стенаний описывать не имею», – замечает кн. Шаховской.

Тут подошел к нему офицер, который должен был везти Миниха. До той казармы, где сидел разжалованный фельдмаршал, было не близкое расстояние, и кн. Шаховской имел возможность, идучи к нему, вдоволь надуматься о суете земного величия. «В таких смятенных моих размышлениях пришел я к той казарме, где оной бывший герой, а ныне



наизлосчастнейший находился, чая увидеть его горестью и смятением пораженного, – говорит кн. Шаховской. – Как только во оную казарму двери предо мною отворились, то он, стоя у другой стены возле окна ко входу спиною, в тот миг поворотясь, в смелом виде с такими быстро растворенными глазами, с какими я имел случай неоднократно в опасных с неприятелем сражениях порохом окуриваемого видать, шел ко мне навстречу и, приближаясь, смело смотря на меня, ожидал, что я скажу. Сии мною примеченные сего мужа геройские и против своего злосчастия сказуемые знаки возбуждали во мне желание и в том случае оказать ему излишнее пред другими такими ж почтение, но как то было бы тогда неприлично и для меня бедственно, то я сколько возмог, не переменяя своего вида так же как и прежним двум, уже отправленным, все подлежащее ему в пристойном виде объявил и довольно приметил, что он более досаду, нежели печаль и страх на лице своем являл. По окончании моих слов, в набожном виде подняв руки и возведя взор свой к небу, громко сказал он: «Когда уже теперь мне ни желать, ни ожидать ничего иного не осталось, так я только принимаю смелость просить, дабы, для сохранения от вечной гибели души моей, отправлен был со мною пастор», – и при том, поклонясь с учтивым видом, смело глядя на меня, ожидал дальнейшего повеления; на то я сказал ему, что о сем, где надлежит, от меня представлено будет. А как все уже к отъезду его было в готовности и супруга его, как бы в какой желаемый путь в дорожном платье и капоре, держа в руке чайник с прибором, в постоянном виде скрывая смятение своего духа, была уже готова, то немедленно таким же образом, как и прежние, в путь свой они от меня были отправлены».

Миниху назначили местом заточения Пелым, сибирский городок, куда прежде отправили сверженного регента Бирона, по указанию князя Алексея Черкасского, которому был известен сибирский край, так как, прежде поступления своего в сан кабинет-министра, он был сибирским губернатором. Миних сам начертил план дома, определенного на житье сосланному любимцу императрицы Анны Ивановны. Ему пришлось теперь ехать туда, куда он надеялся засадить на всю жизнь своего

соперника. Это подало повод к легенде, будто Миниху суждено было проживать в этом самом доме; но это неверно исторически. Дом, построенный для Бирона, сгорел прежде доставления в Пелым бывшего фельдмаршала. Когда Миниха везли в ссылку, Бирон, по указу императрицы, возвращался из ссылки в Ярославль, назначенный ему для житья вместо отдаленного Пелыма. Враги встретились при перемене почтовых лошадей в предместьи города Казани, сняли друг перед другом шляпы, поклонились один другому и поехали каждый в свою сторону, не обменявшись ни одним словом между собою. Миниха поместили в воеводском доме, построенном посреди деревянного острога. Положение, в каком очутился бывший фельдмаршал, недавний первый министр Российской империи, была не простая ссылка, а тяжелое тюремное заточение. Он не смел никуда выходить дальше острожной стены, которою отделено было его жилище от остального мира. Хотя с ним поехала довольно немалочисленная прислуга, пастор и врач, но только они исключительно могли ходить в город, состоявший в то время из небольшого числа обывательских домов. В 1746 году писал узник к своему брату, избегнувшему ссылки и остававшемуся при дворе с прежним чином действительного тайного советника, барону Миниху: в своем письме он оставил наглядное описание своего горемычного житья<sup>40</sup>.

Двадцатилетнее пребывание Миниха в Пелыме составило важную переломную эпоху в жизни этого человека. Сам он сознавался, что был слишком увлечен суетою жизни, в которой до тех пор вращался; удар, постигший его, обратил его сердце к Богу и он в своем несчастье и унижении нашел душевный мир и спокойствие. Он, по собственному уверению, никогда в продолжение двадцатилетнего своего заточения не унывал, но всегда был в ясном расположении духа. «Я (писал он однажды брату) от Христа удалился, гласа Его не слушал, ныне же Он, милосердный, меня от греховного сна воздвигнул; в Пелыме я научился лучше с Лазарем в убожестве нежели с богатым мужем в славе и радости жить». Он и прежде, с самого отрочества, не чужд был лютеранского благочестия. «Я всегда,

– писал он уже в последних днях своей жизни, – в продолжение семидесяти лет старался каждый день сделать что-нибудь во славу Всемогущего на пользу ближнего и, если мне это удастся, ввечеру того ж дня я чувствую истинную радость. Я не думаю сделать этим чего-нибудь, за что бы я мог ожидать награды, но единственно стараюсь, исполняя долг свой, находить в сердце мир и чистые невинные удовольствия». Теперь он преимущественно посвятил себя религиозному созерцанию. Ежедневно у него отправлялось два молитвословия: одно утреннее от 11 до 12, другое после полудня от 6 до 7 часов; его немецкие служители при этом все присутствовали. Исполнял все это пастор, а после, когда пастора не стало, сам Миних. В праздники утром читали обычное евангелие, пополудни апостольское писание, что приходилось в данный праздничный или воскресный день по уставу лютеранского богослужения. Его чрезвычайно деятельная природа не выносила духовного бездействия. Он начал составлять проекты, то военные, то строительные, но, к большому его несчастью, ему не давали ни бумаги, ни чернил. Узник заявил, что желает письменно сообщить что-то важное государыне. Это заявление пошло в сенат, представлено было императрице, и она дозволила Миниху временно дозволить писать, что он находит нужным представить правительству. Тогда Миних принялся писать и посылать в Петербург один за другим проекты, касавшиеся окончания того, чего не успел совершить Петр Великий, застигнутый среди множества предприятий преждевременною кончиною. Он писал и предположения о том, как бы возвысить Петербург, возлюбленный город Петра Великого, и его окрестности, замечая, что если б жив был Петр, то «чаятельно тогда тысячами способов споспешествовано быть могло»; но после Петра многие из этих способов забвению преданы; предлагал построить ряд селений, дворцов, зверинцев, увеселительных домиков с фонтанами, бассейнами и рощами на протяжении от Ораниенбаума до Петербурга и то же – от Петербурга до Шлиссельбурга по берегам Невы, а также заселить берег канала от Шлиссельбурга до Ладоги, прорыть начавшийся уже при Петре канал на невских порогах близ реки

Тосны, начать новый канал от Невы в Царское Село, так что государыня могла бы, севши на буер у своего Летнего дворца близ Смольного двора, пристать прямо к крыльцу своего царскосельского дворца; другой проект касался более важного предмета – укрепления украинской линии и турецкой границы, еще иной – укрепления Киева, наконец, – проект о войне с Турцией (мысль эта не выходила из головы у Славянского героя), и о поправке русских крепостей, – проект, показывающий, в какой подробности знал бывший фельдмаршал состояние этого дела в тогдашней России. При всех проектах присоединялось моление об освобождении его из ужасного заточения. Все свои проекты он писал так, чтобы наглядно показать, что никто другой, кроме него, не в состоянии исполнить этих предприятий, необходимых для России. Он просил только освободить его, призвать в Петербург и дать возможность словесно разъяснить посылаемые предначертания. Он умолял о помиловании, ссылаясь на пример отца государыни, Петра Великого, который, хотя разгневавшись и сослал князя Василия Владимировича Долгорукого, но потом простил его. «Не прошу ни титулов, ни богатств, – писал он, – ни земель, прошу дозволить при стопах вашего императорского величества умирать, удостоверив ваше величество в своей верной и отличной службе в память Петра Великого! Если нужно, чтоб я без денег и деревень жил, я готов и солдатской порцией довольствоваться и буде мне в палатах жить не можно, я охотно буду дворником у вашего императорского величества». Не ограничиваясь молениями к императрице, изгнанник писал и к великому князю Петру Федоровичу, поздравлял его с бракосочетанием, желал ему всякого благополучия и умолял ходатайствовать у императрицы «о даровании прощения опечаленному генералу, который некогда для Петра Великого свое отечество оставил и в тысячекратных случаях живота своего и покоя для России не щадил». Вспоминал о том, как он служил России в войнах польской и турецкой, и ныне готов оказать такие же услуги. Но как ни просил, как ни молил он, как ни унижался – его хвалы, воссылаемые императрице, так же мало имели влияния, как

мольбы и восхваления Овидия, расточаемые Августу с дунайских берегов. Не более действительны были его обращения к канцлеру Бестужеву, человеку, с которым прежние отношения Миниха имели никак не дружелюбный характер.

В 1744 году Миних отправил ему на немецком языке длинное письмо, тогда же, по повелению императрицы, переведенное по-русски статским действительным советником Демидовым. В этом письме Миних подробно излагает свое прошлое – свои первые труды по устройству Ладожского канала, вспоминает, как великий государь «такую радость и удовольствие всякому человеку засвидетельствовал, и меня бы не токмо из Пелыма из ссылки, но из китайской границы для его службы к себе привел». В этом письме узник приносит раскаяние Бестужеву в своих неприязненных к нему поступках, впрочем, объясняя, что многое делал он не по собственному желанию<sup>41</sup>.

Это письмо замечательно еще и потому, что пелымский узник припоминает недавние обстоятельства, содействовавшие его падению, известные уже из предшествовавшего хода повествования, но любопытные потому, что передаются самим деятелем, не только участвовавшим в описываемых событиях, но заправлявшим ими. Попытка склонить Бестужева к примирению и к ходатайству перед императрицею за бывшего своего врага не могла иметь успеха. Не таков был Бестужев, чтоб он забыл то, что потерпел от Миниха; в то время, когда Миних искал от него такого христианского великодушия, Бестужев готовил падение и гибель Лестоку, который, пользуясь приближением своим у Елисаветы, поднял Бестужева из праха, куда этот хитрый министр был низвержен предыдущими бурями. Да и кроме старой неприязни к Миниху, Бестужев, вошедши в силу и ставши первым министром при Елисавете, из политических соображений никогда бы не сделался ходатаем за сосланного в Пелым фельдмаршала. Во-первых, такое ходатайство могло бы обратить на него опалу императрицы, которая не терпела Миниха, считая его опаснейшим врагом своим, и безжалостно с надругательством его преследовала; во-вторых – Бестужев, рассуждая о Минихе по самому себе, не

мог довериться его искренности. Миних, будучи возвращен, мог казаться опасным для нового правительства. Миниха любило и уважало войско: Миних имел бы возможность учинить в империи такой переворот, который погубил бы и Елисавету и Бестужева. Понятно, что обращения пелымского заточника к Бестужеву были гласом вопиющего в пустыне, и можно смело сказать, что если б Елисавета, в самом деле, расчувствовалась и показала сострадание к павшему фельдмаршалу, то прежде всего удержал бы ее от оказания милости Миниху не кто другой, как этот Бестужев.

Миних писал также и к любимцу императрицы, Алексею Разумовскому, прося и его ходатайствовать за него у императрицы. И эта дорога не привела его к желанной цели.

Вероятно, слезные просьбы о помиловании надоели императрице, как равно и проекты его, к чтению которых она, конечно, не могла получить вкуса, так как вообще не любила заниматься никакими серьезными делами. Последовало запрещение позволять Миниху посылать к ней письма. Это последовало, вероятно, в 1746 г., как можно заключить из того, что ряд посылаемых из Пелыма в Петербург посланий прерывается на этот год. Но в июле 1749 года мы встречаем следующий рапорт генерал-прокурора ее императорскому величеству.

«Сего настоящего месяца 8 числа. Ваше императорское величество, на поданный сенатский доклад, всемилостивейше изустно указать мне соизволили: бывшему фельдмаршалу для написания, что он имеет представить о государственном интересном деле, бумаги и чернил дать, и оное представление при караульном обретающемся при нем офицере написать ему позволить, только при том ему объявить, дабы он о всем достаточно единожды ныне написал, ибо ему впредь на такие требования позволения дано больше не будет. И оный вашего величества указ в сенате мною записан и во исполнение оного, по приговору правительствующего сената, к обретающемуся при содержании объявленного Миниха сибирского гарнизона поручику Попову указ с нарочным курьером отправлен июля 11 дня».

Следствием этого позволения было представление нового проекта: об укреплении города Киева, написанного на французском языке и подписанного 27 августа того же года. При этом Миних счел уместным выразить глубокую скорбь, произведенную чтением грозного указа, заранее угрожающего ему запрещением на дальнейшее время писать проекты и письма. Кажется, это было последнее послание его к непреклонной государыне; по крайней мере, нам уже не случалось видеть ни строчки от Миниха в последние годы его заточения. Миниху решительно запрещено было давать бумагу и позволять писать, но после кончины его пастора, Мартенса, случившейся в 1749 году, Миниху в наследство остался порядочный запас писчей бумаги, и он от скуки начал писать трактат о фортификации и составлять проект войны с турками. Случилось тогда вот что: офицер, приставленный к нему и выдававший ему деньги на содержание, не хотел дать ему столько, сколько тот просил. Миних сказал ему какую-то колкость, а офицер сказал, что донесет на него: он все что-то пишет и, верно, ко вреду императрицы и России. Миних знал, что в России значило страшное «слово и дело», и поторопился все написанные бумаги бросить в огонь. К его счастью, это произошло уже в последний год царствования Елисаветы.

Судьба определила ему участь, какой не испытали другие его сострадальцы в Сибири, с ним разом сосланные по одному делу. Он дожил до смерти Елисаветы и до вступления на престол императора Петра III, и заря освобождения блеснула для него уже на восьмидесятом году его бурной, славной и страдальческой жизни.

10 февраля (по Бюшингу, 1 февраля) 1762 года явился в Пелым курьер с сенатским указом, объявляющим свободу Миниху. Старик в это время совершал утреннюю молитву. Его супруга, узнавши, в чем дело, не прерывала его и остановила служителя, разбежавшегося с радостною вестью в ту комнату, где молился Миних. Но вот вошел офицер, приставленный к узникам. Недавно перед тем он позволял себе с Минихом обращение не совсем почтительное, как старший с меньшим, сознавая свое дворянско-офицерское величие перед тем,

который прежде хоть и был фельдмаршалом, но потом стал ничто, -простой арестант, государственный преступник, лишенный навсегда прежних прав всемогущею царскою волею. Теперь этот офицер, прежде чем войти к узнику, осведомился, можно ли войти, и, вошедши, почтительно представил ему сенатский указ. Тогда Миних и его супруга оба пали ниц, залившись слезами, и с восторгом благодарили Бога. Нельзя сказать, чтоб это счастье пришло к Миниху совершенно неожиданно. Еще прежде он узнал о кончине императрицы Елисаветы и несколько недель провел в колебании между страхом, что о нем не вспомнят, и надеждою, что новый государь покажет ему свою милость в такой мере, в какой только мог желать ссыльный. Ему возвращали свободу и все прежние права состояния.

Вдруг проснулся душою узник, уже в продолжение многих лет отягченный духовным сном безнадежности. Его люди были перед тем посланы на ирбитскую ярмарку для закупки разных запасов, как делалось каждый год. Миниху хотелось скорее уехать из места своего двадцатилетнего заточения, и он послал нарочного догнать их и заворотить назад. Спустя восемь дней после получения вести о своем освобождении он собрался в путь. Предание, сохранявшееся в Пелыме, говорит, что пред своим отъездом он три раза объехал Пелым и говорил жителям, собравшимся провожать его: «Простите, мои пелымцы, вот и старик Миних с своею старухою от вас уезжает». – «Прости, отец наш родной!» – кричал ему народ. Покинувши, наконец, Пелым, он, несмотря на свои семьдесят девять лет, через 25 дней пути, совершенного в простых санях, достиг Москвы. Это было 16 марта, ночью. Вдова фельдмаршала графа Апраксина ждала его, приготовила ему у себя помещение и в знак радости зажгла блистательную иллюминацию у своего дома. Миних пробыл в Москве недолго. 21 марта он был уже в Новгороде, а 24 приблизился к Петербургу. Путь от Москвы до Петербурга был для него триумфальным шествием: генералы, штаб-офицеры и статские чины, служившие когда-то у него под начальством, выезжали встречать и приветствовать воскресшего героя, в течение двадцати лет вычеркнутого из



разряда живых. За тридцать верст от Петербурга встретила его внучка, дочь сына его, Анна, с своим супругом Фитингофом; она была красавица; дед еще не видал ее, потому что она родилась в год его заточения. Услыхавши, что деда, наконец, освободили, Фитингофы нарочно приехали из Риги, чтоб встречать его.

Миних прибыл в Петербург в жалком виде: у него не было платья, и всю дорогу одет он был в худой тулуп. Император 30 марта послал к нему своего генерал-адъютанта, гр. Гудовича, который от царского имени поднес ему шпагу и объявил возвращение генерал-фельдмаршальского достоинства со старшинством с 25 февраля 1732 года. Жизнеописатель Миниха, пастор Бюшинг, говорит, что в этот день он явился к Миниху и увидел его в первый раз в жизни. «Это был крепкий, рослый старик, отлично сложенный, сохранивший всю огненную живость своей натуры. В его глазах было что-то пронцающее, в чертах лица что-то величавое, внушающее благоговейный страх и покорность его воле. Тогда Миних вел беседу с каким-то офицером и что-то рассказывал о своих походах против турок и татар. Его голос вполне соответствовал его осанке: в нем было что-то повелительное». 31 марта приехал Миних во дворец благодарить государя. Государь сделал ему вопрос: «Дозволят ли вам, фельдмаршал, ваши лета и ваши силы продолжать службу?»

Миних на это произнес такую речь: «Бог возвел ваше величество на престол империи, которой пределы неизмеримы; Бог вручил вам власть над народом многочисленным, который во многих отношениях превосходит все народы Европы. Я с победоносной русской армией совершал походы в степях, где недоставало ни воды, ни жизненных запасов; я с русским простым народом на Ладожском канале, при построении линий и крепостей, исполнял удачно такие работы, на которые бы не посмел отважиться с другим народом! Где такой народ, который мог бы пройти всю Европу без провианта, переходить через широкие реки без мостов, питаться конским мясом, дикими яблоками и тому подобными снадобьями? А таковы именно донские казаки и калмыки, у последних нет домов, живут в

кибитках или шалашах, не сеют, не жнут, не косят, и к хлебу не привыкли, а между тем, воины превосходнейшие, наилучшие солдаты, соблюдающие дисциплину, и так осторожны, что не допустят неприятеля напасть на себя ни в стане, ни на походе. На рамена вашего императорского величества Бог возложил бремя тяжелое. Кто не понимает, как трудно управлять Россией, пусть вникнет в деяния Петра Великого, славы достойной памяти деда вашего величества и увидит его изумительные труды и усилия! Кто этого сам не видал, тот понять не может, а кто был наочным свидетелем его деяний, как я, тот не может не изумляться! Великий государственный человек и законодатель в правлении, великий полководец в войске, опытный во флоте адмирал и вместе с тем простой рабочий в кораблестроении, устройстве каналов, прилагающий всюду собственную руку. Чего не устроил, чего не привел в исполнение этот государь? Что есть в России великого – все то им зачато, и еще более есть такого, что осталось недоконченным или неисполненным по причине его безвременной кончины. Все это докончить оставлено мудрому правлению вашего величества, и вам необходимы верные и способные исполнители. Я, ваш верноподданный, покинул свое отечество затем, чтоб иметь счастье служить несравненному государю, Петру Первому. Я могу похвалиться, что был его любимым и доверенным генералом, но его неожиданная смерть отняла его у меня. Ваше императорское величество извлекли меня из тьмы на свет и всемилостивейше повелели мне из Сибири явиться к вашему пресветлому престолу. Я желаю и готов принести мою кровь и жизнь службе вашего величества. Ни долговременное отдаление мое от царского трона, ни сибирские стужи не погасили в моем сердце жара к интересам Российского государства, к славе его обладателей».

Произнесши такую речь, старик склонил колена, а государь тотчас сам поднял его, обласкал и тотчас пригласил с собою на парад. В тот же вечер Миних получил приглашение быть ко двору. Государь хотел примирить его с Бироном. Последний, проживши все царствование Елисаветы в Ярославле, хотя не в заточении, как Миних, но в удалении от двора, Петром Третьим

был также приглашен в столицу. Государь хотел их свести вместе и помирить; для этого назначен был именно этот самый вечер. Миних и Бирон, люди прошлого времени, явились посреди нового поколения царедворцев, как тени, восставшие из могил. Все было вокруг их чуждым, и они сами были для всего окружающего как бы чужими. Петр свел их и заявил желание, чтоб они помирились, забыли бы все прошлое и простили друг другу все наделанные огорчения. Миних и Бирон отвечали поклонами. Тогда император приказал подать три бокала – один взял сам, а два другие предложены были Миниху и Бирону. В это время придворный подошел к государю и что-то сказал ему потихоньку; как видно, это сделано было по данному заранее приказанию государя. Петр поставил свой налитый вином бокал и вышел. Миних и Бирон долго стояли на месте, держа в руках бокалы, и не смотрели друг на друга, а оба обращали взоры на дверь, куда вышел государь и откуда, по-видимому, снова должен был воротиться; потом, обмерявши взглядами друг друга с головы до ног и не сказавши ни слова, поставили свои бокалы, повернулись один к другому спиною и разошлись.

Император Петр Третий вознамерился устроить под личным своим руководством и призрением комиссию или совет из приближенных лиц. Это было что-то вроде прежнего кабинета, высшее правительственное учреждение, посредствующее между верховною особою и правительствующим сенатом. Миних был в числе членов этого совета. Миних делал предложение дать ему место или сибирского губернатора, или главноначальствующего над каналами и портами. Государь не исполнил ни того, ни другого из его желаний, отложивши это до будущего времени. Петр III, назначив ему из казны жалованье по чину фельдмаршала, подарил ему меблированный дом, купленный у Нарышкина, и послал жене Миниха в подарок двести империалов, составлявших две тысячи рублей, на излечение от болезни, на которую, как узнал государь, графиня Миних жаловалась в то время. Пребывание в Пелыме долго оставляло на ее нервы болезненное влияние; некоторое время она не могла преодолеть себя и всегда приходила невольно в

волнение и беспокойство всякий раз, когда отворялись двери, где она находилась. Кроме милостей от императора, возвратившего ему и его прежние поместья, ему оказал внимание и прусский король. Бирон в 1734 году в прусских владениях купил баронство Вартемберг. После ссылки Бирона оно было конфисковано и отдано Миниху, а когда чрез год после того сослан был и Миних, прусский король велел взять его временно в казну. Но по возвращении Миниха и Бирона, оба стали добиваться возврата себе этого имения. Прусский король принял на себя в этом вопросе посредничество и решил возвратить Вартемберг прежнему владельцу Бирону, а прежний владелец, получая его обратно, должен был заплатить Миниху 25000 талеров, и сверх того, Миних от прусского правительства получил двенадцать тысяч талеров за доходы, собираемые с этого имения во время своей ссылки, и 50 000 талеров за вновь прикупленные к нему поместья.

Миних не совсем сошелся с новым государем. Во-первых, он не одобрял войны с Данией, которую замышлял вести русский государь за интересы своего голштинского дома, совершенно чуждые России. Во-вторых – он не одобрял намерения государя переодеть все русское войско на прусский образец и вообще отнюдь не мирволил его немецким симпатиям, которые, как известно, оскорбляли русских и стали поводом к тому охлаждению русской нации, которое в критические минуты, скоро наступившие для этого государя, лишили его опоры и в войске, и в народе. Это тем более замечательно, что Миних был всегда истый немец, но как человек благоразумный и слишком знавший дух русский, видел, что немцелюбие не приведет к добру государя. За смелые возражения Петр уже стал показывать к нему холодность, и Миних совсем расходился уже со своим государем-благодетелем.

Но вот настало страшное для Петра III 28 июня 1762 года. Государь стоял в открытой борьбе со своею супругою. В это время он с своею голштинскою силой шел на Петергоф и узнал, что императрица уже в Петербурге, а войска русские принимают ее сторону. Слабодушный государь растерялся. Он грозил

уничтожить Екатерину, и в то же время послал к ней канцлера Воронцова с мирными предложениями. А окружавшие его не могли поддержать в нем присутствие духа. Один Миних явился тогда героем. Он один дал государю спасительный совет. «Ваше величество, – говорил он, – не дождетесь посланного Воронцова: он останется при императрице. На ее стороне двадцать тысяч войска, а мы что можем ему противопоставить: каких-нибудь тысячи три голштинцев, да еще, может быть, толпу необученных мужиков, которых, быть может, удастся нам поднять из деревень на защиту государя; в Петергофе мы не можем обороняться, в Ораниенбауме – только на короткое время и слабо. Я ведь знаю русских солдат. Малейшее сопротивление подвергнет жизнь вашего величества опасности. В Кронштадте надобно искать спасения. Там найдем и многочисленный гарнизон, и флот. Овладев Кронштадтом, мы принудим покориться и Петербург».

По совету Миниха тотчас отправили в Кронштадт верного Петру генерала Ливерса. Вслед за тем приготовили две яхты к отплытию государя и всех бывших с ним. Не успели сесть в яхты, как посланный в Кронштадт Ливерс прислал адъютанта сказать, что Кронштадт держится в верности государю и с нетерпением ожидает его прибытия. Миних торопил Петра скорее отплывать, но Петр, как ребенок, постоянно переходил от отваги к трусости, от трусости опять к отваге, и теперь, как только уверился, что в Кронштадте найдет себе надежное убежище и опору, забыл об опасности, стал горячиться, кричал, что постыдно убегать, не выдавши неприятеля; стал расставлять своих голштинцев в боевой порядок и твердил, что дождетсЯ своей соперницы и даст ей отпор. Яхты были готовы; Миних настаивал на скорейшем отплытии, а Петр все осматривал местность с целью обороны. Наконец прискакал адъютант во весь галоп с известием, что императрица с двадцатитысячным войском достигает Петергофа. Уже вечерело. Тогда Петр бросился к яхтам; Миних советовал садиться в порядке, не торопясь, но все бросились за императором к яхтам, стремглав. Государь отплыл с Гудовичем, Минихом, со своею любимицей Воронцовой и с несколькими

придворными дамами и царедворцами. В десять часов причалили к Кронштадту. На берегу стояла часть кронштадтского гарнизона под ружьем. Часовые сделали оклик: кто? Был ответ: император! «У нас нет императора!» – закричали с берега. Петр выступил вперед, стоя на палубе, открыл свой плащ, показал свой орден и, собираясь вступить на твердую землю, сказал: «Это я! разве вы меня не узнаете?» – «Нет!» – был ответ. Караульный офицер грозил стрелять, если яхта не отчалит. Тогда Гудович, положив руку на перила, окружавшие гавань, советовал императору спрыгнуть на берег и уверял, что никто не осмелится выстрелить в своего государя. Но Петр не обладал такою решимостью и ушел в каюту с своею любимицей и с прочими придворными дамами.

Дело произошло оттого, что в то время, когда Петр занимался в Ораниенбауме приведением в строй своих голштинцев в надежде обороняться от Екатерины, в Кронштадт прибыл адмирал Талызин, успел расположить матросов и гарнизонных солдат к стороне Екатерины, употребил при этом кстати водку и денежные подачки и сделал все нужные распоряжения, чтоб не допустить Петра высадиться на берег. Ливерс был арестован.

Яхта отчалила. Миних стоял на палубе и глядел на звездное небо. Капитан судна вошел к государю в каюту и спрашивал, куда прикажет держать путь. Государь приказал позвать Миниха.

– Фельдмаршал! я виноват пред вами, – сказал государь, – я не послушал вашего совета – спешить. Но что теперь делать? Вы столько раз бывали в опасностях и избавлялись от них, дайте совет, как нам поступить в теперешней крайности!

– Плыть поскорее в Ревель. Там стоит наша эскадра, – сказал Миних. – Ваше величество сядете на один из кораблей и поплывете в Померанию; там ваше войско; с ним воротитесь в Россию, и я ручаюсь, что в шесть недель покорится вам Петербург и все остальное государство ваше.

– Далеко! далеко! гребцы устанут, не дойдут до Ревеля! – кричали царедворцы и дамы.

– Мы сами с ними станем работать веслами, – сказал Миних. – Опасность еще не так велика, ваше величество: Екатерина только того и желает, чтоб с нею войти в соглашение. Лучше сговориться, чем сражаться! -говорили царедворцы. Слабодушный Петр поддался этому совету и приказал направляться к Ораниенбауму.

В четыре часа утра все вышли на берег. Государю донесли, что уже императрица недалеко с войском. Петр заперся с Воронцовой и написал к Екатерине письмо: он отрекался от престола, умолял только отпустить его за границу с Воронцовой и Гудовичем.

Голштинские войска, вернувшиеся из Петергофа в Ораниенбаум, повторили клятву верности, изъявили готовность положить жизнь за государя. Петр велел им положить оружие и разойтись. Миних еще пытался возбудить падавшего духом государя и убеждал отважиться на битву. Все было напрасно. Петр написал вторично к Екатерине и не только отрекался от престола, но клялся никогда не искать его возвращения и ни от кого не принимать помощи.

Тогда Миниху ничего не оставалось как, отдаться Екатерине. Он отправился к ней и смело предстал пред нею.

– Вы хотели против меня сражаться? – спросила его Екатерина.

– Ваше величество! – отвечал Миних, – я хотел жизнью своей пожертвовать за государя, который возвратил мне свободу. Но теперь я считаю своим долгом сражаться за вас, и вы найдете во мне вернейшего слугу вашего.

Императрица оценила поступок Миниха по его достоинству, хотя бы имела более права поступить с ним, как с врагом, чем Елисавета: Миних поднимал против Екатерины оружие, чего не делал против Елисаветы, будучи пред ней виновен только в том, что оставался покорен существовавшей предрержащей власти и не предпринимал против последней замыслов в пользу Елисаветы. Екатерина не только оценила в Минихе его верность государю Петру Теодоровичу, но дозволила ему в продолжение трех месяцев являться к ней в трауре по скончавшемся вскоре императоре.

Екатерина, вообще обладавшая редким даром узнавать людей и поручать им соответствующие их способностям должности, нашла, что Миних в своей старости способнее всего обратиться к такой области деятельности, в какой начал свою службу в России. Сам Миних, как нам кажется, направил государыню к этому. По крайней мере, он еще Петру Третьему делал предложение назначить его либо сибирским губернатором, либо начальником над каналами и портами. Екатерина назначила его главноначальствующим над портами: Рогервикским, Ревельским, Нарвским, Кронштадтским и над Ладожским каналом.

Он с энтузиазмом принялся за приведение к окончанию постройки Рогервикской гавани. Он видел в ней важное значение для безопасности Русского государства. «Рогервик, – писал он императрице из Ревеля, – оплот против шведов и всех завистников России. Непременно следует достроить там гавань, а если ваше величество не окажете внимания к этому славному и полезному предприятию, то мне останется удалиться в бедную хижину и там кончать свои дни!» Он требовал пособия, денег и людей на работы, требовал также надлежащего числа инженеров и секретарей. Работы производились осужденными преступниками, их было недостаточно; Миних домогался, чтобы ему отрядили для работ несколько полков солдат. Екатерина хоть и была постоянно внимательна к почтенному неутомимому старику, но, занятая разнообразными делами по управлению, не могла отдаваться этим вопросам в такой степени, как Миних, и старик был этим, очевидно, недоволен. Между тем он сообщал ей в то же время о разных подмеченных злоупотреблениях. Так, например, он докладывал, что в Нарве собирают пошлину с проходящих английских и голландских торговых судов, назначаемую на содержание в порядке нарвской гавани, но собранные деньги истрачиваются совсем не на то, к чему предназначены. «Нарва, – писал он, – первый город, отнятый Петром Великим у шведов на балтийском побережье, Нарва – это ворота России к Европе. Нарва была цветущим городом, а теперь упала».



Рогервикская гавань строилась по чертежу Миниха. Мол был заложен не на том месте, где находился, когда его начинали делать шведы, и не в той величине, как прежде: он должен был протягиваться на восемьсот шагов в море, а на его оконечностях возведены были два сильных больверка. Отверстие между этими двумя больверками составляло вход с моря в гавань. По обеим сторонам несколько шанцев и батарей должны были прикрывать вход в гавань и защищать мол; за ними предположили построить два моста – один на твердой земле для купеческих судов, другой на острове для кораблей военных. Утесистые берега надлежало взорвать порохом, а камни, оставшиеся от взрыва, употребить на устройство плотины, шанцев и для выравнивания некоторых неровностей. Таков был план Миниха, по которому приступлено к работам. В сентябре 1762 года он писал императрице: «В течение сорока лет работы мол был отделан на 79 тоазов, а с 17 августа по 5 сентября при мне в продолжение восемнадцати дней прибавлено было еще на тридцать один тоаз, следовательно, более трети целого, и уже мол был отделан на 109 тоазов. Вот успехи по новому образцу работ, мною указанному. У нас же немного рабочих рук: из числа тех, которые назначены к нам, одна часть служит при казармах на малой гавани, у генерал-майора Шиллинга, другая – при выгрузке провианта из галиот. С каким бы успехом пошло наше дело, если бы мне дали человек тысяч пять, – я прошу их и все напрасно! Вот если б делалась гавань внутри Петербурга – тогда иное дело, тогда бы все адмиралы были согласны со мной. А то – на балтийском порте, около 400 верст от столицы! Постройка здесь гавани понудит перенести сюда часть адмиралтейства. Кто-то в сенате обо мне сказал: фельдмаршал хочет в Рогервике сделать то, в чем искуснейшие люди уже находили для себя камень преткновения. Это говорит дух недеятельности и злобы! Петр Великий, поручая мне строение Ладожского канала, в сенате сказал: «Я нашел человека, который способен окончить канал по моему желанию. Я велю вам исполнять все, чего он потребует!»

В другом письме к императрице Миних так описывает свое положение: «Сон почти не смыкает глаз моих. Ем я очень мало. С разными планами я закрываю глаза и, снова проснувшись, обращаю к ним свои мысли. Меня беспокоит давняя геморроидальная болезнь, а иногда делаются лихорадочные припадки, по утрам – сильный кашель с болями в груди. Но меня беспокоит то, что мне мало оказывают помощи в моих трудах и, напротив, делают все возможное, чтоб огорчать меня, нарочно доводят до крайности, чтоб заставить меня сделать какой-нибудь ложный шаг и чрез то лишиться милости своей государыни, хотя бы это произошло со вредом для государства». Миних старался убедить императрицу совершить поездку к балтийскому порту. Она совершила ее в 1769 году. Он привел ее на новоустроенный мол, показал ей свои сооружения, уже устоявшие против зимних бурь. Императрица благодарила его и приказывала продолжать работы.

Один раз он ей написал: «Посвятите мне, всемилостивейшая государыня, в день один час или даже меньше часа и назовите это время часом фельдмаршала Миниха. Это доставит вам средства обессмертить свое имя». Императрица исполнила его желание, и он сообщил ей плоды своих долгих размышлений о разных вопросах, занимавших его в течение жизни. Любимым предметом его задушевных желаний было изгнание турок и татар из Европы и завоевание Константинополя.

В празднование дня рождения великого князя Павла Петровича приглашенный во дворец Миних сказал императрице: «Я желаю, чтобы, когда великий князь достигнет семнадцатилетнего возраста, я бы мог поздравить его генералиссимусом российских войск и проводить в Константинополь, слушать там обедню в храме Св. Софии. Может быть, назовут это химерою, так же как называли химерою строение балтийского порта в Рогервике. Но я могу на это сказать только то, что Великий Петр с 1695 года, когда в первый раз осаждал Азов, и вплоть до своей кончины не выпускал из виду своего любимого намерения – завоевать Константинополь, изгнать турок и татар из Европы и на их место восстановить

христианскую греческую империю. Я могу, всемилостивейшая государыня, предложить план этого обширного и важного предприятия. Я несколько лет над этим планом трудился в моем изгнании; к несчастью – он, уже написанный, пропал вместе с моею новою системою фортификации. Надобно несколько времени, чтоб его снова обдумать и начертить». Миних сообщал Екатерине свои предположения о войне с турками, и Екатерина с удовольствием слушала седого воина, который при этом не удерживался и проклинал Австрию за Белградский мир, остановивший победоносное движение России к общенамеченной цели.

Миних, всегда человек религиозный, еще с 1727 года состоял патроном евангелического общества при лютеранской церкви Св. Петра в Петербурге. В 1728 году он купил и подарил ей просторное место, на котором эта церковь каменная стоит до сих пор, сам начертил план и фасад ее, собрал на постройку ее деньги, присутствовал при ее заложении, и при освящении ее 14 июня 1730 года поднес пастору Назиасу церковные ключи. После его возвращения из ссылки его опять упростили принять на себя патронат. Миних ревностно старался привести в цветущее состояние церковь и основанную при ней школу (Petersschule), находившуюся тогда под надзором доктора пастора Бюшинга; испросил у императрицы пожертвование в пользу школы в количестве трех тысяч рублей, а от великого князя тысячу рублей на покрытие долга, сделанного при постройке здания для школы, а сам вносил на школу ежегодно по 300 рублей. Но в 1766 году, вследствие несогласий между членами общины, Миних лишился патронатства. Тогда оставил свою пасторскую должность и уехал за границу его приятель, доктор Бюшинг. Он, как сам объясняет, поступил так столько же из уважения к Миниху, сколько и для того, чтоб не подавать повода к дальнейшим разделениям и недоразумениям.

Миних не забывал никогда своей родины, а после своего возвращения из Сибири вел постоянную переписку с управителями своих поместьев в Ольденбургском крае. Осталось его письмо к управителю Гансу и другое к Генриху,

который приходился ему родственником и занимал должность главного надзирателя над водяными путями и постройками каналов, плотин, мостов и шлюзов. Миних списал сочинение своего родителя о плотинах и послал к Генриху для напечатания: кроме того, послал собственный проект о проведении каналов в Ольденбургском графстве, назначив его на благоусмотрение датского короля, который в то время был и владетельным графом ольденбургским и дельменгорстским. На этот проект не обратили тогда большого внимания. Дания собиралась обменом Ольденбурга прекратить возникшую тогда датско-голландскую распрю. Впрочем датский король прислал Миниху благодарность и дал позволение в своих имениях свободно стрелять оленей и других зверей.

Миних приказывал перестроить по своему плану свой дом в родовом своем поместье Нейенгунторфе и купить для себя дом в Ольденбурге: он намеревался, удалившись на родину, проживать там в зимнее время, а на лето переселяться в Нейенгунторф. За год перед смертью он писал жене своего управителя: «Я живу здесь в великолепном доме, в котором комнаты богато расписаны и украшены дорогими картинами, но все это я оставляю, чтобы переселиться в Ольденбург: так сердечно я люблю свою родину. Охотно верю, что и вы, моя дорогая, пожелаете увидеть старого фельдмаршала. Если Богу угодно, это исполнится в будущем году, в мае». Уже за несколько месяцев до своей кончины он писал: «Меня задерживают здесь составление фортификационной системы и множество дел, должностных и домашних. У меня под управлением три канцелярии: русская, немецкая и французская. Я работаю в них, не исключая воскресных и праздничных дней, зимою и летом, с четырех часов утра до обеда. За столом бываю в кругу приятелей. Это мое развлечение. После обеда отдыхаю, не более получаса, а к вечеру, если работа уже окончена, стараюсь иметь необходимое для здоровья движение, посещаю кого-нибудь из знакомых или прогуливаюсь в саду, читаю книги и газеты, чтобы не быть совсем чужим для всех на свете». Он в совершенстве владел русским и французским языками, как своим природным немецким, и, будучи уже в

преклонных летах, диктовал на этих языках разные письма и замечания, и делал это с такою быстротою, что уставали от работы скорее его секретари, чем он сам. Порядок, аккуратность, правильность во всем – были его качествами, и он не выносил ни малейшего промаха в писании. До смерти он был мил и любезен в обращении с дамами. Екатерина, замечая любезный тон его писем к ней, однажды выразилась: «Вы так любезно ко мне пишете, что со стороны могло бы кому-нибудь показаться, что между нами есть сердечные отношения, если бы ваши почтенные лета не исключали всякого подозрения в этом роде».

В 1766 году императрица устроила у себя рыцарский карусель для благородных лиц российского дворянства. Участвовали знатные придворные дамы. Все участники разделены были на четыре группы или кадрили, изображавшие собой четыре нации, то были: славяне, индейцы, римляне и турки. Миних был судьей состязавшихся. Он стоял на возвышении вроде амфитеатра. По окончании рыцарских игр он сказал по-французски кавалерам и дамам: «Я – старейший фельдмаршал в Европе, я на службе шестьдесят пять лет; я водил к победам славное русское воинство, считаю настоящие минуты драгоценнейшей в моей жизни наградой, и горжусь, что избран судьей ваших блистательных подвигов, благородные дамы и кавалеры!» Он вручил первый приз графине Чернышевой и передал ей для раздачи другим лицам призы.

Этими игрушками императрица думала развлекать дворянство и отвлекать от политических волнений, которые считала возможными, вследствие своего необычайного вступления на престол.

Старый фельдмаршал надеялся еще жить долго. У него была вера в то, что его поддерживают на свете благодеяния, которые он щедро оказывал всем, верный своему правилу – непременно каждый день исполнить какое-нибудь богоугодное доброе дело, за которое вечером в тот же день одобрит его собственная совесть. «Человек благодетельный должен прожить до ста лет», - писал он Бюшингу. Но когда ему исполнилось с лишком семьдесят пять лет, ему сильно хотелось удалиться

на свою ольденбургскую родину, и он подал Екатерине просьбу об отставке; в этой просьбе сравнивал себя с Верзением, которого царь Давид неохотно отпускал от себя (Царств. II, гл. XIX, ст. 34): «Вкус мой не прельщается пиршествами, гласы певцов и певиц не пленяют уже моего слуха. Зачем раб твой будет в тягость своему царю! Дозволь, всемилостивейшая государыня, рабу своему возвратиться и умереть у гроба отца своего и матери». Но государыня, уже прежде отказывавшая ему под разными предлогами, и теперь просила его подождать немного, уверяя, что нет у нее другого, который бы мог заменить его в это время. Екатерина намеревалась созвать депутатов для уложения законов и уже разослала по России свой «Наказ»; она вручила экземпляр и сыну Миниха для передачи отцу, и желала, чтобы старец, прочитав его, сообщил ей свои мнения.

Но этот дар застал Миниха на смертном одре. Он заболел лихорадочными припадками и колотьем в боку. Чрез две недели он стал выздоравливать, и тут доставлен был ему от императрицы экземпляр ее «Наказа». За четыре дня до смерти он писал в Ольденбург, что был болен, но болезнь уже проходит, и он надеется, что скоро силы его совершенно восстановятся. Но после облегчения от болезни вдруг силы его стали исчезать, и Миних скончался 16 октября 1767 года, проживши 84 года, 5 месяцев и 6 дней.

Его желание – быть погребенным в ольденбургской родовой гробнице – не исполнилось. Тело его было сначала положено в церкви св. Петра в Петербурге, как строителя и благодетеля этой церкви, а потом отвезено было в Лифляндию в его маетность Лунию, недалеко от Дерпта, и там было предано земле. Его супруга пережила его. После него осталось четверо детей: сын и три дочери, все от первого брака. У каждого из детей были не только дети, но уже и внуки, так что последние дни свои освобожденный из грустного заточения старец проводил как ветхозаветный патриарх посреди юного потомства.

Личность Миниха – бесспорно одна из самых замечательных в ряду деятелей русской истории. Из всех так называемых немцев Петра Великого, включая в число их как

найденных им в отечестве и поднятых его всепроницающим гением, так и приглашенных им в Россию иноземцев, едва ли можно указать на более соответствовавшего значению быть продолжателем деятельности великого преобразователя, как Миних, и недаром прозорливый государь так одобрительно отнесся к нему перед собранием своих сенаторов. Искусный водопроводитель, мудрый администратор, непобедимый полководец, он, куда только ни ставила его судьба, везде являлся достойным продолжателем Петра Великого, к памяти которого до гробовой доски сохранял благоговейное уважение. Даже по своей неутомимой деятельности и по беспредельному трудолюбию он напоминал собою великого государя. Будучи в России чужеземцем и в русской службе наемником, он, по своему обширному уму, не мог последовать общему предрассудку своих земляков-немцев, которые, вступая в Россию, считали ее варварскою страню, смотрели на русский народ, как на материал, пригодный только для их корыстолюбивых и честолюбивых планов. Миних не переставал принадлежать к той народности, в недрах которой родился, но уразумел, как немногие из природных русских, все достоинства русского народа и служил пользе и интересам России честно, открыто и неутомимо. Россия обязана ему приведением в лучший строй русского войска и многими административными учреждениями по военному устройству; в особенности заведение Сухопутного кадетского корпуса и учреждение гарнизонных школ останутся вечным памятником заботливости его о распространении просвещения в русском войске. Его неудавшиеся планы относительно Турецкой империи показывают, что он понимал истинное призвание России и что его войны были у него не так, как у многих талантливых военачальников, войнами для войны, но средством для более великих и гуманных целей. Разрушение турецкого владычества в Европе, за которым неизбежно должно было последовать освобождение и призвание к новой политической жизни подавленных оттоманским завоеванием христианских народов, было его любимой идеею, не оставлявшею его и в грустном пелымском заточении: ему хотелось, чтобы это великое дело

совершенно было Россией и совершение было уже недалеко, но помешала тогда зависть к величию России западных держав и неспособность, а равно коварство союзника, австрийского двора; отсюда-то непримиримая ненависть его к Австрии, проявлявшаяся постоянно. В судьбе этого человека много трагического – в своих широких видах на пользу России он постоянно встречал препятствия от самой России. Узкое правительство Анны Ивановны, руководимое недалеким умом герцога курляндского, заключает некстати мир, разбивающий вдребезги все плоды военной деятельности Миниха, и празднует этот унижительный мир, как великое счастливое событие; – один Миних чувствует, что России надобно не радоваться, а сетовать, но должен, однако, скрепя сердце, молчать и зауряд с другими радоваться и торжествовать, а завистники и клеветники, всю жизнь не дававшие ему отдыха, замечая в нем недовольство, приписывают его только невозможности достигнуть своих собственных эгоистических целей! Анна при смерти; придворные льстецы, угождая ей и думая предупреждать ее тайные желания, обращаются к ее любимцу с просьбою принять по смерти императрицы регентство; Миних, ненавидевший и презиравший временщика, понимал из предшествовавших событий, что если государыня выздоровеет, то не простит ни малейшего неуважения к ее любимцу, – и должен был не только пристать к льстецам, но даже стать во главе их и просить Бирона о том, чего внутренне не хотел! Через 20 дней, по просьбе утесняемой регентом матери императора, он низверг регента, но вместо благодарности встретил от восстановленного им правительства недоверие, подозрительность и противодействие своим советам. Миних устранился, а его не переставали подозревать и не любили. Наконец, совершается новый переворот, и Миниха, ни в чем не повинного, уже совершенно отстранившегося от государственных дел, арестуют, ведут на эшафот и отправляют в тяжелое заточение. Какое опять наступает трагическое положение! Его натура в силах нести непомерные для других труды, перетерпевать лишения и оскорбления, как никто иной не в силах, но бездеятельности



вынести не может; он пишет и посылает из своей грустной темницы проект за проектом, в видах то того, то другого предприятия в пользу России, указывает на все, как на продолжение или на окончание того, что замышлял Петр Великий, просит себе свободы настолько, чтобы мог потрудиться для России – все напрасно: власть глуха к его мольбам, его проектов не читает властительница, во все свое царствование избегавшая всякого серьезного чтения; ему, наконец, запрещают писать, отнимают у него бумагу, перья, чернила, грубый караульный подсматривает за ним как за опасным государственным злоумышленником... и в таком ужасном положении томится страдалец двадцать лет! И что же? «Не было дня, чтобы я не находился в светлом расположении духа», – признавался он по выходе из заточения. Какая сверхчеловеческая сила духа! С веселым лицом шел этот человек на эшафот, не зная еще, что милость императрицы заменит для него колесо ссылкой; не унывал он и в ужасных стенах пелымского острога: везде и всегда – равен себе самому! Наконец, дожил он до освобождения. Но трагизм не покидает этой личности и после. Как не назвать трагическим, в ряду противоположных явлений, доходящих отчасти до комизма, положение, когда старый фельдмаршал выбивается из сил, чтобы спасти государя, которому обязан возвращением к жизни, и не может, по причине ничтожности души этого государя и его сателлитов! Старику остается бессмысленно смотреть на звезды, когда последний спасительный совет его был отвергнут! Он отдается Екатерине. Трогательно великодушие новой государыни! Теперь, уже в восемьдесят лет от роду, для него, казалось, наступала эпоха, когда он мог сойтись с властью – но и теперь не кончился трагизм для судьбы этого человека. Казалось бы, с кем легче мог сойтись Миних, как не с Екатериной! И что же? Мы видим, что она предоставила ему строить гавани и каналы, окружила его внешним почетом, ценила его личность, слушала со вниманием, но тут же и скучала от его старческих предположений и даже не содействовала успешному окончанию его инженерных и гидравлических работ в такой степени, как он желал и требовал.

Он все-таки чувствовал, что он – уже лишний! Отсюда – его желание удалиться на родину и там дожить в неизвестности. Едва ли в русской истории можно указать личность, в судьбе которой было столько трагизма, как личность Миниха! Современники, знавшие его лично, замечали в нем признаки неудержимого честолюбия, а иногда и высокомерия; конечно, ни один смертный не может быть без недостатков и пороков, но те же современники сознавали, что эти недостатки умерялись другими высокими нравственными качествами. Притом надобно иметь в виду, что Миних, как человек, был все-таки сын своего века. Мы позволим себе заметить в нем еще противоречие, незаметное для современников. Как мирились в этом человеке два противоположных качества: жестокость и беспощадность к человеку на войне и глубокая религиозность, не такая, которая часто удовлетворяет себя видимыми обрядами благочестия вроде построения церквей и т.п., а иная, более рациональная, стремящаяся выразиться исключительно в молитве и любви к ближнему? Миних без сожаления вел войско в летний зной по степям крымским и украинским, теряя тысячи погибавших от утомления, жажды и голода, и тот же Миних поставлял себе всю жизнь обыденным правилом -сделать каждый день какое-нибудь доброе дело, чтоб успокоить свою совесть вечером, когда начнет размышлять о проведенном дне! Как согласить несогласимое -военную доблесть, истребление врагов, с последованием Тому, кто в минуту крайней опасности повелел хотевшему защищать его вложить в ножны оружие и произнес великую мировую истину: всяк, принимающийся за меч, погибнет от меча! И, однако, эта истина, произнесенная так давно, и в наше время сознается и чувствуется только очень немногими, а в те времена, когда жил Миних, чувствовалась разве одними отшельниками, отрекавшимися от всякой общественной деятельности, не только разрушительной, но и созидательной. Да и те признавали такой взгляд обязательным только для себя самих, а пребывающим за стенами их келий предоставляли руководствоваться иными нравственными убеждениями. Большинство из поколения в поколение считало призвание воина совершенно согласимым с призванием

истинного христианина, и добытые на войне трофеи без зазрения совести приносились в храм, посвященный Тому, кто повелел даже злу не противиться! И у Миниха согласовалось воинское поприще с обязательством каждый день совершить доброе дело для успокоения своей совести. Надобно только заметить, что у Миниха приличнее, чем у многих ему подобных, сочеталось это противоречие воинственности с христианским благочестием. Мы выше уже заметили, что Миних принадлежал не к тем, для которых война имела значение для самой войны; у него она была необходимым, хотя и злым средством к достижению более гуманных, культурных целей, точно так же, как и у Великого Петра, которого Миних постоянно считал для себя образцом, – и это качество, заметное во всей его жизни, возвышает в глазах наших этого человека, и делает его одним из самых почтенных лиц, двигавших нашу историю, не только по сумме пользы, сделанной им России в своей жизни, но и по нравственной высоте своего характера.

## **Глава 21. Императрица Анна Ивановна и ее царствование<sup>42</sup>**

## **I. Анна Ивановна до призвания на царство**

*Семья Анны Ивановны. – Мать ее, царица Прасковья Федоровна, урожденная Салтыкова. – Предсказания. – Переезд царицы Прасковьи с дочерьми в Петербург. -Замужество Анны Ивановны. – Свадебное торжество. – Смерть ее супруга. – Вдовство и пребывание ее в Митаве. – Петр Бестужев. – Василий Салтыков, дядя Анны Ивановны. – Неудовольствия с матерью. – Немилость к Петру Бестужеву и к родным его.*

По смерти царя Федора Алексеевича осталось несколько сестер его и двое братьев: Иван и Петр. Тогда, как известно, объявлен был преемником умершему царю меньшей из царственных братьев, Петр. Старшего обошли, как «скорбного главою» (недостаточно умного). Но, по интригам сестры их Софии, в Москве произошло смятение; устранение от престола старшего из братьев приписали козням Нарышкиных, родственников с матерней стороны меньшого брата; стрельцы произвели переворот, который привел к тому, что оба брата были провозглашены вместе царями и должны были нераздельно царствовать. Несмотря на то, что их происхождение от разных матерей уже прежде возбуждало недоразумения и послужило поводом к стрелецкому восстанию, оба брата не ссорились между собою, как ни старалась поселить между ними рознь царевна София, рожденная от одной матери с Иваном. Петр скоро показал свои необыкновенные способности и вступил в управление делами. Иван сознавал свою духовную скудость, ни во что не вмешивался, ни в чем не перечил брату и спокойно прозябал в своих кремлевских дворцах и в своем подмосковном селе Измайлове. В 1684 году 9 января он соединился браком с девицею Прасковьею Федоровною Салтыковой. Ее прадед был знаменитый в русской истории Михайло Глебович Салтыков. В Смутное Время он держался стороны поляков, горячо старался о воцарении в Московском государстве польского королевича Владислава, но не встретил сочувствия в русском народе и в 1612 году, когда дело поляков явно казалось проигранным,

перебрался со всем семейством в Польшу. Его внук Александр (сын Петра Михайловича Салтыкова) во время завоевания Смоленска царем Алексеем Михайловичем присягнул московскому царю и перебрался в его владения, где оставалось немало лиц, носивших одно с ним родовое прозвище, и некоторые из них занимали в государстве важные места. Установившись на родине своих предков, Александр Петрович Салтыков служил некоторое время воеводою в Енисейске, был вызван оттуда царевной Софией Алексеевной и сделан воеводой в Киеве. Тогда он переименовал свое имя Александра на имя Федора, в честь царя Федора Алексеевича. У него был сын Василий и две дочери: Прасковья и Анастасия. Первая стала супругою царя Ивана Алексеевича.

Нам не сохранилось подробностей о совершении этого брака, но, без сомнения, он совершился так, как совершались царские браки того века: собирали со всего государства девиц дворянского звания, царь делал им смотр и выбирал из них ту, которая ему больше других нравилась. Есть предположение, что в таком выборе царя Ивана Алексеевича было участие царевны Софии: это подтверждается, во-первых, тем, что София уже прежде относилась благосклонно к родителю Прасковьи, перед тем пожалованному званием боярина; во-вторых, тем, что, по слабоумию своему, царь Иван Алексеевич едва ли был способен без чужого влияния решиться на важный шаг в жизни. Молодая царица оказалась плодотворною матерью семейства. В супружестве с царем Иваном Алексеевичем у нее было пять дочерей, – две из них померли в младенчестве, три достигли совершенных лет: Екатерина (род. в 1692 г.), Анна (род. в янв. 1693 г.) и Прасковья (род. в 1694 г.).

Царь Иван Алексеевич пребывал в царском сане до 1696 года, пользуясь почестями, приличными этому сану, являлся народу в торжественных случаях в царском облачении, участвовал в приемах иностранных послов, и его имя ставилось с именем брата во всех государственных актах. Но власти у него не было никакой. Всем управлял Петр, оказывая старшему брату подобающие знаки уважения. Так дожил царь Иван

Алексеевич до 29 января 1696 года и в этот день, в третьем часу пополудни, скоропостижно скончался.

Петр остался единственным государем России, не только по власти, но и по титулу. Неумолимо преследовавший всякого, кто бы он ни был, если встречал от него малейшее сопротивление своей воле, Петр всегда был милостив и родственно любезен с теми из своих кровных, которые, подобно брату его Ивану, признавали свою малость пред ним, не мешались ни в какие политические дела и даже в делах, касавшихся их домашнего быта, поступали так, как было угодно ему, заранее стараясь узнать или угадать его желание. Такова была вдова брата его Ивана Алексеевича. Петр оставил ее жить в подмосковном селе Измайлове, где она прежде жила с мужем, допустил управлять всем тамошним хозяйством, и сверх того назначил ей оклад деньгами и запасами в том размере, в каком получали другие члены царского рода. Кроме села Измайлова, царица Прасковья Федоровна владела вотчинами, находившимися в краях новгородском, псковском и нижегородском; но постоянным местом жительства ее было село Измайлово – одно из любимых летних местопребываний царя Алексея Михайловича. Родной брат царицы Прасковьи, Василий Федорович Салтыков, был ее дворецким, но через несколько лет потом Петр приставил к ней еще, в качестве близкого лица, стольника Юшкова. Царица Прасковья не была этим недовольна. У нее в Измайлове было множество прислужников, составлявших ее штат; тут были: стольники, стряпчие, ключники, подключники, подьячие, конюхи, сторожа, истопники; женский персонал был еще многочисленнее мужского. Царица Прасковья Федоровна была набожна и проявляла это качество сообразно обычаям своего века: она окружала себя ханжами, юродствующими, калеками, гадателями и гадальщицами, – подобная челядь проживала в подклетьях кремлевского дворца и являлась по зову в село Измайлово. Передовой по мысли человек своего времени – Татищев, посещавший царицу в селе Измайлове, говорил, что двор ее походил на госпиталь, устроенный для калек и помешанных. Из юродствующих пользовался изрядною

благосклонностью царицы подьячий Тимофей Архипыч, выдававший себя за пророка.

Петр, не терпевший старомосковского обихода с ханжами и юродивыми, смеялся внутренне над двором своей невестки, и, в случае его приезда в село Измайлово, все уроды прятались по чуланам, чтоб не попадаться ему на глаза; но он все-таки снисходительно смотрел на неприятный для него образ жизни царицы Прасковьи Федоровны, потому что она во всем была ему покорна и ни в чем ему не возражала. Петру хотелось, чтобы все члены его семьи показывали, подобно ему, доброе расположение к иноземцам, – и царица Прасковья Федоровна по царской воле отправлялась в Немецкую слободу и присутствовала там на двухдневном свадебном торжестве одного из Петровых приближенных. Там все было по-иностранному: устраивались танцы, и в них принимали участие дочери Прасковьи Федоровны, одетые в немецкое платье; царица, постоянно у себя водившаяся с архиереями, паломниками, иноками и юродивыми, в угоду царю преодолела в себе отвращение, какое должно было в те времена возбуждать в благочестивой душе истинно русской госпожи сближение с некрещеною иноземщиною. Живописец де Брюин по царской воле приезжал в Измайлово снимать портреты с царицы и с ее дочерей, – и она не только дозволила ему беспрепятственно исполнить царское поручение, но с обычным гостеприимством угощала его вином и рыбным столом, хотя в то время был Великий пост, когда строгое православное благочестие воспрещало употребление рыбы в пищу. Но более всего оказала царица Прасковья Федоровна послушания своему деверю и государю тогда, когда царь потребовал, чтоб она перебралась из села Измайлова в Петербург на жительство. Это требование обращено было не к одной царице Прасковье, но также и к другим особам царского рода. Царица Марфа Матвеевна, вдова царя Федора Алексеевича, и царские сестры-царевны Наталья, Мария и Феодосия – должны были также отправляться в Петербург, куда царь уже волею-неволею переселял именнейших своих сановников с их семьями. В марте 1708 года двинулся из Москвы громадный поезд колываг,



карет и повозок с особами царского дома и с их многочисленную прислугою. Разом с царицами и царевнами ехал тогда из Москвы в Петербург князь Федор Юрьевич Ромодановский, заведовавший Преображенским приказом, которого одно имя наводило всеобщий страх. Этот господин, вместе с тем, играл в некотором смысле и роль забавную: царь наименовал его князем-кесарем и приказал оказывать его особе наружные царские почести, не соединяя с этим никакого серьезного значения. Он ехал с женою своею Анастасией, родною сестрою царицы Прасковьи. По царской прихоти, это путешествие особ царской семьи должно было совершаться наполовину водяным путем. Страстный любитель воды, Петр говорил тогда: «Я приучу семью свою к воде, чтобы вперед не боялись моря и чтоб им понравился Петербург, окруженный отовсюду водою. Кто хочет со мною жить, тот должен бывать часто на воде!» Петр встретил флотилию с членами своей семьи в Шлиссельбурге и 25 апреля вместе с ними прибыл в Петербург.

Несколько дней царь возил свою родню по Петербургу и его окрестностям, хвалился новыми постройками, проектированными площадями, улицами, каналами, плавал вместе с царицами и царевнами в Кроншлот, потом приказал им проехать с ним до Нарвы, откуда, по поводу военных действий против шведов, он намеревался ехать в Смоленск. Петр показал своим гостям новопостроенные городки – Копорье и Ямбург, отпраздновал вместе с ними день своих именин в Нарве и уехал в свой предназначенный путь, а царские родственницы воротились в Петербург, где приходилось им оставаться на новоселье.

Царица Прасковья Федоровна получила от царя в дар дом в полную собственность на Петербургской Стороне, на берегу Невы, близ Петровского домика<sup>43</sup>.

Там была самая нарядная часть города; там жил государь, там были дома его ближайших сановников - Меншикова, Головкина, Шафирова, Остермана и других знатных лиц, как русских, так и иностранцев.

Три дочери царя Ивана Алексеевича удостоились родственного участия их дяди Петра I-го. Воспоминание о брате

Иване, не показавшем во всю жизнь свою ни тени строптивости против младшего брата, постоянная покорность вдовы Ивана – все располагало Петра относиться к племянницам в качестве второго отца и благодетеля. Старшая из Ивановен, как их звали в Москве, Екатерина, впоследствии была выдана дядею-царем за герцога Мекленбургского, с которым, однако, не жила в согласии; третья, меньшая, Прасковья, не бывши замужем – по крайней мере, явно<sup>44</sup>, умерла в 1731 году, будучи уже не в слишком юных летах. Средней Ивановне – Анне – судьба готовила такой жребий, которого ни она сама, ни близкие к ней люди не могли ожидать. Очень часто о людях, путем слепого случая достигших, мимо собственных желаний и усилий, высокого значения в свете, сочиняются легенды, как будто им еще ранее были предсказания, предзнаменования и пророчества. Подобное случилось, вероятно, уже впоследствии, об Анне Ивановне. Говорили, будто ей предрекал в загадочных выражениях ее будущую судьбу юродивый Тимофей Архипыч; говорили также, что когда царица Прасковья Федоровна, посещавшая с участием и любовью разных духовных сановников, приехала вместе со своими дочерьми к митрополиту суздальскому Илариону и в разговорах обнаружила беспокойство о том, что станет с ее дочерьми, – преосвященный Иларион, о котором уже ходила молва, что он обладает даром прорицания, предсказал царевне Анне Ивановне в будущем скипетр и корону.

Пока, разумеется, ничего подобного никто ожидать не мог, да и не дерзнул бы, – царь Петр хотел пристроить племянниц, выдав их в замужество за подходящих женихов, какими быть могли принцы иностранных владетельных домов. Начали не со старшей, а со средней. В 1709 году, в октябре царь Петр с прусским королем, при свидании в Мариенвердере, сговорились соединить русскую царевну с племянником прусского короля, молодым Фридрихом-Вильгельмом, герцогом курляндским. При этом брачном союзе принимались в расчет и политические соображения: и русскому царю, и прусскому королю было выгодно между собою породниться, – они были уже друг с другом политические союзники. В 1710 году прибыли от герцога

курляндского в Россию послы, и 10 июля этого года заключили договор, в котором было постановлено, что русская царевна, ставши герцогинею курляндскою, будет иметь право для себя и для своей русской прислуги держать церковь, где будет отправляться богослужение по обряду греко-восточной церкви; ее будущие дочери должны быть религии материнской, но сыновья будут воспитываться в лютеранской вере, исповедуемой их родителем. При выходе в замужество царевна Анна получит в качестве приданого 200000 рублей, а если бы случилось, что герцог умрет, не оставивши по себе наследников, то вдова его получит на свое содержание ежегодно 400000 рублей и сверх того ей дастся в пожизненное владение вдовье имение с замком. В августе 1710 года прибыл в Петербург сам жених в сопровождении русского фельдмаршала Шереметева. Бракосочетание совершилось 31 октября того же года в палатах князя Меншикова на Васильевском острове, в полотняной походной церкви. Совершал обряд венчания архимандрит Феодосий Яновский, будущий митрополит новгородский, и по окончании обряда произнес на латинском языке назидательное слово к жениху. Затем, несколько дней сряду, шумные пиршества происходили в двух залах Меншиковских палат, из которых главною была та, где ныне устроена церковь Павловского военного училища<sup>45</sup>. В одно из таких пиршеств царь Петр устроил для гостей такой сюрприз: на стол подали два огромнейших пирога, высотой пять четвертей. Когда царь сам вскрыл эти пироги, из них выскочили две разряженные карлицы и на свадебном столе протанцевали менуэт. 14 ноября царь устроил еще новую затею – свадьбу карлика Евфима Волкова, на которую, как на особое торжество, выписано было со всей России семьдесят две особы карликов обоего пола: в те времена таких уродов не трудно было достать, потому что при дворах особ царского рода и знатных господ было в обычае, вместе с шутами, держать карликов и карлиц. Венчание происходило в церкви Петропавловской крепости; оттуда со всеми церемониями, наблюдавшимися при свадьбах, новобрачных повезли на судне по реке в палаты Меншикова и там посадили за торжественный стол, за которым уже

рассажены были гости – все такие же карлики и карлицы. По окончании пира уроды увеселяли танцами сановную публику, а потом новобрачных с торжеством повели в опочивальню, куда последовал и сам царь<sup>46</sup>.

Несчастливый конец постиг брак царской племянницы. Новобрачные уехали в Курляндию, где должны были жить, но на дороге в Митаву, и даже в 40 только верстах от Петербурга, на мызе Дудергоф, герцог вдруг скончался. Причиной неожиданной смерти было неумеренное употребление спиртных напитков при отъезде из царской столицы. Так сердечно и так неосмотрительно угостили его царственные свойственники.

Из политических видов, Петр хотел, чтобы овдовевшая племянница его жила во владениях своего мужа. Этого мало. Ему хотелось даже мать ее, царицу Прасковью Федоровну, с прочими дочерьми заслат в Митаву на постоянное там пребывание, но эта мысль была им оставлена. Петр ограничился водворением в Курляндии одной Анны Ивановны, в качестве вдовствующей герцогини курляндской, и через то находил путь управлять по своей воле судьбою Курляндского края. Анна Ивановна, впрочем, много раз посещала Россию и проживала в материнском подмосковном Измайлове, но должна была возвращаться в свое герцогство. Она не была довольна своим содержанием, получаемым в Курляндии, и много раз писала об этом царю<sup>47</sup>. В 1722 году она испросила себе у царя в диспозицию на десять лет амбты (земельные участки, вроде наших оброчных статей) и обещала уплатить в казну всю сумму, истраченную казною на их покупку, внося по частям погодно. Из письма ее к дяде-царю видно, что, более чем через десять лет после своего замужества, Анна Ивановна не считала себя достаточно обеспеченною. То же усматривается из некоторых письменных памятников, касающихся более раннего времени ее пребывания в Митаве. Так, мать ее, царица Прасковья Федоровна, еще в 1714 году жаловалась царю, что ее дочери в Курляндии «не определено, чем жить там и по обыкновению княжескому прилично себя содержать».

Но вскоре царица Прасковья Федоровна разгневалась на дочь. Бестужев, которого царь Петр держал своим резидентом в Митаве, управлял всеми делами Анны Ивановны и умел своею распорядительностью и заботливостью о ней внушить к себе расположение герцогини. У Анны Ивановны явился надсмотрщик над ее поступками и доносчик на нее: то был родной ее дядя, брат царицы Прасковьи Федоровны, Василий Федорович Салтыков, посланный сестрою в Митаву. Это был человек во всех отношениях дурной. Сочетавшись вторичным браком с дочерью князя Григория Федоровича Долгорукого, бывшего царским посланником в Варшаве, он невзлюбил своей жены и стал обращаться с нею зверски. Жена его обратилась к Анне Ивановне. Герцогиня приняла в ее судьбе участие, взяла ее к себе, и, при содействии герцогини, Салтыкова уехала к отцу в Варшаву<sup>48</sup>. Отсюда-то возникла вражда Салтыкова к племяннице Анне Ивановне. Он стал доносить сестре своей царице Прасковье Федоровне на ее дочь. Мать пришла в такое негодование, что угрожала дочери даже материнским проклятием. Она писала к царю, упрашивая его отозвать из Митавы Петра Бестужева. По поручению Петра, от имени Екатерины, дан был письменный ответ царице Прасковье, «что Бестужев отправлен в Курляндию не для того только, чтоб ему находиться при дворе Анны Ивановны, но для других многих его царского величества нужнейших дел, которые гораздо того нужнее, и ежели его из Курляндии отлучить для одного только вашего дела, то другие все дела станут, и то его величеству зело будет противно»<sup>49</sup>. В самом деле, Анна Ивановна была владельницею Курляндии только по имени; – всем управляла воля русского государя, который посылал свои указы и получал необходимые ему сведения через посредство Бестужева. Даже домашнее хозяйство герцогини находилось в распоряжении этого господина, и он обязан был во всем до мелочей отдавать отчет своему государю.

Самое дружеское взаимное участие соединяло несколько лет герцогиню с ее управляющим; никакие козни Василия Федоровича, никакие знаки неудовольствия от злой матери, настроенной против дочери, не в силах были нарушить их

согласия; но пришло время – и оно рушилось иным путем, когда уже на свете не было ни суровой матери, Прасковьи Федоровны, ни грозного дяди, царя Петра I. Петр Бестужев неосторожно оказал покровительство одному немцу, по имени Эрнсту-Иоганну Бирену: это был сын одного из служителей прежних герцогов курляндских, как говорят, конюха. Бестужев представил его герцогине. Случилось, что скоро потом Бестужев поехал в Петербург по делам и там пробыл некоторое время. В его отсутствие Бирен приобрел расположение герцогини. Он был молод, ловок, красив собою и овладел сердцем Анны Ивановны. Бестужев, воротившись из России в Митаву, с ужасом увидел, что место его занято другим. На первый раз Анна Ивановна приняла Бестужева наружно вежливо, но вскоре началось от нее систематическое гонение и на него, и на его родных. В числе последних испытала гнев герцогини дочь его Аграфена Петровна, по мужу княгиня Волконская, прежде пользовавшаяся дружеским расположением Анны Ивановны. Теперь, по настоянию последней, ее обвинили в каких-то «продерзостях» и приказали жить безвыездно в деревне. Холопы ее донесли, что она ездит тайно в Москву для свидания с некоторыми лицами и ведет тайные переписки, между прочим, с отцом своим, от которого получает письма зашитыми в подушках. Аграфена Петровна подвергнута была обыску: нашли у ней письмо родителя, в котором тот жаловался, что «отменилась к нему любовь его друга Анны Ивановны», отзывался с горечью и досадою о Бирене, а сама княгиня в перехваченном письме к своему двоюродному брату Талызину называла Бирена «каналией» и просила поразгласить о нем дурно<sup>50</sup>. Бирен был чрезвычайно мстителен и, узнавши, как о нем отзываются, настраивал Анну Ивановну против Бестужева и всей его родни.

Верховный тайный совет, управлявший Россией при царе Петре Втором, угождая герцогине – русской царевне, обвинил княгиню Волконскую и ее приятелей в том, что они при царском дворе делали интриги «и теми интригами искали для собственной своей пользы причинить при дворе беспокойство». Ее присудили сослать в монастырь на житье, а ее приятелей

удалили от занимаемых ими должностей по службе. Ускользнул тогда от наказания брат княгини Волконской, Алексей Петрович Бестужев (впоследствии знаменитый канцлер); несмотря на то, что он оказался прикосновенным к делу сестры своей, он удержался на своем дипломатическом поприще. Вслед за тем Анна Ивановна обвинила бывшего своего управляющего и друга в присвоении ее доходов и насчитывала на него большие суммы.

Учреждена была в Петербурге комиссия по этому делу. Обвинял и уличал Бестужева поверенный герцогини курляндской, Корф. Дело это затянулось на несколько месяцев, а тут успел умереть Петр II – и Анна Ивановна взшла на всероссийский престол: тогда Петр Бестужев был сослан на житье в дальние деревни; дочь его, княгиня Волконская, содержалась под крепким караулом в Тихвинском монастыре.

Занявший при Анне Ивановне прочное положение, Бирен до такой степени сблизился с нею, что стал ей необходимейшим человеком. Сначала он старался как можно чаще находиться при ней и скоро достиг того, что она сама, еще более чем он, нуждалась в его сообществе. По известиям современников, привязанность Анны Ивановны к Бирену была необычная. Анна Ивановна думала и поступала сообразно тому, как влиял на нее любимец. Все, что ни делалось Анною, в сущности исходило от Бирена. Все так разумели и в Курляндии, когда она была герцогинею, и в России, когда она стала императрицею. Неограниченную власть над нею приобрел Бирен еще в Митаве. Опираясь на покровительство Анны Ивановны, Бирен, из суетного честолюбия, принял фамилию Бирона, изменив только одну гласную в своем настоящем фамильном прозвище, и стал производить себя от древнего аристократического французского рода Биро-нов. Действительные члены этого рода во Франции, узнавши о таком самозванстве, смеялись над ним, но не сопротивлялись и не протестовали, особенно после того, как, со вступлением на престол российский Анны Ивановны, Бирен, сын курляндского придворного служителя, под именем Бирона, стал первым человеком в могущественном европейском государстве.

## II. Избрание Анны Ивановны на престол

*Мысль об участии народа в правлении. – Князь Димитрий Михайлович Голицын. – Совет вельмож о престолонаследии по кончине императора Петра II. – Подложное завещание. – Выбор Анны Ивановны. – Ограничение самодержавной власти. – Отправление в Митаву князя Василия Лукича Долгорукого. – Интриги Левенвольда и Ягужинского. – Прибытие Анны Ивановны в Россию. – Шляхетство. – Партия за сохранение самодержавия. – Гвардейцы. – 25 февраля 1730 года. – Провозглашение Анны Ивановны самодержавной государыней.*

В России в умах, не чуждых политических и правительственных вопросов, уже не первый год ощущался важный поворот. Возникла мысль о том, что русские подданные должны иметь участие в правлении государством, в делах как внутренней, так и внешней политики. Было время, когда и сама высшая власть не казалась противной этой идее. В 1727 году, 21 марта, дан был указ князю Димитрию Голицыну об учреждении комиссии «о сухопутной армии и флоте с целью устроить их с наименьшей тягостью для народа». В эту комиссию предполагалось избрать «из знатного шляхетства и из посредственных персон всех чинов рассмотреть состояние всех городов и земель, и, по рассуждению, наложить на всех такую подать, чтобы было всем равно». Таким образом, само правительство признавало полезным созывать представителей Русского государства для совета о важных финансовых вопросах. Иностранцы, бывшие в то время в России представителями своих государств, замечали в этом событии начатки свободолюбия в России и возникавшее стремление положить предел произволу самодержавной власти.

Но события пошли своим чередом. Возведенная по смерти Петра I вдова его Екатерина скоро умерла. На ее место возведен был Петр II, сын казненного царем Петром I царевича Алексея. Не достигший совершеннолетия, он находился под опекою сначала князя Меншикова, потом князей Долгоруких. В январе 1730 года он заболел и умер.



С ним прекращалась мужская линия дома Романовых. Оставалась дочь Петра Первого, Елисавета; ей не решались предлагать короны. Теперь наступало удобное время произвести изменение в образе правления, чего хотели многие, и на челе этих многих был князь Димитрий Михайлович Голицын, которому уже прежде, при Екатерине I, поручалось устроить созвание выборных людей. Теперь верховная особа могла быть только по выбору, и потому ей всего подручнее было предложить условия, при которых она могла получить престол. Тотчас по кончине императора Петра II, умершего в Лефортовском дворце в Москве, сошлись в том же дворце на совещание важнейшие сановники государства: трое членов святейшего синода<sup>51</sup>, пять членов верховного тайного совета, иначе министров,<sup>52</sup> и несколько знатнейших особ из генералитета и сената. Были ли на том совещании остальные члены генералитета и сената<sup>53</sup> – неизвестно, но, вероятно, там были многие из них, носившие, кроме того, придворные чины.

Покойный государь Петр II, находясь совершенно в руках князей Долгоруких и сблизившись дружески с князем Иваном Алексеевичем, собирался жениться на сестре своего любимца, княжне Екатерине Алексеевне. По смерти Петра Второго, князь Долгорукие составили от имени покойного государя подложное завещание. В нем значилось, будто умирающий государь отдавал после себя престол своей невесте. Это соответствовало закону Петра Первого, по которому царствующий государь имел право назначить себе преемника мимо всяких родовых наследственных прав. Благодаря этому закону, проделка Долгоруких могла бы удалась, но между членами этого княжеского рода не было тогда согласия и единства. В то время, когда одни Долгорукие хотели выставить особу своего рода с правом наследовать престол, другие Долгорукие были против этого и готовы были обличить плутню первых. Когда члены верховного тайного совета с лицами из генералитета стали рассуждать о престолонаследии и соображать, что им теперь начать, князь Димитрий Михайлович Голицын держал перед ними такую речь:

«Преждевременная кончина государя Петра Второго есть истинное наказание, ниспосланное Богом на русских за их грехи, за то, что они восприняли много пороков от иноземцев: за то Господь лишил нас молодого государя, на которого, по всей справедливости, мы возлагали великие надежды. Ныне, господа, угасло прямое законное потомство Петра Первого, и мужская линия дома Романовых пресеклась. Есть дочери Петра Первого, рожденные до брака от Екатерины, но о них думать нечего. Завещание, оставленное Екатериною, не может иметь значения. Нам надобно подумать о новой особе на престол и о себе также».

– Покойный государь оставил завещание, – отозвался кто-то из Долгоруких.

– Завещание подложное! – произнес князь Дим. Мих. Голицын. – Невеста покойного государя не успела еще стать его женою, и потому на нее не может переходить никакого права на престол. Император не составлял завещания, предоставляющего жене своей наследство престола, потому что и жены еще у него не было.

Князь Василий Лукич Долгорукий собрался было возражать, как вдруг фельдмаршал князь Василий Владимирович Долгорукий резким движением остановил его и энергически произнес:

– Да, да! Это завещание подложно! Никто не вправе вступать на престол, пока еще находятся в живых особы женского пола, законные члены императорского дома. Было бы всего справедливее и разумнее провозгласить государынею на престол царицу Евдокию: ведь она – бабка покойного императора!

На это кн. Дим. Мих. Голицын сказал:

– Я воздаю должную дань уважения вдовствующей царице, но она только вдова государя. Есть прямые наследницы - царские дочери. Я говорю о законных дочерях царя Ивана Алексеевича. Я бы не затруднился без дальних рассуждений указать на старшую из них, Екатерину Ивановну, если б она уже не была женою иноземного государя – герцога мекленбургского, а это неподходящее для нас обстоятельство. Но есть другая

сестра ее – Анна Ивановна, вдовствующая герцогиня курляндская! Почему ей не быть нашей государыней? Она родилась среди нас, от русских родителей; она рода высокого и притом находится еще в таких летах, что может вступить вторично в брак и оставить после себя потомство. Нам всем известна доброта ее и прекрасные качества души. Говорят, будто у нее тяжелый характер: но столько лет она живет в Курляндии – и не слышно, чтобы там против нее возникали какие-либо недовольствия.

Фельдмаршал князь Василий Владимирович Долгорукий первый подал голос согласия. Он сказал:

– Князь Дмитрий Михайлович! Сам Бог тебе внушил такую мысль. Она исходит от чистосердечной любви твоей к отечеству. Виват императрица Анна Ивановна!

За ним присоединился к князю Дмитрию Михайловичу и князь Василий Лукич Долгорукий. Он был когда-то близок к герцогине и теперь надеялся снова сблизиться к ней.

За Василием Лукичем и другие стали изъявлять одобрение выбора на престол Анны Ивановны.

Тогда князь Дмитрий Михайлович Голицын стал так говорить:

– Выберем кого изволите, господа, только во всяком случае нам надобно себе полегчить.

– Как это – полегчить? – спросил у него кто-то, кажется, канцлер.

– А так, полегчить: воли себе прибавить! – отвечал кн. Дмитрий Михайлович.

– Хоть и затеем, да не удержим этого! – произнес кн. Василий Лукич.

– Право, удержим! – ответил кн. Дмитрий Михайлович. Об этом важном вопросе далее не распространялись, только все произнесли согласие вручить корону Анне Ивановне. Но князь Дмитрий Михайлович опять обратился к вопросу об ограничении самодержавной власти.

– Будет во всем воля ваша, господа, – произнес он, – только нам следует сейчас же составить пункты и послать их государыне Анне Ивановне.

В это время постучались у дверей; вошел вице-канцлер барон Андрей Иванович Остерман. Все считали его необыкновенно умным государственным человеком. Прежде, когда его приглашали совещаться о престолонаследии, он отделался тем, что указал на свое иноземное происхождение и обещал принять все, что решит большинство русских сановников. Теперь, когда ему сказали, что все единодушно изъявили желание пригласить на престол герцогиню курляндскую, Остерман, без запинок, одобрил такое решение.

Было ли тогда в присутствии Остермана сказано что-нибудь князем Дмитрием Михайловичем Голицыным о «прибавке воли» и если было сказано, как к этому отнесся Остерман – мы не знаем. Было уже четыре часа утра. Верховники вышли в другую залу того же Лефортовского дворца. Там происходило другое совещание между членами генералитета и сената. Павел Иванович Ягужинский, занимавший должность генерал-прокурора и, вероятно, уже знавший мысли Дмитрия Михайловича Голицына насчет «прибавки воли», стоял поодаль от других у окна с камергером князем Сергеем Григорьевичем Долгоруким и говорил о совещании, происходившем в другой комнате у верховников.

– Мне с миром не убыток! – окончил речь свою Ягужинский.  
– Долго ли нам терпеть, что нам головы секут! Теперь такое время, что самодержавию не быть!

– Не мое то дело, – отвечал князь Сергей Григорьевич, – я в таковое дело не плетусь, ниже о том думаю!

Тут вошли все члены верховного тайного совета, числом восемь. Князь Дмитрий Михайлович оповестил всем бывшим в зале, что верховный тайный совет положил быть на престоле российском герцогине курляндской Анне Ивановне. Все изъявили одобрение.

Тогда Ягужинский подошел к князю Василию Лукичу Долгорукому и с чувством сказал:

– Батюшки мои! прибавьте нам как можно воли!

– Говорено уже о том было, но то не надо, – отвечал князь Василий Лукич.

Ягужинский притворно показывал себя сторонником ограничения самодержавия, чтоб закрыть от всех образовавшийся у него план повредить этому предприятию. Может быть, князь Василий Лукич понял это вполне и, желая отстраниться от Ягужинского, дал такой сухой ответ. Впрочем, с точностью мы не знаем этого.

Так как время далеко зашло за полночь, то все стали расходиться. Князь Дмитрий Михайлович бросился за толпою уходивших и стал упрашивать их вернуться для обсуждения важного дела. Несколько особ послушалось и воротилось назад. Князь Дмитрий Михайлович стал сообщать им о намерении составить условия, на которых должна принять правление новоизбираемая государыня. Мы не знаем подробностей – кто из слушавших и как заявлял свои мысли об этом, но более всех горячим сторонником предприятия князя Дмитрия Михайловича явился тогда все тот же Павел Иванович Ягужинский. Не он один, а многие, подобно ему, нашли для себя удобным, не противясь верховникам, наружно мирволить их замыслам, а мимо них оказать тайную услугу государыне и предупредить ее, будучи в уверенности, что она не примет искренне предложений, какие преподнесет ей верховный тайный совет.

Верховники, отпустивши собрание сенаторов и генералитета, отправились в другую комнату, рядом с тою, где скончался император Петр II, и усадили за маленький столик правителя дел верховного тайного совета, Василия Петровича Степанова, а сами стали диктовать ему. Но Степанов не мог записывать, потому что диктовало их несколько лиц зараз и при этом каждый говорил свое. Тогда канцлер Головкин и фельдмаршал князь Михайла Михайлович Голицын обратились к Остерману с просьбой диктовать, потому что, как говорили о нем, он лучше других знал «штиль».

Осторожный Остерман увидел себя в крайне неловком положении: приходилось стать явным участником замысла ограничить самодержавную власть. Он считал для себя это очень опасным. Конечно, немец, вестфальский уроженец, он не питал пламенной привязанности к старинному московскому

самодержавию, но он хорошо изучил русское общество и был убежден, что в России не может сложиться и укрепиться иной образ правления, все попытки ввести его будут неудачны, а участники таких попыток могут потерпеть, как враги правительства. Сначала он прибегнул к прежней уловке: представлял, что он по происхождению иноземец, и по этой причине ему не под стать решать судьбы русского государства. Но министры стали его уговаривать и понуждать; он, наконец, согласился и стал словесно редактировать пункты, но не в виде диктовки. Вероятно, барон Остерман в этот раз поступил так, как он поступал не раз и прежде, и после в затруднительных обстоятельствах. По известиям знавших его близко современников, он, когда нужно было, выражался так темно, что смысл речи его трудно было сразу уразуметь и легко было давать ей какое угодно значение. Как бы то ни было, словесное редактирование Остермана оказалось ненужным: предполагаемые пункты продиктовал Степанову князь Василий Лукич. В то время написаны были эти пункты в таком виде:

«Государыня обещает сохранить верховный тайный совет в числе восьми членов, и обязуется – без согласия с ним не начинать войны и не заключать мира, не отягощать подданных новыми налогами, не производить в знатные чины служащих как в статской, так и в военной сухопутной и морской службе выше полковничьего ранга, не определять никого к важным делам, не жаловать вотчин, не отнимать без суда живота, имущества и чести у шляхетства и не употреблять в расходы государственных доходов».

Составивши эти пункты, верховники разошлись. Они не приложили своих подписей к написанному и условились к десяти часам утра съехаться в Кремле в Мастерской палате: то было тогда обычное место заседаний верховного тайного совета. Верховники пригласили к этому времени в кремлевский дворец членов синода, сенат, генералитет и прочих военных и статских чинов, и из коллегии немалое число, до бригадира. Верховники составили с ними единое собрание. Речь к ним держал кн. Димитрий Михайлович. Он известил, что, по мнению верховного тайного совета, по кончине императора Петра

Второго, никто так не достоин занять престол, как герцогиня курляндская Анна Ивановна, дочь блаженной памяти царя Ивана Алексеевича: она происходит от одного корня с прежними царями и обладает высокими качествами, необходимыми для царского сана. Если кто с этим согласен, того приглашали выразить свое согласие громким произнесением: виват!

Все собрание три или четыре раза сряду единогласно крикнуло: виват!

Верховники снова удалились в особый покой и занялись окончательным изготовлением пунктов в том виде, в каком они должны быть представлены Анне Ивановне. Ко всему, что уже было изложено в черновой редакции, прибавили слова: «а буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны российской!»

Тогда назначили посольство к избираемой на престол государыне. Выбраны были, по предложению кн. Дмитрия Михайловича Голицына: князь Василий Лукич Долгорукий и меньшой брат князя Дмитрия Михайловича – князь Михайла Михайлович Голицын. Канцлер Головкин предложил еще третьего посла от генералитета: выбор пал на генерала Леонтьева. Фельдмаршал князь Василий Владимирович Долгорукий предлагал присоединить к ним еще посла от духовного чина.

Послам вручили тогда же составленную инструкцию. Им вменялось в обязанность вручить Анне Ивановне пункты или кондиции наедине, без посторонних, объявив ей, что в них изложено желание всего русского народа. Когда государыня их подпишет, они должны быть отосланы в Москву с одним из послов. Послы должны были следить, чтоб мимо их не было ей доставлено каких-нибудь вестей из России, и настаивать, чтоб Анна Ивановна не медлила своим отъездом и непременно ехала бы вместе с послами; послы при этом должны были сообщить ей, что до ее приезда не будет объявлено в народе о кончине императора Петра Второго и о воцарении новой особы. Верховники опасались, чтоб лица, не сочувствовавшие их планам «прибавить воли», не успели предупредить государыню

и настроить ее против верховного тайного совета: они дали приказание оцепить всю Москву караулами и кругом ее поставить на расстоянии тридцати верст по одному унтер-офицеру с отрядом солдат, чтоб не пропускать из Москвы никого иначе, как только с паспортом, выданным из верховного тайного совета. Всем вольнонаемным извозчикам, в продолжение нескольких дней, запрещено было подряжаться с едущими куда бы то ни было из столицы.

Изготовивши все надлежащие бумаги, верховники в тот же день вечером вручили их князю Василию Лукичу Долгорукому и князю Михайлу Михайловичу Голицыну. Остерман подписал только один из этих документов - письмо к государыне от верховного тайного совета, а прочих бумаг не стал подписывать: он извинялся болезнью. Все тогда понимали, что это болезнь притворная.

Как ни старались верховники, чтобы до поры до времени Анна Ивановна не получила каких-либо сведений из Москвы, но принятые меры оказались бесплодными. Левенвольд, живший в Москве, сообщил о всем происходящем там своему брату, проживавшему в своем поместье в Лифляндии, а последний поехал в Митаву и лично передал Анне Ивановне, что затевают русские бояре, дабы она могла принять заранее свои меры, тем более, что, как докладывал Левенвольд, шляхетство и народ не сочувствовали затеям вельмож. Ягужинский, со своей стороны, отправил в Митаву с такими же известиями гвардейского офицера Сумарокова. Посольство это не так было успешно, как Левенвольдово. Прежде чем Сумароков явился к герцогине курляндской, его увидал и узнал князь Василий Лукич; он приказал его тотчас арестовать. Посланный из Митавы в Москву с подписанными государыней пунктами генерал Леонтьев привез с собою Сумарокова закованным. Иные говорили, будто Сумароков успел-таки сообщить Анне Ивановне все, что следовало, но государыня сама выдала его послам, чтоб убедить их в искренности, с какою принимает предлагаемые пункты.

Леонтьев воротился в Москву 1 февраля. Подписание государыней пунктов очень обрадовало верховников. 2 февраля



собрали членов сената и генералитет. Прочли письмо новой государыни. Она писала: «так как во всех государствах руководствуются благими советами, то мы, пред вступлением нашим на престол, по здравом рассуждении, изобрели за потребно для пользы Российского Государства и к удовольствованию наших верных подданных, написав, какими способами мы то правление вести хотим, и подписав нашею рукою, послать в верховный тайный совет, а сами сего месяца в 29 день конечно из Митавы к Москве для вступления на престол пойдем».

Прочитали во всеуслышание всего собрания «кондиции», уже одобренные высочайшей властью и потому получившие силу закона. Кн. Дмитрий Михайлович Голицын пристально приглядывался к лицам слушателей, стараясь угадать впечатление, произведенное на них прочитанною бумагой. Никто не откликнулся с одобрительными возгласами; «те, – говорит современник<sup>54</sup>, – которые вчера от этого собрания надеялись великой пользы, теперь опустили уши, как ослики». Князю Дмитрию Михайловичу пришлось самому воздать хвалу прочитанному писанию. «Видите ли, – произнес он, – как милостива наша государыня: какового мы от нее надеялись, таковое показала она отечеству нашему благодетельство! Бог сам подвинул ее к сему писанию! Отселе счастливая и цветущая Россия будет!» И много он говорил в этом роде, но, не слыша себе никакого ответа, остановился и спросил: «Для чего никто ни единого слова не проговорит? Изволил бы сказать – кто что думает; хотя и нет ничего говорить, только благодарить той милостивой государыне». Тут кто-то тихим голосом, вероятно, затрудняясь, произнес: – Не ведаю; удивительно, отчего это государыне пришло на мысль так писать.

На это замечание от князя не последовало ответа. Неизвестно, кто был смельчак, так внезапно обливший холодною водою восторг сторонников свободы. Тогда кн. Дмитрий Михайлович обратился к Ягужинскому, как будто не зная о его проделке, хотя, конечно, хорошо знал о ней, и спросил: «Как вам кажутся кондиции?» Ягужинский замялся. Тогда князь Дмитрий Михайлович попросил его войти в другую

комнату, а там фельдмаршал князь Василий Владимирович Долгорукий приказал Ягужинского арестовать и посадить в тюрьму. 10-го февраля приехала новая императрица, неотступно провожаемая князем Василием Лукичем. Она остановилась в селе Всесвятском и располагала пробить там до дня 15-го февраля, когда назначен был торжественный въезд ее в Москву. Нужно было только в Москве сделать некоторые приготовления к этому торжеству и вместе с тем похоронить прах покойного императора. Погребение совершилось 11-го февраля. Анна Ивановна проживала в селе Всесвягском, во дворце имеретинского царевича Арчила. Верховники уже не могли держать ее в изолированном положении и должны были дозволить посещать государыню сестрам и близким особам. Сам верховный тайный совет назначил для торжественной встречи императрицы князя Алексея Михайловича Черкасского и генерал-майора Льва Васильевича Измайлова, а синод – двух архиереев, новгородского митрополита Феофана и крутицкого – Леонида, да архимандрита Чудовского монастыря Арсения.

Между тем затеи верховного тайного совета возбудили толки между шляхетством. В разных домах столицы стали по ночам собираться и толковать о текущих событиях. Возникло недовольство замыслами верховного тайного совета. «Это значит, – объясняли тогда, – что верховники станут настоящими властелинами, и вся Россия подпадет под иго временщиков». Иные доходили до такого ожесточения, что говорили: «Нам бы собраться, напасть на них с оружием и перебить их, если не оставят своих умыслов». Другие были сдержаннее и злобу свою против верховников ограничивали мнением, что следует наотрез напомнить им, что не смеют они сами переделывать государство. Такие господа, ставши противниками верховного тайного совета, собственно, не были все сторонниками древнего самодержавия, но, главное, их всех мучила досада – зачем это, мимо их воли, над ними воцаряется какое-то новое правительство; они говорили, что если власть верховная должна быть разделена и кто-то, кроме государя, будет еще представлять ее, то уж никак не кружок знатных бояр, а все шляхетство в лице своих выборных. Толки стали увеличиваться

после того, как 2-го февраля подписанные государынею «кондиции» были прочитаны в собрании сената, генералитета и разных высоких чинов. Слушавших было приблизительно более пятисот особ, и все подписали свое согласие, даже сам Феофан Прокопович, который в своем повествовании сообщает, что «тогда все слушавшие содрогнулись». Но вслед за тем стали подавать в верховный тайный совет проекты и замечания. Верховный тайный совет не противился таким заявлениям, напротив – 5-го февраля положил пригласить в сенат для совещания из знатных фамилий шляхетство, «которые в рангах и без рангов». Подавались мнения коллективные и отдельных лиц, по уполномочию своих согласников. Датский посланник Вестфален, бывший свидетелем тогдашних событий, сообщал в депешах своему правительству, что двери верховного тайного совета целую неделю были открыты всем желающим высказаться за или против по поводу предполагавшегося преобразования правления Российской империи. Это право предоставлялось генералам, бригадирам и полковникам, также всем членам сената и государственных коллегий, носившим чин не ниже полковника; подавали также мнения и духовные сановники группами, состоявшими каждая из трех архиереев и трех архимандритов<sup>55</sup>. Проекты, которых насчитано в книге г. Корсакова двенадцать, мы не считаем нужным здесь излагать, так как они приняты не были и могут иметь значение только материалов для истории умственного движения русского общества того времени. Все они были подписаны более чем тысячею лиц из шляхетского звания, начиная от потомков Рюрика до «худородного» шляхетства, в недавнее время получившего службой свое шляхетское звание. Все проекты выражали в себе одну общую мысль -вырвать правление из рук нескольких высокородных фамилий и передать шляхетству или «общенародию», как тогда выражались, признавая полноправным народом только привилегированное сословие. Особенного внимания заслуживает план или проект князя Дмитрия Михайловича Голицына, но он не сохранился вполне и известен только по депешам представителей иностранных государств. По этому

проекту императрице предоставлялась полная власть только над своим двором, на расходы которого она получала бы ежегодно суммы из государственной казны, да над отрядом гвардии, назначенным для охранения ее дворца. Вся политическая власть по внутренним и иностранным делам должна была принадлежать верховному тайному совету, составленному из десяти или двенадцати членов, принадлежащих по рождению к знатым фамилиям. Этот верховный тайный совет ведал бы вопросы о войне и мире, назначал начальствующих над всеми войсками, определял по своему усмотрению государственного казначея, который обязан был отдавать отчет одному верховному тайному совету по всем финансовым делам. Кроме верховного тайного совета, предполагалось учредить: 1) сенат из тридцати шести членов, которого обязанность будет рассматривать предварительно дела, следуемые к окончательному решению в верховный тайный совет; 2) шляхетскую палату из двухсот выборных для охранения прав шляхетского сословия, и 3) палату городских представителей, для заведования торговыми делами, для соблюдения интересов простого народа и для его защиты от всяких несправедливостей. Вообще прилагалось старание расширить права знатного шляхетства старинных родов, которым нарочно полагали давать преимущество в получении должностей и рангов по службе перед прочим шляхетством. Шляхетство по-прежнему не оставалось сословием герметически замкнутым, и гражданские чиновники могли приобретать шляхетское достоинство, но не иначе, как дослужившись до значительных чинов, а затем приказные люди – только за какие-нибудь особенно важные заслуги, показывавшие верность всему Шляхетскому обществу, могли быть причислены к шляхетству; люди же боярские и крестьяне не допускались ни к каким делам, пролагавшим путь к возвышению. План был чисто в боярском духе и не мог нравиться всему шляхетству, в среде которого числились и «худородные». Все должны были увидеть в этом проекте намерение сузить благородное сословие только древними родами, а прочих унижить. В самом деле, была только

призрачная свобода, на вид предоставляемая этим проектом шляхетству. Недаром князь Димитрий Михайлович прожил много лет в Киеве, близко к Польше и к польскому обществу. В его проекте ощутительно влияние той современной ему Речи Посполитой, где величались свободой и шляхетским равенством и где, однако, в сущности равенства не было: управляли знатные роды, а громады шляхетства состояли из их покорных слуг и исполнителей их затей. Между тем этот проект, составленный князем Димитрием Михайловичем и разделяемый многими, был последним выражением попытки примирить стремление верховного тайного совета со стремлениями шляхетства.

В верховном тайном совете просматривались поступавшие отовсюду проекты; вся Москва готовилась встречать императрицу, а во Всесвятском стали делаться шаги, подававшие для одних опасение, для других надежду, что подписанные государынею пункты не сделаются незыблемыми узаконениями. Сообразно этим пунктам, Анна Ивановна, как мы уже сказали, отнюдь не могла назначать начальствующих в войске лиц, как в гвардии, так и в армии: это право принадлежало верховному тайному совету. Вдруг Анна Ивановна 12 февраля объявляет себя полковником Преображенского полка и капитаном кавалергардской роты. И преображенцы, и кавалергарды были этим очень довольны; в публике слышались и ропот, и одобрение. Вообще шляхетство, не сочувствуя изменениям в правлении, исходившим от верховного тайного совета, сохраняло в себе качества, усвоенные от прежних поколений. Положение служилых людей в России уже издавна было таково, что каждый более думал об узких интересах своего личного быта, чем о вопросах, касавшихся всего общества. «Лишь бы я был цел, да не дурно мне было, а там – хоть волк траву ешь!» – таков девиз был у русского шляхетства. Если подчас иной в дружеском кругу отваживался рассуждать о расширении общественных прав, то не иначе, как озираясь вокруг себя, и при малейшем признаке опасности съеживался и, как улитка, вползал в свою скорлупу. Русский человек способен легко воспламениться и отважиться

на подвиг истинно геройский, требующий почти нечеловеческого терпения, но он мало способен последовательно идти по пути, избранному однажды и одобренному рассудком. В старых наших судебных архивах мы встречаемся с изумительными примерами отваги и терпения лиц, которые часто не за поступки, а за неосторожно произнесенные слова выносили тяжкие муки; но мало видим случаев выносливости и терпения, когда приходилось крепко стоять за давно обдуманый план перемен в общественном строе. И теперь, при избрании Анны Ивановны, случилось то же явление. Многие из шляхетства с первого раза увлеклись идеею новизны, но, когда стали думать об этом, тотчас же стали соображать – что будет согласнее с их ближайшими личными выгодами. Нужен был только умный руководитель, который бы соединил разнovidные, но однородные побуждения и направил их к одной цели по старой дороге. Нашелся такой руководитель. Это был Остерман, притворявшийся болящим, находившийся день и ночь в постели, облепленный пластырями, обвязанный примочками. Он работал неумолимо, внушал лицам, посещавшим его, мысль, что для всего государства и для каждого лица в особенности лучше всего будет возвратиться к прежнему самодержавию. По изысканиям г. Корсакова, Остерману для воздействия на гвардию послужили тогда: молодой Антиох Кантемир, сын изгнанного турками молдавского господаря, и граф Федор Андреевич Матвеев, внук знаменитого Артамона Матвеева, боярина, погибшего во время первого стрелецкого бунта. Им откликнулся целый ряд гвардейских офицеров; видное место из них занимали родственники царицы Салтыковы, князья Черкасские (главою всего их рода считался тогда князь Алексей Михайлович, чрезвычайный богач), Степан Апраксин (впоследствии полководец, воевавший против прусского короля Фридриха II), князья Волконские, Иван Михайлович Головин, потомок знатного рода, в молодости заслуживший внимание и милость Петра I, князь Борятинский, полковник Еропкин, приятель Василия Никитича Татищева, и сам Василий Никитич, составивший себе громкое имя государственными и учеными трудами. Сторонники

самодержавия сносились с Анною Ивановною через близких государыне дам. То были: сестра императрицы Екатерина Ивановна, герцогиня мекленбургская, княгиня Черкасская, княгиня Трубецкая (урожденная Салтыкова), Ягужинская, Екатерина Ивановна Головкина, Наталья Федоровна Лопухина, находившаяся в сердечных отношениях к Левенвольду. На этот кружок имел влияние новгородский митрополит Феофан Прокопович. Говорят, что он прислал тогда государыне в подарок столовые часы с потайною доскою, на которой был начертан план действий в пользу самодержавия. В гвардии с каждым часом возрастало неудовольствие против верховников, в особенности против Долгоруких, которых считали главными зачинщиками преднамеренного переворота. Толковали так: Долгорукие взяли верх при покойном государе, и теперь им не хочется потерять своей силы; вот они и выдумывают, чтоб новая царица была государынею только по имени, а власть бы вся у них была в руках. Фельдмаршал князь Василий Владимирович предложил было Преображенскому полку присягнуть государыне и разом с нею верховному тайному совету. На это преображенцы закричали, что они ему изломают ноги, если он еще раз осмелится заикнуться с этим. Князь Алексей Григорьевич, нареченный тесть императора Петра II, удаляясь от всеобщего ропота против своего рода, уехал с своим семейством в подмосковную вотчину Горенки. Шляхетство почти все разделяло с гвардейцами ненависть к роду Долгоруких. Говорили, что, по смерти императора Петра Второго, Долгорукие ограбили дворец, перевезли к себе драгоценную мебель, экипажи и охотничьи принадлежности. Распускали заранее слух, что князя Алексея Григорьевича сошлют в Сибирь, а сына его Ивана, бывшего фаворита, – в Дербент. Эти слухи выражали общее желание гибели Долгоруких и предупреждали их роковую судьбу.

14-го февраля во Всесвятском представлялись новой императрице члены верховного тайного совета. Анна Ивановна приняла их вежливо, но сухо, и когда Головкин поднес ей орден св. Андрея Первозванного, Анна Ивановна сказала: «Ах, правда, я позабыла его надеть!»

Она приказала надеть на нее этот орден постороннему лицу, а не одному из членов верховного тайного совета. Государыня этим хотела показать, что она считает за собою право носить этот знак высшего достоинства по своему рождению, а не по чьей-либо милости, так же точно, как и корону получает по рождению, а не по вине верховников. На другой день, 15-го февраля, она переехала в Москву. Все чины присягали ей на верность в Успенском соборе.

Вступивши в Москву, императрица сразу не избавилась от докучливой опеки верховников. По выражению современника, князь Василий Лукич продолжал еще и здесь стеречь ее, как дракон. Между тем, в обществе продолжалось умственное волнение по поводу вопроса -самодержавное или ограниченное правление должно быть в России. До нас дошли характеристические письма сторонников того и другого направления. Вот письмо сторонника свободы бригадира Козлова казанскому губернатору:

«Теперь у нас прямое правление государства стало порядочное, какого нигде не бывало, и ныне уже прямое течение делам будет, и уже больше Бога не надобно просить... чтоб только между главными согласие было. А если будет между ними согласие так, как положено, то, конечно, сего никто опровергнуть не может. Есть некоторые бездельники, которые трудятся и мешают, однако ж ничего не сделают; а больше всех мудрствует с своею партией князь Алексей Михайлович (Черкасский)... однако ж, ничего не успевают. И о государыне так положено, что хотя в малом чем не так будет поступать, как ей определено, то ее, конечно, вышлют назад в Курляндию; и для того – будь она довольна тем, что она государыня российская, – полно и того! Ей же определяют на год сто тысяч, и тем ей можно довольной быть, понеже дядя ее император и с теткою довольствовался только шестьюдесятью тысячами в год; да сверх того неповинна она себе брать ничего, разве с позволения верховного тайного совета, также деревень никаких, ни денег неповинна давать никому, и не токмо того, – ни последней табакерки из государевых сокровищ не может себе взять, не только отдавать кому, а что надобно ей будет, то будут



давать ей с расписками. А всего лучше положено, чтоб ей при дворе свойственников своих не держать и других ко двору никого не брать, кроме разве кого ей позволит верховный тайный совет; и теперь Салтыковых и духу нет, а впредь никого не допустят. И что она сделана государынею – и то только на малое время помазка по губам».

До иностранных послов доходили толки русских в то время, осуждавших вредоносное для народа мотовство самодержавных лиц, которые самовольно распоряжались народным достоянием и не обращали внимания на вопиющие нужды народа. О Екатерине I говорили, что за короткое ее царствование (два года с небольшим) истрачено семьсот тысяч рублей на венгерское вино и сто шестьдесят тысяч рублей на гданьскую водку, тогда как при неурожае многие тысячи подданных питались сухим хлебом и только им кормили своих детей<sup>56</sup>.

Сторонники самодержавия от той эпохи оставили также письменные памятники, где выражалась тогдашняя их точка зрения. Замечательна записка, ходившая тогда по рукам у шляхетства; автор ее, не подписавший своего имени, неизвестен.

«Слышно здесь, – пишет он, – что делается или уже и сделано, чтобы быть у нас республике... Боже сохрани, чтобы не сделалось вместо одного самодержавного государя десяти самовластных и сильных фамилий; и так мы, шляхетство, совсем пропадем и принуждены будем, горше прежнего, идолопоклонничать и милости у всех искать, да еще и сыскать будет трудно, понеже ныне между главными людьми (родословными), как бы согласно ни было, однако ж впредь, конечно, у них без раздоров не будет, и так один будет миловать, а другие, на того злобствуя, вредить и губить станут. В то время потребно будет расположить обществом или рекрутский набор, или прочий какой сбор для пользы и обороны государства; для того надлежит тогда всякому понести самому на себе для общей пользы некоторую тягость: в том голосов сообразить никак невозможно будет, и что надобно будет вперед сделать и расположить в неделю, того в полгода не сделают».

Автор записки вступает в полемику со своими противниками по поводу обязательной службы шляхетства, которую последние не одобряли. «Народ наш, – говорится в записке, – не вовсе честолюбив, но паче ленив и нетрудолюбив, и для того, если некоторого принуждения не будет, то, конечно, и такие, которые в своем доме один ржаной хлеб едят, не похотят получать через свой труд ни чести, ни довольной пищи, кроме, что всяк захочет лежать в своем доме; разве останутся одни холопы и крестьяне наши, которых принуждены будем производить и своей чести надлежащие места отдавать им, и таких на свою шею произведем и насажаем непотребных, от которых самим нам впредь места не будет, и весь воинский порядок у себя, конечно, потеряем; притом же, под властью таких командиров, Боже сохрани, так испотворованы будут солдаты, что злее стрельцов будут». По мнению автора записки, можно позволить выходить в отставку после определенного числа лет службы только таким шляхтичам, у которых «не менее от тридцати до пятидесяти дворов крестьянских»<sup>57</sup>.

Нам теперь трудно определить, куда в то время клонилось большинство умов шляхетства: к ограничению ли самодержавной власти, или к ее удержанию в прежней силе. Собственно за самодержавие ясно и положительно стояли гвардейцы: они были обласканы императрицей и могли надеяться еще большего к себе внимания, после того как послужат ей теперь в трудных обстоятельствах. Остальное все шляхетство, строго говоря, колебалось. Оно собиралось в разных местах Москвы на совещания, и на этих совещаниях не додумались ни до чего более, как только до того, чтобы подать государыне челобитную о дозволении составить из генералитета и шляхетства комиссию для пересмотра условий, предложенных от верховного тайного совета государыне. На этом порешили две сходки, собиравшиеся 23 и 24 февраля в двух местах Москвы: одна в доме князя Черкасского на Никитской улице, другая в доме князя Борятинского на Мясницкой. Обе сходки сносились между собою и на вышесказанном взаимно остановились.

Утром 25 февраля явилась во дворец толпа из шляхетства. По одним известиям, число явившихся простиралось до восьмисот человек<sup>58</sup>, по другим – до ста пятидесяти<sup>59</sup>. На челе их был князь Алексей Михайлович Черкасский. Он подал государыне челобитную; в ней сначала изъяснялась благодарность за высокую милость ко всему государству, выраженную в подписанных ею пунктах, а далее сообщалось, что «в некоторых обстоятельствах тех пунктов находятся сумнительства такие, что большая часть народа состоит в страхе предбудущего беспокойства, хотя они, с благорассудным рассмотрением, написав свои мнения, представляли верховному тайному совету, прося безопасную государственного правления форму учредить; однако ж, об этом не рассуждено, а от многих и мнений подписанных не принято и объявлено, что без воли императорского величества того учинить невозможно». На этом основании челобитчики просили, «дабы всемилостивейше, по поданным от нас и от прочих мнениям, соизволили собраться всему генералитету, офицерам и шляхетству по одному или по два из фамилий: рассмотреть и все обстоятельства исследовать, согласным мнением по большим голосам форму правления сочинить и вашему величеству к утверждению представить». Челобитная эта была подписана восьмьюдесятью семью лицами. В конце ее было оговорено так: «хотя к сему прошению не многие подписались, понеже собою собраться для подписи опасны, а согласуют большая часть, чему свидетельствуют подписанные от многих мнения, о которых выше показано было, что иные еще не приняты».

Когда эта челобитная была подана<sup>60</sup>, в зале произошло волнение. Гвардейские офицеры стали громко кричать о восстановлении самодержавия; со стороны шляхетства слышались возражения. Князь Черкасский, по прочтении челобитной, произнес краткую, приличную случаю, речь.

Тогда Василий Лукич приглашал собрание успокоиться и, обратившись к князю Черкасскому, спросил: – Кто позволил вам, князь, присвоить себе право законодателя?

Князь Черкасский отвечал:

– Вы вовлекли государыню в обман; вы уверили ее величество, что кондиции, подписанные ею в Митаве, составлены с согласия всех чинов государства. Это неправда. Они составлены без нашего ведома и участия.

Князь Василий Лукич стал советовать Анне Ивановне удалиться в другой покой и там на досуге обсудить шляхетскую челобитную. Анна Ивановна уже было согласилась. Но тут подошла к ней сестра ее Екатерина Ивановна, держа чернильницу с пером, и сказала:

– Нет, государыня, нечего теперь рассуждать! Вот перо – извольте подписать!

Императрица на челобитной подписала: «Учинить по сему»<sup>61</sup>. Потом, возвративши князю Черкасскому челобитную, она поручила шляхетству обсудить предмет своего прошения немедленно и в тот же день сообщить ей результат своих совещаний. В это время расходившиеся гвардейцы стали кричать: «Мы не дозволим, чтобы государыне предписывались законы. Она должна быть такою же самодержавною, как были ее предки!»

Государыня, стараясь укротить волнение, стала даже грозить, но гвардейцы не переставали волноваться, кланялись в ноги императрице и вопили:

«Государыня! Мы верные рабы вашего величества. Мы служили верно вашим предшественникам и теперь готовы пожертвовать жизнью, служа вашему величеству. Мы не потерпим ваших злодеев. Повелите только – и мы к вашим ногам сложим их головы!»

Анна Ивановна, оглядываясь кругом себя, произнесла: «Я здесь не безопасна. – Потом, обратясь к капитану Преображенского полка, она сказала: – Повинуйтесь генералу Салтыкову, ему одному только повинуйтесь!»

До сих пор начальствовал над гвардией фельдмаршал кн. Василий Владимирович Долгорукий; назначение Салтыкова было отрешением князя Долгорукого<sup>62</sup>.

Шляхетство, согласно повелению императрицы, удалилось в другую комнату для совещания; Анна Ивановна отправилась обедать с членами верховного тайного совета.

Совещалось шляхетство недолго. Не время было совещаться, да уж и не было о чем. Весь дворец наполнен был гвардейцами, которые продолжали кричать, шуметь и провозглашали Анну Ивановну самодержавной государыней, а всем противникам самодержавия грозили, что всех их повыбрасывают за окна. Слишком явно было, что собрание, которому поручили совещаться как будто свободно о своих делах, находится под стражею. Оно напоминало собою басню, в которой кот пойманного соловья убеждает запеть и показать свое искусство. В четвертом часу пополудни шляхетство, окончив свое дело, вошло снова в аудиенц-зал. Императрица, окончив обед, вошла туда; за нею вошли обедавшие с нею верховники. Князь Никита Трубецкой подал ей новую челобитную: на этот раз она была подписана ста шестьюдесятью шестью лицами. Прочел ее кн. Антиох Кантемир, ее составитель, так как на сходке, происходившей у князя Черкасского, сторонники самодержавия ему поручили составить ее. И эта челобитная, как и прежняя, начиналась благодарностью императрице за подписание кондиций, поданных верховным тайным советом, но потом она гласила так:

«Усердие верных подданных побуждает нас по возможности не показаться неблагодарными; для того, в знак нашего благодарства, всеподданнейше приносим и всепокорно просим всемилостивейше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальные предки имели, а присланные к вашему императорскому величеству от верховного тайного совета пункты и подписанные вашего величества рукою уничтожить». Затем далее в челобитной излагалась просьба о восстановлении сената в том значении, какое дал ему основатель Петр Великий, дополнив число сенаторов двадцать одной особой, а на будущее время в звание сенаторов, губернаторов и президентов коллегий должно определять по баллотировке от шляхетства. В заключение в челобитной говорилось: «Мы, напоследок, вашего императорского величества всепокорнейшие рабы, надеемся, что в благорассудном правлении государства, в правосудии и

облегчении податей по природному вашего величества благоутробию презрены не будем, но во всяком благополучии и довольстве тихо и безопасно житие свое препровождать имеем. Вашего императорского величества всенижайшие рабы...»

Выслушавши эту челобитную, государыня произнесла такие слова:

– Мое постоянное желание было управлять моими подданными мирно и справедливо, но я подписала пункты и должна знать: согласны ли члены верховного тайного совета, чтобы я приняла то, что теперь предлагается народом?

Члены верховного тайного совета молча склонили головы и тем выразили свое согласие<sup>63</sup>.

«Счастье их, – замечает современник, – что они тогда не двинулись с места; если б они показали хоть малейшее неодобрение приговору шляхетства, гвардейцы побросали бы их за окно»<sup>64</sup>.

– Стало быть, – продолжала императрица, – пункты, поднесенные мне в Митаве, были составлены не по желанию народа!

– Нет! – крикнуло несколько голосов.

– Стало быть, ты меня обманул, князь Василий Лукич? – сказала государыня, обратившись к стоявшему близ нее князю<sup>65</sup>.

Затем императрица приказала одному из правителей дел верховного тайного совета, Маслову, доставить ей подписанные ею в Митаве кондиции и письмо, писанное ею к верховному тайному совету. По приказанию, переданному Масловым от имени императрицы, граф Головкин, который, как великий канцлер, хранил важные государственные документы, принес государыне требуемое. Императрица изодрала оба документа в присутствии всего шляхетства и объявила, что желает быть истинною матерью отечества и доставить своим подданным всевозможные милости<sup>66</sup>.

Шляхетство вереницею подходило целовать руку государыни. Члены верховного тайного совета должны были, крепя сердце, делать то же, хотя событие дня их всех как громом ошеломило<sup>67</sup>.

Наконец Анна Ивановна дала приказание немедленно освободить Ягужинского и пригласить его во дворец.

Ягужинский явился. Императрица приказала фельдмаршалу князю Василию Владимировичу Долгорукому встретить его с почетом у дверей; потом, при полном собрании шляхетства, возвратила ему шпагу и орден св. Андрея Первозванного. Вдобавок императрица публично объявила ему похвалу за верность и защиту самодержавных прав царских<sup>68</sup>.

Обрадованный Ягужинский преклонил колена. Государыня нарекла его генерал-прокурором восстанавливаемого сената<sup>69</sup>.

Вечером того же дня видимо стало на небе северное сияние. Не чуждый суеверий народ пустился по этому поводу в толки о предзнаменованиях. Впоследствии, когда в царствование Анны Ивановны совершилось немало жестокостей, которые главным образом приписывали русские – справедливо и несправедливо – любимцу ее Бирону, вспоминали об этом небесном явлении, происходившем в день, когда императрица приняла самодержавное правление, и говорили: «недаром тогда весь край неба казался залитым кровью: много крови пролилось в царствование, начавшееся в этот день». В этот же самый день Анна Ивановна дала повеление доставить к ней любимца Бирона, хотя при подписании условий верховный тайный совет вынудил у нее обязательство не приглашать в Россию этого человека<sup>70</sup>.

В тот же вечер князь Димитрий Михайлович Голицын в кругу своих приятелей произнес такие знаменательные и пророческие слова:

«Пир был готов, но гости стали недостойны пира! Я знаю, что стану жертвою неудачи этого дела. Так и быть! Пострадаю за отечество. Я уже и по летам близок к концу жизни. Но те, которые заставляют меня плакать, будут проливать слезы более, чем я»<sup>71</sup>.

### III. Анна Ивановна в домашней жизни

*Характер государыни. – Забавы. – Куртаги. – Шуты. – Ледяной дом. – Переписка Анны Ивановны.*

Со дня объявления самодержавия начинается царствование Анны Ивановны. Возведенная на степень такого могущества, какого никогда себе не ожидала, она оказалась вовсе не подготовленной ни обстоятельствами, ни воспитанием к своему великому поприщу. На престоле она представляла собою образец русской барыни старинного покроя, каких в то время можно было встречать повсюду на Руси. Ленивая, неряшливая, с неповоротливым умом, и вместе с тем надменная, чванная, злобная, не прощающая другим ни малейшего шага, который почему-либо ей был противен, – Анна Ивановна не развила в себе ни способности, ни привычки заниматься делом и особенно мыслить, что было так необходимо в ее сане. Однообразие ее повседневной жизни нарушали только забавы, которые вымышляли прислужники, но забавы те были такого рода, что не требовали ни большой изобретательности, ни изящества. Анна Ивановна любила лошадей и верховую езду, заимствовавши эту склонность от своего любимца Бирона, который издавна был большой охотник до лошадей. Ей нравилось также забавляться стрельбою, и это делалось внутри дворца, из окон которого она часто стреляла птиц. Ей привозили также во дворец зверей и птиц для примерной охоты. Газеты того времени сообщали публике об охотничьих подвигах ее величества во дворце: то она убила дикую свинью, то – оленя, то – медведя или волка, то такую или иную птицу. Для того, чтобы для царской потехи не оказалось недостатка в животных, запрещалось подданным на расстоянии ста верст от столицы охотиться за всякой дичью, даже за зайцами и куропатками, под страхом жестокого наказания. Анна Ивановна любила наряды и, следуя вкусу Бирона, предпочитала яркие краски, так что никто не смел являться во дворец в черном платье. Сама государыня в будни одевалась в длинное, широкое одеяние небесно-голубого или



зеленого цвета, а голова у нее была повязана красным платком, таким способом, каким обыкновенно повязывались мещанки. По воскресеньям и четвергам во дворце отправлялись так называемые куртаги, куда съезжались вельможи, разодетые в цветные одежды, танцевать или играть в карты и в другие игры, и где каждый должен был корчить улыбающуюся и довольную собой физиономию. Иногда давались спектакли, играли немецкие и итальянские пьесы, и в 1736 году императрица ввела первый раз в России итальянскую оперу. Но более всего она любила шутов и шутих. В числе придворных привилегированных шутов государыни известны: Балакирев, исполнявший эту обязанность еще при Петре Великом, португальский жид Лякоста и итальянец Педрилло, прибывший в Россию в качестве скрипача и нашедший для себя выгодным занять должность царского шута. Кроме этих специальных царских шутов, были еще трое шутов, принадлежавших к аристократическим родам: князь Михаил Алексеевич Голицын, князь Никита Федорович Волконский и Алексей Петрович Апраксин. Волконского обратила императрица в шуты по давнишней злобе к жене его Аграфене Петровне, дочери Петра Бестужева. Князь Михаил Алексеевич Голицын за границею женился на итальянке и принял римско-католическую веру: за это, по возвращении его в Россию, императрица приказала разрушить его брак, а его самого заставила исполнять должность шута в ее дворце. В последний год своего царствования Анна Ивановна женила его на калмычке Анне Бужениновой, одной из шутих своих, женщине очень некрасивой, а свадьбу приказала устроить в нарочно выстроенном на Неве ледяном доме, где стены, двери, окна, вся внутренняя мебель и посуда были сделаны из льда. В таком-то ледяном доме отправлялся свадебный праздник, горело множество свечей в ледяных подсвечниках, и брачное ложе для новобрачных было устроено на ледяной кровати. На этот праздник выписаны были участники из разных краев России: из Москвы и ее окрестностей доставили деревенских женщин и парней, умеющих плясать; из восточной России повелено было прислать инородцев по три пары мужского и

женского пола – татар, черемис, мордвы и чувашей, «с тем, чтобы они были собою не гнусны и одеты в свою национальную одежду, со своим оружием и со своей национальной музыкою».

Алексей Петрович Апраксин был зять Михаила Голицына и, под влиянием своего тестя, так же, как и он, принял римско-католическую веру: в наказание за этот поступок императрица и его обратила в шуты.

Все три сиятельные шута каждое воскресенье забавляли ее величество: когда государыня в одиннадцать часов шла из церкви, они представляли перед нею из себя кур-наседок и кудахтали. Иногда государыня приказывала им барахтаться между собою, садиться один на другого верхом и бить кулаками друг друга до крови, а сама со своим любимцем Бироном потешалась таким зрелищем. Обыкновенно стрельбищные и шутоломные забавы происходили перед обедом; после обеда императрица ложилась отдыхать, а вставши, собирала своих фрейлин и заставляла их петь песни, произнося повелительным голосом: «Ну, девки, пойте!» А если какая из них не умела угодить своей государыне, за то получала от нее пощечину.

Осталась довольно обширная переписка Анны Ивановны с разными лицами, преимущественно с ее родственником Семеном Андреевичем Салтыковым, который, после переезда двора из Москвы в Петербург, остался в Москве генерал-губернатором и начальником тайной канцелярии. Переписка эта превосходно выказывает личность государыни. Выше было замечено, что Анна Ивановна представляла собою образчик русской барыни-помещицы старого времени. Одной из черт такого рода была склонность государыни к сплетням. Это много раз видно в ее письмах. Вот несколько писем к Семену Андреевичу, касающихся вмешательства в чужие семейные дела: «...Отпиши женился ли камергер Юсупов; здесь слышно, что у них расходится и будто у него невест много было, об этом я тебе пишу тайно, чтоб он не знал». Или: «Когда ты сие письмо получишь, то чтоб тайно было и никому не сказывай, только мне отпиши – когда свадьба Белозерского была, и где, и как отправлялась, и княгиня Мария Федоровна Куракина как их принимала, весела ли была? обо всем о том отпиши». Или:

«января 24-го 1734 г... По приложенной при сем записке вели сыскать Давыдову невесту и пришли ее сюда одну по почте с солдатом, а родни ее никого не посылай, и матери ее также с нею не посылай; а как ее одну по почте с солдатом сюда привезут, то тому солдату, который с нею поедет, приказать, чтобы он ее прежде привез к моему секретарю Полубояринову, где бывала старая полиция, а сам бы явился ему, чтоб Давыдов не ведал, покуда ему не скажут. Что ей надобно, то вели все взять, только отправь ее в один день, чтоб она не могла Давыдову никакой вести дать, а в дороге вели везти бережно без всякого страху». Императрицу занимала семейная распря супругов Щербатовых, и по этому поводу она писала тому же Салтыкову: «...Осведомься, возьмет ли князь Федор Щербатов свою жену с собою добровольно; ежели он взять ее не похочет, то ты объяви ему, чтоб он без отговорок ее взял». В другом письме, к тому же Салтыкову, государыня уполномочивает его проведать о поведении жены шута своего Апраксина: «...Осведомься, как можно тайно, о жене Алексея Петровича Апраксина: смирно ли она живет; а здесь слух носится, что будто она пьет и князь Алексей Долгорукий непрестанно у нее; только б никто, кроме тебя и того, кому осведомиться прикажешь, не ведал, а как осведомишься подлинно, о том к нам отпиши».

Анна Ивановна собирала вокруг себя всякого рода болтушек, забавниц, которые потешали ее. Этот женский персонал служил дополнением к мужскому персоналу шутов. В переписке императрицы есть несколько писем, относящихся к этому предмету. Вот императрица пишет Семену Андреевичу Салтыкову: «...живет в Москве у вдовы Загряжской Авдотьи Ивановны княжна Пелагея Афанасьевна Вяземская девка, и ты прежде спроси о ней у Степана Грекова, а потом ее сыщи и отправь сюда ко мне, так, чтоб она не испугалась, то объяви ей, что я ее беру из милости, и в дороге вели ее беречь. А я ее беру для своей забавы: как сказывают, она много говорит. Только ты ей того не объявляй. Да здесь, играючи, женила я князя Никиту Волконского на Голицыной и при сем прилагается письмо его к человеку его, в котором написано, что он женился

вправду; ты оное сошли к нему в дом стороною, чтоб тот человек не дознался, а о том ему ничего сказывать не вели, а отдать так, что будто прямо от него писано». Другой особе Анна Ивановна поручала найти для себя забавницу в Переяславе: «Авдотья Ивановна! Поищи в Переяславе у бедных дворянских девок или из посадских, которые бы похожи были на Новокщенову; хотя, как мы чаем, уже скоро умрет, то чтоб годны были ей на перемену. Ты знаешь наш нрав, что мы таких жалуем, которые были бы лет по сороку и так же говорливы, как та Новокщенова, или как были княгини Настасия и Анисья, и буде сыщешь хоть девки четыре, то прежде о них отпиши к нам и опиши, в чем они на них походить будут».

А вот чрезвычайно интересное и оригинальное поручение в письме императрицы к Семену Андреевичу Салтыкову от 10 октября 1734 года: «Прилагается шелковинка, которую пошли в Персию к Левашову, чтобы он по ней из тамошнего народа из персиянок или грузинок, или лезгинок сыскал мне двух девочек таких ростом, как она есть, только б были чисты, хороши и не глупы, а как сыщешь, вели прислать к себе в Москву».

Тому же Семену Андреевичу Салтыкову Анна Ивановна поручала приобретать в Москве разные предметы нарядов и проч., например: «объярей старинных у купцов поищи, которые, чаю вы помните, что бывали крепкие, а не такие, как ныне, а также чернобурых лисиц и позументов». Она также поручала узнавать, где есть персидские лошади, и приказывала отбирать их у владельцев с обещанием уплаты. Узнавши, что у Василия Аврамовича Лопухина есть гусли, императрица поручает Семену Андреевичу взять их и доставить ей в Петербург... «и ты их возьми, и буде можно, ныне сюда пришли, увязав хорошенько, чтоб не разбились, а буде их довести ныне немочно, то по первому зимнему пути пришли».

В числе собственноручных писаний Анны Ивановны остались записки относительно мытья белья. Заметна старинная боязнь порчи через белье, входившая в круг старинных московских суеверий. Императрица стала недовольна, узнавши, что у кастелянши прачки в тех же посудах, где «моют наши и принцессы сорочки и прочее белье – и других посторонних лиц

белье моют». Государыня порицает за это кастеляншу и на будущее время дает такое правило: «...Для мытья нашего и принцессина белья иметь особливую палату и держать ее всегда под замком, и отмыкать только тогда, когда мытье будет; и для того мытья иметь особливых прачек, человек семь или сколько будет потребно, и смотреть, чтоб те прачки ни на придворных, ни на посторонних, ни на кого отнюдь ничего не мыли, также в упомянутых судах ни вместе, ни после нашего белья ничьих не мыли, и во время мытья в ту палату никого не пускали, кому тут дела не будет, чего накрепко смотреть и исправлять по сему, только в тех судах после нашего белья мыть рубашки матери безножки».

Масса таких писем рисует нам госпожу, всем сердцем и душою погруженную в узкий мирок своего домашнего угла. Никак нельзя подумать, что этим всем так прилежно, так сердечно занимается властительница огромнейшей империи. Много пошлости найдется в письмах Анны Ивановны, но иногда просвечивает в них и природное остроумие. Вот, для примера, письмо к казанскому архиерею: «Письмо ваше из Казани мы получили, в котором пишешь, что ты приехал туда в самый Благовещеньев день, и даешь знать, что то есть марта 25 числа. За то мы благодарствуем, что научили нас здесь в Петербурге знать, в котором числе оный день бывает, а мы до сих пор еще не знали, однако, уповали, что как в Казани, так и здесь в одно время прилучается. Впрочем, пребываем к вам в нашей милости».

Это письмо перепугало казанского архиерея. И было отчего. Страшно было навлечь на себя не только немилость, но даже одно невнимание высочайшей особы. Судьба киевского митрополита Ванатовича, упустившего отслужить молебен в царский день и за то протомившегося в заточении все царствование Анны Ивановны, судьба духовных сановников Георгия Дашкова, Юрлова и других, пострадавших по злобе Феофана Прокоповича, пользовавшегося при дворе милостью, достаточно показывают, что сан архиерейский не слишком служил защитой от царской опалы в царствование Анны Ивановны. Но теперь, по отношению к казанскому архиерею,

государыня показала доброту и снисходительность; узнавши, что письмо ее произвело на архиерея тревожное впечатление, она писала Салтыкову: «Из приложенного при сем письма казанского архиерея можете усмотреть, что он очень печалится. Того ради отпишите к нему от меня, что я тогда к нему нарочно писала без всякого гнева и чтобы он больше не сумлевался. Обнадежьте его нашею милостью и, написав письмо, пришлите к нам, которое мы, подписав, велим послать к нему по почте».

#### IV. Ход государственной жизни при Анне Ивановне

*Государственное управление. – Кабинет министров. – Сенат. – Тайная канцелярия. – Ушаков. – Тайная контора в Москве. – Салтыков. – Дело Долгоруких. – Дело смоленского губернатора князя Александра Черкасского. – Дело кабинет-министра Волынского. – Характер дел, производившихся в тайной канцелярии над лицами, менее знатными.*

При большом количестве писем Анны Ивановны чрезвычайно мало таких, которых содержание относилось бы к важным предметам; судя по оставшейся переписке этой государыни, приходится признать справедливость приговора современников, что она проводила время в пустых забавах и вовсе не занималась делами. Верховное управление государством предоставлено было кабинету министров, состоявшему из четырех главных руководителей: канцлера графа Головкина, князя Алексея Черкасского, барона Андрея Ивановича Остермана и графа Миниха.

Из них мы можем яснее определить деятельность только последнего, – во-первых, потому, что он был талантливее других, во-вторых, потому, что он заведовал военной частью и был вместе главнокомандующим российских военных сил, а такого рода деятельность представляется сама собою выпуклее всякой другой. О прочих кабинет-министрах трудно указать, какие законоположения и распоряжения исходили от того или от другого: все издавалось от имени императрицы, но так же точно, как если бы вместо нее сидел на престоле младенец. Все, что происходит в области государственной внутренней и внешней политики, везде представляется исходящим от царствующей особы, и часто настоящие заправщики дел ускользают от наблюдения истории.

Тотчас по вступлении Анны Ивановны на престол с самодержавною властью, был уничтожен верховный тайный совет и восстановлен сенат в том значении, в каком учредил его Петр Первый. Он разделился теперь на пять департаментов: 1) духовных дел, соприкасающихся с мирскими, 2) военных

сухопутных и морских сил, 3) доходов и расходов, 4) юстиции и 5) мануфактур и торговли. Сенат был верховным местом над всеми коллегиями и канцеляриями и посылал инструкции должностным лицам. Восстановлены должности генерал-прокурора и обер-прокуроров, хотя не упраздненные, но позабытые после Петра Первого. В Москве учреждены приказы судный и сыскной – последний для уголовных дел, которых нерешенными накопилось тысяч до двадцати. Вместо уничтоженного при Петре Втором Преображенского приказа, в марте 1730 года учреждена была тайных розыскных дел канцелярия, отданная под управление генерала Андрея Ивановича Ушакова, который своею суровостью приобрел такую же славу, как и Ромодановский. Впрочем, в законодательстве Анны Ивановны являются правила, свидетельствующие о сравнительно большей внимательности к судьбе несчастных жертв доносов; так, при Петре I доносчик отвечал жизнью только за такой донос, который был затеян ложно по злобе, а при Анне Ивановне – за всякий донос, если он оказывался ложным, по какому бы побуждению он ни возникал; таким образом, здесь как будто видно желание уменьшить доносничество. Но это была мера только кажущаяся: в том же указе, где говорится о каре за лживые доносы, угрожают смертною казнью всякому, кто, услышав слова, произнесенные неуважительно о царской особе, не донесет о них. Притом способы допросов, производившихся секретно с неизбежными пытками, зависели от произвола судей.

Нам осталось несколько дел, производившихся в тайной канцелярии над важными государственными лицами. Как только государыня укрепилась в самодержавии, опала от нее прежде всех и паче всех постигла род Долгоруких и отчасти Голицыных: то было мщение за попытку ограничить самодержавие. Долгоруких преследовали с какой-то утонченною злобою, сначала как будто при наказании показывая и снисхождение, а потом постепенно увеличивая над ними жестокость кары. 8 апреля 1730 года постиг этот род первый удар, сравнительно с последующими еще незначительный; фельдмаршалов Василия и Михаила Владимировичей предназначали удалить



губернаторами, первого в Сибирь, второго в Астрахань, князя Ивана Григорьевича – воеводой в Вологду, Алексею же Григорьевичу и брату его Сергею, со всеми членами их семейств, повелевалось безвыездно жить в своих родовых имениях. Но через несколько дней, 14 апреля, последовал иной указ: в нем князя Алексея Григорьевича с сыном Иваном и с братьями обвиняли в том, что они «покойного государя Петра Второго под предлогом забав и увеселений отлучали от честного и доброго обхождения и привели на сговор супружества с дочерью Алексея Григорьевича, княжной Екатериной, мало заботились о здоровье молодого государя, сверх того, скарб царский в дорогих вещах ценою в несколько сот тысяч себе забрали». За это, хотя их признавали «подлежащими жестокому истязанию», но государыня, милуя их, наказывает их так: князьям Алексею и Сергею Григорьевичам повелевает с женами и с детьми жить безвыездно в дальних деревнях, братьев их Ивана и Александра – определить в отдаленные города воеводами. У всех у них повелено отобрать чины и кавалерии. О князе Василии Лукиче в царском указе сказано: «За многие к нам самой и государству нашему бессовестные противные поступки, за то, что дерзнул нас весьма вымышленными и от себя самого составными делами безбожно облыгать, лишить чинов и орденов, сослать в дальнюю его деревню и там жить ему безвыездно за крепким караулом». Это был второй шаг. В исходе лета того же 1730 года последовал третий шаг: князя Алексея Григорьевича с детьми повелено сослать в Березов, князя Василия Лукича – в Соловки, князя Сергея Григорьевича – в Ораниенбург, вместе с его матерью, а князя Ивана Григорьевича – в Пустозерск.

Фельдмаршала Василия Владимировича, который не вступил в предполагавшуюся для него губернаторскую должность, тогда не тронули и оставили при его прежнем сане; только государыня при каждом удобном случае показывала к нему свое невнимание, а в конце 1731 года обнародован был указ, который от имени императрицы сообщал во всеобщее сведение, что «фельдмаршал Василий Долгорукий дерзнул не

только наши полезные государству учреждения непристойным образом толковать, но и собственную нашу императорскую персону поносительными словами оскорблять». Собранными на тот конец министрами и генералами он был осужден на смертную казнь, разом с гвардии капитаном князем Юрием Долгоруким, прапорщиком князем Алексеем Борятинским и Егором Столетовым, которые все «явились в некоторых жестоких государственных преступлениях». Государыня смягчила такой приговор: фельдмаршала Долгорукого повелела она заточить в Шлиссельбургскую крепость, а прочих – сослать «вечно» в каторжную работу. Велено при этом лишить их всех чинов, орденов и всего движимого имущества. Фельдмаршал был потом перемещен из Шлиссельбурга в другое место заточения – в Иван-город, а из сосланных в то время в Сибирь – Столетов, по доносу, был снова привлечен в тайную канцелярию, обвинен в произнесении непристойных слов против высочайшей особы, пытан и обезглавлен.

Бывший сотоварищ Долгоруких, по замыслу об ограничении самодержавия, князь Дмитрий Михайлович Голицын был долго щадим, считался в звании сенатора, но редко посещал сенат и проживал постоянно в своем подмосковном имении в селе Архангельском, где у него была многотомная библиотека. Но наверху, у государыни, не забыли его дел, совершенных при вступлении на престол Анны Ивановны. Несколько лет его не трогали, а в 1736 году придрались по поводу прикосновенности его к тяжбе, которая велась между зятем его, князем Кантемиром, и родственниками последнего об имении. Князю Дмитрию Михайловичу поставили в вину, что он отговаривался болезнью, не хотя императрице и государству служить, уклонялся от возлагаемых на него поручений и настроил чиновника Перова, чтоб он, получая из казны жалованье, занимался не делами службы, а делом зятя его Кантемира, а когда Перов сказал ему: «Надобно по совести рассуждать», – князь Дмитрий Михайлович на это ответил: «Совесть подлежит суду Божескому, а не человеческому»; когда же князя Дмитрия Голицына призывали в высший суд, он там произнес такое выражение: «Если б сатана из ада говорил мне что-нибудь

полезное, я бы и его послушал!» Все такие выражения признаны выходками, противными Богу и государыне. Князя Димитрия Михайловича отправили в Шлиссельбургскую крепость для содержания там за крепким караулом. Это произошло в начале 1737 года, а в апреле 1738 он скончался в заточении.

Казалось, участь тех Долгоруких, которым для житья был назначен Березов, была окончательно решена. Помучивши постепенным усилением кары, их, наконец, сослали в ледяные пустыни, где они должны были истаять, забытые всем миром – и друзьями, и врагами. Вышло не так.

Их повезли в Березов в июле 1730 года. Позволили взять им с собою пятнадцать человек прислуги. Капитан Максимов с отрядом солдат в 24 человека провожал их до Тобольска. Вдруг на дороге догоняет их посланный вслед за ними прапорщик Любовников для описи их пожитков. Оказалось, что князь Алексей Григорьевич взял с собою три образа в золотых окладах, два золотых креста с алмазами и золотую чашу, подаренную отцу его в Польше. Бывшая невеста Петра II везла с собою много разных драгоценностей и новых платьев, сделанных в ожидании свадьбы. У всех Долгоруких был запас дореформенного платья старинного покроя, так как в домашнем быту бояре еще продолжали в нем ходить, хотя официально одевались в иноземную одежду, введенную Петром I. Все это отобрали. Из Тобольска доставил сосланных Долгоруких в Березов с двадцатью четырьмя солдатами капитан Шарыгин. В Березове сосланных поместили на житье в остроге и выпускали их только в церковь. Ради унижения их обязали есть деревянными ложками и пить из оловянных стаканов, как бы простолудинов. Князя Долгорукие, с первых дней поселения своего в Березове, жили между собою несогласно. Князь Алексей Григорьевич упрекал сына Ивана, зачем он не дал Петру Второму подписать духовную. «Разрушенная» (как называли ее) невеста царская, гордая и надменная, никак не могла снести судьбы своей, капризничала и производила смуту между своею роднею. Уже привезший в Березов Долгоруких капитан Шарыгин послал на них донос об утайке пожитков

против описи, но последствием такого доноса на первый раз был только царский указ о том, чтобы Долгорукие вели себя смирно и непристойных слов никаких не произносили. Жена Алексея Григорьевича жила недолго в ссылке; в ноябре 1730 года ее не стало. Князь Алексей Григорьевич скончался в 1734 году, и сын его Иван, бывший фаворит Петра II, остался главою семьи. Супруга Ивана, обрученная с ним еще во дни его величия, Наталия Борисовна, урожденная Шереметева, дочь знаменитого фельдмаршала Петровских времен, уже после опалы жениха своего сдержала данное прежде слово, обвенчалась с ним и последовала в ссылку, несмотря на недовольство всей родни своей и, между прочим, своего брата Петра, который, при своем огромном богатстве, показывал мало участия к несчастной сестре. Женщина эта была нравственно выше своего супруга, который во время своего величия вел рассеянный и даже безнравственный образ жизни, и хотя на время был приведен в чувство бедствиями всего своего рода, но, будучи в ссылке, скоро снова показал прежнюю ничтожность души. Спознавшись с окружавшею его средой, он заводил приятельские беседы с офицерами местного гарнизона, с местными священниками и обывателями, и от скуки вместе с ними пьянствовал, а этому пороку он и прежде был причастен. Он особенно подружился с флотским поручиком Овцыным, постоянно становился с ним рядом в церкви и ходил вместе с ним в баню. Молва сделала Овцына любовником бывшей царской невесты. Майор Петров, в качестве пристава при Долгоруких, вместо строгого надзирательства над ссыльными, стал приятелем князя Ивана Алексеевича. Березовский воевода Бобровский сблизился с Долгорукими, из участия к их печальной судьбе посылал им от себя съестное и дарил песцовыми мехами, а Наталия Борисовна подарила ему сукна на одежду и золотые часы. Все это само по себе было бы безвредно; но Иван Алексеевич, под влиянием вина, не умел сдерживать языка своего и в кругу своих березовских знакомых рассказывал о разных придворных событиях. Замечательно, что хотя вообще принято полагать, будто Бирон преследовал Долгоруких, но Иван Алексеевич, жалуясь, что Анна Ивановна погубила весь

род их, никаким намеком не обвинил в этом Бирона. Напротив, он в числе врагов своих указывал на цесаревну Елисавету, которая впоследствии, занявши престол, восстановила падшую знатность рода Долгоруких. Между тем, находясь в ссылке в Березове, Иван Алексеевич приписывал свое несчастье, между прочим, наговорам на него Елисаветы, которая будто бы мстила ему за то, что при Петре Втором он проводил мысль заточить ее в монастырь за легкомысленное поведение.

Иван Алексеевич возымел было надежду на облегчение участи всего своего рода. Один из братьев князя Алексея Григорьевича, Сергей, был зятем барона Шафирова, бывшего тогда в силе при дворе. По особенному ходатайству тестя ему дозволили переселиться в свое имение Замоторино в Касимовском уезде, а вслед за тем Шафиров ходатайствовал перед императрицею о допущении своего зятя служить по дипломатической части. Но у рода Долгоруких при дворе было немало врагов, которые боялись, чтоб этот род, поднявшись на прежнюю высоту, не стал вредить им. Такими противниками Долгоруких были: Андрей Иванович Остерман, начальник тайной канцелярии генерал Ушаков и обер-егермейстер Волынский, недавно входивший в силу. Они действовали на Бирона и внушили ему мысль, что Долгоруким опасно давать свободу и значение. Всех враждебнее к Долгоруким относился Ушаков, и он-то взялся найти путь погубить их окончательно и сделать навсегда безвредными. Это было нетрудно при неосторожности и болтливости Ивана Алексеевича. Уже были на них доносы. В 1737 году последовал донос офицера Муравьева об утайке вещей против описи, произведенной над имуществом ссыльных. Долгорукие, извещалось в доносе, припрятали два патента за подписом императора Петра II и книгу о коронации того же императора. Сообщалось, кроме того, что майор Петров, поставленный над ними приставом, дает им послабление: у них много лишних вещей, они пожертвовали в церковь парчу, они свободно посещают березовских обывателей, и к ним допускают последних. По этому доносу присланный капитан Рагозин произвел новую опись их имущества: над ссыльными усилили караул. Но вскоре за тем

приехал в Березов, как будто по делам службы, тобольский подьячий Тишин. Подозревали, не без основания, что это был нарочно подосланный шпион. Тишин подделался к Долгоруким и стал бывать у них в сообществе с другими знакомыми. Ему приглянулась княжна Екатерина, и раз, пьяный, он стал выказывать любовь свою к ней в слишком грубых формах. Екатерина отвернулась от него и сказала о его назойливости другу брата своего, Овцыну. Овцын, согласившись с казачьим атаманом Лихачевым и сыном боярским Кашперовым, отколотили Тишина. Тогда последний, из мщения за свою обиду, послал на Ивана Алексеевича донос о его болтовне; доносил также на майора Петрова и на воеводу Бобровского, что они мирволили Долгоруким. Вслед за тем, в мае 1738 года, приехал в Березов тобольского гарнизона капитан Ушаков, родственник генерала Андрея Ивановича. Ему поручено было стороною разузнать о поведении сосланных Долгоруких, а им самим ласково объявить, что государыня желает улучшить их положение. Ушаков познакомился с березовскими обывателями и узнал многое, что ему было нужно. Он уехал из Березова, а вслед за тем пришел царский указ – отделить Ивана Алексеевича от прочих членов его рода. Его заперли в землянке. Наталия Борисовна выпросила у майора Петрова дозволение приносить мужу и подавать через окно пищу, потому что его стали содержать на казенном хлебе скудно и грубо.

В сентябре того же 1738 года, в бурную ночь приплыла по реке Сосве лодка с солдатами и с царским указом. Всех ссыльных Долгоруких велено было отправить в Тобольск. Разом с ними туда же препроводили оговоренных Тишиным и Ушаковым лиц: майора Петрова, воеводу Бобровского, Овцына, Лихачева, Кашперова, пять священников и одного диакона. В Тобольске их всех засадили в тюрьму и подвергли допросам. Иван Алексеевич упорно молчал, и несколько дней от него не могли добиться ни слова. Его засадили в темное, сырое подземелье; надели на него ручные и ножные кандалы и приковали к стене. Тогда он впал в нервное расстройство, близкое к умопомешательству, и стал наговаривать на себя то, о чем его даже не спрашивали. Он рассказал неизвестные

правительству подробности составления фальшивой духовной от имени императора Петра II в пользу преемства по нем на престоле его невесты. Излагая эту историю, он обвинил дядей своих Сергея и Ивана Григорьевичей, князя Василия Лукича и фельдмаршалов князей Василия и Михаила Владимировичей. Производили следствие капитан Ушаков, бывший доносчик на него, и Суворов (отец знаменитого Александра Васильевича). Они предложили обвиненным 16 пунктов: «О вредительных и злых словах в поношении чести ее императорского величества и цесаревны Елисаветы, о разговорах, веденных с Тишиным, о майоре Петрове, об Овцыне, о Бобровском и других, и о книге, будто бы напечатанной в Киеве, где изображалось уже совершившимся бракосочетание Петра Второго с княжною Екатериною Долгорукою». Иван Алексеевич и себя самого, и других оговорил, но уверял только, что книги киевской печати о бракосочетании Петра Второго не видал, а была у него книга о коронации этого императора, но брат его Николай эту книгу сжег. Несколько раз водили его к дыбе и подвергали жесточайшим истязаниям; наконец Ивана Алексеевича отправили из Тобольска в Шлиссельбург, а меньших братьев его Николая и Александра – в Вологду. Указом 31 января 1739 года в Шлиссельбург были собраны все оговоренные Иваном Алексеевичем князья Долгорукие.

Между тем, с отправкою Ивана Алексеевича, следствие в Тобольске не прекратилось над лицами, прикосновенными к делу о Долгоруких. Таких набралось до пятидесяти особ. Тут были офицеры, солдаты, подьячие, отставные дворяне, дети боярские, священники, дворовые боярские люди и разного звания обыватели березовские. Девятнадцать из них потерпели казнь. Майору Петрову отрубили голову; священников били кнутом и разослали по дальним сибирским городам; одному из них, Федору Кузнецову, бывшему духовником Ивана Алексеевича, после наказания кнутом вырезали ноздри. Офицеры и дворовые люди Ивана Алексеевича и некоторые из березовских обывателей записаны были рядовыми в сибирские полки. Березовский воевода Бобровский неизвестно каким образом ускользнул от кары.

В Шлиссельбурге следствие над Долгорукими производили Остерман, Ушаков и Волынский. Следствие это, начавшись с октября 1738 г., тянулось целый год; наконец, по царскому повелению, Долгоруких отвезли в Новгород и 8 ноября 1739 года за городом на Торговой стороне, близ Скудельничьего кладбища, их казнили. Князя Ивана Алексеевича колесовали, потом отрубили ему голову; князьям Сергею и Ивану Григорьевичам прямо отрубили головы; меньшому брату Ивана Алексеевича Николаю отрезали язык; двух других братьев, Алексея и Александра, высекли кнутом и заслали в Камчатку. Иван Алексеевич, как бы думая загладить свое прежнее мелкодушье, перенес мучительную казнь с поразительным геройством. Бывшая невеста Петра II-го сослана была в Горицкий монастырь, на берегу реки Шексны, и там была подвергнута строжайшему заключению. Надменность и там ее не оставляла. Игуменья, происходившая из простонародья, вздумала показывать над ней начальническое первенство. Княжна Екатерина сказала ей: «Ты должна уважать свет и во тьме: я все-таки княжна, а ты холопка, не забывай этого!» Судьба ее облегчилась уже по вступлении на престол Елисаветы, когда восстановлено было достоинство князей Долгоруких. Освобожденная из заточения, она выдана была замуж за графа Александра Брюса, но после свадьбы жила недолго и умерла в Новгороде, куда приезжала поклониться праху казненных родичей. Потомки казненных в Новгороде Долгоруких построили близ церкви Рождества Христова церковь Св. Николая и там поместили гробы злополучных предков, покрытые на верхней крышке слоем извести.

В числе дел тайной канцелярии не лишено интереса также дело смоленского губернатора князя Черкасского. Некто молодой человек, служивший прежде у недавно скончавшейся цесаревны Екатерины Ивановны, герцогини мекленбургской, смоленский помещик Милашевич-Красный 29 сентября 1733 года явился в Гамбурге к российскому резиденту Алексею Петровичу Бестужеву и подал донос, что смоленский губернатор дал ему совет ехать в Голштинию и служить голштинскому герцогу, которого сын есть истинный наследник российского



престола, будучи по матери единственным внуком великого Петра. Доносчик присовокуплял, что многие местные дворяне расположены признать царем голштинского принца, а смоленский губернатор при первом удобном случае употребит для его воцарения все средства, какие представляет для этого управление краем. По этому доносу генерал Ушаков сам поехал в Смоленск, арестовал губернатора и привез в тайную канцелярию. Донос Милашевича-Красного был очень неискрен: он оговорил в соумышлении с Черкасским таких лиц, о которых тотчас оказалось, что они не могли быть соучастниками, и от многого сам доносчик отказался. Тем не менее в тайной канцелярии страхом привели Черкасского к тому, что он сам оговорил себя, был осужден на смертную казнь, но, в виде милости и внимания к его родственнику кабинет-министру князю Алексею Михайловичу Черкасскому, смертная казнь заменена была для виновного вечной ссылкой в Камчатке в Жиганском зимовье. Но в 1739 году тот же Милашевич-Красный, попавшись в преступлении, объявил, что прежде на Черкасского доносил ложно, что князь Черкасский никаких писем через него герцогу голштинскому не давал, никаких поручений не сообщал, а только искал предлога удалить его куда-нибудь подальше, потому что боялся, чтобы Милашевич-Красный не помешал ему в его ухаживании за девицею Корсак. Сосланный князь Черкасский освобожден был уже по смерти Анны Ивановны, а при Елисавете Петровне занимал очень видное место по службе.

Самое последнее в царствование Анны Ивановны и самое громкое политическое дело, производившееся в тайной канцелярии, было дело кабинет-министра Артемия Петровича Волынского. При вступлении Анны Ивановны на престол он губернаторствовал в Казани, считался по справедливости замечательно умным и способным человеком своего времени, но также прославился взяточничеством, всякого рода грабительствами и озорничеством. Это был один из таких господ, у которых, по выражению одного архиерея того времени, «от их чрезвычайных забав люди Божии лишаются сего света безвременно». После Волынский в Москве был

председателем комиссии для устройства конских заводов; ревностным исполнением по занимаемой им должности он успел понравиться Бирону. В 1734 году он находился в действующей армии в Польше, где постигла его продолжительная болезнь. По возвращении в отечество ему поручили ехать в Немиров и быть там уполномоченным со стороны России на конгрессе, собравшемся для улаживания политических недоразумений на севере Европы. По прибытии назад он, носивший уже звание обер-егермейстера, получил, по случаю кончины Ягужинского, место кабинет-министра. Важное это место он получил по воле всемогущего любимца государыни Бирона, который, не доверяя дружелюбию к себе Остермана, хотел ввести в кабинет нового члена, чтобы тот в делах оказывал противовес Остерману. Бирон думал найти в Волынском покорную себе креатуру, но ошибся. Будучи по званию кабинет-министра часто входя с докладом к государыне, Волынский успел ей понравиться и, как умный, сведущий в делах человек, становился ей так необходимым, что Бирон опасался, как бы Волынский не оттеснил его самого от государыни. Притом скорое возвышение вскружило голову самому Волынскому: он стал невнимателен к своему благодетелю Бирону и перессорился со многими важными и влиятельными лицами. Так он стал непримиримым врагом Остермана, князя Куракина, адмирала Головина; вступил в неприязнь с Минихом и самою императрицею стал недоволен. «Правду говорят о женском поле, – произносил он на ее счет в кругу друзей, – что нрав имеют изменчив, и когда женщина веселое лицо показывает, тут-то и бойся! Вот и наша государыня: гневается, иногда сам не знаю за что; резолюции от нее никакой не добьешься, герцог что захочет, то и делает!»

Зазнавшийся Волынский, ставши кабинет-министром и ощущая милости к себе императрицы, перестал считать свою судьбу зависящей от благорасположения Бирона. По воле сильной российской императрицы, с прекращением мужской линии наследственных герцогов династии Кетлеров, курляндское дворянство избрало своим герцогом Бирона. Насколько тут было искреннего желания видеть его своим

властителем, показывает то, что во время происходивших выборов русское войско под командою Биронова свояка, генерала Бисмарка, вступило в Курляндию, и курляндское дворянство, из угождения повелительнице обширного государства, решилось признать верховным главою своего края такого человека, которого несколько лет тому назад не считало достойным ввести в среду дворянского сословия. Ставши герцогом курляндским и оставаясь по-прежнему обер-камергером двора российской императрицы, Бирон хотел, чтобы Россия соображала свою политику с выгодами его герцогства. Курляндия считалась в ленной зависимости от польской Речи Посполитой, и курляндскому герцогу был расчет находиться с Речью Посполитой в дружелюбных отношениях, тем более, что польский посол в Курляндии Кайзерлинг от имени своего короля ходатайствовал перед курляндским дворянством о выборе в герцоги Бирона. Теперь поляки домогались от России удовлетворения за убытки, причиненные русскими войсками во время прохода их через польские владения, когда велась война России с Турциею. Бирон настаивал, чтоб Россия заплатила Польше по ее требованию, а Волынский в кабинете министров доказывал, что платить не следует, и по этому поводу произнес, что он, не будучи ни польским паном, ни вассалом Польши, не имеет причины задабривать народ, издавна враждебный России. Напоминание о вассале пущено по адресу Бирона не в бровь, а прямо в глаз: герцог был взбешен и тогда же решился во что бы то ни стало отомстить за это Волынскому. Тут присоединилось еще обстоятельство, усиливавшее вражду между герцогом и Волынским. Бирон задумывал женить сына своего Петра на племяннице императрицы Анне Леопольдовне, будущим детям которой Анна Ивановна заранее назначала преемство российского престола. Бирон хотел воспользоваться беспредельною привязанностью к нему императрицы и проложить своему потомству путь к царской короне. Много встречал при дворе недоброжелателей Бирон своему проекту – и главным из них был Волынский. Собственно, ни Волынский, ни иной кто-либо не могли помешать видам Бирона, потому что сама принцесса Анна Леопольдовна не терпела сына его,

Петра. Но для злопамятного, не прощавшего своим врагам Бирона было достаточно, что Волынский изъявлял нежелание успеха его плану. Между тем Волынский, зазнаваясь все более и более, отважился подать императрице «генеральное рассуждение о поправлении внутренних государственных дел», где излагались разные предположения, касавшиеся укрепления границ, церковного устройства, правосудия и торговли. К своему проекту Волынский приложил записку о том, что государыня окружает себя лицами недостойными и отдаляет достойных. Императрица спросила: кого он считает недостойным? Волынский назвал Остермана, князя Куракина и адмирала Головина. «Ты даешь мне советы, как будто молодому государю», – сказала Анна Ивановна. Из этих слов Волынский должен был заключить, что ему может быть худо.

Была еще более свежая причина несогласия между Волынским и Бироном. В феврале 1740 года устраивался ледяной дом, о котором выше было упомянуто. Приготовлялись ко всеобщей потехе; главным распорядителем ее был Волынский. Он послал одного кадета привезти к нему Василия Кирилловича Тредьяковского, академика, впоследствии носившего звание «профессора элоквенции и хитростей пиитических», за тем, чтоб заставить его написать и на празднике прочитать стихотворение, приличное событию. Кадет, явившись к Тредьяковскому, объявил, что его требуют в кабинет, а потом повез его на «слоновый» двор, где находился тогда Волынский. Тредьяковский жаловался Волынскому на кадета, что он его перепугал, сказавши, что требуют его в кабинет; а кадет, со своей стороны, жаловался на Тредьяковского, что тот дорогою бранил его. Тогда Волынский, не слушая оправданий и объяснений Тредьяковского, начал бить его по щекам и велел при себе делать с ним то же и кадету. Наконец Тредьяковский спросил – что ему далее делать; Волынский приказал спросить об этом у архитектора и полковника Еропкина. Последний, спрошенный Тредьяковским, указал ему писать стихи на предстоящий праздник. Тредьяковский, избитый по щекам, умытый собственною кровью, отправился домой и всю ночь сочинял стихи. Но свежие воспоминания обиды не давали ему

покою, и, дождавшись утра, он, наскоро одевшись, отправился к герцогу курляндскому просить милости и обороны. На беду его, прежде чем дождался он появления герцога, чтобы припасть к его ногам, вдруг вошел в переднюю Волынский, сам приехавший с утренним визитом к любимцу. Увидев Тредьяковского, он сразу понял, что тот пришел на него жаловаться; но, скрыв это, спросил: «Ты зачем здесь?» Тредьяковский собирался с духом – что ему ответить, но Волынский, не допустивши его произнести ни слова, ударил его в щеку, потом вытолкнул вон и передал ездovому, приказав отвезти его в комиссию под караул. Через несколько минут прибыл туда и сам Волынский, приказал снять с Тредьяковского шпагу, разложить на земле и, обнажив спину, бить палкою. Тредьяковский получил 70 ударов. После того Волынский приказал поднять его и о чем-то его спросил. Тредьяковский, как сам после говорил, не помнил, что тогда отвечал ему, а помнил только, что Волынский опять приказал положить его и закатить еще 30 ударов палкой.

Его не отпустили домой, а оставили в комиссии под арестом до утра. Тредьяковский, под караулом, всю ночь твердил стихи, которые должен был читать перед публикою «в потешной зале», «хотя мне, – замечает Тредьяковский в своем рассказе об этом событии, – уж не до стихов тогда было». Вечером повезли его в маскарадном платье под маскою в потешную залу; там он прочитал наизусть перед публикою свои стихи и тотчас отведен был под караулом опять в комиссию, где ночевал и другую ночь, а на следующий день в 10 часов утра его привезли опять к Волынскому. Вельможа сказал ему: «Я не хочу с тобой расстаться, еще раз на прощанье не побивши тебя». Бедный пиит плакал, умолял не бить его, потому что он и так уж изувечен, но, по выражению Тредьяковского, «не преклонил сердца его на милость». Волынский приказал вывести пиита в переднюю и велел там караульному офицеру отсчитать ему еще 10 ударов палкою. «Жалуйся на меня теперь кому хочешь, – сказал он Тредьяковскому, – а я свое уже взял с тебя; если вперед станешь сочинять песни, то тебе и паче того достанется!» Из этих слов видно, что Волынский был уже

сердит на Тредьяковского за сочинение какой-то песни, оскорблявшей вельможу.

Это вопиющее поругание человеческого достоинства осталось бы для Волынского без последствий, потому что, по тогдашним понятиям, академик Тредьяковский был чересчур ничтожная личность в сравнении с кабинет-министром. Но лицо, которое стояло выше всех кабинет-министров, любимец императрицы, нашел в этом предлог насолить своему сопернику. Бирон подал государыне жалобу, вменяя себе в личное оскорбление поступок, который дозволил себе Волынский с Тредьяковским в приемной герцога. Он при этом припомнил, как Волынский еще в прошлом году подавал государыне записку, в которой хотел привести в подозрение приближенных к ее величеству особ. Пусть Волынский разъяснит то, что он в своей записке изложил в темных и двусмысленных выражениях, иначе он, Волынский, должен быть признан виновным в поступке, крайне непристойном и предерзостном, так как он осмелился наставления, годные для малолетних, давать мудрой государыне, которой великие качества и добродетели весь свет превозносит. Так выражался герцог и требовал, чтобы Волынский немедленно был предан суду. Императрица уважала Волынского и отнюдь не расположена была губить его; отдать же Волынского под суд – значило наверно погубить его, потому что все судьи поступят так, как желательно любимцу. Анна Ивановна отказала в просьбе своего любимца. Тогда Бирон категорически заявил государыне: «Либо он, либо я! Если Волынский не будет предан суду, я принужден буду навсегда выехать из России. Уже при всех иностранных дворах стало известно, что Волынский сделал с Тредьяковским в покоях курляндского герцога. Если он не будет судим, то на мне останется вечно бесчестие». Государыня слишком свыклась с Бироном, слишком любила его, чтоб не пожертвовать для него кем бы то ни было. После усиленных просьб Бирона, сопровождавшихся то коленопреклонениями, то порывами досады, она согласилась на все и приказала нарядить суд над Волынским.

В апреле 1740 года составила судная комиссия. 12-го числа этого месяца объявлен был Волынскому домашний арест, а 15-го потребовали его к суду. Членами судной комиссии были: генерал Григорий Чернышов, генерал Андрей Ушаков, Александр Румянцев, князь Иван Трубецкой, князь Репнин, Михайло Хрущов, Василий Новосильцев, Иван Неплюев и Петр Шипов. Потребовали, чтобы Волынский назвал поименно тех лиц, о которых в поданной императрице записке только намекал, называя их опасными. Волынский указал на Остермана, князя Куракина, адмирала Головина, прибавил к ним также уже подвергшихся царской опале Долгоруких и Голицыных. Потом 17 апреля он дал отзыв, что «все прежнее он написал по злобе на Остермана, князя Куракина, Ягужинского и Головина»; сознавался о себе самом, что, получивши место кабинет-министра, он «возомнил, что стал очень умен, а ныне видит, что от глупости он все врал со злобы». Волынский совершенно потерялся, становился на колени, кланялся в землю, просил пощады. Председательствующий в комиссии Чернышов сказал: «Вот как в плутовстве тебя обличили, так ты и повинную принес». Волынский на это произнес: «Не поступай со мной сурово: ты так же горяч, как и я; но у тебя есть дети, воздаст Бог детям твоим!» Относительно поступка с Тредьяковским Волынский без всякого оправдания признал себя виновным. Вместе с прочим он сознавался, что позволял себе дерзкие отзывы об императрице, хотя и уверял, что при этом злого намерения сделать что-нибудь худое у него на уме никогда не было. Этим сознанием Волынский себя погубил. Сознавшись в пре дерзостных отзывах о высочайшей особе, он стал уже преступником пред законом. «Ты сам знаешь, – говорили ему, – как ты мучил жестокими побоями полицейских служителей за то, что, идучи мимо твоего двора, не сняли шапок! И нам за твои злодейственные слова и рассуждения про ее императорское величество тебя без наижесточайшего наказания оставить невозможно». Его потащили на дыбу, дали сперва восемь, потом шестнадцать ударов кнутом. Он под пыткой ничего нового на себя не показал, но открыл несколько своих прежних дурных дел; так, он признавался, что брал взятки

с купцов товарами и деньгами, что, бывши еще в Казани губернатором, он наживался взятками и нахватав таким способом тысяч на шесть или на семь. Двое членов судной комиссии, враги Волынского – адмирал Головин и князь Куракин – вышли из комиссии. В числе оставшихся всем делом заправляли Ушаков и Неплюев.

Назначен был верховный суд из сенаторов и пятнадцати особ, по указанию императрицы. Ушаков и Неплюев, производившие следствие над подсудимыми, были в числе судей, хотя это было противно основным, везде господствующим правилам юриспруденции.

Этот суд приговорил Волынского к смертной казни через посажение на кол. Прикосновенные к его делу друзья, которым он читал свой проект, поданный потом государыне, и слышал от них одобрения, приговорены: президент коммерц-коллегии Мусин-Пушкин к лишению языка и ссылке в Соловки, архитектор Еропкин и Хруцов – к отрублению головы, Соймонов, секретарь кабинета Эйхлер и де ля Суда – к наказанию кнутом и к ссылке в каторжную работу. Когда пришлось подписывать смертный приговор, у Анны Ивановны проснулось чувство жалости к человеку, которого так недавно она любила и уважала, но Бирон опять заявил, что если Волынский останется жив, то его, Бирона, не будет в России. Анна Ивановна снова поддалась любви и привычке к Бирону, – она подписала приговор.

27-го июня совершился жестокий приговор. Эшафот для казни был устроен под распоряжением Ушакова и Неплюева на Сытном рынке близ крепости. Прежде всего в тюрьмах отрезали языки Волынскому и Мусин-Пушкину. Последний, будучи другом Волынского, призванный на суд, начал порицать слабость императрицы и ее пристрастие к немцам, а когда от него требовали указания таких черт в поступках Волынского, которые послужили бы к его обвинению, Мусин-Пушкин сказал: «Я вам не доносчик!» По совершении этих операций, Ушаков и Неплюев повели Волынского на казнь. Кровь лилась ручьем из отрезанного языка. Ему устроили повязку – род намордника, чтобы остановить течение крови; но, не находя исхода через



рот, кровь хлынула в горло. Волынский стал лишаться чувств, так что двое служителей втащили его под руки на эшафот. При виде ужасных орудий казни, ожидавшей его, он задрожал; но тут прочитан был указ, в котором было сказано, что государыня смягчает ему казнь, заменяя посажение на кол отрублением головы. Это приободрило несчастного в последние минуты.

После совершения казни над Волынским, Еропкиным и Хрущовым, тела казненных оставлены были в продолжение часа на эшафоте для зрелища всему народу, потом отвезены были во двор церкви Сампсона Странноприимца и там погребены в одной могиле. Соймонова, Эйхлера и де ля Суду, после наказания кнутом на том же эшафоте, отправили в тот же день в Сибирь. Через три дня после того сын казненного Волынского и две дочери его были отправлены в Сибирь; дочери были насильно пострижены. Брат Волынского без всякого повода был посажен в крепость. Уже по смерти Анны Ивановны правительница Анна Леопольдовна освободила их всех и приказала признать пострижение девиц незаконным и недействительным. При императрице Елисавете обе дочери Волынского вышли за знатных особ. Кроме этих лиц, пострадавших по суду вместе с Волынским, было обвинено еще несколько – и между ними Бланк и Смирнов – за то, что рассказывали, как Бирон на коленях просил у Анны Ивановны о казни Волынского. Их засадили в тюрьму. Правительница Анна Леопольдовна их освободила.

В числе жертв тайной канцелярии при Анне Ивановне был также Макаров, бывший при Петре Первом начальником «кабинета». Было время, когда этот человек был в приближении к государю, а потому в силе; многие тогда заискивали его расположения, и в числе таких была и Анна Ивановна, не смевшая тогда и подумать о том, чтобы когда-нибудь достичь верховного сана. Тогда ее и сестру ее Екатерину в Москве звали неуважительно Ивановнами; тогда и она обращалась к сильному Макарову с разными просьбами. Но время изменилось. Анна Ивановна стала императрицей и потребовала от Макарова свои прежние письма. Естественно, Анна Ивановна недолюбливала этого человека, свидетеля ее прежнего унижения. Его затянули

в какое-то дело по отчетности и подозревали в каких-то злоупотреблениях. Его содержали под арестом в Москве два года и девять месяцев. За это время домашние дела его пришли в беспорядок. Заключение письменно умолял государыню о милости. По этому прошению от ареста его совершенно не освободили, а только дозволили посещать церковь и заниматься некоторыми домашними делами. Но ему запрещено было ездить «по компаниям» и съезжать из Москвы: в этом обязали его подпискою.

В числе политических дел, которые решала тогда тайная канцелярия, бросается в глаза дело самозванца, принявшего имя царевича Алексея Петровича. Это был польский шляхтич Миницкий; двадцать лет назад он прибыл в Россию, то служил в солдатах, то проживал по монастырям, преимущественно в Малороссии; потом пристал к ватаге рабочих дровосеков, которые проходили через село Ярославец, близ Басани в Киевском полку. Здесь он объявил, что он – царевич Алексей и уже многие годы ходит нищим. Ему поверили – священник этого села, как видно, по глупости, и несколько солдат, стоявших на почтовом стане по пути, устроенному для сообщения столицы с действующей армией. Священник допустил его в церковь, приказал зажечь свечи и звонить; народ подходил, самозванец стоял в царских дверях и держал крест. Но тут вдруг вбежал в церковь сотник с казаками, приказал самозванца вытащить вон из церкви, а оттуда в кандалах отправил в полковую канцелярию в Переяслав. Переяславский полковник препроводил его в кандалах в Москву в тайную контору. Самозванца и священника, признавшего его царевичем, посадили на кол, некоторых из солдат четвертовали, другим головы порубили<sup>72</sup>.

Кроме дел, более или менее с политическим смыслом, в тайной канцелярии и в ее московской конторе производилось множество дел совершенно ничтожных и, тем не менее, по способу их производства, ужасных. Довольно было того, если кто подслушал, как две бабы торговли болтали между собою и пересказывали одна другой ходившие в народе сплетни, в которые замешивалось имя императрицы или ее любимца:

слушавшему стоило закричать «слово и дело» – его тащили в «тайную», за ним тянули оговоренных им баб; бабы наговаривали сперва одна на другую, потом наименовывали разных лиц; – отыскивали указанных бабами лиц, подвергали допросу и чаще всего тут же жесточайшим пыткам, – дыбе, кнутам, вождению по спицам, жжению огнем. Обыкновенно дело не представляло той важности, какой от него ожидали, но попавшийся в тайную канцелярию редко выходил из нее, а обвиненный почти никогда не возвращался домой: при страшных пытках всегда находились виновные, потому что один вид орудий, терзающих человеческое тело, способен был побудить большинство людей принять на себя какие угодно преступления и оговорить хоть родного отца. Зачастую случалось, что суд тайной канцелярии признавал злоумышленниками против высочайшей особы таких лиц, которые годились только для больницы умалишенных. Впрочем, эти ужасные черты следует приписать веку, а не характеру Анны Ивановны и вообще не характеру ее царствования, так как эти же черты встречались и прежде нее, особенно при Петре Первом, и немалое время после нее.

## V. Внутренняя политика при Анне Ивановне

*Уничтожение майоратов.-Законы о поземельных владениях. – Недоимки. – Ход колонизации государства. – Окраины. – Юго-восток европейской России. – Сибирь. – Остзейский край. – Малороссия. – Почтовое устройство. – Учреждение полиции в городах. – Пожары в Петербурге и в Москве. – Суровые меры против поджигателей. – Нищенство. – Беглые. – Разбойники. -Сухопутное войско на вечных квартирах. – Морское дело при Анне Ивановне.*

С восстановлением сената приказано было выбрать из шляхетства, духовенства и купечества доверенных лиц для составления нового Уложения, чем предполагали окончить дело, начатое Петром Первым. Но это намерение отложено было в долгий ящик, и вместо составления нового Уложения перепечатали старое – царя Алексея Михайловича, и велели им руководствоваться в судебной практике. Однако в тогдашней жизни возникло много явлений, где Уложение старого Московского государства было неудовлетворительно. Уже Петр 1 изменил многое. Но не во всем нужно было продолжать и начатое Петром. Иное теперь приходилось изменять из того, что великий преобразователь вводил у себя, увлекшись тем, что замечал на Западе Европы. Многие шло вразрез с вековыми понятиями и обычаями русского народа. Таков был закон 1714 года о майоратах. Со смерти Петра Первого, правительство за много лет могло присмотреться к вредным последствиям этого закона. Родители, желая наделить поровну всех сыновей своих, отягощали крестьян, чтоб извлечь более дохода из своих имений, или прибегали к разным изворотам: иные написывали на себя небывалые долги и обязывали старшего сына, своего преемника по владению, выплачивать своим меньшим братьям и сестрам, откуда возникали злоба и семейные ссоры; другие оставляли по закону все недвижимое имение старшему сыну, а всю движимость отдавали меньшим сыновьям; – и выходило так, что одна сторона со скотом и с земледельческими орудиями не знала, что делать без земли, а другая затруднялась с

землею без скота и без орудий. Такие-то явления и подобные им побудили правительство Анны Ивановны отменить майоратство. В марте 1731 года уничтожено было давнее различие, существовавшее между поместьями и вотчинами; и те, и другие слились в одно понятие о дворянском недвижимом имении.

Обязательная дворянская служба не была упразднена, как того хотел верховный тайный совет; только дворянам, у которых было несколько взрослых сыновей, дозволялось оставлять одного из них в имении для экономии, однако, непременно обучая его грамоте. Собственно, право владения населенными недвижимыми имениями издавна составляло принадлежность дворянского сословия, но в последнее время стали владеть такими имениями боярские люди, монастырские слуги и вообще люди «подлого» происхождения. Велено было всем таким продать незаконно приобретенную собственность в течение полугода и вперед ничего подобного не приобретать. В отдаленных местах, например, в Сибири, люди «холопского» происхождения, отданные в солдаты и дослужившиеся до офицерского чина, получали должности воевод, – и это было запрещено при Анне Ивановне, а на будущее время указано назначать в воеводы только людей, происходивших из знатного шляхетства: надеялись, что такие лица менее будут падки к незаконной наживе и покажут более радения в собирании государственных доходов. Но правительство здесь ошиблось. При таком новом порядке немало было случаев злоупотреблений по должности, и, между прочим, один губернатор за взятки был казнен смертью. В делопроизводстве была также путаница: приказные позволяли себе делать подчистки, прибавки и убавления в приходе-расходных и крепостных книгах, в народе ходили даже фальшивые высочайшие указы; при повальной безграмотности во всех слоях общества нетрудно было грамотным плутам обманывать темный народ.

В видах охранения общества от таких обманов, в 1735 году указано было считать подлинными высочайшими указами

только такие, на которых окажется подпись императрицы и трех ее кабинет-министров.

На всем народе накопилось еще от прежних царствований много недоимок всякого рода, а в царствование Анны Ивановны они все более увеличивались; правительство не могло добиться не только уплат, но даже возможности точно узнать, сколько в государстве недоимок и по какой части: на беспрестанные требования губернские и провинциальные начальства медлили доставлением сведений. В 1739 г. из девяноста четырех городов ведомостей о недоимках не прислано вовсе, а в ведомостях, доставленных тогда из ста девятнадцати городов и уездов в камер-коллегию, недоимка составляла в итоге сумму 1 692 908 р. Между тем, правительство Анны Ивановны оказывало народу большие льготы в этом отношении. По вступлении на престол императрицы сложена была в государстве недоимка всего подушного оклада, доходившая до четырех миллионов рублей; в 1735 г., по поводу большого неурожая, сложена была во всем государстве полугодовая недоимка всего подушного оклада, а в тех краях, где ощутительнее чувствовался голод, указано давать крестьянам заимообразно хлебное зерно. Но в предпоследний год царствования Анны Ивановны пришли к такому убеждению, что не следует слагать недоимок, потому что чрез такие милости выигрывали только те, которые не спешили платить податей; те же, которые были исправны, не могли воспользоваться этими милостями. Так было выражено в указе 1739 г. Многие помещики запустили в своих имениях недоимки; из таких помещиков, не состоящих в государственной службе, обязали внести недоимки в течение шести недель, а служащих – в течение трех месяцев, под страхом двойного штрафа. На торговом классе накопилось тогда недоимок 800 070 р., и замечено было, что здесь убогие были отягощены платежами, а богатые, владевшие промышленными заведениями, увертывались от платежа; поэтому постановили вперед разложить недоимки так, чтобы большая часть платежей приходилась на богатых купцов. Все недоимки собирались в канцелярию конфискаций, учрежденную еще ранее, но в 1730 г. получившую от Анны Ивановны инструкцию. Эта канцелярия,

кроме недоимок, заведовала всеми конфискованными по всякому поводу движимыми и недвижимыми имуществами, а также и выморочными имениями.

В царствование Анны Ивановны постоянно была нужда в деньгах. Россия впуталась в войны – и одна из них, турецкая, была продолжительна. Расходы государственные простирались до суммы около восьми миллионов в год. Скудость средств побуждала правительство прибегать к таким чрезвычайным мерам, как, например, в 1736 г. гражданским чиновникам вместо наличных денег выплачивали жалованье сибирскими мехами и китайскими товарами, а в 1739 г. чиновникам, служащим в Москве и в городах (в губерниях и провинциях), платили половинное жалованье против петербургских<sup>73</sup>.

В ходе колонизации России в это время произошло несколько замечательных явлений. Последовало заселение пространства между Днепром и Донцом, где поселено было двадцать полков ланд-милиции<sup>74</sup>.

В 1737 г. пожаловано было генерал-майору Тарakanову 4000 десятин<sup>75</sup> земли между Доном и Донцом, в пространстве, которое запустело после укрощения Булавинского бунта. Тараканов мог владеть этою землею потомственно и заселить ее пришлыми людьми, но исключительно малороссиянами. Восточнее – предпринято было заселить нижние берега Волги и берега рек: Иловли, Хопра и Медведицы – донскими казаками и малороссиянами. Тогда положено было из таких переселенцев основание казацкому волжскому войску под начальством атамана Персидского. Приказано было составить опись землям юго-восточной России, начиная от Саратова вдоль Волги до Царицына и до Дона, а от Дона по Хопру вверх до Саратова. Явно было намерение наполнить жителями этот плодоносный край. В Сибири с 1730 г. велено всех ссыльных, туда отправляемых, записывать в подушный оклад со льготами на два года.

Остзейский край во время господства Бирона, любимца государыни, пользовался особым вниманием и благорасположением правительства. Тамошнему дворянству

подтверждены прежние привилегии, а городам даны жалованные грамоты.

Малороссия, окраинная область Российской империи, все еще в принципе сохраняла ту автономию, с какою поступила некогда в круг владений Московского государства, хотя после неудавшегося покушения Мазепы отделиться от московской власти там почувствовалось сильное давление центрального управления. Петр I, по смерти гетмана Скоропадского, жестокою расправою с Полуботком и его товарищами, приезжавшими просить о новом выборе гетмана, показал уже, что ему не хотелось допускать в Малороссии местное выборное правление; но Петр не решился еще высказать прямо окончательное уничтожение гетманского достоинства. При Петре II избран был в гетманы миргородский полковник Апостол, человек старый и скоро затем умерший, в 1733 году. С тех пор в виде временной, но бессрочной меры учреждено в Малороссии правление, состоявшее из главного правителя с двумя великороссийскими и тремя малороссийскими товарищами. Князь Шаховской был назначен этим главным правителем края. Все полковые и сотенные суды оставлены на прежнем основании; выше их был войсковой суд, а выше его – канцелярия гетманского уряда, на которую апелляция могла подаваться в правительствующий сенат. Доходы собирались двумя подскарбиями: один был из великороссиян, другой из туземцев. В июле 1734 г. велено было собрать со всей Малороссии депутатов в Москву с целью привести в порядок существующие в Малороссии права и законоположить новые, но наблюдение над их работами поручалось одному из великороссиян. Вообще правительство, помня эпоху Мазепы, не слишком доверяло преданности малороссийских старшин и секретно приказывало князю Шаховскому строго смотреть за кандидатами в малороссийские должности, дабы не определить какого-нибудь беспокойного человека. Ему поручалось отрешать от должностей тех особ, которых он признает недостойными, и наказывать «являющихся в непристойных словах, касающихся императорской чести». По укоренившемуся прежде обычаю малороссийского народа то и дело появлялись жалобы казаков



и мещан на старшин, что они разными путями захватили в свое владение казацкие и мещанские угодья и самих казаков подчиняли себе в подданство. В видах предупреждения этого, в 1739 году запрещено было малороссийским казакам отчуждать свои земли и грунты (усадебные земли): с них они должны были служить казацкую службу, выставляя по надобности со всей Малороссии 20000 конных вооруженных воинов.

Винокурение было постоянно свободно в Малороссии, и только во время войны с турками постигало его кратковременное стеснение, в тех видах, чтобы для армии возможно было достать провиант по умеренной цене. Евреям еще прежде запрещено было держать корчмы в Малороссии, и Меншиков хотел их всех выслать из края; при Анне Ивановне не решались на такую меру из опасения, что высланные станут шпионами в неприятельском войске. По заключении мира с турками в 1740 году решено было выслать их, но тут государыня скоро скончалась. Всем иноземцам вообще запрещалось, без особого высочайшего дозволения, приобретать земельную собственность в Малороссии. В 1740 г., незадолго до своей кончины, государыня повелела расселить там выехавших в Россию грузинских князей и дворян, пожаловавши их деревнями и снабдивши пособиями для обзаведения. Хотя Малороссия освобождалась от военного постоя, но, как пограничная страна, подвергалась беспрестанному проходу войск во время турецкой войны, а это бывало для жителей тяжелее постоянного пребывания у них войск. Проходившие забирали у них бесплатно подводы и съестные припасы, присваивали себе даже грунты, сады и угодья на будущее время, вымучивая у вдов и сирот документы себе на владение. Два важных нововведения последовали в Малороссии в царствование Анны Ивановны: учреждение почт и употребление гербовой бумаги.

Почтовое устройство в царствование Анны Ивановны во всех русских краях получило широкое развитие, вызванное обстоятельствами. В начале крымско-турецкой войны указано было устроить от Москвы до тех мест, где будет находиться действующая армия, почтовые станы; таким образом, это было как бы временною мерою для удовлетворения временной

необходимости; потом по тому же пути учреждена была постоянная правильная почта от Москвы до Киева через Калугу, Севск и Глухов. Станции располагались расстоянием одна от другой около 25-ти верст; на каждой станции следовало содержать по 25 лошадей. Но это распоряжение не вполне соблюдалось; там и сям оказывались недостатки: там – станционного дома не выстроили, в другом месте – затруднялись довести количество лошадей до узаконенного числа. В 1740 году последовал указ о заведении почт по всей империи между губерниями и провинциями. Турецкая война окончилась тогда уже и, ввиду наступающего мирного времени, сочтено достаточным содержать по пути от Москвы до Киева на каждой станции по пяти лошадей, а по пути воронежскому – только по четыре лошади. На первых порах почтовому делу препятствовали два обстоятельства: первое – плохие дороги, которые исправлять правительство возлагало на владельцев земель, куда шла дорога, второе – наглость и своеволие ездивших по казенным делам, загонявших до смерти почтовых лошадей, наносивших побои и увечья ямщикам и почтовым комиссарам.

Важным явлением в царствование Анны Ивановны было учреждение полиции в городах, состоявшееся по указу 1733 года. Оно последовало по докладу генерала князя гессен-гамбургского: бывши в Астрахани, он был поражен тяжелым воздухом, смрадом и всякою нечистотою, валявшеюся по улицам; после того он представил проект о принятии мер для сохранения здоровья и безопасности обывателей русских городов. Сообразно этому проекту указано было завести полицейские управления в двадцати трех больших городах. До того времени полицейские управления существовали только в столицах.

Обстройка Петербурга и заселение новой царской столицы, так усиленно проводимые Петром Первым, по смерти его оставались в небрежении, и так продолжалось в первые годы царствования Анны Ивановны, когда царица жила в Москве и там пребывал весь двор. Выселенные Петром Первым в Петербург помещики покинули отведенные им в столице места

жительства и разъехались по своим имениям. На Васильевском острове торчали то фундаменты, то полувозведенные каменные стены без окон и крыш; иные дома были уже отстроены, но их хозяева, выехавши сами из Петербурга, в домах оставили прислугу без всяких способов содержания, и правительству приходилось понуждать этих господ давать своим людям содержание. Когда Анна Ивановна перебралась из Москвы в Петербург, северная столица стала опять люднеть, и цены на квартиры, пред тем значительно упавшие, вдруг поднялись так высоко, что правительство своими указами должно было сдерживать произвол домовладельцев. Но тут скоро Петербург, начинавший снова приходить в нарядный вид, постигли пожары, возникавшие от поджогов; они начались в 1735 году и продолжались и следующие года. В 1736 году был сильнейший пожар в Петербурге. Тогда толпа народа, под предлогом тушения огня, производила грабежи и похищения. Обличенные поджигатели были казнены сожжением на месте преступления, а грабители и воры – жестоко наказаны кнутом и сосланы в каторжную работу. В 1737 году, в предупреждение пожаров, устроены были во всем городе караулы и патрули, а при полиции стали содержать печников и трубочистов; и те, и другие обязаны были смотреть за исправностью печей и чистить раз в месяц дымовые трубы во всяком доме. Чтоб у всех всегда наготове была вода для гашения огня, повелено во всяком дворе устроить колодезь. Для бедных, разоренных пожаром и лишенных приюта, отводились бесплатно казенные здания и конфискованные дома. В 1738 году повелено все каменные строения крыть не иначе, как черепицею или железом, а гзымзы и карнизы делать непременно из камня или кирпича. Все удобовозгораемые вещества указано содержать только в нарочно устроенных для того сараях на Петровском острове, а на судах, стоявших на Неве, запрещалось зажигать свечи, курить табак и готовить кушанье; вообще разводить огонь, в случае нужды, можно было только на особых назначенных для того судах. Петербургские пожары, впрочем, возбуждали к лучшей постройке города. В 1737 году Петербург был разделен на пять городских частей, сделано несколько новых мостов,

открыты новые площади, рассажены на пустых местах деревья и построен новый гостиный двор на Адмиралтейском острове.

Не в одном Петербурге – и в других городах происходили пожары от злоумышленных поджогов. В Москве был сильный пожар в июне 1736 года, потом еще сильнее 23 мая 1737 года, погубивший в один день 50 церквей и более 2500 домов. После этих истребительных пожаров положили расширить московские улицы, и в обывательских дворах, по примеру Петербурга, завести колодцы. Нескольких человек, обличенных в поджогах, сожгли живьем всенародно. И по всей России свирепствовавшие поджоги вызывали такие же строгости. Даже таких, которые сами не поджигали, а только легкомысленно болтали о пожарах, жестоко наказывали кнутом. В 1740 году опубликован был указ, угрожавший смертной казнью всякому, кто, хотя сам не участвовал в поджоге, но заведомо продавал вещи, украденные с пожара.

Распоряжения против скорой езды в городах повторялись при Анне Ивановне так же безуспешно, как при Петре Первом: в декабре 1737 года на улице, дышлом, чуть было не убили фельдмаршала Миниха.

В видах сохранения народного здоровья, обывателям городов строго предписывалось не бросать трупов падшей скотины по улицам, а зарывать в землю, отнюдь не снимая кожи. В 1738 году повсюду были разосланы офицеры с лекарями, чтобы там, где торговали мясом, не продавали бедным людям худого и нездорового мяса.

Медицинская часть во всей России состояла под ведением медицинской канцелярии, где учреждена была из пяти докторов коллегия, заведовавшая всеми аптеками в России. В 1737 году указано было в городах: Пскове, Новгороде, Твери, Ярославле и в других значительных городах завести врачей из старых военных лекарей, а обыватели должны были давать им свободную квартиру и платить жалованья по 12 рублей в месяц. Учреждались также в этих городах аптеки, где можно было за плату получать медикаменты. Но, к сожалению, этот благодетельный указ долго исполнялся на Руси нерадиво. В 1738–1739 годах опасность вторжения эпидемических болезней

побудила к устройству застав по границам Персии и Польши, что тогда останавливало ход торговых сношений с этими странами.

Несмотря на строгие указы Петра I против нищенства, при его преемниках, и в том числе при Анне Ивановне, по всей Руси шаталось множество нищих. Некоторые из них лукавством выманивали себе приют в богадельнях и оттуда все-таки уходили просить подаяния по улицам. Указы за указами следовали против нищенства – все было напрасно. В 1734–1736 годах шатались по дорогам толпы помещичьих людей и выманивали у проезжающих на дневное пропитание, рассказывая, будто господа не кормят их; а в городах по улицам сновали колодники, посаженные в тюрьму за казенные и частные долги. Уже издавна велось на Руси так, что, посадивши неисправного должника в тюрьму и понуждая уплатить долг, его не кормили, а посылали по миру просить подаяния; тем же способом пропитывались и уголовные преступники, которых водили в кандалах на цепях просить подаяния. Это были тощие фигуры, одетые в отрепья, с кровавыми следами правежа и пыток на теле. Чрезвычайное накопление такого рода нищенствующих колодников подало правительству повод издать указ – отдавать их в работы частным лицам с платой им по 24 рубля в год, а если таких частных охотников пользоваться их трудом не найдется, то на казенные работы за 12 рублей в год. Вслед за тем, однако, нищенство увеличилось до такой степени, что от шатающихся повсюду попрошаек не было ни проезда, ни прохода; и тогда издан был новый указ – ловить нищенствующих, из них молодых и здоровых отдавать в солдаты и в матросы, а негодных отсылать в каторжные работы; тех же, которые сидели в заключении за частные долги, по иску челобитчиков, кормить за счет последних, но не пускать просить милостыни.

Разом с нищенством преследовалось бродяжничество. Оно увеличивалось при каждом рекрутском наборе, так как значительное количество бродяг состояло из убежавших от военной службы. Часто рекруты, еще до привода их в прием, учиняли себе членовредительство в надежде, что сочтены будут

негодными к службе. Если заранее открывалась такая хитрость, то их наказывали шпицрутенами; но иные успевали провести начальство и в приеме признаны были действительно калеками; такие, после того, просили милостыню и сочиняли про себя небывалые приключения, чтобы разжалобить сострадательных. Во время войны в Польше многие русские солдаты бежали из армии и селились в польских владениях; кроме солдат, бежало туда же немало помещичьих людей и крестьян, из краев сопредельных с польскими владениями, – таких нередко сманивали к себе польские помещики, обещая им в своем отечестве всякие блага. Из таких беглецов иные скоро соскучивались на чужой стороне и находили, что в Польше положение их не лучше, чем в России; они ворочались в Россию и думали найти себе безопасный притон в Ингерманландии, так как прежде смотрели сквозь пальцы на поселение там беглого народа; но при Анне Ивановне стали их оттуда высылать в места прежнего жительства. И теперь, как при Петре Первом, давались беглым милостивые сроки, в которые дозволялось воротиться с побега и остаться без наказания. Но охотников на такие милости и при Анне Ивановне, как и при прежних государях, являлось немного.

Более смелые и отважные из беглых всякого рода составляли разбойничьи шайки. При самом вступлении Анны Ивановны на престол замечали уже, что разбойничьи шайки в России растут не по дням, а по часам, и жители способствуют этому злу, давая пристанище всякого рода бродягам. Когда двор пребывал в Москве, в окрестностях столицы происходили разбои и грабежи; удалые как будто вовсе не стеснялись близости верховной особы. После переезда двора в Петербург Семену Андреевичу Салтыкову, московскому губернатору, то и дело присылались указы о принятии мер против разбоев в подмосковном крае. Разбойники, однако, были так смелы, что посылали знатым лицам письменные требования положить им в назначенном месте деньги и делали угрозы на случай отказа. Около самого Петербурга до того умножились разбойничьи шайки, что правительство принуждено было отправлять отряды солдат вырубивать леса на расстоянии тридцати сажень по

обе стороны дороги из Петербурга в Москву. В 1735 году, после двухлетних неурожаев, обеднел везде народ и повсюду умножились разбойничьи шайки. Составлялись из отставных солдат команды для преследования и поимки разбойников, но главный начальник этих команд подполковник Редкин задерживал не столько виновных в разбоях, сколько невинных, с целью брать у них взятки. Ему дали выговор – тем дело кончилось, а разбойники в следующем 1738 году самым безобразным способом давали о себе знать на Волге и на Оке: они грабили плававших по этим рекам торговцев, нападали на помещичьи усадьбы и мучили жестокими истязаниями владельцев и их дворовых, не давали спуска также и казенным таможням и кабакам, убивали целовальников и голов и забирали казенные сборы. Они как будто не сознавали большого греха в своих поступках: жертвовали в церкви материи, награбленные у купцов, покупали колокола и нанимали священников служить панихиды по умерщвленным на разбоях. На низовьях Волги обязанность ловить разбойников, плававших в лодках и грабивших встречные купеческие суда, возложена была на волжское казачье войско, а ограбленные купцы обязаны были платить казакам по три процента со ста за возвращенные товары. И в других краях империи велась борьба с разбойниками. В 1739 году появились их шайки в уездах Кексгольмском и Олонецком; указано было преследовать их оружием и пойманных отсылать в Выборг, где казнить смертью. В том же году дозналось правительство, что толпы русского народа убежали в Польшу из провинций Великолуцкой, Псковской и Новгородской, с намерением составить в чужой земле разбойничью шайку и явиться в российских пределах: отправлен был в Великие Луки полк – не пропускать из-за границы русских беглецов. Но в 1740 году, уже перед кончиною императрицы, в самом Петербурге распространились кражи, грабежи и убийства, – в Петропавловской крепости убили часового и похитили несколько сот казенных денег.

Сухопутное войско, расставленное на так называемых вечных квартирах, служило для водворения гражданского порядка и безопасности жителей края. Военные, по

распоряжению местных начальств, тушили пожары, преследовали разбойников и отправляли казенные работы; но строго воспрещалось употреблять их, под каким бы то ни было предлогом, на работы частные. Однако пребывание войск на вечных квартирах не обходилось без беспорядков и недоразумений между военными чинами и обывателями городов и сел; всего чаще они возникали по поводу постоянной повинности и временного передвижения войск. Расположенное на вечных квартирах сухопутное войско не состояло в своем надлежащем комплекте: постоянно в бегах считалось тысяч до двадцати и более.

Морское дело при Анне Ивановне совершенно приостановилось и, так сказать, было забыто. Кораблестроение, которым с таким жаром занимался Петр Великий, было покинуто, хотя и назначали отпускать из казны в год на морское дело немалые суммы и определяли строить число кораблей разных размеров. Но это все оставалось только на бумаге. О мореплавании мало помышляли государственные мужи России, и Миних, занимаясь укреплением Кронштадта, докладывал, что в кронштадтской гавани лежат кучами ветхие военные суда, которые остается выкинуть и истребить, как ни к чему не годные, но для этого потребуется чрезвычайное множество рабочих рук. Достойно замечания, что Миних, приобревший себе историческую славу, как полководец, едва ли не более русских людей признавал важность кораблестроения для величия и безопасности Русского государства.



## VI. Образованность, промышленность и торговля

*Обучение юношества. – Кадетский корпус. – Училище в Сенате. – Академия наук. – Ученые экспедиции. – Литературные труды. – Другие училища. – Лесоразведение. – Хлебное производство. – Конские заводы. – Рыбные промыслы. – Селитра. – Поташ. – Ревень. – Пенька. – Черепица. – Металлы. – Кожевенное производство. – Суконные и шелковые фабрики. – Купечество. – Меры правительства по отношению к торговле. – Монетное дело.*

В деле народного образования в век, описываемый нами, обращалось внимание на образованность одного дворянского класса. С целью доставить воспитание дворянскому юношеству учрежден был сухопутный кадетский корпус. Хотя специальное назначение его было выпускать годных к военному званию людей, но допускалось, что государству нужны и люди, посвящающие себя гражданской деятельности, поэтому кадетский корпус, будучи заведением специально учебным, был в то же время и общеобразовательным<sup>76</sup>. Приготавливавшиеся к морской службе получали образование в морской академии. Правительство покровительствовало грамотности и между низшими воинскими чинами. При гарнизонных полках заведены были школы, где на казенном иждивении обучали солдатских детей, но туда принимали также и мелких дворян. Неграмотных солдат не производили в унтер-офицеры. Что касается дворянства, то рождение в этом звании служило уже обязательством быть грамотным человеком. Лица шляхетского звания, по указу 1737 года, должны были своих, достигших семи лет, сыновей привозить в столицах к герольдмейстеру в сенат, а в губерниях к губернатору, для отдачи их в обучение, и в 16 лет возраста юноши сами должны были являться в сенат в Петербург или Москву для экзамена из арифметики и геометрии. Тех недорослей, которые, будучи представлены в сенат, не оказывали ни охоты, ни способности к военной службе и не могли быть приняты ни в кадетский корпус, ни в морскую академию, оставляли при сенате для приготовления к

гражданской службе. Они два дня в неделю являлись в сенатскую камеру для обучения арифметике, геодезии, геометрии, географии и грамматике; они не должны были посещать «вольных домов» (трактиров) и играть в карты и кости; каждый день обязаны они были пудрить голову и в известные праздники, вместе с кадетами, ходить ко Двору. Если у кого из них не оказывалось никакой охоты к учению – того отдавали в солдаты. Вообще охоты к образованию у всего российского дворянства было очень мало: несмотря ни на какие царские указы, дворяне не хотели отдавать детей в учение, – и на смотр их возить уклонялись, и дома их ничему не обучали.

Высшим образовательным заведением была академия наук, при которой с 1735 года заведен был семинарий для тридцати пяти юношей шляхетского звания и, кроме того, велено было из московского училищного монастыря присылать туда молодых людей для обучения наукам. Академия наук руководила учеными экспедициями. Так, в 1732 году снаряжена была вторая экспедиция к камчатским берегам; она имела и административное значение, потому что ей поручали заселение Охотска и всего вообще восточного берега. Беринг должен был посылать сухим путем и водою к Северному морю сметливых людей для узнания края, а самому Берингу поручалось проводывать, какие земли находятся между полуостровом Камчаткой и Америкой, и отысканные земли подчинять России, не касаясь, однако, прав европейских государств, а также прав Китая и Японии; но с этими последними государствами он должен был завести торговые сношения. В 1736 году отправлена была от академии наук другая экспедиция под начальством Муравьева и Овцына, для отыскания путей по Ледовитому морю от Архангельска до устья Оби, а в 1740 году отправлен был от той же академии профессор Делиль для астрономических наблюдений в Обдорск.

Внимание академии наук обращено было и на отечественную историю. По докладу академии, в июне 1736 года указано было по всей России собирать рукописи и документы, относящиеся к царствованию Ивана Васильевича Грозного, Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, и

отсылать их в сенат, а сенат должен был, что в них относилось собственно до истории, посылать в академию наук; то же, что, по соображениям сената, еще подлежало тайне, отправлять в Кабинет. Тогда-то появились первые труды Миллера, иностранца, прибывшего в Россию в 1720 году и оказавшего бесценные услуги русской истории и вообще русскому просвещению. Еще не зная основательно русского языка, он начал собирать материалы по русской истории и издал по-немецки «Сборник статей по русской истории» (*Sammlung der russischen Geschichte*), который до сих пор не потерял своей цены. В 1732 году Миллер был командирован от академии наук в Сибирь для изучения тамошнего края и пробыл в этой командировке десять лет, а по возвращении много лет, до конца своей жизни приводил в порядок собранные им материалы, относящиеся к географии, истории, этнографии и естествознанию России. Это собрание до сих пор хранится в московском Архиве Иностранных Дел, известное в ученом мире под названием Портфелей Миллера, и представляет такую неисчерпаемую сокровищницу для науки, что ее станет еще на целое столетие, несмотря на то, что редкий, занимавшийся русскою историей, не пользовался этим собранием.

При первом насаждении ростков знания в России, понятно, что хотя по мысли преобразователя-царя и основана была российская академия наук, но она была наполнена иностранцами. Впрочем, скоро уже стали появляться и чистокровные русские люди, работавшие в области знания и литературы. По русской истории старейшее место из них принадлежит Василию Никитичу Татищеву. Его специальностью было собственно горное дело, и для изучения его Петр отправил Татищева за границу, где тот пробыл много времени и потом всю свою жизнь в России посвящал этого рода деятельности. Но в то же время он полюбил отечественную историю и первый написал по-русски обширную историю России, к сожалению, оставшуюся неоконченной.

В числе русских писателей той эпохи нельзя без уважения привести имен Ададурова (физика), Манкиева, сатирика Кантемира, Тредьяковского и знаменитого Михаила

Васильевича Ломоносова, творца нового книжного русского языка. Эпоха царствования Анны Ивановны в отношении русского просвещения представляла подобие того времени дня, когда утренняя заря разгоняет темень, остававшуюся от ночи, и готовит выход на горизонт дневному светилу. Для нас теперь сочинения того времени представляются далеко не в том значении, какое имели в свое время. Сатиры Кантемира и оды Ломоносова кажутся нам чересчур тяжелыми, а сочинения Тредьяковского – образцом бездарности. Между тем и последний был одним из передовых людей своего века: в подтверждение этого достаточно указать, что он ранее всех понял превосходство тонического размера перед силлабическим для русского языка и первый стал писать этим размером стихи, открывая путь грядущим русским поэтам.

Нельзя сказать, чтобы в царствование Анны Ивановны правительство вовсе не думало о просвещении в России. Оно, бесспорно, желало, чтобы в ней существовало и процветало высшее ученое заведение, хотя бы члены этого заведения писали не по-русски, за неготовностью русского языка к выражению предметов высших наук. Правительство не отказывало этому учреждению посильно и в материальных средствах, и в привилегиях. В 1735 г. академия наук, по повелению назначить себе штат, проектировала на свое содержание 64086 рублей в год; сенат уменьшил эту сумму до 53298 р., но во все царствование Анны Ивановны она с трудом могла достаться академии: ограничивались единовременными пособиями, из которых самое крупное в 20000 руб. выдано было в 1739 году. Специальною привилегиею академии наук было издание календаря, а в Киеве и во всей Малороссии приказано было отбирать и жечь календари, привозимые из Польши, потому что правительство замечало в них «зловымышленные и непристойные пассажи». Академии наук дано было исключительное право печатать книги религиозного содержания и церковно-служебные на языках грузинском и калмыцком, и посылать их предварительно, до выпуска в свет, на проверку сведущим в этих языках лицам, которых нарочно держали при Синоде.

Академия наук была не только ученое, но и учебное заведение, где русские могли получить литературное или энциклопедическое образование. Такое же образование можно было получать в московской славяно-греко-латинской академии и в славяно-греко-латинских школах, основанных по инициативе белгородского епископа Епифания в Харькове, при Покровском монастыре.

Об образованности простонародия заботились мало. Существовал даже такой взгляд, что простой народ незачем учить грамоте, чтоб не отвлекать от черных работ; в таком именно смысле выразился указ декабря 12-го 1735 года, состоявшийся по просьбе заводчика Демидова, хлопотавшего, чтобы обывательских детей не принуждали к учению. Только в видах распространения христианства, в Астрахани в 1732 году заведено было училище для новокрещенных, а в 1735 году с той же целью в четырех городах Казанской губернии основано по школе, и в каждую назначалось по два учителя и комплект в 30 человек учеников. В малороссийские школы, существовавшие издавна в Малороссии по приходам, правительство не вступалось вовсе; но в сентябре 1738 года оно указало учредить в Малороссии школу для пения, и в этой школе следовало, рядом с пением, обучать струнной музыке, игре на скрипке и на малороссийской бандуре. Из этой школы ежегодно посылалось десять лиц ко Двору и, по отсылке, их заменяли в школе другими десятью.

В области хозяйства, промышленности и торговли царствование Анны Ивановны было продолжением царствования Петра Великого. Такие же распоряжения, какие издавались Петром Первым о сбережении лесов, появлялись и при Анне Ивановне, хотя с меньшею суровостью. Их повторение казалось тем необходимее, что русские люди, со смертью Петра I, перестали бояться взыскания за невнимание к сбережению лесов и начали истреблять их. Кроме произвольной, хищнической порубки, леса истреблялись от пожаров на широкие пространства. Около самого Петербурга лесные пожары свирепствовали в таком размере, что императрица принуждена была писать к генералу Ушакову, начальнику

тайной полиции, чтоб он принял меры к избавлению ее величества от дыма и копоти в ее дворцах петербургском и петергофском, и сенат выслал отряды солдат тушить пылавшие леса. Что касается до прекращения самовольной рубки лесов, то в 1730 году составлена была опись всем заповедным лесам в государстве, которые предположено было сберегать для казенных построек. Положено было считать заповедными леса, растущие вдоль Волги, вниз от Нижнего Новгорода на обе стороны от берегов расстоянием на сто верст, а также и в других местах около больших рек и озер. По селам и деревням возобновлены надсмотрщики, состоявшие под начальством вальдмейстеров, дававшие разрешения обывателям на рубку для домашних нужд. Были деревья заповедные: дуб, ясень, клен, вяз, илим, лиственница и сосна, имеющая в диаметре 12 вершков; прочие деревья не причислялись к заповедным; можно было рубить их, хотя бы и в заповедном лесу. За самовольную рубку наказывали большими денежными штрафами за два раза, а за третий -виновный подвергался кнуту и ссылке в каторгу. Там, где замечалось оскудение лесов или где нуждались в их изобилии, там полагалось отводить помещикам участки, обязывая засеивать их лесами.

Хлебное производство подчинено было таким же правилам, как и при Петре Первом. Торговля хлебом была то стесняема, то расширяема, смотря по урожаям. В 1734 году постиг Россию страшный неурожай; тогда у всех купцов, торговавших хлебным зерном, велено было отбирать товар и продавать без платежа пошлин в казну, так, чтобы хозяину доставалось не более десяти процентов барыша. Губернским и провинциальным властям, а также штаб-офицерам войск, расположенных на вечных квартирах, поручено было наблюдать, чтобы помещики продавали хлеб только лишний, остающийся у них от продовольствия людей и крестьян. Из провинций, страдавших от неурожая, запрещалось возить хлеб для продажи в столицы, а Петербург должен был снабжаться хлебом из той полосы империи, которая не терпела тогда от неурожая. В 1737 году, после пожаров, вздорожали строительные материалы, а вслед за ними поднялись цены на жизненные потребности и в том

числе на хлеб: правительство издало указ, запрещающий дальнейшее повышение цен. Много хлебного зерна истрачивалось на винокурение помещиками, получившими привилегию свободного производства вина в своих имениях и провозившими это вино повсюду под предлогом, что то делается для своего обихода. Для массы простого или «подлого», как тогда говорилось, народа, хлебное вино продавалось в кружечных дворах, в кабаках и в вольных домах, составляя казенный доход. Продажа виноградного вина, кваса, пива, уксуса и сусла отдавалась на откуп, а с 1735 года откупа были сняты, и торговля этими произведениями стала вольною. В Малороссии и в Слободской Украине, как уже было выше сказано, винное производство было вольное.

Заботливость о разведении конских заводов была своеобразною чертою царствования Анны Ивановны, под влиянием ее любимца Бирона. В 1731 году учреждена была конюшенная канцелярия или конюшенный приказ: он получил в 1733 году особый регламент, где были означены разные должности – шталмейстер, провиантмейстер, фуражмейстер, экипажмейстер, рейтаней и конюхи. В ведомство этого нового учреждения был отдан город Скопин, а потом город Раненбург с несколькими волостями и селами; в последующие годы в губерниях Нижегородской, Казанской, Воронежской и в провинциях Алатырской, Тамбовской, Севской и Курской положено отвести пустопорожние земли для основания конских заводов; в дворцовых волостях, лежавших более всего около Москвы, велено выписывать немецких и датских лошадей и обучать конюхов и коновалов. Всем остзейским обывателям вменено в обязанность разводить у себя в крае лошадей и дозволялось беспошлинно торговать ими на двух конских ярмарках, учрежденных в Риге и в Киеве. В 1739 году положено завести конские заводы в Малороссии и в Слободской Украине – раздать по полкам маток и выписывать для них немецких заводчиков. В том же году указано то же сделать во всех имениях церковного ведомства. До самой своей кончины Анна Ивановна оказывала большое попечение к успеху коннозаводства в России.

Рыбный промысел, процветавший тогда преимущественно в низовьях Волги, составлял государственное достояние и отдавался на откуп за 3500 рублей в год. Достоянием казны при Анне Ивановне, как и в предшествовавшие ей времена, были: селитренное и поташное производства, ремень и пенька. В 1736 году заведены были близ Саратова на старом Увекском городище селитренные заводы, и с этой целью туда отправлялись офицеры с солдатами для производства казенных работ. Но потом правительство стало недовольно тамошним ходом работ и в 1740 году предоставило всем желающим частным людям заниматься селитренным производством, а выработанную ими селитру обязало представлять в казну по установленной цене. Порох в вольной продаже не был допущен; его можно было покупать только из артиллерийского ведомства и притом в количестве не более десяти фунтов в одни руки, но знатым особам давалось дозволение покупать пуда по два и по три. Закон, стеснявший продажу пороха обычным путем торговли, не мог воспрепятствовать, однако, доставать его разбойникам.

Казенные поташные заводы были в уездах Нижегородском, Арзамасском, Саранском, Кадомском, Шацком, Верхнеломовском и Нижнеломовском. Всех их было восемнадцать; к ним были приписаны крестьяне, которые все происходили из мордвы и ведались в Починковской конторе. Поташ с места производства доставляли в Петербург в бочках, обшитых рогожами, и там его сбывали английским купцам в присутствии русского браковщика. Казна всегда высоко ценила торговлю этим произведением.

Ремень доставлялся в Петербург из Сибири. Каждый год привозили его до тысячи пудов. Его продавали английским купцам не ниже ста рублей за пуд. Никто из частных лиц не смел привозить ремень из Сибири под страхом смертной казни. Пеньку привозили в Петербург из разных мест, а с 1737 года из Малороссии. Соляная продажа всегда была свободна, но ограничивалась назначением таксы, выше которой продавец не должен получать барышей.



Обращено было внимание на выделку черепицы, которую сочли лучшим материалом для кровли церквей, дворцов и домов, для безопасности от пожаров. В 1737 году черепичное дело в России отдано было голландцу Дикоту, с обязанностью продавать черепицу в частные руки по той цене, по которой она будет продаваться в казну. Выделялось два сорта черепицы: красная выгибная для кровли домов и зеленая для кровли церквей.

Металлическое производство в царствование Анны Ивановны стало переходить из исключительно казенного достояния в общедоступное. В 1731 году было замечено, что в Вятской провинции отыскивается так много железной руды, что нет возможности казне обрабатывать ее, за недостатком капитала. Поэтому дозволено было частным людям основывать железные заводы: таким обещано давать из царских волостей по сто и по сто пятьдесят дворов к каждой домне с тем, чтобы каждая домна, по миновании своих льготных лет, вырабатывала ежегодно до 35000 пудов чугуна. В 1735 году в Сибири оказалось чрезвычайное множество разных руд, отысканных 7 частными лицами, и тогда было дозволено каждому по желанию основывать рудокопное заведение с разрешения сената. В 1738 году все казенные горные заводы, исключая Гороблагодатских на Урале и медных в Лапландии, отдали компании, составленной как из русских, так и из иностранцев. Затем всем дозволено было составлять такие компании, основывать новые заводы и брать от казны пособие. Золото и серебро за границу не отпускались, равно как и свинец, который шел на приготовление боевых запасов для русского войска. Золото и серебро добыватели должны были доставлять в казну, получая за золотник золота два рубля тридцать копеек, а за золотник серебра четырнадцать копеек. Прочие металлы можно было продавать всякому, но с продаваемой меди отдавать в казну две трети по ходячей цене, а с других металлов и минералов по десять процентов. Хозяевам заводов дозволено было выписывать из-за границы мастеров. Гороблагодатские и лапландские медные заводы, составляя казенное достояние, отдавались на откуп. Оружейные заводы, сестрорецкие и

тульские, находились в казенном ведомстве и в 1737 году были соединены в одно управление. При них в Туле и Сестрорецке устроены были фабрики зеленой меди с тем, чтобы прекратить барышничество подрядчиков на вещи, потребные на мундирное строение. Тульских оружейных мастеров было налицо 2158 человек, но около Тулы крестьяне в кузницах стали заниматься железными изделиями: правительство нашло эти изделия плохими и запретило этот вольный промысел.

Еще Петр I обратил внимание на производство кожевенных вещей. При обилии кожаного материала, русские не обрабатывали его сами, а продавали в сыром виде иностранцам и покупали у последних изделия из русской кожи по высокой цене. Петр запретил вывоз кож в сыром виде за границу, но этот указ после Петра плохо соблюдался, хотя несколько раз повторялся снова. В 1736 году учреждена была компания владельцев новоманерной кожевенной фабрики и получила привилегию на поставку для армии своих изделий по установленным ценам.

Производство шерстяных тканей, так покровительствуемое Петром I, равным образом пользовалось вниманием и при Анне Ивановне. В 1733 году дали привилегию фабриканту Полуярославцеву, владевшему фабриками в Москве и в Путивле и овчарным заводом. Из Малороссии запретили вывозить овчины за границу и обязали доставлять их ему на фабрики. Он поставлял сукно в казну на солдатскую обмундировку. В 1736 году купец Евреинов с компаниею из купцов выхлопотал привилегию на открытие в Москве суконной фабрики; дано было этой компании заимообразно из казны 10000 рублей без процентов, с обязательством выплатить их в течение трех лет мундирными сукнами. Дано было право беспошлинного привоза материала на десять лет и освобождение домов, принадлежащих членам компании, от военного постоя навсегда. В том же году двум астраханским купцам-армянам дана была привилегия на открытие суконной фабрики и овчарного завода за собственный их счет, с правом привозить беспошлинно материалы в течение пятнадцати лет.

Производство шелковых тканей сосредоточивалось отчасти в руках того же купца Евреинова с компанией. Для успеха своего предприятия он в 1737 году выхлопотал привилегию ежегодно покупать на 10000 рублей китайского шелка, выплачивая за него сибирскими меховыми товарами. Кроме него, в 1740 году астраханские армяне, владевшие собственными плантациями, испросили право на заведение в Астрахани и Кизляре шелковых и бумажно-хлопчатых фабрик, с правом привозить из Персии материалы беспошлинно.

Нельзя сказать, чтобы правительство Анны Ивановны показывало мало желания к расширению промыслов и торговли в Российском государстве. Ряд узаконений в пользу хозяев промышленных заведений и купцов показывает, что эти господа находили себе опору у правительства. Так, в 1736 году указано было всех, обучавшихся какому бы то ни было мастерству и поступивших на фабрики, оставлять при них навсегда, выписывая их из подушного оклада, а всех бродяг, объявивших себя не помнящими родства, приписывать на жительство к фабрикам и заводам. Таким образом, эти люди делались крепостными фабрикантов и заводчиков. Купечеству давалось важное право покупать людей и крестьян для отдачи их в рекруты. Все торговые люди ведались в ратуше; губернаторы и воеводы не смели вмешиваться в их управу и в их сборы. Сами купцы несли выборную службу в ратушах и в таможнях; но те из них, которые владели фабриками и заводами или входили в договоры с казною, освобождались от выборной службы.

Пользуясь ласками правительства, купцы, однако, были связаны тем, что должны были торговать непременно в гостиных дворах и в лавках, а не в собственных жилых дворах, и в розницу могли торговать только в своих городах, а в чужие города дозволялось им ездить с товарами для оптовой торговли. Иноземцы с 1731 года получили от правительства право торговать по всей России, продавая свои товары только оптом, а не враздробь. Таким же правом пользовались евреи в Малороссии и Смоленщине. Английские купцы перед всеми другими иноземцами пользовались предпочтением и вниманием правительства: их дворы в Петербурге были освобождены от

военного постоя. Некоторым лицам, не принадлежащим по званию к торговому классу, давали торговые привилегии. Так, граф Гаврило Владиславлев в 1735 году приобрел право торговать по всей России беспошлинно, а в 1737 году, по челобитью цесаревны Елисаветы Петровны, крестьянам ее волостей даровано было право торговать без записания в купеческое звание. Это был исключительный случай: правительство того времени не поощряло простолюдинов к торговым занятиям; напротив, в 1739 году в Петербурге запрещено было здоровым и годным к черной работе людям заниматься продажей плодов и овощей по улицам.

По устройству монетного дела, царствование Анны Ивановны богато правительственными распоряжениями. В 1730 году указана постоянная цена русскому червонцу - два рубля 20 коп. В 1731 году уничтожены мелкие серебряные деньги, и владельцам их предоставили право представлять их для переделки в монетную контору и получать из казны по 18 коп. за золотник чистого серебра. Вместо прежней мелкой денежной монеты стали чеканить более крупную в размере рублевиков, полтинников и гривенников – 77-й пробы. В том же году уничтожена была вовсе медная монета, но бывшая уже прежде в обращении продолжала ходить в народе до 1737 года, когда всем дозволили, по желанию, переливать ее в медную посуду. Важным узаконением в царствование Анны Ивановны было учреждение ссудной казны при монетной конторе, откуда желающим выдавали деньги под залог серебра по восемь процентов в год. Это учреждение последовало во внимание к тому, что частные лица, нуждаясь в наличных деньгах, делали займы и платили обыкновенно по двадцати процентов в год. Таким образом, правительство пресекало вредную деятельность ростовщиков и соблюдало пользу своих финансов.

## VII. Церковь

*Политика правительства по отношению к церкви. – Влияние немцев. – Дело Феофилакта Лопатинского. – Попытки иноверцев. – Отступничество. – Раскол. – Рационально-мистические секты. – Суеверия. – Меры к образованию духовенства. – Монастыри. – Управление монастырскими имуществами.*

Дух Петра Великого продолжал руководить политикой правительства Анны Ивановны и по отношению к вере. Оно издавало распоряжения, клонившиеся к распространению христианской веры и к охранению господствующей православной церкви от иноверия, но разом издавало и такие, которыми хотело оградить православную церковь от ханжества.

Еще Петр I повелевал отбирать поместья у татарских мурз, не хотевших креститься. 6 марта 1730 года Анна Ивановна подтвердила этот указ своего дяди, указавши при этом – отобранные уже прежде у татарских мурз поместья передавать тем из их родственников, которые согласятся креститься, или же самим прежним владельцам, если они перестанут упорствовать и примут крещение. При таких мерах сразу накопилось множество новых христиан, но, оставаясь в сообществе со своими некрещеными соотечественниками, они только по имени считались христианами, а на самом деле держались приемов своей прежней религии; иные же открыто отрекались от христианства и возвращались к магометанству или к язычеству, смотря по тому, какую веру исповедовали прежде крещения. В конце царствования Анны Ивановны отправлен был в Казань учитель иноверцев – московской духовной академии архимандрит Димитрий Сеченов, с пятью духовными лицами, знавшими языки тамошних инородцев. Они должны были новокрещенам излагать основания христианской веры, учить их главнейшим молитвам и отвращать от языческих и мусульманских обычаев, отнюдь не делая принуждений тем, которые еще не изъявляли желания креститься. Чтобы утвердить новокрещеных в принятом ими вероисповедании,

сочли нужным отделить их от некрещеных и положили отвести крещеным удобные для поселения земли поблизости к Саратову и к Царицыну, так, чтобы при каждых 250 дворах построить деревянную церковь и определить в нее по два священника, по одному диакону и по три церковника, назначив им денежное и хлебное жалованье<sup>77</sup>. Каждый новокрещен, по совершении над ним крестного обряда, получал в дар крест, белье, кафтан и несколько денег. На новоселье новокрещенам давалась льгота на три года, а повинности за них в эти льготные годы должны были отбывать их некрещеные братья. Новокрещенам дозволялось поступать внаймы и заниматься торговлей. Для них учредили специальное ведомство – новокрещенскую контору. Для обучения инородческих детей указано было завести четыре школы: в Казани, Елабуге, Цивильске и Царевококшайске; там надлежало обучать русскому чтению и письму, десятисловию, часослову, псалтири и катехизису, но вместе с тем предписывалось наблюдать, чтоб ученики отнюдь не забывали своих природных языков.

Иностранцам других христианских вероисповеданий предоставлена была свобода строить свои церкви и в них отправлять богослужение. В Петербурге были церкви лютеранская и армянская. В некоторых местах по украинской линии, где было много иностранцев рабочих из немцев, велено было построить лютеранские церкви. Правительство узнало, что иностранные духовные, не довольствовавшиеся свободой своего богослужения, начинали совращать в свою веру православных; издан был манифест, строго запрещающий такие совращения... Эпоху царствования Анны Ивановны считают обыкновенно эпохою господства немцев-протестантов в России. Такой взгляд не лишен основания, но преувеличено мнение тех, которые замечали со стороны немцев стеснение православной веры, издавна здесь господствующей. В этом отношении немцы, занимавшие в России высокие места, были благоразумны и сдержанны, да и сама императрица, как ни тесно сблизилась с немцами, оставалась все-таки приверженною к отеческой вере. Обыкновенно ставят на вид историю Феофилакта Лопатинского, архиерея, потерпевшего за то, что вступил в неприязненные

отношения к протестантству. Он издал книгу покойного Стефана Яворского «Камень веры», – книгу, направленную против протестантского учения вообще. За границу, в Лейпциге, некто Буддей напечатал опровержение на эту книгу; автор восхвалял новгородского архиепископа Феофана Прокоповича и порицал Феофилакта Лопатинского. Феофилакт изъявил подозрение, что Буддей выставлен как псевдоним, а настоящий автор опровержения на «Камень Веры» – не кто иной, как сам Феофан Прокопович, а последнего давно уже обвиняли в расположении к протестантству. Феофилакт спрашивал у Двора разрешения писать возражение на книгу Буддея и не получил его по интригам князя Алексея Черкасского, благоприятеля Феофанова.

В это время другой какой-то протестант написал другое сочинение против Феофилакта, под названием «Молоток на Камень веры», и этого «Молотка» опровергать Феофилакту не дозволили; только архимандриты, члены Святейшего Синода, перевели книгу иезуита Рибейры против протестантства: в этой книге резко укоряли Феофана Прокоповича за пристрастие к протестантству в предо-суждение православию. Феофан был человек злой и мстительный; он всегда преследовал своих противников, пользуясь влиянием, какое получил и сохранял при Дворе со вступления на престол Анны Ивановны. И теперь, по его стараниям, переводчики книги Рибейры засажены были в крепость, а Феофилакта вытребовали в Синод к ответу. Феофан умер прежде, чем это дело кончилось, но соперник его, Феофилакт, и по смерти своего врага потерпел не меньше, как бы мог потерпеть и при его жизни. Его лишили сана и подвергли жестокому тюремному заключению в Выборгском замке. Это событие произошло как бы в угоду протестантам; его приписывали силе немцев, заправлявших тогда делами в России. Скорее, однако, тут следует видеть известную злобу Феофана Прокоповича, который уже не одного из тех, кого считал своими врагами, замучил без сострадания, и в том числе своего предшественника в сане архиепископа, Феодосия Яновского. Что касается правительства с немцами во главе, так жестоко поступившего с Феофилактом уже после смерти

Феофана, то и оно, кажется, здесь руководствовалось намерением показать политическое благоразумие, не допускавшее разыгрываться страстям под возбуждением религиозных прений.

По соседству России с Польшею, католики делали попытки своей пропаганды в России. При Анне Ивановне правительство указало прибывавших в Россию из Польши католических духовных прогонять обратно в польские владения, если существовало подозрение, что они ехали в Россию с целью совращать православных в свою веру; напротив – принимать являвшихся из польских владений православных обывателей как духовного, так и мирского звания, искавших убежища и новоселья в России, по поводу возникшего гонения на православие и насильственного понуждения народа к унии. Прибывших таким образом православных обязывали произносить присягу на верность императрице, после чего позволяли им водворяться и избирать род жизни по своему желанию, а пришельцев духовного сана повелено было по возможности определять на вакантные места.

Сурово преследовали тех русских, которые отрекались от православной веры и принимали чужую. Так, в 1738 году сожгли живьем флота капитана Возницына разом с иудеем Боруком Лейбовичем, совратившим его в иудейскую веру, а в 1740 году казнен смертью сибирский казак Исаев за принятие магометанства. С переменявшими православное исповедание на другое христианское поступали не так сурово, но все-таки и это считалось большим преступлением. Были подобные примеры с людьми высшего класса; мы уже знаем, что за свое отступничество они подвергались нравственному унижению от высочайшей особы.

Правительство Анны Ивановны по отношению к расколу старообрядства держалось основной политики Петра I: не преследовали раскол по религиозному убеждению, а не терпели его из-за политических соображений, находя бесполезным для государства, если жители станут отпадать от господствующей церкви и составлять свои особые вероучения. Старообрядство, жестоко гонимое в середине государства со времени своего



появления, давно уже искало спасения в отдаленных окраинах. Верное древнему преданию, оно поставляло высшим нравственным идеалом иночество. Где поселялись гонимые старообрядцы, там тотчас возникали пустыни и скиты с иноками и инокинями, хранившими старинные дониконовские обряды. Множество старообрядцев селилось в сибирских дебрях и тундрах, и в этих негостеприимных странах появились раскольничьи монастыри, около которых селились и семейные их единоверцы. Много таких монашеских обителей было около Екатеринбурга и около заводов Демидова. Приказано было разорять эти обители, и отысканных в них монахов отсылать к тобольскому архиерею для размещения по монастырям. Но тобольский архиерей доносил, что многие из таких иноков и инокинь разбежались, и по этому донесению правительство нашло более сообразным посылать таких монашествующих раскольников, вместо монастырей, на казенные заводы в работу, а тех, которые прежде приписались на частные заводы – обложить двойным подушным окладом, как уже прежде при Петре I все раскольники были обложены таким окладом. Такая судьба постигла раскольников, поселившихся в Сибири. Другой приют нашли себе раскольники в другом конце государства – у подножия Кавказа, в астраханской епархии: в 1738 году синод получил сведение, что гребенские казаки, по примеру отцов своих, держатся двоеперстного крестного знамения, не хотят знать церкви и не слушают никаких увещаний. По всей империи, кроме двойного оклада, раскольники старообрядцы стеснены были лишением права брать плакатные паспорта; тех же из них, которые дерзали совращать православных в свое вероучение, указано ссылать вечно на галеры. Таким же наказанием угрожали помещикам, старостам и бурмистрам за укрывательство противозаконных покушений совращать православных. Не доверяя вовсе безопасности в пределах Русского государства, многие раскольники уходили в Польшу и там поселялись, но русское войско, вступивши в эту страну в 1733–1734 годах, забирало этих беглецов и гнало назад в Россию. Сперва их поселили было в Малороссии, а потом с 1735 года стали возвращать на первые места жительства, из

которых они ушли за границу; объявивших же себя монахами указано было отсылать в монастыри внутри государства и там содержать их скуднее против обыкновенных монахов, давая двоим из них по одной монашеской порции. Иные раскольники, чтоб избежать гонения за свою веру, оставаясь на своих местах жительства, притворно посещали православные храмы, крестили и венчали детей своих по православному обряду, а на самом деле оставались раскольниками. В 1736 году указано было таких, которые исполняли православные обряды, но придерживались раскольничьего вероучения, наказывать строго, наравне с теми, которые вновь совратятся из православия в раскол.

Кроме старообрядческого раскола, при Анне Ивановне возникали и рационально-мистические секты. В Москве и около Москвы появлялись сборища людей обоего пола, сходящихся вместе с молитвенною целью; из них находились такие, которые заявляли, что чувствуют на себе наитие Духа Святого, – они дрожали, кривлялись, вертелись, говорили странные речи, а слушатели искали в этих речах пророческого смысла. Такие сборища назывались согласиями. На этих согласиях показывались признаки склонности к старообрядству, потому что на одном из них, в качестве пророческого вдохновения, говорили, что надобно креститься двумя перстами. Они почитали грехом половое совокупление, хотя бы и между состоящими в браке, наравне с пьянством, матернею бранью и лганьем, что в одинаковой степени признавалось противным Богу. Одно такое сборище было открыто в Москве в доме мастера парусной фабрики Ипполитова, где, между прочим, какой-то монах раздавал присутствующим кусочки хлеба, а какая-то монахиня давала запивать это квасом из ковша, и это вменялось как бы в причастие. На других сборищах проповедовали, что Христос не единожды только должен являться на земле, а может снова воплощаться в человеческом образе: находились такие, что сами себя выдавали за пришедшего вновь на землю Христа. Таких христов появлялось несколько в разных краях: в Москве какой-то отставной стрелец Лубкин выдавал себя за Христа, учеников своих называл

апостолами и причащал их разрезанными ломтиками калачей; на Дону казак Мирон выдавал себя за Христа-Бога, а в Ярославском уезде, в селе Ивановском, поп Иван Федоров говорил своему отцу: «Ты мне не отец, я зачат в чреве матернем от Св. Духа, благовестил о мне ангел, я рода царского»<sup>78</sup>. По открытии таких сборищ некоторые участники их были казнены смертью, другие – биты кнутом и сосланы в Сибирь. Мы еще подлинно не знаем – были ли это давние народные суеверия, случайно ставшие известными при Анне Ивановне, или они порождены были сравнительно в недавнее время; равным образом, не можем сказать – есть ли это произведение чисто русского фанатизма или плод чужеземного влияния.

Разом с нарушением православного благочестия путем отречения от господствующей церкви правительство преследовало всякие суеверия, хотя бы и прикрывавшиеся личиною православной религии. Следуя политике Петра I, оно не терпело появления юродивых, пророков, трудников, паломников и всякого рода ханжей, а равно и тех, которые им потворствовали. По городам и селам бродили нищие в безобразном виде, с колтунами на головах, и выдавали себя за одержимых бесами. Таких приказано было ловить и отсылать к суду. В 1739 году близ Новгорода появилось двое трудников, живших в шалашах подле городской стены. Народ считал их святыми, получившими от Бога дар пророчества, и ходил к ним за советами. Правительство приказало взять их без огласки и, не подвергая истязаниям, заслат в монастыри, а вперед, если где явятся подобные пророки, то стариков из них отправлять в монастыри, а молодых отдавать в солдаты, женщин же и девиц препровождать на места их прежнего жительства и отдавать под надзор местных начальств. Особенно строго наказывали тех, которые выдавали себя за волшебников, умеющих причинять зло людям и портить их. Несколько таких плутов было сожжено живьем, а тех, которые приглашали их портить людей, били кнутом и, вырвавши ноздри, ссылали в каторжную работу.

Как ни сурово относилось правительство Анны Ивановны к расколу и к религиозным заблуждениям, но оно все-таки было

мягче и снисходительнее, чем того желали некоторые ревностные духовные сановники. Так, например, в 1737 году рязанский архиерей доносил синоду, что ему, при его старости, трудно разглагольствовать с раскольниками, и находил, что лучше бы смирять их постом и плетью. На это он получил такой ответ: «Надобно раскольников наставлять по-пастырски, словом учительским, и за трудность оного не почитать, ибо всякое дело труду есть подлежательно, а колыми паче надлежит приложить труд свой о человеке, гиблющем душою, к чему его преосвященство призван и таковым характером почтен»<sup>79</sup>.

У правительства ранее, чем у русского народа, наступило сознание той простой истины, что недостаточно ограничиваться полицейскими способами устрашения, чтоб удержать народ в верности православной церкви. Оказывалась настоятельная нужда в умных, ученых и высоконравственных священниках, которые были бы способны внушать уважение к своей личности и доверие к своим речам. Выступило на очередь важное предприятие завести семинарии и училища со специальною целью подготовки к духовному званию. При новгородском архиерейском доме, с самого вступления на престол Анны Ивановны, существовала школа для образования духовных, основанная Феофаном Прокоповичем и за его счет содержимая. По кончине этого иерарха в 1736 году указано было эту школу содержать по-прежнему в таком довольстве, в каком находилась она при покойном архиерее. В Казани существовала семинария, основанная архиепископом Сильвестром, который в 1731 году попал в опалу и был отправлен в заточение. Он заранее назначил доходы с некоторых архиерейских вотчин на эту школу, и преемник Сильвестра Иларион продолжал давать эти доходы на школу, платя исправно жалованье преподавателям; но со вступлением на архиерейскую кафедру Гавриила школа эта расстроилась. К счастью, скоро прибыл в Казань Димитрий Сеченов с миссионерами для обращения в христианство языческих инородцев и оживил вообще дело духовного обучения в казанской епархии. При Троицко-Сергиевском монастыре положили основать в 1738 году духовную семинарию для обучения языкам латинскому,

греческому и, если возможно, еврейскому, и наукам, начавши от грамматики, чрез риторику и философию, до богословия; для того предположили набрать учеников, числом двести. Разом с этим при Троицко-Сергиевском монастыре указано учредить сиротский дом для воспитания сирот и для приема «зазорнорожденных» младенцев. В 1739 году последовал важный указ – основать во всех епархиях духовные семинарии. Но этот указ долго не мог быть приведен в исполнение: из архиереев не нашлось никого, кто бы показал об этом деле старание. «Все, – выражается современный документ, – отважно и нечувственно пребывали, как бы собственного их долга в том нимало не зависит». На первых порах дело ограничилось тем, что положили разослать по всем епархиям «учительных священников», с целью готовить детей духовных лиц к духовному званию. Было желание удерживать детей духовных лиц в звании отцов их, хотя не воспрещалось окончившим учение детям священно- и церковнослужителей вступать в гражданскую службу и записываться в цехи и в посады. Только праздноживущих из них брали в военную службу. Дети лиц духовного звания не были вовсе изъяты от воинской повинности, но могли вместо себя ставить наемных рекрут. Доступ к духовному званию лицам, не происходящим из духовенства, был очень труден; только в Малороссии, по старому обычаю, возводили в духовный сан лиц всякого происхождения. Впрочем, подобное является и на противоположном пределе Русского государства: в Сибири, в иркутской епархии, по недостатку лиц по происхождению из духовенства, дозволено было посвящать и мирян, свободных от гражданской службы, а в 1740 году прислано в синод 45 юношей из инородцев с целью дать им образование и подготовить к званию пастырей своего народа.

Все монастыри в духовном отношении зависели от местных епархиальных начальств. Исключение составляли монастыри ставропигиальные, зависевшие непосредственно от синода: их было числом четыре – Киево-Печерский, Межигорский, Троицко-Сергиев и Александро-Невский. Все монастыри были приютами овдовевших священно- и церковнослужителей, неимущих

отставных офицеров и чиновников, солдат, безродных и увечных; монахи должны были заботиться о содержании помещенных у них лиц и ухаживать за недужными. Отчасти монахи занимались и делом воспитания: по крайней мере, по прошению киево-печерского архимандрита в 1738 году дозволили принять в монастырь приходящих из польских владений православных духовных, сведущих в латинском языке, и поручать им воспитание юношей. Прежний указ Петра Первого, воспрещавший без царского указа постригать в монахи кого бы то ни было, был подтвержден в царствование Анны Ивановны; дозволялось безусловно, не испрашивая царского указа, постригать только вдовых священнослужителей и бессемейных отставных офицеров и солдат; за пострижение же всякого иного лица полагался штраф 500 рублей. Повелено было по всей империи возобновлять обветшалые храмы и учреждать при них богадельни и школы, а на содержание тех и других определен был сбор с венечных памятней. Указ о построении богаделен и школ был несколько раз повторяем, но плохо исполнялся: богаделен было мало, а школ еще меньше.

Главным доходом на содержание церквей и монастырей были добротные даяния, совершавшиеся как наличными деньгами, так и вкладами, состоящими в капиталах и недвижимой собственности. Доход с продажи восковых свеч также предоставлялся в пользу церквей. Все духовные вотчины ведались в одном правительственном месте, называвшемся «коллегия экономии». Сначала она находилась в Москве, потом в Петербурге, но в 1739 году была переведена снова в Москву, так как большая часть монастырских вотчин находилась в середине государства, ближе к Москве, чем к Петербургу. При коллегии экономии существовала раскольничья контора: самое название ее показывает, какими делами она заведовала. Число мужских монастырей простиралось до семисот восьми, а в них монашествующих считалось 7829 человек. Женских монастырей было 240, а в них монашествующих 6452 особы.

## **VIII. Внешняя политика России при Анне Ивановне**

*Отношения европейских государств к России при вступлении на престол Анны Ивановны: Австрия, Пруссия, Дания, Швейцария, Англия, Франция. – Польское дело -Интриги французов против России в Константинополе. – Персидские дела. – Спор России с Турцией. – Крымцы. – Турецкая война. – Белградский мир. – Недовольство Миниха. – Возобновление сношений Франции с Россией. -Маркиз де ля Шетарди.*

При вступлении Анны Ивановны на престол обстоятельства подавали надежду, что в грядущее царствование Россия найдет себе союзников между иностранными государствами. Вступление на престол государыни приветствовали соседи дружелюбными заявлениями. Император немецкий заявил русскому посланнику, что он с новою царицею будет соблюдать те же обязательства, в каких находился с ее покойными предшественниками. Прусский король, узнавши о восстановлении самодержавия в России, пил за столом здоровье новой русской государыни, восхвалял ее решимость и заявил, между прочим, что теперь она свободно будет распоряжаться в делах курляндских, не ожидая одобрения от Польши. В Дании радовались восшествию на престол Анны Ивановны, потому что не желали утверждения в России голштинской династии, которая могла бы там воцариться в особе сына Петровой дочери. Дания давно уже спорила с Голштиниею за Шлезвиг. Король шведский также сразу изъявил желание усилить дружбу с русским престолом. Англия, находившаяся в союзе с Австрией и во вражде с Франциею, также отнеслась дружелюбно к перемене правления в России. С Франциею уже не было дружбы с тех пор, как разрушился план соединить браком русскую принцессу Елисавету с французским королем Людовиком XV. Враждебная по старинной традиции с Австрией, Франция не могла смотреть одобрительно на союз, заключенный еще Екатериной Первой с императором, готова

была при всяком удобном случае вредить России, но пока еще соблюдала наружное согласие.

Надобно сказать, что все государства не питали уважения к России, но боялись возраставшей материальной ее силы, а в особенности после удара, нанесенного Россией Швеции. Никто не верил в политический ум русского правительства: каждое государство надеялось обмануть русских и сделать их державу орудием для своих целей; но союз с ней давал всем большую приманку, чтоб иметь возможность располагать ее большими военными силами и вести, так сказать, ее на буксире за собой. Это желание проявили сразу Австрия и Франция. При русском дворе было два государственных человека, склонные к союзу с тою и другою. Сторонником союза с Австрией и вообще с Немецкою империей был Остерман, а сторонником союза с Францией – фельдмаршал Миних, питавший любовь к французам со времен юности, когда, взятый в плен, он испытал на себе великодушие, приветливость и любезность французов. Предстоял вопрос, когда России приходилось выбирать союз или с Австрией, или с Францией. Это случилось по поводу польского преемства. Король польский Август, долговременный союзник Петра Великого, склонялся к могиле и в начале 1733 года скончался. Франция хотела возвести на польский престол Станислава Лещинского, посаженного там некогда Карлом XII и принужденного уступить корону Августу. Австрия, вместе с Россией, сначала хотела, чтоб избран был кто-нибудь из природных поляков рода Пястов; но так как увидали, что при выборе произойдут несогласия и борьба партий, то предпочли посадить на польский престол иностранного принца. Австрия выставила курфюрста саксонского, сына бывшего польского короля Августа. Россия несколько времени колебалась. Остерман взял верх над Минихом, и Россия пристала к Австрии. Русское войско вступило в Польшу под начальством фельдмаршала Ласси, и под давлением силы русского войска избран был Август саксонский. Но другая партия провозгласила Станислава, надеясь на покровительство Франции. Возникла война, которая подробно описана нами в жизнеописании Миниха. Станислав ушел в Гданьск и заперся там с поляками



своей партии и со вспомогательным отрядом французов. Миних, хотя и не сочувствовавший делу, должен был взять команду над русским войском, осаждавшим Гданьск, и принудил его к сдаче. Взятые в плен французы отосланы были в Россию; императрица приняла их ласково и великодушно и отпустила в отечество.

Эта любезность, однако, не изменила хода политики в отношении к Франции: последняя все-таки продолжала действовать против России. Сначала она поддерживала Станислава до тех пор, пока он сам не отрекся от притязаний на польскую корону и не удовольствовался владением в Лотарингии, данным ему Францией, по родству его с французским королем; дочь его Мария была французскою королевою, женою Людовика XV. Потом Франция стала вредить России и союзной с нею Австрии с другой стороны, именно со стороны Турции. У Немецкой империи с Турцией была уже давняя вражда. И Россия не в состоянии была забыть унижения, нанесенного ей Прутским миром, и всегда искала случая отомстить Турции. Повод к этому представился России через посредство Персии. Два претендента на персидский престол спорили между собою: Тахмасиб и Эшреф. Последний поддерживаем был турками, Тахмасибу помогала Россия. Не уладивши примирения с турками мирным путем, Россия побуждала Тахмасиба к войне с турками, обещала со своей стороны помощь, заключила с ним 25 января 1732 года дружественный договор и уступила Персии полосу земли, завоеванной Петром Великим. Между тем, у России с Турцией был еще и свой предлог к вражде. Турция считала, что страна, называемая Кабарда, исстари принадлежит Крыму, зависимому от Турции; русские ссылались, что этот край по договору был объявлен независимым, и князья кабардинские отдались России. Сверх того, калмыцкий хан Дундук-Омбо, находившийся под властью России, отпал от нее и отдался под покровительство крымского хана.

Отношения Персии к Турции все более и более обострялись. Персидский визирь Тахмас-Кулыхан свергнул Тахмасиба, возвел на престол его сына, но с Турцией пришел еще в большую вражду. Крымский хан Каплан-Гирей, как

турецкий данник, двинулся со своею ордою на войну против Персии, и не только захватил Кабарду, но провел свои военные силы через русские владения -Кумыцкую землю. Татары встретили поставленные там русские войска, бывшие под главным начальством генерала принца гессен-гамбургского, вступили с ними в бой, и хотя были побеждены, но успели прорваться через Кавказские горы, возмутили тамошних туземцев против русских, соединились с турками и с ними вместе пошли на Персию; в то же время один крымский султан вступил с войсками в Кабарду и там тоже сражался с русскими. Эти события сочтены были поводом объявления формальной войны Турцией.

Россия вела эту войну в союзе с Австрией. Но когда русские войска под предводительством Миниха разорили Крым, завоевали Молдавию, одержали блестящую, еще небывалую, победу над турками при Ставучанах<sup>80</sup>, союзники их австрийцы вели у себя на Дунае войну неудачно. Между тем французский посол в Константинополе Вильнёв постарался устроить примирение Турции с немецким императором. Австрия, при своих военных неудачах, могла для себя почитать счастьем возможность помириться с Турцией; но она склонила и Россию также разом с нею заключить мир с Турцией при посредстве того же французского посла, хотя России заключать такой мир было вовсе не под стать. 18 сентября 1739 года состоялся Белградский мир, не только невыгодный, но даже постыдный для России: истративши много людей в битвах, она не получила никакой выгоды для себя и воевала только в пользу Австрии. Когда французский парламентар приезжал к Миниху от имени своего начальства требовать выступления русского войска из Молдавии, Миних сказал ему: «Я давно уже пытался соединить союзом Россию с Францией. Я всегда был того мнения, что император более нас имеет повода вести войну, а мы, ставши его союзниками, останемся в убытке. Я уже представлял, что император всегда привык обращаться со своими союзниками, как с вассалами: свидетели тому англичане и голландцы, которые вовремя узнали весь вред от этого союза и удалились от него, как умные политики. Мои представления не приняты! но

теперь они оправдались событиями, после того как император, с которым мы вошли в союз, совершенно покинул нас, может быть, по вероломству, а может быть, по слабости: во всяком случае, плохое дело союз с вероломными и малосильными. Вот теперь настало время возобновить первый наш проект союза России с Францией».

Миних был чрезвычайно раздражен Белградским миром, но делать было нечего: всемогущий любимец императрицы Бирон был совершенно на стороне Австрии, а с ним и императрица. Французская политика на этот раз должна была по крайней мере уразуметь, что нельзя презирать Россию, как страну варварскую. Пусть она с европейской точки зрения была и варварской, но опыт последней войны показал, что она – страна сильная, ее многочисленное войско способно совершать дела истинно великие, которые не под стать было совершать западным державам, давно уже привыкшим трепетать перед страшною мусульманскою силою, водворившеюся в Европе. Французские политики избрали теперь несколько иной путь – показывать России дружелюбие, льстить ей, а между тем, в уверенности в ее простоте и недостатке смекалки, обманывать ее. Нужно было только выбрать подходящего человека в посланники. Управлявший тогда делами во Франции кардинал Флери поручил это маркизу де ля Шетарди, который был назначен в Россию в исходе 1739 года в звании уполномоченного Франции. Трудно было выбрать человека более способного занять эту важную, трудную должность. Это был француз в полном значении этого слова, со всеми достоинствами и пороками, отличавшими французского дипломата XVIII века. Необыкновенно любезный в обращении, с необыкновенною способностью вкрадываться в душу, всегда веселый, неистощимо-остроумный и вместе с тем умевший всегда кстати и сказать, и смолчать, – он был именно таков, что мог очаровать молодое высшее общество в России, недавно еще начавшее усваивать пленительные признаки европейского обхождения и способное увлекаться всяким наружным блеском. До того времени он был посланником своей нации при берлинском дворе, и молодой наследный принц, будущий

король Фридрих Великий, называл его конфектою за его любезность, нередко доходившую до слащавости. Де ля Шетарди прибыл в Петербург с таким огромным количеством посольской свиты и прислуги, что подобной пышности русские еще не видали ни с одним иностранным послом. Все это рассчитано было, чтобы внушить уважение и удивление к величию Франции. Французский посол представлялся Анне Ивановне в тронной зале и с первого раза очаровал императрицу и все окружающее своею любезностью. После представления императрице со всею свитою он представился ее племяннице, а потом цесаревне Елисавете Петровне. Это было самое важное его представление. Во Франции уже знали, что императрица не любит цесаревны, цесаревна не любит императрицы, и многие русские смотрят на Елисавету, как на законную наследницу, несправедливо удаленную от трона. Елисавете в то время было 28 лет; она была в расцвете красоты своей; ее голубые глаза с поволокою давали ей невыразимую прелесть. Она превосходно говорила по-французски, и в самом ее живом и легкомысленном характере было что-то французское. «Казалось, – выражался о ней польский посланник Лефорт, – она родилась не в России, а во Франции». Она составляла в те поры совершенный контраст с императрицей, а еще более с Анной Леопольдовной, столько же ленивою и апатичною, как была жива и подвижна Елисавета. В тайной инструкции, с которою прибыл де ля Шетарди, вменялось ему в обязанность узнать наверное, справедливы ли вести насчет желания русских видеть Елисавету государыней. После блестящих приемов де ля Шетарди жаловался на томительную скуку в России, постигшую его. Он увидел себя посреди чопорного немецко-русского общества, отзывавшегося парадом. Ничего похожего не было на светское французское общество, с которым свылся посол в своей юности и которое для француза было необходимо как свежий воздух для птицы и вода для рыбы. Каждый день у него накрывали обеденный стол для званных и незванных гостей, и посланник замечал, что русские чуждаются его хлеба-соли, а если и посещают, то трудно бывает вести с ними задушевную беседу, потому что все

как-то не доверяли ему, зная, что при дворе властвующие немцы недолюбливают французов. Внезапная кончина Анны Ивановны дала возможность показать французскому послу свою необыкновенную деятельность и сделаться решителем судьбы русского престола.

## **IX. Окончание царствования Анны Ивановны**

*Принцесса мекленбургская Анна Леопольдовна. – Жених для нее. – Брак с Антоном-Ульрихом принцем брауншвейг-бевернским. – Неудавшиеся планы Бирона. – Бирон сходится с Бестужевым. – Рождение принца Ивана Антоновича. – Недуги императрицы. – Припадок 5 октября 1740 г. -Вопрос о престолонаследии. – Объявление принца Ивана Антоновича наследником престола. – Вопрос о регентстве. – Уловки Бестужева в пользу Бирона. -Позитивная декларация. – Кончина Анны Ивановны. – Оценка ее царствования.*

Еще в 1732 году Анна Ивановна гласно объявила, что наследство престола после нее должно перейти в мужское потомство племянницы ее, дочери старшей сестры императрицы, Екатерины Ивановны, герцогини мекленбургской. Муж последней, Карл Леопольд, в свое время приобрел репутацию тирана, был прогнан выведенными из терпения своими мекленбургскими подданными и осужден имперским сеймом. Он был таким же плохим семьянином, как и правителем. Первая жена не вынесла его дурного нрава и начала процесс о разводе с ним. Еще не был покончен этот процесс, как герцог посватался к русской царевне. Находясь в зависимости от дяди, царя Петра I, царевна Екатерина Ивановна по его воле вышла за мекленбургского герцога, но скоро не ужилась с ним, как и первая его супруга. В 1719 году она от него удалилась в Россию вместе с малолетнею дочерью Елисаветою-Екатериною-Христиною. Дочь эта, принужденная проводить в России свое детство, в 1733 году, за месяц до кончины своей матери, была принята в лоно православной церкви и наречена Анною Леопольдовою. Лишившись матери, принцесса осталась на попечении своей тетки, императрицы Анны Ивановны, которая любила ее как родную дочь до тех пор, пока принцесса, достигнув совершеннолетия, не стала выказывать в своем характере такие черты, которые не совсем нравились тетке. Принцесса не обладала ослепительной красотой, но была миловидная блондинка, добродушная и

кроткая, вместе – сонливая и ленивая; она не любила никакого дела и проводила праздные часы со своей любимой фрейлиной Юлианией фон-Менгден, к которой питала чувство редкой дружбы. Императрица, хотя не переставала любить свою племянницу, стала отзываться о ней неодобрительно. Но так как другой ближайшей родни у императрицы не было, и в случае ее смерти престол мог достаться цесаревне Елисавете Петровне, которую Анна Ивановна не терпела, то государыня торопилась найти племяннице жениха, чтоб доставить ее потомству и своему роду наследство престола. Немецкая империя заключала в себе богатый запас принцев и принцесс для брачных связей в России. Отыскивать подходящего жениха для принцессы Анны Леопольдовны отправлен был шталмейстер Левенвольд. В Вене он подпал под влияние императорского дома и по указаниям, полученным оттуда, остановил внимание на принце брауншвейг-бевеернском, сыне сестры супруги императора Карла VI. Это был молодой человек, едва вступивший на жизненное поприще. Его родные – император и императрица – уговорили его согласиться на предложение Левенвольда, и он дал слово прибыть в Россию и поступить в русскую службу. Он явился в Петербург, был обласкан императрицей Анной Ивановной, определился в русское войско и участвовал с Минихом в турецкой войне. Несколько лет сряду в столице обращались с ним, как с будущим женихом племянницы Анны Ивановны, но браком медлили, считая принцессу не совсем достигшею зрелого возраста. Между тем, у Бирона возникла мысль женить на принцессе Анне Леопольдовне своего старшего сына Петра, еще очень молодого, и тем проложить своему потомству путь к российскому престолу. Бирон так привык встречать безграничную к себе преданность императрицы, что, казалось, нельзя было сомневаться в ее согласии; но императрица уже несколько раз заявляла, что предоставляет племяннице полную свободу располагать своим замужеством. Всем при дворе стало заметно, что принцесса Анна Леопольдовна не слишком-то любила намеченного ей в женихи принца, и это придавало Бирону смелость подставить на его место своего сына. Он

начал показывать любезное внимание к принцессе и старался сводить с нею своего сына. Но, если принцессе мало нравился навязываемый ей теткою жених, то к Петру Бирону она чувствовала полнейшее равнодушие, которое вскоре превратилось в отвращение, по мере того, как Петр Бирон надоедал ей своим ухаживанием. Бирон не смел противодействовать резко принцу Антону-Ульриху брауншвейгскому, потому что боялся раздражить против себя австрийский императорский дом. Он полагал для себя надежду в том, что сама принцесса покажет нежелание выходить за принца, и он, таким образом, избавится от соперника своему сыну. Государыня вовсе не знала о намерениях своего любимца и поручила ему выведать от принцессы – расположена ли она выходить за принца Антона-Ульриха. Исполняя волю своей государыни, Бирон говорил об этом с принцессою и услышал такой ответ – что она не терпит брауншвейгского принца и лучше ей положить голову на плаху, чем выходить за него. Такой ответ очень обрадовал Бирона, но он на первых порах должен был перед государынею показывать вид, что так же, как и она, недоволен упрямством принцессы. Затем Бирон обратился к придворной даме и любимице императрицы, Чернышовой, урожденной Ушаковой, дочери начальника тайной канцелярии. Бирон сообщил ей о своем желании женить сына на принцессе и поручил ей расположить к этому принцессу. Чернышова начала об этом речь принцессе и услышала такой ответ, какого уж никак не хотелось услышать Бирону. Принцесса с негодованием выслушала Чернышову и сделала ей упрек, как могла она предлагать ей такой брак. Принцесса напомнила о низком происхождении Бирона и дала понять, что ее достоинство оскорбляется подобным предложением. Чтоб избавиться навсегда от притязаний царицына любимца и его сына, принцесса категорически объявила Чернышовой: «Я много думала и испытывала себя. Во всем готова слушаться императрицу и соглашаюсь выходить за брауншвейгского принца, если ей так угодно».

Чернышова сообщила такой ответ императрице, не сказавши ей, что ходатайствовала за Биронова сына.



Императрица обрадовалась, а Бирон поневоле должен был притаиться со своими желаниями и притворяться перед императрицей, что разделяет ее удовольствие. Брак принцессы с брауншвейгским принцем состоялся в июле 1739 года. С тех пор Бирон возненавидел новобрачную чету и при всяком удобном случае рад был ей делать неприятности, хотя и должен был скрывать свои чувства, чтоб не раздражить императрицы. Что касается до принцессы, то, ставши женою нелюбимого человека, она продолжала оказывать к нему холодность. Впоследствии принцесса укоряла кабинет-министров, устроивших этот брак в политических видах, и говорила Волинскому: «Вы, министры проклятые, на то привели, что за того пошла, за кого не думала, и все вы для своих интересов к тому привели». Волинский ответил ей, что «действительно, принц Антон-Ульрих очень тих и несмел в своих поступках: это его недостаток; но это может послужить ей же к пользе: он будет ей послушен; а хуже было бы, если б она вышла за Петра Бирона и находилась вместе с мужем под несносным гнетом его отца, любимца государыни. И сам Петр Бирон, – человек запальчивый и сердитый не менее как родитель его». Зная, что между супругами нет любви, Бирон, может быть, из чувства мщенья, хотел раздуть между ними несогласие, чтоб насолить им обоим. Желая избавиться от постоянного надоедливого наблюдения над собою любимца императрицы, принцесса испросила у тетки-государыни назначить 80000 рублей для устройства особого двора для нее и ее супруга. Но Бирон убедил принца брауншвейгского отказаться от такого намерения, представляя ему, что тогда он будет находиться в зависимости от своей жены, которая его не любит; а в доказательство того, что она его не любит, Бирон открыл принцу Антону-Ульриху, что принцесса отвечала ему, Бирону, когда он, по поручению императрицы, говорил о браке с принцем.

Бирон в это время начал расходиться с Остерманом. До того времени, хотя полной искренности между ними никогда не было, но Остерман дорожил благосклонностью такого могучего лица, каким был Бирон, и долгое время старался угождать ему.

В последнее время Бирон в разговорах с приятелями обвинял Остермана в двуличности и хитрости; иными словами – Бирон раскусил, наконец, Остермана и стал остерегаться его, хотя и был уверен, что в том высоком положении, в каком сам находился, Остерман не в силах повредить ему. Удаляясь мало-помалу от Остермана, Бирон сошелся с другим человеком, недавно возведенным на высокую ступень. Это был Алексей Петрович Бестужев, заступивший в кабинете министров оставшееся праздным место казенного Волынского. Алексей Петрович был сын Петра Михайловича Бестужева, бывшего некогда управителем двора в Курляндии и любимцем Анны Ивановны, впоследствии потерпевшим от нее опалу. Алексей Петрович посвятил себя дипломатическому поприщу, но в царствование Анны Ивановны несколько лет сряду держали его в тени. Когда он находился резидентом в Гамбурге, донос, поданный ему Милашевичем-Красным на смоленского губернатора, дал ему возможность выдвинуться и повыситься. В 1734 году Алексей Петрович был переведен из Гамбурга в Данию. Кабинет-министр князь Алексей Михайлович Черкасский негодовал на Бестужева, который дал ход доносу Милашевича-Красного, и вследствие этого родственник кабинет-министра – смоленский губернатор был сослан в Камчатку. Бестужев, впрочем, ничуть не был виновен в опале смоленского губернатора, потому что не сделал ничего более, как только переслал поданный ему донос в тайную канцелярию. Негодование кабинет-министра князя Черкасского против Бестужева должно было смолкнуть после того, как Милашевич-Красный в 1739 году сам сознался, что оклеветал напрасно смоленского губернатора. После падения Волынского, Алексея Петровича перевели в Петербург. Тонкий и искусный дипломат, зная могущество герцога курляндского, он подделался к нему и вскоре сблизился с ним самым тесным образом. При всеильном покровительстве Бирона, Бестужев получил место в кабинете министров. Бирон думал иметь в нем противовес Остермановым хитростям, иными словами – надеялся найти в нем именно то, чего искал и не нашел в Волынском.

В августе 1740 года принцесса Анна Леопольдовна разрешилась от бремени сыном, который при крещении был наречен Иваном. Событие это для многих показалось неожиданным, так как при дворе знали, что принцесса удалялась от своего нелюбимого супруга. Рождение этого младенца доставило радость императрице, но на ее любимца навело такое уныние, что он несколько дней никого не допускал к себе и ни с кем не говорил.

Вскоре за тем произошло другое важное и роковое событие. Уже давно императрица страдала недугом; как кажется, у ней была каменная болезнь. Предшествовавшее лето она провела в Петергофе, и к концу лета ей становилось хуже. По возвращении в Петербург, 5 октября, в воскресенье в 2 часа императрица по обычаю села обедать со своим любимцем. Вдруг ей стало дурно, и она упала без чувств. Ее подняли и уложили в постель.

Первым делом окружавших государыню сановников было подумать о престолонаследии. Воля государыни была известна: она уже объявляла, что желает назначить себе преемником сына принцессы Анны Леопольдовны, двухмесячного ребенка – Ивана Антоновича. Но вопрос был в том – кто будет в качестве регента управлять государством до совершеннолетия нового государя, еще лежавшего в колыбели. Первый Бестужев заявил, что всего подручнее эту важную обязанность возложить на герцога курляндского. Несколько дней прошло в размышлениях и толках: приходилось повозиться с Остерманом, а тот уклонился прямо заявить свое мнение об этом и только тогда, когда увидал, что большинство сановников склоняется на сторону Бирона, – сам подал голос за него. Миних, хотя не терпел курляндского герцога, не только объявил себя в пользу его назначения, а еще сам упрашивал его принять на себя этот сан. Больная государыня удержала у себя представленный ей манифест о престолонаследии и проект о регентстве Бирона. Она давно уже страшилась смерти и отклоняла от себя все, что могло ей напоминать о смертном часе; таким образом, давно уже было запрещено провозить и проносить покойников мимо дворца, чтоб не беспокоить государыни видом, возбуждающим в

ней мысль о собственной кончине. Тогда Бестужев составил так называемую «позитивную декларацию», в согласии с другими сановниками, и положил ее в кабинете министров: в ней выражено было, будто вся нация желает, чтоб не иной кто, а непременно герцог курляндский, в случае преждевременной кончины императрицы, стал регентом государства впредь до совершеннолетия будущего императора. Стали приглашать к чтению и к подписи этой декларации всех наличных особ первых четырех классов. Набралось таким образом 197 подписей. Не должно думать, чтоб число это состояло из искренних приверженцев герцога курляндского. Большинство подписывалось, следуя примеру подписавшихся прежде их; те же, которые подписались, не повинуюсь примеру других, делали это из страха: нельзя было положительно сказать – умрет ли государыня или выздоровеет. Врачи находили ее болезнь очень опасною, но и не уничтожали надежды на возможность ей поправиться; все соображали, что если Анна Ивановна выздоровеет, то не простит тем, которые не показали любви и доверия к ее любимцу: судьба Волынского представляла тому свежий пример. Фельдмаршал Миних поступил по такому же соображению, как о том свидетельствует сын его в своих записках.

Впоследствии Бирон в своей записке, писанной с места своего заточения в Ярославле императрице Елисавете Петровне, уверял, будто он вовсе не думал и не хотел принимать на себя регентства, будто на коленях просил государыню освободить его от такого бремени; но источники современные говорят совсем иное, именно – что Бирон, хотя наружно и отказывался от предлагаемой ему чести, но прежде тайно направлял Бестужева, который первый произнес о том слово в собрании сановников; да и сам герцог курляндский в этом собрании доказывал, что нельзя давать регентства ни матери, ни родителю будущего императора. По всему видно, между Бироном и Анной Ивановной происходил разговор о регентстве, но Бирон не представил его в своей записке в настоящем виде. Есть основание полагать, что Анна Ивановна сама не хотела давать регентства принцессе Анне

Леопольдовне и ее супругу, из опасения, что они подпадут под влияние отца принцессы, герцога мекленбургского, и даже допустят его водвориться в России, а судя по тому, что случилось с ним в его немецкой земле, можно было справедливо опасаться, что появление его в России не будет полезно для Российского государства.

16 октября с больною, уже не встававшей с постели императрицею сделался припадок, подавший опасение скоронаступающей кончины. Анна Ивановна приказала позвать Остермана и Бирона, и в их присутствии подписала обе бумаги – о наследстве после нее Ивана Антоновича и о регентстве Бирона. Первую бумагу она вручила Остерману, последнюю – отдала своей придворной даме Юшковой, постоянно находившейся при ней во время болезни, приказавши открыть ее после ее смерти. Юшкова спрятала эту бумагу в шкаф с драгоценностями. Императрица, отпуская Остермана, приказала объявить всем сановникам, что теперь все уже окончено.

Настал другой день – 17 октября. Истощались последние силы императрицы. Она приказала пригласить к своей постели принцессу Анну Леопольдовну с супругом, цесаревну Елисавету, кабинет-министров и всех важнейших сановников. В 9 часов вечера, среди такого собрания, Анна Ивановна отошла в вечность.

Общий голос современных источников единомысленно утверждает, что Анна Ивановна во все свое царствование находилась не только под влиянием, но даже, так сказать, под властью своего любимца. Основываясь на таких известиях, вошло в обычай приписывать Бирону и группировавшимся возле него немцам весь жестокий и крутой характер ее царствования. Эпоха этого царствования издавна уже носит наименование бироновщины. Но если подвергнуть этот вопрос беспристрастной и строгой критике, то окажется, что к такому обвинению Бирона и с ним всех вообще правительствовавших немцев недостает твердых оснований. Невозможно приписывать весь характер царствования огулом немцам уже потому, что стоявшие на челе правительства немцы не

составляли согласной корпорации и каждый из них преследовал свои личные интересы, один другому завидовал, один к другому враждовал. Сам Бирон не управлял делами ни по какой части в государственном механизме, и притом он вовсе не показывал склонности заниматься делами, так же точно как и императрица; он не любил России и вообще мало интересовался тем, что в ней делалось: Бирон был эгоист довольно узкий, не успевший расположить к себе никакого кружка; сила его опиралась исключительно на личной милости императрицы, и оттого, как только Анна Ивановна закрыла навеки глаза, ее бывший любимец остался совершенно без почвы, и как ни обеспечила его положение покойница, он без нее не продержался и месяца. Нет никакого современного указания, чтоб масса тех жестокостей, какие ознаменовали царствование Анны Ивановны, исходили от Бирона и совершались по его инициативе. Единственный пример, где показывается прямое участие Бирона, представляет дело Волынского. Здесь видимо ясно, что мстительный Бирон преследовал Волынского неумолимо, потому что обер-егермейстер становился поперек дороги любимцу и покушался занять его место в милости у императрицы. Что касается до множества других лиц, подвергшихся опале при Анне Ивановне, то приписывать бедствие, постигшее того или другого из них, всесильному любимцу государыни можно только гадательно, основываясь на известиях, что все доходившее до государыни и исходившее от нее проходило через ее любимца. Но, допустивши, что Анна Ивановна ничего не делала без участия своего любимца, все-таки нельзя наверное сказать, чтобы всякий, потерпевший от правительства именем Анны Ивановны, действительно терпел прямо от высочайшей власти. Высочайшая власть часто делает приговоры на основании доверия к тем, которые докладывают ей дело: иначе и быть не может при разнородных делах, доходящих до единого центра. Есть еще более важное соображение: жестокости и вообще крутые меры, которыми отличалась эпоха царствования Анны Ивановны, не были исключительными свойствами этой эпохи; не с нею начали они появляться в России, не с нею и прекратились. Правление

Петра Великого ознаменовалось еще более жестокими, крутыми преследованиями всего противного высочайшей власти. Поступки князя Ромодановского в Преображенском Приказе ничуть не мягче и не человечнее поступков Андрея Ивановича Ушакова в тайной канцелярии. С другой стороны, те же черты жестокости и презрения к человеческому достоинству являются и после Анны Ивановны, при Елисавете Петровне. Поэтому мы не затруднимся сказать, что приписывать все, что возмущает нас в царствовании Анны Ивановны, следует не самой императрице, не любимцу ее, герцогу курляндскому, а всему веку, в котором происходили излагаемые здесь события. Напротив, если из того, что принадлежит веку, мы отделим то, где с большим правом можем усматривать деятельность самой императрицы и государственных лиц ее эпохи, то придем к заключениям более в пользу и в похвалу правительству той эпохи, чем в его осуждение. Мы уже представили перечень всего, что было сделано в области внутренней политики. Много распоряжений тогдашнего правительства были совершенно в духе Петра I, и недаром Анна Ивановна поручала государственные дела умным и даровитым «птенцам» Петровым. Благодаря им, во многих отношениях царствование Анны Ивановны может назваться продолжением славного царствования ее великого дяди: вообще жизнь русская двигалась вперед и не была в застое. Русский народ в это царствование терпел от неурожая, кроме того, от разных случайных бедствий, как, например, от пожаров и от разбойников; в этом во всем, конечно, нельзя прямо винить тогдашнее правительство: несомненно, оно принимало зависевшие от него меры к облегчению народа. В делах внешней политики правительство Анны Ивановны, если не во всем удачно, то во всяком случае старалось поддерживать честь и значение Русского государства. Война с Турцией при Анне Ивановне имела важный, всемирно-исторический смысл. От собственного неискusstва молодой еще русской дипломатии и коварства союзников Россия не окончила этой войны таким выгодным для себя миром, на какой бы имела право. Белградский договор, которого, конечно, ни за что бы не

утвердил Петр Великий, был плодом податливости Анны Ивановны своему любимцу. Но все-таки блестящие победы Миниха дали Русской державе то высокое политическое значение, которое заключало в себе зародыши дальнейших ее успехов в вековой борьбе христианства с магометанством, Европы с Азией. Миних с русским войском первый показал миру пример, что возможно с военными силами вступить в пределы грозной Оттоманской Империи и там одержать над нею победу. Мусульманская сила, до тех пор представлявшаяся ужасною и непобедимою, сразу лишилась своего всеустрашающего престижа.



## Глава 22. Императрица Елисавета Петровна

## I. Цесаревна Елисавета

*Детство Елисаветы. – Красота ее. – Воспитание. – Планы выдать ее в замужество за французского короля или за французского принца крови. – Епископ Любский. – Отношения Елисаветы к Петру Второму. – Елисавета при избрании Анны Ивановны. – Жизнь цесаревны в царствование Анны Ивановны. – Елисавета во время регентства Бирона и правительницы Анны Леопольдовны. -Приготовления к перевороту. – Маркиз де ля Шетарди и доктор Лесток.*

Елисавета родилась в селе Коломенском 18 декабря 1709 г. День этот был днем торжественным: Петр въезжал в Москву; за ним везли шведских пленных. Государь намеревался тотчас праздновать полтавскую победу, но, при вступлении в столицу, его известили о рождении дочери. «Отложим празднество о победе и поспешим поздравить с восшествием в мир дочь мою, яко со счастливым предзнаменованием вождя мира», -сказал он. В Успенском соборе отслужено было благодарственное молебствие; прослушавши его, царь отправился в село Коломенское, где находилось его семейство. Он нашел Екатерину и новорожденного младенца здоровыми, и на радостях устроил пир. Коломенский дворец, хотя деревянный, был очень обширен и заключал в себе 270 покоев с тремя тысячами окон: было где собраться большому стечению гостей. К пиру приглашены были привезенные царем шведские пленники. Вне дворца угощали нижних чинов и народ; им выкатили несколько бочек с вином и поставили на столах закуски.

Будучи только восьми лет от роду, принцесса Елисавета уже обращала на себя общее внимание своею красотою. В октябре 1717 года царь Петр возвращался из путешествия за границу и въезжал в Москву. Обе царевны – Анна и Елисавета – встречали родителя, одетые в испанских нарядах. Тогда французский посол заметил, что меньшая дочь государя казалась в этом наряде необыкновенно прекрасною.

В следующем, 1718 году, введены были ассамблеи, и обе царевны являлись туда в платьях разных цветов, вышитых золотом и серебром, в головных уборах, блиставших бриллиантами. Уже тогда принцесса Елисавета обратила на себя внимание в танцах. В то время в ассамблеях в ходу были танцы: английский кадрили, менуэт и польские танцы. Елисавета, кроме легкости в движениях, отличалась находчивостью и изобретательностью, беспрестанно выдумывая новые фигуры. Наряду с нею славились в танцах ее сверстницы по летам, девочки: Головкина, княжны – Черкасская, Кантемир и Долгорукая – будущая невеста Петра II-го. Но из них преимущество все отдавали Елисавете: так решали шведские офицеры, учившие танцевальному искусству; так говорил французский посланник Леви, заметивший, что Елисавета могла бы назваться совершенною красавицею, если бы у нее волосы не были рыжеваты. По обычаям того века, танцы начинались в 3 часа пополудни и продолжались до ночи. В ассамблеях посетители не стеснялись присутствием дам и девиц; в тех же покоях, где танцевали, пожилые люди играли в карты и в шахматы, курили табак, пили вино, закусывали, шумели, а иногда и бранились между собою. В следующие за тем годы обе царевны являлись в публичке на прогулках, зимою в санях, а летом – на Неве, в лодках, одетые в наряд сардинских корабельщиков – в канифасных кофтах, красных юбочках и небольших круглых шляпах. У обеих на спине были крылышки: так в обычае было одевать девочек до их совершеннолетия.

Воспитание царевны Елисаветы не могло быть особенно удачным, тем более, что мать ее была совершенно безграмотная. Но ее учили по-французски, и мать ей твердила, что есть важные причины на то, чтоб она лучше других предметов обучения знала французский язык. Рассказывают, что однажды, заставши дочь свою за чтением французских книг, Петр сказал: «Вы счастливы, дети; вас в молодых летах приучают к чтению полезных книг, а я в своей молодости лишен был и книг, и наставников». Царю Петру пришла мысль и засела в голове на многие годы – отдать дочь Елисавету за французского короля. Мысль эта зародилась у него в 1717 году,

когда он посещал Францию и видел малолетнего Людовика XV-го. Он тогда уже сообщал близким к себе людям предположение, как было бы кстати отдать за французского короля свою среднюю дочь. Первый раз русский царь, через посредство князя Куракина, заявил об этом французскому посланнику в Гааге, Шатонёву; но тогдашний регент королевства французского, руководимый своим первым министром Дюбоа, искал союза с Англиею и опасался родственным союзом с Россиею причинить неудовольствие английскому королю. В последующие затем годы, когда шведский министр Герц хотел устроить примирение двух ожесточенных врагов – Петра I-го и Карла XII-го – с планами, клонившимися к ущербу Англии и Австрии, регент Франции еще более сблизился с английским королем и уклонился от союза с Россиею. После Ништадтского мира, заключенного Россиею со Швециею в 1721 году, Петр снова занялся мыслью отдать Елисавету за французского короля, но тут узнал, что Людовика XV-го собрались сочетать браком с испанскою принцессою; тогда у Петра возникла мысль сочетать Елисавету с каким-нибудь другим лицом французского королевского дома, и сначала он предлагал посланнику французскому, Кампредону, отдать ее за герцога шартрского, сына герцога орлеанского, а по случившейся скоро кончине самого этого герцога – за герцога бурбонского Кондэ, который, по смерти регента, герцога орлеанского, стал первым министром во Франции. В намерении навязать Елисавету французскому королю укрепляло Петра то, что испанская принцесса, намеченная в жены Людовику XV-му, была удалена в Испанию. Но Петр умер в январе 1725 года – и Елисавета, достигавшая шестнадцатилетнего возраста, провожала прах родителя в могилу.

Мысль отдать Елисавету за французского короля преследовалась и преемницею Петра, Екатериною Первою, и Меншиков, от имени своей государыни, заявил об этом желании Кампредону. Он указывал на старинный пример родственной связи французских королей с русскими государями, когда король Генрих I-й сочетался браком с дочерью великого князя Ярослава киевского; Меншиков представлял важные выгоды,

какие получит Франция от союза с Россией, указывал, что, женивши короля на русской принцессе, можно будет дочь Станислава Лещинского отдать за герцога бурбонского и, при содействии России, посадить его на польском престоле; наконец, Меншиков обещал, в силу союза с Францией, военную помощь со стороны России во всяком деле, касающемся Франции. Кампредон, со своей стороны, посылал в своих депешах из Петербурга известия, клонившиеся в пользу союза с Россией. Но в предположении, что выдать Елисавету за Людовика XV-го не удастся и король обратится в другую страну за невестой, Екатерина, между прочим, изъявляла заранее согласие отдать Елисавету за герцога бурбонского и доставить ему польскую корону. Все эти предположения развеялись как по ветру. Герцог бурбонский вежливо отклонил от себя родственные связи с Россией, а французский король вступил в брак с дочерью Станислава Лещинского, проживавшего изгнанником в Германии. Таким образом, прекратились попытки выдать Елисавету за французского короля или за какого-нибудь принца французской королевской крови. Пришлось искать для нее женихов в других странах.

В октябре 1726 года прибыл в Петербург принц Карл-Август, носивший титул епископа Любского, двоюродный брат герцога голштинского, только что женившегося на старшей дочери Петра I-го, царевне Анне Петровне. Императрица Екатерина стала прочить этого приезжего принца в женихи своей второй дочери, Елисавете. Между тем Остерман составил смелый, и, можно сказать, дикий план иначе устроить судьбу Петровой дочери. Он заявил членам верховного тайного совета мысль сочетать принцессу Елисавету с племянником ее, Петром Алексеевичем. Но, сознавая, что такая мысль противна православной церкви, Остерман прибегнул к такому извороту: «Супружеское сие обязательство, предпринимаемое между близко сродными персонами, может касаться только до одних подданных, живущих под правительством, но не до высоких государей и самовластной державы, которая не обязана исполнять во всей строгости свои и предков своих законы, но оные по своему изволению и воле отменять свободную власть и силу имеют,

особенно когда от того зависит благополучие толь многих миллионов людей»<sup>81</sup>. Государыня приказала узнать мнение Святейшего Синода: может ли племянник вступить в брак с теткою? Синод отвечал, что это не может быть дозволено ни божескими, ни человеческими законами. Для успокоения совести думали было отнестись с таким вопросом ко вселенским патриархам, но тут Екатерина умерла. После ее смерти открыто было ее (сомнительное) завещание, в котором она, оставляя престол сыну казненного царевича Алексея, Петру, и назначая правителем государства, во время его малолетства, Меншикова, обеим дочерям, кроме приданого в триста тысяч рублей и единовременной выдачи по миллиону рублей, определила во все время их пребывания в России выдавать им ежегодно на содержание по сто тысяч рублей, а Елисавета, по воле матери, должна была сочетаться браком с принцем епископом Любским.

Но епископ Любский умер в Петербурге в июне 1727 г., а в следующем году скончалась старшая дочь Петра I-го, герцогиня голштинская Анна Петровна, и Елисавета Петровна осталась одна, без близких родных и руководителей; – ей было 18 лет. Двое знатных женихов искали руки ее – Мориц, принц саксонский, и Фердинанд, герцог курляндский, человек уже очень старый для такой женитьбы. Елисавета отказала им обоим.

Молодой Петр II некоторое время был дружески расположен к своей тетке, и Елисавета было совершенно овладела его сердцем. Английский посол Рондо писал, что Елисавета умела показать любовь ко всему, что нравилось царю; таким образом, Петр пристрастился к псовой охоте – и Елисавета также интересовалась этого рода забавою. Но скоро князь Алексей Долгорукий и сын его, Иван, успели охладить взаимную привязанность между теткой и племянником. Молодой камергер Бутурлин приобрел особенное расположение Елисаветы. Сначала Петр сам полюбил его и пожаловал ему орден св. Александра Невского и чин генерал-майора, но потом ему представили в дурном свете отношения Бутурлина к принцессе, и Петр возненавидел его. Он стал обращаться с

Елисаветою холодно. Когда, в сентябре 1728 года, Елисавета праздновала свои именины, царь не прибыл к обеду, не дождался бала и уехал прочь. Тогда все заметили, что царь сердит; но Елисавета, казалось, не обращала на это внимания, весь вечер танцевала и была отменно весела. В следующем месяце того же года прусский посол Вратиславский предложил Елисавете брак с Карлом, маркграфом бранденбургским. Петр отказал ему, не сносясь даже с теткою. Весною следующего 1729 года Петр покончил с Бутурлиным, отправивши последнего на Украину с полками.

Елисавета проживала в селе Покровском, теперь уже вошедшем в черту города Москвы, но по временам ездила в село Измайлово к царевне Екатерине Ивановне, которая там усердно занималась женским хозяйством: под ее наблюдением ткались холсты, вышивались церковные облачения. Что касается до Елисаветы, то ее любимым занятием было собирать сельских девушек, заставляя их петь песни, водить хороводы, и сама она принимала в них участие со своими придворными фрейлинами; зимою она каталась по пруду на коньках и ездила в поле охотиться за зайцами. Она ездила часто также в Александровскую слободу и полюбила это место, известное в русской истории тем, что там Иван Васильевич Грозный совершал большую часть своих мучительств. Елисавета приказала там себе построить два деревянных дворца на каменном фундаменте, один зимний, другой летний; близ летнего у ворот была построена церковь во имя Захария и Елисаветы, где Елисавета Петровна часто слушала богослужение. Проживая в Александровской слободе, она занималась соколиною охотою и ездила в пригородное село Курганиху, где был большой лес; там производили ей в забаву травлю волков. О масленице собирались к ней слободские девушки кататься в салазках, связанных между собою ремнями; Елисавета заставляла их петь песни и угощала цареградскими стручками, орехами и маковой сбиною. У некоторых жителей она воспринимала детей от св. купели, и были такие, что ей в угоду переменяли свои родовые прозвища. Елисавета развела там фруктовый сад, и то место, где был этот сад, теперь уже

застроенное домами, до сих пор носит название Садовни. За пять верст кругом слободы царевна потешалась охотой на лосей и оленей, и долго глубокие старики вспоминали о ее житье-бытье в этом тихом приюте.

В эпоху воцарения на русском престоле Анны Ивановны Елисавета Петровна, по словам иностранных источников, жила в совершенном отчуждении от современных политических дел. Но в ту самую ночь, когда умер Петр II-й, ей было искушение предъявить свои права на корону. Был у нее придворным врачом Лесток. Он был уроженец из Ганновера, вступил в русскую службу при Петре I-м и был им за что-то сослан в Казань, а при Екатерине I-й возвращен и определен к ее дочери, Елисавете. Как врачу, по его специальности, ему был всегда открыт доступ к особе цесаревны. И вот, в два часа ночи, вошел он к ней в спальню, разбудил и советовал ехать в Москву, показаться там народу и заявить о своих правах на престол. Елисавета знать ничего не хотела; по-видимому, ее тогда не увлекало еще обаяние царствовать, а между тем у нее тогда уже была большая партия. Правда, знатные вельможи не слишком ее уважали, припоминали увлечения и, кроме того, считали ее незаконною дочерью, не имевшею права ни на какое наследство после того, кого почитала она своим родителем. Но многие гвардейские офицеры не смотрели на это, видели в ней плоть и кровь Петра Великого и толковали, как было бы кстати возвести Елисавету на престол, устранивши Анну Ивановну с ее курляндскими друзьями. Елисавета считалась русскою по душе и по сердцу, – и все, которые ненавидели иноземщину и стояли за русский дух, находили в ней своего идола. Если б Елисавета послушалась этого голоса ее сторонников, то, конечно, Анне Ивановне не пришлось бы царствовать. Но цесаревна не сделала тогда ни малейшего шага в свою пользу, и Анна Ивановна воцарилась. Эта государыня не терпела Елисаветы; Елисавета это знала и первые годы царствования Анны Ивановны продолжала удаляться от двора и проживала в своей подмосковной. Только по воле императрицы она должна была переселиться в Петербург, где у нее было два дворца – один летний загородный, близ Смольного, другой зимний, в середине



города<sup>82</sup>. Она должна была являться на балы и куртаги императрицы, и там блистала она, как необыкновенная красавица. Когда китайскому послу, первый раз прибывшему во дворец, сделали вопрос – кого он находит прелестнее всех женщин, он прямо указал на Елисавету. По описанию видевшей ее часто жены английского посланника, леди Рондо, у нее были превосходные каштановые волосы, выразительные голубые глаза, здоровые зубы, очаровательные уста. Говорили, правда, что ее воспитание отзывалось небрежением, но, тем не менее, она обладала наружными признаками хорошего воспитания: она превосходно говорила по-французски, знала также итальянский язык и немного по-немецки, изящно танцевала, всегда была весела, жива и занимательна в разговорах. Как в своем отрочестве, так и в зрелом возрасте, она, при первом своем появлении, поражала всех красотой, особенно когда одета была в цветной «робе» с накрахмаленным газовым чехлом, усеянным вышитыми серебром цветами. Ее роскошные волосы не обезображивались пудрой по тогдашней моде, а распускались по плечам локонами, перевитыми цветами. Когда императрица угощала у себя пленных французов, которые были привезены из Гданьска, Елисавета Петровна очаровала их всех своею любезностью, непринужденною веселостью и знанием французского языка. Решительно неподражаема была цесаревна в русской пляске, когда, в веселые часы, забавлялась императрица со своими шутами и шутихами в отечественном пошибе. Императрица всегда обращалась с цесаревною вежливо и любезно, но от Елисаветы не укрывалось, что Анна Ивановна не терпит ее, как своего тайного врага. Приближенные Елисаветы, в особенности ее лейб-хирург Лесток, постоянно твердили о ее правах на престол, и хотя она уклонялась от всяких заявлений со своей стороны в этом роде, но ею невольно должна была усваиваться мысль, что Анна Ивановна царствует неправильно, и корону следовало бы возложить на голову дочери Петра I-го. Притом обращение с нею императрицы Анны стало отзываться высокомерием, так что Елисавета уже неохотно являлась во дворец ее, и когда хотела туда ехать, то прежде посылала справиться, пожелают ли

принять ее. Когда у императрицыной племянницы, Анны Леопольдовны, родился сын, принц Иван Антонович, еще прежде своего рождения предназначенный быть наследником престола, с Елисаветой случилось событие, которое должно было утвердить ее в мысли, что русские люди ее любят более своего правительства. Елисавета, по обычаю, должна была сделать подарок родильнице. Она послала своих придворных в гостиный двор купить вазу для этого подарка. Купцы, узнавши, что ваза покупается для цесаревны, не взяли денег и предложили от себя ей в подарок требуемую вазу: Елисавету считали руководительницей русской национальной партии и полагали на нее надежду возрождения Руси<sup>83</sup>.

В последнее время царствования Анны Ивановны наступило для России сближение с Францией. Долгое время эти державы находились в неприязненных друг к другу отношениях. Но после того, как французский посланник в Турции, Вильнёв, принял на себя посредство заключения мира Турции с Австрией и Россией, императрица Анна Ивановна возобновила дипломатические сношения с Францией и отправила в Париж посланником князя Кантемира, а Франция назначила своим посланником в Петербург маркиза де ля Шетарди. Это был тип французского аристократа XVIII века, как бы самой природой созданный быть посланником в России. Врожденная французам любезность в обращении была в нем развита воспитанием и, с детских лет, салонами высших кругов; остроумный, щедрый до расточительности, всегда изящно одетый, напудренный – куда только он ни являлся, везде оставлял по себе самое приятное впечатление. Он особенно годился для тогдашнего высшего русского общества, которое легкомысленно увлекалось наружностью и способно было сразу принять ее за внутреннее содержание. Он был отправлен не столько официальным послом, сколько агентом и наблюдателем; во Францию доходили слухи, что в России существует национальная партия, недовольная управлением Россией в руках немцев; де ля Шетарди должен был узнать о ней в точности, сблизиться с ее главными вожаками и настраивать их к произведению переворота, который бы свергнул немецкое господство и

установил другое, благоприятное для Франции. Де ля Шетарди в январе 1740 года в первый раз представился императрице Анне Ивановне, а затем цесаревне. При свидании с последнею, оба произвели друг на друга приятное впечатление. Французский посланник открыл у себя в отеле самое широкое гостеприимство. Но немцы, везде не любившие французов, как чуждую и по характеру противоположную им расу, старались внушить недоверие русским сановникам; те, зная, что при царском дворе недолюбливают вообще французов, держали себя осторожно по отношению к де ля Шетарди, и немало труда и терпения стоило ловкому дипломату победить такую к себе недоверчивость. Он успел, однако, настолько, что в последние месяцы своего царствования уже сама Анна Ивановна лично склонялась на сторону Франции.

Но умерла Анна Ивановна, с которою, в день смерти ее, Елисавета прощалась как сестра. Наступило короткое время регентства Бирона. Регент назначил принцессе Елисавете на содержание по пятидесяти тысяч в год. Он часто к ней ездил и беседовал с нею. Однажды, в присутствии других, Бирон произнес, что если принцесса Анна Леопольдовна сделает какую-нибудь попытку к перевороту правления – он вышлет ее вон из России вместе с мужем и сыном и пригласит голштинского принца, внука Петра Великого. Толковали тогда, будто у Бирона в голове вертелась иная мысль – женить сына своего Петра на Елисавете и доставить ей престол.

Но Бирон был низвергнут; правление перешло в руки Анны Леопольдовны и ее супруга, и не перестало по-прежнему быть немецким. Гвардейцы не любили принца Антона; офицеры кричали: «Когда низвержен был Бирон, мы думали – немецкому господству приходит конец, а оно и до сих пор продолжается, хотя с другими особами». Составлялись и расходились соблазнительные анекдоты о правительнице насчет ее дружбы с саксонским посланником Линаром; рассказывались также анекдоты о высокомерном обращении немцев-начальников с подчиненными-русскими, сожалели об унижении России, вспоминали с сочувствием времена Петра Великого и обращались сердцем к дочери его, лаская свое воображение

надеждою, что с ее воцарением настанут иные, лучшие времена. И войско, и народ забывали на время тягости Петрова царствования и любили дочь сурового, но умного царя; а Елисавета вела себя так, чтобы заставить любить себя и надеяться от нее всякого добра. Она не пряталась в глубину царских палат, как Анна Леопольдовна; она то и дело каталась по городу в санях и верхом и повсюду встречала знаки восторженной, непритворной любви к себе. В ее дворце был открыт доступ не только гвардейским офицерам, но и рядовым; она сама ездила в казармы, воспринимала у солдат детей при крещении, при этом щедро их обдаривала, хотя такая щедрость была для нее нелегким делом, и она входила в долги. Лесток продолжал трубить ей в уши свою одну и ту же многолетнюю песню, что следует ей заявить свое право на наследственный престол. Этот ревностный сторонник цесаревны явился в дом французского посольства, выпросил свидание с де ля Шетарди, открыл ему, что гвардия и народ расположены к цесаревне и есть возможность возвести ее на престол, а браун-швейгскую династию со всеми преданными ей немцами прогнать; цесаревна, ставши императрицей, войдет в союз с Францией и всегда будет готова к услугам этой державы, тем более что она сохранила сердечное воспоминание о том детском времени, когда родители готовили ее быть супругою французского короля; хотя она никогда не видала в глаза Людовика XV, но тяготеет к нему душою, как к давнему другу юности. Узнавши об этом от Лестока, де ля Шетарди сообразил, что для него теперь сам собою открывается путь осуществить переворот, о котором ему сделан был намек в инструкции в общих, неопределенных чертах. Надобно во что бы то ни стало посадить Елисавету на престол, и тогда легко можно будет французскому королю заключить с нею дружеский союз, и, таким образом, оторвать Россию от политического союза с прирожденным врагом Франции -Австриею и образовать новый союз Франции с Россиею, Пруссиею и Швециею против ненавистного Габсбургского дома.

Не смея идти далее в своих замыслах без указания свыше, де ля Шетарди говорил, что посланник без инструкции походит

на незаведенные часы. Он отнесся к своему министру иностранных дел, сообщил о слышанном от Лестока и о подмеченном им самим в России и просил более точных указаний своему делу. В ответ на свое представление он получил поручение уверить принцессу Елисавету в готовности французского короля помочь ей. Тогда Франция задумала втянуть Швецию в предприятие в пользу Елисаветы. Швеция была уже накануне разрыва с Россией, управляемая брауншвейгской династией. В России образовалась партия, желавшая низвергнуть брауншвейгскую династию и возвести на престол Елисавету Петровну; поэтому не было ничего естественнее, как Швеции объявить войну с целью доставить престол Елисавете Петровне, а Елисавета Петровна должна будет за то уступить Швеции часть земель, завоеванных отцом ее. Такой проект, от имени Франции, тогда был представлен цесаревне, но она отвергла его: «Лучше, – сказала она, – я не буду никогда царствовать, чем куплю корону такой ценой». Услышав такую речь, французский посланник не настаивал более, оставляя времени и обстоятельствам содействовать разрешению этого вопроса.

Вскоре после того де ля Шетарди получил от своего правительства две тысячи червонцев (22423 франка), при посредстве дяди, служившего при французском посольстве в Петербурге, некоего Маня (Magne). Из этой суммы Лесток выдал двум немцам, Грюнштейну и Шварцу, часть для раздачи гвардейским солдатам от имени цесаревны<sup>84</sup>. Первый из них служил солдатом в гренадерской роте Преображенского полка, второй был прежде придворным музыкантом, а теперь занимал какую-то должность в Академии наук за небольшое жалованье. Они сразу набрали тридцать Преображенских гренадеров, готовых хоть в огонь, хоть в воду «за матушку цесаревну Елисавету Петровну». Обо всем этом сообщил Лесток французскому посланнику при свиданиях, устраиваемых в роще, соседней с дачею, на каком-то из петербургских островов, где посланник нанимал себе летнее помещение.

Слух об этих затеях преждевременно дошел, однако, до Зимнего дворца. Польско-саксонский посланник Линар, которого

тогда правительница собиралась женить на своей любимице Юлиании фон Менгден, советовал правительнице не церемониться с Елисаветой, арестовать и заточить в монастырь. «Никакой пользы из этого не произойдет, – сказала Анна Леопольдовна, – разве не останется чертенок, который нам не будет давать покоя?» Она разумела принца голштинского, сына Анны Петровны, старшей дочери Петра Первого. Тогда Линар советовал арестовать и выслать из России французского посланника, который заводит все пружины против брауншвейгского дома. И на это не согласилась Анна Леопольдовна. Кто-то из прислуги подслушал этот разговор, его передали Елисавете Петровне, а Елисавета Петровна, разумеется, предупредила маркиза де ля Шетарди. Тогда французский посланник вооружил всю свою посольскую прислугу, пожег бумаги, какие могли повредить ему при обыске, и готовился выдерживать ночное нападение. Никто, однако, к нему не являлся. Утром он был у Елисаветы, от нее поехал в Зимний дворец, весь вечер там веселился, любезничал, шутил и уехал на новое ночное свидание с Лестоком и Воронцовым.

Лесток, мало сдержанный на язык, где-то проболтался и высказал ожидание, что скоро цесаревна сделается императрицей. Весть об этом дошла до Остермана. Остерман поехал объясняться с правительницею; но Анна Леопольдовна, желая устранить толки о грядущих опасностях, сказала: «Все это сплетни, мне давно уже известные». Тотчас она стала показывать Остерману платица, сшитые для малолетнего императора.

Не более внимания у правительницы имели представления от супруга ее, который советовал арестовать Лестока и заметил при этом, что гвардейские офицеры смотрят на него, принца, как-то исподлобья, а между тем оказывают уважение и любовь к Елисавете, и солдаты величают ее «матушкой». И на эти предостережения Анна Леопольдовна махнула рукой. Тогда последовало еще одно предостережение. Граф Левенвольд, собираясь ужинать, получил от кого-то сведения о замыслах цесаревны и ее приверженцев, записал полученные сведения на бумаге и, хотя было уже поздно, поспешил в Зимний дворец.

Правительница уже легла спать. Левенвольд передал записку ее камер-юнгфере и поручил довести ее до сведения правительницы. Камер-юнгфера вошла в спальню со свечою и подала записку. Полусонная Анна Леопольдовна пробежала ее и произнесла: «Спросите графа Левенвольда, не сошел ли он с ума?» Левенвольд воротился домой в отчаянии, а наутро поехал к правительнице и стал уговаривать не пренебрегать грозящею опасностью. «Все это пустые сплетни,— сказала правительница, — мне самой лучше, чем кому-нибудь другому, известно, что цесаревны бояться нам нечего»<sup>85</sup>.

В самом деле, между правительницею и цесаревною господствовало полное согласие и нежнейшая родственная дружба. В день рождения цесаревны, в декабре 1740 года, правительница послала ей в подарок дорогой браслет, а от лица малолетнего императора — осыпанную камнями золотую табакерку с гербом, и тогда же, к довершению внимания к делам цесаревны, указано было из соляной конторы выдать сорок тысяч рублей на уплату долгов цесаревны. Когда у правительницы родилась дочь, восприемницею ее при св. крещении была цесаревна, вместе с герцогом мекленбургским, отцом правительницы, которого особу, за отсутствием, представлял при совершении обряда князь Алексей Михайлович Черкасский.

Между тем, открылись в Финляндии военные действия между русскими и шведами. Вначале выгоды были на русской стороне: фельдмаршал Ласси одержал над шведами победу и овладел крепостью Вильманстрандом. Но де ля Шетарди, услышав об этом, послал курьера к шведскому главнокомандующему, Левенгаупту, с проектом манифеста в таком смысле, что Швеция предприняла войну с целью освободить Россию от господства ненавистных для нее немцев и доставить престол дочери Петра Первого. Левенгаупт издал такой манифест. Правительница читала его — и все-таки придавала более веры наружному дружелюбию Елисаветы, чем явно угрожающим ей обстоятельствам. Этого мало. Граф Головкин уговорил правительницу на смелый и опасный шаг — объявить себя императрицей. Анна Леопольдовна

легкомысленно приняла этот совет и стала готовиться к торжеству, которое было назначено на день именин правительницы, 9-го декабря. Но и сама Елисавета не слишком торопилась в своем предприятии и отложила его до 6-го января будущего 1742 года. Тогда предполагала она явиться перед гвардейцами во время крещенского парада на льду Невы-реки и там заявит свои права.

Французский посланник, узнавши о таком колебании и откладываниях, понял, что если люди, затеяв что-нибудь важное, начнут откладывать свое предприятие на дальние сроки, то могут, охладев к своему предприятию, покинуть его вовсе. Де ля Шетарди спешил объясниться с цесаревной. Он приехал к ней во дворец в то время, когда она воротилась с прогулки в санях. Это было 22-го ноября.

– Я, – сказал французский посланник, – приехал вас предупредить об опасности. Я узнал из верного источника, что вас хотят упрятать в монастырь. Пока это намерение отложили, но ненадолго. Теперь же наступает пора действовать нам решительно. Положим, что успеха не будет вашему предприятию. Вы, в таком случае, рискуете подвергнуться ранее той участи, какая неизбежно вас постигнет месяцем или двумя позже. Разница в том, что если вы теперь ни на что не решитесь, то лишите смелости друзей ваших на будущее время, а если теперь покажете со своей стороны решимость, то сохраните к себе расположение друзей, и, в случае первой неудачи, они отомстят за нее и могут поправить дело.

– Если так, – произнесла Елисавета Петровна, – если уж ничего не остается, как приступить к крайним и последним мерам, то я покажу всему свету, что я – дочь Петра Великого.



## II. Достижение престола

*Вечернее свидание цесаревны с Анной Леопольдовной. – Предостережение принца Антона-Ульриха. – Лесток в трактире. – Осмотр окон в Зимнем дворце и в палатах вельмож. – Сборы приверженцев Елисаветы в ее дворце. – Поезд к Спасским казармам. – Шествие к Зимнему дворцу. – Арестование брауншвейгской фамилии. – Арестование вельмож. – Признание Елисаветы императрицей. – Милости новой государыни. – Суд и расправа над Остерманом, Минихом и другими приверженцами брауншвейгской династии.*

23-го ноября цесаревна отправилась в Зимний дворец в гости к правительнице. Был куртаг. Вечером гости уселись за карточные столы; цесаревна тоже стала играть в карты. Вдруг Анна Леопольдовна вызвала Елисавету Петровну из-за карточного стола, пригласила в другую комнату, сказала, что получила из Бреславля письмо: ее предостерегают, извещая, что цесаревна со своим лейб-хирургом Лестоком, при содействии французского посланника, замышляет произвести переворот; ей советуют немедленно арестовать Лесток. Цесаревна показывает вид изумления, уверяет, что ей в голову не приходило ничего подобного, что она ни за что не нарушит клятвы в верности, данной малолетнему императору, что Лесток ни разу не бывал у французского посланника, что, если угодно, могут его арестовать, и через то уяснится только ее невинность. Цесаревна расплакалась, бросилась к правительнице в объятия; Анна Леопольдовна, по своему добродушию, расплакалась сама и рассталась с цесаревною при взаимных уверениях любви и преданности<sup>86</sup>.

Утром 24-го ноября, в 10 часов, явился Лесток к Елисавете Петровне и застал ее за туалетом. Он показал ей два сделанных им карандашом рисунка; на одном представлена была цесаревна с короною на голове, на другом – та же цесаревна в монашеской рясе, а кругом нее – орудия казни. «Желаете ли, – спросил он, – быть на престоле самодержавною

императрицею, или сидеть в монашеской келье, а друзей и приверженцев ваших видеть на плахах?»

В Зимнем дворце принц Антон-Ульрих возобновил, в последний раз, свои предостережения супруге и просил ее приказать расставить во дворце и около дворца усиленные караулы, а по городу разослать патрули, одним словом, принять меры насчет опасных замыслов Елисаветы. «Опасности нет,- отвечала Анна Леопольдовна, – Елисавета ни в чем не винна; на нее напрасно наговаривают, лишь бы со мною поссорить. Я вчера с нею говорила; она поклялась мне, что ничего не замышляет, и когда уверяла меня в этом, то даже плакала. Я вижу ясно, что она не виновна против нас ни в чем».

В тот же день, вечером, Лесток собрал своих единомышленников на сходку, назначив трактир савояра Берлина, находившийся неподалеку от дворца цесаревны, а между тем дал приказание въехать во двор ее дворца двум саням. В трактире Лесток встретил какого-то подозрительного человека, зазвал его играть на бильярде, чтобы занять время, пока соберутся его единомышленники. Когда один из последних вошел, Лесток переглянулся с ним, оставил своего партнера и вышел из трактира с пришедшим; кажется, то был де Вальденкур, секретарь маркиза де ля Шетарди, передававший Лестоку червонцы для раздачи гвардейцам<sup>87</sup>. На улице встретили они еще двоих господ своего кружка, и Лесток отправил одного к дому Остермана, другого к дому Миниха – осмотреть, что там делается, а сам пошел к Зимнему дворцу, осмотрел с улицы окна, где, по его соображениям, должны были находиться опочивальни правительницы и принца, нашел, что везде уже темно, встретил на площади возвращавшихся из домов Остермана и Миниха, и узнал от них, что в этих домах также все темно, и все там спят покойно.

Тогда Лесток отправился к цесаревне – объявить, что никто в городе не предвидит настоящей тревоги и пришло время действовать. Елисавета не ложилась. Было два часа ночи. Она молилась на коленях перед образом Богоматери, прося благословения своему предприятию, и тут-то, как говорят, дала обет уничтожить смертную казнь в России, если достигнет

престола. В ее дворце собрались уже все главные приверженцы и знать: любимец Разумовский, камер-юнкеры Шуваловы – Петр, Александр и Иван, камергер Михайло Иларионович Воронцов, принц гессен-гамбургский с женою, Василий Федорович Салтыков, дядя покойной Анны Ивановны и тем самым близкий к ее роду, но в числе первых перешедший на сторону Елисаветы. Были здесь и другие особы, знавшие о заговоре, и в том числе родственники Елисаветы, попавшие из крестьян в графы – Скавронские, Ефимовские, Гендриковы. Лесток, явившись к цесаревне, заметил, что она как-то опускается духом, стал ободрять ее и подал ей орден Св. Екатерины и серебряный крест; она возложила на себя то и другое и вышла из дворца. У подъезда стояли приготовленные для нее сани. Елисавета Петровна села в сани; с нею поместился Лесток; на запятках стали Воронцов и Шуваловы. В других санях поместились Алексей Разумовский и Василий Федорович Салтыков; три гренадера Преображенского полка стали у них на запятках. Сани пустились по пустынным улицам Петербурга к съезжей Преображенского полка, где ныне церковь Спаса Преображения. Там были казармы, которые строились не так, как теперь: тогда это были деревянные домики, исключительно назначенные для помещения рядовых; офицеры жили не в казармах, а в обывательских домах, по квартирам.

Когда сани подкатили к съезжей, стоявший там на карауле солдат ударил в барабан тревогу, увидя неизвестных приезжих; но Лесток соскочил с саней и распорол кинжалом кожу на барабане. Тридцать гренадеров, знавших заранее о заговоре, бросились в казармы скликать товарищей именем Елисаветы. На этот зов многие бежали к съезжей избе, сами не зная, в чем дело. Елисавета, выступив к ним из саней, произнесла:

– Знаете ли, чья дочь я? Меня хотят выдать насильно замуж или постричь в монастырь! Хотите ли идти за мною?

Солдаты закричали:

– Готовы, матушка! всех их перебьем!

Елисавета произнесла:

– Если вы так намерены поступать, то я с вами и не иду!

Это охолодило порыв солдат. Елисавета подняла крест и произнесла:

– Клянусь умирать за вас, и вы присягните за меня умирать, но не проливать напрасно крови.

– На том присягаем! – завопили солдаты.

Арестовали дежурного офицера, иностранца Гревса. Все солдаты подходили к Елисавете Петровне и целовали крест, который она держала в руке; наконец она произнесла:

– Так пойдете же!

Все двинулись за ней в числе трехсот шестидесяти человек через Невский проспект на Зимний дворец. Лесток отделил четыре отряда, каждый в 25 человек, и приказал арестовать Миниха, Остермана, Левенвольда и Головкина. Шествие тянулось через Невский проспект, а в конце этой улицы, уже у Адмиралтейской площади, Елисавета почему-то вышла из саней и решила остальную дорогу до Зимнего дворца пройти пешком, но не поспела за гренадерами. Тогда ее взяли на руки и донесли до Зимнего дворца<sup>88</sup>.

Прибывши ко дворцу, Елисавета неожиданно вошла в караульню и сказала:

– И я, и вы все много натерпелись от немцев, и народ наш много терпит от них; освободимся от наших мучителей! Послужите мне, как служили отцу моему!

– Матушка! – закричали караульные, – что велишь – все сделаем!

По одним известиям<sup>89</sup>, Елисавета вошла во внутренние покои дворца, прямо в спальню правительницы, и громко сказала ей:

– Сестрица! пора вставать!

По другим известиям, цесаревна не входила сама к правительнице, а послала гренадеров: те разбудили правительницу и ее супруга, потом вошли в комнату малолетнего императора. Он спал в колыбельке. Гренадеры остановились перед ним, потому что цесаревна не приказала его будить прежде, чем он сам не проснется. Но ребенок скоро проснулся; кормилица понесла его в караульню. Елисавета Петровна взяла младенца на руки, ласкала и говорила: «Бедное

дитя! ты ни в чем не винно; виноваты родители твои!» И она понесла его к саням. В одни сани села цесаревна с ребенком; в другие сани посадили правительницу и ее супруга. Антон-Ульрих, несколько времени после того как его разбудили, был как ошеломленный, а потом стал приходить в себя и начал выговаривать супруге – зачем не слушала его предостережений.

Елисавета возвращалась в свой дворец Невским проспектом. Народ толпами бежал за новой государыней и кричал «ура». Ребенок, которого Елисавета Петровна держала на руках, услышав веселые крики, развеселился сам, подпрыгивал на руках у Елисаветы и махал ручонками. «Бедняжка! – сказала государыня, – ты не знаешь, зачем это кричит народ: он радуется, что ты лишился короны!»<sup>90</sup>.

В то же время арестовали в своих домах и помещениях: Остермана, фельдмаршала Миниха, его сына, Левенвольда, Головкина, Менгдена, Темирязева, Стрешневых, принца Людвига брауншвейгского – брата Антона (которого прочили в мужья цесаревне), камергера Лопухина, генерал-майора Альбрехта и еще некоторых других<sup>91</sup>. Остерман потерпел от арестовавших его солдат оскорбления за то, что стал было обороняться и позволил себе неуважительно отозваться о цесаревне Елисавете. Говорили также, что с Минихом обошлись грубо, а также с Менгденом и его женою. Всех их привезли во дворец Елисаветы Петровны, а в 7 часов утра отправили в крепость. Людвига брауншвейгского не сажали в крепость, предположивши заранее выслать его за границу.

Тотчас по возвращении Елисаветы Петровны к себе во дворец, Воронцов и Лесток распорядились собрать знатнейших военных и гражданских чинов, и с рассветом стала являться тогдашняя знать на поклонение восходящему светилу; показались – генерал-прокурор князь Трубецкой, адмирал Головин, князь Алексей Михайлович Черкасский, кабинет-секретарь Бреверн, Алексей Петрович Бестужев, начальник тайной канцелярии Ушаков... О фельдмаршале Ласси сохранилось такое известие: на рассвете разбудил его посланный от цесаревны и спрашивал: «К какой партии вы принадлежите?» – «К ныне царствующей», – был ответ. Такой

благоразумный ответ избавил его от всяких преследований, и он тотчас отправился к новой императрице. Он поступил, как прилично было поступить иностранцу в чужой земле. Другой иностранец, генерал принц гессен-гамбургский, как уже выше было сказано, примкнувший к заговорщикам заранее, до такой степени приобрел доверие новой императрицы, что она поручила ему заведовать военными силами столицы и охранять в ней порядок. Не так поступил тогда Петр Семенович Салтыков, бывший дежурным генерал-адъютантом в ночь переворота. Он знал о замыслах Елисаветы, но не был уверен в успехе и потому не пристал открыто, а сохранил видимую верность правительнице. Его арестовали и доставили во дворец Елисаветы: он упал пред нею на колени. Его родственник, Василий Федорович, уже прежде заявивший свою верность новой государыне и сидевший в санях с Разумовским во время похода к Зимнему дворцу, сказал ему: «Вот ты теперь на коленях, а вчера глядеть бы не захотел на нас и всякое зло готов был нам сделать». Елисавета Петровна приказала замолчать Василию Федоровичу; она не намерена была делать попреков за медленность тем, которые, хотя не так рано, как другие, покорились ей. Тогда граф Бестужев занялся составлением манифеста от имени государыни и присяжного листа. Сенат, синод, генералитет в полном составе собрались во дворце цесаревны и принесли по этому листу присягу на верность. Новая государыня, надев на себя андреевский орден, вышла на балкон. Внизу, перед дворцом, толпился народ, горели костры, возле которых грелись люди. Тут Елисавета Петровна приняла присягу от конногвардейцев и других гвардейских полков. Воротившись в свои внутренние покои, государыня принимала приехавших к ней с поздравлением знатных дам и на принцессу гессен-гамбургскую собственноручно возложила орден Св. Екатерины.

В начале третьего часа пополудни Елисавета Петровна села в сани и поехала в Зимний дворец. Кругом ее саней бежали, как и прежде, толпы народа с радостными восклицаниями. В придворной церкви дворца отправлено было благодарственное молебствие при пушечных выстрелах, а потом прочитан был,

составленный наскоро Бестужевым, манифест, отпечатанный на шести листах довольно серой бумаги. Это был, так сказать, манифест предварительный, за которым должен был последовать другой, полнейший. В нем от имени новой императрицы объявлялось во всеобщее сведение, что «все духовные и мирские чины, верные подданные, особливо лейб-гвардии полки, для пресечения всех происходивших и вперед спасаемых беспокойств и беспорядков, просили нас, дабы мы, яко по крови ближняя, отеческий престол восприять изволили».

Тогда гренадеры Преображенского полка просили императрицу принять на свою особу сан капитана их роты. Елисавета Петровна не только соизволила на это, но даровала дворянское достоинство всем состоящим в ее роте и вдобавок обещала наделить всех их населенными имениями. Вся эта рота, состоявшая тогда в числе трехсот шестидесяти человек, наименована лейб-компаниею.

Сенат сделал распоряжение о приводе к присяге всех чинов людей во всей империи и о переделке во всех присутственных местах печатей. По всем городам империи приказано было в церквах, с утра до вечера, приводить к присяге народ всех сословий, кроме пашенных крестьян. Над совершением обряда присяги посланы были наблюдать штаб и обер-офицеры гвардии; им вменялось в особенную обязанность смотреть, чтобы духовного чина люди непременно были приведены к присяге, а о неприсягнувших, какого бы они звания ни были, приказано было доносить.

Тогда последовали разные награды. На одних были возложены ордена, иные были повышены в чинах. Вызваны были на свободу пред новую государыню опальные прежнего царствования Анны Ивановны, князя Долгорукие – фельдмаршалы Василий и Михайло Владимировичи; томившиеся долго в шлиссельбургских казематах, потом отправленные в Соловки, они привезены были в Петербург еще по повелению Анны Леопольдовны, а явившись к Елисавете, по ее воцарении, получили прежние ордена и почести. Тогда повелела императрица возвратить из ссылки и восстановить в их правах князей Долгоруких: Николая, лишенного языка,

Алексея и Александра, сосланных в Камчатку и Березов; кроме того, приглашены были ко двору: бывшая невеста Петра II-го княжна Екатерина Долгорукая и Наталья Борисовна, вдова казненного Ивана Алексеевича князя Долгорукого. Первая выдана была за генерала Брюса; последняя отеклась от чести быть при дворе и воспользовалась освобождением только для того, чтобы удалиться в Киев и поступить там в монастырь. Императрица освободила из заточения несчастного киевского митрополита Ванатовича, томившегося десять лет в Кирилло-Белозерском монастыре за то, что, по незнанию, не отслужил молебствия в годовщину вступления на престол Анны Ивановны. Тогда же освободили Скорнякова-Писарева, графа Девиера, сосланных в Охотск Меншиковым в 1727 году; Девиер снова сделан был генерал-полицеймейстером. Возвращены были также Сиверс и Флэк, сосланные в Сибирь за то, что не пили за здоровье Анны Ивановны, не получивши верного сведения о ее вступлении на престол; возвратили свободу также и Соймонову, бывшему обер-прокурору сената, пострадавшему по делу Волынского и сосланному в Охотск. Не без труда нашли одного опального времен Анны Ивановны – человека очень близкого новой императрице. То был Алексей Яковлевич Шубин, сержант гвардии, цальмейстер Елисаветы Петровны в те годы, когда она была цесаревной. При дворе Анны Ивановны стали говорить, будто он был любимцем цесаревны, и Анна Ивановна приказала сослать его в Сибирь. По кончине Анны Ивановны, Елисавета, будучи еще цесаревной, стала стараться о его освобождении, и по ее настоянию последовало о том два указа – один от курляндского герцога, в короткое время его регентства, другой – от правительницы. Но долго не могли отыскать, где Шубин находился; наконец, по приказу, подписанному Минихом, его нашли где-то в Камчатке. Надобно было промерять 15 000 верст, пока Шубин успел бы воспользоваться своим освобождением и прибыть в столицу. Но тогда уже совершился переворот: императрицею стала Елисавета. Он был принят приветливо, назначен майором гвардейского Семеновского полка и генерал-майором по армии. Лесток был очень недоволен появлением этого человека при



дворе, потому что Лесток не был безгрешен по отношению к Шубину в ту пору, когда Анна Ивановна наводила справки о Шубине с намерением отправить его в ссылку. Но теперь Елисавета не могла относиться к Шубину, как прежде. Притом и Шубин был уже не прежний: он одичал за несколько лет житья в камчатской пустыне, хотя и сохранил еще следы прежней красоты. Украшенный орденом Александра Невского, награжденный пожалованными ему имениями в Нижегородской губернии, он уехал туда на покой, уразумевши, что ему нечего больше ждать при царском дворе<sup>92</sup>. В конце 1741 года послано предписание возвратить из ссылки герцога курляндского Бирона; императрица назначила ему жить, вместо Пелыма, в Ярославле, определив ему содержание в 8000 рублей в год; было приказано возвратить ему право на владение имениями в Силезии, отобранными у него во время ссылки и отданными Миниху. Братья герцога курляндского, Густав и Карл, сначала помещены были с ним вместе на житье, но вскоре потом Густав получил дозволение вступить на службу, а Карл – жить в своих имениях в Курляндии.

Сыпались милости на изгнанников и опальных прежних царствований, но на смену им последовало осуждение других опальных, бывших сторонников и деятелей царствования Анны Ивановны. Брауншвейгской фамилии -Антону-Ульриху, супруге его, Анне Леопольдовне, и детям их, в числе которых находился и бывший малолетний император Иван Антонович, обещана была полная свобода и отпуск за границу. Так, по крайней мере, было объявлено в царском манифесте 28 ноября. В этом манифесте слагались все вины – как на главного козла отпущения – на Остермана: он сочинил определение о престолонаследии и поднес подписать императрице Анне Ивановне, бывшей уже в крайней слабости; он, вместе с Минихом, Головкиным и другими, побудил мекленбургскую принцессу взять незаконно в свои руки правительство, и ей внушаемо было намерение, при жизни сына своего, сделаться императрицею всероссийскою. Императрица Елисавета, «не хотя причинять принцессе и ее семейству никаких огорчений, по своей природной милости, с надлежащею им честью, предав

все их предосудительные поступки крайнему забвению – всех их в их отечество отправить всемилостивейше повелела». Провожать отъезжающих до границы должен был Василий Федорович Салтыков. Ему секретно приказано ехать медленно, и он привез брауншвейгских принцев только 9 марта в Ригу. Здесь неожиданно получено было новое распоряжение: открылось сведение, что принцесса Анна Леопольдовна, будучи правительницею, хотела заключить в монастырь принцессу Елисавету – и за это велено было задержать их за караулом. Затем из Риги прислали донесение императрице, будто принцесса Анна Леопольдовна собиралась из Риги убежать в крестьянском платье; тогда императрица послала приказание всех их посадить в крепость и никуда не выпускать оттуда.

После того опала постигла Остермана, Миниха, Левенвольда, Головкина, Менгдена и второстепенных лиц, арестованных в одно время с первыми. Остерман, арестованный в своем доме у Исаакиевского собора, по отвозе в крепость, был помещен там очень дурно: бедный хилый старик, постоянно страдавший болью в ногах, заболел еще чем-то вроде горячки. Императрица, как бы сжалившись над ним, приказала перевезти его в Зимний дворец и содержать там под строжайшим караулом. Над ними над всеми учреждена была следственная комиссия под председательством князя Никиты Трубецкого. Остермана обвинили в целом ряде преступлений. Важнейшими из них были: зачем, по кончине Петра Второго, содействовал вступлению на престол герцогини курляндской Анны Ивановны, а не цесаревны Елисаветы Петровны; зачем был главным виновником казни Долгоруких в Новгороде; зачем подал проект учинить правительницею государства герцогиню мекленбургскую, а нынешнюю императрицу предлагал засадить в монастырь и устранить от наследства молодого герцога голштинского. Остерман на все это отвечал только одно, что он был связан долгом и присягою соблюдать интересы существовавшего правительства и предпочитать их всему на свете. Князь Трубецкой обвинял Миниха и, между прочим, ставил ему в вину большую трату людей во время веденных им войн; Миних приводил в свое оправдание свои донесения,

сохранившиеся в военной коллегии, и укорял себя только в том, что не повесил за казнокрадство Трубецкого, бывшего во время турецкой войны главным кригс-комиссаром и уличенного в похищении казенного достояния. Императрица Елисавета присутствовала на допросе, сидя за ширмами, и, услышавши слова Миниха, приказала тотчас отвести его в крепость и прекратить заседание.

Остермана и Миниха присудили к жестокой каре: Остермана – колесовать, Миниха – четвертовать; прочих осудили на вечное заточение в разных местах Сибири. Когда Остерману поднесли обвинительный акт, он сказал: «Я ничего не стану представлять в свое оправдание. Несправедливо было бы требовать изменения приговора над собою: повинуюсь воле государыни».

В день, назначенный для исполнения приговора, 18 января 1742 года, на Васильевском острове, близ здания двенадцати коллегий (где ныне университет), устроен был эшафот. Шесть тысяч солдат гвардии и армейский астраханский полк составили каре для удержания толпы. Привезли на крестьянских дровнях больного Остермана. Позади его шли пешком восемнадцать осужденных; при каждом из них – по солдату со штыком. Все они имели печальный вид; один Миних между ними шел бодро, щеголем, был выбрит, напудрен; на нем был серый кафтан, а сверху красный фельдмаршальский плащ, в котором его видели не раз в походах.

Четыре солдата внесли Остермана на эшафот и положили его наземь. Сенатский секретарь прочитал приговор; палачи подтащили осужденного к плахе, как вдруг тот же секретарь вынул из кармана другую бумагу и громко произнес: «Бог и великая государыня даруют тебе жизнь». Палач грубо оттолкнул Остермана ногой. Старик упал; солдаты снесли его с эшафота и посадили в извозничьи сани.

За Остерманом Миниха взвели на возвышение. Готовясь к смерти, он отдал провожавшему его унтер-офицеру кошелек с червонцами. Но и ему объявили пощаду, и он, вместе с прочими, возвращался с места казни в крепость так же спокойно и беззаботно, как шел на казнь.

Остермана сослали в Березов – место заточения Меншикова. Он прожил до 1747 года. Его сыновья, Федор и Иван, бывшие при отце подполковниками гвардии, были удалены Елисаветой капитанами в армию. Впоследствии, при Екатерине II, один был сенатором, другой получил должность канцлера. Дочь сосланного Остермана была выдана Елисаветой за подполковника Толстого, и их дети положили начало фамилии Остерманов-Толстых.

Левенвольда сослали в Соликамск, оттуда в 1752 году перевели в Ярославль, где он и умер. О нем сохранились противоречивые известия: по одним – он показал себя трусом, по другим – он переносил свое несчастье со стоическим терпением. Также и о нравственных качествах этой личности говорят различно. Дюк де Лириа называет его коварным и корыстолюбивым, Манштейн – человеком честным.

Михайло Головкин сослан в Германк (?) – так сказано в манифесте; но как такого места нет, то одни полагают, что это – Горынская слобода, Туринского уезда, в шестидесяти верстах от Пельма. По другому толкованию<sup>93</sup>, его сослали в Собачий Острог, Якутской области (ныне Среднеколымск). Менгдена увезли в место, которое у Галема и у Бюшинга названо Алим. Объясняют, что это должен быть Нижнеколымск. Там и умер Менгден; там умерли его жена и дочь, а сын был возвращен и явился в Петербург уже в царствование Екатерины II. О других осужденных известно, что Темирязева послали в Сибирь, без обозначения места, куда именно; бывшего секретаря кабинета, Яковлева, разжаловали в гарнизон, в писаря. Миниху судьба благоприятствовала более прочих. Протомившись двадцать лет в чрезвычайно тяжелом заточении, он, будучи уже глубоким стариком, с восшествием на престол преемника Елисаветы, был возвращен к прежнему почету и прожил несколько лет на свободе.

Кроме сосланных в Сибирь, были еще лица, потерпевшие вследствие близости с обвиненными. Так, капитан гвардии Остен-Сакен был разжалован рядовым в ревельский батальон и там, через тринадцать лет, умер без повышения на службе, – за то, что пользовался расположением Миниха. Иван Иванович

Неплюев, известный при Петре Великом своим посольством в Константинополе, во время случившегося переворота управлял Малороссиєю, и был вызван за то, что находился в дружественных отношениях с Остерманом. Князь Никита Юрьевич Трубецкой хотел было спровадить его в Сибирь, в ссылку, но Елисавета Петровна отправила его в Оренбургский край, где он потом сделан был правителем.

### III. Эпоха силы и влияния Лестока

*Приезд в Россию голштинского принца, будущего наследника престола. – Поездка государыни в Москву. – Коронование императрицы. – Пребывание двора в Москве. – Шведская война. – Вмешательство Дании. – Абовский мир. – Пребывание ангальт-цербстской принцессы с дочерью. – Лопухинское дело. – Лесток и Бестужев. – Высылка де ля Шетарди из России. – Высылка принцессы ангальт-цербстской.*

Тотчас по вступлении своем на престол, Елисавета пригласила из Голштинии молодого племянника, Карла-Ульриха, сына герцогини голштинской, царевны Анны Петровны. В день его приезда в Петербург на него возложили орден Св. Андрея Первозванного: императрица подарила ему дворец в Ораниенбауме и несколько богатых поместий в России. Преподавание закона Божия и приготовление к принятию православия поручено было отцу Симеону Тодоровскому; обучение русскому языку -Ивану Петровичу Веселовскому, исправлявшему при Петре I разные секретные поручения; а профессор академии Штелин назначен был преподавать принцу математику и историю. 15-го февраля нареченного наследника престола возили в академию, где Ломоносов поднес ему оду в 340 стихов, написанную по случаю дня его рождения.

Объявлено было во всенародное сведение, что в будущем апреле в Москве будет отправлено священное коронование государыни – и 23-го февраля императрица со всем двором выехала из Петербурга в Москву. Начальства городов и сел высылали рабочих людей на дорогу, по которой должна была следовать государыня, и эти рабочие расставляли по обеим сторонам пути елки, а в некоторых местах устраивали из них подобие проезжих ворот. На ночь зажигались смоляные бочки. В Новгороде, Валдае, Торжке, Твери и Клине расставляли по пути императрицы обывателей – по правую сторону мужского, по левую – женского пола. С приближением государыни, проезжавшей через эти города, они должны были падать ниц. В

таком торжественном шествии Елисавета доехала 26-го февраля до Всесвятского, а 28-го февраля был ее торжественный въезд в старую столицу прародителей; устроили пять триумфальных ворот: у Земляного города, на Тверской, на Мясницкой, в Китай-городе и на Яузе, у дворца императрицы. Государыня ехала в карете, запряженной восемью породистыми лошадьми; по бокам кареты следовали ее верные лейб-компанцы, и за ними - вереница камергеров, камер-юнкеров, слуг и гайдуков. За государыней вслед ехал наследник престола, за ним – придворный штат.

Приходилось до Кремля ехать посреди еще свежих следов пожара, нанесшего Москве страшное опустошение в 1737 году: еще много домов и церквей стояли без крыш. У кремлевской решетки встретил государыню преосвященный архиепископ Амвросий с духовенством; в приветственной речи он восхвалил Елисавету Петровну, как восстановительницу попорченного православного благочестия, и напомнил, что до ее вступления на престол «не токмо учителей, но и учение и книги их вязали, ковали и в темницы затворяли, и уже к тому приходило, что в своем православном государстве о вере своей и отворить уста было опасно». После обычного хождения высочайшей особы по церквам и поклонения кремлевской святыне государыня уехала в свой яузский дворец, где наступили балы, куртаги, маскарады, а по вечерам зажигались потешные огни.

Скоро за тем наступил Великий пост. Прекратились веселости. Запрещено было даже быстро ездить, и если у кого замечали слишком горячих лошадей, то их отбирали на царскую конюшню. Государыня проживала не в одном яузском дворце, но иногда в кремлевском, а иногда в своем селе Покровском. В продолжение великого поста она посещала то одну, то другую церковь. Праздник Пасхи встретила государыня в Покровском селе, в новой церкви, только что оконченной постройкою. 23-го апреля переехала императрица в кремлевский дворец, а 25-го совершилось коронование по общепринятому чину. Тогда последовало множество производств в чины, пожалований орденами, а родственники императрицы по матери – графским достоинством. При покойной государыне Анне Ивановне они

были в большом загоне: им запрещалось даже владеть именьями. Двоюродный брат Елисаветы, Скавронский, человек без малейшего воспитания, назначен ею в камергеры; двоюродная племянница государыни, Гендрикова, выдана была за Чоглокова, и этим браком сразу подняла фамилию мужа. Бутурлин, бывший еще при жизни Петра II-го любимцем Елисаветы, произведен в полные генералы и послан управлять Малороссиєю, хотя, кроме внешности, в нем никто не замечал никаких достоинств. 29-го апреля императрица поместилась в яузском дворце, и с того дня пошли там ежедневно парадные балы и маскарады. Гости являлись туда по билетам, и выдавалось каждый день по девятьсот входных билетов.

В Москве праздник Пасхи прошел спокойно и весело, но в Петербурге произошел беспорядок. Гвардейские солдаты за что-то повздорили на улице с армейскими; офицеры стали их разнимать, и один унтер-офицер из немцев толкнул гвардейца; тот начал скликать товарищей. Узнавши, что толкнувший гвардейца был немец, ожесточенные солдаты ворвались в дом, куда скрылся унтер-офицер, застали там собравшихся офицеров-немцев и ни за что избили их. Начальствовавший столицю, в отсутствие верховной власти, фельдмаршал Ласси усмирил волнение и послал донесение императрице; она дала приказание наказать своевольников, но очень слабо; от этого своеволие гвардейцев усилилось, и Ласси принужден был, для удержания порядка в Петербурге, расставить по городу пикеты из армейских солдат. Жители Петербурга несколько дней были в большом страхе – боялись отпирать свои дворы, а иные стали даже покидать свои дома и выбираться из Петербурга. К гвардейцам и особенно гренадерам Преображенского полка благоволила государыня, потому что им обязана была своим вступлением на престол; и когда Лесток стал было говорить императрице о крайней необходимости обуздать лейб-компанцев, Елисавета Петровна раздосадовалась даже на Лестока<sup>94</sup>. Скоро, однако, своевольство отозвалось злою выходкою, направленною против личности самой государыни. В июле 1742 г. камер-лакей Турчанинов, Преображенского полка прапорщик Ивашкин и Измайловского полка сержант Сновидов



составили заговор умертвить Елисавету Петровну, а с нею и наследника престола, голштинского принца, и возвести снова на престол Ивана Антоновича. Дело странное, тем более, что заговорщики были русские, а между тем в низвержении брауншвейгской династии русское национальное самолюбие играло главную роль. По делу, производившемуся над ними в декабре, оказалось, что они признавали Елисавету Петровну незаконнорожденною и, следовательно, неправильно овладевшею престолом. Их наказали кнутом с вырезанием ноздрей, а у Турчанинова, кроме ноздрей, отрезали еще и язык, и всех сослали в Сибирь<sup>95</sup>.

Весь 1742-й год императрица проживала в Москве, которая была ей ближе к сердцу, чем кому-либо из царствовавших особ, потому что там она провела лучшие годы своей молодости. Между тем в Финляндии велась война со шведами. В марте этого года, посылая туда свои войска, Елисавета Петровна обнародовала манифест, в котором оправдывала себя в настоящей войне и обещала финляндцам относиться к ним дружелюбно, если они, со своей стороны, не будут показывать вражды к русскому войску. Кроме того, если финляндцы пожелают освободиться от владычества шведов и организовать в независимое государство, то Россия будет этому содействовать и охранять их своими военными силами; если же финляндцы не примут такого мирного предложения русской государыни и станут помогать шведскому войску против русских, то императрица прикажет разорять страну их огнем и мечом. Шведским войском командовал Левенгаупт, сын известного сподвижника Карла XII-го, воевавшего в России, человек вполне бездарный. 28-го июня (1742 г.) русские взяли город Фридрихсгам. Шведы бежали. Из некоторых финляндских волостей к русскому главнокомандующему явились депутаты с просьбою принять их в подданство России<sup>96</sup>. Но то были единичные случаи. В большинстве финляндцы оставались верны Швеции и в конце 1742 года затевали учинить резню над русскими войсками, разместившимися в их крае. Между тем в Швеции, где государство раздиралось враждебными друг другу политическими партиями, возникла мысль заключить мир с

Россию, предоставив, после недавно умершей королевы Ульрики-Елеоноры, престол ее мужу, а наследником ему избрать на шведский престол голштинского принца, племянника русской императрицы. Предложение это сделано было первый раз шведским генералом Лагеркроною, приезжавшим для этого нарочно в Москву, а по возвращении двора в Петербург снова с этою целью отправлена была туда шведская депутация; но голштинский принц, в качестве наследника русского престола, 7-го ноября 1742 года принял православие и наречен великим князем Петром Федоровичем, а тем самым лишился своего права на шведский престол, так как, по коренным шведским законам, шведский король должен был исповедовать лютеранскую веру. Впрочем, самое соединение русской короны со шведскою, в видах европейской политики, ни для кого не было желательно. Таким образом, шведское посольство уехало, не достигши своей цели, а Елисавета Петровна предложила в короли шведские другого принца голштинского, Адольфа-Фридриха, носившего титул любского епископа, брата того, который умер в России, бывши женихом Елисаветы Петровны. За этого принца в Швеции образовалась многочисленная партия; но там явился и другой кандидат на шведскую корону – сын датского короля Христиана VI-го, Фридрих, датский кронпринц (наследник). И у него в Швеции явилось немало сторонников, особенно в Далекарлии, где за него было крестьянское население. Партия голштинского принца, покровительствуемая Россией, взяла верх, потому что в случае выбора принца голштинского императрица обещала Швеции возратить часть Финляндии, захваченной русским оружием. 27-го июня 1743 года принц Адольф-Фридрих избран был наследником шведского престола, а в августе того же года в городе Або заключен был мир с Россией, по которому Россия приобрела в Финляндии крепости: Фридрихсгам, Вильманstrand, Нислот с провинциею Кименегердскою, приход Пильтен и все места при устье реки Кимене, с островами к югу и западу от этой реки. Затем, во всем остальном, с обеих сторон положено хранить условия Ништадтского мира<sup>97</sup>.

Датский двор долго еще не оставлял своих притязаний. Датский кронпринц опирался на довольно значительную партию в Швеции. Поэтому русская императрица, охраняя права избранного по ее желанию кронпринца Адольфа-Фридриха, отправила флотилию с десантом, вверенную генералу Кейту. Русские войска вступили на шведский берег и расположились в Зюдерманландии и Остроботнии, занявши самый Стокгольм. Так стояло русское войско, готовое действовать оружием против датчан и против шведов, не покорившихся новоизбранному будущему королю, пока, наконец, в феврале 1744 года датский кронпринц отказался от притязаний на шведскую корону, и Дания признала права Адольфа-Фридриха.

Торжество принца голштинского, получившего шведскую корону, было противно намерениям вице-канцлера Бестужева, который держался датской стороны и старался о предпочтении датского кронпринца голштинскому. Но он не мог победить родственного расположения Елисаветы Петровны, находившейся в делах политики под сильным влиянием Лестока. Мир со Швециею на абовском конгрессе заключен был по стараниям Лестока, который хотя лично там не был, но заправлял всем делом из России. Лесток прежде находился в самых дружелюбных отношениях с Бестужевым; рекомендации Лестока Бестужев был обязан своим вторичным возвышением при Елисавете; но дружба их скоро охлаждалась, чему содействовали различные их направления по отношению к внешней политике. Первый раз столкнулись они в датско-шведском вопросе. Еще более разъединило их то, что Лесток был сторонником Франции и, как домашний врач, имел всегда доступ к государыне; пользуясь этим, он постоянно твердил ей о выгоде союза России с Франциею, – это не мешало, однако, тому же Лестоку получать пенсioen от Англии, находившейся в то время в войне с Франциею. Бестужев был сторонником Австрии и Англии, ненавидел прусского короля, ненавидел и Францию, и, ссылаясь на депешу русского посланника при французском дворе, князя Кантемира, старался уверить императрицу, что Франции доверять ни в чем не следует. Бестужев вооружал против Лестока любимца

государыни, Разумовского, Воронцова и некоторых духовных сановников. Лесток, со своей стороны, выискивал случая насолить Бестужеву и его родным. Такой случай Лестоку скоро представился.

Кирасирский поручик Бергер, родом курляндец, получил назначение находиться в качестве пристава над Левенвольдом, пребывавшим в ссылке в Соликамске. Узнавши об этом, придворная дама Лопухина, бывшая некогда в близких отношениях с Левенвольдом, поручила своему сыну, бывшему камер-юнкером при правительнице Анне Леопольдовне, передать через Бергера, что граф Левенвольд не забыт своими друзьями и не должен терять надежды, что не замедлят наступить для него лучшие времена. Бергер сообщил об этом Лестоку, а от последнего получил приказание изведать подробнее, на чем это Лопухины основывают надежды, что участь Левенвольда переменится к лучшему. Тогда Бергер вместе с другим офицером, капитаном Фалькенбергом, зазвали молодого Лопухина в трактир, напоили – и у Лопухина развязался язык. Он начал говорить о государыне: «Она ездит в Царское Село и берет с собой дурных людей... любит она чрезвычайно английское пиво. Ей не следовало быть наследницею на престоле; она ведь незаконнорожденная – родилась за три года до венчания своих родителей. Нынешние правители государственные -все дрянь, не то что прежние – Остерман и Левенвольд; один Лесток только проворная каналия у государыни. Императору Иоанну прусский король пособит, а рижский гарнизон, что стережет императора и мать его, очень расположен к императору Ивану Антоновичу. Нынешней государыне с тремястами каналиями лейб-компанцев что сделать? Скоро, скоро будет перемена! Отец мой писал к моей матери, чтоб я никакой милости у нынешней государыни не искал».

– Нет ли тут кого побольше? – спросил Фалькенберг.

– Австрийский посол, маркиз Ботта, императору Иоанну верный слуга и доброжелатель, – отвечал Лопухин.

Поставленный к допросу пред генералов Ушакова, Трубецкого и Лестока, Лопухин во всем повинился. Он оговорил

мать свою, что к ней в Москве приезжал маркиз Ботта и сказывал, что будет оказана помощь принцессе Анне, и король прусский также обещался.

Приведенная к допросу Наталья Федоровна Лопухина оговорила Анну Гавриловну, жену Михаила Бестужева, урожденную Головкину, бывшую прежде вдовою Ягужинского. Бестужева во всем повинилась, что на нее наговорили Лопухина и сын последней, Иван. Призвали к допросу отца Иванова, Степана Лопухина; он показал, что маркиз Ботта говорил: «Было бы лучше и покойнее, если бы принцесса Анна Леопольдовна властвовала». Сознавался и сам Степан Лопухин, что и ему самому было желательно, чтобы принцесса по-прежнему была правительницею, потому что он недоволен государынею за то, что оставлен без награждения чином; он сознался и в том, что говорил: «государыня-де рождена до брака», и прочие непристойные слова произносил.

Подвергли пытке на дыбе Степана Лопухина, жену его, сына их Ивана и Бестужеву. К этому делу привлечено было еще несколько лиц, обвиненных в том, что слышали непристойные речи и не доносили.

Учрежденное в сенате генеральное собрание с участием трех духовных сановников постановило такое решение: всех троих Лопухиных колесовать, предварительно вырезавши им языки. «Лиц, слышавших и не доносивших -Машкова, Зыбина, князя Путятина и жену камергера Софию Лилиенфельд – казнить отсечением головы; некоторых же, менее виновных – сослать в деревни». Императрица смягчила тягость кары, определив – главных виновных, Лопухиных и Бестужеву, высечь кнутом и, урезав языки, сослать в ссылку, других – также высечь и сослать, а все их имущество конфисковать. София Лилиенфельд была беременна. Государыня приказала дать ей время разрешиться от бремени, а потом высечь плетью и сослать. По поводу Софии Лилиенфельд Елисавета Петровна собственноручно написала: «Плутоф наипаче желеть не для чего, лучше чтоб и век их не слышать, нежели еще от них плодоф ждатель»<sup>98</sup>.

Но так как в это дело вмешали иностранного посла, то приходилось обвинять его перед иностранною державою. Императрица поручила своему послу Лончинскому представить венгерской королеве о непозволительном поведении ее посла и просить учинить над ним взыскание. Мария-Терезия несколько времени защищала Ботту, указывая на его прежнюю, верную и добросовестную службу, но потом, в угоду российской императрице, нуждаясь притом в добром согласии с нею, приказала отправить Ботту в Грац и держать там под караулом. Спустя год после того российская императрица сообщила венгерской королеве, что совершенно довольна правосудием, учиненным над Боттою, и не желает для него строжайшего наказания, предоставляя воле венгерской королевы прекратить его заточение, когда ей то будет угодно. Прусский король Фридрих II, у которого Ботта был посланником от венгерской королевы, узнавши, что русская императрица обвиняет Ботту в коварных против России замыслах, дал Ботте совет самому оставить свой пост в Берлине, а чрез бывшего при нем российского посла Чернышова приказать сообщить императрице Елисавете дружеский соседский совет: для предотвращения на будущее время зловерных затей удалить из Риги куда-нибудь подальше в глубь империи низложенного императора Ивана Антоновича и всю его фамилию. По этому совету последовало высочайшее повеление перевести брауншвейгскую фамилию в Ораниен-бург, город, принадлежавший тогда к Воронежской губернии, а несколько времени спустя, в 1744 году, летом, указано было отправить ее в Холмогоры и там содержать Ивана Антоновича отдельно от прочих членов семьи. Через два года после того скончалась бывшая правительница Анна Леопольдовна; тело ее привезено было в Петербург и погребено в Александро-Невской лавре. Императрица присутствовала при ее погребении и плакала.

Причины, побудившие Фридриха II-го так отнестись к брауншвейгской фамилии, связанной с ним родственными узами, состояли в том, что Фридрих хотел отвратить от себя опасность союза России с Марией-Терезией и, напротив, предупредить это и войти самому в союз с российской

государыней; он думал укрепить этот союз браком какой-нибудь преданной ему принцессы с наследником русского престола. Фридрих через своего посланника в Петербурге, Мардефельда, подкупил бывшего при великом князе в качестве воспитателя Брюммера и лейб-медика Елисаветы Петровны, Лестока, чтобы они старались отклонить брак великого князя с саксонской принцессой Марианной, что хотел тогда устроить Алексей Петрович Бестужев. Фридрих II-й предложил тогда в супруги преемнику Елисаветы дочь находившегося у него на службе в качестве коменданта города Штетина, князя ангальт-цербстского, пятнадцатилетнюю принцессу Софию-Августу-Фридерiku. Кстати, мать этой принцессы, Иоанна-Елисавета, была урожденная голштинская принцесса, сестра шведского кронпринца, которому покровительствовала Елисавета Петровна, и другого принца, умершего некогда в России женихом цесаревны. Эта родственная близость служила одним из побудительных средств расположить Елисавету к этому брачному союзу. Третий брат принцессы ангальт-цербстской, Фридрих-Август, приехал в Россию по рекомендации прусского короля и привез портрет своей племянницы. Изображение очень понравилось Елисавете, и, когда Бестужев все еще думал расположить ее к мысли женить наследника на саксонской принцессе, она объявила ему, что находит лучшим избрать для наследника российского престола невесту не из знатного владетельного дома: тогда с невестой приехало бы в Россию много иностранцев, которых недолюбливают русские. Императрица говорила, что не знает более подходящей невесты своему племяннику, как дочь принцессы ангальт-цербстской. Так сумел настроить Елисавету Лесток. Бестужев должен был замолчать. В феврале 1744 г. прибыла в Россию принцесса ангальт-цербстская с дочерью и получила приглашение ехать в Москву, куда в начале 1744 г. переехала императрица с двором своим. Приехал в Россию снова и де ля Шетарди, пробравшись в Петербург через Швецию и Финляндию.

Принятая любезно, по-родственному, императрицею, молодая невеста будущего ее преемника отдана была для приготовления к принятию православной веры отцу Симеону

Тодоровскому, а учить ее русскому языку приглашен был профессор академии Одадуров. Де ля Шетарди, приглашенный в Москву, был принят так же ласково, как и прежде. С ним были документы, подававшие ему право объявить себя уполномоченным послом Франции; но ему дана была секретная инструкция поудержаться с выступлением на официальное поприще и некоторое время оставаться простым посетителем России, чтобы, пользуясь расположением императрицы, выведать пути, какими можно было бы сломить противника союза с Францией, вице-канцлера Бестужева. По-видимому, Лесток успел подготовить для французского посланника поле действия. Лопухинское дело, в которое замешана была невестка вице-канцлера, направлено было во вред обоим Бестужевым: вице-канцлеру Алексею Петровичу и его брату Михаилу. Однако вышло не так, как бы хотелось Лестоку. Императрица не усомнилась в верности братьев Бестужевых и считала их обоих людьми умными и в дипломатической сфере незаменимыми. Притом, когда против Бестужева был влиятельный у императрицы ее лейб-медик, за вице-канцлера стояли горою любимец государыни Разумовский и Михайло Иларионович Воронцов, которому государыня оказывала все более и более доверенности. Проницательный дипломат Алексей Петрович Бестужев расчел, что главный его враг – де ля Шетарди, и потому на него должен быть направлен главный удар. Легкомысленность и неосторожность француза помогли интриге вице-канцлера. В России вошло тогда в обычай, занятый от прусского короля, перехватывать на почте и просматривать корреспонденции, делая это так ловко, чтоб не навлекать никакого подозрения. На официальном языке это носило название «перлюстрации». Вице-канцлер прибегнул к такому средству; он вскрыл депеши, отправляемые де ля Шетарди из России во Францию, и в них нашел, что французский посланник отзывается неуважительно об императрице и обо всех ее правителях. «Мы здесь, – писал де ля Шетарди, – имеем дело с женщиною, на которую ни в чем нельзя положиться. Еще будучи принцессою, она не желала ни о чем бы то ни было мыслить, ни что-нибудь знать, а сделавшись



государынею – только за то хватается, что, при ее власти, может доставить ей приятность. Каждый день занята она различными шалостями: то сидит перед зеркалом, то по несколько раз в день переодевается, -одно платье скинет, другое наденет, и на такие ребяческие пустяки тратит время. По целым часам способна она болтать о понюшке табаку или о мухе, а если кто с нею заговорит о чем-нибудь важном, она тотчас прочь бежит, не терпит ни малейшего усилия над собою и хочет поступать во всем необузданно; она старательно избегает общения с образованными и благовоспитанными людьми; ее лучшее удовольствие – быть на даче или в купальне, в кругу своей прислуги. Лесток, пользуясь своим многолетним на нее влиянием, много раз силился пробудить в ней сознание своего долга, но все оказалось напрасно: – что в одно ухо к ней влетит, то в другое прочь вылетает. Ее беззаботность так велика, что если сегодня она как будто станет на правильный путь, то завтра опять с него свихнется, и с теми, которые у нее вчера считались опасными врагами – сегодня обращается дружески, как со своими давними советниками». Из тех же депеш оказывалось, что прусский посол Мардефельд сообщил ему, де ля Шетарди, внушение своего короля работать для свержения Бестужева, вместе с принцессою цербстскою, которая дала в том обещание Фридриху II перед отъездом своим из Берлина в Россию. Де ля Шетарди в своей депеше писал, что Лесток предан ему душою, и для того, чтобы Лестока более подогреть, он выпросил у Дальона (французского официального посла в России) сделать Лестоку прибавку в 2000 руб. к годовичному пенсону, получаемому от Франции. Еще, писал де ля Шетарди, что во внимание к госпоже Румянцевой, преданной принцессе ангалът-цербстской, нужно давать ей пенсion в 1200 рублей, а кроме нее – госпоже Шуваловой, в 600 рублей. Де ля Шетарди находил, что полезно было бы подкупить знатнейших духовных сановников и духовника императрицы. Доставши эти депеши, Бестужев представил копии с них на воззрение государыни. Елисавета сначала не поверила и произнесла: «Это ложь, это выдумка врагов его, из них же вы первый». Но Бестужев тут же показал ей подлинники, – и государыня ничего не могла

возразить. Бестужев подал ей совет поступить с де ля Шетарди как с простым иностранцем, совершившим преступление, а отнюдь не так, как с полномочным лицом от французского короля, потому что он не предъявлял своих доверительных писем. Воронцов, случившийся тут же, принял мнение Бестужева. Государыня, взволнованная и оскорбленная, ничего не сказала, отошла прочь, но через сутки дала приказание выпроводить де ля Шетарди из России в 24 часа. По приказанию императрицы, 6-го июня в 6 часов утра явился к де ля Шетарди генерал Ушаков с несколькими другими особами и объявил ему высочайший приговор. Де ля Шетарди стал было объясняться, но ему показали экстракт из его депеш. Тут он смешался и не знал, что отвечать. Его немедленно увезли, к большой радости Бестужева и английского посланника Тироули, которому внимание российской императрицы к французскому дипломату стояло костью в горле<sup>99</sup>.

К делу о де ля Шетарди явилась прикосновенною принцесса ангалт-цербстская. Ее невзлюбила с первого приезда императрица, не полюбили ее вообще русские люди, да, как кажется, и собственная дочь ее не очень нежно ее любила. После высылки де ля Шетарди из России Елисавета вела с нею наедине крупный разговор, после которого принцесса вышла от императрицы с заплаканными глазами, и все подумали тогда, что ей придется теперь убраться из России; подозревали даже, как бы такая же участь не постигла ее дочь-невесту, и тем более, когда заметили, что нареченный жених ее, великий князь, относится к ней довольно холодно. Однако этого не случилось. 21-го августа 1745 года совершена была свадьба великого князя Петра Федоровича с необыкновенным великолепием и роскошью. Торжество продолжалось десять дней; но после свадьбы, в сентябре того же года, принцессу цербстскую попросили уехать за границу. Последний случай, побудивший к ее высылке из России, было несогласие между ее братьями. Один из них был кронпринц шведский; он жил в Швеции, но не оставался без участия в делах, хотя еще жив был король, которого он считался преемником. Под влиянием жены своей, сестры прусского

короля, он перешел к партии, не расположенной к России и искавшей союза с Францией и Пруссией. Другой его брат, Август, приехал в Россию искать места администратора в Голштинии. Дать это место ему или кому другому зависело от наследника русского престола -настоящего герцога и владельца Голштинии. А это место до сих пор временно занимал брат Августа, шведский кронпринц. Принцесса ангальт-цербстская, расположенная более к брату-кронпринцу, чем к Августу, приняла последнего худо, а между тем Бестужев перехватил переписку между принцессою и кронпринцем; из нее видно было, что принцесса выражала недовольство милостями российской императрицы и ее дарами. 20-го сентября того же 1745 года выпроводили принцессу ангальт-цербстскую, давши ей на дорогу 50000 рублей и два сундука с разными драгоценностями, а великий князь от себя послал подарки тестю. Вслед за тем Бестужев удалил многих голштинцев, приехавших в Россию вслед за великим князем. Удален был (в 1746 году) и принц Август, впрочем, добившись своего и получивший место администратора в Голштинии, ради чего он и приезжал в Россию.

#### IV. Могущество Бестужева

*Бестужев – великий канцлер. – Вице-канцлер Воронцов. -Причины доверия императрицы к Бестужеву.-Великий князь и великая княгиня. – Два двора в России – старый и молодой.– Два направления тогдашней политики.– Договор России с Австриею и Англиею. – Поход русского войска в Европу.- Заключение Ахенского мира.-Удаление Воронцова. – Бестужев действует против Лестока. – Охлаждение Елисаветы к Лестоку. -Неосторожный поступок Лестока. – Арест, пытка и ссылка Лестока. – Сила Шуваловых.*

Бестужев просил об определении Воронцова в прежнее свое звание вице-канцлера, сам получивши от государыни звание великого канцлера. Бестужев надеялся найти в нем полезного сотоварища, так как Воронцов, издавна близкий к государыне, как камергер двора ее и содействовавший вступлению ее на престол, мог с нею чаще видаться и подавать ей доклады. Но Воронцов, давно уже расположенный к Франции, которую Бестужев ненавидел, должен был на дипломатическом поле, рано или поздно, стать противником Бестужева; однако видимая размолвка между ними еще не наступила. Бестужев достиг полного могущества в России. Нельзя сказать, чтоб императрица любила этого человека и находила приятность в беседе с ним. Он держался в силе при Елисавете единственно только тем, что государыня, преданная забавам и удовольствиям, была довольна, что находился человек, способный взять на себя всю тяготу долго думать о важных делах и тем самым освободить ее от этого бремени. Знаящие близко тогдашний двор и образ жизни государыни сообщают согласно, что проходили целые месяцы, пока министр мог быть допущен к докладу; но и тогда государыня, бросаясь на иностранные депеши, искала, нет ли в них чего-нибудь любопытного или интересного; иногда оставляла важные бумаги у себя и обещала повнимательнее прочесть их, – на самом же деле никогда не читала и даже забывала про них. Каждый вторник устраивался во дворце маскарад, в котором для

забавы мужчины наряжались женщинами, а женщины – мужчинами; в другие же дни игрались спектакли: императрица очень любила французские комедии и итальянские оперы. Все имевшие доступ ко двору, хотя бы и не занимавшие должностей по военной и гражданской службе, обязаны были являться в маскарадные вторники, и когда однажды государыня заметила, что гостей у нее что-то мало, то разослала гоф-фурьеров узнать, что за причина такого отсутствия, и приказала заметить, что за подобное невнимание виновные будут обложены пеней 50 рублей с персоны.

Если в ком Бестужев мог встретить себе опасное соперничество, то разве в молодой великой княгине, которая отличалась необыкновенным умом, неподражаемым искусством со всеми уживаться и всем вокруг себя управлять. Ее супруг, великий князь, наследник русского престола, капризный до наивности и человек ума чрезвычайно мелкого, принужден был, сам того не сознавая и не желая, находиться во власти жены своей. С детства воспитанный в лютеранской религии, он принял православие по крайней необходимости, в качестве преемника российской императрицы на престоле, но в своей наивной откровенности не удерживал перед другими своих мыслей и чувствований, и позволял себе часто отзываться с пренебрежением об обрядах православной церкви; сверх того, кстати и некстати, твердил о превосходстве немцев перед русскими. Когда он услышал о кончине старого шведского короля, которого престол должен был занять кронпринц Адольф-Фридрих, он перед русскими с соболезованием вспоминал, как шведские чины хотели было избрать будущим королем его, Петра Федоровича, и громко жалел, что не удалось ему быть королем в цивилизованной стране, вместо того чтобы изнывать в России, где он постоянно чувствует себя как бы в неволе. Совсем не такова была его супруга. Принявши православие, конечно, также по необходимости, она вела себя так, что никто не осмеливался говорить, что она приняла его неискренне. Она не только не показывала, подобно своему супругу, презрения к русской народности – напротив, основательно выучилась русскому языку, любила говорить и

писать на этом языке; все русское ее занимало; все, что было хорошего в России, было для нее мило и любезно. Она как будто вся переродилась в русскую женщину, и уже в ту пору просвечивалась в ней та могущественная Екатерина, которой стала она впоследствии в глазах всего мира.

Образовалось в России два царских двора: один – императрицы, носивший название старого или большого, другой – называемый малым или молодым – двор наследника престола, а на самом деле – его супруги. Бестужев сначала принадлежал к большому двору и был как бы противником великой княгини. Но Екатерина была так умна и так хитра, что способна была провести десять Бестужевых, при всей их дипломатической тонкости. Никто, подобно ей, с такою сдержанностью и самообладанием не умел, когда нужно, скрывать свои чувства и находить удобное время, когда можно проявить их. Со временем, как мы увидим, Екатерина совершенно овладела старым канцлером и сделала его своим покорным слугой.

Два направления тогдашней политики разделяли государственных людей на две стороны; одни желали союза России с Австриею и Англиею; другие наклонны были к союзу с Франциею, и даже с Пруссиею, находившеюся тогда с Франциею в союзе. Бестужев принадлежал к первой стороне; Воронцов и Лесток – к последней. Бестужев в ту пору подружился с австрийским посланником и в то же время находился в приятельных отношениях ко всем представителям Англии, которые в Петербурге сменяли быстро один другого. Бестужев представлял императрице о выгодах предпочесть всяким другим союзам союз с Австриею и Англиею, и на ту пору взял верх: Россия в 1747 году заключила оборонительный договор с Австриею и Англиею, и российская императрица обязалась отправить тридцать тысяч вспомогательного войска на помощь венгерской королеве против прусского короля, Франции и Испании. Это войско снаряжено было в Лифляндии и вступило в Германию под главною командою князя Репнина. Поход этот не ознаменовался военными подвигами, но имел то важное значение, что содействовал скорейшему заключению

Ахенского мира, прекратившего в Европе войну за австрийское наследство, которая широко уже разыгралась не только в Европе, но и в отдаленных краях Нового Света.

Бестужев, поставивши на своем в делах внешней политики, стал всемогущим человеком в России и захотел удалить от государыни и от влияния на дела Воронцова и Лестока. Воронцова устранили на время очень деликатно: он получил дозволение путешествовать по Европе с целью совершить свое образование; то было давнее его собственное желание. С Лестоком у Бестужева расправа была резче: Бестужев не забыл, какие неприятности учинил Лесток близким родным канцлера по лопухинскому делу. Сначала Бестужев сумел подействовать на императрицу так, что она, вообще очень изменчивая в своих симпатиях и антипатиях к людям, стала обращаться с Лестоком холоднее прежнего и так мало ценить его, что, когда Бестужев доложил ей, что Лесток получает пенсион от Франции, Елисавета Петровна насмешливо сказала: «Вольно французам тратить деньги по-пустому; Лестока я совсем не слушаю, да и говорить себе слишком много не позволяю». Когда же ей донесли, что Лесток часто видится с прусским посланником и получает от него пенсион, императрица приказала надзирать за Лестоком, но все-таки не решалась придраться к нему без явных улик. Тогда Бестужев прибегнул к другой уловке: он представил государыне, что считает небезопасным оставлять при высочайшей особе, в качестве врача, человека, способного сделать ей вред. Императрица не рассердилась за это на канцлера, но не придавала ему и полной веры, а только сказала ему, что будет с большою осторожностью принимать лекарства от Лестока. К более решительным мерам против Лестока канцлер все еще не мог побудить императрицу: видно, воспоминание о прежних услугах Лестока останавливало ее. Наконец, сам Лесток неожиданно подал против себя повод.

20-го декабря 1748 года Лесток вместе с третьей своею женою, Анною Менгден (сестрою Юлианы Менгден), был в гостях у одного прусского купца. Там же были гостями: секретарь Лестока капитан Шапюзо, шведские послы при петербургском дворе, Волькенстиерна и Гепкен, и жена

прусского посла графиня Финкенштейн. После обеда, в наступающие зимние сумерки, Шапюзо вышел из дома и заметил одетого дурно, в ливрее, неизвестного ему человека; уже несколько дней Шапюзо замечал, что этот человек постоянно бродит около дома. Шапюзо, угрожая ему шпагой, принудил его войти с собою в дом того купца, где находился Лесток с другими гостями. Лесток предложил неизвестному 50 рублей, если он откровенно скажет, кто он такой и кто его посылает шпионить. Неизвестный упорствовал и уверял, что ни от кого не получал поручения шпионить. Лесток приказал позвать из своего караула унтер-офицера и гренадера и хотел заставить батогами неизвестного открыть – кто он такой. Тогда неизвестный объявил, что он – человек какого-то гвардейского офицера, который поручил ему наблюдать за каждым шагом Лестока и Шапюзо. Лесток тотчас поехал во дворец, упал к ногам императрицы, уверял в своей всегдашней верности и преданности и просил удовлетворения за оскорбление. Елисавета выслушала его ласково, просила потерпеть и обещала исследовать дело. Успокоенный Лесток отправился от государыни в дом того же прусского купца, где оставил других собеседников, и пробыл там до полуночи.

Между тем Елисавета дала приказание арестовать и отвезти в крепость Шапюзо и четырех служителей Лестока, о которых предполагалось, что они могут сообщить сведения о поведении Лестока. Императрица говорила своим приближенным, будто считает преступным уже то, что эти господа взяли на себя роль судей над чужим человеком, и если они совершенно невинны, то нечего им страшиться шпионства над собой. 22-го декабря Лесток попытался еще раз явиться к государыне, но его не допустили, а 24-го декабря, в 11 часов утра, генерал Апраксин со ста пятьюдесятью солдатами явился в дом Лестока и объявил ему арест в его доме, причем удалили от него употребление ножа и всякого острого орудия. Жена Лестока была в церкви и в тот день причащалась: по возвращении домой и она получила приказание оставаться в своем доме под арестом. В этот самый день при дворе устраивалась помолвка фрейлины Салтыковой; государыня



была отменно весела, а сам Лесток был назначен в числе шаферов невесты, но, разумеется, теперь не явился. Наконец, 26-го декабря, императрица оставила столицу и переехала в Царское Село, а Лесток, того же дня вечером, вместе с женою был отвезен в крепость. Александр Шувалов, заменивший недавно умершего Ушакова в начальстве тайною канцелярией, вел допрос над Лестоком и его участниками. К Шувалову придан был граф Апраксин, большой приятель Бестужева. Лесток с необычайным терпением несколько дней отказывался от пищи, позволяя себе глотать только немного минеральной воды; на делаемые ему вопросы – не отвечал ничего. Но Шапюзо, ввиду пыток, которыми его стали пугать, объявил, что Лесток получал от прусского короля пенсioen и вел ночные беседы с посланниками прусским и шведским; назвал, кроме того, приятелями Лестока вице-канцлера графа Воронцова, генерал-прокурора князя Трубецкого и генерала Румянцева, но о смысле бесед их между собою отозвался незнанием, говоря, что Лесток давно уже не показывает к нему откровенности. Елисавета, не допросившись ничего от Лестока и Шапюзо, приказала прибегнуть к пыткам, как к неизбежному в те времена средству доискаться правды, в случае заперательства обвиняемого. Лестока вздернули на дыбу. Этот человек, уже одиннадцать дней не принимавший никакой пищи, с равным присутствием духа вынес мучение на дыбе и показал столько духовной крепости, что, снятый с дыбы, сам пошел в свой каземат. Он отрицал все, в чем думали обличить его, и клялся, что ни в чем не погрешил против государыни. «Все мое несчастье, – говорил он, – случилось по злобе великого канцлера. Но придет время – правда всплывет наверх, и государыня начнет сожалеть, что оказывала доверенность этому человеку».

К нему подослали жену его, научивши ее убеждать мужа сознаться, и обещали пощаду и возвращение милости государыни. «Кто раз побывал в катовских (палача) руках, тот уже не может желать никакой к себе милости», – отвечал Лесток.

Лестоку не трудно было заператься. После того, как арестовали Шапюзо, у Лестока оставалось еще четыре

свободных дня; в это время он успел передать все компрометировавшие его бумаги шведскому послу Волькенштиерну, а тот с ними уехал тотчас в Стокгольм, и во время процесса, производившегося над Лестоком, невозможно было отыскать никаких письменных доказательств к его обвинению. Тем не менее, процесс над ним затянулся более чем на год и окончился уже в 1750 году. Все имущество его было конфисковано; из него взято на судебные издержки так много, что на одни письменные материалы выставлена была неимоверная сумма – 800 рублей. Его дом в Петербурге подарен был графу Апраксину, производившему над ним следствие вместе с Шуваловым. Лестока сослали в Углич и там содержали очень строго и скудно, а в 1753 году, в виде облегчения, перевели в Устюг-Великий и дозволили жить с ним его жене. Там пробыл он до кончины Елисаветы.

В конце сороковых годов прошлого века (приблизительно в 1747 году), в жизни императрицы произошла перемена, отразившаяся на делах внутренней и внешней политики. До сих пор влиятельнейшим лицом при Елисавете Петровне был Алексей Григорьевич Разумовский. Он был сын простого казака в селе Лемешах, Киевского полка, близ города Козельца. Убежавши мальчиком от пьяного и драчливого отца в село Чемеры, он проживал там у дьячка, учился грамоте и пел на клиросе. Проезжавший полковник Вишневский, по дороге в Венгрию покупать для двора вина, заехал в церковь, услышал прекрасный голос Алексея и взял его с собою в Петербург для придворного хора певчих. Это было в 1730 году. В том же году цесаревна Елисавета, посетивши церковь в Зимнем дворце, упросила обер-гофмейстера Левенвольда уступить Алексея для ее придворной церкви. Чрезвычайно красивый и статный, Алексей Разумовский понравился цесаревне. По восшествии своем на престол, Елисавета Петровна, по убеждениям духовника своего Дубянского, сочеталась тайно браком с Разумовским в селе Перове, близ Москвы, и вслед за тем немедленно осыпала его богатствами и почетом. Из ничтожного казака, до того бедного, что мать его собиралась просить подаяния под окнами, Разумовский, по знатности положения

своего и по громадному богатству, стал первым вельможею в России и принимал льстивые поклонения от родовитых особ. Из благоволения к нему императрица вывела в знать всю близкую родню его; матери его оказывала она большое почтение; меньшого брата, Кирилла, отправила для образования за границу, а по возвращении – назначила президентом академии, и потом приказала избрать гетманом в Малороссии. Елисавета ревниво оберегала честь этого возвышенного ею рода. В архивах сохранилось множество дел, производившихся в тайной канцелярии по распространению отзывов, оскорбительных для любимца государыни и для его родичей. Все разбирательства по этим делам оканчивались трагически – застенком, дыбою, кнутом, плетью, батогами, шпицрутенами и, наконец, ссылкой на каторгу<sup>100</sup>. Но сам Алексей Разумовский ничему этому не был причастен. По единогласным известиям современников, это был человек в высшей степени добросердечный, прямодушный, хотя подчас и вспыльчивый, но никак не заносчивый, не спесивый, и потому всеми любимый, несмотря на то, что его низкое происхождение должно было возбуждать у одних зависть, а у других – досаду. Много лет провела императрица в невозмутимом согласии с Разумовским. Но вот государыня приблизила к себе новое лицо – то был молодой и лучше воспитанный, чем Разумовский, Иван Иванович Шувалов. Вся семья Шуваловых принадлежала к родовому русскому дворянству и возвысилась только при вступлении на престол Елисаветы Петровны. Один из Шуваловых, Петр Иванович, женился на Мавре Егоровне Шепелевой, большой любимице Елисаветы Петровны – и это был первый шаг к подъему фамилии Шуваловых. Брат Петра, Александр, сделан был начальником тайной канцелярии по кончине генерала Ушакова. Рекомендация и ходатайство той же Мавры Егоровны возвысили родственника Петра и Александра Шуваловых, Ивана Ивановича: он получил при дворе сначала звание камер-пажа, потом камер-юнкера, наконец, камергера. Разумовский не утратил милости государыни и не только не показывал огорчения, но относился дружелюбно к Шувалову. Возвышение, или, как тогда говорилось, «случай» Шувалова

возымел то важное последствие, что с этих пор он сам, а с ним и прочие Шуваловы, составили при дворе партию с большим влиянием на дела империи, тогда как прежде скромный, мало развитой Алексей Григорьевич и вся его родня, на которой слишком резко выказывались признаки простонародного происхождения, почти никаких дел не касались, исключая брата Алексеева, Кирилла, получившего образование за границей.

## **V. Эпоха событий, подготовлявших Семилетнюю войну**

*Франция и Россия. – Франция сближается с Австриею. – Усилия Бестужева удержать Россию в союзе с Англиею. -Прибытие в Россию Дугласа и кавалера д'Эона. -Ненависть Елисаветы к прусскому королю. – История Зубарева. – Дипломатические неудачи Бестужева. – Союз Англии с Пруссиею. – Союз Франции с Россиею.*

Между Франциею и Россиею много лет существовало охлаждение. Россия смотрела на Францию как на державу, которая во всяком предприятии готова была России, как говорится, подставить ногу, – и в самом деле Франция всегда благоприятствовала тому, что было враждебно России. В Швеции, в Турции и в Польше наиболее высказывался дипломатический антагонизм двух этих держав. Французские послы везде старались сойтись с партией, неприязненно почему-нибудь России, и везде, где только могли, возбуждали против нее правительственные власти других держав. Между тем с обеих сторон оставались воспоминания прежних добрых отношений. Не говоря уже о том, что у Елисаветы осталось в памяти ее детство, когда ее готовили в жены тогда еще малолетнему Людовику XV, – не могла у нее изгладиться из памяти более действительная услуга, оказанная Франциею содействием при вступлении ее на престол, хотя последняя размолвка с де ля Шетарди и стирала у нее с сердца прежнее приятное впечатление. И во Франции, при всем политическом антагонизме французской дипломатии к России, просвечивала мысль о дружбе с этою страню. После того, как предположения о браке Елисаветы с Людовиком совершенно испарились, родственник его, принц Конти, в 1742 году сделал попытку предложить руку Елисавете, уже ставшей всероссийской императрицей. На его предложение отвечала Елисавета Петровна, что не намерена выходить замуж. Тогда принц Конти стал доискиваться пути получить по смерти польского короля Августа польскую корону. Некоторые польские паны являлись в

Тамплъ, во дворец, где жил тогда Конти, с изъявлением готовности содействовать его кандидатуре в свое время. Но такой выбор в короли, если бы он и наступил, то зависел бы не от одних этих панов, но также и от большого числа таких господ, которые не думали тогда обращаться к французскому претенденту и, может быть, при избрании не подали бы за него своего голоса. Притом такая кандидатура встретила бы противодействие со стороны Австрии, России и даже Пруссии, союзной тогда с Франциею. Не удавалось французам и в Турции, где французское посольство силилось поссорить Турцию с Россиею, но успело единственно настолько, что турецкий визирь подал ноту, заявлявшую нерасположение Турции к занятию русскими Финляндии. Эта нота не имела дальнейших последствий. После неудачных попыток вредить России то здесь, то там, французская политика начала склоняться к мысли вступить в союз с Россиею, в надежде, что этот путь будет полезнее для Франции.

В это время совершался в Европе крутой переворот в дипломатической сфере. Франция была с Немецкою империею в вековой вражде, и такое направление перешло и на Австрию, так как австрийские владетели преемственно были избираемы в немецкие императоры. Недавно еще Франция вела против Марии-Терезии упорную войну, оспаривая наследственность ее владений. Тогда Франция, будучи враждебна Австрии, находилась в союзе с прусским королем. Мир, окончивший войну за австрийское наследство, лишил Австрию Силезии и передал эту богатую область во власть Пруссии. Австрия не казалась уже теперь опасною и сильною, как прежде. Напротив, возвышение Пруссии стало внушать опасность, особенно когда воинственный и талантливый Фридрих II показывал целому свету, что стремится к территориальным захватам и не остановится ни перед какими путями. Поэтому Франция стала сближаться с Австрией. Со своей стороны императрица-королева Мария-Терезия желала отомстить прусскому королю за поражения и возратить своей державе утраченную Силезию, что повело бы к возвращению прежнего политического значения австрийской короны. Австрия первая обратилась с

предложением союза против Пруссии к Франции. Первое предложение было сделано Кауницем, бывшим посланником во Франции, потом получившим должность австрийского канцлера. Предложение это было неудачно; оставалось после того опасение, что если откроется война между Пруссией и Австриею, Франция, как и в предшествовавшую войну, явится снова союзницей Пруссии. Австрия по-прежнему стала готовиться к союзу с Англиею, но на этот раз не сошлась с нею, и Кауниц поручил своему преемнику на посту посланника во Франции – Штаренбергу обратиться к фаворитке короля, маркизе Помпадур, и к аббату Берни, руководившему тогда внешнею политикою. Сама императрица-королева Мария-Терезия обратилась с собственноручным письмом к маркизе Помпадур. Дело пошло на лад.

Англия с Франциею находились уже в войне за американские владения. Как только возникала вражда между Пруссией и Австриею, то происходившая в Америке война Франции с Англиею должна была перенестись на почву Старого Света. В этих видах Англия предложила субсидный союз с Россиею: Россия, в ограждение интересов английского короля, должна была выставить войска 55000, Англия же – внести России субсидную сумму в 500000 фунтов за диверсию российского войска и, сверх того, доставлять ежегодное содержание на это войско. Относительно размера последней суммы происходили споры: Россия хотела 200000 фунтов; Англия думала сократить эту сумму до пятидесяти тысяч. Долго шли споры. Два английские посланника переменились после того. Задержки главным образом происходили, по известиям англичан, от крайнего бездействия русских властей: императрица будто бы показывала более и более охлаждения к государственным занятиям; Бестужев никогда почти не видал государыни и передавал свои доклады через Ивана Ивановича Шувалова, да и тогда эти доклады лежали у государыни целые месяцы забытыми. Такое отчуждение великого канцлера от государыни испортило и обленило его самого. Он перестал быть деятельным, каким был прежде, и по утрам до двенадцати часов оставался в постели. Английский посланник Чарльз

Генбюри Вилиамс изображал тогдашнее высшее общество чрезвычайно подкупным. Сам Бестужев выпрашивал у английского короля годичный пенсион в 2500 фунтов и обязывался работать в пользу Англии, представляя императрице о выгодах для России союзного договора с Англиею. «Надобно дать ему, – писал Вилиамс, – так как он чистосердечно служит в пользу нашего короля». Олсуфьев, друг Воронцова, имевший на него влияние, получал от Англии 500 червонцев наличною монетою и в таком же размере пенсион. Англичане жаловались на то, будто бы из сумм, которые выданы были Англиею на содержание вспомогательного войска, употребили часть на постройку дворцов. Спорный вопрос о размере содержания на войско решили на половину суммы – во сто тысяч фунтов. Бестужев подал государыне записку, в которой доказывал, как выгодно будет во многих отношениях заключение оборонительного союза с Великобританиею<sup>101</sup>.

Но Бестужев, несмотря на то, что всегда славился своею проницательностью, не заметил, как попался впросак. Он не спохватился, как против него составила враждебная партия в лице канцлера Воронцова и Шуваловых. К ним примкнул немалочисленный кружок сановников. Тогда как Бестужев с давнею неприязнью к прусскому королю соединял давнюю же неприязнь к Франции, противники его, хотя в равной степени, как и он, не любили прусского короля, но склонялись к дружбе с Франциею, особенно после того, как Франция начала сближаться с Австриею и становиться во враждебное положение к прусскому королю. Тогда партия русских любителей всего французского (а этим отличались Шуваловы и Воронцов) рада была с распростертыми объятиями встретить дружбу с Франциею; к этому настраивали императрицу. В это время Франция, испытавши столько неудач в своих планах вредить России, приняла решительное намерение подружиться с нею. Король, в соумышлении с принцем Конти, решил отправить в Россию тайного агента для узнания политической почвы: выбор пал на шотландского эмигранта Мэкензи Дугласа -сторонника Стюартов, товарища последнего претендента, и, в качестве гонимого английским правительством, проживавшего



во Франции. Этот господин в 1755 году отправился в путь под видом английского туриста, под предлогом изучения в разных странах рудопроизводства, проехал через австрийские владения и Польшу и прибыл в Петербург. Чтобы получить разные необходимые сведения о России, он, в качестве англичанина, обратился к английскому посланнику Вильямсу, но тот сразу разгадал, какая птица прилетела к нему, и Дуглас поспешил поскорее убраться из России, опасаясь быть посаженным в Шлиссельбургскую крепость по подозрению в шпионстве, как уже недавно случилось с другим французским проходившим. Современные рассказы повествуют, что Дуглас успел тогда через посредство Воронцова ввести к императрице секретаря своего, кавалера д'Эона: женоподобное лицо последнего дозволило будто бы одеть его в женское платье и поместить в качестве фрейлины близ императрицы. Устроивши свою проделку, Дуглас возвратился во Францию с тем, чтобы явиться снова в Россию при лучших условиях. Он недолго был во Франции и прибыл снова в Петербург 26-го апреля 1756 года, и в этот раз получил совсем иной, более радужный прием. Этому он обязан был искусству д'Эона, который, отлично играя роль женщины, вошел в доверенность к Елисавете и, наконец, открыл ей свой пол. Елисавета простила эту проделку и поручила сказать королю Людовику XV, что рада находиться с ним в дружеском союзе. Д'Эон тотчас воротился в отечество и вскоре опять приехал в Петербург уже не простым туристом, а в качестве секретаря при Дугласе, который теперь явился официальным лицом, уполномоченным от короля. Сказка о мужчине, помещенном у Елисаветы в виде девицы, составляла долго предмет романических рассказов, а в последнее время опровергнута историческими исследованиями. На самом деле кавалер д'Эон первый раз явился в России только во второе прибытие туда Дугласа и был таким новичком в чужой земле, что не знал, как ему и повернуться. Дуглас и д'Эон приютились у своего соотечественника Мишеля, богатого негоцианта, близко известного Воронцову и уже два раза ездившего, с согласия последнего, во Францию с политическими соображениями<sup>102</sup>.

Императрица Елисавета давно уже ненавидела прусского короля. «Этот государь, – говорила она о нем, – Бога не боится, в Бога не верит, кощунствует над святыми, в церковь никогда не ходит и с женою по закону не живет». Когда русские гренадеры, служившие в Пруссии, воротились в отечество, они рассказывали слышанное ими от королевских прислужников в Потсдаме, что Фридрих с пренебрежением отзывался о русской государыне и порицал ее. Это огорчало Елисавету. Но были причины, затронувшие еще за более живое место сердце государыни. По внешним признакам могло всем казаться, что корона досталась Елисавете легко. Стоило только вывезти из Зимнего дворца брауншвейгскую чету, а самой взять на руки и увезти с собою младенца-императора – и все пойдет спокойно. И в самом деле, по наружности все могло и должно было казаться, будто все обстоит благополучно и престол дочери Петра Первого стоит так же твердо и незыблемо, как престол ее предков. На самом же деле катастрофа, доставившая Елисавете корону, отразилась тяжелым бременем на все правление Елисаветы. Император, так легко сведенный с престола, так заботливо заключенный и для всего мира неведомый, во всю жизнь Елисаветы стоял перед ней привидением до ее кончины. Это привидение не давало ей надолго забыться в своем величии. То здесь, то там появлялся страшный призрак и появлялся в разных видах, при различной обстановке. То внутренние заговоры грозили Елисавете Петровне возвращением на свет низверженного императора, то из-за границы пугало ее опасение, что враждебные ей государи поднимут против нее знамя с именем императора Иоанна, с тем, чтобы в самое роковое время отклонить от нее русский народ, так скоро и так покорно признавший власть ее над собою. И такое привидение стал выставлять Елисавете Фридрих II-й, который несколько лет тому назад так обязательно давал русской государыне советы припрятать подальше брауншвейгскую фамилию. Теперь времена были не те. Елисавета не ценила союза с Фридрихом, предпочла ему союз с его соперницею Мариєю-Терезиею. И он не простил этого Елисавете; он стал относиться иначе к ней и к России.

Попался в то время в тайной канцелярии какой-то проходимец, пробиравшийся в Пруссию через русские раскольничьи слободы, заселившиеся в Польше. Это оказался тобольский посадский человек Иван Зубарев. Он был уже известен русскому правительству плутовскими проделками и еще ранее заявлял, что будто нашел он золотые прииски и серебряные руды, но потом сознался, что лгал, в надежде обмануть правительство и выпросить себе привилегию на устройство заводов: Зубарева соблазняла эта привилегия тем, что влекла за собою право владеть населенным имением. В 1754 году Зубарева отослали в сыскной приказ, но оттуда он успел бежать. В январе 1756 года этот Зубарев, вместе с другими лицами, был задержан в малороссийском селе Милушках по обвинению в краже лошадей, сказал за собою государево «слово и дело» и был доставлен в тайную канцелярию. Здесь он рассказал целую повесть о своих приключениях в Пруссии и о свидании с самим прусским королем. В его повествовании правда перепуталась с ложью. Он рассказывал, что в начале 1755 года находился извозчиком у русских беглых купцов для отвоза товаров в прусский город Королевец (Кенигсберг). Там пригласили его в трактир и стали вербовать в прусское войско. Он рассказывал далее, как он был у фельдмаршала прусского Левальда (перекрещенного рассказчиком в Ливонта), как потом с прусским офицером поехал, под крепким присмотром, в Берлин, а оттуда в Потсдам, в королевскую резиденцию, и там увидал двух генералов. Из них один назвался дядюшкой бывшего императора Ивана Антоновича, а другой – генералом Манштейном, бывшим когда-то в русской службе с чином полковника и находившимся адъютантом при фельдмаршале Минихе. Сам Зубарев перед ними выдавал себя за бывшего гвардейца, который хочет скрыть себя и представиться купцом. Манштейн ввел его к королю, а король дал поручение ехать сперва в раскольничьи слободы и расположить раскольников признать государем Ивана Антоновича, когда тот будет освобожден. В благодарность раскольникам за сочувствие, он должен был обещать им в царствование Ивана Антоновича полную свободу

вероисповедания, а до того времени сообщить им от короля прусского обещание выхлопотать у патриарха посвящение раскольников епископа. Затем поручалось Зубареву из раскольников слобод съездить в Холмогоры и подать весть принцу Антону-Ульриху, что весною 1756 года явятся к Архангельску прусские корабли под видом купеческих, чтобы освободить принца с сыном, низверженным императором. Тут Зубареву показали капитана корабля, которому будет поручено взять Ивана Антоновича с отцом. Зубарев прибавлял (вероятно, прилыгая), будто его пожаловали полковником прусской службы и вручили тысячу червонных и две золотые медали, которые велели зашить в сапог под подошву. Манштейн давал Зубареву совет – перешедши русскую границу, добыть себе фальшивый паспорт, под видом крестьянина или купца пробраться в Холмогоры, там подкупить какую-нибудь бабу портомойку или солдата, и таким путем увидаться с Антоном-Ульрихом, вручить ему медали и сказать, что прислан от прусского короля и от братьев Антона-Ульриха: пусть Антон-Ульрих с сыном готовится к уходу из России на корабле, который будет дожидаться его у города Архангельска, а сам Зубарев, передавши все это Антону-Ульриху и осмотревши место, где он содержится с семейством, должен идти к Архангельску, встретить там знакомое ему лицо -капитана с командой, и с ним уговориться, как увезти Антона-Ульриха с сыном. Если окажется, что караульные стерегут пленников слабо, то подкупить их деньгами, либо напоить пьяными, а если караул окажется строгим, то подкупить каких-нибудь бурлаков и при их содействии провести капитана с командой в Холмогоры, разбить караул, освободить Антона-Ульриха с сыном и доставить их на корабле в Пруссию. Снаряженный таким образом Зубарев сообщил обо всем в Польше монахам раскольников монастыря – Лаврентьевского, а оттуда, отправившись в Россию с намерением следовать в Холмогоры, был задержан и препровожден в тайную канцелярию.

В пояснение этого сознания Зубарева, некто дворовый человек помещика Загряжского, Василий Иларионов, шатавшийся по раскольниковым скитам, основанным в Польше

беглыми русскими раскольниками, заявил, что видел лично этого Зубарева в Лаврентьевском монастыре и потом слышал, что он ездил извозчиком с товарами в прусский город Королевец, в одном обозе с другими беглыми людьми, под именем Ивана Васильева, и, приехавши в Королевец, спрашивал у прусских солдат, где у них ратуша, и когда ему ратушу показали, то, обратясь к своим товарищам, сказал: «Прощайте, братцы! Я буду просить, чтобы меня повезли к прусскому королю: мне до прусского короля нужда!» С этими словами пошел он с прусскими солдатами в ратушу, и с тех пор никто из бывших с ним в обозе его не видал<sup>103</sup>.

Несмотря на ложь, впутанную в правду, из этих известий можно заключить, что Зубарев ездил действительно в Пруссию, к королю Фридриху II агентом от поселившихся в Польше раскольников, которые уже не в первый раз обращались к прусскому королю хлопотать, чтобы через его посредство добыть себе от патриарха собственного раскольниковьего епископа: сам Зубарев в своем показании говорит, что уже прежде приезжал к королю от раскольников какой-то поп, но пруссаки почему-то не поверили ему. В показании Зубарева, данном в тайной канцелярии и, конечно, вынужденном страхом, не совсем точно рассказаны приключения его в Пруссии, как всегда бывало в показаниях попавшихся в тайную канцелярию. Плуты, к каким, без сомнения, принадлежал Зубарев, обыкновенно уже сознаваясь, все-таки до последней возможности лгали, даже и тогда, когда ложь их нисколько не могла доставить им спасения. История этого Зубарева в свое время имела немаловажное значение в ряду причин, решивших тогдашнюю политику России по отношению к Пруссии, а еще более по отношению к судьбе несчастного Ивана Антоновича. Фридрих II ухватился за самое чувствительное место для своей соперницы - Елисаветы Петровны. Он увидал в расколе слабую сторону России и хотел явиться при случае покровителем гонимых Елисаветою раскольников, соединив их дело с делом брауншвейгского принца. Вот почему, тотчас после зубаревской истории, последовало секретное распоряжение переместить Ивана Антоновича из Холмогор в Шлиссельбургскую темницу. И

тогда же Елисавета Петровна, не колеблясь более, дала обещание Дугласу послать во Францию своего уполномоченного посла, принять у себя французского посланника и ввести Россию в союз Франции с Австриею против Фридриха II.

Бестужев был посрамлен. Ему ничего более не оставалось, как притворяться, что разделяет мнение тех, которые, без совета с ним, нашли выгодным для России союз с Франциею. Бестужев сознавал свое бессилие перед любимцем Елисаветы. «Наше несчастье, – говорил Бестужев английскому послу, – состоит в том, что он говорит по-французски и любит французские моды. Ему страх как хочется иметь при дворе француза-посланника. Власть его так велика, что нам тут невозможно ничего поделаться»<sup>104</sup>.

Между тем Англия, в добром расположении которой Бестужев так уверял императрицу, вдруг, неожиданно для России, 19-го января 1757 года заключила союзный договор с Пруссиею. Вилиамс старался перед Бестужевым доказывать, что такой договор Англии с Пруссиею не должен нарушать дружеских отношений между Англиею и Россиею; однако Бестужев тут же сообщил ему, что императрица, услышавши о таком договоре, очень раздражена и недовольна. Как бы в отместку за то Англии, Елисавета, не отказываясь ратифицировать составленный уже прежде договор Англии с Россиею, приписала оговорку, что обещаваемые в пособие Англии русские войска обязаны будут действовать только против прусского, а отнюдь не против каких-либо иных неприятелей английского короля. В договоре с Франциею обеим сторонам пришлось также употребить подобные предостережения друг против друга. Французский король был недоволен Дугласом за слишком широкий смысл помощи, обещаемый Франциею России, и при ратификации договора писал к Елисавете, прося освободить его от обязательства оказывать России содействие в случае войны ее с Турциею. Елисавета согласилась, но выговорила для себя условие никак не вмешиваться в войну между Франциею и Англиею. 1-го мая 1757 года в Версале заключен был окончательный оборонительный договор между Франциею, Австриею и Россиею, направленный прямо против

прусского короля, а 22-го сентября того же года к этому договору присоединилась и Швеция<sup>105</sup>.

## VI. Эпоха Семилетней войны

*Вступление российского войска в Пруссию. -Главнокомандующий Априксин. – Неловкое положение Апраксина и Бестужева. – Покорение Мемеля. – Жестокий характер войны с обеих сторон. – Гросс-Эгерсдорфская битва. – Победа русских и отступление. – Арестование и смерть Апраксина. – Проект Бестужева. – Болезни императрицы.-Опала, постигшая Бестужева.-Неудовольствия между императрицею и великою княгинею.-Ночное свидание между ними. – Главнокомандующий Фермор. – Курляндское дело.-Цорндорфская битва.-Главнокомандующий Салтыков.– Куннерсдорфская битва.– Поражение Фридриха.– Покушение русских на Берлин. -Завоевание и оставление Берлина. – Неудачные попытки к миру. – Генерал Румянцев. – Осада и взятие приморского города Кольберга.*

Летом 1757 года русское войско было отправлено на войну против Пруссии. Начальство над ним поручено было генерал-аншефу Степану Федоровичу Апраксину. Этот человек в военном деле не ознаменовал себя ничем блестящим в предшествовавшее время, кроме разве того, что, бывши еще не в слишком высоких чинах, участвовал в войнах Миниха против турок. Это был тщеславный, изнеженный, обленившийся боярин, хотя не без природных способностей. Английский посол Вилиамс, знавший его лично, сообщает, что он был большой щеголь и, отправляясь в поход, послал своего адъютанта в свой дом привезти ему двенадцать полных костюмов, точно так, как будто он собирался не воевать, а рисоваться перед дамами. По приговору другого англичанина, Мичеля, Апраксин, несмотря на свои огромные богатства, был очень расточителен и способен на подкуп, что и подавало прусскому королю повод говорить, что стоит послать ему значительную сумму денег, чтоб побудить его замедлить свой марш под какими-нибудь предложениями<sup>106</sup>. Его обоз везли более пятисот лошадей; а когда приходилось стоять, тут добывались и ставились великолепные, обширные палатки, где отправлялись шумные пиршества с



музыкою и пальбою<sup>107</sup>. Подчиненные говорили о нем, что он привык более пировать за сытными обедами, валяться в пуховиках, чем довольствоваться походною пищею и неприветливым ночлегом под дождем. Положение, в котором очутился Апраксин, будучи призван волею императрицы к начальству над войском, было критическое, и это признавали как он, так и Бестужев. Императрица ненавидела прусского короля, но малый двор с великим князем и великою княгинею во главе относился совсем иначе к Пруссии и Англии. Великий князь постоянно восторгался прусским королем и старался копировать его, а великая княгиня казалась более расположенною к Англии, чем к Франции. Случись смерть императрицы, – а при ее частых припадках болезни этого можно было ожидать, – и вся политика России изменилась бы. Вместо союза против Пруссии образовался бы в Европе союз за Пруссию, и Россия, управляемая новым государем, приняла бы в таком союзе первенствующее значение. Нужно было Апраксину искусно лавировать – идти вперед на войну, исполняя волю государыни, и в то же время оглядываться – что делается позади, в Петербурге.

Русское войско, вступившее в Пруссию, по одним известиям, состояло из ста тысяч<sup>108</sup>, по другим<sup>109</sup>, – число его доходило до ста тридцати четырех тысяч. Русские вступили в Пруссию 22-го июля. Прусский король лично был занят войною в Саксонии и Богемии, а на русской границе оставил корпус под начальством фельдмаршала Левальда. Количество войска, бывшего под его начальством, пруссаки простирают до двадцати четырех тысяч; из русских источников одни полагают его в 28300 человек<sup>110</sup>, другие – в 40000<sup>111</sup>. Как только русские вошли в Пруссию, так стали сдаваться города отдельным их отрядам. Генерал Фермор покорил Мемель; хотя мемельский гарнизон сдался на капитуляцию с правом беспрепятственного выхода, но русские многих из прусских солдат завербовали в свою службу, употребляя и принуждения, что, впрочем, было повсеместно в обычае в тот век<sup>112</sup>. Кроме солдат, русские забрали тогда многих мирных обывателей, промышленников и

земледельцев, и отправили их в Россию для заселения пустых мест.

Простой народ при вступлении неприятеля во владения прусского короля не остался равнодушным и стал оказывать пособие своим войскам. Русский фельдмаршал издал манифест, в котором убеждал прусских подданных не оказывать неприязненных действий, и со своей стороны обещал не позволять своим подчиненным делать вред мирному населению. Несмотря на этот манифест, поселяне стреляли по русским солдатам из-за кустов и лесных деревьев. Апраксин отправил нарочного к прусскому главнокомандующему, просил запретить такие нападения и, в противном случае, угрожал наказывать поступающих с русскими по-неприятельски. Но Левальд не издал такого запрещения, и русский фельдмаршал дал своим войскам дозволение поступать как с неприятелями с теми селениями, где обыватели начнут нападать на русских. Как только проводили о таком дозволении иррегулярные войска – казаки и калмыки, – тотчас без разбора, кто прав, кто виноват, стали обращаться с поселянами самым варварским образом. Они не только грабили крестьянские пожитки, кололи для своего прокормления и угоняли для продажи своему войску крестьянский скот, но самих людей подвергали страшным, бесчеловечным мукам: одних удавливали петлей, других живьем потрошили, похищали у матерей малых детей и убивали, – сжигали дотла крестьянские жилища, и те поселяне, которые успевали спастись от их зверства, лишившись своих домов, прятались в лесах, а выходя из своих убежищ, просили своих земляков давать им вместо милостыни ружья, порох и свинец, чтобы мстить врагам. Регулярные войска не одобряли такого способа ведения войны с мирными жителями, но и они сами во время похода не держались дорог, а шли по полям, засеянным хлебом, и это озлобляло жителей; они продолжали вести партизанскую войну, нападая на русских отдельными партиями; а русские за это, поймавши в таком деле поселян, отрубивали им на руках пальцы и потом пускали<sup>113</sup>. Так показали себя, тотчас по вступлении в Пруссию, с одной

стороны, русские, с другой – мирные обыватели прусских владений, большею частью литовцы по происхождению.

После нескольких стычек, кончавшихся то с пользой, то с вредом для русских, русские перешли реку Прегель и на Гросс-Эгерсдорфском поле (близ деревень Гросс- и Клейн-Эгерсдорф) встретились с прусскою армиею под командой Левальда. Здесь произошло первое генеральное сражение. Сначала пруссаки одолевали и приперли русских к лесу, но за этим лесом стояло остальное русское войско; из него отряд под начальством генерала Румянцева пробрался через лесные заросли на выручку стесненному пруссаками русскому отряду. Пруссаки попятись, и вскоре их отступление превратилось в настоящее бегство. Русские потеряли в этой битве до пяти тысяч убитыми и ранеными, и в числе их генерала Василия Абрамовича Лопухина, которого чрезвычайно любили все подчиненные и разнесли о нем такую громкую славу, что имя его до сих пор осталось в народной песне, несмотря на множество последующих войн и геройских подвигов русских полководцев. Смерть его очень напоминает смерть древнего греческого героя Эпаминонда. Раненый смертельно и схваченный в плен, он был отбит своими уже полуживым и спокойно испустил дыхание, когда узнал, что русские побеждают. Пруссаки в Гросс-Эгерсдорфской битве потеряли до трех тысяч убитыми и ранеными<sup>114</sup>.

До 22-го августа войско стояло на поле победы и праздновало свое торжество над неприятелем. Когда, наконец, в вышеозначенный день на заре забили генеральный марш, все были уверены, что фельдмаршал движается для овладения Кенигсбергом. Фельдмаршал хотя и двинулся, но чрезвычайно медленно, беспрестанно останавливался и напрасно мучил солдат невыносимую жарою, господствовавшею в ту пору года. Русские проходили в сутки не более как от четырех до пяти верст. Дошедши до речки Ааля, фельдмаршал созвал на военный совет генералов и представил им, что за скудостью провианта и фуража нельзя идти далее в неприятельской стране – и остается вернуться назад в Россию. Против этого сильно протестовал командир союзного саксонского войска

Сибильский; недовольны были офицеры и в русском войске, но не смели противоречить воле начальника, предполагая, что он руководствуется высочайшим приказанием. 13, 14 и 15-го сентября русские переправились обратно через Неман. Возвратный путь их по неприятельской земле ознаменован был разорениями. «Мы, – говорит очевидец, – поступали как сущие варвары<sup>115</sup>: жгли повсюду села, дворянские усадьбы и деревни; по нашим следам днем курился везде дым, а ночью повсюду виднелись пожарные зарева. И все это ради того, что два эскадрона неприятельской конницы следовали за нами для примечания наших движений, а наш фельдмаршал не мог того рассудить, что нам они ничего важного сделать не могут, и вместо того, чтобы послать часть войска и прогнать их, он рассудил за лучшее опустошать огнем и мечом все остающиеся позади нас места».

Фельдмаршал получил от государыни строгий приказ не возвращаться в Россию, а продолжать воинственный поход в Пруссию. В таком же смысле писали к нему Бестужев и великая княгиня. Тем не менее, Апраксин снова доносил о невозможности немедленно продолжать поход. Его потребовали к отчету в Петербург, но на половине дороги, когда он доехал до Нарвы, ему послали приказание оставаться в этом городе. Туда прислана была комиссия для производства над ним следствия. Через несколько времени его потребовали в Петербург, но на дороге опять остановили, пославши приказание жить в селении Четыре-Руки – небольшом царском летнем доме. Там он и умер от апоплексического удара.

Общее мнение за границу о поступках Апраксина было таково, что он совершил свое отступление в соумышлении с канцлером Бестужевым. Некоторые обвиняли их обоих прямо в подкупе. Иностранные источники<sup>116</sup> прямо говорят, что английский посланник Вилиамс убедил Апраксина принять от Фридриха II сто тысяч талеров. Было в ходу и другое объяснение его поступков. Бестужев и Апраксин знали, что великий князь слишком расположен к прусскому королю, и если государыня умрет, а наследник ее станет императором, то немедленно объявит себя на стороне прусского короля; о

великой княгине также было можно надеяться, что и она не расположена враждебно к Пруссии и к Англии. Между тем Елисавета Петровна беспрестанно хворала; ее припадки угрожали возможностью внезапной смерти. Поэтому Бестужев и Апраксин рассчитывали действовать так, чтобы, в случае перемены, не оставаться пред новым правительством заклятыми врагами прусского короля, который тогда станет союзником русского государя.

Такое толкование поступков Бестужева и Апраксина имело несколько оснований, но не было в точности верно, потому что европейские политики не вполне знали, что делается в России. Дело было вот в чем. Молодая высокая чета – великий князь и великая княгиня жили между собою в крайнем несогласии. Екатерина старалась обратить к делу своего супруга, – но ей это решительно не удавалось. Он грубо оскорблял жену и часто доводил ее до заявления, что она покинет и его, и Россию. Что касается до Елисаветы, то она хотя вполне понимала характер своего преемника, но горячо любила его, и к Екатерине относилась также с видимою любовью и желала, чтобы между этими супругами утвердилось согласие. Влияние тетки не переделало племянника. Екатерина в своих записках представляет странное обычное времяпрепровождение великого князя в ту эпоху.

Понятно, что такой преемник Елисаветы на престоле не мог подавать хороших надежд. По свидетельству Екатерины, Елисавета и четверти часа не могла пробыть с ним наедине и часто жаловалась, что считает себе великим несчастьем, что Бог послал ей такого преемника. Она даже подчас из презрения к нему давала ему различные прозвища. Тем не менее, однако, как подчас ни сердилась на него тетка, а все ему прощала, потому что никак не могла побороть в себе любви к нему, как к сыну умершей, любимой сестры своей. Никого столько не беспокоило такое положение дел в России, как Бестужева, человека с таким же государственным умом, как и с безмерным самолюбием. Болезни императрицы с каждым месяцем все более и более усиливались; после каждого припадка она дня два находилась в таком истощении сил, что не могла не только

говорить, но и слышать говорящих в ее присутствии. Об одном из таких припадков, случившемся в сентябре, уведомили Апраксина – по одним известиям, Бестужев<sup>117</sup>, по другим – дочь Апраксина, Куракина, и Апраксин, опасаясь, что императрица может внезапно умереть и война примет иной оборот, решился отступить под благовидными предлогами. Бестужев думал поправить ошибку Апраксина и упросил великую княгиню написать к фельдмаршалу письмо, убеждающее, сообразно воле императрицы, идти с войском вперед для уничтожения неблагоприятных слухов, которые распускали о нем его недоброжелатели. Австрийский посол Эстергази, думая, что все это делается по желанию великого князя, советовал последнему просить у тетки прощения и сознаться, что действовал по внушению дурных советников, разумея под такими советниками главным образом Бестужева. Великий князь так и поступил. Елисавета приняла племянника очень ласково и, слушая его обвинения, озлобилась на последнего<sup>118</sup>.

Из опасения, что с внезапною кончиною императрицы престол достанется в обладание Петру, Бестужев составил проект, по одним известиям – объявить преемником Елисаветы ее внука, трехлетнего великого князя Павла Петровича, поручив на время его малолетства регентство его матери<sup>119</sup>, по другим известиям, – оставя подобающий Петру Федоровичу императорский титул, – устранить его от действительной власти и предоставить публичное участие в правительстве великой княгине<sup>120</sup>. Вместе с тем, Бестужев знал, что Петр Федорович не терпит его и, ставши императором, непременно так или иначе постарается удалить его. Поэтому Бестужев в своем проекте написал, чтобы при таком предполагаемом по кончине Елисаветы образе правления все сановники оставались на своих местах, и сам он, Бестужев, был бы назначен подполковником четырех гвардейских полков и председателем трех коллегий: военной, адмиралтейской и иностранных дел. Видно было, что ограждая самого себя, канцлер ясно предвидел будущее и хотел, в наиболее легком для великого князя компромиссе, заранее учинить то, что действительно случилось в России по смерти Елисаветы, но не так удобно для великого

князя. Бестужев признавал тогда уже, что при том положении, в каком стояли дела в русской правительственной сфере, было единственное лицо, способное, по уму и по талантам, захватив в свои руки власть, укрепить расшатанную с кончиною Петра Великого Россию: – таким лицом была Екатерина. Проект свой канцлер предполагал при удобном случае, выбрав подходящее время, поднести Елисавете Петровне; но императрица беспрестанно болела, а канцлера к себе не допускала, и не мог он долго найти удобного времени и средства сделать это, тем более, что тут была сторона щекотливая: Елисавете Петровне беспокойно было слышать о мерах в случае ее смерти, да и умирать ей вовсе не хотелось. Бестужев сообщал свой проект Екатерине через посредство лица, близкого тогда к ее особе, польского уполномоченного графа Понятовского (будущего польского короля Станислава-Августа). Екатерина на словах поручила передать канцлеру благодарность, но объявила, что считает этот проект пока трудноисполнимым. Бестужев несколько раз переписывал свой проект: то сжигал, то снова составлял, пока, наконец, 26-го февраля 1758 года не стряслась над ним беда.

Елисавета, как мы уже говорили, никогда не любившая канцлера, безгранично доверяла ему все важные государственные дела, хотя она несколько лет и в глаза его не видела, и все доклады от канцлера доставлялись ей через Шуваловых или через вице-канцлера Воронцова. Но мало-помалу все стали замечать, что и заглазно императрица не терпела Бестужева, и слышать о нем было ей противно. В сентябре 1757 года французский посланник де Лопиталь доносил своему правительству, что Бестужев едва-едва держится только потому, что императрица не найдет еще человека, который так, как он, был бы знаком с политическими делами<sup>121</sup>.

25-го февраля 1758 года Бестужева потребовали во дворец, в конференцию. Сначала он стал отговариваться болезнью, но тут последовало вторичное повеление государыни – без всяких отговорок прибыть немедленно. Бестужев поехал, но едва у крыльца дворцового подъезда вышел из коляски, как

ему была объявлена немилость государыни; у него отняли шпагу и препроводили в собственный дом, где он должен был оставаться под строгим караулом. Назначили следственную комиссию из фельдмаршалов – князя Никиты Трубецкого и Бутурлина, и графа Александра Шувалова, начальника тайной канцелярии; секретарем этой комиссии был Волков, человек, долго покровительствуемый Бестужевым и пользовавшийся его доверием. Разом с Бестужевым арестовали Одадурова, бывшего наставника великой княгини в русском языке, Елагина, бывшего адъютантом у графа Алексея Разумовского, большого приятеля Понятовскому, и бриллианщика Бернарди, ловкого итальянца, постоянно бегавшего по знатым домам с поручениями. На другой же день после своего ареста, через управлявшего голштинскими делами великого князя Штамбке, Бестужев дал знать Екатерине, чтоб она ничего не опасалась – что все сожжено: он разумел проект свой. Действительно, в пересмотренных его бумагах этот проект не был найден, хотя все, и даже сама императрица, знали о том, что канцлер составлял его. Бестужев условился с Штамбке вперед вести переписку, а записки класть в груды кирпичей, находившуюся возле дома, где содержался арестованный Бестужев. Но вскоре переписка была открыта: схвачен был музыкант, приходивший класть записку в кирпичи.

Бестужеву в комиссии задавали такие вопросы: зачем он искал предпочтительно милости у великой княгини, а не у великого князя? Зачем скрывал от императрицы переписку, которую вела великая княгиня с Апраксиным? Допрашивали, кроме того – что значит написанный им и открытый в груды кирпичей совет великой княгине «поступать смело и бодро с твердостью и помнить, что подозрениями ничего доказать нельзя». Бестужев отвечал, что он особой милости у великой княгини не искал, – напротив, пока великая княгиня была предана прусскому королю, он вскрывал ее письма, но потом это оказалось излишним, потому что великая княгиня возненавидела прусского короля; в письмах ее к Апраксину предосудительного ничего не было, и в таком смысле он писал к великой княгине, что одними подозрениями ничего доказать



нельзя. Проекта о престолонаследии никак не отыскали, и, не имея в руках этого документа, который мог служить доказательством государственной измены, старались изыскать окольные пути к его обвинению; допрашивали, например: какие тайные конференции были у Бестужева со Штамбеке и с Понятовским; были ли другие письма великой княгини к Апраксину, кроме уже открытых. О сношениях с Понятовским Бестужев объявил, что он думал через него оградить себя от интриг австрийского посланника Эстергази и французского – маркиза де Лопиталья. «Я хотел, – говорил Бестужев, – найти в Понятовском хотя одного к себе расположенного иностранного министра, который бы меня уведомлял о их кознях». Волков явился врагом Бестужева и обличителем: он высказывал в комиссии разные подробности, которыми пользовались враждебные Бестужеву следователи, но, за неимением в руках проекта, все-таки не могли Бестужева погубить окончательно. Продержали Бестужева под арестом 14 месяцев; сидел он безвыходно в своем доме, постоянно стесняемый караульными солдатами. Через полтора месяца по его заточении приезжал к нему личный враг его князь Трубецкой, председатель учрежденной над Бестужевым комиссии, осведомляться – строго ли содержат арестанта, и дал приказание не отлучаться из его покоев сержанту и часовым, не давать ему ножей, никого к нему не допускать, кроме его служителя Редкина. Жена его беспрестанно плакала, сын сердился, а старик Алексей Петрович только стонал и воображал, что вот скоро наступит его последний час. Наконец, в апреле 1759 года состоялся над ним приговор; его обвинили в том, что он старался вооружить великого князя и великую княгиню против императрицы, не исполнял письменных высочайших указов, а своими противодейственными происками мешал их исполнению; знал, что Апраксин не хочет идти против неприятеля, – не доносил о том государыне, а вместо донесения хотел все исправить собою «при вплетении в непозволенную переписку такой персоны, которая не должна была принимать участия, и тем нечувствительно в самодержавное государство вводил соправителей и сам соправителем делался». Наконец и в том

его обвинили, что, «будучи под арестом, открыл письменно такие тайны, о которых и говорить под смертною казнью запрещалось»<sup>122</sup>. За все эти вины комиссия приговорила его к смертной казни, но Елисавета Петровна смягчила судьбу своего бывшего великого канцлера и определила сослать его в одну из деревень его в Можайском уезде, по имени Горетово, с оставлением ему в собственность недвижимого имущества, с тем, однако, чтобы с него взысканы были все казенные долги. Там в уединении прожил этот государственный человек, читая библию и совершенствуя изобретенные им капли, которые он рассылал соседям против недугов. Впоследствии Екатерина, помня, что он, собственно, за нее потерпел, освободила его с большим почетом, отправивши к нему курьера в первый же день своего воцарения. Признанных его соучастниками – Штампке выслали за границу, Бернарди сослали в Казань на житье, Елагина – в его казанскую деревню. Одадурова наказали почетною ссылкой, назначив товарищем губернатора в Оренбурге.

Во время продолжительного нахождения Бестужева за караулом, Екатерина оставалась в самом ложном положении. Великий князь обращался с нею холодно и даже презрительно. Императрица также сердилась на нее и не видалась с нею. Наконец Екатерина решилась написать к императрице письмо по-русски, в котором благодарила за милости, оказанные ей с ее приезда в Россию, но сожалела, что навлекла на себя ненависть великого князя и явное нерасположение императрицы, а потому просила положить конец ее несчастьям и отослать ее к ее родственникам. Она просила продолжать попечения об остающихся ее детях, которых и без того она не видит, несмотря на то, что живет с ними под одною крышей: все равно для них, если она будет жить от них на расстоянии многих сот верст. Письмо это вручено было для передачи государыне Александру Шувалову, который потом словесно сообщил Екатерине, что императрица назначит личное свидание с великою княгинею.

Обещание свидания было дано; но дни за днями проходили, а оно не исполнялось. Наконец одна из

служительниц Екатерины, Шаргородская, посоветовала обратиться к духовнику императрицы, а также и великой княгини. По поручению последней, Шаргородская отправилась к этому священнику, который приходился ей дядею. Духовник посоветовал Екатерине сказатьсь больною и позвать его для напутствия. Она так и поступила. Духовник явился; великая княгиня рассказала ему о своем положении, жаловалась на любимцев императрицы Шуваловых, которые восстанавляют против нее государыню, сказала о письме, посланном ею к императрице, и просила священника содействовать к получению желаемого решения. Священник отправился от нее к императрице. Он сумел так заговорить к сердцу Елисаветы Петровны, что та послала к великой княгине Александра Шувалова сказать, что в следующую же ночь хочет говорить с нею. В эту назначенную ночь опять явился к Екатерине Шувалов и проводил ее к императрице. Входя в покои государыни, они встретили идущего туда же великого князя.

Вошли в длинную комнату о трех окнах; в простенках стояли столы с золотыми туалетами императрицы. В комнате были: императрица, великий князь, Александр Шувалов и великая княгиня. Екатерина подозревала, что за занавесками спрятались Шуваловы – Иван и его двоюродный брат Петр. Впоследствии Екатерина узнала, что в своих догадках ошиблась только наполовину: там не было Петра, но был Иван Шувалов.

Великая княгиня, увидя императрицу, припала к ее ногам и со слезами стала просить отпустить ее из России.

– Как мне отпустить тебя, – сказала Елисавета Петровна, и при этом слезы блеснули у нее на глазах, – у тебя ведь здесь есть дети!

– Дети мои у вас на руках – и им нигде не может быть лучше, – отвечала Екатерина, – я надеюсь, что вы их не оставите.

– Что же сказать обществу, по какой причине я тебя удалила? – возразила императрица.

– Ваше императорское величество объявите, если найдете приличным, чем я навлекла на себя вашу немилость и ненависть великого князя, – отвечала Екатерина.

- Чем же ты будешь жить? – спросила Елисавета.
- Тем же, чем жила прежде, пока не имела чести быть здесь, – был ответ.
- Твоя мать в бегах; она принуждена была удалиться из дома и отправилась в Париж, – говорила государыня.
- Король прусский преследует ее за излишнюю приверженность к русским интересам, – сказала Екатерина.
- Императрица велела ей встать, подошла к ней и говорила:
- Бог мне свидетель, как я о тебе плакала, когда ты была при смерти больна вскоре по приезде твоём в Россию; если б я тебя не любила, я тогда же отпустила бы тебя.
- Екатерина, в ответ на это, снова рассыпала благодарности и сожалела о том, что навлекла на себя немилость государыни.
- В то время, как императрица говорила с великой княгиней, великий князь переговаривал с Шуваловым. Государыня подошла к ним и вмешалась в их беседу. Екатерина не могла ничего расслышать до тех пор, пока супруг ее не возвысил голоса. Она услышала такие его слова:
- Она зла и чересчур много о себе думает.
- Екатерина подошла и произнесла:
- Если вы говорите обо мне, то я очень рада сказать вам в присутствии ее величества, что я действительно зла против тех, которые советуют вам делать несправедливости, и стала к вам высокомерна, потому что ласковым обращением с вами ничего не сделаешь, а только пуще навлекла на себя вашу неприязнь.
- Елисавета заметила племяннику, что слыхала от Екатерины о его дурных советчиках по голштинским делам; а когда тот выразил свое негодование на жену, императрица прервала его и завела речь о сношениях Штамбке с Бестужевым и, подошедши ближе к великой княгине, сказала:
- Ты мешаешься во многие дела, которые тебя не касаются; я не смела этого делать во время императрицы Анны. Как, например, осмеливалась ты посылать приказания фельдмаршалу Апраксину?
- Никогда мне в голову не приходило посылать свои приказания, – возразила Екатерина.

– Как ты можешь запираяться в переписке с ним!– сказала Елисавета.-Твои письма вон там на туалете!-Она указала на туалет и прибавила: – Тебе запрещено было писать.

– Правда, – сказала Екатерина, – я писала без позволения, и за это прошу простить меня; но так как мои письма здесь, то из этих трех писем ваше величество можете видеть, что я никогда не посылала ему приказаний, но в одном письме передавала ему то, что здесь говорили о его поступках.

– Зачем же ты писала ему об этом? – прервала ее Елисавета.

Затем, – отвечала Екатерина, – что принимала в нем участие. В этом письме я просила его исполнять ваши приказания. Из двух остальных писем, в одном – я поздравляю его с рождением дочери, в другом – с Новым годом.

Императрица заметила:

– Бестужев говорит, что было много еще писем.

– Если Бестужев это говорит, – отвечала Екатерина, – то он лжет!

– Хорошо же, – сказала тогда Елисавета, – так как он обличает тебя, то я велю его пытать.

Екатерина поняла эту угрозу в смысле желания напугать ее, и сказала:

– По самодержавной своей власти ваше величество можете делать все, что найдете нужным, а я все-таки утверждаю, что писала к Апраксину только три письма.

Императрица ничего не сказала, стала прохаживаться по комнате, обращаясь то к великой княгине, то к племяннику, то к Шувалову; в чертах лица и в голосе государыни Екатерина заметила более озабоченности, нежели гнева.

Екатерина повернула опять на просьбу отпустить ее из России,-она не будет, со своей стороны, препятствовать великому князю взять себе иную жену. По замечанию Екатерины, великому князю этого очень хотелось, чтобы посадить на место ее Воронцову; но императрица не могла бы согласиться на это, да и не допустили бы до этого и Шуваловы, которые ни за что бы не пожелали очутиться со временем под властью Воронцовых.

В заключение всего государыня сказала Екатерине вполголоса:

– У меня много еще о чем поговорить с тобой, но теперь не могу, потому что не хочу, чтоб вы еще больше рассорились. Идите к себе: уже поздно – три часа!<sup>123</sup>.

Вышли великий князь и великая княгиня. Государыня позвала к себе Шувалова.

Когда Екатерина пришла в свои покои, к ней вошел Шувалов и сказал, что государыня будет иметь с ней еще один разговор наедине. Это ночное свидание Елисаветы с Екатериною происходило 23-го апреля 1758 года<sup>124</sup>.

На другой день Екатеринына прислужница Шарогородская доставила ей сведения, полученные от ее дяди, духовника императрицы. Государыня сказала священнику, что ее племянник не умен, а великая княгиня очень умная женщина и любит истину и справедливость<sup>125</sup>.

Екатерина дождалась обещанного второго свидания, однако не считала нужным показывать перед другими, что оставила мысль об отъезде из России. 29-го мая она опять написала императрице письмо, в котором изъявляла желание прежде своего отъезда «иметь благополучие увидеть очи ее императорского величества и повергнуть себя к ножкам государыни с крайнейшею благодарностью»<sup>126</sup>. Великая княгиня в то же время сносила с изгнанным по делу Бестужева в казанские деревни Елагиным, послала ему триста червонцев и утешала его надеждою на друзей, между прочим на Разумовского и на Понятовского, которых в письмах своих означала загадочными именами.

Новый главнокомандующий российскими военными силами, заменивший Апраксина, был генерал-аншеф Фермор, человек очень скрытный; он говорил о своих планах один раз то, другой – иное, и двигался к Бранденбургии на соединение против пруссаков с австрийскими и шведскими союзными силами, хотя, по замечанию современников, плоха была надежда на прочность дружелюбия русских с австрийцами и шведами<sup>127</sup>.

В Петербурге между тем разрешался вопрос о Курляндии. Эта страна считалась по государственному праву ленным

владением Польши, но после Анны Ивановны попала в зависимость от России, и судьба ее не могла уже решаться без участия последней державы. Герцог Бирон не лишился ни своего права на герцогское достоинство, ни титула, но содержался в ссылке в Ярославле: его не отрешали от власти над Курляндией, но и не пускали править своим герцогством. Курляндия отдана была во временное управление выбранному от местного дворянства комитету главных советников, которые должны были слушаться российского резидента, а к нему в помощь, на случай, придавалось расставленное в Курляндии русское войско. Россия действовала там неограниченно еще и потому, что Курляндия, с того времени, как герцогинею была Анна Ивановна, задолжала России значительную сумму, по русскому счету 2532016 рублей<sup>128</sup>. Так как русская государыня ни за что не думала восстанавливать власть Бирона и отпускать его в Курляндию, то Август III, король польский и курфюрст саксонский, задумал отдать Курляндию своему сыну, принцу Карлу, и с этою целью отправил его представиться русской императрице. Прибывши в Петербург весною 1758 года, принц Карл очень понравился Елисавете Петровне, хотя не приобрел того же расположения от великого князя и его супруги, бывших под влиянием Понятовского – противника короля Августа. Елисавета Петровна обещала помогать вступлению на Курляндское герцогство принца Карла русскими военными силами, если только изберет его в герцоги курляндское дворянство; кроме того, она повелела своим уполномоченным в Польше Гроссу и Симолину стараться, чтобы сейм Речи Посполитой отнесся благосклонно к таковому избранию. Но собравшийся в Гродно польский сейм был сорван, и русские уполномоченные, за невозможностью собрать сейм вновь, настояли, чтобы курляндский вопрос разрешен был без сейма в сенате. Шестнадцать сенаторских голосов из двадцати решили его в пользу Карла, и Август III дал сыну инвеституру на герцогство Курляндское<sup>129</sup>.

Принц Карл, оставив Петербург 31-го июля 1758 года, поспешил к русской армии, чтоб находиться там в качестве союзника при главнокомандующем Ферморе. В августе 1758

года Фермор осадил крепость Кюстрин, жестоким и упорным бомбардированием истребил весь прилежавший к крепости город, но комендант крепости на требование русского главнокомандующего не сдавался, ожидая с часу на час выручки. Фридрих II, находившийся тогда с войском в Богемии, услышав о критическом положении Кюстрина, поспешил на выручку. Когда весть дошла до Фермора, что король приближается, русский главнокомандующий оставил осаду Кюстрина и выступил навстречу королю. Неприязненные войска сошлись 14 августа при деревне Цорндорфе, верстах в шести или семи от Кюстрина. Произошло сражение чрезвычайно кровопролитное. Фермор устроил свое войско продолговатым четвероугольником, в середине которого расположил обоз и конницу. Такой способ устройства войска был, кстати, в войнах Миниха против турок и татар, у которых вся военная сила состояла в коннице, но он не годился против дисциплинированной прусской пехоты. Фермор заметил слабость левого крыла прусского войска и выпустил на него из четвероугольника свою конницу, чтобы она врубилась в прусские ряды. Но прежде чем конница эта достигла неприятельского войска, она подняла такую пыль, что русские ничего не видали, и стали палить в собственную конницу. Пруссаки, заметив смятение в русском войске, ударили всею силою на его правое крыло, прорвали четвероугольник и стали овладевать русским обозом. Тут на беду русские солдаты, в полурастрепанном своем обозе, напали на бочки с вином и перепились. Все правое крыло русского войска было смято и уничтожено. Но на левом крыле русские не были пьяны; там защищались они с отчаянным мужеством и прогнали в болото атаковавшую их прусскую пехоту. Обе стороны дрались с равным ожесточением; растративши весь порох, работали шпагами и штыками; доходило дело до рукопашной; по окончании битвы и уборки тел нашли одного русского солдата, смертельно раненного: он лежал на умиравшем от ран пруссаке и грыз его зубами. Ночь прекратила битву. Войска так перемешались, что половина прусских пушек очутилась у русских, а половина русских – у пруссаков, и на первых порах



трудно было решить – какая сторона одолела; обе себе приписывали победу, пока наконец число погибших в бою не решило вопроса в пользу пруссаков. Русские потеряли более двадцати тысяч человек убитыми; взято было в плен несколько русских генералов, немало штаб- и обер-офицеров, более ста пушек и тридцать знамен. Пруссак потеряли двенадцать тысяч человек и двадцать пушек. Бывший в битве сын польского короля принц Карл прислал в Петербург к Воронцову донесение, в котором выставлял ошибки Фермора<sup>130</sup>. Согласно с ним и другие отзывались об этой битве<sup>131</sup>.

Дальнейшие движения Фермора с войском до конца 1758 года были безуспешны. Правительство было им недовольно, и в начале 1759 года он был вызван в Петербург и сменен, хотя и оставлен при своем новом преемнике в войске, а в марте того же года назначен был другой главнокомандующий – генерал-аншеф Петр Семенович Салтыков, начальствовавший украинскою ландмилициею, человек уже немолодой и до сих пор нигде не показавший ничем своих военных талантов. Он был, так сказать, в загоне, потому что считался сторонником брауншвейгской династии в прежнее время. Когда он прибыл к армии в Пруссию, то русские смеялись над ним и прозвали его курочкою: это был седенький, низкорослый старичок, ходивший всегда в белом ландмилиционном мундире без украшений и чуждый всякой пышности и церемонности, что русские привыкли тогда видеть у своих главнокомандующих. В июле он соединился с австрийским отрядом Лаудона. Русские выгнали пруссаков из Польши и достигли Франкфурта-на-Одере. Салтыков хотел соединиться с австрийскою главною армиею под начальством Дауна, но прусский король не допустил до соединения союзных войск и напал на русское войско, расположенное близ Франкфурта-на-Одере, при деревне Кунерсдорфе.

Утром рано Фридрих II переправился через Одер, думал окружить русское войско с трех сторон и прижать его к реке, но по причине лесов и буераков не мог поспеть ранее полудня. Заметив, что слабее других сторон русского войска было его левое крыло, он направил на него все силы, а его артиллерия,

установленная на близлежащих высотах, метала туда же свои заряды. Пруссакки легко овладели русскими батареями; а русские, выстраиваясь маленькими рядами, отстреливались, пригибаясь к земле, и все пятились назад, уступая место победоносному неприятелю, так что деревня Кунерсдорф, бывшая сначала в середине русского войска, очутилась позади пруссаков. В 6 часов вечера пруссаки овладели уже всеми русскими батареями; захватили 180 пушек и несколько тысяч пленных. Победа прусского короля казалась несомненною, и Фридрих отправил об этом радостное известие в Берлин и в Силезию, а между тем думал окончательно доконать русских. Напрасно прусские генералы предостерегали его, что войско изнемогает от продолжительного боя при утомительном зное. Король слушал только одного генерала Веделя, который старался говорить королю то, что последнему нравилось.

Битва возобновилась на этот раз за русскую батарею, построенную на еврейском кладбище и покинутую. Пруссакки хотели овладеть ею, но Лаудон с австрийцами поспел ранее занять ее. Не удалось пруссакам взобраться на высоту, называемую Шпицберген, очень крутую, опоясанную оврагом, через который пруссакам приходилось перелезать. Несколько раз они повторяли приступы, но были отгоняемы градом пуль и картечей. Прусские генералы были переранены, сам король был на волос от смерти, и только золотая «готовальня», бывшая у него в кармане, не допустила пули просадить ему грудь. В это время на ослабевших уже пруссаков напал с двух сторон Лаудон с конницей. Это решило победу над пруссаками. Все их войско побежало в лес и на мосты, где произошла давка и смятение. Пруссакки потеряли не только все взятые у русских орудия, но покинули и собственных шестьдесят пять. Фридрих II чуть сам не попался в плен и был одолжен своим спасением ротмистру Притвицу, который с отрядом гусар вступил в бой с русскою погонею, задержал ее и тем дал время Фридриху II ускользнуть от опасности. Фридрих, за несколько часов перед тем веривший в свое торжество и рассылавший курьеров с вестью о победе над русскими, пришел в такую скорбь, что желал себе смерти. «Из сорока восьми тысяч воинов у меня

осталось не более трех тысяч, – писал он тогда Финкенштейну, своему министру в Берлине, – все бежит; нет у меня власти остановить войско; пусть в Берлине думают о своей безопасности. Последствия битвы будут еще ужаснее самой битвы. Все потеряно. Я не переживу гибели моего отечества!» В России, напротив, известие о победе принесло великую радость и торжество. В церкви Зимнего дворца отправлялся благодарственный молебен, звонили в колокола, палили из орудий. Салтыков произведен был в фельдмаршалы, прочие генералы повышены в чинах и получили земли в Лифляндии; Мария-Терезия, со своей стороны, прислала Салтыкову и другим русским генералам подарки, состоявшие в дорогих вещах и червонцах. Русским стоила эта победа 2614 человек убитыми, 10 863 ранеными; неприятельских тел похоронено на месте битвы 7627; взято в плен 4542, дезертиров прусских было 2055; у Лаудона убито было 893 человека, ранено 1398. Победители взяли 28 знамен и 172 пушки<sup>132</sup>.

После победы Салтыков несколько времени не предпринимал движений ни вперед, ни назад, ни в сторону. Его недоверие к Дауну простиралось до того, что он говорил французскому агенту, бывшему в русском войске: «Австрийцы за тем призвали русское войско, чтоб его сгубить. Дауну хочется, чтоб русские дрались, а он со своим войском делал бы только диверсии»<sup>133</sup>. Недоверие между полководцами перешло на неприятные отношения и между их правительствами; тогда из Петербурга посылались в Вену жалобы на Кауница и на Дауна, а по Европе стало распространяться мнение, что медлительность Салтыкова после кунерсдорфской битвы есть плод тайных предписаний петербургского правительства, которое будто бы подпадало под сильное влияние новоприбывшего английского посланника Кейта и стало действовать не в пользу своих союзников австрийцев<sup>134</sup>. На самом деле, между австрийскою политикою и русскою ощутительно выказалось различие принципов, с которыми обе стороны смотрели на союз между собою. Австрийцы представляли русскому правительству, что русское войско в Пруссии должно действовать только как вспомогательная сила

для Австрии, но императрица Ели-савета Петровна отвечала, что это неверно, и сам Фридрих II давно объявил, что считает Россию главнейшим из своих неприятелей.<sup>135</sup>

В 1760 году Салтыков отступил в Польшу и расположил свое войско там на квартирах. Продолжались переговоры с австрийскими генералами о способах ведения войны, но из этого ровно ничего важного не выходило. Салтыков был болен: он подвергался припадкам ипохондрии и, кроме того, страдал часто лихорадкой. 12-го сентября он подал в отставку и сдал команду генералу Фермору. Фермор и Даун продолжали спорить между собою насчет движения военной силы. Наконец, 15-го сентября получено из Петербурга предписание послать отряд на Берлин, о чем уже прежде представлял Фермор. В то же время предпринята была вместе со шведами осада прусского города в Померании, Кольберга, но пошла неудачно. Русские, высадившись на берег, услышали, что на выручку Кольбергу идет прусское войско, наскоро посадили на суда свои силы и отплыли.<sup>136</sup>

Предприятие Тотлебена и Чернышова, отправленных на Берлин, было удачное: 22-го сентября Тотлебен стал перед берлинскими воротами. Фермор с главною армиею отошел к Франкфурту-на-Одере. Берлин, на левой стороне Шпре, огражден был стеною, на правой – палисадом и охранялся гарнизоном в три батальона. Комендант генерал Рохов находил невозможным чинить отпор и готов был сдаться на великодушие победителей, но приглашенные на военный совет генералы Левальд, Зейдлиц и принц Виртембергский уговорили его защищаться. Устроили у ворот шанцы, забрали в службу инвалидов и выздоравливающих солдат. Тотлебен приблизился к воротам Котбусским и Галльским и в 2 часа пополудни открыл огонь. Пруссаки дали отпор. Тотлебен увидал, что Берлина скоро взять нельзя, и отступил, оставивши у города казаков с двумя орудиями, а сам овладел замком Кепеником, но после сильного сопротивления. В это время в Берлин вошло еще девять батальонов пехоты. Услыхавши о таком усилении гарнизона в Берлине, дано было знать Фермору, с тем, чтоб просить подмоги. Фермор прислал отряд конницы и пехоты с

частью артиллерии. 26-го октября Тотлебен и Чернышов снова явились под Берлином, один на левой, другой на правой стороне реки Шпре. Тотлебен начал нападение с юга; против него защищался генерал Зейдлиц. Тут казаки узнали, что на подмогу Берлину из Потсдама идет прусский генерал Гюльзен. Тотлебен выслал против него отряд, но Гюльзен пробился сквозь него и расположился у Галльских ворот. Тотлебен отступил в Юстенгауз.

Ввиду усиления прусских сил в Берлине, Чернышов был того мнения, что придется оставить покушение овладеть Берлином, как получилось известие, что в содействие к русским подходит австрийский фельдцейхмейстер Ласси с восемнадцатью тысячами войска. И так под Берлином вдруг очутилось сорок тысяч неприятельского войска. По этой причине в ночь с 8-го на 9-е октября н.с. (27–28 сент. стар. ст.) в Берлине решили сдать город и гарнизон перевести в Шпандау.

В 4 часа утра комендант Рохов вручил капитуляцию Тотлебену. Последний принял ее, не сносаясь с Ласси и даже с Чернышовым, на условиях, чтобы гарнизон объявлен был военнопленным; все воинские запасы и государственное имущество поступали в распоряжение победителей, а частная собственность объявлялась неприкосновенною и всем обывателям Берлина предоставлялась личная безопасность.

Тотлебен вошел в Берлин с тремя полками, назначил комендантом Берлина бригадира Бахмана и тотчас вступил в продолжительные толки с местными властями о контрибуции. Тотлебен запросил четыре миллиона талеров, но к вечеру сошлись на полутора миллионах талеров. Часть этой контрибуции должна быть уплачена в течение восьми дней, а другая – в течение двух месяцев. Город, сверх того, дал войску подарок, так называемые *douceur-Gelden*. Квартир в городе не положено; торговля должна была невозбранно идти своим порядком. Русские взяли из королевской кассы 60000 талеров – более не было. Из цейхгауза взято 143 орудия, 18000 штук огнестрельного оружия и достаточное количество боевого запаса. В Потсдаме разорена была королевская оружейная фабрика, взорвана пороховая мельница, разрушен литейный

двор; вся запасная амуниция брошена была в реку Шпре, но королевские дворцы остались неразграбленными; только одну картину взял себе граф Эстергази. Фермор дал приказание истребить все королевское, но купцу Гацковскому удалось спасти лагергауз, золотые и серебряные мануфактуры, и вообще постараться, чтобы посещение неприятелей обошлось Берлину наименьшим вредом. Русские, в числе пленных с гарнизоном, взяли 2152 человека и кадетов со служителями 265 человек. Найдено в Берлине пленных австрийцев, немцев и шведов 4501 человек – все они получили свободу<sup>137</sup>.

Русские генералы мало показывали внимательности к австрийским, которые и не принимали участия в капитуляции. Тем не менее Ласси настоял у Чернышова, чтобы караулы у Потсдамских и Бранденбургских ворот были поручены австрийцам. Им досталось из добычи только 12 орудий, да и то бывших их же собственных, и одна четвертая часть *douceur-Gelden*, другая четверть досталась Чернышову, а половина – Тотлебену с его отрядом.

Но Ласси взял Потсдам и Шарлоттенбург; первый заплатил 60000 талеров контрибуции, частью наличною монетою, частью же векселями на Гамбург; другой – 15000 талеров; Ласси взял, кроме того, 5427 талеров *douceur-Gelden*. Ласси не обуздывал своих воинов, и только по ходатайству голландского посланника не дошло до полного разграбления. Услыхавши, что король прусский приближается с войском, русские 12-го октября н.с. (1-го октября стар. ст.) ушли к Франкфурту-на-Одере, а австрийцы – в Торгау<sup>138</sup>.

Уже всем воюющим сторонам война стала тяжела и несносна. И Франция, и Австрия, и Россия тратили громады людей и большие суммы денег, а дело их мало подвигалось. Не достигалась цель, с какою война была предпринята – ослабить и унижить прусского короля. При всех неудачах он, казалось, чем был несчастливее, тем выше вырастал в глазах не только своих подданных, но и тех наций, с которыми воевал. Во Франции сочувствие французской публики склонялось к Фридриху, внушавшему уважение своим необычайным геройством, и величайший писатель Франции – идол своего

века, Вольтер, в своих произведениях восхвалял не французского короля и его полководца, а Фридриха II, врага Франции и своего личного друга. В России, как ни упорно держалась императрица Елисавета ненависти к прусскому королю, но русский молодой двор относился к нему иначе: наследник престола Петр Федорович благоговел перед Фридрихом, а великая княгиня, если и не разделяла приверженности своего супруга к прусскому королю, не была, однако, так неприязненно настроена, как императрица; по ее воззрениям, России лучше всего было не мешаться в прусские дела. Господствующим побуждением великой княгини было собственное властолюбие; ее идеалом было достижение верховной власти, которую впоследствии она и приобрела, но Семилетняя война ни в каком случае не входила в расчет ее целей. Нельзя сказать, чтобы русские вообще желали этой войны, даже и те, которые находились тогда в войске и бились против Пруссии. Современники говорят, что все желали мира и возвращения в свое отечество; когда разнесся слух о проезде через Данциг какого-то курьера с мирными предложениями, слух этот произвел моментальную радость в войске. Россия вытягивала все скудные и без того экономические силы своего народа на содержание войск. Хотя Елисавета Петровна, показывая упорную ненависть к прусскому королю, говорила, что будет продолжать войну, если бы ей даже пришлось продать половину своего гардероба и своих бриллиантов<sup>139</sup>, но она не могла не чувствовать и не знать всей тяжести войны для подвластного ей народа. О финансовой тягости для России этой войны можно судить уже по тому, что каждый год не досылалось по несколько сот тысяч рублей до суммы, необходимой на содержание войска. Война, происходившая в середине Европы, ни для кого из европейцев не могла быть приятна: она задерживала торговлю и всякое мирное обращение людей между собою, а потому желание мира стало повсеместным.

Первые шаги к желанию примирения сделаны были Францией. Французская дипломатия стала входить с правительством австрийским в соглашение, как устроить мир, откровенно сознаваясь, что для ее государства война делается

нестерпимою. Австрия, в благодарность за пособие, оказанное Францией к возвращению Силезии, уступила Франции часть Фландрии, состоявшей до того в австрийском владении: это постановлялось секретною статьею, которую хотели скрыть от России<sup>140</sup>. Между тем, с Россиею у Франции велись довольно странные сношения: мимо собственного официального посланника де Лопиталья, Людовик XV в продолжение целого года вел с Елисаветою Петровною тайную дружескую переписку через посредство секретаря своего посольства, кавалера д'Эона. Предметами этой переписки отнюдь не были политические вопросы, да и вообще она не заключала в себе ничего важного. Половина всего написанного друг к другу высокими особами состоит из комплиментов и уверений в искренне-дружеском расположении. Императрица жаловалась на свою болезнь, и Людовик XV послал ей своего придворного врача Поассонье; но этот врач не сошелся с бывшим уже при императрице врачом, греком Кондоиди, который не хотел с французом советоваться, потому что последний был чином ниже его. Елисавета Петровна просила своего венчанного друга прислать к ней для развлечения двух знаменитых тогда во Франции артистов театра Французской Комедии – Лекэна и госпожу Клерон, но Людовик XV отказал в этой просьбе под предлогом невозможности лишить французскую публику ее любимцев. Елисавета Петровна просила французского короля быть вместе с нею восприемником ребенка, которого рождения ожидали тогда от великой княгини; и на это последовал отказ, под тем предлогом, что так как этот ребенок будет воспитан в греко-восточной религии, то король-католик не в состоянии будет брать на себя обязанность крестного отца, который, по церковному праву, делается наставником своего крестника<sup>141</sup>. Таким образом, эта переписка была в свое время какою-то игрою высоких особ в интимность. Между тем, узнавши о секретных переговорах Франции с Австриею, императрица высказала де Лопиталю свое неудовольствие на то, что Франция сносится с Австриею, устраняя Россию.

Но во Франции произошла перемена главного министра: вместо Берни сделался министром Шоазель, который



продолжал в принципе ту же мирожелательную политику, как и его предшественник, но был отважнее. Он находил, что роль России в вопросе о европейском мире очень важна, и поручил де Лопиталю в июле 1759 передать Воронцову, что Россия заслужит благодарность всей Европы, если примет на себя посредничество к примирению Австрии с Пруссией, а это не так трудно, потому что обе державы в равной степени истощены войною. Вслед за тем последовала кунерсдорфская победа – и это событие дало России право, с своей стороны, заговорить более высоким голосом. 26-го октября того же года подана была от канцлера Воронцова записка, а 1-го декабря последовала в таком же смысле другая: их содержание было таково, что если Австрия приобретет Силезию, а Франции уступит часть Фландрии, то Россия, как союзная с ними держава, за участие в войне имеет также право на вознаграждение и желает приобрести Восточную Пруссию вдоль балтийского побережья от Мемеля до устья Вислы, в видах разменяться этою терририею с Польшею, от которой за то Россия желает получить правобережную Украину, уступленную Польше после присоединения Малороссии к России. Такое заявление не понравилось Франции, которая явно желала, чтобы Россия, посылая свои военные силы и истрачивая свои финансы, осталась в конце концов с пустыми руками, тогда как союзники ее будут получать выгоды<sup>142</sup>. Версальский двор не доверял России; впрочем, такое недоверие в Европе было всеобщее. Уже не один год привыкли в Европе находить в действиях России жадность к территориальным захватам. Англия, также как и ее соперница Франция, неодобрительно отнеслась к желанию России приобрести Восточную Пруссию, хотя бы и временно, с целью промена ее на правобережную Украину. Когда Иван Иванович Шувалов заговорил об этом с английским посланником в России, Кейтом, англичанин отвечал, что с таким требованием нельзя мыслить о прекращении войны: король прусский скорее погребет себя под развалинами своего государства, чем согласится на такое унижительное условие; и все другие государства до этого не допустят, потому что ясно увидят намерение России овладеть всею торговлею Севера.

Дания и Швеция также не соглашались на проект России; даже Австрия, нуждавшаяся в союзе с Россией и потому не смевшая слишком резко отказывать ей, соглашалась очень уклончиво, чтобы о вознаграждении России было условлено с Австрией секретно, в общих выражениях, и притом только тогда, когда Австрия получит уже то, чего желает<sup>143</sup>.

Де Лопиталь, слишком старый и притом казавшийся расточительным, был уволен с почетом, а посланником в Петербург назначен двадцатисемилетний барон Бретель, красивый, любезный, годный для дамского общества, хотя уже женатый и горячо любивший жену свою. Ему дали секретное поручение склонить на сторону Франции великую княгиню, которой стали приписывать важное влияние на политические дела. Все знали, что до сих пор Екатерина была не расположена к Франции, но приписывали это тому, что по французским интригам в Польше был отозван из Петербурга Понятовский, которого великая княгиня желала видеть при русском дворе. Бретель тут-то и ошибся. Если великая княгиня благоволила к Понятовскому, то императрица не терпела этого человека и написала о том к Людовику XV, а король французский, ей в угод, отправил в Варшаву своему посольству приказание стараться, чтобы в Петербург Понятовского не посылали<sup>144</sup>.

Между тем у французского министра Шоазеля с английскими дипломатами возникли переговоры, на которых заявлена была мысль решить вопрос о мире посредством созвания вместо одного конгресса, как хотели прежде англичане, двух конгрессов: один бы занялся спорными вопросами, породившими войну между Англией и Францией, и всецело относился бы к американским владениям, второй – посвящен был установлению мира между прусским королем, с одной стороны, и между Австрией, Россией и Саксонию – с другой; тем временем предположили заключить всеобщее перемирие. Такое предложение послано было Бретелю для представления российскому правительству. Предложение, поданное Бретелем в январе 1761 года, рассматривалось в конференции Воронцовым и камергером Шуваловым, которого

голос должен был считаться голосом самой государыни, уже не занимавшейся по болезни никакими делами. Великий князь, которого сильно обвиняли в пристрастии к прусскому королю, не был допущен. Мысль о двух конгрессах была одобрена, но перемирие допускалось Россией только на короткое время. Императрице-королеве предоставлялось получить Силезию, – увеличить владения короля польского и курфюрста саксонского, Швеции отдать часть Померании, а Россия, хотя имеет право на Восточную Пруссию, уже завоеванную у такого государя, который первый объявил войну, но так как России главная цель – ослабление и усмирение прусского короля, то Россия жертвует своими правами, лишь бы улучшены были мирные условия для ее союзников, особенно для Франции; поэтому государыня объявит английскому правительству, что если она ради всеобщего мира сделает уступку своих прав, то надеется, что взаимно и Англия окажет пожертвование в своих претензиях на французские владения. О такой своей умеренности сообщила императрица французскому королю и просила секретно поддерживать на польском сейме запросы России касательно исправления украинских границ<sup>145</sup>. Не было ничего неблагоразумнее со стороны России такого неуместного великодушия: этим воспользовались в Европе и растолковали такое великодушие бессилием России.

Шоазель, воодушевляемый патриотической идеей сохранения за Францией ее заморских владений, вполне одобрил русский проект и писал Бретелю, что следует воспользоваться выгодами, которые предоставляет петербургский двор, оставляя Пруссию, и убедить венский двор, что земли, завоеванные французами у прусского короля, должны остаться в вознаграждение Франции. 13-го мая того же года Шоазель прислал Бретелю ноту иного содержания: «Теперь не время распространяться о видах России на польскую Украину; можете ограничиться общими уверениями, что король, насколько возможно, покажет свое доброе расположение к интересам России». Это произошло оттого, что, во-первых, Людовик XV стал мало ценить силу России, во-вторых, не хотел огорчить поляков допущением русских завладеть Украиной. В

июне того же года сам король написал Бретелю: «Русские годятся быть союзниками только ради того, чтобы не приставали к нашим врагам; они делаются заносчивы, когда видят, что у них чего-нибудь ищут. Если я стану одобрять намерение русских овладеть Украиною, я могу возбудить к себе охлаждение со стороны турок. Слишком дорого придется мне заплатить за союз с государством, где интрига день ото дня берет более и более верх, где остаются неисполняемыми повеления высочайшей власти и где непрочность преемства лишает доверия к самым торжественным обязательствам». Следуя инструкции, присланной от короля, Бретель в разговорах с Воронцовым тщательно избегал всего, что касалось Польши и Украины, а когда Воронцов заговорил о дружественном союзе с Франциею, который тотчас после конференции предлагала государыня в частном письме к Людовику XV, то Бретель представился ничего не понимающим и стал распространяться о союзе торговом. Тогда Россия, видя, что ее добрые предположения не ценятся, покинула обещанное свое посредничество в примирении Франции с Англиею. Правда, посол русский в Лондоне, князь Голицын, раз заикнулся об этом вопросе, но уже более не повторял ничего о нем, а первый тогдашний министр английский Питт, враг Франции, объявил французам категорически, что Англия иначе не приступит к миру, как удержавши в своем владении все свои завоевания в Америке и в Индустане<sup>146</sup>.

Положение Фридриха II-го не улучшалось. Истративши в боях столько войска, он не видал, чтобы враги его от равного истощения уменьшили против него злобу, -напротив, желал мира он сам, а императрица-королева оттягивала собрание конгресса в Аугсбурге, с явным намерением продолжать войну, в надежде еще более унижить своего соперника. Англия стала медлить в присылке ему субсидий по смерти английского короля Георга II; французские, австрийские и русские войска не выходили из Германии. Россия с таким упорством, казалось, хотела вести войну, что не ладила с Австриею по поводу перемирия, которое допускала Австрия, а Россия долго его не хотела и согласилась только на короткий срок до 1-го июля. По

миновании этого срока война открылась со всех сторон. В Вестфалии, то есть в прирейнских прусских владениях, явились французские военные силы под начальством Субиза и Броглио (на счастье Фридриху II не ладивших между собою). На восточной стороне из прусских областей не выходили русские и австрийские войска. Уже Фридрих II перестал вести наступательную войну и ограничился оборонительною, избегал больших сражений и расположил свои войска в разных сторонах своего государства, откуда ждал нападения: против французов отправил он родственника своего, принца Фердинанда и наследного принца брауншвейгского; против Дауна, стоявшего с имперскими войсками в Саксонии, отрядил брата своего Генриха, а сам с наилучшими силами стал в Силезии и намеревался отражать русских<sup>147</sup>. В то же время узнал Фридрих, что между русскими распространилось недовольство войною, и это подало ему повод попытаться – нельзя ли склонить Россию к отдельному миру. Но его надежды скоро рассеялись, когда он услышал, что Елисавета Петровна отзывается самым неприязненным тоном о прусском короле и изъявляет охоту воевать против него до крайней возможности<sup>148</sup>.

Главнокомандующий русским войском Бутурлин отрядил 27 000 человек под командою генерала Румянцева в Померанию, для покорения приморского укрепленного города Кольберга, а сам с четырьмя дивизиями (Фермора, кн. Голицына, кн. Долгорукова и Чернышова), расположился в Познани. Современник свидетельствует, что Бутурлин предан был «куликанью»<sup>149</sup> и забавлял себя разным безобразием, например, пьяных гренадеров производил в офицерские чины, а потом снимал с них чины. Наконец он двинулся в Силезию к Бреславлю, куда и Лаудон должен был со своим отрядом спешить на соединение с ним. Но прусский король, выступивши из Бреславля, не допустил соединиться русских с имперцами. Бутурлин подступил к Бреславлю, промедлил несколько дней в бесполезных приготовлениях к осаде, потом у Стригау соединился с Лаудоном и вместе пошли к Швейдницу, куда отступил прусский король. Фридрих, расположившись под

Швейдницею, в короткое время так укрепил свой стан батареями, что он имел вид постоянной крепости. Полководцы собирались напасть на королевский стан, но провели двадцать дней в бесполезных спорах и толках; наконец Бутурлин оставил при Лаудоне отряд Чернышова в двадцать тысяч, а сам со своим войском отошел в Польшу. Прусский король, простояв еще две недели под Швейдницею, хотел принудить Лаудона вступить с ним в битву или удалиться в Богемию, но Лаудон не решался ни на то, ни на другое, и наконец, прусский король, ввиду наступавшей для его войска скудости в продовольствии, двинулся к Нейсу, где у него были запасные магазины. Тогда Лаудон в совете с Чернышовым решился сделать нападение на Швейдниц. Они выбрали для этого темную ночь: русских было послано только четыре гренадерских роты. На счастье русским и австрийцам, комендант Швейдница давал по какому-то поводу бал: русские и австрийцы ворвались в Швейдниц в два часа пополудни; переходя по фашинам через ров, многие попадали в глубину, а в самом городе прусский артиллерист зажег пороховой магазин, взорвал на воздух триста русских солдат, но вместе с ними погубил немало и своих пруссаков. Лаудон запретил своим подчиненным грабить, однако не в силах был остановить рассвирепевших солдат. Русские вели себя там умереннее и воздержаннее, чем австрийцы.

На севере, в Померании, воевал с отдельным корпусом генерал Румянцев. Уже два раза в эту войну русские пытались покорить город Кольберг, но безуспешно. На этот раз русский флот, состоявший из сорока больших и малых судов, в соединении со шведским, действовал против кольбергской крепости с моря, а Румянцев – с сухого пути. Под самым Кольбергом расположились защищать город пруссаки под командой генерала принца Виртембергского и укрепили свой стан окопами и батареями; местоположение, избранное ими, было выгодно: с одной стороны речка, с другой – болото, позади – город, откуда можно было доставать съестные и боевые запасы. Начались драки и схватки с переменною удачею то для тех, то для других. В один день русские взяли в плен храброго прусского генерала Вернера; зато на другой день в

кровавой пятичасовой битве они потеряли до трех тысяч убитыми и в том числе генерал-майора князя Долгорукого. Но ретраншемент, ограждавший стан принца Виртембергского, не сдавался ни против каких решительных русских приступов, и русские чувствовали, что с наступлением глубокой осени станет им еще труднее. Правда, Румянцеву была прислана помощь от Бутурлина, но и прусский король, со своей стороны, прислал в подмогу принцу Виртембергскому генерала Платена, и русские, при всех усилиях, не могли помешать ему.

Наступил месяц ноябрь; началась стужа. В войске принца Виртембергского был такой недостаток топлива, что прусские солдаты сламывали в городе деревянные дома для своего обогрева. Недостаток фуража был так велик, что у конницы лошади получали только по полуфунту соломы в сутки; город был так стеснен, что нельзя было провезти туда ни одного воза с продовольствием. Зная такое положение неприятелей, Румянцев несколько раз посылал к принцу Виртембергскому предложение сдаться; принц отвергал такие предложения и, наконец, отважился на смелое и, можно сказать, отчаянное дело: позади города было обширное плесо, которое соединялось с морем узким, но глубоким протоком; русские не предприняли там никаких предосторожностей, кроме того только, что истребили суда, стоявшие близ берега. Принц Виртембергский приказал построить на козлах мост, а мужик, знавший местность, указал места, где в плесе вода была не так глубока; сделали наскоро мост, провели через него пехоту, а конница переправилась вплавь. Этот подвиг совершен был 14-го ноября в темную ночь, и притом так тихо и удачно, что русские узнали о том, что их неприятель ускользнул, когда уже прусское войско совершенно переправилось через воду. Принц Виртембергский и Платен думали снабдить крепость продовольствием, но его взять было неоткуда; между тем сделался такой жестокий мороз, что замерзло более сотни пруссаков. Тогда Румянцев послал к коль-бергскому коменданту Гейдену убеждение сдаться, но комендант отказал – и повелел облить водою крепостные валы и стены, чтоб они, обледенев, стали неприступны на случай штурма. И действительно,

несколько попыток приступа окончились неудачно. Между тем и русским пришлось также чрезвычайно круто: солдаты помещались в палатках и землянках под снегом, покрывшим землю уже более, чем на целый аршин. Обе стороны выжидали, чтобы их противники склонились под неудобствами зимы и всяких лишений; пруссаки надеялись, что русские прежде изнемогут и отойдут; русские ожидали, что холод и голод таки принудят Кольберг сдаться. Промедлили еще до 6-го декабря. Русские взяли верх в этом взаимном ожидании беды противникам. Кольберг сдался<sup>150</sup>. Русские взяли в покоренной крепости 2903 человека военнопленных и 146 орудий. Комендант хотел было выговорить более снисходительные условия – выйти гарнизону с оружием и с запасами, но Румянцев настоял, чтобы все положили оружие, а запасу дозволил взять столько, сколько каждый солдат может поместить у себя в сумке на три дня. Офицерам дозволено ехать в экипажах с семьями в определенные места в сопровождении русских обер-офицеров. Оставивши оружие, прусский гарнизон удалился в Штетин<sup>151</sup>. Но когда донесение Румянцева о победе прибыло в Петербург – уже императрица Елисавета Петровна лежала мертвою.



## VII. Государственное управление при императрице

Елисавете Петровне

*Сенат. – Его деятельность для водворения порядка в империи. – Ревизии. – Губернаторы. – Окраины. – Южная Русь. – Переселение сербов в российские владения. -Крепостное право в России. – Побег. – Крестьянские бунты и волнения. – Разбои. – Тайная канцелярия. -Управление городов. – Благочиние. – Пожары. – Войско.*

В управлении государством с воцарением Елисаветы Петровны не стало уже кабинета высшей власти, посредствующей между Высочайшею особою и сенатом. Но около государыни всегда были близкие люди, чаще других видевшие и слышавшие ее, а потому имевшие большую власть пред другими, и хотя кабинет по форме был уничтожен, но, в сущности, он продолжал быть при государыне, не имея, впрочем, прежнего названия. В первые годы своего царствования императрица сама часто посещала сенат и обращала внимание на дела; но год от году такие посещения становились реже, и мало-помалу императрица стала утомляться, так что, исключая близких людей, редко кто удостоивался ее видеть.

Одною из первых обязанностей восстановленного в своей силе сената было – пересмотреть все до того бывшие указы и отметить из них те, которые признаются противными государственной пользе<sup>152</sup>. Итак, с первых дней царствования Елисаветы Петровны сенат получил как бы власть законодательную. Высочайшая особа составляла главу этого законодательного органа; государыня была тогда для всех доступна: в январе 1742 года всем и каждому было дозволено подавать лично государыне челобитные, и для этого назначался определенный в неделю день. Но это продолжалось недолго, и 28-го числа мая того же года указано было подавать челобитные не иначе, как в соответственное присутственное место. Сенат имел, кроме того, высшую судебную власть: никто без утверждения сената не мог быть приговорен к политической

смерти<sup>153</sup>. До 1753 года, хотя смертной казни и не было, но преступникам, осужденным на политическую смерть, отсекали правую руку, а с вышеприведенного года ограничили наказание – кнутом и рвaniem ноздрей. В это же время последовало облегчение для женского пола: жен преступников не приневоливали идти с мужьями в ссылку; им позволяли жить в своих приданных имениях и домах, либо выделяли им на содержание часть мужнего движимого имущества, а в 1757 году женщины, приговоренные к телесному наказанию, освобождаются от рвания ноздрей и наложения клейм.

Бывшая при Анне Ивановне доимочная канцелярия возбудила к себе всеобщую ненависть, и ввиду этого была уничтожена тотчас по вступлении на престол Елисаветы Петровны. Но недоимки от этого не уменьшились, а в сентябре следующего года возросли в государстве до пяти миллионов. Тогда сенат, для искоренения беспорядков, подал в доклад проект – через каждые пятнадцать лет возобновлять ревизию. Этою мерою думали пресечь повсеместные побег и пристанодержательство беглых, а также облегчить судьбу помещиков, которые часто за недоимки содержались под караулом. Государыня утвердила поданный проект только в следующем году, и тогда же было указано всем разночинцам и боярским людям, находящимся в отлучке, явиться к своим местам к 1-му июня 1744 года для записки в ревизию. Для производства ревизии посылались по губерниям генералы со штаб- и обер-офицерами, которые прежде всего должны были собрать сказки, а потом на них же возлагалась обязанность ездить самим для поверки беглых и отсылки живущих у чужих помещиков к своим законным владельцам. У помещиков безземельных оставляли их крепостных, но обязывали платить за них подати. Малороссияне, если оказывались у помещиков записанными в крепостных, получали все без изъятия полную свободу. Неслужащих лиц духовного звания, незаконнорожденных и вольноотпущенных, если окажутся годными в солдаты, велено отсылать в военную коллегию, иначе – записывать в посады или цехи, либо же – по их желанию – за помещиками; прежних служб служилых людей –

однодворцев, рейтар, копейщиков, затинщиков, пушкарей – переписать особо и отвозить на украинскую линию. Из этого видно, что ревизия имела последствием большое перемещение народа с места на место. Высший класс – шляхетство – в подушный оклад не включалось, но для порядка велено было и его переписать, а несовершеннолетних отсылать в столицу на смотр. Поступившие в оклад по ревизии крестьяне платили подати различно, смотря по ведомствам, но в 1760 году (указ 12 окт.) сравнивали черносошных (впоследствии казенных) с дворцовыми и синодальными, прибавя к прежнему четырехгривенному окладу еще 60 копеек, и ввели общий для всех – рублевый оклад.

Под властью сената в губерниях управляли губернаторы, жившие в губернских городах. В 1749 году указано строить им за казенный счет дома о восьми покоях с хозяйственными пристройками и, кроме того, губернскую канцелярию с конторой для сбора подушных. В провинциях, на которые делились губернии, правили воеводы; для них также строились в провинциальных городах дома о пяти покоях с хозяйственными пристройками и, кроме того, дом для провинциальной канцелярии. В 1744 году (указ 14-го января) учреждены две новые губернии: Финляндская – из завоеванных от Швеции земель, и Оренбургская, которая делилась на провинции: Исетскую, Уфимскую и Зауральскую землю башкиров. Оренбургская губерния заселена была в большинстве инородцами мусульманской веры. Русские, считая и малороссиян, которых приглашали тогда по охоте селиться, составляли меньшинство. Туземцы, хотя были почти одной веры между собою, но различны по языку: тут были мещеряки, татары, каракалпаки, черемисы, чуваша, мордва, вотяки, башкирцы. Число последних простиралось до 106 176 человек<sup>154</sup>. Кроме них, по временам из-за Яика прикочевывали киргиз-кайсаки, и сверх того, поселялись там преимущественно с торговыми целями хивинцы, бухарцы, ташкентцы, туркмены, персияне и арабы в небольшом размере. Русские вообще не ладили с некрещеным населением края. Давнее стремление распространить христианство делалось таким неумелым и

притом таким нехристианским способом, что возбудило повсюду ненависть к русским. В Оренбургском крае, управляемом тогда Неплюевым, явился между башкирцами некто Батырша, фанатик мусульманства и ожесточенный ненавистник всего христианства. Это был человек умный, с железною волею, с неутомимою деятельностью, обладавший врожденною способностью увлекать за собою толпы. Странствуя по башкирской земле, он успел поднять через мусульманских духовных массу своих единоверцев и возбудить к восстанию. Губернатор сначала думал укротить башкирцев суровыми, жестокими мерами, но только озлобил их более: всякого, попавшегося в их руки русского они изрубливали в куски. Неплюев прибегнул тогда к такой мере: зная о том, что киргиз-кайсаки, хотя и единоверцы башкирцам, но издавна враги между собою, он вооружил киргиз-кайсаков и настроил их перебить бежавших к ним башкирцев. Таким образом погибло от киргизов, как сказывают, до пятидесяти тысяч человек. Потом Неплюев уговаривал башкирцев мстить киргизам. Неплюев писал, что это событие надолго положит вражду между этими народами и облегчит Россию. Батырша, после долгих странствований и разных покушений, сам отправился в Петербург объясняться за свой народ в Тайной канцелярии. Его посадили в Шлиссельбургскую крепость, и там он погиб во время покушения убежать оттуда, успев даже убить одного из своих сторожей.<sup>155</sup>

К малороссийскому народу правительство Елисаветы Петровны относилось особенно милостиво, и это следует приписать влиянию Алексея Разумовского. Сложены были с малороссийского народа все недоимки в войсковую казну в числе трехсот тысяч, отпущены были по домам казаки, наряжаемые на посты по украинской линии. В Запорожье стали отпускать денежное и хлебное жалованье, как делалось в старину; в слободских полках уволили малороссиян от посылки в Бахмут на соляные работы и от всякой рядовой службы, кроме поставки конных казаков в числе пяти тысяч; все таможи, мосты и перевозки отдавались им на откуп без перекупки; упразднялась бывшая канцелярия над слободскими

полками; возвращался свободный суд полковым канцеляриям, а над бывшею комиссиею о слободских полках, возбудившею недовольство малороссиян, назначено строгое следствие. Всем малороссийским посполитым людям дозволялось переселяться куда хотят: от этого в слободских полках много казаков и подсоседков, а еще более посполитых, стало двигаться к востоку на переселение, и Ахтырский полк чуть не обезлюдел; желающим ехать за границу, для собственного образования, малороссиянам велено было из иностранной коллегии выдавать беспрепятственно паспорта<sup>156</sup>. Самым наглядным изменением порядка в Малороссии было возобновление гетманства. Указ об этом дан был в 1747 году, но выбор гетмана по всем давним правам совершился не ранее января 1750 года. Собственно говоря, это был вольный выбор только по форме. Казаки были довольны, что у них восстанавливается старинный образ правления, но выбирать им довелось того, кого им сверху указывали – Кирилла Разумовского, брата Алексея. Казаки утешали себя по крайней мере тем, что с таким гетманом будут иметь защиту и покровительство перед царским престолом, так как все знали о чрезвычайной силе брата Кириллова и о его сердечной привязанности к родине и любви ко всем землякам.

В следующих за тем годах в южной Руси произошло важное событие переселения туда сербов. Служивший в австрийской службе полковник Хорват-Одкуркич от имени своих соплеменников просил дозволения сербам вступить в русскую службу и для этого получить выгодные для поселения земли. Хорват сначала обещал набрать из сербов два полка: один – в 1000 человек, конный гусарский; другой – в 2000 человек, пехотный пандурский, а потом, прибывши в Киев с 218 офицерами и их семьями – четыре полка, обещая служить с той земли, какая сербам пожалуется для водворения. Он не просил для своих сербов никаких особых привилегий, кроме свободной торговли внутри всей России и свободных поездок для торговых целей в Польшу, Крым и в Молдавию. Им отвели землю для водворения от фортеции Каменки вдоль польской границы, а с другой стороны -вдоль владений Запорожской Сечи до границ

татарских и турецких. Генерал-майору Глебову поручено было водворить там сербов и построить в крае, который с тех пор будет называться Новою Сербиею, крепость Св. Елисаветы (нынешний Елисаветград)<sup>157</sup>. Новопоселенные сербы составляли полки, из которых каждый делился на двадцать рот, и подчинялись военной коллегии. В 1753 году, по следам Хорвата, явились в Россию полковники Шевич и Депрерадович с иными сербами, и они получили для поселения край между Бахмутом и Луганью. Шевич был уже знаком русским: он оказал услуги Петру Первому при Пруте, и теперь легко приобрел милостивое внимание царствовавшей в России дочери Петра. Сначала в отведенном для сербов крае не было никого, кроме природных сербов, но в 1761 году (ук. 14-го авг.) дозволено было в Новой Сербии водворяться малороссиянам из польских пределов и волохам, прибывающим из Молдавии, и приписываться к крепости Елисаветы под именем казаков, но при этом было оговорено, что малороссиянам из Русского государства там селиться не дозволялось. В церковном отношении поселенцы Новой Сербии причислены были к переяславской епархии<sup>158</sup>.

В Малороссии правительство энергически не допускало крепостного права и даже устраняло то, что могло вести к нему. Но в Великой России крепостничество укоренилось вполне, и правительственные распоряжения систематически клонились исключительно к пользам дворянского сословия. Так, допускались случаи, когда закон обращал в крепостного человека легально свободного: если вольноотпущенный поступал к кому-нибудь в услужение, то, по желанию последнего, мог быть обращен в его крепостные. У правительства была мысль, чтобы никто не уклонялся от взноса подушных денег, и крепостное право признавалось лучшим к тому способом; от этого у дворян, не имеющих никакой недвижимой собственности, оставляли поступавших к ним каким бы то ни было способом крепостных людей, лишь бы владельцы обязались платить за них подушное. Но владение крепостными составляло исключительную привилегию только дворянского сословия, и в 1746 году издан был указ, по

которому следовало всех записанных за лицами не дворянского сословия крепостных людей отобрать и отдать помещикам из дворян, если пожелают их принять и платить за них подушное. Дворяне, следовательно, имели возможность совершенно без всяких расходов приобретать крепостных людей даже целыми деревнями и селами. Злоупотребление этим способом приобретения ощутительно оказалось в Сибири: там губернаторы записывали в дворяне разночинцев всякого рода. Но как ни старалось правительство оставить исключительно за дворянами крепостное право – его старания и усилия встречали противодействие в жизни и привычках общества. После строгого запрещения лицам недворянского звания владеть людьми, в 1749 году сенат дознался, что многие посадские, лишенные своих крепостных, которыми владели неправильно, прибегнули к такой проделке: продали своих крепостных дворянам, а потом на этих самых крепостных людей побрали от дворян закладные письма. Сенат подтвердил запрещение, а заложенных посадским крестьян признал государственными. Но и в этот раз не установилось ничего прочного. В 1758 году оказалось, что многие не дворяне, произведенные в обер-офицерские чины – протоколисты, регистраторы, бухгалтеры, актуариусы – не получа дворянского достоинства, владеют населенными имениями; опять последовал указ: продать незаконновладельцев в течение полугода, а вперед никаким приказным служителям, не имеющим дворянского звания, не владеть крепостными людьми под страхом конфискации. Были, однако, примеры, когда сама власть отступала от общего правила: например, в 1746 году (ук. 11-го сент.), на основании прежних старинных царских грамот дозволено было смоленским мещанам держать крепостных, а в 1751 году, также на основании старинных жалованных грамот, дозволили устюжским купцам владеть землями, с содержанием живущих на этих землях половников.

Во все царствование Елисаветы Петровны по всей империи происходили крестьянские бунты и возмущения, как в помещичьих, так и в монастырских владениях. Распространился дух своеволия между крестьянами всех ведомств: крестьяне

не повиновались властям, не шли на работы по приказу помещиков, вмешивались в назначение управителей и приказчиков, нередко отделиваясь тем, что платили после того взятки воеводам; но случалось, что для усмирения их являлись военные команды, и если крестьяне чувствовали, что у них хватает силы, то прогоняли и команды. Если же приходилось им уступать, то они изъявляли готовность во всем слушаться властей своих<sup>159</sup>. Вместе с этими крестьянскими возмущениями шли крестьянские побеги, дела о которых до того накопились, что правительство принуждено было устанавливать сроки, ранее которых не принимать исков о беглых, и всеми средствами сократить бесконечные дела о побегах. С крестьянскими бунтами и побегами связывались разбои, так как замечалось повсюду, что разбойнические шайки состояли в тесной органической связи с крестьянскими бунтами. Ареною разбойничьих шаек были, как и прежде, реки, и нападения разбойников происходили чаще всего на прибрежные поселения трех самых больших рек великорусского края: Волги, Камы и Оки. Удалые жгли помещичьи усадьбы, не щадили и крестьянских дворов более зажиточных, истребляли даже церкви, вымучивали у людей всякого звания деньги и что ни попадалось, подвергая жертвы свои варварским истязаниям. В Сибири образовывались разбойничьи шайки из колодников, которых везли в ссылку по рекам. Везде замечалось одно и то же явление: появление разбойничьих шаек и крестьянские бунты умножались тогда, когда военные обстоятельства обращали деятельность войска от внутренних губерний к границам империи. В 1747-м и 1748-м годах проявилось сильное своеволие в разных краях России. Близ Олонца, на севере, в уездах Новгородском и Порховском, и в середине государства, в уездах Калужском и Белевском, разом закипели разбойничьи шайки, составленные из разных беглых, преимущественно из помещичьих крестьян. Они так были дерзки, что не останавливались перед святынею храмов, хватали священнослужителей в облачении и мучительно били<sup>160</sup>. Атаманом разбойников в Брянском уезде явился помещик Зиновьев: он ловил купцов по дорогам, завозил к себе



в имение и держал на цепи, а когда после того обиженные подавали на него иск, Зиновьев, по родству своему с обер-президентом главного магистрата, был оправдан и после находил способ мстить своим противникам<sup>161</sup>. В 1749 году появилось множество мелких шаек в пограничных областях, а также близ Москвы, по большим дорогам, и в муромских лесах: были шайки человек в 20, 30, 50; на севере, в Каргопольском уезде, в этом году отыскана была шайка, жившая в избах, построенных в дремучих лесах. В следующем, 1750 году, в Белогородской губернии захвачена была шайка разбойников, состоявшая под покровительством отставного прапорщика Сабельникова, который держал разбойничий притон, отпускал своих удальцов на разбои, делился с ними добычей, а иногда и сам с ними ездил. В Новгородском уезде около этого же времени прославилась знаменитая Катерина Дирина, дворянка и помещица: вместе со своим братом и с родственниками Дириными она, собрав шайку из своих и чужих беглых людей и крестьян, нападала на помещичьи усадьбы, производила убийства и грабежи<sup>162</sup>. В делах, касающихся усмирения бунтующих крестьян, сенат предписывал не только не подвергать виновных пыткам, но и не устраивать ими<sup>163</sup>; местным властям вменялось в обязанность доносить в сенат о каждом из виновных, подлежащих розыску, и ожидать решения. В 1759 году, в разгар Семилетней войны, замечено было, что в числе солдат, находившихся в войске, были беглые, и тогда постановили не преследовать их и не наказывать, равно как и тех, которые неправильно сдавали рекрут. Такое послабление отозвалось тотчас в восточной России: там увеличилось число беглых, а из них появились разбойничьи шайки в уездах Пензенском, Петровском и Шацком; разбивали помещичьи усадьбы, жгли и резали людей; а около Нижнего Новгорода явились плававшие по Оке лодки с разбойниками, у которых были и пушки. Провинциальные города оставались с малым числом солдат в гарнизоне, да и те были часто дряхлы и увечны; пороха и свинца не доставало; огнестрельное оружие было ветхое и плохое. Понятно, что при таких средствах поддерживать благоустройство не трудно было разбойникам

врываться в города и брать себе казенные деньги, сколько их найдется в правительственных местах. И крестьянские бунты в эпоху Семилетней войны приняли более отважный характер. В Шацком уезде взбунтовались монастырские крестьяне. Прибыл усмирять их драгунский капитан с командой; крестьяне, собравшись в числе около тысячи человек, избili дубьем драгунов, а капитана, за то, что выстрелом убил одного крестьянина, избili без милости и привязали к телу убитого им мужика. Там даже деревенские бабы отличались жестокостью и, подхлотивши к попавшимся уже в плен и скованным драгунам, били их по щекам.

В 1760 году к духовным начальствам поступило множество жалоб от крестьян разных монастырей уездов Кашинского, Белевского, Шацкого, Муромского на дурное управление монастырских властей, а крестьяне Саввина-Сторожевского монастыря подачею таких жалоб не ограничились, а отважились сами чинить расправу: они собрались сначала в числе трехсот, стали ломиться в монастырь и требовали выдачи лиц, на которых злобствовали; их им не выдали; тогда толпа, увеличиваясь, дошла тысяч до двух человек и пошла на приступ к монастырю. Подоспевший на защиту монастыря капитан с командою приказал было стрелять по мятежникам, но крестьяне бросились на солдат и человек тридцать из команды ранили<sup>164</sup>.

Как между помещиками происходили усобицы, в которых принимали участие их крестьяне, так и между монастырями происходило подобное. Проживавший в Новоспасском монастыре, в Москве отставной поручик приносил жалобу от имени своего монастыря, что наместник соседнего Андреева монастыря, с монастырскими служителями и крестьянами, напал на служителей и крестьян Новоспасского монастыря; некоторым из последних проломили головы. Прощения этого не приняли, так как уже давно между этими монастырями происходила обоюдная вражда за угоды, подававшая поводы к беспрестанным дракам. Крестьянские волнения появлялись даже в отдаленной Сибири: в Ялutorовском уезде крестьяне отказывались от казенной пахоты; а когда для их усмирения

послана была команда, то крестьяне поколотили дубьем прапорщика, начальствовавшего этой командой. Сенат приказал заводчиков бунта сослать в Нерчинск на работы.

Все такие дела, касавшиеся благочиния в государстве, решались сенатом. Существовало одно учреждение, совершенно не подведомственное сенату – тайная канцелярия. Она наводила ужас в царствование Анны Ивановны под управлением Андрея Ивановича Ушакова; при Елисавете Петровне она находилась в его же управлении до его смерти в 1746 году, после чего перешла в ведение Александра Шувалова. Государыня, по восшествии своем на престол, ограничила деятельность тайной канцелярии тем, что не велела отсылать туда виновных в ошибках по написанию императорского титула<sup>165</sup>, но зато самое производство дел в этой канцелярии облеклось еще более, чем прежде, непроницаемой тайной. Запрещалось давать куда бы то ни было, хотя бы в Синод или в сенат, какие-либо справки из тайной канцелярии, без собственноручного указа государыни. Из дел, производившихся в тайной канцелярии, кроме таких крупных дел, как, например, дело лопухинское, дело Лестока, дело Алексея Бестужева, производилось множество дел, которые до сих пор остались неизвестными по незнатности лиц, причастных к этим делам. Дела в тайной канцелярии производились преимущественно по оскорблению императорского величества или по поводу заговоров. Елисавета, как мы уже заметили, все свое царствование оставалась под страхом брауншвейгской фамилии. Ей хотелось, если бы то было возможно, уничтожить самую память о прежнем времени, когда она, будучи цесаревною, не смела предъявлять своих родовых прав; но в особенности ненавистны были ей времена правительницы Анны Леопольдовны и регента Бирона. Все указы и распоряжения, состоявшиеся в этот период, были признаны не имеющими легальной силы<sup>166</sup>. Однако, несмотря на все то, вблизи самой Высочайшей особы обнаруживались намерения восстановить брауншвейгскую фамилию. В июле 1742 года, как уже было сказано, составилась заговор убить императрицу и наследника престола, выписанного

ею из Голштинии, и вручить правление Анне Леопольдовне. Заговорщиками были: камер-лакей Турчанинов и два гвардейских офицера. Тайная канцелярия, где производилось это дело до декабря того же года, осудила виновных к наказанию кнутом; сверх того, Турчанинову урезали язык, а прочим вырвали ноздри<sup>167</sup> и сослали навечно в Сибирь. Весною 1743 года, как узнаем мы из депеши польско-саксонского уполномоченного в Петербурге, Петцольда, происходило следующее: четырнадцать лейбкампанцев, с досады, что перестали их так ласкать, как то вначале было, замыслили умертвить Лестока, камергера Шувалова и обер-шталмейстера князя Куракина, которых они тогда возненавидели, затем - устранить от престола императрицу и ее племянника и снова призвать на престол низверженный брауншвейгский дом. К заговорщикам пристали комнатный тафельдекер государыни и один придворный лакей. Но заговорщики неосторожно открыли свои замыслы жене Грюнштейна, а та сделала донос. Не успели совершить заговорщики ничего важного, были наказаны и сосланы, – но навели при дворе великий страх. Князь Куракин несколько ночей сряду не решался ночевать у себя в доме, а императрица не ложилась до пяти часов утра, окружала себя обществом, а днем отдыхала, отчего, по замечанию Петцольда, происходили беспорядки в делах<sup>168</sup>.

Кроме громкого дела Зубарева, которого содержание было изложено выше, было несколько других дел, относящихся к брауншвейгскому дому, но неважных, ограничивавшихся болтовнею. Так, крестьянин Каргопольского уезда Иван Михайлов был судим за то, что болтал, будто сверженный император Иван Антонович проживает в «негреной» пустыни казначеем и со временем свергнет Елисавету Петровну с ее наследником. Поручик канцелярии от строений Зимнинский и магазин-вахтер Седестром обвинялись в тайной канцелярии за то, что порицали Елисавету Петровну за пристрастие к малороссиянам, бранили малороссийских архиереев за их немонашеский образ жизни и изъявляли надежду, что короли – датский, английский, прусский и венгерская королева, по родству их с брауншвейгским домом, помогут Ивану Антоновичу

снова взойти на престол: за Ивана Антоновича – князь Никита Трубецкой, многие знатные господа и все старое дворянство. «Дай Бог, – говорил Седестром, – чтобы Иван Антонович стал императором: его мать и отец были к народу милостивы, и челобитные от всех принимали, и резолюции были скорые, а нынешняя государыня и челобитных не принимает, и скорых резолюций нет. О, если бы у меня было много вина! – прибавлял Седестром: – я бы много добра наделал! Наш народ российский слаб, – только его вином напой, так он Бог знает что сделает!"-За такие беседы Зимнинский и Седестром были наказаны кнутом и сосланы в сибирские дальние города<sup>169</sup>.

В тайной канцелярии производилось множество дел, касавшихся оскорбления Алексея Разумовского и даже родни его<sup>170</sup>. Целый ряд дел производился в тайной канцелярии по поводу непочтительных и непристойных отзывов о Высочайшей особе и о близких к ней лицах. Очень часто кричавшие по такому поводу: «слово и дело» – были простолюдины, беглые солдаты и матросы и разных ведомств колодники; желая как-нибудь отдалить срок ожидавшей их кары за какое-нибудь совершенное прежде преступление, они начинали клеветать то на того, то на другого. Оговоренного ими в оскорблении величества, хотя бы одним только словом, тотчас хватили в тайную канцелярию и предавали розыску. Розыски всегда сопровождалась пытками: вели человека в застенки, за ним шел кат (палач) со своими инструментами. Два столба с перекладиною вверху составляли то, что называлось дыбою; палач клал преступнику руки в шерстяной хомут, выворачивал назад руки, а к хомуту привязывал длинную веревку. Эту веревку перекидывали через перекладину и поднимали ею вверх преступника, так что он, не касаясь земли, висел на руках; потом связывали ему ремнем ноги и били кнутом, а сидевший тут подьячий делал вопросы и записывал речи преступника. Это была хотя и самая убийственная, но простая пытка; были еще и другие, считавшиеся более жестокими: клали ручные и ножные пальцы в железные тиски и винтили до тех пор, пока боль не заставит преступника повиниться, или же, наложивши на голову веревку, вертели висящего на дыбе так,

что он лишался сознания («изумленным бывает»), и тогда говорил такое, чего и сам не понимал. К такому же состоянию приводила и третьего рода пытка: простригали или пробривали макушку и пускали на лишенную волос голову холодную воду по капле. Когда этими пытками не могли ничего допроситься, тогда прибегали к пытке огнем, водили по телу висящего на дыбе веником зажженным или водили босиком по раскаленным угольям<sup>171</sup>.

Бывали случаи, когда в тайной канцелярии судили за суеверия, считавшиеся опасными для Высочайшей особы: так, один солдат показывал, что какой-то польский ксендз дал ему порошок, с тем, чтобы для повреждения здоровья императрицы он насыпал по пути ей, когда она будет идти. Солдат, как он сам показывал, побоялся сделать такое дурное дело, а посыпал порошок курам, и как скоро куры на этот порошок наступили, тотчас у них оторвало ножки. Солдата наказали кнутом и сослали в каторжную работу в Рогервик до смерти<sup>172</sup>. Были также доносы крепостных людей на помещиков, что они, в разговорах своих оскорбляли Елисавету Петровну. И за это расправа была коротка: оговоренных дворян били кнутом и отправляли в каторжную работу. Такому же наказанию подвергались люди, обвиняемые в неуважительном отношении к портретам государыни и даже к ее изображениям на монетах. Попадались люди в неосторожных разговорах о великом князе: иные заявляли ожидание, что великий князь, вступивши на престол, уничтожит и искоренит всех временщиков; но производились также дела об умыслах сделать великому князю зло: на одного иеромонаха Свияжского монастыря был донос, что он хвалился отравить великого князя, когда тот приедет в их монастырь; другие болтали, что великий князь – незаконный наследник, что он «добыт гайдуком», и проч. Битье кнутом, рванье ноздрей и ссылка в каторгу были обычными последствиями такой болтовни. В 1753 году в народе распространился слух, что Разумовские ненавидят великого князя и делают ему вред посредством волшебников, призываемых из Малороссии, которая почему-то во всей России считалась краем всяких волшебств; а между раскольниками,

терпевшими во все царствование Елисаветы Петровны жесточайшее гонение, составились толки, будто великий князь – сторонник древнего благочестия, что он желал бы царствовать, но приближенные императрицы не допускают его. Такими толками воспользовался подпоручик Бутырского полка Батурин: подобрал себе людей из войска и из придворной царской прислуги, через царских егерей испросил у великого князя дозволение представиться ему на охоте. Петр Федорович согласился, но когда Батурин, встретивши великого князя в лесу без свиты, упал перед ним на колени и стал клясться, что желает одного его признавать своим государем, великий князь, сидевший верхом, стремительно ускакал от него, а Батурина схватили и отдали в тайную канцелярию; там Батурин выдал своих соумышленников, сознался, что хотел взбунтовать московских суконщиков, думал убить Разумовского и принудить архиереев силой венчать на царство Петра Федоровича. Батурина засадили в Шлиссельбург, других сослали в Рогервик и в Сибирь<sup>173</sup>.

О благочинном содержании городов в царствование Елисаветы Петровны сохранилось несколько указов, сообщающих, однако, отрывочные сведения. О Петербурге мы знаем, что в 1751 году произведена была чистка реки Фонтанки и обделаны камнем ее берега, и также берега реки Кривуши или Глухой – протока, соединяющего Фонтанку с Мойкою. В 1753 году устроены были мосты -Тучков, с Васильевского острова на Петербургскую Сторону, Самсоньевский с Петербургской Стороны на Выборгскую, и еще два моста – один с Петербургской Стороны на Аптекарский остров, а другой с Аптекарского на Каменный остров. В 1755 году стали перестраивать Зимний дворец<sup>174</sup>, и на это предприятие взято из кабинетских доходов 859 553 рубля; тогда же вытребованы были по наряду для такого дела из разных краев России каменщики, плотники, столяры, слесари, кузнецы, литейщики, а через канцелярию строений командировано было в Петербург на работы 3000 солдат из разных полков с переменными штаб- и обер-офицерами. Наблюдение над постройками поручено было генерал-аншефу Фермору. В видах благочиния и благоприличия

последовал ряд указов, как для Петербурга, так и для других городов. Подтверждены были прежние указы ходить непременно в немецком платье: русское и малороссийское платье, как и борода, считались непристойным явлением, и только раскольникам указывалось ходить в присвоенном им наряде и платить за ношение бород<sup>175</sup>. Повторялось много уже раз издававшееся правило – не ездить по улицам слишком шибко, держаться правой стороны, не бить встречных, не петь, не свистать, не стрелять на улицах<sup>176</sup>, не браниться публично непристойными словами<sup>177</sup>, не париться вместе обоим полам в банях. Ездить цугом и четверкою запрещалось всем, исключая чужестранных послов или помещиков, уезжающих к себе в имения. Запрещалось не только в трактирах, но и в частных домах играть в карты на большие суммы<sup>178</sup>. По улицам петербургским запрещалось бродить нищим и увечным, а велено было содержать их в богадельнях, устроенных на Васильевском острове, и никак не на больших улицах. Но колодников из острога, по прежним обычаям, водили на сворах по улицам просить подаяния, а в Москве происходили прежние вековые безобразия: нищие и бесноватые валялись и шатались по улицам около церквей, а выпущенные для прошения милостыни колодники показывали возмутительные следы пыток на своем теле, желая разжалобить человеколюбцев. Относясь вообще неодобрительно к нищенству, правительство, однако, в виде исключения давало право просить по всей России милостыню грузинам на выкуп родных своих из плена у черкесов<sup>179</sup>. Преследуя нищенство, правительство не одобряло и излишнюю роскошь. Под благовидным предлогом приучить знатное дворянство к бережливости запрещено было при погребениях обивать дома черным сукном и убирать таким же сукном экипаж и лошадей, а гербы, знамена и траурные флёры допускались только в день погребения покойника. Во всяких нарядах не одобрялось излишество; только по поводу бракосочетания наследника престола дозволялось, в виде исключения, золотое и серебряное убранство, но и то для первых только четырех классов, и с этой целью служащим из них выдавалось годовое жалованье<sup>180</sup>.



Москва продолжительное время оставалась в прежнем неряшливом виде. Уже в первый приезд туда государыни, в 1742–43 годах, было замечено, что московская полицеймейстерская канцелярия не заботится о порядке: по улицам происходят драки и бесчинства, везде накинута нечистота, не починиваются мосты, слабо содержатся караулы и в городе расширилось воровство. В 1753 году, когда двор вознамерился пребывать в Москве, дано было распоряжение сделать некоторые перестройки и перемещения в Кремле, где в те времена, кроме царских палат, находились разные правительственные ведомства. Сломаны были палаты, пристроенные к столовой палате для сенатской канторы; вотчинная коллегия, кантора главного комиссариата и судный приказ были перемещены в другие места, хотя в том же Кремле, а сыскной приказ с острогом, в котором содержались судимые колодники, выведен был к Калужским воротам; канторы же ямская и раскольничья переведены в Охотный ряд<sup>181</sup>.

Кремль находился уже несколько лет в крайнем небрежении: возле соборов и у Красного крыльца навалены были груды щебня и сора, так что не только проезжать, но и проходить было затруднительно. И на этот раз императрица поместилась, как прежде, не в Кремлевском, а в Головинском дворце. В Кремле осмотрели дворец архитекторы и нашли, что в нем нужно сломать до основания некоторые покои. Приказано было сломать все деревянные здания в Кремле и Китай-городе, и новых не строить; особенно налегли тогда на снятие деревянных построек около церкви Казанской Богородицы, где обыкновенно гнездились воров. В этих видах сенат решил усилить производство кирпича на московских заводах, а за недостатком кирпича стали употреблять кирпич из разобранных стен Белого города. Приняты были меры к очищению Москвы от грязи; приказано было сломать каменные лавки и ступени, загромождавшие проезд к Спасскому монастырю, а также обветшалые каменные лавки в других местах, и сломать старое каменное и деревянное строение, которое во многих местах безобразно выдавалось на улицу. Императрица заметила, что

Покровский собор (Василия Блаженного) содержится крайне неоправданно, и дала повеление Синоду -во всех московских церквях поновить иконостасы и иконы.

В то время, когда собирались перестраивать и обновлять Кремлевский дворец, деревянный Головинский дворец, где поместилась государыня с двором своим, сгорел в течение трех часов, и императрица переехала во дворец Покровский. Для возобновления Головинского дворца собрали в Москве плотников, а каменщиков, печников и штукатуров выписали из Ярославля, Костромы и Владимира.

Страшные пожары свирепствовали тогда в Москве и разом в других городах. В Москве 10-го мая сделался большой пожар, истребивший 1202 дома и 25 церквей; от огня погибло 96 человек. Затем, в том же месяце, пожары повторились 15 числа за Яузой, 23-го мая в Покровском селе и в Новонемецкой слободе, где сгорело 196 домов; 24-го мая на Остоженке и на Пречистенке сгорело 72 дома и три церкви, а 25 мая сгорела вся Покровка, и оттуда пожар пошел за Земляной Город, – сгорело 62 дома, триумфальные ворота и Комедиальный дом. Такие каждодневные пожары подали подозрение, что существуют поджигатели; но когда чиновники стали чинить сыск, то народ чуть не избил их. Пожары не ограничивались Москвою: в тот же день, когда в Москве свирепствовал пожар, 10-го мая, в Воронеже истреблен был пожаром 681 дом; из всего города уцелели только соборная Благовещенская церковь, две приходские церкви, архиерейский дом и небольшое количество обывательских домов. 24-го мая в Глухове истреблено было пожаром 275 дворов, а в июне сильные пожары свирепствовали в Можайске, в Мценске, где сгорело 205 дворов и найден был в соломе с пухом и хлопьями зажженный трут, что произвело между жителями всеобщий страх. Затем происходили ужасные пожары в Ярославле, в Бахмуте, в Михайлове, в Сапожке и в Волхове, где было истреблено разом 1500 дворов. Переяслав Южный в Малороссии и Венден в Остзейском крае истреблены были огнем вовсе. Кроме того, в городах Рыльске, Костроме, Севске, Орле и Нижнем были пожары. Вероятно, подобная участь постигла бы и Петербург, если бы там не предпринято

было нужной предосторожности и не расставили по площадям и улицам пикетов. Эта страшная пожарная эпидемия побудила правительство учредить комиссию для исследования причин пожара. Комиссия эта послана была в Москву под председательством Федора Ушакова, а по другим городам с той же целью разосланы были гвардейские офицеры.

Во всех городах хозяйственной частью заведовал главный магистрат, а благочинием в городе – полицейское управление. Между этими учреждениями происходили частые пререкания, отзывавшиеся дурно на порядке в городе. Из разных городов от полицейских контор поступали в главную полицеймейстерскую канцелярию донесения, что магистраты не доставляют по своей обязанности сотских и десятских по выбору в полицейские должности, не содержат караулов, а между тем сами вступают в неподлежащее им заведование полицией, и полицейским конторам чинят препятствия. Такие жалобы поступили из Нижнего Новгорода, из Архангельска, из Калуги, из Одоева, из Белева, из Порхова и других новгородских городов; отовсюду доносили, что при слабости и недостаточности караулов в городах не прекращаются грабежи и убийства. Из Киева присылались сведения, что там на Подоле скот бьют в рядах, а не в бойнях, мясо продают тухлое, невыносимый смрад господствует в воздухе по всему городу; у полиции мало команды, а магистрат решительно не хочет ни в чем ей помогать. Но если полиция жаловалась на магистраты, то и магистраты не оставались в долгу и обличали полицию: так, московский главный магистрат доносил сенату, что присутствующий в московской полиции Воейков берет взятки и делает обиды купечеству, – купца Тимофеева так избил плетьюми, что тот через два часа умер<sup>182</sup>. В Орле ссора полицеймейстера Бакеева с президентом магистрата Уткиным произвела в городе беспорядок: жители, настроенные Уткиным, отбивали силою пойманных полицией в драке людей, а стоящие по наряду от магистрата при рогатках на караулах торговцы нарочно не ловили озорников, чтобы не водить их в полицию; беспрестанно днем и ночью по городу происходили

драки и раздавались неистовые крики<sup>183</sup>. Взглянем теперь на состояние военной части при императрице Елисавете Петровне.

Военная часть во всей империи находилась, как и в прежние царствования, под верховным управлением военной коллегии. Важнейшим нововведением в этой сфере было учреждение лейб-кампании, где все рядовые получили дворянское достоинство и имения с крепостными людьми, так что средним числом на каждого нового дворянина приходилось 29 душ, а офицеры лейб-кампании, бывшие дворянами по своему рождению, получили их по несколько сот<sup>184</sup>. Всем пожалованным в чины в прежнее царствование сначала дозволили носить эти чины, но отобрали от них пожалованные им деревни, а потом и оставление за ними чинов отменилось<sup>185</sup>. В мирное время войско занималось преследованием разбойнических скопищ и усмирением крестьянских бунтов, и поэтому, как только начиналась внешняя война, отвлекая войско к границам империи, так усиливались разбои и бунты. В 1750 году военная сила умножилась учреждением конного полка в Астрахани, составленного из казачьих сыновей и из новокрещенов, а в 1753 году войско увеличилось еще тем, что тогда велено брать всех праздношатающихся в военную службу, если только они хотя мало окажутся способными. В 1756 году, ввиду начинавшейся войны, поручено было Петру Шувалову сформировать новый корпус войск числом в тридцать тысяч человек. Главный способ восполнения военных сил был рекрутские наборы, определяемые по одному рекруту на различное число душ, смотря по надобности в войске. В 1757 году, по представлению Петра Шувалова, введен был новый порядок в отправлении рекрутской повинности. Все десять великороссийских губерний разделены были на пять частей, и эти части по очереди должны были укомплектовывать войско, а губерния Архангельская с провинциями Вологодскою, Устюжскою и Галицкою – флот и адмиралтейство. Рекрут набирали из записанных в подушный оклад возрастом от 25 до 30 лет, а ростом в 2 аршина 6 вершков; для флота же двумя вершками менее. Для предупреждения побегов введен был обычай, надолго вошедший в употребление: брить лоб

принятым в военную службу. Помещики могли по своему произволу сдавать своих крепостных в рекруты с зачетом и без зачета, а беглых предоставлялось помещику или сдавать в рекруты, или ссылат в Нерчинск. Отдача рекрут в других крестьянских ведомствах подчинялась правилам, и если оказывалось, что рекрут отдан неправильно, то увольнялся. После беспорочной восьмилетней службы рядовой, по своему желанию, отпускался на прежнее место жительства. Унтер-офицеры из дворян после десятилетней беспорочной службы производились в прапорщики и определялись к статским делам. Наказанных шпицрутенами рядовых ссылали на работу в Нерчинск<sup>186</sup>. О строгости наказания можно судить по такому случаю, что в 1757 году за оскорбление священника драгун подвергся шестикратному прогнанию сквозь строй в 1000 человек. Солдатские дети, рожденные после отдачи отцов их в военную службу, до десяти лет содержались при матерях, а потом отдавались в училища; впрочем, помещик мог оставлять их у себя до четырнадцатилетнего возраста, обязавшись подпискою, что не обратит их в крепостных крестьян. Солдатские дети пятнадцати лет должны были поступать на службу, и те, которые будут проживать вне службы долее, признавались за беглых. Принятым рекрутам выдавалось жалованье по 50 копеек в месяц, по два четверика муки, по одному гарнцу круп и по два фунта соли, что вначале доставлялось на счет отдатчиков, а потом уже на казенный счет. Определено было в городах обучать рекрут военным упражнениям, но не в стужу и не в ненастье. Вести рекрут в хорошую погоду полагалось от двадцати до тридцати верст в день, а в дурную – от десяти до пятнадцати, и третий день пути посвящать отдыху. Все начальства на пути обязаны были давать марширующим рекрутам провиант. На случай болезней полагались на тысячу человек рекрут один подлекарь и три фельдшера. Полковые командиры распределяли их на роты, а ротные – на артели, перемешивая старых солдат с молодыми, но должны были наблюдать, чтобы старые у молодых не выманивали денег и не водили их в кабаки<sup>187</sup>.

Для раненых, вместо прежней отсылки в монастыри, в 1758 году устроен в Казани инвалидный дом, а в 1760 учреждены богадельни в губерниях Казанской, Воронежской, Нижегородской и Белогородской, так как в этих губерниях вообще находили изобилие мяса и рыбы. В этих богадельнях предположено помещать отставных и раненых с их женами и детьми в особых избах, по десяти человек в избе, а для надзора за ними определять надежных обер-офицеров. В том же 1760 году в пользу этого предприятия учреждалась лотерея в 50000 билетов, из которых выигрышных полагалось 37500; весь капитал определялся в 550 000 рублей, самый крупный выигрыш был 25000 рублей, самый меньший – 6 рублей<sup>188</sup>.

## VIII. Церковь и просвещение

*Меры к распространению христианства между восточными народами. – Димитрий Сеченов. – Новокрещены и некрещеные. – Недоразумения с мордвой и чувашами. – Монастыри. – Преследование раскола. – Хлыстовщина. – Недостатки духовного воспитания. – Академия наук; ее члены. – Сухопутный кадетский корпус и морская академия. – Основание московского университета.*

Императрица Елисавета Петровна с самого вступления на престол показывала большую набожность, и все ее распоряжения клонились более или менее к расширению между ее подданными православной веры и к унижению иноверства. Посланный еще при Анне Ивановне для обращения восточных инородцев Димитрий Сеченов доносил, что новокрещены не хотят выселяться на новые места, отдельно от некрещеных своих единоплеменников, остаются на прежних местах и даже ропщут, говоря, что как будто их за крещение наказывают, выгоняя из тех дворов, где жили их деды и предки. На такое представление последовал указ – не понуждать новокрещеных к переселениям, а объявить им другие милости, например, трехлетнюю льготу от всяких податей и повинностей, которые за них повелено собрать с некрестившихся, сверх того, крепостной магометанин делался свободным, приняв св. крещение; но если мурза, его помещик, принимал крещение, то подданные снова поступали к нему в зависимость. Трудно было выдумать закон более неудобный, потому что нет ничего несправедливее и опаснее, как объявить рабам свободу и тут же ставить их в возможность потерять ее снова. К числу льгот для новокрещеных была и такая, что арестованный по уголовному делу магометанин мог избавиться от наказания принятием христианства<sup>189</sup>.

Новокрещены не ладили с некрещеными, да и русские военные команды не всегда соблюдали привилегии новокрещеных. Некрещеная мордва сильно была недовольна ревностною деятельностью Димитрия Сеченова: в Терюшевской

волости избили священника, приехавшего их крестить, а команду, посланную для собрания недоимок, которые приходилось платить некрещеным за крещеных, настрашали до того, что она находилась некоторое время в уверенности близкой смерти. Так доносило духовенство; мордва же, напротив, жаловалась, что Димитрий Сеченов принуждает креститься силою, держит непокорных в кандалах и колодках и подвергает побоям; крестят их, погружая связанными в купель; архиерей пожег их кладбище, и многие, спасаясь от таких разорений, скитаются по лесам, отчего нечем платить им казенных доходов и помещичьих оброков. Подобные жалобы последовали от чувашей Ядринского и Курмышского уездов на игумена, протопопа, дьячков и монастырских крестьян<sup>190</sup>.

Легче шло распространение христианства между калмыками, потому что между ними одна ханша, вдова Дундука-Омбо, с детьми приняла св. крещение; от нее происходит фамилия князей Дондуковых. При ставропольской крепости поселены были крещеные калмыки, и у них были поставлены священники, отправлявшие православное богослужение по-калмыцки. Еще при Анне Ивановне заведенные калмыцкие школы имели от 20 до 30 учеников каждая. Все крещеные калмыки состояли по гражданской части под ближайшим управлением ставропольского командира, подчиненного оренбургскому губернатору, и могли заниматься земледелием, ремеслами и торговлей, а некоторые, наравне с некрещеными, вели и кочевой образ жизни. Калмыкам дозволялось кочевать в своих кибитках только до левой стороны Волги, а на правый берег не переходить. Каждый калмык, принимавший крещение, если был зайсанг, т.е. господин, получал по пяти рублей с семьею, а рядовой – по 2 р. 50 коп., холостой же – только половину этой суммы<sup>191</sup>.

Сенат, по жалобам инородцев, несколько раз подтверждал распоряжение, чтоб их не крестили насильно, но, как видно, такие распоряжения не исполнялись в точности, потому что в 1750 году татары Казанской губернии опять подавали жалобы, что их крестят насильно. В губерниях Казанской, Астраханской и Воронежской запрещено было строить новые мечети, хотя в



этих губерниях было много исповедовавших мусульманство. В Сибири такое запрещение последовало в 1744 году относительно селений, где некрещенные были перемешаны с новокрещеными, но потом дозволили строить мечети в полуверсте от жилых мест. Не только мечети, но и неправославные христианские церкви подвергались такому же гонению: так, по всей России указано было уничтожить армянские церкви, кроме Астрахани.

Постройка православных церквей везде и всячески поощрялась. Дозволялось помещикам созидать в своих вотчинах новые храмы, починивать и обновлять обветшалые, но с тем, чтобы храмостроители снабжали эти церкви серебряными сосудами, алтарными принадлежностями и священнослужительскими облачениями, по крайней мере шелковыми, и отводили в пользу клира пропорцию пахотной земли и покосов. Дворы духовных лиц, находившиеся при церквях, освобождались от постоя и полицейских повинностей. Петр I запретил носить иконы из монастырей и церквей в частные дома. Елисавета Петровна сняла это запрещение, но с тем, чтоб священнослужители, принося в дом икону, не оставались там обедать и не брали в рот ничего опьяняющего. В числе милостей духовному сану было дозволение записывать в подушный оклад за священно- и церковнослужителями незаконных детей и подкидышей. К числу признаваемых непристойными отнесены были привозимые из-за границы изображения страстей Господних и Св. угодников Божиих на фарфоре. Преследовались также в частных домах забавы с кощунским пошибом, как, например, наряживания на святках в одежды духовного сана. Во время богослужения, в воскресные и праздничные дни, запрещено было отворять кабаки и вести торговлю; запрещены были также кулачные бои.

Монастыри пользовались особым уважением императрицы. Более всех милость государыни была оказана Троицко-Сергиевскому, возведенному тогда в почетное наименование Лавры. Все его многочисленные подворья освобождались от постоя и полицейских повинностей, но эта привилегия давалась с оговоркою, что она пожалована не в образец другим

монастырям. За монастырями признавалась правоспособность исправлять нравственность несовершеннолетних, впавших в преступление. Уголовного преступника, не достигшего семнадцатилетнего возраста, по наказанию батогами или плетью отдавали на исправление в монастырь на 15 лет<sup>192</sup>. При Елисавете Петровне в Петербурге основано было два женских монастыря – Смольный, на месте при царском Смольном дворце, и Воскресенский или Новодевичий; в Москве возобновлен был Ивановский монастырь, назначаемый для содержания вдов и дочерей заслуженных людей. Закон Петра Великого о непострижении в иноческий сан молодых людей при Елисавете Петровне соблюдался долго, исключая Малороссии, где по старине допускалось постригаться каждому лицу, достигшему 17 лет возраста. Но в 1761 году всем без изъятия безбрачным мужчинам, вдовам и девицам дозволено постригаться по желанию.

Набожность императрицы высказывалась и в повелениях читать в церквях, во время литургии, молитвы об отвращении постигающих край естественных бедствий. Так в 1649 году делалось по поводу скотского падежа, а потом, когда в некоторых местах России появлялись насекомые, истреблявшие цветы и листья в садах и огородах, указано было Святейшему Синоду составить подходящие молитвы об избавлении от такого зла. Самым благочестивым подвигом императрицы было печатное издание Библии, которое стоило многолетних трудов ученым духовным и поступило в продажу по пяти рублей за экземпляр<sup>193</sup>.

Особенно важный в кругу церковного устройства указ Елисаветы Петровны был дан в 1753 году. Крестьянам архиерейских и монастырских вотчин, находившимся долго перед тем в ведомстве монастырского приказа, а потом коллегии экономии, было повелено пребывать в послушании у архиереев и монастырских начальств, куда они вначале были приписаны, а в 1757 году издан был новый указ: в монастырских имениях отправлять хозяйственные должности не монастырским служкам, а отставным штаб- и обер-офицерам, которые должны будут с этих имений собирать доходы и из них

употреблять в расход столько, сколько положено по штатам, остальное же хранить особыми суммами; из этих сумм государыня оставляла за собою раздачу пособий на строения в монастырях и на учреждение инвалидных домов.

В XVIII веке ни одно царствование в России не ознаменовалось такой нетерпимостью к раскольникам, как описываемое. Религиозное настроение императрицы побуждало ее поддаваться известным влияниям, и она дошла в своей ненависти к расколу до полной нетерпимости. Со своей стороны, гонимые раскольники впали в такое безумное отчаяние, что начали возводить самоубийство в религиозный догмат. Гонение на раскольников старообрядческого толка является уже в первый год царствования Елисаветы Петровны. Дозналось духовенство, что в отдаленной окраине, близ Ледовитого моря, в Мезенском уезде завелись скиты, куда приютились раскольники не только из простолюдинов, но из купечества и из шляхетства. Правительство послало туда военные команды забрать расколоучителей и разогнать их последователей. С тех пор раскольники прогрессивно возбуждали против себя мирскую власть, потому что их скиты стали обычным убежищем беглых. В 1745 году всем вообще раскольникам запрещалось именовать себя староверцами, скитскими, общежительными; обязывали их платить двойной оклад, не совращать в свои толки православных и не придерживать беспаспортных. Тогда же думали действовать против раскола и путем убеждения: Синод напечатал книги Димитрия Ростовского и Феофилакта Лопатинского, обличавшие заблуждения раскольников. Но посылки военных команд для разорения раскольничьих скитов не вязались с мирными средствами убеждения и довели раскольников до ужасного и дикого явления – самосожжения, которое происходило иногда и прежде, но теперь получило, так сказать, эпидемический характер. Слыша о приближении войска, раскольники запирались в избах, где устроены были у них свои молельни, подкладывали огонь и погибали, в чаянии сохранить истинную веру и добровольным самопожертвованием достигнуть Царствия Небесного. Так, в окрестностях Каргополя сожглось

разом 240 человек, потом в другой раз 400 человек. В Олонецком уезде добровольно сожглась толпа в 3000 человек, в Нижегородских пределах – 600 человек, затем на реке Умбе сожглось еще 38 человек с учителем своим Филиппом, который учил не молиться за царей и был основателем толка филиппонов. Правительство, слыша об этом обо всем, думало уничтожить изуверство строгостью и учредило комиссию для отыскания и жестокого наказания расколоучителей на севере; но гонение возбудило такой страшный фанатизм, что там до шести тысяч человек в один раз добровольно погибло в огне, и, по известию раскольникского историка, чуть не сожглась сама Выгореция – скит, служивший главным рассадником поморской секты беспоповцев<sup>194</sup>.

Никакие строгости не истребляли фанатизма сектантов. Случаи самосожжения повторялись то в том, то в другом углу России. Так, в Устюжской провинции, в Белослудском стане сожглось 70 человек, а тотемский воевода доносил, что в девяти избах сожгли себя разом 172 человека, желая пострадать за веру Христову и за двоеперстное сложение. Пожитки сгоревших продавались с публичного торга, а их скот отдавался на продовольствие преследовавшим их военным командам. В 1760 году из Сибири снова донесено было в Синод, что раскольники составляют сборища, запираются в пустых избах и сожигаются. Поэтому строго предписано было отыскивать такие сборища и виновных в подстрекательстве к самосжиганию наказывать без всякого милосердия.

Остатки хлыстовской ереси, открытой в царствование Анны Ивановны в Москве и ее окрестностях, преследовались и при Елисавете Петровне. В шестидесяти верстах от древней столицы, у строителя Богословской пустыни, в пустой избе, выстроенной в саду, происходило сборище мужчин и женщин. На лавках с одной стороны сидели мужчины, с другой – женщины, и между ними находилась княжна Дарья Хованская. Все пели, призывая имя Иисуса Христа. Потом купец Иван Дмитриев затрясся всем телом, стал вертеться и кричал: «Верьте, что во мне Дух Святой, и что я говорю, то говорю не от своего ума, а от Духа Святого». Он подходил то к тому, то к

другому и произносил такие слова: «Братец (или сестрица)! Бог тебе помочь! как ты живешь? Молись Богу по ночам, а блуда не твори, на свадьбы и крестины не ходи, вина и пива не пей, где песни поют – не слушай, а где драки случатся, тут не стой!» – Если кого он не знал по имени, тому говорил: «Велмушка, велмушка, помолись за меня!» – а отходя от каждого, говорил: «Прости, мой друг, не прогневил ли я в чем тебя?» – Тот же Иван Дмитриев резал в кусочки хлеб, клал на тарелку с солью и наливал воды в стакан, подавал хлеб, приказывая есть ломтики на руке и прихлебывать воду из стакана, а потом, творя крестное знамение, прикладываться к стакану. Наконец, все, взявшись за руки, вертелись кругом посолонь, подпрыгивая, и при этом били друг друга обухами и ядрами, объясняя, что это означает сокрушение плоти. Эта пляска носила у них название: «корабль». Княжна Хованская испугалась и уехала, а прочие продолжали вертеться, бить друг друга, и уже на рассвете разошлись. Схваченный строитель Богословской пустыни Димитрий показал на участие некоторых лиц, а один из последних, ученик штофной фабрики Голубцов, показал, что он научился этому еще в 1732 году в Андрониевском монастыре. Голубцов говорил, что первое крещение было водою, а теперь совершается второе крещение, и кто вторым крещением не крестится, тот не войдет в Царствие Бо-жие. Строитель Димитрий сознался, что во время действий они бились между собою не только обухами, но даже ножами, вставленными в палки. Еретики учили, что брак – дело противное спасению души, грех, начавшийся от грехопадения Адамова; однако учитель Сапожников жил в связи с согласницею сборища Федосьей Яковлевой. Эта Федосья Яковлева говорила: «Слыхала я от согласников наших, что есть у нас в Ярославле государь батюшка, крестьянин Степан Васильев, который содержит небо и землю, и мы его называем Христом, а жену его Евфросинью – госпожею Богородицею; учителем же того Степана и жены его был крестьянин Астафий Онуфриев»<sup>195</sup>.

Что-то подобное этой «хлыстовщине» или «христовщине» упоминается в царствование Елисаветы Петровны под названием квакерской ереси<sup>196</sup>. Ересь эта возникла еще в 1734

году; некоторые из упорных последователей ее казнены были смертью, другие же притворно воспользовались позволением покаяться. Таких явилось 112 человек; но в 1745 году в Москве открылось существование этой секты снова: захватили 416 человек. Они почти все были наказаны кнутом и сосланы на работы; 216 оставлены до времени на прежних местах жительства, а 167 человек известных по именам, как участников, не отысканы. Всяк, вступавший в эту секту, давал клятву не открывать о ней, под страхом наказания в будущей жизни, ни родителям, ни родным, ни духовному отцу, ни пред судом. Сектанты крестились двумя перстами, называли троеперстное крестное знамение антихристовой печатью, переменяли себе имена, не возбраняли для вида исповедоваться и причащаться, но брачное сожитие называли блудом, толкуя, что по апокалипсису только девственники войдут «в Царствие Небесное агнца». Что эта секта была видоизмененная хлыстовщина, доказывает уже то, что главный учитель ее был вышеупомянутый Григорий Сапожников, состоявший в сожительстве с Федосьей Яковлевой, которая и донесла на него и на его соучастников. Сенат публиковал, чтобы скрывшиеся последователи этой ереси в течение полугода явились с повинною, – иначе с ними поступят как с волшебниками.

Просвещение мало-помалу переставало быть тогда исключительной привилегией духовного класса и становилось из церковного светским. Это было важнейшим явлением русской жизни в царствование Елисаветы Петровны, и этого нельзя приписывать ни деятельности тех или других лиц, ни тем или иным мероприятиям правительства, а главное – духу времени. Образование, получаемое в заведениях церковного ведомства, было крайне недостаточным уже и потому, что учебных заведений было мало; духовные, которых можно было назвать учеными, составляли незначительный процент в многочисленном сословии духовенства, осужденном на безысходное невежество и способном, вместо всякого вероучения, проповедовать народу одни суеверия и предрассудки. Грубость духовных того времени превосходила

всякую меру: в церкви они ни о чем не считали нужным заботиться, как только о соблюдении наружных обрядов и вымогательств за них вознаграждения от прихожан. Каждое утро в Москве на Крестце можно было встретить толпу священнослужителей, нанимавшихся служить обедни, панихиды и молебны и торговавшихся самым бесстыдным образом. Немногие, получившие какое-нибудь образование в школах, стояли на высоте своего сана; их учили тому, что ни для них самих, ни для других не было нужно: все научное воспитание состояло в пустой схоластике и в риторических упражнениях, которые никого из них не делали проповедниками и витиями. Обращение с духовными было также самое грубое и жестокое: не только архиереи сажали их на цепь, били плетью, посылали на унижительные работы, но и светские особы, чувствовавшие за собою силу, били их по щекам, рвали им бороды, секли их и надругались над ними, как хотели. Единственный способ поднять русское общество, которого руководителями были долго духовные, было распространение научного, а не схоластического образования; но для этого нужно было образование не церковное, каким оно было спокон века в России, – а светское, мирское. Петр Великий понял эту необходимость и завел разные специальные училища и академию наук, долженствовавшую быть главным светилом научной образованности в России. Мы указали ее деятельность при Анне Ивановне. Первые годы царствования Елисаветы Петровны ознаменовались в ней спорами библиотекаря и академика Шумахера с профессором Делилем и с Андр. Конст. Нартовым – вторым советником академии, начальником механической экспедиции, учрежденной при академии. Споры эти были более чиновнического, чем ученого характера. К ним заодно примкнули против Шумахера недовольные деспотизмом последнего студенты, канцеляристы и мастеровые. На Шумахера подана была в сенат коллективная жалоба, направленная не против одного Шумахера, но и против немцев вообще. Жалобщики надеялись, что после низложения немецкого господства с брауншвейгскою династиею не трудно будет выиграть при русском национальном направлении

правительства. Императрица сначала арестовала Шумахера и назначила комиссию для рассмотрения возникших на него жалоб, но Шумахер приобрел покровительство сильных господ, составлявших комиссию, и комиссия оправдала Шумахера. В конце 1743 года императрица приказала освободить его и позволила занять прежнее место в академии наук, о бок с его соперником Нартковым. Профессор Делиль был так недоволен решением в пользу Шумахера, что собирался покинуть Россию, но Елисавета Петровна уговорила его остаться из уважения к памяти родителя, выписавшего Делиля в Россию. Тогда Делиль подал императрице проект регламента академии, по которому академия подразделялась на департаменты по наукам с тем, чтобы директор каждого департамента был из профессоров, и главный президент был бы также из профессоров и вступал в должность президента по выбору товарищей. Императрица одобрила этот проект, кроме выбора в президенты, потому что уже наметила на это место не ученого профессора, а брата своего любимца, Кирилла Разумовского, в детстве бывшего пастухом в своем селе, а потом отправленного за границу для образования. Этот Кирилл Разумовский воротился из-за границы в 1745 году, а в следующем, 1746 г., сделан был президентом академии наук: ему было только 19 лет от роду. Ему представили дело Шумахера. Находясь под влиянием своего наставника, Теплова, Разумовский «усмотрел, что советник Шумахер прав перед профессорами, и ненависть от них только тем заслужил, что по ревности своей к пользе и славе государственной принуждал профессоров к отправлению должности и к показанию действительных трудов, за которые им столь важное жалованье определено». Новый президент дал огульную аттестацию о профессорах, что «между ними ничего не усматривается, как желание одно стараться всегда о прибавке своего жалованья, как бы получить разными происками ранги великие, ничего за то не делать и не быть ни у кого в команде, а делать собою все, что кому вздумается, под тем прикрытием, что науки не терпят принуждения и любят свободу». В 1747 году издан был регламент академии наук, соединенной тогда с академией художеств и с университетом.



По этому регламенту академия наук, как собрание ученых, разделялась на три класса. Первый – астрономов и географов, от которых предполагалась та польза государству, что из них будут мореплаватели, которые станут описывать земли, открывать до сих пор неизвестные страны и подчинять их Российской державе. Второй класс – физический, из которого должны были выходить физики, химики, ботаники, геологи и приносить пользу государству, отыскивая новые руды, камни и растения. Третий класс – физико-математический: польза от него государству ожидалась та, что выйдут люди, которые станут изобретать мануфактурные художества, машины, полезные для армии и флота, для архитектуры, для очистки рек и каналов, для земледелия, садоводства и прочего. Из этого видно, что правительство смотрело на академию преимущественно с утилитарной точки зрения. Собственно академики занимались учеными работами; академики же профессора читали лекции студентам и готовили из них будущее ученое общество. Таким образом, еще до основания университета в нынешнем смысле это имя было уже известно в качестве составной части академии наук. Профессоры обучали студентов только наукам, а студенты должны были поступать в университет с достаточным знанием латинского языка. В студенты допускались лица всякого происхождения, исключая записанных в подушный оклад: в университете они получали содержание и квартиру в одном доме для всех. При университете полагалось учредить гимназию, из учеников которой отбирать двадцать человек, – более годных из них определять в университет, а менее годных отправлять в академию художеств. Профессоры должны были преподавать бесплатно. Они могли быть всякого вероисповедания, как и студенты, но при университете полагался духовник из ученых иеромонахов, который каждую субботу должен был преподавать катехизис. При особе президента полагалась канцелярия в видах управления всем академическим корпусом. Члены этой канцелярии должны были быть сведущи в науках и иностранных языках настолько, чтобы разуместь, о чем будут идти речи. При академии устроена была кунсткамера для хранения редкостей и

музей древностей, так как со всей России еще со времен Петра I-го все местные власти обязаны были отысканные старинные вещи и монеты доставлять в сенат, а сенат препровождал их в академию наук. В 1747 году сгорели академические здания, где помещались кунсткамера с музеем и библиотека, но самонужнейшие вещи были спасены, и государыня повелела под кунсткамеру и библиотеку дать две кладовых, до указа.

В 1746 году академия наук в число своих членов приобрела в тот век важнейшую европейскую знаменитость – Вольтера; он сам, через посредство Делиля, заявил желание поступить в члены академии и выпросил себе поручение писать историю Петра Великого. В те времена вообще в петербургской академии оригинальных сочинений писалось мало, а больше переводилось на русский язык с иностранных языков; так, с французского языка переводились фортификационные сочинения Вобана и сочинения других французских писателей по военной науке и по истории. От академии последовала публикация, чтобы желающие переводили с разных языков книги и доставляли свои переводы в академию: за это переводчик, в вознаграждение своего труда, получал сто экземпляров своего перевода, отпечатанного на издвигание академии. По мысли асессора академии Теплова, положено было основать в Москве книгопродавческую палату, где надлежало продавать книги, ландкарты и газеты российские и немецкие.

Двое деятелей академии занимали тогда видное место по своим талантам и по деятельности: Ломоносов и Миллер. О трудах Ломоносова мы будем говорить в его отдельном жизнеописании<sup>197</sup>. Миллер заявил свою ученую деятельность еще при Анне Ивановне. Отправленный в сибирскую экспедицию, он пробыл в Сибири десять лет, привез оттуда громаду записанных им сведений по русской географии и истории, определен был при академии наук историографом и обязался, вместе с Фишером, составить и издать сибирскую историю, а по окончании этой работы заняться составлением российской истории. Но как только он с Фишером представил свою сибирскую историю на рассмотрение академического

собрания, так тотчас стал получать неприятные замечания. Ломоносов оскорбился за честь Ермака, о котором Миллер сообщил исторические сведения, что тот до своего похода в Сибирь разбойничал. Теплов придирался за родословные, называя их неверными и сочиненными. Шумахер находил, что прилагать к сибирской истории предисловие и печатать при ней жалованные грамоты вовсе не нужно. Академическая канцелярия упрекала Миллера за то, что в его историю внесено много ложных басен, чудес и церковных сказаний, недостойных доверия, хотя Миллер признавал все это нужным в качестве образчиков народного мирозерцания. Ему воспретили на будущее время прилагать выписки на старом языке, который стал уже неудобопонятен. Еще тяжелее обрушилась на него неприятность по поводу его латинской речи о происхождении Варягов Руси, где он разделял мнение Байера о скандинавском происхождении этого народа и наших первых князей. Комиссар Крекшин первый стал распускать слух, что в речи Миллера есть унижительные для России выходки. Шумахер поручил членам академии рассмотреть эту речь. Тредьяковский, прочитавши ее, объявил, что в сочинении Миллера не находит он ровно ничего предосудительного для чести России, но Ломоносов обратил на нее внимание не с ученой, а с псевдопатриотической точки зрения: он ставил Миллеру в осуждение, что тот пропустил удобный случай похвалить славянский народ, не признает славянами скифов, очень поздно определяет прибытие славян в здешние места; что полагает расселение славян в России гораздо позже времен апостольских, тогда как церковь ежегодно вспоминает прибытие апостола Андрея в Новгород, где и крест был им поставлен; что такое мнение недалеко до критики и на орден св. Андрея Первозванного; что первых русских князей Миллер производит от неизвестных скандинавов противно свидетельству Нестора летописца, о котором он дозволил себе отозваться неуважительно, выразившись: «ошибся Нестор»; что Миллер производит имя Российского государства от чухонцев и дает предпочтение готическим басням пред повествованием преподобного Нестора – и, наконец, приводимые им описания частых побед скандинавов

над россиянами -"досадительны». Канцелярия академии, по таким отзывам, определила уничтожить диссертацию Миллера.

Затем Теплов всячески преследовал Миллера. Его заставили читать лишние лекции, грозя вычетом из жалованья. Миллер жаловался на Теплова президенту, но президент принял сторону Теплова и заявил в канцелярии, что некоторые члены академии препятствуют его стараниям на пользу учреждения. Делиля и Крузиуса Разумовский уже удалил, – оставался Миллер; Теплов представлял президенту, что Миллер, пробыв десять лет в Сибири, ничего не привез оттуда, кроме кое-каких летописей, грамот и старых канцелярских бумаг, что все это можно было добыть с меньшими затратами. Теплов обвинял Миллера, что он бил студента Крашенинникова, что он клеветал на него, Теплова, и самого президента осмеливался осуждать в неосмотрительности. Миллера разжаловали из профессоров в адъюнкты, но скоро возвратили ему прежнее звание, вынудивши признание, что он был наказан достойно. Президент и Теплов знали, однако, что Миллер по своей учености и трудолюбию никем не заменим, и потому ему было поручено издание академического журнала. В декабре 1753 года Миллер в академическом собрании прочитал предисловие к первой книжке журнала, которому он предположил дать название: «С.-Петербургские Академические Примечания». Возражений в то время не последовало, но через месяц Ломоносов заявил, что название журнала и предисловие к нему, написанное Миллером, не понравились при дворе, и потому их надобно переменить. Вместо первого названия дано было журналу другое: «Ежемесячные сочинения». В первом номере Миллер поместил свою статью о Несторе, где обличал собственные ошибки, допущенные им прежде, при недостаточном еще знании русского языка. Во всяком случае Миллер, в ряду деятелей науки в России, остается звездой первой величины, несмотря на то, что, к сожалению, с противниками его связалось имя человека, которого Россия привыкла уважать, как патриарха русского просвещения.

Академия наук не оставляла также российской географии и археологии. В 1755 году она потребовала присылки подробного

описания монастырей и церквей с их историческим значением, но Святейший Синод, к которому было обращено это требование, отвечал, что в его ведомстве нет людей, способных к составлению таких описаний, а в 1760 году состоялся указ, которым предписывалось из всех городов доставлять в академию наук географические сведения в виде ответов на вопросы, присылаемые от академии. Были, впрочем, и добровольные географические экспедиции, предпринимаемые частными лицами; таким образом, устюжские купцы, Быков и Шалауров, спросили себе дозволение на собственных судах совершить морское плавание для открытия пути от устья Лены вдоль Чукотского Носа до Камчатки.

Академия художеств составляла, как мы уже сказали, часть академии наук. Но в 1759 году она была преобразована в отдельное учреждение и получила свой особый регламент и штат. Впрочем, на содержание ее положено было отпускать в год из штатс-конторы умеренную сумму – 6000 рублей.

Сухопутный кадетский корпус после ссылки Миниха находился под ведением принца гессен-гамбургского, а потом князя Репнина. Из учеников этого заведения некоторые были представляемы в сенат, а сенат препровождал их для экзамена в академию наук, и когда там они по экзамену оказывались достойными, сенат определял их в секретарские должности.

Из морской академии посылались в Англию молодые люди для ознакомления с английским языком, который считался нужным для моряков.

В эти два заведения поступали лица исключительно дворянского происхождения; но кроме них воспитание юношества в дворянском классе в царствование Елисаветы Петровны, особенно в первых годах, шло замечательно дурно. Множество учителей, прежде живших в дворянских домах, уже несколько лет сряду вело праздную жизнь за невозможностью учить кого бы то ни было, потому что в благородном сословии внедрялось отвращение ко всякой образованности и даже какое-то презрение к людям воспитанным. Во всех школах империи было учащихся только 709 человек, а из посадских людей не было в них ни одной души. Существовавшие с Петра

Великого арифметические школы закрылись по недостатку учеников. Оставались еще гарнизонные школы специально для солдатских детей, куда допускались учиться и дети дворян на собственном иждивении; но и эти школы, по большей части, находились в запустении. В школу, учрежденную при сенате для молодых дворян, предназначавших себя к гражданской службе, никто уже не ходил, хотя в 1750 году был дан подтвердительный указ, обязывающий записанных туда ходить в определенные дни для ученья. Из новоучрежденных при Елисавете Петровне школ основалась одна в Оренбурге в 1748 году по инициативе губернатора Неплюева, а в 1752 году положено учредить школы для ландмилиции, поселенной на украинской линии.

Покровительствуя вообще книжному и письменному образованию в России, правительство, вместе с тем, ограждало свою власть от таких плодов книжного просвещения, какие для него были нежелательны. Так, в видах ограждения православного благочестия, запрещено было, без дозволения Синода, издавать книги духовного содержания, а также привозить из-за границы всякие русские книги без присмотра синодского; в 1750 году запрещено было привозить в Россию и книги на иностранных языках, где упоминались имена лиц предшествовавших царствований. По невежеству этот указ повел к тому, что в Синод стали представлять книги исторические и географические, не заключающие в себе вовсе ничего противного правительству. Поэтому указано было такие книги возвратить, а вперед считать предосудительными только те книги, которые были «дедикованы» на имена известных особ прошедшего царствования, а также молитвенники на немецком языке, где упоминались имена особ, которых правительство хотело заставить позабыть в России.

В 1755 году в истории образованности в России произошло важное явление – основание первого российского университета; он был назначен в Москве, и при нем полагались две гимназии приготовительного характера. В указе говорилось, что «Петр Великий погруженную в глубину невежества Россию к познанию истинного благополучия приводил, и по тому же пути желает

следовать дочь его, императрица Елисавета Петровна». В тех видах, что дворянство российское лишено средств к воспитанию своего юношества и часто приглашает в дома к себе учителей из иностранцев, вовсе не приготовленных к своему высокому призванию, по докладу камергера Шувалова, учреждался в Москве университет для дворян и разночинцев и при университете две гимназии: одна для дворян, другая для разночинцев. Государыня желала, чтобы главное начальство над университетом поручалось двум кураторам: один будет учредитель камергер Шувалов, другой – лейб-медик Блюментрост. Проект утвержден был государынею 12-го января 1755 года. Сенат определил на содержание университета и двух гимназий 15000 рублей в год и, сверх того, на покупку книг и прочих ученых пособий единовременно 5000 рублей. Университет, хотя и подчинялся сенату, но находился под протекцией императрицы. Ему предоставлялся собственный суд. Все принадлежащие к университету освобождались от постоя, сборов и всяких полицейских тягостей. Университет разделялся на три факультета. Первый – юридический, в котором полагались профессора: натуральной юриспруденции, народных прав и узаконений и политики, излагающей прошедшее и настоящее положение отношений государств между собою. Второй факультет – медицинский, где полагались профессора: химии физической и аптекарской, натуральной истории, которые будут показывать на лекциях травы и животных, – и анатомии, которые будут показывать строение человеческого тела в анатомическом театре. Третий факультет – философский, т.е. логики, метафизики и нравоучения, физики экспериментальной и теоретической, красноречия, т.е. ораторства и стихотворства и истории универсальной и российской. Каждый профессор обязан каждодневно, исключая воскресных и праздничных дней, читать в университете публичные лекции по своему предмету, не требуя от слушателей платы; но дозволяется профессору читать и приватные лекции за умеренную плату. Лекции читаются по-латыни и по-русски, согласно с авторами, которые будут указаны в профессорском собрании и кураторами. По субботам

должны в присутствии директора отправляться собрания профессоров для совета о всяких распорядках, касающихся наук и студентов. При окончании месяца, в субботу, профессора устраивают диспуты для студентов, и за три дня вперед к дверям университета прибывается тезис, а в конце академического года устраиваются диспуты публичные, на которые приглашаются любители наук. В апреле раздаются золотые и серебряные медали, числом восемь, за лучшие сочинения, написанные по-латыни и по-русски. Назначаются две вакансии: одна зимняя – от 15-го декабря по 6-е января, другая летняя – от 10-го июня по 1-е июля. Курс студентов определяется трехлетний. В университет студенты вступают по экзамену из всех сословий, кроме крепостных, «понеже науки не терпят принуждения и между благороднейшими упражнениями считаются»; однако дворянин мог обучать своего крепостного в университете на своем иждивении, но уволивши его от крепостной зависимости; если же такой студент будет уличен в дурных поступках, то возвращается снова под прежнюю власть господина. Во время курса студенты находятся под исключительным ведением университетского суда.

В гимназиях, учреждаемых при университете, предположено было четыре трехклассных школы: первая -российская, вторая – латинская, третья – оснований наук, и четвертая – главнейших европейских языков, которыми считались немецкий и французский; каждому ученику предоставлялось учиться обоим этим языкам вместе или одному из двух. Родители, заранее желавшие определить со временем своих сыновей в купечество, в художество или в военную службу, должны были объявлять об этом предварительно, дабы можно было при воспитании руководить детьми сообразно родительским желаниям. Каждый класс подвергался полугодичному экзамену, а в конце курса производился экзамен публичный, после чего достойные производились в студенты университета. При этом директор раздавал ученикам в виде награды книг рублей на пятнадцать или на двадцать. Учиться греческому языку считалось нужным, а восточные языки предположено было преподавать тогда,



когда увеличатся университетские доходы и найдутся достойные преподаватели. Дворянам дозволено было записывать своих недорослей в университет, а по достижении семи лет возраста возить на первый смотр. Обучаться в университете предполагалось до шестнадцати лет возраста; но тем, которые показывали особую большую склонность к наукам, дозволялось оставаться и до двадцати лет. Все окончившие курс в университете и получившие об окончании свидетельство, при поступлении в гражданскую или военную службу пользовались старшинством.

Московскому университету, как и петербургской «де-сианс академии» дано право состоящих учителями иностранцев подвергать экзамену и выдавать им свидетельства на право учительствовать; а без этого свидетельства никто не должен был держать домашнего учителя, под страхом уплаты пени ста рублей<sup>198</sup>.

В 1758 году (июля 21) указано учредить в Казани такие же гимназии для дворян и разночинцев, какие были учреждены при московском университете; в 1760 году Иван Ив. Шувалов представлял о необходимости завести такие же гимназии во всех «знатных» городах Российской империи, разделив учеников на казеннокоштных и своекоштных, а в городах меньших учредить школы, где бы обучали арифметике и первым основаниям других наук; из этих школ, по окончании там курса, поступали бы в гимназии, из гимназий – в университет, в кадетский корпус и в академию наук, а из этих трех мест поступали бы уже в службу.

Медицинская часть находилась в заведовании медицинской канцелярии. В 1754 году указано было сделать набор врачей из малороссийских семинарий, находившихся в Киеве, Переяславе и Чернигове. Они являлись в медицинскую канцелярию или в медицинскую контору с аттестатами, подписанными их ректорами и префектами. Их определяли в госпитали в Петербурге или в Кронштадте для практического обучения врачебной науке, а других – в аптеки, чтобы впоследствии приготовить из них аптекарей. И те, и другие учились, состоя на казенном содержании; по окончании ученья получавшим в

госпиталях звание лекаря давали жалованья от 10-ти до 25-ти рублей в месяц. Учившиеся же в аптеках по окончании курса получали от трехсот до шестисот рублей в год. Аптекари состояли под ведением докторов. В Москве было два доктора: один для дворян, с жалованьем 600 рублей в год; другой – для разночинцев и купечества, с годовым окладом жалованья в 500 рублей<sup>199</sup>. Повивальные бабки свидетельствовались в познаниях в Петербурге и Москве докторами и лекарями и получали аттестаты, дававшие право на практику. Лучшие из бабок оставлялись в Петербурге и Москве и назывались присяжными; для Москвы полагался им комплект пятнадцать, для Петербурга – десять; прочие рассылались по губерниям. Для образования повивальных бабок существовали в Петербурге и Москве специальные школы, на содержание которых назначалось в год по три тысячи рублей. Каждая роженица, сообразно своему рангу и достатку, обязана была платить в узаконенном размере повивальной бабке, оказывающей ей помощь.

Приезжие в Россию из-за границы врачи определялись по госпиталям с годичным жалованьем по семисот рублей на их содержание и находились под наблюдением определенных при госпиталях докторов. Не получивши свидетельства на право лечения от медицинской канцелярии, никакой чужеземец в Русском государстве не мог заниматься врачевством<sup>200</sup>. Когда в 1755 году в Петербурге свирепствовали эпидемические сыпные болезни – оспа, корь и лопуха, то чрез посредство Святейшего Синода было опубликовано, чтобы больные не общались со здоровыми и для этого не носили бы детей причащаться в церкви, исключая особенно для того отведенных церквей, а мимо Зимнего дворца запрещено было провозить мертвых.

В 1756 году явилось в России еще новое просветительное учреждение: указано завести русский театр для представления трагедий и комедий; для этого учреждения пожертвован был конфискованный каменный дом Головкина, находившийся на Васильевском острове близ Сухопутного кадетского корпуса. Актеров положили набирать из певчих и обучавшихся в кадетском корпусе ярославцев, а дополнять их число

охотниками из неслужащих людей. На содержание театра положено отпускать в год 5000 рублей. Директором театра назначен бригадир Сумароков<sup>201</sup>.

## **IX. Внутренний быт при Елисавете Петровне. Хозяйство, ремесла и торговля**

*Лесное и соляное богатство. – Селитра. – Китоловный промысел. – Звериные и рыбные промыслы. – Хлебное производство. – Винокурение. – Металлическое производство. – Фабрики: суконные, шелковые, кружевные, шляпные, красочные, шпалерные. – Необходимость образования в купечестве. – Препятствия торговле. – Торговые иноземцы. – Права купеческие. – Уничтожение внутренних пошлин. – Новый торговый устав. – Ввозная и вывозная торговля. – Банк для купечества. – Контрабанда.*

Правительству преемников Петра Великого приходилось только повторять его узаконения о лесах. В царствование его дочери мы встречаем ряд распоряжений в этом смысле. В видах сбережения лесов запрещено было в 1744 году в Москве строить вновь деревянные дома, а в 1748 и 1755 годах около Москвы на двести верст кругом изгоняли стеклянные и железные заводы и даже винокурни, содействовавшие уменьшению лесов. Выделка смолы, хотя издавна приносила немалый доход казне, но признаваемая вредною для лесов, допускалась только в Малороссии, около Чернигова и Стародуба, и в северной земле, в брянских лесах. Она составляла исключительное казенное достояние, а торговля смолою, производившаяся у Архангельска, отдана была на откуп обер-егермейстеру Нарышкину, с обязательством отпускать за границу не менее трех тысяч бочек смолы<sup>202</sup>. Для сбережения лесов уничтожили соляные промыслы в Балахне и Соль-Галиче, оставили только тотемскую и элтонскую соль. Элтонская соль пошла тогда в ход, и промыслы на Элтонском озере день ото дня получали большее развитие. Для складов элтонской соли положено было построить городки: на Элтонском озере, на Камышенке, близ Димитриевска и против Саратова на Волге, и в них соляные амбары; в городе же Саратове учреждено соляное правление<sup>203</sup>. Привозом соли с места нахождения к местам хранения занимались солевозы,

которые все были из малороссиян, и они-то, поселившись на берегу Волги (большей частью, на левом), дали начало существующим там и теперь многочисленным малороссийским слободам. Строгановская соль, до сих пор главным образом снабжавшая всю Россию, принуждена была выдержать большую конкуренцию. Большое затруднение для успеха элтонской соли состояло в том, что на солевозов нападали калмыки, и на защиту солеводства приходилось держать воинские команды, провожавшие партии соли. Немало беспокоили солепроизводство отыскиватели беглых; кроме того, немало вредило успешному производству промыслов то, что соль добывалась подрядчиками, нанимавшими рабочих, а эти рабочие, взявши вперед деньги, убегали прочь, хотя, по жалобам подрядчиков, за такие побегι угрожали виновным каторжной работой. Сначала цена элтонской соли колебалась, а с 1749 года установлена была везде цена соли 35 копеек за пуд: в Астрахани же и в Красном Яру – 17 1/2 копеек. Дозволялось возить соль по деревням, но не брать барыша более двух копеек с пуда. В 1750 году управляющий соляными складами в Саратове Чемадуров стал отправлять элтонскую соль по Волге во все низовые и верховые города. В год добывалось элтонской соли 1 064 859 пудов. Строгановская соль решительно уступила элтонской, а старорусское производство соли, снабжавшее солью северо-западную Россию, было закрыто в 1753 году вовсе. Для всей Сибири вырабатывалась соль на собственных промыслах, а в гор. Тобольске учреждено было главное соляное комиссариатство<sup>204</sup>.

Селитренные казенные заводы были на реке Ахтубе и отдавались на откуп разным лицам, с обязательством доставлять в казну за пуд по 3 руб. 20 копеек; излишек дозволялось продавать заграничным купцам. Порох разрешено было продавать каждому в неопределенном количестве.

Звериные промыслы, оскудевая в Сибири по мере распространения народонаселения, процветали еще в восточной окраине и к островах Восточного океана. Купец Югов с товарищами получил в 1748 году право ловить зверей на

пустых островах близ Камчатского побережья, с платежом одной трети дохода в казну.

По скотоводству сделаны были распоряжения, чтобы рогатый скот стараться сбывать за границу, а овец не выпускать, потому что их шерсть нужна для русских фабрик.

Весь китоловный и тюлений промысел отдан был на откуп Петру Ив. Шувалову, и мимо его конторы промышленники не смели добывать и продавать ворвани и тюленьего сала. Астраханские рыбные ловли (осетровые и белужьи) со вступлением на престол Елисаветы Петровны взяты были в казенное содержание, и работы производились служилыми людьми; но так как это побудило многих недовольных, лишившихся заработков, бежать за границу, за Яик и в Бухару, то в 1745 году эти промыслы по-прежнему стали отдавать в откуп, а откупщики производили работы вольнонаемными. На протяжении от Саратова до Астрахани определенные бурмистры, ларечные и целовальники собирали прибыль в казну, которой ежегодно должно было доставляться не менее пятидесяти тысяч рублей. Они же смотрели за приготовлением икры и за солением рыбы. Все рыбные промыслы на Волге состояли под ведением астраханской рыбной конторы, и под ее начальством состояли конторы в Саратове и в Гурьеве-городке на Яике. Но в 1760 году яицкому казачьему войску пожаловано было право добывать у себя и продавать по всей империи икру, не подчиняясь астраханскому откупу.

Производство хлебного зерна и торговля им принимали более широкие размеры во время урожая и стеснялись при неурожаях. Так, в 1744 году, по случаю плохого урожая во всей России, запрещен был вывоз хлеба за границу. В 1749 и 1750 годах произошли неурожай в губерниях Белогородской, Смоленской, а отчасти и Московской. Тогда предписывалось на семена и на прокормление крестьянам выдавать ссуду из казенных магазинов, а потом приказано было переписать у помещиков наличный хлеб и, по свидетельству приставленных к этому делу штаб- и обер-офицеров, выдавать нуждающимся займы без процентов. В 1761 году указано было владельцам частных имений с начальством дворцовых и синодальных

властей содержать у себя хлебные запасные магазины на случай необходимости для продовольствия крестьян.

Много выработанного хлебного зерна шло на винокурни. Казенное производство хлебного вина отдавалось на откуп с подрядов: откупщики, взявшие подряд, курили вино или на казенных, или на собственных заводах. Помещики-дворяне имели право курить у себя вино и доставлять его в казну либо оставлять у себя для домашнего обихода, платя за то в казну по три копейки с ведра простого и по шести копеек с ведра двойного вина. Казенное вино при Елисавете Петровне продавалось ведрами по 1 рублю 88 коп., а кружками – по 1р. 92 к. за ведро<sup>205</sup>. Малороссия и войско донское пользовались по старине правом свободного винокурения; в 1750 году то же право дано и яицкому войску. Малороссияне могли повсюду провозить с собою свое вино, но только для собственного обихода, а не для продажи. Варение пива и меда для своего обихода не подлежало никаким поборам. В большей части империи казенное вино отдавалось на откуп в срок 1-го ноября. Корчемство строго преследовалось и наказывалось большими штрафами; кроме того, «подлых людей» подвергали еще и телесному наказанию. Корчемные дела ведались в корчемной канцелярии, находившейся под управлением камер-коллегии, а в губернских городах, кроме губерний Остзейской, Сибирской и Киевской, устраивались корчемные конторы. В Петербурге и в Москве устраивались «герберги» или трактирные дома, где, кроме вин, можно было требовать чай, кофе, шоколад, курительный табак и комнаты с постелями. За право содержать такой «герберг» платилось в казну от пятисот до тысячи рублей в год<sup>206</sup>. С 1758 года откупщики обязаны были при каждом взносе откупной суммы давать еще пожертвования на университет. Иностранные напитки не подчинялись налогам. Туземного виноградного вина в России не было; только в Киеве была сделана проба заведения виноградников; это казалось новизной, но тогда уже позабыли, что в XVII-м столетии там были виноградники в изобилии, и Печерская Лавра угощала гостей своих собственным виноградным вином. Тутовые

деревья, с надеждой завести со временем шелководство, насаживались также в Киеве, но без большого успеха.

Табачное производство отдавалось в откуп при Елисавете Петровне на четыре года. Первым откупщиком был купец Матвеев за 428 р. 91 коп. Черкасский, т.е. малороссийский табак позволялось возить в Великороссию и Сибирь беспошлинно, но не променивать сибирским инородцам на рухлядь. Табачное производство в короткое время так поднялось, что уже в 1753 году курительный картузный табак отдан был на шесть лет на откуп за 63662 рубля. Иностранным табаком можно было торговать свободно.

О металлическом производстве есть сведения от начала царствования Елисаветы Петровны. При Анне Ивановне все заводы были отданы в частное владение, за исключением Гороблагодатских, которые были оставлены в собственность казны и сдаваемы на откуп; но в 1744 году один из казенных заводов в Уфимской провинции был отдан в подряд купцу Твердышеву, с припискою к заводу крестьянских дворов. На других заводах, сданных при Анне Ивановне с казенного содержания в частные руки, происходили нестроения, частые бунты крестьян, приписанных к заводам. Казенные оружейные заводы: сестрорецкие, чернорецкие и тульские – зависели от оружейной канцелярии, находившейся в ведении военной коллегии.

В 1745 году главный магистрат обратил внимание на возобновление серебряного черневого и финифтяного дела, которое некогда процветало, но теперь пришло в упадок. За это дело взялся содержатель Троицких медных заводов Турчанинов, и выдумал делать металлические вещи цветов голубого, малинового, пурпурового и зеленого. Стальных изделий фабрика заведена была в 1758 году, и ее основателям внушено было, чтобы их произведения были не хуже штирийских, за которые Россия переплачивала Австрии большие деньги. Церковную утварь дозволено было делать исключительно московскому купцу Кункину, а прочим золотых и серебряных дел мастерам таких вещей отнюдь не делать. Единственную фабрикою золотых изделий заведовал сначала



купец Ган, а потом приглашенный из Вены мастер Рейнгольд; заниматься золотыми и серебряными изделиями вне фабрики, по домам, запрещалось под опасением наказания плетьюми<sup>207</sup>. В 1753 году составила компания выработки листового и сусального золота и серебра. Ее основателем был некто Федотов с товарищами; основной капитал ее простирался до 30000 рублей. Этой компании дозволялось купить себе к фабрике 200 душ крестьян.

Затем, всякие фабрики можно было заводить с разрешения мануфактур-коллегии, а без такого разрешения основанная фабрика подвергалась со всеми своими инструментами конфискации. Суконное производство при Елисавете Петровне стало процветать в Воронеже. Тамошний купец Постовалов получил привилегию на заведение суконной фабрики, а потом и на заведение бумажной. Ему давалась в Воронеже казенная каменная палата, передавалась бывшая уже суконная фабрика со всеми инструментами, дозволялось купить 50 крестьянских дворов для употребления на фабричные работы, ведать своих крестьян и рабочих, кроме уголовных дел, рубить казенный лес по указанию вальдмейстеров, и в течение десяти лет привозить из-за границы материал беспошлинно. Он и его наследники освобождались от всяких податей. За это он был обязан давать ежегодно на армию сукон не менее как на 30000 рублей и вперед с прибавкой. Дана привилегия всем в России, занимающимся суконным производством: вместо следуемых с их крестьян рекрут – платить сукнами на армию, оценивая каждого рекрута во сто рублей<sup>208</sup>. Но на суконных фабриках не обходилось без важных столкновений между хозяевами и наемными рабочими. Первые жаловались, что рабочие от них убегают, последние – что хозяева их дурно содержат и притесняют. В таких недоразумениях виноватыми чаще признавались рабочие: их били плетьюми и ссылали в Рогервик; но фабриканты от этого не выигрывали, а лишившись рабочих, не скоро находили новых, и дело их останавливалось.

Полотняное производство имело свой центр в Новгороде у некоего Шаблыкина; его ученики по всей России работали для шляхетства скатерти, салфетки и другие вещи. Еще Петр

Великий приказывал делать полотна шире тех, какие делались в России, но ни он, ни его преемники, повторявшие его указы, не могли этого добиться, и принимали узкие полотна, потому что большее количество русского полотна выделялось не фабричным, а кустарным способом, и правительство крайне в нем нуждалось для армии<sup>209</sup>.

Брюссельская уроженка Тереза завела в Москве фабрику нитяных кружев; ей дозволили ввозить беспошлинно инструменты и купить в России до пятисот душ женского и до двухсот мужского пола, и, сверх того, она получала из казны заимообразно 10000 рублей без процентов.<sup>210</sup>

Производство шелковых тканей было любимым желанием императрицы. Посланные Петром Великим за границу дворяне Ивков и Водиллов с целью изучения шелководства, по возвращении в отечество, при воцарении Елисаветы Петровны, начали делать бархаты, штофы и тафты. Астраханские купцы-армяне Ширванов с товарищами получили в 1742 году привилегию на содержание в Астрахани и Кизляре фабрик шелковых и бумажных тканей с правом беспошлинно торговать по всей России своими изделиями тридцать лет, а в 1744 году мануфактур-коллегия публиковала, чтобы желающие заводили в России фабрики для выделки бархатов, штофов и других шелковых тканей, потому что такова воля государыни. Затем француз Антоний Гамбетта получил дозволение построить близ Киева за свой счет шелковичный завод с правом суда и расправы над рабочими в течение восьми лет. Купец Шемякин получил привилегию привозить из-за границы шелк-сырец и обделывать его в разные цвета, а платить за это дозволено сибирскими бобрами и мерлушками, которых вывоз за границу был до сих пор запрещен<sup>211</sup>.

При Елисавете Петровне началось в России шляпное производство. Сначала дали привилегию на устройство шляпной фабрики и на доставку шляп для армии московскому купцу Гусятникову, а потом оказано было покровительство двум другим мастерам, Черникову и Сафьянникову, и кроме этих означенных фабрикантов не дозволялось никому в России выпускать своего изделия пуховых и шерстяных шляп.

Около того же времени завелись в России фабрики для выделки красок. Первый получил право на заведение такой фабрики купец Тавлеев с компаниею. Ему дали заимообразно из казны десять тысяч на десять лет и позволили торговать без пошлины в продолжение десяти лет по всей России, а в 1757 г. заведены были красочные фабрики в Астрахани и Кизляре, с воспрещением другим лицам заниматься этой промышленностью в течение двадцати лет.

Шпалерная фабрика заведена была сначала в Москве англичанином Ботлером, а потом саксонцем Леманом, который обязался в течение семи лет обучать присылаемых ему учеников из гарнизонных школ.

Знаменитый Ломоносов в 1752 году получил привилегию на основание фабрики разноцветных стекол, бисера и стекляруса. Он основал завод в Копорском уезде; к заводу было приписано 200 душ и дано ему заимообразно 40 000 рублей на пять лет без процентов, а в 1760 году купцу Мальцову дано дозволение на основание стеклянных заводов на расстоянии двухсот верст от Москвы и не ближе Ямбургского уезда от Петербурга. Ему дозволялось купить 50 душ без земли, а его фабричные дома по всей России освобождались от постоя.

Сообразно взглядам Петра Великого, и при императрице Елисавете также признавалось необходимым для преуспевания торговли расширение образованности в купечестве. В этих видах коммерц-коллегия поручила секретарю академии наук Волчкову перевести с французского языка экстракт из лексикона о коммерции, чтобы доставить купечеству полезное чтение по своей специальности. Торговля везде привлекает в край иностранцев; и в России то же было. Иностранцы толпились в ней. Греки, как единоверцы русским, пользовались вниманием перед другими; их нежинская колония пользовалась правом самосуда и неприкосновенности их национальных обычаев. Сенат докладывал о допущении евреев торговать на ярмарках, но Елисавета Петровна дала ответ, что не желает выгод от врагов Христовых<sup>212</sup>. Такое строго православное отношение не касалось прочих восточных иноверцев. Дозволено было персидским торговцам жить временно в России для торговли,

соблюдать свои обычаи и свои религиозные обряды. В Астрахани разные восточные народы жили особыми слободами, не записываясь в купечество, и отправляли свои богослужебные обряды, будучи свободны от постоя и всяких служб: тут были и армяне, и персияне, индийцы, хивинцы, грузины. Всем иностранцам запрещалась розничная торговля в России, но купцу армянину Макарову дано было право торговать в розницу, и дворы его в Москве, Петербурге, Астрахани и Кизляре были свободны от всяких повинностей. Торговля с азиатами считалась очень выгодною, и в 1747 году основана была компания для отправки в Константинополь мягкой рухляди, железа, полотен, канатов, юфти и холста. Учредителем был купец, составивший компанию на акциях; каждая акция в 500 рублей. Главные конторы этой компании были в Москве и в Темерниковском порте (ныне Ростов-на-Дону). В 1758 году учредилась другая компания, армянина Соханова, в 400 акций, каждая в 150 рублей, а в 1760 году – третья компания, графа Воронцова, для торговли с Хивою и Бухарою, с привилегиями на тридцать лет.

Купечеству и крестьянству дозволялось торговать -первому, представляя для торговли собственный капитал не менее как от 300 до 500 рублей, а последнему – вести мелочную торговлю предметами крестьянского быта в ближайших городах. Петербургским купцам дозволялось держать собственные мореходные суда для перевозки товаров из Кронштадта в Петербург. Владеть крепостными крестьянами купечеству запрещалось, исключая фабрикантов, но, относительно права владеть холопами, которые в то время еще различались от крепостных крестьян, спрошенный об этом сенат в 1744 году отвечал, что это право, на основании старых узаконений, предоставляется не только купцам, но также посадским и мастеровым.

В первые годы царствования Елисаветы Петровны торговля стеснялась стремлением правительства уменьшить роскошь, которая непомерно развилась в одежде и домашней обстановке знатных особ при Анне Ивановне. Сообразно прежним распоряжениям Петра Великого, состоялся в 1743 году указ о

ношении платья по чинам и по классам; так, шелковой парчи платье, в четыре рубля аршин, могли носить только особы первых пяти классов; лицам же VI, VII и VIII-го классов дозволялось носить парчу только в три рубля за аршин; прочим, ниже классом – только в два рубля, а не имеющие рангов не смели носить даже бархата и класть шелковых подкладок под свои одежды; их жены и дочери подчинялись тому же правилу в своих нарядах. На русских фабриках указано уменьшить производство золотных и серебряных материй, а иностранцам и русским купцам не дозволялось ввозить на продажу тканей и сукон дороже семи рублей за аршин. За несоблюдение этого указа – конфисковать у русских купцов товары, а с покупателей брать штраф на госпиталь. Но в 1745 году дозволено было как русским, так и иностранным купцам привозить на продажу золотные материи, бахромы и позументы, – только, по привозе в Петербург, объявлять о них царскому гардеробмейстеру, для выбора из них того, что будет признано годным для двора. В 1761 году опять последовало запрещение ввоза некоторых предметов роскоши, как, например, блонд и галантерейных товаров. Но как мало достигали своей цели такие распоряжения против роскоши, показывает то, что когда потребовались для армии железные вещи, то их недоставало, а между тем предметов роскоши изготовлялось немало. Замечено было, что умножалась контрабанда такими товарами, и в Петербурге стали ходить по домам с лотереями, предлагая для выигрыша разные контрабандные вещи. Сенат запретил такие разносы, но, несмотря на все строгие меры, до конца царствования Елисаветы контрабанда находила себе лазейки.

Торговать купцы должны были в гостиных дворах. В Петербурге в 1748 году воздвигнут был каменный новый гостиный двор с погребами и внутренними галереями, с железными дверями и ставнями. В Москве гостиный каменный двор был построен в 1754 и 1755 годах, вследствие чего предварительно были сломаны деревянные лавки, шалаши и харчевни, наполнявшие во множестве торговую площадь.

Торговля в России издавна стеснялась множеством мелких внутренних пошлин, но при императрице Елисавете Петровне

настала эпоха ее освобождения. Уже тотчас по вступлении на престол Елисаветы камер-коллегия представила проект – все казенные сборы отдать на откуп или в компанию, а в 1753 году, по проекту Петра Шувалова, уничтожался ряд мелких пошлин, а именно: с найма извозчиков, со сплавных судов, с клеймения хомутов, валечные, подвижные пошлины, пошлины с лошадиных и яловичных кож, с пригонной скотины, привальные, отвалыные, с яицкой рыбы, десятый сбор с мостов и перевозов, с ледокола, с водопоя, с померных четвериков, с продажи дегтя, с мелких товаров, с жернового камня, с горшечной глины, с проезжих грамот, с объявления выписей торговых людей, вычетные у винных подрядчиков и у обывателей при выдаче денег за поставленное ими вино. Учредилась комиссия для рассмотрения пошлинных сборов, а января 23-го 1754 года вышел повторительный указ, которым уничтожались все статьи, исчисленные в указе 1753 года, и вместо них вводилась однообразная внутренняя пошлина – 13 копеек с рубля. Шувалов рассчитал, что весь доход прежних внутренних мелких пошлин составлял в итоге 903537 рублей, а с пограничных таможен привозилось и вывозилось товаров на 8 911 981 рубль, и если сумму 903 537 рублей разложить на означенный товар, то придется на рубль положить по 10 коп. с дробями, а если со всех привозных и отвозных товаров брать по 13 коп. с рубля, то сверх желаемой суммы получится еще излишек 255020 рублей<sup>213</sup>.

Вслед за тем последовало распоряжение относительно торговли с Малороссиєю и с граничными краями через Малороссию. Ту же внутреннюю пошлину – 13 коп. с рубля – велено брать с доставляемых из Малороссии товаров – рогатого скота, овец, щетины, конопляного масла, а также и с привозимых из польских областей в Малороссию пеньки, воска, сырых воловых кож и всякого зернового хлеба. Для расширения внутренней русской торговли указом 1755 года прекращен был вывоз за границу из России пеньки, вина, юфти и сала.

В том же году издан был таможенный устав, где изложены были основания торговли на новых началах и определены

доходы казны с торговли. Мы укажем на некоторые важнейшие правила этого устава. Русским дворянам предоставлялась полная свобода возить свои произведения на продажу во все русские города и за границу. Купцы-хозяева могли посылать своих приказчиков по торговым делам с доверительными письмами, засвидетельствованными в магистрате. Ездить с товарами можно было только по большим дорогам, а не по проселочным. Жалобы и доносы приказчиков и сидельцев на хозяев не принимались. Суд между купцами и их рабочими производился даже и тогда, когда между ними не было никаких записей. Иностранцам, не записанным в купечество, не дозволялось торговать между собою внутри России. Все купцы должны были продавать свои товары в лавках, а не в домах, но дозволялось хранить в своем доме, не продавая, такие товары, которые подвергались скорой порче. В случае утайки пошлин и всякого неправильного способа торговли товар подвергался конфискации, а доноситель получал половину; но если донос оказывался неправым, то доноситель подвергался штрафу в 200 рублей. Для разбора дел между купцами учреждались особые словесные суды. Для охранения торговцев от грабительств по дорогам снаряжались команды из близко расположенных полков. Купцы могли ездить за границу с аттестатами о своем добропорядочном поведении и, уезжая за границу, оставлять эти аттестаты в пограничных таможах, чтобы обратно получать их по возвращении. Их обязывали в чужих краях не переменять веры. При Елисавете Петровне числилось в России всего 28 пограничных таможен.

Важным делом для оживления торговых оборотов в России, в царствование Елисаветы, было учреждение банков -дворянского и купеческого. Еще при Анне Ивановне обратили внимание, что ростовщики берут неимоверно высокие проценты. Тогда открыли кредит в монетной конторе, откуда, при обеспечении залогами, выдавались желающим займы суммы на срок; потом, кроме монетной конторы, стали выдавать ссуды из других правительственных учреждений: из адмиралтейской коллегии, из главного комиссариата, из канцелярии главной артиллерии и фортификации. В 1753 г. правительство по

инициативе Петра Шувалова решило учредить банк для дворянства, приняв все предосторожности, чтобы выданные в ссуду деньги были надежны к возвращению, а в марте 1754 года учрежден был другой банк для купечества. Дворянский банк образовался вначале из суммы 750000 рублей, собираемых с вина, а купеческий – из капитальных сумм, находившихся в монетных дворах в количестве пятисот тысяч. Из первого могли получать ссуды только русские дворяне, владельцы недвижимых имуществ, из второго - русские купцы, торговавшие при петербургском порте<sup>214</sup>. Но купеческий банк вначале шел неудачно, хотя процент с купцов, по шести в год, был невысок; купцов стесняло то, что они должны были давать в залог товаров на четвертую долю более занимаемой суммы. В первый год от марта до августа не обращался в банк никто. Спрошенные об этом купцы объяснили, что опасаются оставлять в залоге в банках свои товары; это возбуждает сомнение у иностранных купцов насчет их кредита; притом же, даваемый им полугодовой срок слишком короток, и они не могут справиться. Они просили, чтобы вместо оставления в хранении банка залогов им дозволили представлять надежные поруки, и срок бы им давался годичный. Сенат, рассмотревши их просьбу, нашел ее основательной, и установил правила по их желанию.



## Х. Болезнь и кончина императрицы Елисаветы Петровны

Императрица Елисавета Петровна уже несколько лет страдала тяжкими болезненными припадками. Такие припадки происходили в неопределенное время, сперва были редки, потом стали учащаться. Это обстоятельство долго от всех скрывалось, и мы не знаем года, когда началась болезнь. Известно только, что она стала всем явной в 1757 году, когда весть о припадке с нею, случившемся в Царском Селе, как бы предвещала близкую кончину государыни и несомненную перемену в политике ее наследника, и побудила генерала Апраксина воротиться из похода в Пруссию к русским границам. В 1758 году был у государыни другой припадок в том же Царском Селе; впрочем, остается еще сомнительным - происходило ли это в этот или в предыдущий год. В «Записках Екатерины Второй»<sup>215</sup> указывается, что произошло это после того, как в Россию пришло известие о цорндорфском сражении, – и это заставляет нас отнести припадок болезни, о котором будет речь, к 1758 году. Как бы то ни было, имп. Екатерина рассказывает, что 8-го сентября, в день Рождества Богородицы, государыня пошла из царскосельского дворца пешком к обедне в приходскую церковь, находившуюся в нескольких шагах от ворот дворца. Только что началась обедня, императрица почувствовала себя дурно, сошла по крыльцу и, дошедши до угла церкви, упала без чувств на траву. В церкви было много народа, который сходил туда на праздники из окрестных деревень. С государыней не было никого из ее свиты. Императрица лежала без движения; толпа, окружив ее, смотрела на нее, но никто не смел к ней прикоснуться. Наконец, дали знать во дворец: явились придворные дамы, прибыли и два доктора. Ее покрыли белым платком. Она была велика ростом, тяжела, и, падая на землю, ушиблась. Хирург, тут же на траве, пустил ей кровь, но государыня не приходила в чувство. Ей пришлось пролежать таким образом около двух часов, по прошествии которых ее привели немного в чувство и унесли во

дворец. Весь двор и видевший это народ пришли в смятение и ужас, тем более, что о болезни императрицы мало кто и знал. С тех пор припадки стали повторяться чаще, и после припадков государыня в течение нескольких дней чувствовала себя больною и до такой степени слабою, что не могла внятно говорить.

Уже давно Елисавета Петровна была в раздумье относительно своего наследника, и только чрезвычайная, материнская любовь к нему останавливала ее и не допускала к решительным мерам. В исходе 1760 или в начале 1761 г. Иван Иванович Шувалов, в соумышлении с другими лицами, задумал подействовать на императрицу и убедить ее изменить распоряжение о престолонаследии. Некоторые из тех, с которыми он советовался, думали выслать из России и Петра Федоровича, и супругу его, и объявить наследником шестилетнего Павла Петровича; другие находили, что невозможно разлучать малолетнего сына с матерью, и подавали совет выслать из России одного великого князя Петра Федоровича. Иван Ив. Шувалов сообщил об этом Никите Ив. Панину, занимавшему уже должность воспитателя при великом князе Павле Петровиче. Никита Ив. Панин, выслушавши это, дал такой ответ: «Все сии проекты суть способы к междоусобной гибели; не можно ничего переменять без мятежа и бедственных средств из того, что двадцать лет всеми клятвами утверждено. Впрочем, – прибавил Панин, – если бы больной императрице представили, чтобы мать с сыном оставить, а отца выслать, то большая в том вероятность, что она на то склониться может». Но придворные скоро изменили свои намерения и, напротив, стали заискивать расположения и милости у будущего императора. Сам же он никогда и не узнал об этом намерении<sup>216</sup>.

В 1761 году здоровье Елисаветы Петровны становилось день ото дня хуже. Она почти постоянно была в постели, но заставляла читать себе доклады. Ей очень хотелось переселиться в новый Зимний дворец, который тогда отстраивался, но архитектор Растрелли для окончательной отделки его запросил большую сумму, а казна в тогдашних

обстоятельствах затруднялась выдавать ее. Во-первых, много издержек шло на продолжавшуюся войну; во-вторых, в Петербурге произошло домашнее несчастье: на Малой Неве сгорели амбары с пенькой и вином, а на реке – много судов, так что купечество понесло убытка с лишком на миллион рублей. Надобно было придумать средство помочь погоревшим; обратились к купеческому банку, но в нем не доставало столько суммы, сколько было нужно, так что сенат решил сделать добавку из других средств<sup>217</sup>.

В конце ноября Елисавете Петровне стало лучше; она начала заниматься делами, и объявляла сенату свое неудовольствие за медленность в решении дел. Но 12-го декабря с императрицею сделалась жестокая рвота с кровью и кашлем; медики заметили зловещие признаки скорой смерти. По примеру предков, которые всегда, предчувствуя близкую кончину, делали разные милости подданным, императрица 17-го декабря через Олсуфьева объявила сенату именной указ – освободить всех содержащихся во всем государстве людей по корчемству, уничтожить следствия, возвратить ссыльных и изыскать способ заменить другими средствами соляной доход, собиравшийся с великим разорением народа. 20-го декабря Елисавета Петровна чувствовала себя особенно хорошо, а 22-го числа, в 10 часов вечера, сделалась опять жестокая рвота с кровью и кашлем, и врачи прямо объявили, что здоровье государыни в крайней опасности. Выслушавши такое объявление, императрица 23-го декабря исповедовалась и причастилась Св. Тайн, а 24-го изъявила желание собороваться. Вечером, накануне праздника Рождества Христова, Елисавета Петровна приказала читать над собою отходные молитвы и сама повторяла их за духовником. Вся ночь после того и все утро следующего дня прошли в агонии. Великий князь и великая княгиня находились неотступно при постели умирающей. В приемной, перед спальнею, собрались высшие сановники и придворные. В начале четвертого часа пополудни вышел из спальни старший сенатор, кн. Никита Юрьевич Трубецкой, и объявил, что «императрица Елисавета Петровна скончалась и

государствует в Российской империи его величество император Петр III-й»<sup>218</sup>.

Обозревая царствование императрицы Елисаветы Петровны, нельзя не отметить двух важных дел этого царствования в области внутреннего управления: распространения просвещения, которому много содействовало учреждение университета и гимназий и уничтожение внутренних таможен, сильно парализовавших русскую торговлю в продолжение долгого времени. И то, и другое дело, как мы видели, устраивалось представлениями и трудами Шуваловых. Что касается до внешней политики, то вмешательство России в Семилетнюю войну ничего не принесло ей, кроме истощения, и возбуждало всеобщее неудовольствие даже в войске.

Обыкновенно ставят в заслугу Елисавете Петровне уничтожение смертной казни и некоторое смягчающее движение в законодательстве относительно употребления пыток при расследованиях; но мы не видим тут смягчения нравов и проявления человеколюбия, потому что в рассматриваемую эпоху продолжались страшные пытки – рвание ноздрей, битье кнутом, урезанье языка и тяжелые ссылки, часто даже людей совершенно невинных. Народные массы не наслаждались довольством, спокойствием и безопасностью: несомненным свидетельством этому служат разбойничьи шайки, препятствовавшие не только торговле и промыслам, но даже мирному состоянию обывателей, – а крестьянские возмущения, постоянно требовавшие укрощения воинскими командами, разразились народными волнениями в близкое этому царствованию время императрицы Екатерины Второй.

## Примечания

<sup>1</sup> - В селе Чертовицком, на пристанях: Романской, Ступинской, а также по Хопру и Дону.

<sup>2</sup> - Сам Шереметев писал государю в конце 1702 года: «Послал я во все стороны пленить и жечь, не осталось целого ничего, все разорено и сожжено, и взяли твои ратные государевы люди в полон мужеска и женска пола и робят несколько тысяч, также и работных лошадей, а скота с 20000 или больше... и чего не могли поднять покололи и порубили».

<sup>3</sup> - Слово Ниеншанц есть буквальный шведский перевод слова Новый-Острог, которым назывался русский город, бывший на этом месте или около него.

<sup>4</sup> - Его перед тем перевезли из Зонненштейна в Кёнигштейн. 28-го марта 1707 года Паткуля вывезли из Кёнигштейна и передали шведским комиссарам. Его повезли в Калишское воеводство в местечко Казимерж и отдали под суд, продолжавшийся несколько месяцев. 10-го октября Паткуль на площади близ Казимержа был колесован самым мучительным образом, потому что выбрали палачом неопытного в этом деле поляка. Несчастный с воплем молил, чтобы ему поскорее отрубили голову. Растерзанные части его были выставлены на пяти колесах по варшавской дороге.

<sup>5</sup> - Это не помешало, однако, обласкавши пленников, разослать их в Сибирь, а к графу Пипперу, который сдался добровольно и не мог быть причтен к числу военнопленных, Петр придрался за то, что, еще находясь при короле своем, он оказывал себя враждебным к России. Петр обязывал его заплатить 50000 руб. за сожженные русскими голландские корабли ошибкою вместо шведских. Пиппер дал царю вексель на требуемую сумму, но как по этому векселю не были получены деньги, то Петр держал его в тюрьме.

<sup>6</sup> - До сих пор существует под Полтавою высокий холм, называемый «шведскою могилою», куда ежегодно отправляется крестная процессия в годовщину Полтавской битвы.

<sup>7</sup> - Ингерманландская, обнимавшая вновь приобретенное Балтийское Поморье, прежние земли: Новгородскую, Псковскую, Белозерскую и верхнюю Волгу до Романова; Архангельская, заключавшая Северное Поморье, Вологду и часть нынешней Костромской губернии; Московская, обнимавшая середину государства (нынешние губернии: Московскую, Тульскую, часть Калужской, Рязанскую, Владимирскую и часть Ярославской); Смоленская, в которую входила ныншняя Смоленская и часть Калужской губернии; Киевская, обнимавшая гетманщину и большую часть нынешних губерний: Харьковской, Курской и Орловской; Азовская, куда причислялись берега Дона с его притоками в губерниях: Тульской и Рязанской, вся Воронежская, часть Харьковской, Курской, Тамбовской и Пензенской; Казанская, в которой заключалось все Поволжье от Юрьевца вплоть до Астрахани и Терека, а также восточная полоса до Яика, а на западе Пенза с прилежащими городами; наконец, Сибирская, в которую входила вся Сибирь, а также Пермь и Вятка с их городами. Первыми губернаторами были назначены в Петербургской – князь Меншиков; в Архангельской – князь Петр Алексеевич Голицын; в Московской – Тихон Никитич Стрешнев; в Смоленской – Петр Самойлович Салтыков; в Киевской – князь Дмитрий Михайлович Голицын; в Азовской – адмирал Федор Матвеевич Апраксин; в Казанской – Петр Матвеевич Апраксин; в Сибирской – князь Петр Матвеевич Гагарин.

<sup>8</sup> - Первая статья до 700 дворов и выше, вторая от 500–700, третья от 200–500, четвертая от 100–200, пятая от 50–100, шестая – менее 50.

<sup>9</sup> - Известия об опустошении разных краев являются последовательно с 1710 года из разных мест. Например, в Ярославском уезде: где было прежде крестьянских дворов 52, там осталось 16; где было 104, оставалось 51.

<sup>10</sup> - Царь определил плату доставщикам за мертвого уroda человеческого по десяти рублей, скотского – по пяти рублей, птичьего – по три рубля, а за живых: за человеческого – сто рублей, скотского – пятнадцать, птичьего – семь; ежели будет

«гораздо чудное», то обещано больше, а за утайку положен был штраф вдесятеро против обещанной платы.

<sup>11</sup> - В коллегии иностранных дел – канцлер граф Головкин; вице-президент коллегии, иначе подканцлер, – барон Шафиров. В камер-коллегии – князь Дмитрий Голицын, вице-президент – барон Нирод. В юстиц-коллегии – Андрей Артемьевич Матвеев, вице-президент – Бревер. В ревизион-коллегии – президент Андрей Яковлевич Долгорукий, носивший в то же время звание пленипотенциар-кригс-комиссара; в штатс-конторе – президент граф Мусин-Пушкин. В берг-коллегии -президент генерал-фельдцейхмейстер Брюс. В коммерц-коллегии президент Петр Толстой, вице-президент – Шмит. В воинской – президент кн. Менишков, вице-президент – генерал Вейде, в адмиралтейств-коллегии – генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин, вице-президент – вице-адмирал Крейс.

<sup>12</sup> - По этому устройству предположены были такие земские чины: ландсгевдинг – земский голова, обер-ландрихтер -высший земский судья, ландссекретарь – земский дьяк, бухгалтер – земский надзиратель сборов, ландрехтмейстер – земский казначей, ландфискал – земский фискал, ландмессер – межевщик, профос – тюремный староста, ландкомиссар – сельский комиссар, ландрихтер – земский судья, ландтшрейбер – земский подьячий, кирхшпильсфохт – приходский войт.

<sup>13</sup> - Обер-шорный мастер, лекарь, лекарское подмастерье, цейгдинер, провиантмейстер, фейерверкер, брукенмейстер, векгберейтор, фурьер, цейгшрейбер и провиантписарь.

<sup>14</sup> - К ним приданы русские судьи: Клокачев и Короваев, обер-комиссар Зыбин, советник ревизион-коллегии Наумов, ландрихтер петербургской губернской канцелярии Мануков и еще несколько секретарей, подьячих и переводчиков.

<sup>15</sup> - Маркизу Деливри, Тессе и герцогу Дантену каждому свой портрет, осыпанный бриллиантами, стоящий 40 тысяч ливров, 10 тыс. роздано было прислуге, а 15 тыс. подарено садовникам в Версале и в других королевских садах.

<sup>16</sup> - Надобно заметить, что во все продолжение многолетней Северной войны положение шведских пленников было

неотрадным. Русское правительство заботилось только о том, чтоб их держать построже, но не принимало никаких мер к поддержанию их существования в плену. По старым русским понятиям, военнопленный был рабом того, кто его пленил. Русские так и смотрели на шведских пленников. Иные пленники уходили от господ, женились на русских женщинах; господа, поймавши их, разлучали с семьями: иных за самовольный уход тащили к суду, сажали в тюрьмы, держали в кандалах, морили голодом; иных господа насильно крестили в православную веру и женили на своих крепостных. Много раз подавались царю жалобы, но все без пользы. Между тем, по сознанию самого царя, шведы были полезными людьми для России. Многие принимались за разные рукоделия и искусства: из них были кузнецы, золотых и серебряных дел мастера, сапожники, портные, токари, столяры, делатели игральных карт, живописцы, музыканты; иные завели гостиницы, а некоторые, получившие на родине образование, заводили в России школы и обучали детей своих единоземцев, – в эти школы стали отдавать и русские своих детей. Простые солдаты занимались черною работою. Шведские пленники рассеяны были по всей России, но более всего было их в Сибири, где им вообще было лучше, благодаря добродушию Гагарина. В Сибири занялись они, между прочим, рудокопством, и посланный туда по рудокопным делам капитан Татищев доносил Петру, что без этих иноземцев горнозаводские работы не могут двигаться.

<sup>17</sup> - На госпитали отдавались, сверх того, имущества духовных особ, осужденных по делам тайной канцелярии; туда же обращалась и выручка с проданного имущества осужденных раскольников.

<sup>18</sup> - В 1724 году составлена была камер-коллегией табель разным оброчным статьям, кроме подушного сбора. Самую крупную цифру из всех налогов представляли таможенные – 982722 рубля и кабачные – 973292 руб., соляной сбор (за три года дал) 662118 руб., денежные дворы – 216808 руб., с рыбных ловель – 89197, с мельниц – 73261, с приезжих возов в Москве положенногобору – 58018, с инородцев – 56969, с дворцовых волостей – 94490, с Лифляндии и Эстляндии контрибутивных и



арендных – 87 032, с письма крепостей неокладной сбор – 45438, с дел пошлин – 44940, с домовых бань разночинцев – 40293, с церковников – 40254, конских пошлин – 40841, мелких канцелярских и харчевых сборов – 30273, с пчелиных ульев – 29110, с крестьянских бань – 26609, с имений синодального ведомства – 29443, с найма извозчиков – 29926, с попов за драгунские лошади – 27523, с оброчных земель – 26263, с церковей данных – 22780, печатных пошлин от запечатывания указов – 21832, с гербовой бумаги – 17134, почтового сбора – 16261, с венечных памятей – 9409 и другие налоги. Всего таких сборов 4040090 руб. Государь, выслушав в сенате 12 августа 1724 года окладную табель всех сборов, постановил отставить следующие виды налогов: 1) с церковников и монастырских слуг (40254 руб.), 2) с пчелиных ульев и с бортей; 3) с попов за драгунские лошади; 4) с приказных людей (12546 руб.); 5) с крестьянских бань; 6) поземельный сбор (5967 руб.); 7) с мастеровых и работных людей, с лавочных сидельцев и с ходячих продавцов (5329 руб.); 8) с клеймения платья, шапок, сапогов (389 руб.), – что составляло всего 146631 руб.

<sup>19</sup> - О смерти Полуботка ( 17 дек. 1724 г.) в Малороссии сохранилось предание, что Петр, услышавши об его безнадежной болезни, сам посетил его в заключении, и Полуботок, сознавая скорую смерть свою, предрек государю и его кончину, сказавши: «Скоро Петр и Павел предстанут перед судом Божиим!»

<sup>20</sup> - За фунт золота самого высшего достоинства, 96 пробы – 243 руб., а 75 пробы – 195 рублей; за пуд серебра низшей, 70 пробы – 560 руб., а высшей, 96 пробы – 768 руб.

<sup>21</sup> - Мы сократили их в двадцать шесть, так как остальные по смыслу относятся к разным, здесь излагаемым, в числе двадцати шести.

<sup>22</sup> - Вдове и детям Искры не последовало тогда никакой милости: о нем как будто забыли. Спустя столетие, потомки Искры роптали на правительство, наградившее щедро одного только Кочубея и оставившее без внимания другую личность, одинаково с Кочубеем пострадавшую за верность царю.

<sup>23</sup> - Обломки надгробного камня, положенного на его могиле, с надписью и с изображением одноглавого орла, сохранились до сих пор в музее Михаила Гики, брата бывшего валахского господаря.

<sup>24</sup> - Так называются части города Вены.

<sup>25</sup> - Против этого известия впоследствии протестовал Даун.

<sup>26</sup> - При составлении настоящей монографии служили следующие источники: 1) Записки фельдмаршала Миниха, 1874. 2) Записки леди Рондо. Изд. 1874. 3) *Vöschings Magazin für die neue Historie und Geographie*, ч. III, IX, XVI. 4) Арх. кн. Воронцова, т. II. 5) *Времен. общ. ист. и др.* XIX. 6) *Чтения в имп. общ. ист. и др.* 1862–1867. 7) *Русск. Арх.*, изд. Бартеневым, 1865, 1866, 1868, 1874, 1878, 1883 гг. 8) *Сборн. русск. истор. общ.* т. III, V, VI, XV, XX. 9) Маркиз Шетарди, Пекарского. 1862. 10) Записки Манштейна о России 1727–1744, изд. 1875. 11) Записки Миниха, сына фельдмаршала. 1817. 12) *La cour de la Russie il y a cent ans.* 1858. 13) *Полн. Собр. Зак.* тт. VII, VIII, IX, X, XI. 14) *Отеч. Записки Свинына* 1825 года, примечания на Записки Манштейна. 15) Записки Нащокина. 1842 г. 16) Записки кн. Якова Шаховского, изд. 1810. 17) XVIII век, Бартенева, 4 т. 1868–1869. 18) *Исторические бумаги К. К. Арсеньева*, изд. Пекарским в 1872. 19) *Галема, Жизнь фельдм. Миниха*, изд. 1806. 20) *Hermanns Geschichte des Russisch. Staats.* т. IV, V. 21) Соловьева, *История России*, т. XVIII–XXI. 22) *Историч. статья Хмырова*, изд. 1873. 23) Keralio, *Histoire delaguerreres Russeset des imperiaux centre les Turcs en 1736, 1737, 1738, et 1739.* Vol. 1–2. Paris 1780. 24) Казнакова, *Описание Ладожского канала*, в *Ж. М. Путей Сообщ.* 1856. 25) *Рукописи Государствен. Архива: письма императрицы Анны Ивановны, бумаги, реляции, приказы и письма фельдмаршала Миниха.*

<sup>27</sup> - Между прочим, оставались долго у Миниха воспоминания о том, как Фенелон, по случаю какого-то богородичного праздника, говорил в церкви, что не следует Богоматери воздавать почести как божеству и посреднице между Богом и людьми: за такие слова, по замечанию Миниха, проповедник в соседнем крае, в австрийских Нидерландах, подвергся бы обвинению в ереси и посрамлению. По поводу

ранней смерти наследника французского престола, герцога Бургонского (родителя Людовика XV), Фенелон выразился, что, верно, Бог не жалуется Францию, когда отнимает у нее принца, который был бы хорошим королем.

<sup>28</sup> - Вьschings Magaz. III, 402.

<sup>29</sup> - Записки Миниха-сына, изд. 1817 г.

<sup>30</sup> - Указ 3 июня 1728 г. П. С. 3. VIII, 5278 ст.

<sup>31</sup> - Хмыров, сам будучи артиллеристом и знакомый с подробностями артиллерийского искусства, сильно порицает Минихово управление артиллерийскою частью, говорит, что Миних взялся за то, к чему не был подготовлен и, между прочим, выставляет на вид, что в царствование Петра II его артиллерийская наука служила только на устройство потешных огней, на утеху государя, еще не вышедшего из ребячества. Конечно, специалист может легко найти всякие погрешности и недостатки в управлении артиллерией Минихом, но историк не может останавливаться на этом, а должен иметь в виду конечные результаты. Такие события, как взятие Гданьска, покорение Очакова, Славутинская победа, где успех зависел в значительной степени от Миниховой артиллерии, достаточно побуждают не принимать во внимание мелкие замечания специалистов.

<sup>32</sup> - Манштейн, русск. перев. стр. 104.

<sup>33</sup> - Вьschings Magazin, III. стр. 449.

<sup>34</sup> - Одни называют ее Шуланец, другие Шубанец.

<sup>35</sup> - Gesch. des XVIII Jahrhundert. 1, 374.

<sup>36</sup> - Keralio, II, 251.

<sup>37</sup> - Полн. Собр. Зак. Рос. Имп., X, 915.

<sup>38</sup> - Записки Миниха-сына, стр. 205–207; записки Манштейна, стр. 199.

<sup>39</sup> - Там же.

<sup>40</sup> - «Для спасения наших душ у нас, по милости ее императорского величества, господин пастор Мартенс поныне находится, с которым мы по все дни по утру и вечеру с нашими немецкими служителями Божию службу отправляем и с

особливым благоговением святые свои книги читаем, святое причастие мы принимаем, сколь скоро мы оно душевно алчем и жаждем, и тако ж мы о высоком здравии ее императорского величества и их императорских высочеств Бога усердно молим. Наше состояние здоровья мое и любезной жены моей нарочито; и состоит мой утренний и вечерний хлеб в жестком сухаре, который лучше молотом разбивать, нежели разломать можно. А из наших служителей повар Бранд почти непрестанно болен. Находится при нас здесь небезыскусный лекарь, и мы ежегодно на тридцать и на сорок рублей из катеринбургской аптеки лекарства за наши деньги берем; за болезнью же оного повара наша кухня не очень исправна и только один мальчишка стряпает, а нас по все дни обедает с караульным офицером ординарно четырнадцать, а частью и шестнадцать персон с робята-ми. Наша квартира в здешнем воеводском доме посреди высокой деревянной крепости, которая в квадрате от семидесяти до восьмидесяти шагов, а для людей наших одна изба по прошению нашему от караульного офицера, а другая на наши деньги построены, а притом плохой погреб, в котором зимою, дабы питье не мерзло, непрестанно уголье горящее держать принуждены. Наш взгляд во все стороны на тридцать или сорок шагов -высокая деревянная стена крепости, на которую уже смотреть мы так привыкли, как наперед сего на изрядные палаты в Петербурге. Место в крепости болотное, да я уж способ нашел на трех сторонах, куда солнечные лучи падают, маленький огород с частыми балясами устроить. Такой же пастор и Якоб, служитель наш, которые позволение имеют пред ворота выходить, в состояние привели, в которых огородах мы в летнее время сажением и сеянием моцион себе делаем, сами столько пользы приобретаем, что мы, хотя многое за стужею в совершенный рост или зрелость не приходит, при рачительном разделении чрез весь год тем пробавляемся; ибо здесь в Пелыме, который едва в двадцати домах состоит, у обывателей (кои стрелянием соболей и оленей питаются) ни гороху, ни бобов, ни луку, ни редьки, ни же каких трав или капусты, тако ж ни фунта мяса, масла коровья, круп или муки, ни пива, ни хлеба, или что инако к домостроительству потребно

купить, достать невозможно, но офицер принужден все чрез солдат по деревням сыскивать у крестьян или из Тобольска за 700 верст отсюда не без трудности, вреда и иждивения (для того, что иное от жару или морозу портится или подмачивается) привозить. В наших огородах мы в июне или в августе небезопасны от великих ночных морозов, и потому мы, что иногда мерзнуть может, рогожами рачительно покрываем. При чем же еще и сие великое беспокойство есть, что чрез все вышереченные три месяца летний воздух заразительными мухами или так называемыми мошками, которых едва глазами видеть можно, так наполнен, что нос, глаза и уши зажимать или непрестанно отмахиваться в рукавицах быть надобно, от проглочения таких мошек дышать нельзя; которая малая ядовитая гадина рогатому скоту таким множеством в ноздри набивается, что оттого та скотина есть не может, временем умирает; так когда прохладительный ветер не веет, разгоняющий те мошки, то люди, скотина и лошади в домах быть принуждены! Сие место так болотами и лесами окружено, что летом никакая телега сухим путем проехать не может, но только водою по реке Тавде, коя в Тоболь впадает, вверх по воде, что-либо потребное перевозить судами можно, а все хождение судов состоит в одном струе, который в июле месяце с коронною солью для здешнего воеводства ежегодно приходит и при котором случае из Тобольска нечто доставить можно. В февралье месяце, в деревне, Ирбит именуемой, расстоянием отсюда около четырехсот верст, ежегодно великая ярмарка бывает, на которую купцы со всех сторон из России и притом из китайских границ, тако ж из соседних татар и калмык съезжаются, и на сей главной ирбитской ярмарке все то, что для одежды и пищи потребно, достать можно, и офицер попечение прилагает, чтоб мы, сколько наша казна дозволяет, всем потребным всегда на целый год снабжены были. Чрез всю долгую зиму жены моей такое упражнение есть, что она своими руками все то шьет, что нам белья на стол, постель и наше тело надобно, и старое вновь переделывать она трудится; мое ж упражнение состоит в том, что я по латыни учусь, в чем я к превеликому моему удовольствию столько предупредил, что я

нашего пастора латинские книги, а именно библию и церковные истории читаю, и книгу, именуемую потребного общего соединения (с которой я начало учинил и тем желание по латыни в моей уже старости учиться во мне возбудилось) почти наизусть выучил. Мой моцион зимою такой есть, чтоб огородные семена вытрясывать и чистить и сети вязать, дабы тем во время лета навозные и другие огородные гряды от птиц, кур и кошек прикрывать, яко ж мышек при мышьих пастях, кои во всех углах расставлены в нарочитом числе, да в нашей собственной каморе двух содержим, чтоб нас мыши, которых мы руками о стену до смерти бьем, купно с нашим запасом не пожрали и тако полные жены моей упражнения только между молитвенными часами чинятся, следовательно же, мой сердечный брат, поистине могу вас обнадежить, что нам ныне пятый год в нашей ссылке еще ни единого часа времени долго не казалось. Что ж до экономии и казны нашей касается, то получаем мы всемилостивейше определенные от ее императорского величества деньги для нашего содержания исправно по все месяцы наперед, и понеже оных для нас стариков на день каждому по рублю, а каждому служителю по 3 рубля на месяц да пастору 150 рублей в год особливо дается, то чаятельно думают (когда о Сибири слышат, как тамо все так дешево, что почти даром без денег здесь жить можно), что у нас от того нечто остается; но когда, напротив того, в рассуждение при-емлется, что мы нашим служителям (кои часто негодуют) для содержания их в веселости и негущении определенные им каждому на месяц на мытье и другие потребности наличными деньгами давать приказываем и притом их сами кормим и одеваем, а за одежду весьма дорого платить принуждены, и все сие нам надобно дорогою ценою с платежом за провоз и с богатым награждением за покупку из Тобольска и Ирбита сюда доставлять принуждены; для служанкина ребенка девку держим, одному работнику, который в кухню воду носит и скотину кормит, на месяц по полтора рубля, портомоям же за печенье, варенье и доенье коров по два рубля и за каждую сажень коротких дров (которых при жестокой и долговременной зиме на кухню и шесть печей зело много исходит) по 20 коп.

платим, то мы при ирбитской ежегодной крайнейше нужной покупке никак пробыть не можем, чтоб от 200 до 300 рублей в кредит не взять, еже без иждивений учиниться не может; при таких наших обстоятельствах, как с нами Бог определить изволит, мы однако ж сердечно довольны. Неприятнейшее здесь то есть, что здешние реки во все зимы так жестоко замерзают, что рыба, не имея в них никакого воздуха, множеством до смерти замерзает, которая весною при берегах до того времени лежит, пока ее вороны и галки поедят, и вода, которая и без того болотная, паки очистится, и как в сей околичности никаких родников или источников не находится, то принуждены тою водою пробавляться. Так названное здешнее пиво в горшках в обыкновенных печах черных изб солдатскими бабами варится, ибо здешние обыватели никакого пива не пьют и никакой посуды к варению не имеют, и тако одно худо, а другое еще и хуже. Но служитель наш Якоб для нас мед варит, который мы за каждым обедом три здравия, а именно ее императорского величества, обоих их императорских высочеств, и тех, кои об нас помнят, пьем, а в высокие праздники чинится оное французским вином, в которые мы и наши два рубля солдатам даем, дабы они про здоровье ее императорского величества повеселиться, а равно как и мы за тот хлеб, который ее величество нам по милости своей жалует, с удовольствием их нижайшую благодарность засвидетельствовать могли. И так я на преблагого Бога твердо уповаю, что без воли Его, моего Отца Небесного, ни влас с головы моей не погибнет, и в таком моем уповании Он меня не оставит, в чем во всем я совершенно на Него и Его праведные судьбы полагаюсь». По преданиям, собранным в Пелыме от старожилков лет пятьдесят с лишком тому назад, Миних из своего заточения занимался скотоводством, откупал окрестные луга и ставил сено своими работниками, отчасти же, приглашая тамошних обывателей на помощь: тогда в острожном дворе, где он жил с женою, происходило угощение. Миних смотрел на них и увеселялся их песнями и забавами. О жене его сохранилось предание, что хотя она дурно изъяснялась по-русски, но любила оказывать благодеяния крестьянским девушкам, выходившим замуж, и

вообще была чрезвычайно добродушна и всеми любима. Предание описывает его жилище и способ его жизни сходно с его собственными известиями, о которых было выше сказано. Двор, в котором помещался изгнанник, был обнесен высокою стеною из срубов с четырьмя башнями по углам и с пятою – над воротами. Днем ворота были отворены и обыватели могли входить туда, а Миниха тогда только и можно было видеть, когда он с женою, никогда от него не отступавшею, прогуливался по стене, имевшей в каждом фесе по 30 сажений.

<sup>41</sup> - «Сиятельнейший высокородный граф и кавалер, высочайше почитаемый господин вице-канцлер и статский министр! Ваше высокографское сиятельство, искусився сам по воле Божией, что есть печаль и прискорбие, утешение и радость, позвольте, чтоб я, покоренный поражающею Всевышнего рукою, к прославлению имени Его, шестидесятичетырехлетний старик, вашему высокографскому сиятельству, всеми от всемилостивейшей императрицы пожалованному знатнейшими награждениями, искренно и усердно поздравить и при том действительным вседушным покаянием того, в чем я противу вашего высокографского сиятельства погрешил, удостоверить случай приемлю. Бога правды, пред Страшным Судом которого мы все явимся, во свидетели призываю, что то еже к вашему высокографскому сиятельству писать чрез сие смелость восприемлю, правда есть: 1) Когда я бывшего герцога курляндского, Бирона, с приказу принцессы Анны и во исполнение того повеления, которое от нее словесно кордяному гвардии офицеру дано, арестовал, то я бы ваше сиятельство под арест взять не велел и ваше сиятельство, так как князь Черкасский и граф Остерман, при вашей порученной в кабинете должности остались беспрепятственно, ежели б в самое то время, когда я с арестованным герцогом во двор императорской принцессы пришел и пред караулом стоял, мой сын от помянутой принцессы, сошед, мне ваше высокографское сиятельство арестовать приказу не принес. О сей правде, что то арестование персоны вашего сиятельства не от меня произошло, может мой сын, когда еще в живых находится,



ежели ее императорское величество опробовать изволит, вопрошен быть, оное же никогда мною присоветовано не было. Еще такая правда есть, да поможет мне Бог и Его святое слово!

2) От того ж часу, когда ваше высокографское сиятельство помянутым образом по повелению реченной принцессы под караул взяты были, и я в ней признал, что она к вашему сиятельству немилостива была, то я, по слабости человеческой, как в свете водится, ваше сиятельство, хотя, впрочем, мне ничего противного не оказывали, не пощадил и, как пред Богом и вашим сиятельством признаться должен, никакого истинного сожаления об вас не имел, из чего и все происходило еже при арестовании и воспоследованном потом исследовании, колико я участие в том имел, что вашему сиятельству грубого и обидного приключилось. 3) Причем, однако, и сие правда есть, что другие во время исследования неисчисленные пункты проектировали было, дабы дело пространнее и тяжелее учинить, еже я препятствовал и помянутые пункты вымарал, о которой правде тогдашний рекетмейстер Феминг, через которого те пункты ко мне присланы были, мог бы вопрошен быть. 4) Соизвольте ваше высокографское сиятельство, и то за правду принять, с которою я пред Христом на Страшном Суде стоять буду, что елико я ваше сиятельство обидел, то я между наивящих моих грехов, которые когда я содеял, считаю, и об оных душевно каюсь, а напротив того, ежели б я вашему высокографскому сиятельству в моей жизни мог моею кровию служить, дабы о сем моем преступлении, некоторым образом, покаяться, то оную охотно пролил бы, и вашему сиятельству обязану усердно быть желаю. 5) А, наименьше еще, ваше высокографское сиятельство, в сей правде сомневаться изволите, что я несчастливый Ея величества нашей ныне славнейше владеющей императрицы привлеченную на себя негодность и немилость с наигорчайшими слезами оплакал и Бога молить непрестанно за всевысочайшее ее величества благополучие молить не преминул. 6) Однако и сие правда, самому всемогущему Богу известно есть, что учинено от ее величества императрицы Анны славы достойнейшей памяти при самом начале восприятия правления (ибо ее величество ныне

уже владеющую императрицу яко спасаемую суперницу к престолу признавала) мне повеление было (понеже я тогда в Санкт-Петербурге команду имел) дабы я, как к ея императорскому высочеству, так и к ея высочеству покойной герцогине мекленбургской приходящих примечал и понедельно о том ея величеству покойной императрице рапортовал. 7) Но как я к такой комиссии неспособен и сверх того положенною на меня должностью весьма отягощен был, то правда есть, что я в том таким образом поступал, что ея величество славы достойнейшая памяти императрица меня от того освободила и, сколько мне известно, майору Альбрехту поручила, при чем я Бога во свидетели призываю, что никогда ни единого слова, кое бы ея величеству нашей нынешней славы достойнейшей императрице, чем-либо малейшим предосудительным быть могло (к чему я ни малейшего случая не имел) не доносил, но паче тогда ея величество, яко великую императорскую принцессу с дражайшею девоциею почитал и всепокорнейшего респекту отнюдь не пренебрегал, как то ея величество при всех случаях сама милостиво признавать изволила. 8) Как высочайшая помянутая ея величество императрица Анна из Курляндии к восприятию престола призвана была и в Москву приехала, а мне в Петербурге, где я команду имел, комиссия поручена была каждому человеку присягать велеть, то я ни россиянина, ни же кого иного не видал и не слыхал, который бы в пользу ея величества, ныне благополучно государствующей императрицы, молвил, кроме одного покойного адмирала Сиверса, который публично сказал: корона-де ея императорскому высочеству цесаревне Елисавете принадлежит, но как о том по должности своей донести принужден был, и помянутый адмирал Сиверс, хотя год спустя, отставлен и в его деревни послан был, то, может быть, что оное в рассуждении ея императорского величества сочинилось и вышереченное мое доношение повод к тому подало. И потому, если б ея императорское величество наша великодушнейшая императрица соизволила Сиверсовым детям некоторые действительные милости щедрейше явить, то оное б к успокоению моей совести служило. 9) Ныне я с моей стороны

основанием правды полагаю, что в ея императорском величестве, как и в вашем высокографском сиятельстве, великодушные христианские души обитают, и что я Богу и ея императорскому величеству также и вашему сиятельству чистосердечно и с сущим покаянием о прощении того, в чем я ведением или неведением погрешил и по указу либо своевольно вас озлобил, с глубочайшею покорностью прошу, тако ж надеюся и Божеского долготерпения и ея императорского величества великодушного помилования и женерозного вашего сиятельства прощения ко мне, кающемся и соболезнающему грешному, за что Бог ваше сиятельство и ваш высокографский дом небесным благословением душевно и телесно с изобилием одарит. 10) В сем надеянии, адресуя к вашему высокографскому сиятельству, яко высоко поверенному ея императорского величества вице-канцлеру и статскому министру, который всемерно о высоком ея императорского величества и ея государственном интересе ревностнейше старается и паче всякой партикулярной дружбы и недружбы по имевшемуся вашему незлобию и истинности предпочитает, и потому я прошу ваше сиятельство наиприлежнейше меня вашей протекции и многомощного предстательства у ея императорского величества к знатному поспешествованию ея величества службы удостоить». Далее Миних вспоминает свои прежние услуги, налегая в особенности на построение Ладожского канала, заслужившее одобрение и самые лестные отзывы родителя императрицы, Петра Великого. Миних доказывает министру, что он может быть полезен России, как никто другой, и следовательно, в видах пользы России, следует возвратить его и даровать ему возможность заслужить благоволение императрицы.

<sup>42</sup> - При составлении настоящей монографии служили главными источниками: 1. Полное Собрание Законов Российской Империи, тома VII-XI. 2. Сборник Императорского Русского Исторического Общества, тома: III, V, VI, XV, XX (Депеши иностранных министров, находившихся при русском дворе). 3. *Vorschings Magazin fur die neue Histoire und Geographie*. Т. III, VI, IX, XVI. 4. Архив князя Воронцова. 1870,

1871 г., тома I, II. 5. Исторические бумаги К. Арсеньева, изданные Пекарским. 1872. 6. Записки Манштейна о России, изд. 1875 г. 7. Записки фельдмаршала Миниха, изд. 1874 г. 8. Записки Миниха, сына фельдмаршала, изд. 1817 г. 9. Записки Леди Рондо, супруги английского посланника, изд. 1874 г. 10. Записки Якова Шаховского, изд. 1810 г. 11. Записки Нащокина, изд. 1842 г. 12. «XVIII век», Бартенева, 4 т. изд. 1862–1869 г. 13. «Отечественные Записки», 1825 г. Примечания на Записки Манштейна. 14. Hermanns, Geschichte des Russischen Staats, том V, изд. 1853 г. 15. Соловьева «История России», тома XVIII–XXII, изд. 1868–1872. 16. «Воцарение Анны Ивановны» Корсакова, изд. 1880 г. 17. Чтения Имп. Моск. Общества Истории и Древностей, годы: 1858, тома II-й (Записки о Волынском) и III-й (Протоколы Верховн. Тайного Совета); 1862, тома I-й и IV-й (Дело Бирона и материалы, относящиеся до жизни его); 1864, том I-й (показание кн. Долгорукого и дело о Столетове и других); 1867, том III-й (рапорты Миниха). 18. «Маркиз де ля Шетарди», Пекарского, изд. 1862 г. 19. «Русская Старина», ежемесячное историческое издание 1870–1884 г. В нем помещены: в 1870 г. «Записки бриллианщика Позье» и «О повреждении нравов» кн. Щербатова; в 1872 году – 1) «Из истории Тайной канцелярии», 2) «Сказания иноземцев – герцога де Лирия и леди Рондо о России», 3) «Императрицы Анна Ивановна и Елисавета Петровна»; в 1873: «Императрица Анна Ивановна, ее придворный быт и забавы»; в 1875 г.: «Карл Леопольд герцог Мекленбургский»; в 1878: 1) Императрица Анна Ивановна и ее современники, примечания к Запискам леди Рондо»; 2) «Убийство Синклера»; в 1879: – «Замечания графа Панина на Записки Манштейна». 20. «Русский Архив», издаваемый Бартевым, годы 1866, 1867, 1871, 1878 и 1883 гг. 21. Исторические статьи Хмырова, изд. 1873 г. 22. «Царица Прасковья», М. Семецкого, изд. 1883 г. 23. Вейдемейра «Обзор главнейших происшествий с кончины Петра Великого до вступления на престол Елисаветы Петровны», изд. 1848 г. 24. Бумаги Государственного Архива, в числе которых были собственные письма Анны Ивановны к разным лицам, письма

Бирона, Миниха, Головкина, Шаховского и других современников, приказы и распоряжения.

<sup>43</sup> - Другой дом, построенный впоследствии, известен был под ее именем на Васильевском острове, и по ее смерти отдан под Академию Наук.

<sup>44</sup> - В книге Шмитта Физельдека: «Materialen zu der Russischen Geschichte seit dem Tode des Kaisers Peters des Grossen» есть известие, что она была тайно обвенчана с генералом и сенатором Иваном Ильичем Дмитриевым-Мамоновым.

<sup>45</sup> - В то время, когда была написана настоящая монография, Павловское военное училище помещалось в бывшем доме кн. Меншикова. (Прим. изд.).

<sup>46</sup> - Этот брак имел роковые последствия. Замужняя карлица, не разродившись, умерла.

<sup>47</sup> - Описывая свое скудное житье-бытье в Курляндии, племянница пишет дяде, что «с собою она ничего не привезла в Митаву, ничего не получила и стояла некоторое время в пустом мещанском дворе, того ради, что надлежало до двора, поварни, конюшни и лошади и прочее все покупать вновь. А приходу мне с данных деревень деньгами и запасами всего 12680 талеров, и с того числа в расходе по самой крайней нужде к столу в поварню, в конюшню и на жалованье на Либерию служителям и на содержание драгунской роты всего 12254 талера, а в очистке всего только 426 талеров. С таким остатком как себя платьем, бельем, кружевами и по возможности алмазами, серебром, лошадьми и прочим в новом пустом доме, не только по своей части, но и против прежних вдовствующих герцогинь курляндских весьма содержать себя не могу, также и партикулярные шляхетские жены ювелы и прочие уборы имеют неубогие, из чего мне в здешних краях не бесподозрительно есть. И хотя по милости Вашего Величества пожалованными мне в прошлом 1721 году деньгами управляла я некоторые самые нужные домовые на себя уборы, однако, имею еще на себя долгу за крест и складень бриллиантовый, за серебро и за обои камор и за нынешнее черное платье 10000 талеров,

которых мне ни на каком образе заплатить невозможно, и впредь для всегдашних нужных потреб принуждена в долг больше входить, а не имеячи платить и кредиту нигде не буду иметь. А ныне есть в Курляндии выкупные амбты, за которых из казны Вашего Величества заплочено 87 850 талеров, которые отданы в аренду от 1722 за 14612 талеров в год, имеют окупаться в шесть лет. Я всепокорно прошу Ваше Величество сотворить милость: на оплату вышеписанных долгов пожаловать вышеписанные амбты мне в диспозицию на 10 лет, в которые годы в казну вашего Величества я заплачу все выданные за них деньги погодно, а мне будет на вышеписанные мои нужды оставаться по 5875 талеров в год».

(Государственный Архив. Письма Анны Ивановны).

<sup>48</sup> - Князь Гр. Фед. Долгорукий заступился за дочь. Возникло дело, которое не окончилось, прежде чем царь Петр Алексеевич успел помереть. Кончилось оно только в 1730 году разведением Салтыковой с мужем и пострижением ее в Нижегородском девичьем монастыре.

<sup>49</sup> - Государственный Архив. Переписка Анны Ивановны.

<sup>50</sup> - «В слободе побывай и поговори о известной персоне, чтоб сколько возможно и где того каналию рекомендовал курляндца, а он уже от меня слышал и проведал бы от каналии каких происков к моему родителю, понеже ему четко можно знать от Александра и чтоб поразгласил об нем, где пристойно, что он за человек». (Государ. Арх. Дело Княгини Волконской).

<sup>51</sup> - Феофан Прокопович, митрополит новгородский, Георгий Дашков, митрополит ростовский, и Феофилакт Лопатинский, архиепископ тверской.

<sup>52</sup> - Канцлер граф Головкин, вице-канцлер и старший гофмейстер барон Остерман, гофмейстер князь Алексей Григорьевич Долгорукий, князь Василий Лукич Долгорукий, князь Димитрий Михайлович Голицын. С ними заседал, но без звания министра, сибирский губернатор князь Михайла Владимирович Долгорукий.

<sup>53</sup> - Три фельдмаршала: кн. Василий Владимирович Долгорукий, князь Михайла Михайлович Голицын и князь Иван

Юрьевич Трубецкой; трое князей Долгоруких: сенатор Иван Григорьевич, камергер Сергей Григорьевич и обер-камергер Иван Алексеевич, любимец императора Петра Второго; генералы: Иван Иванович Дмитриев-Мамонов и Лев Васильевич Измайлов.

<sup>54</sup> - Феофан Прокопович: «Сказание».

<sup>55</sup> - Корсаков, «Воцарение Анны Ивановны». Стр. 135.  
Депеша Вестфалена.

<sup>56</sup> - Корсаков, «Воцарение Анны Ивановны». Приложение 6, стр. 75–76. Депеша Вестфалена.

<sup>57</sup> - Корсаков, «Воцарение Анны Ивановны». стр. 264–265.

<sup>58</sup> - Лефорт. Депеша 13 марта, в «Сборнике Русского Исторического Общества», т. V.

<sup>59</sup> - Корсаков, «Воцарение Анны Ивановны». Приложение № 13, депеша Вестфалена, стр. 82–83.

<sup>60</sup> - По другому известию, чтение челобитной исполнить должен был кн. Трубецкой, но как он заикался, то исполнил это, вместо него, Татищев (Pierre Dolgorouki Мmoires, I, 325).

<sup>61</sup> - Tourgueneff, «La Russie et les russes», III, 278. Депеша Маньяна.

<sup>62</sup> - Корсаков, «Воцар. АН. Ив.». 273–274. – «La cour de la Russie il y a cent ans». 36.

<sup>63</sup> - Корсаков, «Воцарение Анны Ивановны», стр. 276.  
Депеша Мардефельда.

<sup>64</sup> - «La cour de la Russie il y a cent ans», 37. Депеша Маньяна.

<sup>65</sup> - Протоколы верховного тайного совета, «Чтения Моск. Общ. Ист. и Др.» 1858 г., № 3.

<sup>66</sup> - Корсаков, «Воцар. АН. Ив.», стр. 277.

<sup>67</sup> - «La cour de la Russie il a y cent ans», 39.

<sup>68</sup> - Ibidem, 40.

<sup>69</sup> - Корсаков, «Воцар. АН. Ив.», стр. 277.

<sup>70</sup> - «Записки Манштейна», 333.

<sup>71</sup> - Ibidem.

<sup>72</sup> - Соловьев ХХ, стр. 418.

<sup>73</sup> - Соловьев, т. XX, стр. 195.

<sup>74</sup> - Об этом излагается в нашем сочинении «Фельдмаршал граф Миних», так как эта колонизация предпринята была со стратегическими целями по его инициативе.

<sup>75</sup> - Вероятно, с обычною прибавкою в дву потомуж, что составляло 12000 десятин.

<sup>76</sup> - О кадетском корпусе подробнее излагается в жизнеописании фельдмаршала Миниха.

<sup>77</sup> - Священнику – 60 рублей в год, диакону – 40, причетникам по 30 и по числу четвертей хлеба, соразмерно с числом жалуемых рублей. Это выселение и отделение крещеных от некрещеных впоследствии не удержалось.

<sup>78</sup> - Соловьев «Ист. России», т. XX, стр. 307–308.

<sup>79</sup> - Соловьев, *ibidem*, 305.

<sup>80</sup> - Подробности тогдашней войны с Турцией изложены в жизнеописании Миниха.

<sup>81</sup> - Бантыш-Каменский, Словарь достоп. людей Рус. земли, ч. IV. стр. 68.

<sup>82</sup> - По одним источникам, он находился на Царицыном Лугу, близ Павловских казарм, по другим – на Садовой, где ныне пажеский корпус.

<sup>83</sup> - Вейдемейер: «Обзор», т. II, 96. – Царствование Елис. Петр., т. I, 127–128. – «Русская Беседа», 1857 г., т. I, стр. 6. – Записки Желябужского, стр. 213.

<sup>84</sup> - Вандаль: Louis XV et Elisabeth de la Russie, стр. 145.

<sup>85</sup> - Вейдемейер: «Обзор», т. II, стр. 50.

<sup>86</sup> - La Cour de la Russie il y a cent ans, стр. 85. - Вейдемейер: «Обзор» т. III, 51. – Записки Манштейна, стр. 251. – Пекарский: «Маркиз де ля Шетарди», стр. 398.

<sup>87</sup> - Позье, Записки, "Русская Старина" 1870 года, т. I, стр. 87.

<sup>88</sup> - Вандаль, Louis XV et Elisabeth de Russie, 157.

<sup>89</sup> - Записки фельдмаршала Миниха, стр. 82.

<sup>90</sup> - Chantereau. Voyage fait en Russie, 1794 г., т. II, стр. 75–76.

<sup>91</sup> - Пекарский. Маркиз де ля Шетарди, стр. 401.



- <sup>92</sup> - Helbig. Russische Gunstlinge. 221–222.
- <sup>93</sup> - Хмыров. Исторические статьи. Примечания, стр. 398.
- <sup>94</sup> - Hermann, т. V, стр. 185.
- <sup>95</sup> - Hermann, т. V, стр. 23.– Соловьев, т. XXI, стр. 200.
- <sup>96</sup> - «Петербургские Ведомости», 1742 г.
- <sup>97</sup> - Hermann, т. V, стр. 62.– Соловьев, т. XXI, стр. 273.
- <sup>98</sup> - Соловьев, т. XXI, стр. 290. – «Лопухинское дело», см. «Русская Старина», т. XII, год 1874, сент., стр. 1–42. – Hermann, т. V, стр. 66, 72.
- <sup>99</sup> - Vandal, Louis XV et Elisabeth de Russie, стр. 191–196. – Соловьев, т. XXI, стр. 334.
- <sup>100</sup> - Васильчиков. Семейство Разумовских, т. I, стр. 106.
- <sup>101</sup> - Архив Воронцова, т. IV, 69–85.
- <sup>102</sup> - Vandal: «Louis XV et Elisabeth de Russie», стр. 261–271.
- <sup>103</sup> - Исторические бумаги, собранные Арсеньевым, изданные академиком Пекарским, стр. 380–399.
- <sup>104</sup> - «La cour de la Russie il y a cent ans», 144.
- <sup>105</sup> - Vandal. Louis XV et Elisabeth de Russie, 278.
- <sup>106</sup> - «La cour de la Russie il a y cent ans», 154.
- <sup>107</sup> - Щербатов. О повреждении нравов, 102.
- <sup>108</sup> - Военная история, кн. Голицына, стр. 141.
- <sup>109</sup> - Русс. Старина, 1870 г. Приложение: Записки Болотова, т. I, стр. 481.
- <sup>110</sup> - Военная История, кн. Голицына, стр. 141.
- <sup>111</sup> - Записки Болотова, т. I, стр. 461.
- <sup>112</sup> - Hermann, т. V, стр. 142.
- <sup>113</sup> - Записки Болотова, т. I, стр. 479, 491–492.
- <sup>114</sup> - Военная История, кн. Голицына, 145.
- <sup>115</sup> - Записки Болотова, т. I, стр. 602.
- <sup>116</sup> - Raumer. «König Friedrich II und seine Zeit», стр. 398, 399. – Hermann, т. V, стр. 133.
- <sup>117</sup> - Пекарский. Военный Сборник 1858 г. Статья – «Поход русских в Пруссию», стр. 289–350 – защищает Бестужева очень основательно: если б канцлер сделал это, угождая наследнику

престола, то Петр III, тотчас по вступлении своем на престол, наградил бы Бестужева; а Петр в течение полугода не подумал даже облегчить заточения, в котором он находился.

<sup>118</sup> - Депеша Эстергази у Шефера: *Geschichte des Siebenj hrigen Krieges*, т. II, стр. 545.

<sup>119</sup> - Hermann, V, 139. – Васильчиков. «Семейство Разумовских», т. I, стр. 178–179.

<sup>120</sup> - Записки имп. Екатерины II, русский перевод, стр. 227. – Вейдемейера. «История Елисаветы», т. II, стр. 17.

<sup>121</sup> - Stuhr, «Forschungen  ber Hauptpunkte des Siebenj hrigen Krieges», стр. 303–304.

<sup>122</sup> - В приговоре, вероятно, сочиненном Волковым, глухо и неясно говорится: «между взятыми его письмами найдены проекты, писанные собственною его рукою и содержащие в себе такие дальновидные замыслы, которыми он явно показывает свое недоброжелательство к нашей особе и к нашему здоровью, но о том и о других его тайных преступлениях и найденных вредительных замыслах пространно изображать было бы излишне». Мы не понимаем, о чем, собственно, здесь говорится.

<sup>123</sup> - Записки имп. Екатерины II, русск, перевод, 243–249.-*La Cour de la Russie il y a cent ans*, 176.-Соловьев, История России, т. XXIV, стр. 187–200.

<sup>124</sup> - Сборник Русск. Истор. Общ., т. VII, стр. 74.

<sup>125</sup> - Записки имп. Екатерины II, 250.

<sup>126</sup> - Сборник Историч. Общ., т. VII, стр. 74.

<sup>127</sup> - Stuhr, «Forschungen», т. II, стр. 153–157.

<sup>128</sup> - Hermann, т. V, стр. 151.

<sup>129</sup> - Соловьев, т. XXIV, стр. 230–232-Hermann, т. V, стр. 153–154.

<sup>130</sup> - Архив Воронцова, т. IV, стр. 113–124.

<sup>131</sup> - Записки Болотова, т. I, стр. 783–790.-Соловьев, т. XXIV, стр. 206–221. – Записки Болотова, т. I, стр. 871–872.

<sup>132</sup> - Соловьев, т. XXIV, стр. 264. – Hermann, т. V, стр. 163–164. – Записки Болотова, т. I, стр. 911–923. – Sch ffer. *Geschichte des Siebenj hrigen Krieges*, т. I, 309–314.

- 133 - Stuhr. «Forschungen», т. II, стр. 258.
- 134 - Ibidem, 274.
- 135 - Raumer, «König Friedrich II und seine Zeit», 462.
- 136 - Schüffer. Gesch. des Siebenjhdhr. Krieges, III, 27.
- 137 - «С.-Петербургские Ведомости» 1760 года.
- 138 - Schüffer. «Gesch. des Siebenjhdhr. Krieges», III, 80–86.
- 139 - Деша Кейта в «La cour de la Russie il y a cent ans», 1-го января 1760 г., стр. 163. – Raumer, «Friedrich und seine Zeit», 469.
- 140 - Vandal. Louis XV et Elisabeth de Russie, 336.
- 141 - Ibidem, 335.
- 142 - Vandal. Louis XV et Elisabeth de Russie, 362.
- 143 - Соловьев, т. XXIV, стр. 333–340.
- 144 - Vandal, «Louis XV et Elisabeth de Russie», 380.
- 145 - Vandal, 392–393. – Соловьев, т. XXIV, 371–374.
- 146 - Vandal. 394–401.
- 147 - Vandal. 402. – Записки Болотова, II, 97–98.
- 148 - Raumer, «Friedrich II und seine Zeit», 468–469.
- 149 - Болотов. Записки, II, 99–101.
- 150 - Записки Болотова, II, 122.
- 151 - «Петербургские Ведомости» 1761 г., декабря 25-го дня.
- 152 - Указ 12-го декабря 1741 г.
- 153 - Указ 6-го августа 1746 г.
- 154 - Дубровин, «Пугачев и его сообщники», т. I, стр. 251.
- 155 - Дубровин, *ibid.*, т. I, стр. 270. – Соловьев, т. XXIV, стр. 110.
- 156 - Указы 1742, 1743 и 1745 годов.
- 157 - Указ 29-го дек. 1751 г.
- 158 - Указ 17-го янв. 1760 г.
- 159 - Соловьев, т. XXI, стр. 313–314.
- 160 - Указ 9-го марта 1748 г.
- 161 - «Соловьев, т. XXIII, стр. 21–22.
- 162 - Ibidem, 18–20.
- 163 - Ibidem, 213.

- 164 - Соловьев, XXIV, 361.
- 165 - Указ 7-го марта 1742 г.
- 166 - Указ окт. 15-го 1742 года и февр. 13-го 1745 г.
- 167 - Hermann, V, 23–24, Anmerkungen 11.
- 168 - Hermann, V, 188.
- 169 - «Русская старина», 1875 г., март, т. XII, стр. 534–537.
- 170 - Эти дела пересчитаны в книге Васильчикова:  
«Семейство Разумовских», т. I, стр. 107.
- 171 - «Русская Старина», 1875 г. март, XII, 523, статья:  
«Тайная канцелярия в царствование Елисаветы Петровны».  
Также «Русск. Старина», 1873, VIII, 58–59.
- 172 - «Русская Старина», 1875 г., XII, 524.
- 173 - Соловьев, XXIII, стр. 208–211.
- 174 - Указ 7-го марта 1755 г.
- 175 - Ук. 19-го февр. 1743 г.
- 176 - Ук. 25-го янв. 1744 г.; 27-го декабря 1752; 20-го дек.  
1759 г.
- 177 - Ук. 17-го дек. 1745 г. и 31-го авг. 1746 г.
- 178 - Ук. 18-го апр. 1752 г.
- 179 - Ук. 1757 г., янв. 29.
- 180 - 1745 г., марта 16.
- 181 - Соловьев, XXIII, 202.
- 182 - Соловьев, XXII. 235–239.
- 183 - Ibid. XXIII. 134–135.
- 184 - Указ 1741 г. 31-го дек. и 1742 г. 25-го ноября.
- 185 - Указ 1741 г. 31-го дек. и 1742 г. 8-го января.
- 186 - Указ июля 7-го 1757 г. и дек. 7-го 1760 года.
- 187 - Указ 1757 г. дек. 23-го.
- 188 - Указ 10 янв. 1758, 15-го июня 1760 и ноября 6-го того  
же года.
- 189 - Указ 1743 года, сент. 28-го.
- 190 - Соловьев, XXII, стр. 28–29.
- 191 - Указ 1-го июля 1746 г.

- 192 - Указ 23-го авг. 1742 г.
- 193 - Указ 27-го февр. 1752 г.
- 194 - См. Павла Любопытного. Историч. Моногр. Костомарова, т. XII, 390.
- 195 - Соловьев, т. XXI, 316–318.
- 196 - Указ 1756 г. дек. 9.
- 197 - Н. И. Костомаров не успел написать жизнеописания Ломоносова. – Изд.
- 198 - Указ 7 мая 1757 года.
- 199 - Указы 1754 г. марта 14-го и 1756 г. марта 11-го.
- 200 - Указ 1758 г. марта 16.
- 201 - Указ 1756 г. августа 30.
- 202 - Указ 1748 г. марта 31.
- 203 - Указ 1749 г. апреля 9.
- 204 - Указы 1750 г., дек. 21 и 1759, окт. 25.
- 205 - Указ 1755 г., февр. 15.
- 206 - Указ 1751 г., сент. 17.
- 207 - Указ 1751 г., сент. 20.
- 208 - Указы 1743 г. февр. 3, и 1759 г. апр. 20.
- 209 - Соловьев, История России, т. XXII, стр. 36, и т. XXIII, стр. 139.
- 210 - Указ 1757 года, авг. 25.
- 211 - Соловьев, XXII, 36. – Указ 1760 г., янв. 20.
- 212 - Указы 1742 г., 3 нояб., и 1743 г., дек. 16.
- 213 - Указ янв. 23, 1754 г. – Соловьев, Ист. России XXIII, стр. 220.
- 214 - Соловьев, Ист. России, XXIII, стр. 246.
- 215 - Русский перевод, стр. 215.
- 216 - Письмо Екатерины, напеч. в «Русском Архиве», 1863 г.
- 217 - Соловьев, Ист. России, XXIV, стр. 416.
- 218 - Соловьев, Ист. России, т. XXIV, стр. 418.